

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство

К В А Д Р И Г А

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Национальная академия наук Украины

Институт истории Украины

МОСКВА
Квадрига
2009

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. Л. Вилкул

ЛЮДИ И КНЯЗЬ
в древнерусских летописях
середины XI—XIII вв.

МОСКВА
Квадрига
2009

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос)
В44

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории Украины
Национальной академии наук Украины*

Вилкул Т. Л.

В44 Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. /
Татьяна Вилкул. – М.: Квадрига, 2009. – 408 с.

ISBN 978-5-91791-018-5

Работа посвящена взаимоотношениям народа и правителя в Древней Руси, и, в частности, такому феномену, как древнерусское вече. Взаимоотношения «людей» и князя автор рассматривает через призму нарративного конструирования источников. В монографии проанализирован обширный источниковедческий материал, включающий летописные своды в сравнении с хрониками, избранными книгами Святого Письма и агиографическими текстами. Исследуются особенности «социальной» терминологии летописей XI–XIII вв., нарративные модели, сделана попытка очертить социальный состав и компетенцию веча и систематизировать данные о представлениях летописцев о взаимоотношениях народа и правителя.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос)

ISBN 978-5-91791-018-5

© Вилкул Т. Л., 2009
© Издательство «Квадрига», оформление, 2009
© Никулин А. Ю., дизайн переплета, 2009

Введение

История, рекше образница
(Славянский перевод Хроники
Георгия Амартола, 165.12)

Отношения народа и правителя, то есть «людей» и князя, в древнерусских землях X–XIII вв. обычно вписываются в куда более жестко заданную схему: «Вече (или: Вече и князь) в Древней Руси». Собственно, первоначально я тему своего исследования именно так и формулировала. Позднее, по многим соображениям – неустойчивости терминологии, высокой степени манипулирования известиями о выступлениях горожан в нарративных источниках и, в конечном итоге, невозможности ответить на некоторые принципиальные вопросы о вече, от жесткой формулировки пришлось отказаться. Как представляется, строгое ограничение тематикой «вѣча» приведет только к тому, что исследование будет проводиться по наперед заданным схемам, либо оно просто зайдет в тупик. Возможности «позитивного исследования» этого явления были, в общем, исчерпаны уже в XIX в., и большинство последующих подходов к теме – это, по сути дела, попытки в который раз объяснить уже известные факты и устранить неустраняемые противоречия¹. На одном и том же материале историки выстраивают не только разные, но и диаметрально противоположные концепции. Между тем не изучена основа, на которой строятся эти концепции, не изучены принципы изображения отношений «людей» и князя в источниках и, прежде всего, в летописном нарративе. Об этих принципах и пойдет речь в настоящей книге.

При исследовании отношений народа и правителя историку приходится ограничиться нарративными (повествовательными) источниками². Ограничение это вынужденное: не существует росписей участников вече (как для позднейших Земских соборов Московской Руси), очень мало ак-

¹ Наиболее удачные работы XX и начала XXI в. выходили за рамки традиционных проблем и вопросов. Так, книга А. Е. Преснякова – о князем праве, и «люди» и вече в ней рассматриваются попутно. В работе Йонаса Гранберга – впервые после работ 60–80-х гг. XIX в. – привлечение богатого сравнительного материала. См.: *Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909; Granberg J. Veche in the Chroniclers of Medieval Rus'. A Study of Functions and Terminology. Göteborg, 2004* (сокращенный русский перевод работы: *Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: функции и терминология // ДГ 2004. М., 2006. С. 3–163*).

² Имеется в виду нарратив=повествование в самом общем значении, без строгого выделения повествовательного плана, авторских ремарок и т. п. (см., например: *Петрухин П. В. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // Russian Linguistics. 2004. 28. S. 73*), поскольку в средневековых нарративах авторские ремарки иногда вводились в виде тех или иных сюжетных ходов и, в любом случае, являются неотъемлемой частью повествования.

товых документов, связанных с деятельностью «людей», и дошли они в основном из Новгорода, южнорусских практически нет. Нарративные источники, а для древнерусского времени – это преимущественно летописи, не отражают события в обычном понимании этого термина. В нарративах действительность сконструирована, и для того, чтобы представлять себе, чем вече являлось, необходимо выяснить, как оно изображалось. Одного этого недостаточно (о чем еще придется говорить), но все же это условие обязательное. Чтобы знать принципы изображения / конструирования образов «людей» и князя летописцами, необходимо исследовать функционирование «социальной» терминологии в источниках, приемы нарративизации и нарративные модели, установки и представления книжников. Обо всем этом будет сказано в своем месте, каждому из названных вопросов посвящена отдельная глава. Однако, поскольку конструирование образов «людей» и князя древнерусскими книжниками и то, что за этим стоит, практически не было предметом научного исследования, порой приходится возвращаться к рассмотрению традиционных взглядов. Один из таких особых случаев – историография.

«Институции» и «мятежи»: происхождение идей. Если заняться исключительно тем, что уже написано историками о вече, этим материалом можно было бы исчерпать весь объем книги. Вече всегда выступало в качестве элемента, необходимого для реконструкции целостных систем – древнерусского общества, государства, общины, права. Даже решение многих, казалось бы, частных вопросов зачастую зависело от общих взглядов ученых на развитие общества. Соответственно, тема вече разрабатывалась или хотя бы упоминалась почти во всех работах, посвященных Древней Руси, и, как следствие, ее почти невозможно представить в полном объеме. Здесь придется ограничиться сравнительно кратким обзором.

Вообще говоря, вече – достаточно странный предмет исследования. За исключением, пожалуй, периода реформ 60–70-х гг. XIX в. и связанного с ними интереса к истории народного самоуправления³, само по себе оно интересовало историков сравнительно мало. Но вече всегда выполняло достаточно важную роль при создании исторических и историософских конструктов. В изучении его можно выделить несколько периодов. Первый период – XVIII – начало XIX в.⁴ История изображается как деяния правителей, и вече не под-

³ По мнению М. Б. Свердлова, в этот период изучение проблем истории вече воплощало и подменяло собой изучение общественно-политического устройства Древней Руси. *Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв.* СПб., 1996. С. 113–135. Правда, такой подход задан еще концепциями славянофилов, ср. базовые формулировки: «самодержавие» («государственность») и «народ» («народность»); «вече и князь».

⁴ В российской историографии этого периода господствуют формы и концепции, присущие западноевропейской исторической науке XVII–XVIII вв. Характеристику последних см., например: *White H. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth Century Europe.* Baltimore and London, 1973. P. 49–62; *Grafton A. The Footnote. A Curious History.* Cambridge, Massachusetts, 1998. P. 148–223.

лежит специальному рассмотрению⁵, разве что народ рассматривают как препятствие деятельности «государей»⁶. 20-ми гг. XIX в. можно датировать начало второго периода: возникают направления историографии Нового времени, формируется понятие историзма. Отныне бытие человечества должны изучать исторически, а не путем выведения абстрактных причин и законов человеческой жизни⁷. Целью истории становится исследование сверхиндивидуальных механизмов, больших общностей: социальных, политических систем, экономики, народа, классов. В российской историографии такими сверхиндивидуальными механизмами стали род и община. Процесс отчасти совпал по времени с поисками национальной самоидентификации в России 30–40-х гг. XIX в., ярким проявлением чего стала полемика западников и славянофилов. С одной стороны, под влиянием иностранной, и в частности немецкой, литературы формируются представления об исконном демократизме славян и неупорядоченности, неорганизованности общественного устройства как основной черте демократического «начала». Здесь лежат корни как расового противопоставления германских и славянских народов, так и представлений о государственном устройстве, функционировании коллективных органов власти⁸. Вече считается продуктом разложения «рода» (предельно упрощая: распадение иерархизированных родов создало возможность «уравнения граждан»; появился слой свободных людей с равными правами, которые и принимали участие в вечевых собраниях)⁹. С другой стороны, в противовес немецкой школе права славянофилы разрабатывают теорию общины как основного общественного элемента российской истории. Вече в таком представлении является проявлением деятельности общины-«земли». В основном под этим понимали участие всех жителей той или иной местности в общественных делах, в классическом определении Н. И. Костомарова: «Земля была община, имевшая средоточие в городе». Хотя в некоторых случаях допускалось участие общины в управлении и через своих представителей – например, при совместных совещаниях жителей

⁵ См. сравнительную оценку демократии, аристократии и монархии, сделанную по аристотелевской схеме: *Татищев В. Н.* История Российская в 7 тт. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 361; Т. 2. М.; Л., 1963. С. 161–164, 176; Т. 3. М.; Л., 1964. С. 19, 49, 60 и др.

⁶ См., например: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. СПб., 1818. Т. 1.

⁷ *Olabari I.* «New» History: a Long Duree Structure // *History and Theory*. 1995. Vol. 34. № 1. P. 2–3.

⁸ См.: *Zernack K.* Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Wiesbaden, 1967. S. 4–6. Это теоретическое и, скорее, даже историсофское противопоставление лишь частично отталкивалось от источников: у славян, в отличие от германцев, нет отчетливых свидетельств об участии народа в суде, о регулярных (ежегодных) собраниях, германские «тинги» («динги») более институционализированы и т. п.

⁹ О вече как о продукте разложения рода писал, в частности, С. М. Соловьев: *Соловьев С. М.* Об отношении Новгорода к великим князьям. М., 1846; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 1. СПб., 1851; Т. 2. СПб., 1852.

главного города и пригородов¹⁰. Фактически все последующие дореволюционные исследования веча развивали эти базовые положения или, наоборот, отталкивались от них¹¹.

Если продолжить наши попытки периодизации истории изучения веча, следующий период, который можно выделить, – вторая половина 60-х – 80-е гг. XIX в. Реформы правительства вызвали всплеск заинтересованности темами народного самоуправления, «земщины», правовыми проблемами. Классический вид в это время приобретает общинная теория веча. В работах поздних московских славянофилов, в частности И. Д. Беляева, вече предстает как собрание большой общины или союза общин; князя определяют как «земского чиновника». Компетенция веча чрезвычайно широка: изгнание и призвание князей, решение вопросов войны и мира, суд, законодательство, распределение податей и повинностей, избрание представителей администрации: сотских, старост, судей, а также епископов¹². Собственно, все славянофилы отстаивали широкий набор функций веча, тогда как представители иных направлений в основном писали об узком наборе функций: о призвании-изгнании князя и о разрешении собирать в поход так называемое городское ополчение, или «воев». Но славянофильство в это время – уже не магистральное направление в историографии. Ее развитие, равно как и упомянутые процессы в общественной жизни, привело к тому, что ученые стали искать в вече признаки общественного института. Главными вопросами стали: объем функций, законность вмешательства в политические дела, регламентация участия народа в управлении. Тенденция институционализировать вече ярко проявилась в трудах юридической школы – В. И. Сергеевича, М. Ф. Владимирского-Буданова и др. Историки-юристы ввели формализованную схему исследования: определение правовых основ деятельности, места и процедуры, регулярности собраний, компетенции веча. В. И. Сергеевич попытался найти принципы функционирования древнерусской системы власти (князь и вече), не присоединяясь ни к «школе родового быта», ни

¹⁰ Например, при участии жителей Пскова и Ладогои в новгородских собраниях. См. работы Н. И. Костомарова: *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (Новгород, Псков, Вятка). [Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Т. 1.] СПб., 1863. С. 170–419; *Костомаров Н. И.* Черты народной южнорусской истории. [Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Т. 1.] СПб., 1863. С. 3–168; *Костомаров Н. И.* Начало единодержавия в Древней Руси. [Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Т. 12.] СПб., 1872. С. 3, 21 и др.

¹¹ Обобщения, касающиеся теории «немецкого» и «русского» права, см.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. К.; СПб., 1888. С. 6–7. Одна из последних работ, посвященных взглядам ученых на общественное развитие Древней Руси: *Свердлов М. Б.* Общественный строй. С. 82–117.

¹² *Беляев И. Д.* Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 1906. (Работа написана в 1866–1867 гг.) См. также: *Забелин И. Е.* История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Ч. 1. С. 348–349.

к «школе общинного быта»¹³. Исследователь поставил вече в один ряд с древнегреческими и германскими собраниями и попытался увидеть общие черты в функционировании «народной» власти. Он считал, что вече сформировалось в первобытном обществе и действовало на Руси вплоть до XV в.¹⁴ Основой его существования была слабость княжеской власти – не слабость отдельных неудачливых князей или «размножившегося княжеского племени» периода удельной Руси, а именно ограниченность княжеской власти как таковой, неразвитость аппарата управления¹⁵. Согласно Сергеевичу, никто не был обязан приходить на вече, поэтому созыв собраний отличался беспорядочностью, несколько собраний могли проводиться параллельно, не было понятия о необходимом минимуме участников, конфликты между князем и городом, городом и пригородами решались с помощью силы, не выделилась определенная сфера компетенции веча. То есть ответы на «юридические» вопросы оказались строго отрицательными (что, вообще говоря, необычно для историка-юриста). Противоположную по духу попытку систематизации сведений о вече с точки зрения правовых основ его деятельности видим у М. Ф. Владимирского-Буданова¹⁶. Ученый выделил этапы эволюции института: общие сходки племени; собрания лучших людей земли (бояр и старцев) в ее старейшем городе; и затем превращение веча в самостоятельную форму власти, сходку простых «граждан» старшего города, отдельно от князя и бояр¹⁷. Владимирский-Буданов разделил веча на «экстраординарные» (имея в виду восстания) и «нормальные» и попытался определить порядок созыва, состав участников и компетенцию последних. Ученый во всем усматривал четкие разграничения, несмотря на достаточно сложную и запутанную картину в источниках¹⁸. В этот же период Д. Я. Самоквасов писал о неустойчивости социальной терминологии и невозможности точного опреде-

¹³ Сергеевич В. И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867. Сергеевич полемизировал с идеей славянофилов о князе как чиновнике общины, но признавал расширенный по сравнению с тем, что обычно предлагалось исследователями не-славянофилами, набор функций веча: им назывались призывание-изгнание князя, ряд с князем, решение вопросов войны и мира и важнейшие судебные и административные дела (Там же. С. 66–82). За это отступление от известных теорий его, в основном, и критиковали. Рецензии: Градовский А. Государственный строй древней России. Исторические очерки В. И. Сергеевича // Сборник статей по русской истории. М., 1869. 20. С. 101–110; Самоквасов Д. Я. Заметки по истории русского государственного устройства и управления. СПб., 1870. С. 5 и др. Позднее Сергеевич кардинально переработал свой ранний труд: Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2: Вече и князь. Советники князя. СПб., 1908.

¹⁴ Сергеевич В. И. Вече и князь. С. 7.

¹⁵ «У князя не было ни полиции, ни войска в теперешнем смысле слова», и он просто был вынужден искать опоры в согласии вооруженного народа (Там же. С. 20).

¹⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории. С. 56–68.

¹⁷ Там же. С. 57–58.

¹⁸ С этими однозначными решениями полемизировал Сергеевич, который, в частности, отмечал, что часто «экстраординарные» выступления невозможно отграничить от «нормальных».

ления деятельности веча, полемизируя даже со вполне умеренными положениями Сергеевича¹⁹; В. О. Ключевский предложил иную периодизацию истории Руси и попытался связать изменение роли веча с экономическими процессами²⁰; И. А. Линниченко и другими историками разрабатывались частные вопросы, с успехом потом использованные в трудах позднейших исследователей²¹. В целом, это был, наверное, наиболее плодотворный период изучения темы веча.

Далее, в 90-е гг. XIX в. – 10-е гг. XX вв., споры по поводу природы веча утихают и в то же время наблюдаются попытки синтеза разных теорий, выливавшиеся, правда, чаще всего в их простую компиляцию. Пример компилятивного подхода находим, например, в трудах М. С. Грушевского: в соответствии со своей главной идеей «Украины-Руси», ученый отверг теорию норманнизма и постулировал возникновение государства в результате автохтонных процессов, и в частности, хазарской угрозы, однако схему эволюции при этом позаимствовал у норманиста В. О. Ключевского²². Для вечевого проблематики наиболее продуктивны идеи А. Е. Преснякова, хотя вследствие специфического развития отечественной науки они мало повлияли на последующие поколения исследователей²³. Пресняков предложил путь преодоления традиционного для российской исторической науки дихотомического деления древнерусского общества на два элемента или «начала» – общинное или «земское» и дружинное или государственное. В книге «Княжое право в Древней Руси» (1909 г.) Пресняков очертил процесс влияния княжеской организационной деятельности на общество. По Преснякову, князья не

¹⁹ Самоквасов Д. Я. Заметки по истории.

²⁰ В своей книге «Боярская дума» и позднейших работах В. О. Ключевский отстаивал идею обусловленности развития веча экономическими факторами развития социума, в соответствии со своей «торговой» теорией развития городов и гипотезой о существовании двух общественных «классов» – торгового и военного. *Ключевский В. О.* Боярская дума. М., 1883. С. 36–51 и др. Сохраняя традиционную для российской исторической науки позднюю дату образования государства (XII–XV вв.), он постулировал также возникновение «городовой» Руси IX–X вв. и соответственно очертил эволюцию веча: ранний союз норманнской военной и русской торговой аристократии; «унижение торговой аристократии», которая возглавила собрания простых людей, и, наконец, угасание веча из-за перехода экономического влияния от горожан к боярам и оседания бояр на землю.

²¹ И. А. Линниченко, например, отметил некорректность подхода, когда сравниваются новгородские и киевские собрания разных эпох (новгородское институционализированное вече XIII–XV вв. и киевское раннего периода), что приводило к определению устройства Киевской земли как монархии. *Линниченко И. А.* Вече в Киевской области. К., 1881. С. 3–4, 55.

²² *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава Мудрого до конца XIV ст. К., 1891 (репр.: *Грушевський М. С.* Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV ст. К., 1991). С. 289–311; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. II: XI–XIII віки. Львів, 1898 (К., 1992). С. 49–51, 289–295. См. также: *Довнар-Запольский М. Ф.* Политический строй Древней Руси. Вече и князь. М., 1906. С. 6–31; *Рождков Н. А.* Обзор русской истории с социологической точки зрения. СПб., 1903. Ч. 1; *Кизеветтер А. А.* Местное самоуправление в России. IX–XIX ст. Пг., 1917. С. 11–14 и др.

²³ Всплеск интереса к концепциям А. Е. Преснякова наблюдается со второй половины 80–90-х гг. XX в.

нашли на Руси готового уклада городских областей и народного войска, напротив, сам этот уклад сложился благодаря организационным усилиям князей и их дружины²⁴. Эта мысль была поистине революционной, ведь «земля» и вооруженный народ-«вои» – основные понятия в исследованиях о вече того времени. Ученый попытался проследить трансформацию княжеской дружины: процесс «обмена» элементов дружины с «земским» сообществом был постепенным, дружина превращалась из явления частного княжеского быта в явление политическое, из нее выделялись бояре и княжеская администрация²⁵. Историк отмечал двойственность положения бояр и князя, явившуюся результатом трансформации дружины²⁶ и обусловившую двойственность сообщений о вече, поскольку бояре имели и государственные, и «земские» интересы. Пресняков утверждал, что именно вмешательство бояр придавало вечевым выступлениям силу и организованность²⁷.

Революция 1917 г. и последующие события привели сначала к смещению акцентов в изучении веча, а затем и к полной смене исторических концепций. Если дореволюционная историография во главу угла ставила проблему институциональности, природы «земства», законности вмешательства народа в политическую жизнь и точного определения его компетенции, то постреволюционную интересовали прежде всего социальные возмущения. На ранних этапах доказательство наличия классовой борьбы и «революционной активности» выступало в работах историков в качестве самоцели. Позднее, после определения характера общества в Древней Руси, нареченного феодальным²⁸, была поставлена проблема основных общественных сил в этом классовом обществе. Понятие об участии «всей земли» и «всего народа» в собраниях стало неприемлемым, и, соответственно, главным вопросом стал вопрос о социальном составе участников веча. В ранней советской историографии преобладало мнение об участии в вече «социальных низов»²⁹, далее, на-

²⁴ А. Е. Пресняков обратил, например, внимание на первоначальный княжеский характер разделения на сотни и, соответственно, писал о государственной, а не общинной основе зависимости пригородов от главного города. *Пресняков А. Е.* Княжеское право. С. 192, 201–202. В настоящее время наблюдения Преснякова в этом направлении развивают В. А. Кучкин и А. А. Горский. *Кучкин В. А.* Десятские средневековой Руси // *Средневековая Русь*. М., 2004. Вып. 4. С. 171–251; *Горский А. А.* Русь от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 78–114.

²⁵ *Пресняков А. Е.* Княжеское право. С. 232–233.

²⁶ Там же. С. 248.

²⁷ Там же. С. 62–63, 152, 200, 201–202, 249, 252.

²⁸ Каким бы ни было это определение – научным или навязанным идеологически, – оно стало состоявшимся фактом к 1940-м гг. О полемике 1930–1940-х гг. см.: *Свердлов М. Б.* Общественный строй. С. 210–225. С. В. Бахрушин, Н. Л. Рубинштейн, С. В. Юшков и др. различали дофеодальный (киевский) и феодальный (удельный) периоды, Б. Д. Греков – период сильного единого феодального государства и феодальной раздробленности. Концепция последнего стала доминирующей.

²⁹ Начало лежит в марксистской историографии. См., например: *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры. М., 1915. Ч. 1. (2-е изд.: М., 1921. Особ. с. 245–247). Модернизируя теорию Ключевского, Покровский писал о революциях в Древней Руси между периодами господства «аристократии» и «капиталистов». См. также предисловие

чаяния с 1950-х гг., стали развивать мысль о главенствующей «верхушке»³⁰. Естественно, теории не строились с чистого листа, многие дореволюционные идеи в трансформированном виде продолжали функционировать или создавали сложный фон для построений исследователей, утратив уже свои корни³¹.

М. Н. Покровского к: *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси. Пг., 1924. С. 3–6; *Багалій Д. І.* Нарис історії України на соціально-економічному ґрунті. Харків, 1928. Т. 1. С. 98–120, 338–339, 351–353; *Рубінштейн Н.* До історії соціальних відносин Київської Русі XI–XII ст. // Наукові Записки наук.-досл. Катедри історії української культури. IV–X. Харків, 1927; *Маєродин В. В.* Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949; *Маєродин В. В.* Народные восстания в древней Руси XI–XIII вв. М., 1961. С. 60–61, 92–93, 130 и др.; *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания в Древней Руси. М., 1955; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в древней Руси и «Русская Правда» // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 128–278. Ответвлением этого же направления была теория о борьбе городов за коммунальные волности, аналогичной западноевропейской: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1946 (2-е изд., расширенное и дополненное – 1956 г.).

³⁰ *Пацуто В. Т.* Очерки истории Галицко-Волынской Руси. М.; Л., 1950. С. 194–227 и др.; *Насонов А. Н.* Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 180 и др.; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962 (2-е изд.: М., 2003); *Янин В. Л.* Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР. 1970. № 1. С. 44–54; *Янин В. Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. Л., 1982. Вып. 1. С. 79–95; *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XIV вв. // Советская археология. 1974. № 3. С. 100–112; *Подвыгина Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. М., 1976; *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля в период феодальной раздробленности XII–XIII вв. К., 1980. С. 92–111.

³¹ Например, в трудах дореволюционных ученых разделяются области северные (Новгород, Смоленск, Владимиро-Суздальская земля, Полоцк) и южные (Киев, Чернигов, Галич), где вече играло разную роль. В южных землях главное место в системе управления занимал князь, а в северных – община. Такой порядок, считалось, утвердился со времени призвания варягов, поскольку северные области их призывали, а южные были ими завоеваны. Как отметил М. Б. Свердлов, подобные мысли высказывались еще в работах Радищева и Новикова и восходят к французской «теории завоевания». В самом общем виде: завоевание обуславливает господство государя, а призвание (в отнесении к отечественной истории – «призвание варягов») определяет ведущее влияние народа. «Теория завоевания» забыта, но разделение Киева, Суздаля и «республиканского» Новгорода по-прежнему живо. Далее, Б. Д. Греков отверг «городовую» теорию Ключевского, но предложенная Грековым схема эволюции древнерусского государства (раннее развитие в X–XI вв., раздробленность-распад в XII–XIII вв. и вновь формирование централизованного государства) и соответствующая этому эволюция вече (племенные собрания в догосударственном периоде, подавление при централизованной власти и вновь развитие) в целом трансформирует положение Ключевского, хотя на нее наслонилась классовая идея «повышения активности городских масс»: *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.; Л., 1953. С. 353–360, 368–369. С. В. Юшков писал о дофеодальном (X – начало XI в.) и феодальном (XI–XII вв.) периодах, сочетая положение о расцвете вече в дофеодальное время и социальных возмущениях в классовом государстве. См.: *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939; *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 103, 345–347. М. Н. Тихомиров настаивал на существовании коммунальной борьбы в древнерусском городе, преимущественно борьбы «ремесленников и купцов». Тем не менее, иногда включал в состав вече все свободное население, подобно историкам XIX в. Примеры такого рода можно продолжать.

Догматический диктат марксистской теории был ослаблен в 1960-х гг.: дискуссии по поводу характера общественно-политических формаций, а также популярность ранних сочинений классиков марксизма дали возможность для вариативного применения марксистской парадигмы в области изучения социального. Огромное влияние на последующие исследования оказала книга В. Л. Янина «Новгородские посадники»³², где была в основном разработана концепция новгородской олигархической республики. Применительно к вечевой проблематике наибольшее значение имеют выводы ученого о сложном и неоднозначном процессе трансформации княжеских органов власти в городские, о внутрифеодальном характере борьбы в Новгороде и территориальном делении Новгорода, основой которого было соперничество боярских группировок. Тезис об элитном характере вечевых собраний в древнерусских землях и, в частности, в Киеве обосновал П. П. Толочко³³. Использовались и возможности, которые давала интерпретация Древней Руси как архаической стадии феодального или раннеклассового общества: в этом случае вече объявлялось признаком племенного общества, долженствующим угаснуть с развитием государства. Например, раздел книги М. Б. Свердловова «Генезис и структура феодального общества в Древней Руси», посвященный вече, имеет характерное название «Ограничение прав лично-свободного населения»³⁴. Возродить концепцию дофеодального общества в Древней Руси в ее почти дореволюционном виде попытались И. Я. Фроянов и его ученики³⁵. В настоящее время продолжают выходить труды известных ученых,

³² Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. В том числе она повлияла на оставшееся в зарубежной литературе долгое время единственным специальное исследование о древнерусском вече Клауса Цернака. Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen.

³³ Толочко П. П. Киев и Киевская земля. С. 92–111. Кроме того, исследования П. П. Толочко и киевских археологов позволили подвергнуть сомнению представления об упадке Киева в конце XII–XIII вв. (с чем часто связывали угасание деятельности киевского вече) и уточнить характер заселения небольших городов Киевской земли. Выяснилось, что ремесло имело меньшее значение, чем это привыкли считать, в то время как обнаружилось свидетельства «дружинного» характера заселения таких городов, как Белгород и др., что, в свою очередь, повлияло на оценку взаимоотношения пригородов и столицы. Толочко П. П. Киевская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 5–56; Толочко П. П. О социально-топографической структуре древнего Киева и древнерусских городов // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. К., 1985. С. 5–19 и др.

³⁴ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 48–56. В главе о вече ощущается некоторое влияние идей Д. Я. Самоквасова и С. В. Юшкова. Историк считает вече архаическим пережитком, пишет о неустойчивости терминологии, угасании деятельности вече во второй половине XI–XIII вв.

³⁵ Ими постулируется наличие самоуправляемой земли-волости. Соответственно, фокус исследования перенесен на проблемы, которые более всего волновали дореволюционных историков: обязательность-необязательность вечевого участия в управлении и компетенции вече. См., например: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 198–311. См. также статьи в периодическом издании Генезис и развитие феодализма в России (Л., 1982); сборники работ исследователей этой школы: Средневековая и новая Россия. СПб., 1996; и др.

так или иначе затрагивающие тематику вече³⁶, появились новые работы молодых исследователей: ряд статей П. В. Лукина, монография Йонаса Гранберга, в которой наиболее полно рассматривается новгородское вече и приводится чрезвычайно интересный сравнительный материал средневековых немецких документов³⁷.

Следует сказать, в советской и постсоветской историографии ни одна стройная теория не получила однозначного подтверждения. Нельзя назвать вполне обоснованными теории классовой и социальной борьбы, борьбы городов за коммунальные вольности, олигархического правления, самоуправляемых «земель-волостей». Не удалось доказать «развитие» или «упадок» вече в тот или иной период. Вместе с тем каждый исследователь мог найти и находил аргументы в подтверждение своей концепции.

Думается, вече ускользает от определения прежде всего потому, что не изучены нарративные основы изображения отношений «людей» и князя. Древнерусские летописи суть памятники литературы, между тем их рассматривают как исторические источники, из которых можно черпать исторические свидетельства непосредственно. Исследователи склонны превращать вече в некую субстанцию и рассматривать действия «людей» отдельно от правителя, хотя все летописцы так или иначе отталкиваются от реальной или помещенной в их голове системы «людые – князь». Традиционный способ рассмотрения легко объясним: вече в Российской империи начали изучать в XIX в., когда «земство» не только четко отделялось от «государства», но было явственно противопоставлено ему. Не следует обольщаться даже видимой связью темы вече и правителя, выраженной в классическом названии «Вече и князь» книги В. И. Сергеевича, многократно повторенном в последующих трудах. На самом деле эта работа строго делилась на две части, которые между собой почти не пересекались. По существу, за пределы заданных историографической традицией рамок вышел только Пресняков, но этот прорыв в книге о «князем праве», где попутно были высказаны несколько замечательных мыслей о народе и верхушке общества, не был поддержан даже самим автором. Уже в своих «Лекциях», опубли-

³⁶ Некоторые работы последних лет: *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995; *Свердлов М. Б.* Общественный строй; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003; *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М., 1999. С. 86–101; *Соловьев К. А.* Властители и судьи. Легитимация государственной власти в древней и средневековой Руси. IX – первая половина XV в. М., 1999. Кроме того, тема вече зависит от многих других, например, теории становления древнерусского города, ср. критически направленную работу Е. Н. Носова (*Носов Е. Н.* Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволжья // В: Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя. СПб., 2005. С. 8–32) и др.

³⁷ *Granberg J.* Veche in the Chroniclers of Medieval Rus'; *Лукин П. В.* Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 70–130; *Лукин П. В.* К вопросу о так называемом совете в домонгольской Руси // ДГ 2003. М., 2005. С. 132–142.

кованных в 1938–1939 гг., но прочитанных в 1910–1911 и 1916–1917 гг., Пресняков практически вернулся к формализованным его предшественниками схемам³⁸.

Настоящее исследование начиналось во вполне традиционном ключе. Единственное, что сразу же обнаружилось при анализе летописных свидетельств, – весьма широкое варьирование социальной терминологии, доходящее до невозможности применения самого понятия «термин» по отношению к летописным обозначениям. Согласно мнению, высказанному в работах Д. Я. Самоквасова и М. Б. Свердлова, а совсем недавно и Йонасом Гранбергом, неустойчивость терминологии доказывает слабое развитие и/или неинституционализированность веча. Поэтому мне сначала казалось, что нетерминологичность всех социальных обозначений, в том числе явно выходящих за пределы вечевого тематика, должна как-то изменить этот тезис. Позднее обнаружилась вариативность более сложных единиц текста – летописных сюжетов. Неожиданные смысловые смещения в параллельных сообщениях летописей о деятельности горожан и князя заставили задуматься над тем, верна ли традиционная концепция, и выход из этой патовой ситуации подсказали работы по нарратологии. В итоге исследование с названием «Вече в Древней Руси» превратилось в книгу «Люди и князь».

Структура книги подчинена задачам изучения исторических нарративов. Подготовительный этап – это «зыбучие пески» «социальной терминологии», то есть того, что мы привыкли называть социальными терминами. Следующий этап – изучение закономерностей построения исторических нарративов на материале параллельных сюжетов летописи. Две первые главы предваряют исследование состава и компетенции «людских» собраний. Необходимо сразу сказать, что здесь не будет дано окончательных ответов на мучившие исследователей вопросы. Скорее, эта выходящая за пределы чисто нарративного исследования часть книги посвящена ограничениям, накладываемым нарративами на попытки тех или иных категорических решений. Завершает книгу глава о представлениях древнерусских летописцев. Представления существенно влияли на конструирование летописных повествований, и без них исследование было бы неполным.

Несколько оговорок. Автор данной книги исповедует нарративизм, но не в том его классическом проявлении, когда текст объявляется непроницаемым, а реальность недоступной³⁹. Специфика профессии историка – полагать, что тексты каким-то образом коррелируют с реалиями⁴⁰. Тем не менее, источники изобилуют нефактографическими компонентами, особенно в сюжетах, касающихся нашей темы (подробнее см. во

³⁸ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Ч. 1. С. 170.

³⁹ См., например: Анкерсмит Ф. Р. Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 142–163.

⁴⁰ Об этом: *Olabari I.* «New» New History. P. 2–3.

второй главе). Иначе говоря, в каком-то смысле тексты принципиально лживы. Далее, речь будет идти о том, что многие описания, связанные с «людьми», дошли в пространных книжных версиях, и в основном именно пространные версии обнаруживают признаки редактирования. В конечном итоге может создаться впечатление, что все сюжеты – поздние и отредактированные. Могут возразить, и это возражение напрашивается, что согласно простейшей статистике в пространных текстах больше слов и, соответственно, больше определений и описаний. Однако здесь я исхожу из того, что летописный формульный стиль в основном касается дел правителей, и по своему характеру это достаточно лаконичные сообщения. В то же время для рассказа о советах и мятежах, выступлениях и речах «людей» летописцы чаще всего привлекали разнообразные книжные образцы. В некоторых случаях прослеживаются прямые заимствования, в других эти образцы обнаруживаются благодаря книжной топики. Тексты Священного Писания, множество поучений, некоторые хронографические книги были переведены во время, предшествующее древнерусскому летописанию⁴¹, и, хотя древнеславянские диалекты тогда были еще достаточно близки, различия между ними все же имеются. Кроме того, отличались сферы словоупотребления: лексика библейских книг, поучений, хронографических повествований, тексты разнились по степени грецизированной синтаксиса. Описания отношений князя и «людей» прямо следуют книжным образцам или отталкиваются от них. Ситуация, впрочем, отнюдь не уникальна, нечто подобное наблюдается, например, в раннесредневековых воинских повествованиях Западной Европы. В то время как современники и участники сражений вписывали в хронику одну-две строки, позднее монахи (не имевшие, между прочим, боевого опыта) могли давать развернутые описания битв, используя топику и прямые заимствования из греческих и латинских исторических трудов⁴².

И последнее. Я опираюсь на три основных летописных свода: Ипатьевский (содержащий Повесть временных лет, Киевский свод и Галицко-Волынскую летопись), Лаврентьевский (включающий, снова-таки, Повесть временных лет и владими́ро-суздальские своды) и на Новгородскую первую летопись. Эти летописи представляют собой неизбежный набор источников любого историка, взявшегося за изучение Древней Руси XI–XIII вв. Этапы их сложения и многие частные пробле-

⁴¹ Переводческая деятельность моравских и болгарских книжников приходится на конец IX–X в., в то время как начало деятельности летописцев приходится на XI в., а переводы в Древней Руси датируются XI–XII вв. Кроме того, переводческие школы сложились в основном в Болгарии, на Руси переводческая практика, по-видимому, была окказиональной. Пичхадзе А. А. Корпус древнерусских переводов XI–XII вв. и изучение переводной книжности Древней Руси // Национальный корпус русского языка. 2003–2005 гг. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 251–262.

⁴² Halsall G. Warfare and Society in the Barbarian West, 400–900. London and New York. P. 1–3.

мы летописания нередко спорны и не вполне прояснены⁴³. В основном, я следую схемам, предложенным летописеводами, однако в некоторых случаях, и особенно в вопросе соотношения текстов Ипатьевской и Лаврентьевской летописей за XII в., используются мои собственные выводы, заметно отличающиеся от реконструкций, предложенных ранее⁴⁴. Проведенное мною текстологическое исследование позволило сделать заключение о существовании общего протографа, различным образом сокращенного, а в других случаях дополненного при редактировании в каждом из двух сохранившихся источников – Лаврентьевском и Ипатьевском сводах. Таким образом, текст Лаврентьевской летописи за XII в. оказывается не сокращенным вариантом Ипатьевской, но равноправным с ней источником для восстановления их общего протографа. В некоторых случаях он даже более предпочтителен, так как Киевский свод сильнее редактирован⁴⁵. Поскольку то или иное решение проблемы взаимоотношения этих летописей влияет на определение первоначальных и вторичных чтений, что существенно при выяснении особенностей нарративного моделирования, позволю себе отталкиваться от своих наблюдений, хотя они противоречат традиционной точке зрения. По возможности, каждый раз привожу доказательства справедливости моей реконструкции.

Хотелось бы поблагодарить всех, кто способствовал написанию и выходу в свет этой книги. Мои коллеги и друзья критиковали, делились информацией, отвечали на сложные вопросы и высказывали ценные соображения. Особая признательность Алексею Петровичу Толочко, увидевшему важность темы, читавшему бесконечные варианты этой работы и предложившему множество важных поправок к тексту. Междисциплинарный семинар (Киев) при Обществе исследователей Центральной и Восточной Европы предоставил возможность обосновывать мои положения перед доброжелательной и информированной аудиторией. В моих исследованиях была существенной помощью American Council of Learned Societies. Моя искренняя благодарность тем, кто комментировал книгу и отдельные ее главы: Тимофею Валентиновичу Гимону, Александру Вадимовичу Одрину, Артурасу

⁴³ Устоявшиеся схемы см.: *Лурье Я. С.* Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. XL. С. 190–205. Однако спорность многих проблем показывает уже полемика А. А. Шахматова и В. М. Истрина в начале XX в.

⁴⁴ См., например: *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.–Л., 1938. С. 18 и др.; *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 49, 54, 64–70 (перезд. СПб., 1996); *Насонов А. Н.* Об отношении летописания Переяславля-Русского к киевскому (XII век) // Проблемы источниковедения. Вып. 8. М., 1958. С. 467–481; *Насонов А. Н.* Малоисследованные вопросы суздальского летописания XII в. // Проблемы источниковедения. Вып. X. М., 1962. С. 366 и др.; *Насонов А. Н.* История летописания XI – начала XVIII века. М., 1969. С. 81–82.

⁴⁵ Подробнее см.: *Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки) // *Palaeoslavica*, XIII, no. 1. Cambridge, Massachusetts, 2005. P. 21–80.

Дубонису, Ярославу Дмитриевичу Исаевичу, Алексею Алексеевичу Гиппиусу, Сергею Юрьевичу Темчину, Александру Борисовичу Страхову, Наталье Петровне Старченко, Валерию Евгеньевичу Земе, Андрею Валентиновичу Кузьмину, Наталье Алексеевне Билоус, членам Центра исследований Киевской Руси, а также сотрудникам отдела Средних веков и раннего Нового времени Института истории Украины НАН Украины. Наконец, сердечная признательность мужу Ростиславу Витальевичу Вилкулу и сыну Алексею, которые поддерживали меня во время моих научных занятий и помогли в реализации этого проекта.

Глава 1

«СОЦИАЛЬНАЯ» ТЕРМИНОЛОГИЯ ЛЕТОПИСЕЙ

«Социальная» терминология древнерусских летописей – казалось бы, понятие достаточно широкое или даже вообще выходящее за рамки книги о взаимоотношениях «людей» и князя. На деле же большинство так называемых «социальных терминов» – обозначений страт и способов взаимодействия народа и правителя – так или иначе касаются этой темы. Тем не менее, сказать, что они прямо относятся к вечевой тематике, было бы неверно. Прежде всего потому, что все еще строго не определено, какие социальные термины следует связывать с древнерусским вече. Некоторые историки считают возможным ограничиться собственно словом «вѣче», другие предлагают достаточно широкий круг летописных обозначений, в числе которых «народ», «людье», «гражане», «от мала и до велика» и др.

В первом случае летописное «вѣче» воспринимают как термин, точное наименование некоего социально-политического явления¹. Такое восприятие обусловлено склонностью ученых оперировать словами-понятиями, а также, видимо, необычным звучанием слова в современных славянских языках. Если слова «люди», «народ», «горожане» продолжают использоваться, то «вече» исчезло из обращения, а терминологизации легче всего поддаются слова иностранные, где проще закрепляется однозначная связь: «означающее» – «означаемое». Терминологичность «веча» подразумевает также понятие о его уникальности и идет от идеи самобытности Руси и ее институтов, наиболее разработанной у славянофилов. Достаточно рано и в самой простой форме она артикулирована, как кажется, у Н. А. Полевого: «Вечи впоследствии приняты были варягами, когда самобытность славян превозмогла скандинавские обычаи»². Но строго определенное значение закреплено за «вечем» уже в «Истории Российской» В. Н. Татищева, где «вече» означает ‘совет’³.

¹ Что это слово используется в «техническом значении» в современных исторических трудах, впервые отметил, как кажется, А. Е. Пресняков: *Пресняков А. Е. Лекции по русской истории*. М., 1939. Ч. 2. С. 167. Наиболее ярко тенденция терминологизировать древнерусские обозначения выражена, по-видимому, в работе В. Т. Пашуто (*Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение*. М., 1965. С. 11–127), где «терминологизированы» и таким образом «институционализированы» не только вече, но и снем, совет, собор, см. ниже.

² *Полевой Н. А. История русского народа*. М., 1829. Т. 1. С. 49.

³ *Татищев В. Н. История Российской*. Т. 2. М.; Л., 1963. С. 128–129; Т. 4. 1964. С. 140–141, 211, 256–257. Первый российский историк, как видим, предполагал иное основное значение слова «вѣче», предложив, впрочем, вполне корректное прочтение достаточно большого числа летописных сообщений. А для явления, которое соответствует «вечу» в понимании современных историков, – ‘восстание’ или ‘движение горожан’, он использовал венгерский по происхождению полонизм «пракош».

Со второй четверти XIX в. заметна тенденция называть «вечем» социально-политический институт. Эта тенденция укрепилась в 1860–1880-х гг., а после такое понимание стало традиционным.

Как однозначными, часто оперируют и иными обозначениями, такими как «народ», «дружина», «бояре», «отроки», «весь градъ», значение которых предполагается наперед заданным и само собою разумеющимся. Вследствие попыток найти четкие определения «социальным понятиям» летописные наименования порой отрываются от летописного контекста. В предельном выражении комплекс значений, прослеживаемый по источникам, существует отдельно от значений, принятых историками. Время от времени высказываются сомнения в правомерности подобного подхода к терминологии древнерусских текстов⁴, что, впрочем, не приводит к его пересмотру. При интерпретации летописных сообщений спорадически учитывается полисемантность определенных слов и вариативность наименований одного и того же явления⁵, тем не менее, и в работах второй половины XX – начала XXI в. можно найти многочисленные примеры буквального прочтения. А четкое размежевание социальных страт на основе размежевания терминов проводится несмотря даже на то, что в памятниках анализируемые «термины» могут быть взаимозаменяемыми⁶.

⁴ См.: *Самоквасов Д. Я.* Заметки по истории. С. 23, 24, 29; *Самоквасов Д. Я.* Древние города России. СПб., 1873. С. 22–23; *Свердлов М. Б.* Генезис и структура. С. 48–54, 214–219 и др.; *Завадская С. В.* «Боярин»–«боярин» в древнерусских письменных источниках // ДГ 1985. М., 1985. С. 89–94; *Завадская С. В.* Социальные группы господствующего класса Древней Руси (исследование терминологии). Автореф. дисс. канд. филол. наук М., 1987; *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 187, 190–192, 212, 229 и др.; *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989. С. 48, 50; *Лукин П. В.* Вече, «племенные» собрания. С. 110 и др.

⁵ См.: *Позодин М. П.* Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 7: Период удельный. СПб., 1856. С. 67; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 389; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории. С. 56, прим. 1; *Пресняков А. Е.* Княжое право. С. 77–78, прим. 3; С. 227–228, 242–244; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. *Очерки социально-политической истории.* С. 121–123; *Кривошеев Ю. В.* Князь, бояре и городская община Северо-Восточной Руси в XII – начале XIII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1982. Вып. 11. С. 120–121; *Лукин П. В.* Древнерусские «вои». IX – начало XII в. // Средневековая Русь. М., 2005. Вып. 5. С. 8, 19; *Лукин П. В.* К вопросу о так называемом совете в домонгольской Руси // ДГ 2003. М., 2005. С. 137.

⁶ Порой у тех же самых авторов, которые писали о полисемантности. Ср., например о том, что выражение «весь градъ» означает участие в событиях всего городского населения, а слова «люди», «народъ» свидетельствуют непременно о всенародном выступлении: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. 1956. С. 219, 221; *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания. С. 156; *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. С. 278. См. также: *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья // Русский город. М., 1976. С. 50; *Лукин П. В.* О так называемой многозначности понятия «вече» в русских летописях. Домонгольское время // Неисчерпаемость источника. 70-летию В.А. Кучкина. М., 2005. С. 36–83; *Пашин С. С.* Галицкое боярство XII–XIII вв. // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1985. Вып. 4 (23). С. 17–18; *Свердлов М. Б.* Генезис и структура. С. 199–207; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 536–537; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 90–93.

В принципе терминологизация древнерусских текстов вполне объяснима. Задача историков и филологов – вычленив точное значение, а не утонуть в семантических вариациях источников. Анализ семантики требует правильного прочтения контекста, который сам по себе зачастую достаточно темен и, в свою очередь, зависит от выявленных значений. Однако «привязка» значений – скорее, лобовая атака. Донаучная языковая среда (а наука формируется в Европе преимущественно в XVII–XIX вв.⁷) не знает жесткого соответствия между означаемым и означающим. Таким образом, использование самого понятия «термин» для предыдущих эпох, в том числе периода Древней Руси, условно.

Слово «вѣче». Соотношение прямых и косвенных известий о вече. Корень «вѣт» общеславянский и встречается во множестве слов, ср. «совѣтъ», «отвѣтъ», «завѣтъ» и др.⁸, но слово «вѣче», или, в старославянской огласовке, «вѣще», «вѣште», – сравнительно редкое. Словами зафиксирован только один случай употребления его в памятниках старославянского языка (то есть X–XI вв.) – в одном из текстов, входящих в Супрасльскую рукопись⁹. Список примеров со словом «вѣче» составлен в XIX в.¹⁰ и с тех пор практически не пополнялся. В переводной литературе оно относится к низкочастотной лексике, полностью отсутствует в богослужебных книгах. Появляется «вѣче» только в отдельных памятниках восточноболгарской и древнерусской редакций. Это уже упомянутая Супрасльская рукопись X в.¹¹, Хроника Георгия Амартола (перевод X–XI вв.)¹², Успенский сборник XII в.¹³, Апостол Толковый 1220 г.,

⁷ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 41–43. Относительно терминов феодального права, ставших таковыми в теоретических разработках правовых дисциплин: Reynolds S. Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford and New York, 1996. С. 123 и др.

⁸ Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». С. 35, 192.

⁹ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1999. С. 166.

¹⁰ Что касается упоминаний в церковно-книжных памятниках, см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М.; Л., 1958. Т. 1. Стб. 499. Летописные примеры перечислены наиболее полно в: Сергеевич В. И. Вече и князь. Сербские и западнославянские указы в: Дьячан Вл. Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменений их государственного устройства в XIV и XV вв. Варшава, 1882. Дополнительные источники (древнеславянские переводы хроник Георгия Синкелла и Малалы) отмечены В. М. Истриным в начале XX в.: Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 2: Греческий текст «Продолжения Амартола». Исследование. Пг., 1922. С. 305.

¹¹ «Паки на владыку вѣште творять раби». Супрасльская рукопись / Подг. к изд. С. Н. Северьянов. СПб., 1904. 424.25.

¹² «Божии судъ на немъ бысть, братня ради убиства, и самъ расѣченъ бысть на уды вѣчи римьстѣмь». Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1: Текст. Пг., 1920. 41.10–11 (далее ссылки на это издание Хроники Амартола: ГА).

¹³ «Рече еи Иисусъ... встанеть ти братъ . не кычения дѣлма не вѣча азъ вѣставлю братъ ти . нь нарочно встанеть рекуи искоуша еи вѣроу». Успенский Сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 376 (228а.27–228б.5). П. В. Лукин предположил, что здесь должно читаться: «не вѣщѣа» в древнерусской огласовке с переходом «щ» в «ч» (от «вѣщати», в греческом оригинале: «οὐκ εἴπεν»). Лукин П. В.

толкование Феодорита Кирского на пророка Амоса¹⁴, Хроника Георгия Синкелла (перевод до XIV в.)¹⁵. Еще один источник, не попадающий обычно в фокус зрения исследователей, – Хроника Иоанна Малалы (перевод, видимо, X в.), где в одном из фрагментов 8-й книги в некоторых списках читается «вѣче» (в других испорченное «вечеря»): «Тои же царь създа въ Антиохию съвѣтницу вне града Антиохия, събирати ся всѣмъ болярюмъ съ гражданы и съ домовники, и вѣче творяще»¹⁶. В перечисленных текстах «вѣче» имеет такие значения: ‘восставать’, ‘собираться’, ‘решать’, ‘люди’ (‘народы’), ‘совет’. Греческие соответствия – *στασιάζουσιν, ἐν τῷ βουλευτηρίῳ, εἶλεν, συλλόγους, δῆμος, βουλευεσθαι*¹⁷. Возможно, редкое употребление слова «вѣче» связано с тем, что на раннем этапе формирования славянских книжных языков в книгах

Ранние нелетописные упоминания веча // Древняя Русь. 3 (21). Сентябрь 2005. М., 2005. С. 59. Вместе с тем в этом пассаже настойчивое повторение «встанеть» (‘воскresнет’), но в древнерусском «встати» часто имело иное значение – ‘восстать’. К тому же синтаксическая конструкция далеко не прозрачна, что, по-видимому, могло спровоцировать древнерусского переписчика на такую восточнославянскую трансформацию формы слова.

¹⁴ «Да не глаголють, яко цесареви на ны и вѣча» (Рим.8.31). «Нравъ есть прывья чади всея пред враты граду творити вѣче и суды» (Ам. 5.12–13). Все вышеприведенные тексты отмечены в: *Срезневский И. И. Материалы*. Т. 1. Стб. 499–500; *Словарь русского языка XI–XVIII вв.* М., 1975. Вып. 2. С. 128–129.

¹⁵ «Зане не придоша на вѣче в масифу». *Истрин В. М.* Из области древнерусской литературы. I // ЖМНП. 1903. Август. С. 410; *Меуцкерский Н. А.* Источники и состав древнейшей славяно-русской переводной письменности IX–XIV вв. Л., 1978. С. 87. Этот же фрагмент использован в кратком Троицком хронографе к. XIV – начала XV в. *Вилкул Т. Л.* Краткий Троицкий хронограф конца XIV – начала XV в. // *Ruthenica*. К., 2007. VI. (в печати).

¹⁶ Древнеславянский (болгарский) перевод Хроники Иоанна Малалы дошел в составе хронографов. Так называемого Иудейского хронографа (компиляция второй половины XIII в., сохранившаяся в Архивском, Виленском и Варшавском списках, датируемых XV и XVI вв.; о взаимоотношениях списков, с учетом Варшавского, см.: *Лемешкин Илья*, *Пространная редакция Хроники Иоанна Малалы по рукописи И. Е. Забелина № 436 // Rýžoviště zlata a doly drahokamů... Sborník pro Václava Huňáčka*. Praha, 2006. С. 513–542) и иных хронографов, а также в составе Еллинского и Римского летописца. В Архивском и Виленском списках здесь «вечере»/«вечеря творяще», тогда как в одном из списков Еллинского и Римского летописца 1-й редакции (ГИМ, Синодальное собрание, № 280) – «вѣче творяще». «Вѣче» или «вѣце» и в четырех списках 2-й редакции. См.: *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994. 223.13, 252; *Летописец Еллинский и Римский*. Т. 1: Текст. СПб., 1999. С. 184, вар. 6.; с. VI–XII. О. В. Творогов в издании Летописца Еллинского и Римского 2-й редакции произвел коррекцию с «вѣче» на «вечеря», однако, учитывая то, что в греческом тексте здесь *βουλευεσθαι* (*Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы. С. 238, 252; *Malalae I. Chronographia [Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. XXXV. Ed. H.-G. Bech, A. Kambylis, R. Keydell. Berolini; Novi Eboraci, 2000]*, 155), необходимо предполагать, что Синодальный № 280 список Еллинского и Римского летописца 1-й редакции и отмеченные четыре списка 2-й редакции отражают первоначальное чтение. Следует добавить, подобная правка («вѣче» – «вечеря») не уникальна, относительно более позднего периода встречается в псковских летописях, что отмечалось в: *Granberg J. Veche in the Chronicles of Medieval Rus’*. S. 154, n. 14. О «вѣче» в Хронике Малалы писал В. М. *Истрин* (Книги временьяныя и образныя. Т. 2. С. 305).

¹⁷ См.: *Срезневский И. И. Материалы*. Т. 1. Стб. 499–500; *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы. С. 238, 252; *Старославянский словарь*. С. 166; *Лукин П. В.* Ранние нелетописные упоминания. С. 58–59. / В Хронике Синкелла нет точных соответствий славянскому тексту. *Georgij Syncelli, Ecloga chronographica*, ed. Alden A. Mosshammer. Leipzig, 1984. S. 203.

Священного Писания и переводной литературе за такими референтами, как 'собрание', 'восстание', 'совет', 'люди'/'народ', закрепились другие обозначения: «церковь»¹⁸, «съборъ», «сънѣмъ», «съвѣтъ», «млѣва», «мятежъ», «въстанъ», «людие» («народъ»).

Древнерусские летописи отражают иную традицию. Общее количество употреблений по сравнению с переводными текстами возрастает (десять для записей за X–XI вв.¹⁹ и около сорока для сообщений за XII–XIII вв.²⁰), слово «въче» переходит из разряда уникальных или крайне редких в разряд более-менее распространенных. Как и в церковно-книжных памятниках, оно имеет несколько значений. Прежде всего, это 'собрание горожан или представителей земли для решения важных вопросов'²¹. Кроме того, так обозначается 'восстание, мятеж, заговор

¹⁸ Слово «церковь» обозначало в том числе и народное собрание. Старославянский словарь. С. 771.

¹⁹ В Повести временных лет (далее ПВЛ) вече упоминается в X–XI вв. под: 997 г. (трижды), 1015 г., 1068 г. (дважды), 1069 г., 1097 г. (дважды). В Новгородской первой летописи младшей редакции (далее НПЛ мл. ред.) под 1016 г. Лаврентьевская летопись (Лавр) цитируется по: ПСРЛ. Т. 1. М., 1962, 1997 и последующие переиздания; Ипатьевская летопись (Ипат) – по: ПСРЛ. Т. 2. М., 1962, 1998 и последующие переиздания; НПЛ – по: Новгородская Первая Летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее НИ, перепечатано с сохранением нумерации страниц в: ПСРЛ. Т. 3. М., 2001). В дальнейшем приводятся только столбцы и страницы соответствующих изданий, по схеме: 21Л для Лавр; 21И для Ипат; НИ, с. 21 для НПЛ. Текст ПВЛ, если нет существенных расхождений в чтении списков, цитируется по Лаврентьевскому списку (Л), текст НПЛ – в основном по тексту старшей редакции (далее НПЛ старш. ред., сохранилась в единственном списке, Синодальном). Прямые упоминания веча в X–XI вв.: 127–128Л; 141Л; НИ, с. 174; 170–171Л; 173Л; 268Л; 272Л.

²⁰ См.: 1140 г. 307И; 1146 г. 320И; 1146 г. 321И; 1147 г. 348И; 1148 г. 370И; 1159 г. 495И; 1160 г. 510И; 1161 г. 510И (2); 1169 г. 537И; 1176 г. 377Л; 1185 г. 647И; 1193 г. НИ, с. 232 (только в НПЛ мл. ред.); 1209 г. НИ, с. 51; 1214 г. (3) НИ, с. 53; 1215 г. (3) НИ, с. 53–55; 1217 г. НИ, с. 57; 1218 г. (2) НИ, с. 57, 59; 1228 г. (3) НИ, с. 66–67; 1229 г. 756И; 1230 г. (3) НИ, с. 69; 1231 г. 763И; 1255 г. НИ, с. 81; 1262 г. 476Л; 1270 г. НИ, с. 88; 1289 г. 526Л; 1290 г. НИ, с. 326 (в НПЛ мл. ред., в НПЛ старш. ред. утеряна тетрадь); 1291 г. НИ, с. 327; 1299 г. НИ, с. 90. Годы «от сотворения мира» переводятся на современное летосчисление стандартно (– 5508 лет), за исключением немногих случаев, когда значительные хронологические смещения влияют на понимание истории текста. В последнем случае параллельно через косую черту указаны летописная дата «от сотворения мира», дата от Рождества Христова, а в круглых скобках дата, полученная при стандартном пересчете. Например, 6717/1207 (1209) г. В перечнях перевод дат в основном стандартный.

Последнее ростовское вече 1289 г. (526Л) – по сообщению Суздальской летописи по Академическому списку. В Л отсутствует значительный фрагмент, но вряд ли в нем имелось это известие, так как в Троицкой летописи (далее Тр) оно тоже, по-видимому, отсутствовало; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 344–345. Традиция Суздальской летописи отражена в Московском летописном своде конца XV в. (далее МЛС). Суздальская летопись восходит к Ростовскому своду 1419 г. и имеет своим источником какой-то суздальский летописец. *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 45.

²¹ См.: *Срезневский И. И.* Материалы. Т. 1. Стб. 499; Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. в 10 т. Т. 2. М., 1989. С. 308 (далее СДРЯ); Словарь русского языка XI–XVIII вв. Вып. 2. С. 128–129. Примеры летописных сообщений, где речь идет о собрании горожан или представителей какой-либо земли, наиболее многочисленны, поэтому их не имеет смысла отмечать специально.

людей»²². Наконец, третья, более редкая группа значений – ‘речь, совет, решение’. Такую интерпретацию позволяет, например, один из фрагментов Галицко-Волынской летописи (далее ГВЛ) 1229 г.²³, повествующий об осаде польского города Калиша войсками мазовецкого князя Конрада и русских²⁴ князей Данила и Василька Романовичей. Из контекста ясно, что речь шла о переговорах. Конрад просил Данила подъехать под стены города и послушать предложения горожан: «Иди да слышиши вѣче их», – и князь с воеводами разговаривали с немногими «мужами»: «стоящимъ же мужемъ на заборолѣхъ и рекущимъ имь...»²⁵ В ином случае, в описании новгородских событий 6677/1167 (при стандартном пересчете 1169) г. в Киевском летописном своде XII в. сказано: «...начаша новгородци вѣче дѣяти в тайнѣ по дворомъ»²⁶. Это не вполне типичное для древнерусских летописей известие истолковывали в том смысле, что оно должно свидетельствовать о тайном заговоре, писали и об «узком» собрании верхушки горожан, предшествовавшем вечевому²⁷. Значение ‘совет’ вполне удовлетворительно и экономно объясняет контекст без необходимости прибегать к домыслам. В том же ряду стоит и необычайно малочисленное галицкое собрание, в составе которого названы тысяцкий и 18 отроков²⁸. Это же значение, предположительно, имело слово «вѣче» в хрестоматийном высказывании суздальского летописца

²² См. 307И, 495И, 510И, 476Л, 526Л.

²³ Разбивка по годовым статьям ГВЛ условна, поскольку даты проставлены задним числом только в Ипатьевском списке (далее И), скорее всего, в начале XV в., в Хлебниковском (Хл) большинство из них отсутствует. См.: *Грушевський М. С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // ЗНТШ. Львів, 1901. Т. 41. С. 1–72; *Романова О. В.* О хронологии Галицко-Волынской летописи XIII в. по Ипатьевскому списку // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1997. С. 66–70. Тем не менее, ошибки в И в датах редко превышают 4 года: *Толочко А. П.* О хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи Palaeoslavica. Cambridge, Massachusetts, 2005. XIII, no. 1. P. 81–108.

²⁴ Написание «русских» используется для того, чтобы не смешивать с современным «русские».

²⁵ 756И. И «да слыши», «да слышиши» – из Хл. Так интерпретируется, например, в: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура. С. 53; *Генсьорський А. І.* Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). К., 1961. С. 86; *Словарь русского языка XI–XVIII вв.* Вып. 2. С. 129. Иначе у Йонаса Гранберга, где расценивается как обычное вечевое собрание: *Granberg J.* Veche in the Chroniclers of Medieval Rus'. P. 78. П. В. Лукин считает, что здесь могут сочетаться два значения слова «вѣче»: *Лукин П. В.* К вопросу о так называемом совете. С. 134.

²⁶ 537И. Хронология в этом месте Ипат смещена, в НПЛ параллельное известие встречается под мартовским 6675/1167 г. *Бережков Н. Г.* Хронология русских летописей. М., 1963. С. 179–180. Подробнее об этом эпизоде новгородской истории см. во второй главе, модель II, сюжет № 1. Следует добавить, что, хотя в исследовании Н. Г. Бережкова отмечались некоторые неточности (см., например: *Иванова Н. П.* Месяцесловные показания Синодального списка Новгородской Первой летописи // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1. С. 45), его работа до сих пор не потеряла своего значения. В дальнейшем я во многом буду на нее опираться.

²⁷ *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 97; *Свердлов М. Б.* Генезис и структура. С. 53.

²⁸ «Самому же Данилу создавшу вѣче, оставшущу вь 18 отрокъ вѣрнихъ и с Дѣмяньюмъ тысяцкымъ своимъ, и рече имь...», 763И. Хл без даты, И под 1231 г. Так интерпретировали:

о вечевых собраниях, читающемся в статье Лавр 1176 г.: «...новгородци бо изначала и смолянне и кыяне /и полочане/ и вся власти яко ж на думу на вѣча сходятся»²⁹. Цитата приводится во всех без исключения работах, посвященных социальному и политическому устройству древнерусских земель, но что хотел сказать летописец – ученые интерпретируют по-разному. Кто-то пишет о частых, едва ли не регулярных народных собраниях, кто-то на той же летописной справке о вечах обосновывает мнение об окказиональных выступлениях горожан. Все зависит от общей концепции, разделяемой тем или иным исследователем³⁰. Стоит, однако, отметить, что «вѣче» в приведенной цитате выступает как синоним слова «дума». Это наводит на мысль, что летописец имел в виду значение, близкое к слову «совет»³¹. Кстати, это же значение характерно и для книжных памятников, встречающихся в Супрасльской рукописи (Слово Иоанна Златоуста на Великий Четверг) и Успенском сборнике (Похвала Андрея Критского о Лазаре)³². Впрочем, несмотря на то, что в общем

Самоквасов Д. Я. Заметки по истории. С. 54–55; *Линниченко И. А.* Вече в Киевской области. С. 5; *Крип'якевич И. П.* Галицко-Волинське князівство. К., 1984. С. 122; *Свердлов М. Б.* Генезис и структура. С. 53; *Granberg J.* Veche in the Chronicles of Medieval Rus'. S. 86. С другой стороны, некоторые исследователи считают, что не названы «люди» и в данном случае состоялось обычное вечевое собрание галичан, но «боярская партия» была ослаблена отступничеством большей части бояр. См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории. С. 64, 68; *Грушевский М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 476.; *Софроненко К. А.* Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 112; *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. К., 1985. С. 137.

²⁹ В Л и Московском Академическом списке (далее А) «думу», в Радзивилловском (Р) и Летописце Переяславля-Суздальского (ЛПС) «думу»; далее в РА и ЛПС «и полочане», в Л выражение пропущено. См.: 377Л; ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 142, вар. 39, 41.

³⁰ См., например: *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции. Т. 7. С. 154; *Самоквасов Д. Я.* Заметки по истории. С. 24, 71; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 1–2; *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля. С. 99; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения. С. 270–272; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 159; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства. С. 264. Обзор мнений см. также: *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). С. 88.

³¹ А. А. Горский полагает, что словами «свьѣтъ» и «дума» называлось совещание при князе и эти княжеские советы никогда с вечем не пересекались. *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 61–63. Однако оба слова полисемантичны. О «думе» как совещании «людей» говорится еще в древнерусском переводе «Истории иудейской войны»: «...людскую думу проявившим»; «...вдасть имь вѣрмя на думу»; «...да приять ему и людем, и не проявить ревнителемъ ни думы, ни слова, ни дѣла». «История иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Изд. подг. А. А. Пичхадзе, И. И. Макаева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. М., 2004. Т. 1. 421в.20–21, 423а.23, 425в.22–24. Об употреблении таких слов и выражений, как «свьѣтъ сътворити», «свьѣщати», «думати», «гадати», см.: *Пичхадзе А. А.* Литературно-языковые и переводческие традиции в словоупотреблении церковнославянских памятников и русских летописей XI–XIII вв. // Русский язык в научном освещении. № 2 (4). М., 2002. С. 157–161.

³² См. выше. Йонас Гранберг на основе анализа поздних летописей (XV в.) предположил еще одно значение, «вече» в смысле «место проведения собрания». Исследователь отметил, что в новгородских и псковских известиях слово часто стоит в местном падеже («на вѣче»): *Granberg J.* Veche in the Chronicles of Medieval Rus'. S. 152–170. Не исклю-

случае летописные обозначения могут быть определены как ‘собрание’, ‘восстание’ и ‘речь’ или ‘совет’, значения порой накладываются одно на другое: ‘собрание’–‘восстание’, ‘совет’–‘заговор’, ‘совет’–‘собрание’, что препятствует однозначному истолкованию.

В целом перечень значений слова «вѣче» определен филологами. Что интересует историков – это принципы идентификации сообщений о вечевых собраниях. Не существует единого мнения относительно того, следует ли ограничиваться исключительно прямыми сообщениями о вече, то есть такими, где собрания названы в тексте словом «вѣче», или позволительно учитывать и косвенные известия, количество которых в несколько раз превышает число прямых. То или иное решение зависит не столько от материала, поскольку учеными привлекаются практически одни и те же свидетельства источников, сколько от представлений каждого исследователя о политическом устройстве Руси. Максимально расширить массу сведений стремятся те, кто считает вече влиятельным явлением общественной жизни Древней Руси, а еще лучше – постоянно действующим политическим органом «городской общины». И наоборот, сузить и замкнуть круг источников стараются приверженцы концепции вечевых собраний как спорадических «мятежей». В последнем случае, полисемантность и неопределенность обозначений, касающихся вечевой тематики, призвана доказывать экстраординарность политических выступлений горожан. По-видимому, первым, кто не только заострил внимание на неустойчивости значений слова «вѣче» и описательности обозначений вечевых собраний и их участников, но попытался вписать эти наблюдения в общую схему, был Д. Я. Самоквасов. Он доказывал незначительность вечевой деятельности во всех землях, кроме Новгорода, случайное и редкое усиление народа в периоды политических неурядиц. Правда, постулируя существенную разницу между вечевыми собраниями в Киеве и Новгороде, к новгородским известиям он причислял и прямые, и косвенные сообщения, хотя последние, по его мнению, были совершенно ненадежными, а киевские ограничивал исключительно прямыми. Сейчас тезис об атерминологичности употребления слова «вѣче» и, следовательно, – о слабом влиянии вече на политическую систему Древней Руси – отстаивают М. Б. Свердлов и Йонас Гранберг³³.

Надо сказать, делая такой акцент на словоупотреблении летописей, исследователи без внимания оставляют тот факт, что и остальные социально-политические, а шире – все древнерусские «термины» используются книжниками точно так же. Как представляется, отметание косвенных сообщений о вече неоправданно, а жесткое разграничение

чено, что слово начало выходить из употребления и сохранялось в устойчивых формулах, кроме того, эти случаи выходят за рамки рассматриваемого здесь периода.

³³ См.: Свердлов М. Б. Генезис и структура. С. 48–56; Granberg J. Veche in the Chroniclers of Medieval Rus'. Йонас Гранберг проводит сравнение с немецким более устойчивым и формализованным обозначением «ding» (ср. скандинавское «тинг»).

«прямые»—«косвенные» известия – искусственно. Прежде всего, в пользу искусственности размежевания говорит систематическое сравнение *параллельных сообщений* летописных сводов – то есть разных известий об одном и том же событии. Если слово «вѣче» является термином, ожидалось бы, что оно в параллельных сообщениях будет повторяться. Однако почти всякий раз, когда мы имеем два, три текста и более, описывающих выступление горожан, слово «вѣче» встречается только в одном из этих текстов, остальные же сообщения являются косвенными. (Разумеется, речь идет именно о параллельных текстах, то есть о разных нарративах, имеющих общую фактическую основу. В тех случаях, когда различные своды восходят к одной фактуальной традиции – повторяют, варьируют и сокращают некую исходную запись, возможно и повторение слова «вѣче»³⁴.) К примеру, сочетание прямого и косвенного известий встречается в записях за 1068 г. Описывая восстание киевлян против Изяслава Ярославича и освобождение из «поруба» полоцкого князя Всеслава, ПВЛ несколько раз упоминает «вѣче», а НПЛ замечает только: «...высѣкоша кыянѣ Всѣслава ис поруба»³⁵. Далее, повествуя о конфликте Всеволода Ольговича и его брата Святослава с новгородцами в 6648/1141 г., Ипат использует слово «вѣче». В то же время в соответствующих статьях Лавр и НПЛ пишется о «новгородцах», и их совещание и решение никак не названы³⁶. Подобная картина – «вѣче» в Ипат, описательные сообщения в Лавр и НПЛ – наблюдается и в иных случаях, в частности, в рассказе о киевских собраниях 1147 г.³⁷, новгородских 1148 г.³⁸, 6669/1160 г.³⁹ и 6677/1167 г.⁴⁰ В известиях за XIII в. соотношение меняется. Теперь слово «вѣче» появляется чаще всего в НПЛ, а в соответствующих фрагментах Лавр отсутствует. Под 1215 г.

³⁴ Как пример можно привести списки ПВЛ Лавр и Ипат редакции под 1068 г. и 1097 г.; Лавр и более поздних сводов, переписывающих или сокращающих статью 1262 г. о восстании в Суздальской земле против татар, и др. В то же время в некоторых случаях как параллельные известия можно рассматривать и такие тексты, один из которых является отредактированной версией другого.

³⁵ Ср.: 170–171Л; НЛ, с. 17. В данном случае речь идет о НПЛ старш. ред., в НПЛ мл. ред. читается текст, тождественный ПВЛ (НЛ, с. 189).

³⁶ Ср.: «Почаша вѣставити новгородци у вѣчи на Святослава про его злобу, онъ же узрѣвъ, оже вѣстають на нь новгородци, посла къ брату», 307И. «Новгородци выгнаша Святослава, а ко Всеволоду прислаша епископа с мужи своими»; «новгородци сдумавше рекоша», 308Л. «Послаша епископа... и много лельшихъ людии, а Святославу реша»; «сѣдѣша новгородци бес князя 9 мѣсяць»; НЛ, с. 26. В Лавр и Ипат смещения в хронологию (6648 г., на единицу меньше мартовского), в НПЛ обозначение годов – мартовское (6649/1141 г.). В соответствии со стандартным пересчетом лет на современное летосчисление дату выступления новгородцев обычно обозначают как 1140 г.

³⁷ 347–353И; 316Л; НЛ, с. 28.

³⁸ 370И – есть слово «вѣче»; НЛ, с. 28 и 320Л – оно отсутствует.

³⁹ 510И – «Вѣче створиша новгородци»; НЛ, с. 30 и 351Л – слово отсутствует; подробнее см. вторую главу, модель II, сюжет № 4 (далее ссылки на нарративные модели по схеме: гл. 2, II.4).

⁴⁰ 537И – «...начаша новгородци вѣче дѣяти в таинѣ по дворомъ»; НЛ, с. 32 – слова «вѣче» нет.

новгородский летописец пишет о том, что князь собрал «вѣче» перед своим уходом из Новгорода. Лавр в параллельном тексте отмечает только действия «новгородцев»⁴¹. Под 1255 г. НПЛ подробно описывает одно из бурных собраний и в том числе приводит речи новгородцев «на вѣчи». Лавр снова-таки в свой отчет помещает лишь «новгородцев», изгнавших сына Александра Невского⁴². Единственное исключение, когда «вѣче» повторяется в двух текстах параллельного сообщения, – статьи ПВЛ и НПЛ мл. ред. под 1015 г. и 1016 г. о конфликте князя Ярослава с новгородцами. В обоих летописях слово «вѣче» имеется, отсутствует оно в паримейных чтениях⁴³.

Еще один, более редкий, вариант соотношения прямого и косвенного известий о вече – когда прямое известие имеется в одной из записей о цепочке вечевых собраний, где участвуют одни и те же действующие лица, как собрание «киян» 1147 г., названное в тексте «вѣчем» и связанное с несколькими другими, зафиксированными в Ипат под этим и предыдущим годом. Начинается оно с того, что киевский князь Изяслав Мстиславич уведомляет киевлян о получении известия о предательстве черниговских князей Давыдовичей и требует: «Нынѣ же братье кияне. . . чимъ ми ся есте обѣчали, поидите по мнѣ к Чернигову». Обещали ему поддержку в войне против черниговцев несколькими днями ранее, при выступлении в поход, и в этом первом сюжете слово «вѣче» отсутствует⁴⁴. То же вече на наших глазах из благообразного действия с обменом речами между послами

⁴¹ Мстислав Мстиславич «...створи вѣцѣ на Ярославли дворѣ», НІ, с. 53. Ср. 439Л, косвенное известие, подробнее об этом эпизоде см. гл. 2, П.3.

⁴² Ср. НІ, с. 80–81; 474Л. Йонас Гранберг пишет о том, что «вѣче» может упоминаться в одном из списков летописи, а в параллельных сообщениях отсутствовать, и делает из этого однозначный вывод, что вече не являлось действующим органом в Древней Руси. *Granberg J. Veche in the Chroniclers of Medieval Rus' (Chapter 3)*. Судя по некоторым данным, ученый имеет в виду государственные органы, аналогичные органам государства Нового времени, а не ocasionальные собрания во время военных походов, осад, торжеств и т. п., характерные для государств раннего Средневековья. О раннесредневековой практике см., например: *Halsall G. Warfare and Society*. P. 134, 141, 157 и др.

⁴³ Сообщение об убийении св. Бориса и Глеба, борьба Ярослава со Святополком и конфликте Ярослава с новгородцами вошло не только в летописи, но и в древнерусский Паримейник – избранные чтения из Ветхого и Нового Завета. Паримейный текст: «(Ярослав) съжаливъ же си велми, и съзва новогорѣдци и рече имъ: отець мой умърль, а Святопѣлкъ съдѣти Кыевъ, избивая братию свою. Бѣ бо и самъ о ть чинъ рагозынь (враждуя. – Т. В.) с новогорѣдци, и не хотяху ему помогати на Святопѣлка. Помянуша апостольское слово: братие, Бога боитѣся, князя чтѣте, Господеви бо слуга естъ, не туне (не даром) бо мечь носить. . . и рѣкоша новгородци: можемъ, княже, боротися по тебе». *Абрамович Д. И. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службъ им*. СПб., 1916. С. 115–116. Ср.: 140–141Л; НІ, с. 174–175. Другие тексты борисо-глебского цикла (Сказание о св. Борисе и Глебе, Чтение) о конфликте с новгородцами не упоминают. Вместе с тем НПЛ мл. ред., по-видимому, составлена на основе ПВЛ, и случай является примером текстуальной зависимости: *Вилкул Т. Л. Новгородская первая летопись и Начальный свод // Palaeoslavica*. Cambridge, Massachusetts, 2003. XI. P. 5–35.

⁴⁴ Ср. 348И, 343–344И. Выступление Изяслава было направлено против Юрия Володимирича (Долгорукого) и его коалиции, но киевляне обещали поддержку не против Юрия, а только против черниговских князей и сначала отказались выступить в поход с Изяславом.

Изяслава и горожанами превращается в не контролируемый администрацией мятеж. Вечники⁴⁵ решают убить представителя черниговской династии, бывшего киевского князя Игоря Ольговича. В сцене убийства Игорь упрекает киевлян: «Почто яко разбоиника хочете мя убити, аще крестъ цѣловалѣ есте ко мнѣ, рекуще, яко имѣти мя собѣ княземъ...». Он напоминает крестоцелования прошлого, 1146 г.: под Вышгородом, на Ярославле дворе и у Туровой божницы, когда после смерти его брата Всеволода Ольговича киевляне утвердили Игоря на киевском столе⁴⁶. «Вѣчем» именуется только последняя сходка у Туровой божницы, остальные, в том числе наиболее официальное собрание на Великом Ярославовом дворе, так не названы, хотя из контекста ясно, что во всех случаях речь шла об одних и тех же «киянах»⁴⁷.

Имеет значение то, что «вѣче» теряется не только при сокращенном изложении событий, но и в детализированных повествованиях, таких как Лавр и НПЛ 1141 г., 1160 г. и 1167 г., Ипат 1146 г. и 1147 г., Лавр 1255 г. Стоит только представить, что бы произошло, не сохранись Киевский свод XII в., дошедший в составе Ипат, и у исследователей политических отношений из десяти прямых известий о вече осталось бы единственное сообщение 1176 г. из Лавр, – теоретизирование летописца несколько сомнительного качества («...новгородци бо изначала... яко ж на думу на вѣча сходятся»). Как обеднело бы все XII столетие, и сколько спекуляций по поводу угасания вечевых собраний это бы породило... Или же если бы была утрачена НПЛ и за XIII в. остались считанные спорные упоминания веча в Лавр и Ипат. Представим себе также на минуту, что ученые отказались от несколько предвзятого отношения к Новгороду и, как жесткие ригористы, решили опираться исключительно на местный, наиболее осведомленный о ситуации в городе свод. Они обнаружили бы удивительную вещь – до конца XII в. в НПЛ мл. ред.⁴⁸, а в обеих редакциях – до начала XIII в. слово «вѣче» отсутствует. И сделали бы «закономерный» вывод – историю новгородского веча следует начинать с 6717/1207 (1209) г. или же 1193 г., с первого прямого сообщения о нем в НПЛ.

Надо сказать, соотношение прямых и косвенных известий о новгородском вече в самом деле необычное, если не сказать странное. Относительно темы веча Новгород и новгородцы находятся в привиле-

⁴⁵ В ранних летописях не встречается, но есть в Толковом Евангелии. См.: *Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря Древней России.* М.; Л., 1937. С. 45; *Срезневский И. И. Материалы.* Т. 1. Стб. 501.

⁴⁶ Ср. 320–322И, 351И. Вскоре киевляне предали Игоря и позвали на киевский стол переяславского князя Изяслава Мстиславича. Игорь стал пленником Изяслава, а через год был убит.

⁴⁷ Этот вопрос специально обсуждался, см., например: *Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen.* S. 76–77.

⁴⁸ Под 1193 г. в НПЛ мл. ред. имеется упоминание веча, но, как показал А. А. Гиппиус, во вставке, не принадлежащей первоначальному тексту (ученый считает, что вставка сделана ок. 1199 г.). *Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС.* СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 24.

гированном положении. Даже не потому, что здесь сложились исключительно благоприятные условия для вечевых выступлений горожан. А потому, что перипетии политики и внутренней жизни Новгорода чаще иных находили отражение сразу в нескольких сводах, ведь за ними пристально следили в Киеве и Суздале, в самом же Новгороде велась местная летопись. Вечевая активность новгородцев засвидетельствована дошедшими до нас ранними летописями и признана всеми историками. Даже исследователи, склонные отрицать влияние веча в остальных древнерусских землях, соглашаются, что Новгород является исключением и в Новгородской земле вече было одним из основных политических органов в течение всего ее существования. Между тем в Ипат за XII в. 6 прямых сообщений о новгородском вече, в Лавр – 1, в приведенной выше общей справке о «вѣче» у новгородцев, киян и смольнян. Зато в новгородском местном своде, НПЛ, составленном в основном современниками описываемых событий⁴⁹, в статьях за XII в. слово «вѣче» не встречается. Если попытаться составить приблизительную статистику соотношения косвенных и прямых сообщений, то она будет следующей. В НПЛ на 70 упоминаний о собраниях новгородцев в XII в. записей со словом «вѣче» – 0⁵⁰, в Лавр на 15 косвенных сообщений о вече приходится 1 прямое⁵¹, в Ипат соотношение, соответственно, 17/6⁵².

Из предыдущих наблюдений необходимо сделать вывод, что ограничение только прямыми сообщениями о вече неоправданно. Если в качестве свидетельств о вече мы принимаем только и исключительно прямые известия, мы вынуждены принять также и очевидные несуразности. К примеру, такую, что в Новгороде, если следовать НПЛ, не

⁴⁹ См., например: *Гумиус А. А.* К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 345–363; *Гимон Т. В.* Как велась Новгородская погодная летопись в XII веке? // ДГ 2003. М., 2005. С. 316–352.

⁵⁰ Одно – в том случае, если учитывать известие 1193 г. в НПЛ мл. ред., имеющее характер вставки. Косвенные известия – см. в НПЛ статьи 1125 г., 1126 г., 1128 г., 1130 г., 1132 г., 1134 г. (упоминается 2 раза), 1135 г., 1136 г. (2), 1137 г. (2), 1138 г. (2), 1139 г. (2), 1141 г. (2), 1142 г. (2), 1144 г., 1146 г., 1148 г. (2), 1154 г., 1156 г. (2), 1157 г., 1160 г. (2), 1161 г., 1166 г., 1167 г. (2), 1168 г., 1169 г., 1170 г., 1171 г., 1172 г., 1175 г. (2), 1176 г., 1177 г., 1178 г. (2), 1179 г., 1180 г. (3), 1181 г., 1184 г., 1186 г. (2), 1187 г., 1188 г., 1189 г., 1191 г., 1193 г., 1194 г., 1195 г. (3), 1196 г. (2), 1197 г. (2). НЛ, с. 21–45. На этот феномен не так часто обращают внимание. Обычно считают, что в НПЛ слово «вѣче» встречается чаще, чем в других сводах, что верно только для XIII в. См.: *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». С. 192. На отсутствие прямых упоминаний до конца XII в. обратила внимание *Подвигина Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории. С. 104.

⁵¹ См. статьи Лавр: 1102 г. 275–276Л (входит в ПВЛ); 1138 г. (2), 304Л, 305Л; 1140 г. 308Л; 1155 г. 346Л; 1160 г. 351Л; 1169 г. 362Л; 1174 г. 365Л; 1178 г. 386Л; 1182 г. 388Л; 1186 г. 400Л; 1188 г. 406Л; 1197 г. 414Л; 1200 г. 415–416Л. Прямое – под 1176 г., 377Л.

⁵² Косвенные известия о новгородских собраниях в Ипат: 1102 г., 251И (из ПВЛ); 1154 г., 468И; 1158 г. (2), 491И; 1161 г. 518И, 1168 г., 529И; 1170 г., 543И; 1173 г., 566И; 1178 г. (2), 606–607И, 609–610И; 1180 г., 624И; 1196 г., 702И. Прямые известия: 6648/1141 г., 307И; 1148 г., 370И; 6668/1160 г., 510И; 6669/1160 г. (2), 510И; 6677/1167 г., 537И.

было вечевых собраний до конца XII – начала XIII в. Что выступления новгородцев в 1132 и 1136 гг. (попытка изгнания и изгнание князя Всеволода Мстиславича, последнее называли даже «новгородской революцией») не являются вечем, поскольку ни одна летопись о них так не говорит. Не говоря уже о том, что абсурдно было бы считать вечем киевское собрание 1147 г., зафиксированное в Ипат, и не считать вечем то же собрание, упоминаемое без соответствующего слова в Лавр, что распространяется и на все остальные параллельные сообщения. Если же мы принимаем прямые и некоторые, избранные нами, косвенные свидетельства, необходимо привести рациональные основания нашего выбора. До сих пор, насколько мне известно, такие основания не были приведены. Принятие или непринятие того или иного известия как сообщения о вече всякий раз опирается на интуицию исследователя и общие представления об устройстве древнерусского общества, системы в таком выборе нет. Ее и не может быть, поскольку слово «вѣче» не является термином, а использование или неиспользование его летописцем – во многом дело случая.

Для нашей темы важно также, что лексема «вѣче» появляется в текстах, имеющих признаки книжного стиля, часто в сообщениях со следами несвоевременной записи. Как можно предполагать, она внесена не при первоначальном составлении летописных статей, а при их последующей правке и распространении. В частности, самый щедрый на упоминания новгородского веча в XII в. Киевский свод отнюдь не представляет собой рапортов с места событий. Многие фрагменты повествования, в том числе включающие слово «вѣче», содержат внутренние противоречия и имеют явные следы редактирования. Так, в статье 6648/1141 г., описывающей конфликт Всеволода Ольговича и новгородцев и изгнание его брата Святослава из Новгорода, Ипат соединяет фрагменты различного происхождения. Это, во-первых, текст, общий с Лавр, и, во-вторых, дополнительные блоки, не находящие соответствий в суздальском своде. При присоединении дополнительного текста к основному произошла накладка, дублирование сюжетного хода. Дважды сообщается об отказе Всеволода послать новгородцам своего сына Святослава вместо брата (также Святослава)⁵³. Небезынтересно, что слово «вѣче» находится как раз в одном из дополнительных блоков. Множество редакторских правок прослеживается и в другом известии Ипат, 1148 г., в том числе в описании веча. Новгородцы энтузиастически поддерживают предложение князя о походе, произносят речи, сравнивая Изяслава с его дедом Мономахом и отцом Мстиславом, и расходятся. Но после снова говорится о патетических речах – летописцу понадобилось еще что-то вписать, и он, ничтоже сумняшеся, «вернул» горожан на место проведения собрания.

⁵³ Вилкул Т. Л. Новгородцы и русские князья в летописании XII в. // *Russia Mediaevalis*. München, 2002. Т. X, 1. S. 48; см. также гл. 2, П.2.

«И тако новгородци и плесковичи снидошася на вѣче. Ирече имь... Они же рекоша: Ты наш князь, ты наш Володимирь, ты наш Мстиславь, ради с тобою идемь своихъ дѣля обидь. И тако разидошася. И паки (опять. – Т. В.) рекоша новгородци: княже, ать же поидемь и всяка душа»⁵⁴.

Здесь же всячески скрывается тот факт, что в походе киевского князя Изяслава Мстиславича на Волгу, во владения Юрия Долгорукого, участвовали только новгородцы (что видно из сравнения с НПЛ и Лавр и некоторых деталей в самой Ипат)⁵⁵. Вдобавок ко всему, значимость Ростислава, младшего брата Изяслава, в рассказе фактически равнозначна влиянию самого киевского князя, а такие фрагменты, где Ростислав Мстиславич приравнивается к Изяславу или даже затеняет его, традиционно считают признаком позднего редактирования. Редактирования того времени, когда в Киеве правил сам Ростислав (1159–1167 гг.) или его сын Рюрик (1194–1204 гг.), при котором, видимо, был составлен Киевский свод⁵⁶. В следующем сюжете, где в Ипат говорится о вече – под 6669/1160 (1161) г. об изгнании из Новгорода Святослава Ростиславича, детально проработаны патетические речи князя в ответ на слова вестника о том, что горожане хотят его «яти», то есть схватить. По некоторым признакам, литературным образцом для автора послужили тексты ПВЛ, к которой питал слабость один из составителей Киевского свода, – вероятнее всего, в качестве источника была избрана Повесть об ослеплении Василька Теробовльского⁵⁷. Здесь же использована и Александрия Хронографическая, что также

⁵⁴ 370И. Кстати, наличие большого числа диалогов, детально прописанных этикетных сцен обычно свидетельствует о редактировании: *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 25. Что касается статьи 1148 г., о редактировании свидетельствуют также не прямые заимствования из Александрии Хронографической. Серия заимствований, прямых и в пересказе (1140-е, 1170-е, 1197 гг.), характеризует составителя Киевского свода, работавшего в конце XII – начале XIII в. *Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста. Р. 65–67; *Вилкул Т. Л.* «Литредакция» летописи (о вставках из Александрии Хронографической в Киевском своде XII в.) // Герменевтика древнерусской литературы (в печати). Одна из вставок из Александрии в статьях 1170-х гг. отмечена А. С. Орловым: *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. Л., 1926. XXXI. С. 116.

⁵⁵ См. гл. 2, III.5.

⁵⁶ О редактировании в пользу Ростислава Мстиславича см., например: *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 230–231; *Франчук В. Ю.* Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. К., 1986. С. 5, и др. Можно привести случаи, когда один из братьев Мстиславичей, в том числе киевский князь Изяслав, определяется как «брат Ростиславль», или упоминается наряду с Изяславом как равноправный ему. См.: «Изяславь, брат его (Ростислава – Т. В.)», 371И; «Володимерь же рече брату своему Изяславу... твоєя дѣля чести и брата своего Ростислава», 408И; «Ростиславь ... с братом своимъ Изяславом», 456И. Такие определения имеются только в Киевском своде и отсутствуют в Лавр, где также сообщается о Ростиславе.

⁵⁷ В частности, разработан тот же сюжетный ход, что и в Повести об ослеплении Василька, – предупреждение о намерениях схватить накануне трагических событий. Кроме того, здесь в Киевском своде единственный раз появляется слово «ыстобка» (изба): «...и емше князя запроша в ыстебкъ» (так И, в Хл испорченное: «оувнестоць»), несмотря на оби-

является указанием на редактирование статьи или даже вообще на составление ее целиком в более позднее время.

Такие черты характерны не только для вечевых рубрик Ипат, но и для НПЛ. В частности, первое новгородское прямое известие о вече появляется в статье 1193 г. НПЛ мл. ред. во вставке⁵⁸. Следы редактирования прослеживаются в статьях НПЛ обеих редакций первой трети XIII в.⁵⁹ О правках свидетельствует прежде всего рваная хронология 6714–6731 гг. (при стандартном переводе на современное летосчисление – 1206–1223 гг.). Как показал Н.Г. Бережков, в записях этого периода НПЛ несколько раз перескакивает от ультрамартовского к мартовскому стилю. Прослеживаются значительные хронологические смещения на две-три единицы выше мартовского года, а также потери записи за 1–2 года. Под 6717/1207 г. в НПЛ впервые после молчания XII в. прямо упомянуто «вѣче», и первый серьезный хронологический сбой приходится как раз на 6717 г. События 1207 (мартовского 6715) г. попали в две статьи – ультрамартовскую 6716 г. и ультра-ультрамартовскую 6717 г.⁶⁰ В первой сообщается об убийстве Борисом Мирошкиничем Олексы Сбыславича после прихода «Всеволожа мужа», то есть вельможи Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо). Во второй описывается восстание против другого Мирошкинича, посадника Дмитра, судя по всему, также связанного с суздальским князем. В этом выступлении проявилось недовольство Всеволодом, имевшее длительную подоплеку и весьма серьезные последствия. В следующем году оно вылилось

лие «высокой лексики». В ПВЛ «ыстобка» упоминается в сюжетах 945 г., 1074 г., 1093 г., 1095 г. и 1097 г.; см. 57Л, 196Л, 218Л, 228Л, 258–260Л; предупреждение князя – под 980 г., 1015 г. и 1097 г.; 78Л; 133Л, 135–136Л; 258–259Л. Пересекаются оба элемента в Повести об ослеплении Василька. В Ипат, как кажется, идет продуманная литературная игра слов: «...сѣдѣю бо князю... у святого Благовѣщения» и прискакал вестик с дурною вестью. О заимствованиях из Александрии Хронографической в статье 6669/1160 г.: *Викул Т. Л.* «Литредакция» летописи.

⁵⁸ В НПЛ старш. ред. оно отсутствует, см. выше. Речь идет об избрании новгородского архиепископа по жребию из трех кандидатур: «...и послаша с вѣца слѣпца, да котораго даст Богъ, и выняся Божию благодатью жребии Мантуриевъ». Ср. НЛ, с. 40, 232. Интересно, что здесь слово вписано с новгородским цоканьем, «вѣца», тогда как в первом прямом сообщении, общем для обеих редакций, новгородские диалектизмы не прослеживаются, во всех списках читается «вѣче» или «вече».

⁵⁹ Надо сказать, летописеведы по-разному оценивают степень редактирования НПЛ. А. А. Шахматов считал, что редакторская работа для Новгорода гораздо менее характерна, чем для других летописных центров. В последнее время благодаря работам А. А. Гиппиуса утвердилось мнение о том, что НПЛ представляет собой не свод, а постоянно ведшиеся записи при владычной кафедре. Тем не менее, А. А. Гиппиус также признает, что статьи начала XIII в., начиная с 1204 г., были переписаны наново и существенно отредактированы.

⁶⁰ См.: *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 251–261, особ. с. 255; *Викул Т. Л.* Хронологические сбои в Новгородской первой летописи (текст за первую треть XIII в.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Время источника и время в источнике. XVI. М., 2004. С. 19–24. Под 6717 г. НПЛ впервые отступает от мартовского стиля на 2 года, все предыдущее XII столетие отмечено мартовским летосчислением. Т. В. Гимон объясняет хронологические смещения иначе, см.: *Гимон Т. В.* Новгородское летописание первой четверти XIII в.: хронология и процесс пополнения летописи // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 80–118.

в смену князя – на новгородском столе впервые после стольких лет правления ставленников Суздаля появился представитель смоленской династии, Мстислав Мстиславич. События поданы в НПЛ очень осторожно, о недовольстве Всеволодом прямо не сообщается. Скрытие реального положения вещей достигнуто с помощью нескольких приемов. Под 6716 г. не назван главный виновник убийства Олексы – по всей вероятности, суздальский князь (хотя и оговаривается, что новгородца «убиша без вины») именно после прибытия «Всеволожа мужа»⁶¹. Под 6717 г. новгородский летописец отмечает, что Всеволод якобы сам дал добро на выступление против Мирошкинича – «волю и уставы старых князь». В следующем 6718 г. Мстислав, снова-таки, сам пришел в город, его не приводили новгородцы, о чем, между прочим, есть в ЛПС⁶². При этом еще до прихода Мстислава на новгородской сцене внезапно появляется его брат Володимир Мстиславич, что должно свидетельствовать о какой-то договоренности горожан со смоленскими князьями⁶³. В серии подобных приемов и хронологические смещения. Очевидно, при редактировании НПЛ была произведена простая, но достаточно эффективная операция. События марта – убийство Олексы сторонниками суздальского князя Всеволода и октября–ноября – «восстание» против Дмитра, сторонника того же Всеволода, – были разнесены под разные годы. Благодаря этому снялось напряжение, перемены перестали выглядеть кардинальными, а обида как бы притупилась за давностью⁶⁴.

⁶¹ «Приде Лазорь, Всеволож муж, из Володимирия, и Борисе Мирошкиниць повель убити Олексу Събыславица на Ярославли дворѣ, и убиша и без вины...»; НЛ, с. 50. Надо сказать, общего мнения о политической подоплеке конфликта нет. В. Л. Янин, в противовес предыдущей и последующей традиции, считает, что Мирошкиничи не были связаны со Всеволодом. Литературу и полемику с В. Л. Яниным см. в: *Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород*. СПб., 1992. С. 248–249.

⁶² «Приведоша новгородци къ собѣ Мъстислава Мъстиславича, торопечьскаго князя, а Святослава прияша (взяли в заложники. – *Т. В.*)»; ПСРЛ. Т. 38. С. 164.

⁶³ По НПЛ, Мстислав пришел только «на зиму» 6718 г., но статья этого года начинается сообщением о Володимире, брате Мстислава, который ведет новгородцев в поход на литву. Совершенно ясно, что он не мог бы это делать при князе – представителе суздальской династии Святославе Всеволодиче. Значит, летописец сознательно «оттягивает» приход Мстислава в Новгород. О «добровольном» пожаловании «воли» новгородцам Всеволодом: *Фроянов И. Я.* Об отношениях Новгорода с князем Всеволодом и народных волнениях 1209 г. // Генезис и развитие феодализма. Л., 1988. Вып. 11. С. 48–49.

⁶⁴ Ситуация была щекотливой. По НПЛ, Мирошкинич с «Всеволожим мужем» убивают «без вины» Олексу, затем новгородцы якобы с охотой откликаются на призыв Всеволода Юрьевича, идут с его сыном Константином («в помощь») в поход на черниговских князей и участвуют в разгроме Рязанской земли. А в следующем году взятие Рязани Всеволодом (начало событиям было положено как раз совместным походом с новгородцами) описывается уже с осуждающими интонациями и в город приходит смоленский князь Мстислав Мстиславич. Подробнее см. гл. 2, I.4, II.8. Побочным следствием хронологической разбивки было то, что в статье 6717 г. появилось смещение на два года по сравнению с мартовским. М. Х. Алешковский считал, что в данном случае сводчик поменял события местами и что убийство Олексы было реакцией на выступление против Дмитра Мирошкинича. *Алешковский М. Х.* Новгородский летописный свод конца 1220-х годов // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 110. Однако в такой интерпретации не учтена полная дата убийства Олексы.

Следы редакторского вмешательства обнаруживаются и в следующих статьях НПЛ⁶⁵. Под 6722/1211 или 1212 (1214) г. второй раз после 6717/1207 (1209) г. встречается слово «вѣче»⁶⁶. И здесь же оборот «нет части в Руской земли» используется с различными, даже прямо противоположными интенциями в двух соседних фразах. Сначала он звучит в речи черниговского князя, обвиняющего смоленских князей, «Ростиславлих внуков», а затем в речах самих представителей смоленской династии, направленных уже против черниговского Всеволода Чермного⁶⁷. Так не могло бы случиться, если бы мы имели дело с первоначальной версией. Далее, под 6723–6724/1215–1216 гг.⁶⁸ описывается острый конфликт во Владимиро-Суздальской и Новгородской землях с участием новгородцев, Мстислава Мстиславича, Ярослава Всеволодича и других князей, завершившийся битвой на Липице. В статьях НПЛ несколько раз вписано «вѣце» (с новгородским цоканьем), и снова в тексте имеются неувязки: летописец, как кажется, старался снять вину с новгородцев, как обычно, игравших на противоречиях князей, и смягчить междуусобный конфликт. Согласно летописи, в то время снова обострилась борьба за Новгород между представителями суздальской и смоленской династий. В 1215 г. Мстислав ушел почему-то в Киев, и на его место новгородцы были «вынуждены» пригласить Ярослава Всеволодича, но тот пробыл в городе недолго и вскоре удалился на Торжок. Здесь князь Ярослав собрал на поле, схватил, заковал и разослал в заточение 2000 новгородцев: «Измавь я вся, посла исковавъ по своимъ городомъ... а бѣше всѣхъ новгородць боле 2000»⁶⁹. Мстислав Мстиславич тем временем вернулся, собрал остаток горожан и пошел войной на Ярослава. Под следующим 1216 г. повествуется о битве на Липице, в которой принимали участие две коалиции князей и люди двух земель – Новгородской и Владимиро-Суздальской⁷⁰. Новгородцы воевали на стороне Мстислава, но Ярослав

⁶⁵ Кроме фрагментов с прямыми упоминаниями вече, см. еще в косвенном сообщении о выступлении псковичей. Под 6721/1211 г. (соответствует 6719 мартовскому) в одной фразе предлагаются два различных объяснения разгрому окрестностей Пскова: отсутствие горожан, находившихся в походе, и изгнание ими своего князя Володимира Мстиславича. «Изьехаша литва безбожная Пльсковъ и пожгоша: пльсковичи бо бяху въ то время изгнали князя Володимира от себе, а пльсковичи бяху на озѣрѣ»; НЛ, с. 52. Две части фразы стилистически несовместимы (подчеркнуты несочетаемые синтаксические конструкции), а кроме того, соотносятся с хронологически несовместимыми ситуациями: в поход псковичи ходили вместе с Мстиславом Мстиславичем, что предполагало мирные взаимоотношения с его братом Володимиром. Об этом походе см.: *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 256.

⁶⁶ В этой статье оно использовано трижды.

⁶⁷ НЛ, с. 53; см. также гл. 2, I.3.

⁶⁸ Годы мартовские, то есть между 6722 ультра-ультрамартовским и 6723 г. мартовским, несмотря на плавность летописного изложения, хронологический провал, выпало 2 года (переход от 6722/1212 г. сразу к 6723/1215 г.).

⁶⁹ НЛ, с. 55.

⁷⁰ Ярослав и Юрий Всеволодичи воевали против своего брата Константина Всеволодича, Константин поддерживал Мстислав Мстиславич, с которым ходили в поход новгородцы.

также смог собрать новгородцев – и это после того, как «изымал всех» их на Торжке. Гражданская усобица все же состоялась: воевали между собой сторонники Мстислава Мстиславича и Ярослава Всеволодича. «Оле страшно чюдо и дивно, братье: поидоша сынове на отца, брат на брата, рабъ на господина, господинъ на рабъ»⁷¹. Взаимоисключающие подробности свидетельствуют о редакторской работе с летописным текстом.

Итак, слово «вѣче» появляется в редактированных фрагментах Ипат и НПЛ. Похоже, то же касается и ПВЛ, по крайней мере, в одном случае это можно утверждать определенно. В первом дошедшем до нас летописном своде имеются внутренние параллельные фрагменты, где записи продублированы, вернее, редактированы и сохранены внутри самой ПВЛ. События 1097–1099 гг. освещаются дважды: в Повести об ослеплении Василька Тербовльского, помещенной в статье 1097 г., но написанной или отредактированной после 1112 г.⁷², и в дублирующих ее кратких статьях 1098–1099 гг. В Повести подробно описывается, как войска Давыда Игоревича осадили Владимир-Волынский. После смерти от вражеской стрелы сына киевского князя, Мстислава Святополчича, владимирцы с вече послали мольбу к Святополку о том, что они «изнемогают гладом» и «хотят... ся предати» осаждающим. В параллельном известии 1099 г. сведений о горожанах и вече нет, зато есть точная дата смерти Мстислава: «Убьень Мстиславъ сынъ Святополчъ в Володимери, мѣсяца июня въ 12 день»⁷³. Судя по наличию точной дневной даты (отсутствующей в Повести об ослеплении Василька), краткое известие может быть современно происшествию. В который раз сталкиваемся с тем, что прямое упоминание вече появляется в поздней книжной повести, а в более-менее современных событиям статьях отсутствует.

⁷¹ НЛ, с. 56. Вероятнее всего, перу редактора принадлежит весьма проработанная в НПЛ тема «изымания». «Изыманных» новгородский летописец называет еще «вячшими»; по поводу того, что в распоряжении Мстислава остался «избыток» новгородцев, «меньшие», и часть из них умерла от голода, провозглашаются патетические речи. Далее после поражения Ярослава еще раз говорится о захвате остатка новгородцев в Переяславле: «...а Ярослав въбегъ въ Переяславль, повеле въметати въ погребъ, что есть новгородць...»; НЛ, с. 55–56. «Изымание» имеет целью подкорректировать ситуацию. Летописец хотел создать у читателя впечатление, что новгородцы не делились на партии, каждая из которых поддерживала своего князя, а что «всенародную поддержку» получил герой НПЛ этих лет – Мстислав Мстиславич. Редактирование НПЛ в пользу Мстислава отмечали как дореволюционные, так и современные исследователи, см.: *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства. С. 82; *Алеиковский М. Х.* Новгородский летописный свод. С. 104–111; *Гунтуис А. А.* К истории сложения текста. С. 14. Мстислав пользовался симпатией одного из составителей НПЛ, и потому его княжение рисуется как героический период в истории Новгорода, а отношения новгородцев и Мстислава идеализированы.

⁷² Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI – 1 пол. XIV вв. Л., 1987. С. 92 (здесь же литература вопроса); *Timberlake A.* Redactions of the Primary Chronicle // Русский язык в научном освещении. М., 2001. № 1. С. 202, 212. В Повести отмечено, что Давыд Игоревич «умре» в волости, данной ему русскими князьями. Умер Давыд в 1112 г., на основе чего делается вывод о позднем происхождении текста.

⁷³ Ср. 272–273Л.

Подводя некоторые предварительные итоги нашим наблюдениям, можно сказать следующее. Слово «вѣче» не является термином. Прямые сообщения о вече отнюдь не нейтральны. То, что о новгородских собраниях XII в. пишет чужой Киевский свод, а местная НПЛ молчит, то, что «вѣче» прорывается в отредактированных статьях НПЛ первой трети XIII в. и вообще часто встречается в литературно обработанных фрагментах, свидетельствует о семантическом напряжении. Подобное распределение должно иметь причины, так может быть, если слово вызывает тревожные ассоциации, имеет пейоративную функцию и т. п. К семантической нагрузке слова я еще вернусь, а пока займемся решением ближайшей задачи историка: выяснением принципов идентификации сообщений о вече.

«Народъ», «весь градъ», «дружина», «бояре» и другие

Коль прямыми упоминаниями вече ограничиваться не следует, тогда первое, что необходимо выяснить, – каким образом в древнерусских летописях заданы косвенные сообщения о вече. Хотя из предыдущего изложения ясно, что летописцы не считали своей обязанностью включать слово «вѣче» в описания политической активности горожан, отталкиваться приходится именно от прямых известий. К счастью, во фрагментах, где упоминается «вѣче», а также в параллельных текстах, состоящих из прямого и косвенного известий, найдены практически все синонимические замены обозначения вече и его участников. Несмотря на то что абсолютное большинство из них упоминается в работах, затрагивающих тему взаимоотношений людей и князя, думаю, необходимо их перечислить. В исследованиях вечевой тематики накопилось столько традиционных споров, традиционных доказательств и ссылок на источники, что для того, чтобы не возвращаться в круг уже заданных вопросов и полученных ответов, стоит начинать (или хотя бы сделать вид, что начинаешь) с чистого листа.

Чаще всего участники вечевых собраний названы словами «кияне», «полочане», «новгородци», «володимирци»⁷⁴ или «людье»⁷⁵. На действия «киян», «полочан» и пр. указывает множественное число в глагольных формах: «рѣша» или «рекоша», «послаша», «въведоша», «въставше», «сѣтворивше»⁷⁶. Наряду с такими массовыми и в известном смысле неопределенными лексическими средствами спорадически встречаются обозначения иного характера: «горожане»/«гражане» (997 г., 1097 г., 1229 г.⁷⁷); «весь городъ» (1228, 1230 гг.⁷⁸), «народи», «народъ» (1147 г.,

⁷⁴ Например: 268Л, 377Л, 320–321И, 348И, 495И, 510И, 647И, НІ, с. 51 и след. В некоторых случаях – «все кияне», «все новгородци».

⁷⁵ Например: 170–171Л, 272Л, 317Л, 476Л, 307И, 510И, 537И.

⁷⁶ Изредка не отмечено, кто же «створи» вече, как в безличных сообщениях: «...изгнаша их (татар. – Т. В.) вѣчьем, и ограбиша их» (526Л, 1289 г.).

⁷⁷ 128Л – 112И; 268Л – 242И, 756И.

⁷⁸ НІ, с. 67, 69.

1160 г.⁷⁹); «съборъ» (1147 г.⁸⁰); «от мала и до велика» (1147 г.⁸¹); «дружина» (1015 г.⁸²), «бояре своя и дружина своя кияне» (1147 г.⁸³); «простая чадь» (1228 г.⁸⁴), «меншии» и «вятшии» (1255 г.⁸⁵). Тексты НПЛ, к которой традиционно испытывают доверие ученые, добавить могут немного. Это «въстанъ» (1132 г.⁸⁶), а также «весь градъ» (1156 г.⁸⁷, в прямых сообщениях только в полногласной форме, «весь городъ») и подобное ему выражение, характерное для актов новгородских документов: «вьсь Новгородъ» (1194 г.)⁸⁸. НПЛ содержит и одно редкостное перечисление состава тех, кто заключал «порядъ» с киевским князем Ростиславом Мстиславичем: «огнищане, гридь, купце вячьшее» (1166 г.⁸⁹). Этим практически исчерпывается диапазон обозначений, применявшихся в описании отношений князя и «людей». Каждое из них имеет собственную сферу бытования, отмечено какими-то предпочтениями и запретами. Некоторые из них можно понять, другие – только отметить, предположительно угадывая смысл. Собственно, далее я попробую заняться именно этим – проанализировать особенности их функционирования в ранних летописных сводах.

Далее тестируются две гипотезы. Первая: не только слово «въче» не имело терминологического смысла, но и вообще вся социальная терминология, а вернее, то, что исследователями воспринимается как социальная терминология, обнаруживает такую же «текучесть» и «нестабильность». То есть «въче» не стоит особняком, а вполне вписывается в общую картину. Вторая: появление тех или иных «социальных терминов» зачастую зависит от использования литературных образцов. Для этого словоупотребление в анализируемых сводах сравнивается со словоупотреблением тех памятников, которые, предположительно, должны были входить в круг чтения составителей летописи. Разумеется, круг чтения летописцев определяется приблизительно, поскольку для выяснения объема всей заимст-

⁷⁹ 349И, 510И (в последнем случае – «множество народа людии»).

⁸⁰ 351И.

⁸¹ 348И.

⁸² 141Л, в обращении Ярослава (Мудрого) к новгородцам: «о люба моя дружино».

⁸³ 343–344И.

⁸⁴ НI, с. 67.

⁸⁵ НI, с. 81.

⁸⁶ «...въстанъ велика въ лодьхъ»; НI, с. 22. См. также «мятежь» (1137 г.) – упоминание почти на полтора века ранее, чем запись 1270 г.; НI, с. 24.

⁸⁷ НI, с. 29–30.

⁸⁸ НI, с. 41; в НПЛ мл. ред. еще также под 1287 г.; НI, с. 326.

⁸⁹ НI, с. 32. В параллельном сюжете Ипат сказано о «новгородцах», 529И. А. А. Горский приводит это перечисление НПЛ как свидетельство совещания с дружиной: *Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 44, 49* (в подобном же ракурсе в: *Насонов А. Н. Русская земля. С. 42* и др.). Но Ипат пишет именно о новгородцах, о том, как они обещали Ростиславу Мстиславичу держать его сына Святослава князем «до его живота» ('до смерти') и нарушили это обещание. Формулировки соответствуют обычным описаниям собраний новгородцев, о дружине ничего не сказано. Притом в Ипат и НПЛ речь идет, несомненно, об одних и тех же событиях.

вованной и использованной литературы потребуется не одно специальное исследование. Но некоторое представление о литературном окружении все же можно составить. Здесь привлекаются Евангелия-апракос⁹⁰, а также Апостол и Псалтырь, полностью прочитывавшиеся в течение годового цикла служб и, без сомнения, известные всем летописцам. Кроме того, книги Ветхого Завета (в основном так называемые книги исторического содержания – Иисуса Навина, Судей, Царств, фрагментарно входящие в состав Паримейника и Хронографов⁹¹); Хроника Георгия Амартола⁹² и Иоанна Малалы, некоторые другие хронографические и нехронографические тексты⁹³. Как правило, в работах по социальной истории жестко разграничивают светскую и церковную литературу и в качестве источников предпочитают использовать светские тексты. Впрочем, сейчас уже никого не нужно убеждать в необходимости учитывать библеизмы, влияние агиографических памятников, популярных гомилий (поучений) и пр., и искусственное вычленение «светской традиции» можно объяснить лишь исследовательской инерцией⁹⁴. Что позволяет автору без дальнейших оговорок привлекать так называемые церковно-книжные тексты. Помещение летописных записей в широкий контекст их предположительных источников, пусть даже высчитанных приблизительно, позволяет понять, что терминология летописцев не отражает социальные и политические прак-

⁹⁰ В нашем случае не играют роли некоторые различия между краткими и полными апракосами, поскольку учитываются лишь самые общие закономерности.

⁹¹ Реально существующие хронографы и их редакции – довольно позднего происхождения, но складывание их протографа (протографов) датируют ранним временем. Обзор мнений и литературу см.: Словарь книжников и книжности. Вып. 1. С. 475–477.

⁹² В особенности для ПВЛ. Известно, что составитель ПВЛ использовал древнерусский (или древнеболгарский, вопрос о месте перевода спорен) перевод Амартола, литературу см.: Словарь книжников и книжности. Вып. 1. С. 239; *Станков Р.* К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Преславска книжовна школа. Изследования в памет на професор Иван Гълъбов. Шумен, 2004. Т. 7. С. 57–72.

⁹³ О ветхозаветных или хронографических (в строгом смысле этого слова) заимствованиях в летописях, то есть заимствованиях преимущественно из Амартола, Малалы, Флавия, Александрии, см. указанные труды В. М. Истрина и А. А. Шахматова, а также: *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи; *Перетц В. Н.* До питання про літературні джерела давньоукраїнського літопису // Збірник Історично-філологічного відділу УАН. Ювілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського. № 76. Ч. II. К., 1928. С. 213–219; *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975; *Творогов О. В.* Летописец Еллинский и Римский. Текстологические и источниковедческие проблемы // Летописец Еллинский и Римский. Т. 2. СПб., 2001; *Вилкул Т. Л.* «Литредакция» летописи. Хотя, конечно, в начальных частях хронографов присутствуют включения из ветхозаветных текстов и строгое разграничение вряд ли возможно.

⁹⁴ Наиболее успешно церковно-книжные параллели привлекаются для исследования истории Древней Руси X – начала XII в. и древнерусского летописания XI – начала XII в. См. исследования последних лет: *Толочко О. П., Толочко П. П.* Київська Русь. К., 1998; *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. О некоторых закономерностях использования библейских и хронографических текстов см. также: *Deptula C.* Galla Anonima mit genezy Polski. Studium z historiozofii i hermeneutyki symboli dziejopisarstwa średniowiecznego. Lublin, 2000. S. 69–148 (1-я глава: «Biblia – mit «archaiczny» – historia antyku (Podstawy średniowiecznego obrazu dziejów)»).

тики в чистом виде, а опосредована одновременными и разнохарактерными текстами. Еще одной моей задачей было вернуться к исходному значению слов. Иные из них (кроме «вѣча», можно назвать, например, «дружину») так давно и прочно «терминологизированы» историками, что они в исторических трудах приобрели новое качество и существуют отдельно от лексем, которые их «породили». В работах по социальной истории Древней Руси цитаты из источников приводятся порой в качестве иллюстративного материала, и историки довольствуются ограниченным набором кочующих из книги в книгу ссылок. Насколько мне известно, подобного исследования до сих пор не проводилось. Социальная и политическая терминология летописей систематически изучалась только на примере ПВЛ и НПЛ⁹⁵, из более поздних же сводов делались отдельные выборки. В частности, обозначения, имеющие отношение к изучению древнерусской дружины, проанализированы в книге А. А. Горского «Древнерусская дружина»; в работах С. В. Завадской анализировались обозначения «бояре»—«бояре» и «старци»—«старейшины».

«Кыяне», «новгородци», «людие»

Несколько слов хотелось бы сказать о наименованиях горожан в летописи, таких как «людие», «кыяне», «смольняне», «новгородци» и др. Это наиболее массовые и семантически нейтральные упоминания. Слово «люди» и собирательное «людье», «людие» в древнерусской книжности, как и в современных славянских языках, чрезвычайно полисеманлично⁹⁶. Наиболее типичны для летописей ситуации: взаимодействия правителя и народа (избрание, обсуждение важных дел и т. п.); обозначение населения в общем, не как политического субъекта, а, так сказать, как объекта приложения чьих-то сил, особенно при военных неудачах – пленении, захвате города; в книжных пассажах, в том числе торжественных описаниях церемоний, библейских цитатах, свидетельствах чудес и т. п. Кроме того, «люди», особенно с определяемым: «мои», «твои», «Романовы», могут обозначать слуг или войско какого-либо князя. Устойчивые словосочетания «добрыи людие», «простые», «черные» обозначают социальные группы населения. Общее количество словоупотреблений в летописных описаниях вечевых ситуаций и – шире – взаимоотношений народа и князя, исчисляется сотнями. Отметим частотность словоупотребления таких лексем, как «люди» («людие»), «кыяне», «новгородци»⁹⁷ в летописных сводах в общем, без их соотнесения со «светскими» ситуациями взаимодействия правителя

⁹⁵ Львов А. С. Лексика «Повести временных лет»; Schmidt K. R. Soziale terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Kopenhagen, 1964.

⁹⁶ См., например СДРЯ. Т. IV. М., 1991. С. 482–484.

⁹⁷ Выбраны наиболее часто встречаемые обозначения; такие, как «вышегородци», «перяславци», «черниговци» и др., не учитывались. Для каждого из сводов подобраны наиболее частотные иные аналогичные обозначения.

и народа. Таким образом, в подсчеты словоупотребления лексем «люди», «людие», разумеется, попадут и обозначения церковно-книжного ряда – «вѣрнии люди» (то есть христиане), «людие» в библейских цитатах и др.⁹⁸ Тем не менее, общие тенденции проследить все же возможно.

В ПВЛ (цифры приводятся, с незначительными уточнениями, по словоуказателю О. В. Творогова)⁹⁹: «кияне» – 15 упоминаний (3 для X в. и 12 для XI в.), «людье», «люди» – 78 (41 для X в. и 37 для XI в.) «новгородци» – 22 (5 для X в. и 17 для XI в.)¹⁰⁰, этнонимов «поляне», «древляне–древляне», «сѣверяне–сѣверь» – 61¹⁰¹. В Киевском своде или Ипат за XII в. «кияне» встречается 89 раз, «людие» – 96, «новгородци» – 60¹⁰². Лавр за XII в.: «людье» – 49, «кияне» – 33, «новгородци» – 39, «воло-

⁹⁸ Впрочем, в библейских цитатах часто в близких летописным ситуациях (хотя правильное было бы сказать наоборот, поскольку направление заимствования и моделирования обратное).

⁹⁹ Словоуказатель перепечатан в новом переиздании Лаврентьевской летописи: ПСРЛ. Т. 1. 1997. С. 604–733, а также последующих переизданиях первого тома ПСРЛ. Относительно интересующих нас слов см. с. 639, 646, 655.

¹⁰⁰ Для ПВЛ привожу отсылки по Л, различения ранних списков удобно разыскивать по: The *Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis* / Ed. Donald Ostrowski [Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Vol. X]. P. 1–3. Cambridge, Massachusetts, 2003.

«Кияне» упоминаются под 945 г., 968 г., 980 г., 1015 г., 1024 г., 1036 г., 1069 г. (3 раза), 1078 г., 1093 г. (2), 1097 г. (3). См.: 56Л, 67Л, 77Л, 132Л, 147Л, 151Л, 173Л (2), 174Л, 202Л, 218Л, 219Л, 259Л, 263Л, 264Л. «Людье»: 861 г., 945 г. (3), 946 г. (2), 955 г., 968 г. (7), 969 г. (2), 970 г., 977 г., 980 г., 986 г. (8), 988 г. (9), 991 г., 997 г. (4); 1015 г. (2), 1024 г., 1030 г., 1037 г. (2), 1054 г. (2), 1066 г., 1068 г. (5), 1069 г. (2), 1071 г. (2), 1089 г., 1091 г. (2), 1093 г. (5), 1096 г. (3), 1097 г. (8). См.: 20Л, 47Л, 55Л, 57Л, 59Л (2), 61Л, 65Л (2), 66Л (5), 68Л (2), 69Л, 74Л, 79Л, 93Л (2), 95Л (3), 97Л (2), 99Л, 109Л (2), 117Л (4), 118Л (2), 121Л, 122Л, 127Л (2), 128Л (2), 131Л (2), 150Л, 152Л (2), 153Л, 147Л, 162Л (2), 166Л, 170Л (2), 171Л (3), 173Л, 174Л, 181Л (2), 208Л, 211Л, 214Л, 217Л, 220Л, 221Л (2), 225Л, 230Л, 234Л, 235Л, 257Л, 260Л, 267Л (2), 268Л (2), 272Л (2). «Новгородци»: недатированная часть (1), 862 г. (2), 970 г. (2), 1015 г. (7), 1021 г. (2), 1036 г., 1095 г., 1096 г. (3), 1102 г. (3) г. См.: 11Л, 20Л (2), 69Л (2), 140Л (2), 141Л (2), 142Л (2), 143Л, 146Л (2), 151Л, 229Л, 238Л, 239Л (2), 275Л (2), 276Л.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 1. С. 624, 626, 669, 695. Из них 16 «поляны», 34 «древляны», 11 «сѣверяны». Встречаются преимущественно в недатированной части, а также в описании мести древлянам княгини Ольги. Здесь не учитывались иные подобные обозначения, такие как «дреговичи», «вольняне» и пр.

¹⁰² Ипат анализируется по моему электронному варианту Лавр и Ипат за XII в. 25 упоминаний общие с Лавр (далее обозначено как ЛИ), 64 упоминания только Ипат. «Кияне» упоминаются под: 1113 г. (4), 1132 г., 1139 г. (ЛИ), 1146 г. (16), 1147 г. (9ЛИ+5), 1149 г. (4ЛИ+1), 1150 г. (4ЛИ+ 8), 1151 г. (8), 1152 г., 1154 г. (4ЛИ+2), 1155 г. (ЛИ), 1158 г., 1159 г., 1160 г., 1161 г. (2), 1169 г. (2), 1171 г. (2), 1172 г., 1174 г. (2ЛИ+2), 1177 г., 1183 г., 1194 г. (2), 1195 г. (2). Общие с Лавр: 301И (Хл, в И проп фрагмента), 347И (2), 348И, 349И (3), 351И, 353И, 355И, 372И, 378И (2), 382И, 400И, 401И, 403И, 409И, 471И, 472И, 476И (2), 478И, 579И (2). Только в Ипат: 275И (3), 276И, 294И, 320И (2), 321И (3), 322И (4), 323И, 324И, 325И (3), 325–326И, 328И, 343–344И, 344И (2), 348И, 359И, 383И, 396И, 397И (2), 401И, 402И, 416И (3), 418–419И, 424И, 426И, 427И (2), 428И, 433И, 438И, 446И, 470И, 476И, 489И, 497И, 506И, 512И, 516И, 532И, 534И, 547И, 548И, 548И, 568И, 575И, 604И, 634И, 681И (2), 682И (2).

Из 96 упоминаний «людие» 24 – в общем с Лавр тексте. 1110 г. (3), 1111 г. (7), 1112 г. (2), 1113 г. (1+1ЛИ), 1115 г. (2+1ЛИ), 1123 г. (2), 1126 г. (3), 1128 г. (2ЛИ), 1135 г. (2ЛИ),

димирци», «суздальци», «ростовци», «перяяславци» – 59 раз¹⁰³. В НПЛ старш. ред.: «новгородци» XI в. – 5, XII в. – 80, XIII в. – 184; «люди», «людие» XI в. – 0, XII в. – 20, XIII в. – 30 раз¹⁰⁴. В ГВЛ или Ипат за XIII в.: «галичане» – 25, «володимирци» – 4, других обозначений («новгородци», «пиняне», «туровци», «берестьяне») – 40, «люди», «людие» –

1139 г. (ЛИ), 1140 г., 1144 г., 1146 г. (2), 1147 г. (5), 1149 г. (2ЛИ), 1150 г. (ЛИ+5), 1151 г., 1152 г. (ЛИ), 1154 г. (3), 1157 г. (1+ЛИ), 1159 г. (3), 1160 г. (ЛИ+5), 1161 г. (2), 1169 г. (2), 1170 г., 1172 г. (2ЛИ+1), 1173 г. (6ЛИ), 1174 г., 1175 г. (ЛИ+3), 1177 г. (ЛИ+3), 1178 г., 1180 г. (2), 1182 г., 1183 г. (ЛИ), 1185 г. (3), 1187 г. (2), 1195 г., 1196 г. (2). Общие с Лавр фрагменты: 274И, 281И, 291И, 292И, 293И, 296И (2), 301И, 372И, 391И, 404И, 457И, 487И, 506И, 554И, 556И, 560И (2), 561И (2), 562И, 565И, 598И, 605И. Только в Ипат: 263И, 263И, 264И, 268И, 269И, 269И, 271И, 272И, 273И, 273И, 273И, 274И, 274И, 276И, 282И, 282И, 287И, 287И, 289И, 289И, 290И, 307И, 317И, 328И, 339И, 350И, 352И, 354И, 354–355И, 355И, 397И, 408–409И, 410И, 410И, 414И, 433И, 474И, 474И, 487И, 493И, 494И, 495И, 504И, 507И, 510И, 510И, 516И, 537И, 537И, 540И, 576И, 584И, 588И, 593И, 604–605И, 605И, 605И, 608И, 621–622И, 622И, 625И, 629И, 641И, 642И, 644И, 647–648И, 657И, 659И, 690И, 696И, 697И.

Из 60 упоминаний «новгородцев» 22 – общие с Лавр. 1116 г., 1128 г. (ЛИ), 1137 г. (ЛИ), 1138 г. (2ЛИ), 1139 г. (ЛИ+1), 1140 г. (3ЛИ+3), 1141 г. (ЛИ+1), 1142 г. (2), 1147 г. (ЛИ+3), 1148 г. (2ЛИ+6), 1154 г. (2ЛИ), 1158 г., 1159 г. (2), 1160 г. (2), 1161 г. (ЛИ+2), 1162 г., 1168 г. (4), 1169 г., 1170 г., 1173 г. (3ЛИ+1), 1174 г. (ЛИ+1), 1177 г., 1178 г. (2), 1180 г. (ЛИ+3), 1196 г. (ЛИ, Л проп., РА и ЛПС). См.: 283И, 293И, 300И (3), 301И (2), 307И (5), 308И (3), 310И (2), 344И, 347И, 354И, 359И, 369И (3), 370И (3), 371И (2), 468И, 476И, 491И, 496И, 503И, 509И, 510И (2), 511И (2), 518И, 528И, 529И (3), 537И, 543И, 560И, 561И, 562И, 566И, 573И, 576И, 606И, 607И, 610И, 618И, 621И (2), 624И, 702И.

¹⁰³ «Людьсе», «люди» – в статьях Лавр: 1114 г. (ЛИ), 1115 г. (ЛИ), 1127 г. (2 ЛИ), 1128 г. (ЛИ), 1132 г., 1135 г. (ЛИ), 1138 г. (ЛИ+1), 1146 г., 1147 г. (2), 1149 г. (1+2ЛИ), 1150 г. (ЛИ), 1152 г. (ЛИ), 1156 г. (1+ЛИ), 1159 г. (ЛИ), 1164 г. (2), 1169 г. (7ЛИ), 1171 г., 1172 г., 1176 г. (ЛИ+3), 1177 г. (ЛИ+2), 1178 г., 1182 г. (2), 1185 г. (ЛИ+1), 1186 г. (3), 1187 г., 1188 г., 1195 г. См.: 289Л, 290Л, 297Л, 298Л, 299Л, 301Л, 303Л, 306Л (2), 313Л, 317Л, 319Л, 320Л (2), 325Л, 328Л, 339Л, 347Л (2), 349Л, 352Л (2), 357Л, 358Л, 361Л (3), 362Л, 362–363Л, 364Л, 374Л, 377Л, 378Л, 379Л, 385Л (2), 385–386Л, 387Л, 388Л (2), 391Л, 392Л, 402Л, 405Л, 407Л, 412Л.

«Кияне» упоминаются: под 1132 г., 1138 г. (ЛИ), 1144 г., 1147 г. (9ЛИ+2), 1149 г. (4ЛИ), 1150 г. (4ЛИ+2), 1154 г. (5ЛИ), 1172 г., 1175 г. (2ЛИ), 1176 г. См.: 301Л, 305–306Л, 311Л, 316Л (4), 316–317Л, 317Л (3), 318Л (2), 320Л, 321Л (2), 322Л, 326Л, 327Л (2), 328Л, 329Л, 330Л, 342Л (2), 343Л, 344Л – 345Л, 365Л, 366Л, 367Л, 377Л. «Новгородци»: под 1127 г. (ЛИ), 1135 г. (2ЛИ+1), 1138 г. (4ЛИ), 1140 г. (4ЛИ), 1141 г., 1149 г. (2ЛИ), 1154 г. (2ЛИ), 1155 г., 1157 г. (ЛИ), 1160 г. (ЛИ), 1169 г. (2ЛИ +1), 1174 г. (2ЛИ), 1176 г., 1177 г. (3), 1178 г., 1181 г., 1182 г. (2), 1186 г. (2), 1188 г., 1197 г. (РАП, Л проп.) ЛИ), 1200 г. (2). См.: 298Л, 302Л, 303Л (2), 304Л, 305Л, 305Л, 308Л, 308Л (4), 309Л, 320Л, 320Л, 341Л, 344Л, 346Л, 348Л, 351Л, 361Л, 362Л, 362Л, 365Л, 365Л, 377Л, 382Л, 383Л (2), 386Л, 388Л, 388Л (2), 400Л, 404Л, 406Л, 414Л (РАП), 415Л, 416Л.

Следующая группа – «свои» для суздальской летописи горожане: владимирцы, суздальцы, ростовцы, перяяславцы. «Володимирци» упоминаются под 1138 г., 1168 г. (ЛИ), 1175 г. (9ЛИ), 1176 г. (2ЛИ+4), 1186 г. См.: 305–306Л, 354Л, 370Л, 373Л (5), 374Л (3), 375Л (3), 377Л (2), 378Л, 379Л, 380Л (2), 382Л, 403Л, всего 18 упоминаний. «Ростовци и суздальци» (чаще всего в паре): 1135 г. (3), 1138 г. (ЛИ), 1152 г., 1154 г. (ЛИ), 1157 г. (ЛИ), 1159 г. (ЛИ), 1168 г. (ЛИ), 1174 г. (ЛИ), 1175 г. (5ЛИ), 1176 г. (ЛИ+3), 1177 г. (ЛИ+7). См.: 303Л (3), 305Л, 338Л, 341Л, 348Л, 349Л, 354Л, 365Л, 371Л, 373Л (2), 374Л (2), 375Л (2), 378Л (2), 379Л, 380Л (3), 382Л (3), 383Л, 385Л, всего 27 упоминаний. «Перяяславци» (и жители Перяяславля-Южного, где часто княжили представители суздальской династии, и жители Перяяславля-Нового): 1125 г. (ЛИ), 1135 г. (ЛИ), 1138 г. (ЛИ), 1146 г., 1147 г.

79¹⁰⁵. Лавр за XIII в. «новгородци» – 11, «людие» – 47, «володимирци», «суздальци», «ростовци», «перяславци» – 9, «кыяне», «галичане», «рязанци» – 14¹⁰⁶.

(ЛИ), 1148 г. (ЛИ), 1154 г., 1169 г. (ЗЛИ), 1175 г. (ЛИ), 1177 г. (З), 1185 г. См.: 295Л, 303Л, 305–306Л, 313Л, 319Л, 322Л, 342Л, 359Л, 360Л, 361Л, 371Л, 380Л, 381Л, 384Л, 395Л, ито-го 14. Для сравнения: Ипат «володимирци» 18, «ростовци и суздальци» 19, «перяславци» 15, всего 52.

¹⁰⁴ Приношу благодарность Алексею Алексеевичу Гиппиусу, любезно предоставившему электронную версию набора Синодального списка НПЛ, на основе которой сделаны эти подсчеты по НПЛ старш. ред. Разбивка по годам для слова «новгородци»: 1016 г., 1042 г., 1069 г. (2), 1097 г.; 1116 г., 1123 г., 1130 г., 1131 г., 1134 г. (3), 1135 г., 1136 г., 1139 г. (2), 1141 г. (2), 1148 г. (2), 1149 г. (3), 1154 г. (2), 1156 г., 1160 г., 1164 г. (2), 1166 г., 1167 г. (5), 1168 г. (3), 1169 г. (6), 1170 г., 1171 г., 1173 г., 1176 г. (2), 1177 г., 1178 г. (2), 1179 г. (2), 1180 г. (4), 1181 г. (3), 1184 г. (2), 1185 г., 1186 г., 1187 г. (2), 1188 г., 1191 г. (2), 1192 г., 1193 г., 1195 г. (3), 1196 г. (5), 1198 г., 1199 г., 1200 г. (2); 1201 г. (2), 1209 г. (9), 1210 г. (4), 1211 г. (4), 1212 г. (2), 1214 г. (11), 1215 г. (11), 1216 г. (16), 1217 г. (4), 1218 г. (6), 1219 г. (5), 1220 г., 1221 г., 1222 г. (5), 1223 г. (5), 1224 г. (4), 1225 г. (6), 1226 г. (2), 1227 г., 1228 г. (8), 1229 г. (4), 1231 г., 1234 г. (6), 1236 г. (2), 1239 г., 1240 г. (6), 1241 г. (2), 1242 г. (3), 1245 г. (2), 1253 г. (3), 1255 г. (4), 1256 г. (6), 1257 г. (2), 1259 г., 1262 г. (3), 1264 г., 1265 г., 1266 г., 1267 г., 1268 г. (8), 1269 г. (7), 1270 г. (7), 1272 г., 1299 г. (3). См.: НЛ, с. 15–17, 19–90.

«Людии», «людие» – в статьях: 1117 г., 1128 г., 1132 г., 1137 г. (2), 1138 г., 1141 г., 1142 г., 1146 г., 1148 г., 1150 г., 1156 г., 1157 г., 1158 г., 1161 г., 1187 г., 1188 г., 1194 г., 1197 г., 1199 г.; 1204 г. (6), 1211 г., 1215 г., 1218 г., 1224 г. (2), 1230 г. (2), 1231 г., 1234 г., 1238 г. (5), 1255 г. (2), 1257 г., 1259 г., 1262 г. (2), 1268 г. (2), 1299 г.; НЛ, с. 20, 22 (2), 24, 25 (2), 26 (2), 27, 28 (2), 29, 30 (2), 31, 38, 39, 41, 43, 44, 47 (3), 48 (3), 49, 52, 54, 58, 63 (2), 67, 68, 70, 71 (2), 73, 74, 75 (3), 76 (2), 81 (2), 82 (2), 83 (2), 86 (2), 90. Кроме того, под 1272–1298 гг. (где в НПЛ старш. ред. утеряна тетрадь) по НПЛ мл. ред. «новгородци» – еще 34 раза, под 1272 г., 1273 г. (2), 1274 г., 1276 г., 1278 г., 1280 г., 1281 г. (2), 1282 г. (6), 1283 г. (3), 1284 г. (5), 1289 г. (2), 1290 г. (2), 1291 г., 1293 г. (3), 1294 г., 1295 г., 1297 г.; НЛ, с. 321–328. «Люди» – 1 раз, под 1273 г.; НЛ, с. 322.

¹⁰⁵ «Галичане» упоминаются под: 1202 г. (2), 1204 г., 1206 г. (2), 1208 г. (3), 1209 г., 1210 г., 1211 г., 1212 г., 1224 г., 1226 г., 1229 г. (2), 1231 г., 1234 г. (4), 1235 г. (2), 1238 г., 1240 г. (2). См.: 717И, 718И, 722И (2), 727И (3), 728И, 729И, 730И, 731И, 741И, 750И, 758И, 759И, 766И, 771И (3), 774И (2), 775И, 783И, 787И, 790И.

«Володимирци» под: 1202 г. (2), 1204 г., 1289 г. См.: 718И (2), 720И, 920И.

Другие наименования от названий городов («новгородци», «кuryяне», «берестьяне» и др.): 1204 г., 1208 г. (2), 1224 г. (7), 1227 г. (2), 1228 г. (4), 1229 г. (3), 1234 г., 1237 г. (2), 1252 г., 1256 г. (3), 1257 г. (4), 1263 г., 1274 г., 1282 г. (4), 1287 г., 1289 г. (3). См.: 720И, 725И, 726И, 741И, 742И, 751И, 752И, 753И, 754И (3), 772И, 780И, 781И, 816И, 831И, 838И, 861И, 871И, 889И, 890И (3), 909И, 920И, 928И (2), 931И, 932И.

«Людие»: 1204 г., 1213 г., 1224 г., 1226 г., 1229 г. (5), 1231 г. (2), 1232 г., 1237 г. (2), 1240 г. (2), 1249 г., 1252 г. (2), 1253 г., 1254 г. (4), 1255 г. (2), 1256 г., 1257 г. (2), 1258 г. (4), 1259 г. (4), 1260 г. (3), 1261 г. (5), 1262 г., 1268 г., 1272 г., 1274 г. (3), 1277 г., 1279 г. (3), 1280 г. (2), 1281 г. (3), 1282 г., 1283 г., 1284 г., 1286 г., 1287 г. (3), 1288 г., 1289 г. (7), 1292 г. (2). См.: 720И, 733И, 742И, 750И, 756И (2), 758И, 759И, 761И, 767И, 768И, 769И, 779И, 780И, 785И, 786И, 800И, 814И (2), 819И, 820И, 823И, 824И (2), 827И, 830И, 832И, 838И (2), 839И (3), 840И (2), 841И (2), 842И, 846И, 847И (2), 851И, 853И, 854И (3), 857И, 867И, 870И, 873И (3), 877И, 879И (2), 880И, 882И (4), 883И, 884И, 891И, 895И (2), 897И, 899И, 903И (2), 914И, 923И (2), 924И, 932И (2), 933И (2), 938И (2).

¹⁰⁶ «Новгородци»: 1207 г. (3), 1216 г., 1223 г., 1225 г., 1228 г., 1255 г. (2), 1258 г., 1263 г. См.: 430Л (2), 432Л, 439Л, 445Л, 448Л, 451Л, 474Л (2), 475Л, 479Л.

«Людие»: 1202 г., 1206 г. (3), 1207 г. (10), 1208 г. (2), 1212 г., 1218 г., 1227 г., 1230 г. (5), 1231 г. (2), 1232 г., 1237 г. (6), 1238 г., 1239 г. (2), 1240 г., 1252 г., 1261 г. (4), 1283 г. (2), 1294 г. (2). См.: 417Л, 422Л (2), 423Л, 429Л (2), 432Л (2), 433Л (6), 434Л (2), 437Л, 442Л,

Для чего все эти скучные цифры? Говорящие, кстати, в основном тем, кто работал с летописными сводами и может сделать поправку на их объем, зная, что Ипат за XII в. вчетверо больше Лавр того же периода, а Лавр за XIII в. вдвое меньше записей за XII в., и т. д. ... Казалось бы, само собой разумеется, что в каждом своде за столетие наберется от одного-двух десятков до одной-двух сотен соответствующих обозначений. Тем не менее, на основе колебаний частотности можно высчитывать предпочтения летописцев и локальные традиции. Например, заметны очевидное учащение от века к веку в НПЛ наименования «новгородци», и гораздо более плавная динамика слова «людие». Можно определить и соотношение обозначений, образованных от названий городов и областей («суздальци», «кияне»), и обозначения «люди», «людие». Колебания частотности связаны, по-видимому, с насыщенностью летописных записей книжной топиной, так как «людие» часто встречается в библейских цитатах, описаниях торжеств и чудес¹⁰⁷. Наблюдается сходство наиболее книжных по стилю сводов – ПВЛ и ГВЛ, несмотря на полтора-два века, лежащие между их составлением, и резкое отличие от них наиболее «светской» по своему формуляру НПЛ. Хотелось бы обратить внимание еще на одну общую закономерность. Многие летописи подтверждают такое правило: обозначения типа «кияне» и «новгородци» реже встречаются или вообще не встречаются в записях, близких ко времени составления летописных сводов. Так, в ПВЛ последнее упоминание «киян» – под 1097 г., тогда же последний раз встречаются «людие»; «новгородци» же попадают еще под 1102 г. Десятилетие перед окончанием первой редакции ПВЛ¹⁰⁸ пустует. Нечто подобное наблюдается в Киевском своде, составленном, видимо, в конце XII в., при киевском князе Рюрике Ростиславиче. На 80–90-е гг. приходится всего 5 случаев использования слова «кияны» (из общего числа 89) и 4 – «новгородци» (из 60). Пик частотности такого обозначения, как «кияны», приходится на 1140–

443Л, 449Л, 453Л, 454Л (2), 455Л (2), 457Л, 459Л (2), 461Л, 462Л, 463Л (2), 464Л, 465Л, 467Л, 469Л (2), 470Л, 473Л, 476Л (4), 481Л (2), 483Л (2).

«Володимерци», «суздальци», «ростовци», «перяславци»: 1201 г., 1202 г. (жители Владимира-Волынского), 1207 г., 1223 г., 1237 г. (4), 1256 г. См.: 416Л, 417Л, 432Л, 446Л, 461Л (4), 474Л.

«Кьяне», «галичане», «рязанци»: 1202 г., 1206 г. (6), 1207 г. (2), 1208 г. (3), 1223 г., 1230 г. См.: 417Л, 425Л (2), 426Л (2), 427Л (2), 432Л, 433Л, 434Л (3), 446Л, 454Л.

Кроме того, в Симеоновско-Троицкой группе (далее Сим-Тр) за 1263–1283 гг., где в Л утеряна тетрадь, по реконструкции М. Д. Приселкова, насчитывается еще 10 упоминаний «новгородцев», 8 «людии», и 1 раз упомянуты «суздальци». *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 329–340.

¹⁰⁷ С одной оговоркой. В ГВЛ «людие» часто появляется не только благодаря книжным пассажирам, но и из-за того, что для этого свода очень характерно «люди» в значении «слуги» (с определяемым «мои», «твои»), «Васильковы», «Миндоговь»).

¹⁰⁸ По гипотезе А. А. Шахматова, 1113 г. Назывался также 1115 г. и др. См.: Словарь книжников и книжности. Вып. 1. С. 340–341. Общий текст ПВЛ в Лавр и Ипат прерывается в статье 1111 г. Правда, «кияне» несколько раз упоминаются в продолжении ПВЛ по Ипат редакции (1113 г.). О редакциях ПВЛ см. также: *Вилкул Т. Л.* Повесть временных лет и Хронограф. *Palaeoslavica* (в печати).

1150-е гг. – по моим наблюдениям, наиболее отредактированную часть свода. Известно также, что ГВЛ делится на две части, условно обозначаемые как галицкая (холмская) и волынская. Граница между ними проходит по 1250–1260-м гг.¹⁰⁹ При этом слово «галичане» последний раз появляется в 1240 г., то есть окончание первой части ГВЛ от «галичан» свободно. Сложнее обстоит дело с Лавр. Этот свод начинает формироваться как местный, судя по всему, с записей 60-х гг. XII в., и 70-е гг. отмечены наибольшей интенсивностью «местных» обозначений (свыше 35). Тем не менее: граница в оформлении владими́ро-суздальских сводов – вероятно, 1212–1214 гг.¹¹⁰, и из свыше 60 упоминаний «володимирцев», «суздальцев» и «перемышльцев» XII – первых десятилетий XIII в. на последние годы приходится всего 4 (1185 г., 1186 г., 1201 г. и 1207 г., 1190-е гг. пустые¹¹¹). Исключение из выведенного правила составляет НПЛ, где слово «новгородци» распределено более-менее равномерно – перерыв в использовании наблюдается только между 1245 и 1253 гг.¹¹² Но эта летопись не является компиляцией сводов в строгом смысле слова, так как в Новгороде более последовательно соблюдался погодный принцип ведения записей.

Хотелось бы обратить внимание также на некоторые не вполне очевидные явления, обычно не учитывающиеся в исследованиях по социальной истории. Обычно такие базовые для вечевой тематики понятия, как «людь», «кияне», «черниговци», «новгородци», считаются как бы самодостаточными. Если летописец пишет о горожанах, значит, он имеет в виду какие-то «общегородские/земские интересы», и речь должна идти о субъекте политической деятельности. На самом деле это только одна из возможностей. Даже не говоря о таких элементарных примерах, когда «киянами» названы советники князя, и это часть княжеской дружины, как

¹⁰⁹ Как уже отмечалось, хронология ГВЛ условна. В. Т. Пашуто выделяет своды 1211 г., 1246 г., 1261 г., 1269 г. ... *Пашуто В. Т.* Очерки истории. С. 17–133. А. И. Генсерский писал о сводах 1234 г., 1266 г., 1285 г., 1289 г., 1292 г. (объединяя их, однако, в две основные части: до 1266 г. и до 1285 г.). *Генсьорський А. І.* Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні). С. 6–7; *Генсьорський А. І.* Галицько-Волинський літопис (процес складання; редакції і редактори). К., 1958. Основная граница, подтверждаемая наблюдениями над лексическим материалом – конец 50 – начало 60-х гг. XIII в., однако, в какое время составлялся протограф первой части – неизвестно.

¹¹⁰ До 1206 г. имеются общие записи в Л, РА и ЛПС. 1206 г. заканчивается Радзивилловская летопись, ЛПС существенно расходится с Лавр начиная с 1206 г. А. А. Шахматов и М. Д. Приселков предполагали, что РА и ЛПС отразили свод 1212–1214 гг., но в РА окончание было утеряно; см. обзор в предисловии Я. С. Лурье к изданию Радзивилловской летописи: ПСРЛ. Т. 38. С. 7–8. Дату 1212 г. поддерживает А. П. Толочко. См.: *Толочко А. П.* О времени создания Киевского свода «1200 г.» // *Ruthenica*. К., 2006. V. С. 73–87.

¹¹¹ Кроме того, вообще нет «ростовцев» и «суздальцев», тогда как для составителя Киевского свода (конец XII в.) стандартным обозначением людей Всеволода Юрьевича и вообще жителей Владимиро-Суздальского княжества является именно «суздальци».

¹¹² Видимо, это связано с перерывом или оскудением летописания. Статьи 6754 (1246) г. – 6758 (1250) г. чрезвычайно краткие, содержат две записи о смертях и два известия о поездке князя Александра Ярославича в Орду, одно «лето» пустое.

в статье ПВЛ 1093 г., в описании совета Святополка и Мономаха перед битвой. Здесь в совещании принимали участие люди двух князей, киевского и переяславского, и летописец особо отметил речи киевлян, эвфемистически обозначив таким образом дружину Святополка Изяславича и подчеркнув свое отношение к происходящему¹¹³. Есть более сложные случаи, когда книжник по ходу рассказа меняет фокус освещения: «кыянами», «новгородцами» и пр. могут называть не только горожан или население целой области, но и войско, иногда под этим обозначением скрываются князья, их сторонники и дружины. Вот несколько из них.

Под 1135 г. НПЛ пишет о том, что «черниговци» и «кыяне» стояли «противу собѣ», то есть готовились к битве¹¹⁴. Из других сводов известно, что речь шла о столкновении двух коалиций князей. На одной стороне были Володимиричи, сыновья Мономаха, на другой – черниговские Ольговичи и Давыдовичи и примкнувшие к ним внуки Мономаха Мстиславичи, дети его старшего сына Мстислава. Речь шла вовсе не об общегородских или земских интересах, а о соперничестве правителей и ущемлении волостных прав в традиционном для Древней Руси конфликте дядьев и племянников¹¹⁵. В конце XII в. НПЛ пишет о противостоянии «черниговцев» и «смолян». Подобно предыдущему случаю, из иных сводов, Лавр и особенно Ипат, где помещен подробнейший отчет о конфликте, известно о княжеской усадьбе¹¹⁶. Снова-таки, речь шла о спорах за территории и сферы влияния. В этом же сюжете Ипат пишет о «полочанах», а Лавр сообщает об участнике битвы Васильке Володаревиче, полоцком князе¹¹⁷. Упоминания горожан и князей могут употребляться синонимически в одном и том же рассказе. Например, в Лавр под 1186 г. читаем: «Того же лѣта на зиму иде на Полтескъ Давыдъ Ростиславичъ изъ Смолинъска, а сынъ его Мстиславъ изъ Новагорода, из Ложьска Василко Володаревичъ, из Дреутьска Всеславъ. И слышаша полочане, и здумаша рекуще: не можем мы стати противу новгородцем и смолянном... поидем к ним на сумежье. И собрашася вси, и идоша к ним, и срѣтоша я на межах с поклоном и с честью, и даша ему дары многы, и уладишася»¹¹⁸. Здесь

¹¹³ То есть неодобрительное отношение к преобладанию «кыян» – людей Святополка; 219Л–210И. Иначе интерпретируется в: *Лукин П. В.* Вече, «племенные» собрания. С. 116. Автор считает, что летописец предпочел описывать совет князю или осуждение его политики горожанами, не играющими далее никакой роли в повествовании, а не совет с дружиной перед боем.

¹¹⁴ НІ, с. 24.

¹¹⁵ *Вилкул Т. Л.* Новгородцы и русские князья. Р. 39–40 (там же литература вопроса).

¹¹⁶ Черниговских Ольговичей (Ярослава Всеволодича, Игоря Святославича и др.) со смоленским Давыдом Ростиславичем вкупе с суздальским Всеволодом Юрьевичем. Какое-то отношение к этому конфликту имел и киевский Рюрик Ростиславич, родной брат Давыда, но его позиция была неоднозначной.

¹¹⁷ Ср. Лавр и Ипат. Лавр: «Василко с черниговци»; 413Л, о полочанах ни слова. Ипат: «полочани... полчане», «полотьскый полкъ», хотя есть и о князьях: «...бяхуть бо полотьскыи князи помагающе Олговичемъ»; 691–692И.

¹¹⁸ 403–404Л, в РА нет «ему» (даша ему).

вначале выступают Давыд Ростиславич и Мстислав Давыдович, правившие на то время в Смоленске и Новгороде. Далее они, однако, заменяются на «смолян» и «новгородцев». Попутно выясняется, что «все полочане» – явное упрощение или формула, так как часть земли (друцкий и логожский князь и, соответственно, «дручане» и «логожане») поддерживала вражескую коалицию. Во многих других случаях наименования типа «кияне», «ростовцы» и пр. также нельзя воспринимать буквально. В летописях встречаются такие выражения, как «володимерцем не сущим Володимери (владимирцы в то время не были во Владимире. – Т. В.)», «Володиславу... ѿхавшю со всими галичаны», причем оказывается, что ехали именно в Галич, и т. п. То есть «володимирцами» и «всеми галичанами» могли называть некую часть жителей города, и наполнение обозначений было ситуативным.

Подобные явления прослеживаются уже в древнеславянских переводах Библии и могли быть позаимствованы оттуда. Всего несколько примеров. В речи ап. Павла в афинском Ареопаге апостол обращается ко «всем афинянам», хотя известно, что в Ареопаге были представлены не все, но избранные афинские граждане¹¹⁹. В Книгах Судей и Царств «весь Израиль», «люди» или «все люди» могут быть названы далее «старейшинами и князьями»¹²⁰. Кроме того, «все люди» могут обозначать весь народ, включая женщин и детей, или же только воору-

¹¹⁹ В древнеславянском неверный перевод – «Ариевъ ледъ»: «Поемше же его на Ариевъ ледъ вѣдоша... Атинее же вси прише^аше и странньи Став же Павль посрѣ^а Ариева леда ре^а моужи атинѣисии Л.23а-б; Матичин апостол (XIII век) / Приредили Радмила Ковачевић, Димитрије Стефановић. Београд, 1979. Л. 13v. Ареопаг – древний афинский суд, происхождение которого неясно. Состав участников – аристократический, Солон ввел в Ареопаг бывших архонтов.

¹²⁰ Ср.: 2Ц.17.4, 17.14: «Все старци Израилевы» – то же, что «все мужи Израильстии». 3Ц.8.1–2 «И собра царь Соломонъ вся старѣишины Израилевы» – ниже продолжено так: «...и собращася ко царю Соломону вси людие Израилевы». Аналогично Ис.Нав.24.1–2: «И съзва старца Израилевы, и князя их и судия ихъ, и книгочиа их, и рече Исусъ къ всѣмъ людемъ». См.: Острожская Библия. Библия, сиречь книги Ветхаго и Новаго завета по языку словенску. Фототипическое переиздание текста с издания 1581 года. М.; Л., 1988. Л. 108об., 148об.–149, 159. В Острожской Библии 4 пагинации страниц, точками отсчета служат начало, Псалтырь, Евангелия, Апостол; далее 2–4-ю части обозначаю по схеме: л. 97/2об. или л. 151/4. Привожу здесь ссылки на довольно позднюю Острожскую Библию, так как вплоть до позднего Средневековья – начала Нового времени славянская Библия не была собрана в одну книгу, и ветхозаветные тексты разбросаны по многочисленным рукописным сборникам; недавнее издание текстов Ветхого Завета (Старобългарският превод на Стария Завет. София, 2003. Т. 1–2) включает не все ветхозаветные книги (только Книги пророков) и мне, к сожалению, пока недоступно. Вместе с тем текст более-менее устойчив. По возможности, привожу ссылки на изданные списки XI–XIII вв. текстов Евангелий, Апостола, Псалтыри и Паримейника, на рукопись Паримейника, хранящуюся в НБУ (Паримейник последней четверти XV в. из собрания Злаговерхова Михайловского монастыря. НБУ, Михайл-Золототверх., ф.307, 433п/1639) и на рукописи Троицкого (конец XIV – начало XV в.) и Виленского (XVI в.) хронографов. В частности, отмеченные фрагменты не имеют существенных разночтений в Острожской Библии и Троицком хронографе. 2Ц.17.4.14 см. Троицкий хронограф (РГБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры. Ф. 304.1. № 728). Л. 103с-д; 3Ц.8.1–2 – л. 125д–126а; Ис.Нав.24.1 – л. 19с.

женных мужчин, или еще уже, «мужа сильна и крѣпка». Еще более существенно, что властитель (царь) здесь может представлять землю. В частности, в Книге Судей одни и те же действия – избивание 70 братьев Авимелеха – приписаны сначала самому Авимелеху, а ниже – «мужам сикхемским», принявшим его на царство¹²¹.

Прямой аналог ветхозаветным текстам, отождествление «людей» и «старейшин», находим в ПВЛ, где в описании белгородского веча 997 г. «людье» – участники веча названы «старейшинами градскими». Позволю себе напомнить этот легендарный и в литературном отношении замечательно проработанный сюжет. Печенеги осадили Белгород, горожане, не имея больших запасов еды, решили сдаться. Их надоумил, как перехитрить врагов, один из «старцев», не присутствовавший на вече. Из последних крох белгородцы заварили кисель, вставили кадь с киселем в колодец и продемонстрировали врагам, что они имеют «кормлю от земли». Именно из диалога старца и людей можно понять, что «людие» и «старейшины градские» – одни и те же лица. «И створиша вѣче в городѣ... старецъ... впраша: «Что ради вече было?» И людье (собеседники старца. – Т. В.) повѣдаша ему, яко утро хотят ся людье (на этот раз участники веча) предати печенѣгом. Се слышавъ, посла по старѣишины градскыя (участников веча) и рече имъ: слышахъ, яко хочете ся передати печенѣгом»¹²².

Как видим, политические обозначения далеки от точности. Между тем, книжники отнюдь не всегда разъясняли читателям, что же они имели в виду. Особенно редко тексты «предоставляют разъяснения» современному читателю, не осведомленному о контексте событий и литературных образцах того или иного сообщения. Но уже приведенные выше примеры заставляют задуматься о точности древнерусских «терминов», а кроме того, об основаниях восходящей к XIX в. убежденности в жестком разделении князя и его окружения, с одной стороны, и горожан – с другой. Так ли уж правильно представление о княжеских интересах и интересах горожан (историки XIX в. сказали бы – о «земских интересах»)? Не воплощали ли летописные тексты принцип репрезентативности, когда князь и его окружение или даже князь единолично могли представлять землю? К вопросам этим еще вернемся, а пока обратимся к следующему понятию.

Гражане–горожане. На первый взгляд, «гражане»–«горожане» родственно анализируемым выше словам. Но только на первый взгляд. Частота встречаемости слова «гражане» и его полногласного варианта

¹²¹ Суд.9.5, 9.18: «...изби братию свою», «...встае на домъ отца моего... избисте сынове его... и постависте царем Авимелеха»; Острожская Библия. Л. 114; Троицкий хронограф. Л. 30с, 31а.

¹²² 127–128Л.

«горожане», как правило, на порядок ниже, чем слов «людье», «новгородци» или «кияне». В ПВЛ оно отмечено всего 6 раз. Хронологическая группировка примечательна: три упоминания в сюжетах, связанных с Володимиром Святославичем, конца X в., и три в описаниях усобиц 90-х гг. XI в., связанных с Володимиром Мономахом¹²³. В Лавр за XII в. встречается трижды, под 1175 г., 1176 г. и 1185 г.¹²⁴, в Киевском своде XII в. – 8 раз, под 1123 г., 1146 г. (2), 1159 г., 1167 г., 1175 г. (ЛИ), 1185 г. (2)¹²⁵. В НПЛ на всем пространстве от XI до XIII в. не появляется ни разу (!)¹²⁶. Словоупотребление учащается в Лавр за XIII в. – 8 примеров¹²⁷. Но только в ГВЛ по частоте встречаемости слово сопо-

¹²³ Хотя совпадение, по-видимому, случайно. 980 г.: «...гражены (так ЛА, РИХ «гражаны», НПЛ мл. ред. «гражданы») же не бѣ льзѣ убити его» (Ярополка, о киевлянах), 77Л. 988 г.: «...и рече Володимерь къ гражаномъ» (корсунцам), 109Л. 997 г.: «...и горожане же рѣша шедше к печенѣгомъ» (имеются в виду белгородцы), 128Л. 1096 г.: «...гражане же узрѣвше, ради (АИХ доб. «быша и») поидоша к нима» (переславцы), 231Л; «Олег же вниде в городъ и приаша и горожане» (муромцы), 237Л. 1097 г.: «...и горожане скочиша з града и почаша сѣчи воѣ Давыдовы» (владимирцы), 272Л.

¹²⁴ Под 6683/1174 (1175) г. – тот же текст в Ипат. См.: 369–370Л «...горожане же боголюбьскыи и дворане»; 1176 г.: «...Матере Божья, како заступи град свои от великих бѣдъ и гражаны своя укрѣпляетъ», 377Л (Владимир-на-Клязьме); 6694/1185 (1186) г.: «...видѣвше горожане изнемагающе своих», 399Л (Переславль-Южный). В Лавр и Ипат 6683 год – ультрамартовский. *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 78. Далее оставляю традиционную датировку, так как смерть Андрея Юрьевича в июне 6683 г. и последовавшие за этим события почти повсеместно датируются как 1175 г.

¹²⁵ 1123 г.: «...молвяше тако Андрѣви и горожаномъ» (Владимир-Волынский); 287Л. 1146 г.: «...гражане же Божиею помощью угасиша», 320Л (Звенигород); «...бысть налога велика гражаномъ», 331Л (Новгород-Сиверский). 1159 г.: «...и дворъ его разграбиша горожане и дружину его»; 493Л (Полоцк). 1167 г.: «...и горожаномъ нѣлзѣ бѣ мысли своєю створити»; 526Л (Стародуб). 1175 г., 592Л (=369–370Л, см. выше). 1185 г.: «...и на прочая гражаны наиде страх; да которыи же гражанѣ выидоша изъ града (Хл города) и бяхуться, ходяще по Римьскому болоту...»; 648Л (Римов).

¹²⁶ В НПЛ старш. ред. первое и единственное упоминание в записях за XIV в., под 6824 (1316) г., в полногласном варианте; НЛ, с. 95. В НПЛ мл. ред., поскольку она частично копирует ПВЛ, имеется также в записях за конец X в. Под 980 г.: «...но нѣлза бѣ гражаны убити его», НЛ, с. 126. Под 988 г.: «...и рече Володимерь ко гражданомъ», НЛ, с. 150. Сюжет о белгородском киселе 997 г. в НПЛ мл. ред. отсутствует. Следует добавить, что в берестяных грамотах, большую часть которых составляют новгородские, слова «горожанин» и «гражанин» отсутствуют. *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 726–727.

¹²⁷ Поскольку объем Лавр за XIII в. значительно меньше Киевского свода XII в., частотность даже существенно выше. В двух статьях 6714 (1206, здесь две статьи одного года) г.: 1) в описании ухода в монастырь жены Всеволода Юрьевича: «...и бысть епископъ Иоанъ... игумени и черници вси, и бояре вси и боярыни, и черници изо всѣхъ монастыревь и горожане вси», 424Л (по РА, в самой Л известие отсутствует, в ЛПС вместо «и черници... и горожане» – «и весь народъ», см. ПСРЛ. Т. 38. С. 161, прим. 52–56; переработка на основе этого фрагмента – в Сим-Тр). 2) в рассказе о встрече Константина Всеволодича: «И срѣтоша и на рѣцѣ... вся братья его... и вси мужи отца его и горожане вси от мала и до велика», 428Л. Далее, под 1230 г. (2): «Изидоша же на срѣтенье Кирилово князь... и бояре и вси мужи ростовския... и вси гражане от мала и до велика», «...князь же и вси гражане и игумени давше ему миръ о Христосѣ и разидошася»; 453Л. Под 1231 г.: «...епископъ Кириль игумены же... и черноризци и вси гражане снисдошася в святую церковь», 459Л. Под 1237 г.: «Всеволодъ и Мстиславъ с дружиною своею и вси гражане спойахуся зряще

ставимо с наименованиями, образованными от названия города. Здесь «гражан» 16 и «горожан» – 17, всего 33 («галичане», напомним, упоминаются 25 раз)¹²⁸.

С чем связана такая динамика – можно утверждать лишь предположительно. Лексема «гражане» характерна для переводной литературы, в особенности для некоторых агиографических памятников¹²⁹. В библейских книгах «гражане» встречается достаточно редко¹³⁰. Более типично

Володимера», 461Л. Под 1252 г.: «Приде Олександръ... ис татарь... усрѣтоша и... митрополить и вси игумени и гражане, и посадиша и на столъ отца его Ярославъ», 473Л. Под 1263 г.: «...и шедше гражане и увидѣша полкъ его», 477Л (вставка из Жития Александра Невского, заимствование из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия).

Кстати, словоупотребление в Л и в близких к ней Сим-Тр и РА в этом пункте различно. В частности, в Тр, по реконструкции М. Д. Приселкова, отмечено всего два случая, «горожане» под 1207 г. и «гражане» под 1237 г. Возможно, первоначально было три, ср. Тр под 1205 г. – «вси лужане», вероятно, испорченное «горожане» или «гражане» (ср. РА и ЛПС под 1206 г., в Л здесь пропуск известия). См.: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 290. Встреча Константина – под 6715 (1207) г. (в Л 6714 (1206)), там же, с. 294, сюжет 1237 г. см. с. 314. Нет в соответствующих Л фрагментах под 1230 г., 1231 г., 1252 г., 1263 г., там же, с. 311, 324, 328. Хотя, возможно, наоборот, «гражане» были вычеркнуты при редактировании, в соответствии с тенденциями позднего летописания. Например, в МЛС осталось одно упоминание в тексте статьи 1237 г., см.: ПСРЛ. Т. 25. С. 127; с. 104, 106, 125, 142.

¹²⁸ «Гражане»: 722И, 726И, 738И, 756И, 761И (2), 777И, 779И, 782И, 785И, 801И, 839 (2), 840 (2), 842И. «Горожане»: 785И, 851И (2), 852И (3), 877И, 878И, 910И (3), 918И, 931И, 932И, 934И, 935И (2).

¹²⁹ Примеры приведены в: *Срезневский И. И.* Материалы. Т. 1. Стб. 577; СДРЯ. Т. 2. С. 380–381. В старославянских памятниках 10 упоминаний, 7 из них – из Супрасльской рукописи. Старославянский словарь. С. 177. В Успенском сборнике: Мучение Иринии – 11 раз, Мучение Христофора – 1, Повесть Полибия о житии Епифания Кипрского – 1, Слово Иоанна Златоустого на вербницу – 2, Слово Иоанна Златоустого о самаритянке – 1, Сказание Агапия – 3. Словоформы распределены следующим образом: «гражане» 74а.22, 74г.5, 77в.29, 77г.18, 78а.4, 78а.14, 836.18,24, 83в.14, 83г.7, 87г.12–13, 98в.15–16, 165г.3, 234б.32, 234б.31–32, 290б.6, 292а.10–11,24, 292б.19,30; «граждяны» 169б.14, 260б.7–8. В Римском патерике – до десятка примеров. Патерик Римский. Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе / Изд. подг. К. Дидди. М., 2001. С. 115, 237, 247, 249, 251, 261, 271, 293, 427 (везде «граждане»). См. также «гражане» в доступной мне части славянского перевода Жития Иоанна Златоуста: *Hansack E.* Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien in kirchenslavischer Übersetzung. Bd. 2. Sofia, 1980 [Monumenta linguae slavicae dialectice veteris fontes et dissertationes. Т. XIII (X, 2)]. С. 136, 200, 202, 208, 210, 218.

¹³⁰ 1 пример – в тексте Евангелия (варьируется написание, в старославянских тетрах «граждане», в Мстиславовом Евангелии – представителе наиболее распространенной в Древней Руси редакции полного апракоса – «гражане»). Лк.19.14 «...и гражане его ненавидяху его» (греч. πολῖται). См.: Апракос Мстислава Великого / Под ред. Л. П. Жуковской. М., 1983. 93г.4 (в Архангельском Евангелии «гражане» отсутствует). В Апостоле также единичное упоминание. Да 17:8: «...смытише же се народы и граждане»; Матичин апостол. Л. 12. В позднейших переводах здесь «градоначальници» (греч. πολῖτάρχης), см. Острожская Библия. Л. 10/4; так же в Елизаветинской Библии. В Псалтыри «гражане» отсутствует. В Паримейнике встречается 2 раза, «От Приточъ» (Притч.11.11–12). Паримейник НБУ. Л. 35г. В Острожской Библии: 3 примера в Книге Бытия, 2 – 3 Ездры, 1 – Юдифь, 3 – Притч, 3 – прор. Иеремии, 10 – 2 Маккавеев, 1–3 Маккавеев, 1 – Ев. от Луки, 1 – Да (Да 13:50, τοὺς πρῶτους τῆς πόλεως). Подсчеты сделаны по электронному варианту переиздания Острожской Библии во Львове: Острозька Біблія / Підготовка до видання ермн. архимандрита др. Рафаїла (Роман Торконяк). Львів, 2003. Возможно, по-

оно для хронографических текстов. Достаточно высокая частотность – в «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия (ок. 60 примеров)¹³¹ и Хронике Иоанна Малалы (св. 40)¹³². Свыше десяти раз слово встречается в Хронике Георгия Амартола¹³³. Хронографические тексты привлекали составители ПВЛ (Хронику Амартола и др.) и Киевского свода, интенсивно использовал их один из сводчиков ГВЛ. В распоряжении последнего находился так называемый Иудейский хронограф, имевший в своем составе книги Флавия и Малалы. Все книжники включали в текст летописи буквальные заимствования, а также стилизовали свои записи под избранные ими образцы. Однако для составителя ПВЛ, по-видимому, наиболее аутентичным обозначением «субъекта политических отношений» было слово «людье», поддерживаемое традицией славянских переводов Библии. То же можно сказать об авторе Киевского свода. Для него «граждане» осталось факультативным обозначением, о чем, между прочим, свидетельствует то, что он так никогда не называл киевлян. Высказывания со словом «граждане» касаются Владимира-Волынского, Звенигорода, Новгород-Сиверска, Полоцка, Стародуба и Римова, общее с Лавр – Боголюбова. А вот для составителей ГВЛ, для которых «людие» уже означало преимущественно княжеских слуг, «граждане»–«горожане» оказались кстати. К тому же в ГВЛ, по сравнению с остальными сводами, заметнее всего следы использования «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, где частотность лексемы наивысшая.

Употребление слова «граждане»–«горожане» имеет и другие особенности. Чаще всего это обозначение используется в летописных повестях, характеризуемых использованием книжной топики¹³⁴. Например, в ПВЛ оно появляется начиная с сюжетов о Володимире Святославиче, крестителе Руси, в Ипат – с пространной статьи 1123 г., отмеченной редкой книжной лексикой¹³⁵. Несколько слов

этому «граждане» редко в оригинальных древнерусских произведениях раннего периода. Например, в Житии св. Феодосия отсутствует, то же касается Сказания о св. Борисе и Глебе, хотя имеется в Чтении. *Бугославський С.* Україно-руські пам'ятки XI–XVIII ст. про князів Бориса та Гліба. К., 1928. С. 196.

¹³¹ См. «История Иудейской войны». Т. 1. С. 815. Все в неполногласном варианте «граждане» или «граждане».

¹³² *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы. С. 73, 83, 84, 88, 89 (3), 107, 115 (2), 118, 146 (2), 147, 182, 189, 192 (4), 194 (2), 195, 223, 229, 234 (2), 263, 272, 311, 312 (3), 335 (2), 341, 342, 351, 353 (2), 354, 355, 358.

¹³³ 12 примеров. ГА 19, 22, 174.24, 369.25, 385.9, 387.6, 399.4, 431.7, 435.24, 466.15, 485.14–15, 499.26. Следует добавить, в Александрии Хронографической не встречается вообще (если учитывать только 1-ю редакцию Александрии, сохранившуюся в Иудейском хронографе и Еллинском летописце 1-й редакции. В Троицком хронографе – дважды, л. 313с–д, в добавках, не имеющих соответствия в греческом тексте, еще одна добавка в Еллинском летописце 2-й редакции; Летописец Еллинский. Т. 1. С. 100).

¹³⁴ В Лавр за XIII в. может встречаться не в повестях, но в этикетных книжных сообщениях о встречах и прощаниях.

¹³⁵ Например, «прѣтити», которое в Киевском своде встречается лишь в статье 1123 г. (дважды, «прѣтяше», «претивь»). В сводах XII в. слова этого корня только с приставкой: под 1147 г. Ипат – 354И «запрѣти»; под 1168 г. в Лавр, 354Л «запрѣтиль». В НПЛ старш. ред. не

следует сказать и о чередовании полногласных и неполногласных форм. Полногласное «горожане» является древнерусской адаптацией книжного «гражане»¹³⁶. В основном чередование бессистемное, как, например, в ПВЛ: 2 неполногласных и 1 полногласный вариант в записях за X в., и наоборот – в статьях XI в. Но вот в ГВЛ неполногласные формы компактно представлены в первой холмской части, а полногласные, за исключением одного маркированного случая, описания катастрофы 1237 г., – во второй волинской части, граница проходит по 1259–1261 гг.¹³⁷ Возможно, использование тех или иных форм характеризует стиль определенных летописцев и в некоторых других сводах¹³⁸, но, к сожалению, строго доказать это последнее не представляется возможным.

Итак, «гражане» открывают ряд книжных летописных терминов. Темпы освоения книжного слова у хронистов различались. В некоторых традициях, в частности, в летописании самого яркого представителя «вечевой демократии» – Новгорода, оно вообще не привилось. Как и предыдущие стандартные «людие», «кияне» и пр., слово не является сугубо вечевым, тем не менее, может обозначать и вечников.

«Народъ». Перейдем еще к одному простому, но лишь на первый взгляд, понятию. «Народъ» – одно из тех слов, на понимание которых в большой степени оказывает влияние его современное значение в славянских языках. Как читатель, так и исследователь летописи интуитивно ожидают, что «народъ» является таким же обычным, стандартным обозначением, как это наблюдается в современном украинском, русском и др. языках. Что древнерусское и древнеславянское «народъ» не соответствует современному «народ», известно, впрочем, давно, и проблема эта неоднократно затрагивалась в работах филологов¹³⁹. Тем не менее, ожидания историков остались прежними, что демонстрируют хотя бы «указатели предметов и более редких слов» к Полному собранию русских

встречаются вообще, в Лавр за XIII в. также отсутствуют. В ГВЛ – 1 раз, 1226 г. «претяща», кроме того, 1 раз «запрѣти», 1256 г.; 749И, 831И. В ПВЛ, согласно словоуказателю О. В. Творогова, 1 «прѣтитися» и 1 «запрѣтити».

¹³⁶ Другое книжное написание – «граждане» – в летописях почти не представлено. Встречается только в заимствовании из ПВЛ в тексте НПЛ мл. ред. Что касается адаптированного полногласного «горожане», в словарях примеры взяты в основном из списков Русской Правды, договоров и грамот, см.: *Срезневский И. И.* Материалы. Т. 1. Стб. 559; СДРЯ. Т. 2. С. 360.

¹³⁷ Вообще о характерном распределении неполногласных и полногласных форм в холмской (галицкой) и волинской части ГВЛ см.: *Генсьорьский А. И.* Галицко-Волинский літопис (лексичні, фразеологічні). С. 10; «градъ», «гражане» и др.: Там же. С. 20–21.

¹³⁸ Так, в Лавр за XIII в. «горожане» фиксируются в двух статьях 1206 г., а «гражане» – в остальных сообщениях за 1230–1263 гг. Правда, первое известие 1206 г. по РА и ЛПС, в самой Л отсутствует (но близкое имеется в Сим-Тр, с порчей «горожане»–«лужане», см. выше).

¹³⁹ См.: *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». С. 190. *Цейтлин Р. М.* Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв. София, 1986. С. 288.

летописей, т. 1 и т. 3 (к т. 2 предметный указатель отсутствует). В обоих указателях слова «народъ» не найдем. Первый во всех переизданиях ПСРЛ перепечатывается из издания Лаврентьевской летописи Е. Ф. Карского 1926–1928 г., второй – из издания Новгородской первой летописи 1950 г., подготовленного А. Н. Насоновым¹⁴⁰. Вместе с тем анализ текста убеждает, что для этих сводов «народъ» относится как раз к словам «редким». Скажем, в тексте НПЛ старш. ред. за XI–XIII вв. встречается один (!) раз. Показательно и сравнение частотности словоупотребления слова «народъ» и его преимущественного синонима, «людие». Если для старославянских памятников (по рукописям X–XI вв.) зафиксировано свыше 500 примеров использования лексемы «народъ» и свыше 400 – «людие», то для текстов древнерусского времени (XI–XIV вв.) соотношение резко меняется: 10 тыс. примеров «люди», «людие» и всего 286 – «народъ», «народи»¹⁴¹.

Если попытаться охватить весь круг значений в древнеславянских текстах, следует отметить, что слово «народъ» – одно из наиболее полисемантических. Называют такие значения: ‘люди’, ‘толпа’, ‘собрание’, ‘множество’, ‘население страны’, ‘сторона или партия в конфликте’, ‘племя, род, вид’ (животных или птиц), ‘войско»¹⁴². В переводных памятниках встречаются совершенно непривычные для современного славяноязычного читателя выражения, к примеру: «народ етеръ (некий. – Т. В.) душамъ бесплотнымъ», или «лукавыхъ духовъ народъ много»¹⁴³. В нашем случае важно, что словом «народъ» или «народи» могли обозначать в том числе и участников вечевого собрания: в статье Лавр 1147 г.¹⁴⁴,

¹⁴⁰ См.: 579Л; НЛ, с. 633. Отсутствует слово «народ» и в: *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря. С. 204.

¹⁴¹ Статистические подсчеты приведены по: Старославянский словарь. С. 317–318, 352–353; СДРЯ. Т. 4. С. 482; Т. 5. С. 183. Правда, в этих словарях отличаются принципы статистического учета. В Старославянском словаре учитываются все случаи словоупотребления, а в СДРЯ, судя по всему, тождественные тексты, например, в Евангелиях, зачисляются как один. Материалом для Словаря древнерусского языка послужили списки Евангелий, Апостола и Псалтыри, в каждом из которых по несколько десятков употреблений. Лексика этих памятников обнаруживает большую устойчивость и в целом отражает закономерности словоупотребления более раннего времени.

¹⁴² *Срезневский И. И.* Материалы. Т. 2. Стб. 320–321; Старославянский словарь. С. 352–353; *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 29, 136.

¹⁴³ Первый пример – из Хроники Георгия Амартола, где излагаются теории Платона и Плотина о бессмертной человеческой субстанции-душе, «народъ» в значении ‘множество’ (414.11–12). Греческие эквиваленты к слову «народъ» в ГА: *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Т. 3: Словарь. Л., 1930. С. 263. Второй пример – из Римского патерика; Патерик Римский. С. 231 (ὄχλος). Ср. также одно из выражений в Летописце Еллинском и Римском 2-й редакции (XV в.): «... иже народа боляръ (множества бояр. – Т. В.) не убоишеса, ни царя словесъ не устрашишаса». Летописец Еллинский и Римский. Т. 1: Текст. СПб., 1999. С. 29. Круг значений слова «народъ» см.: Старославянский словарь. С. 352–353; СДРЯ. Т. 5. С. 183–184.

¹⁴⁴ Описание киевского веча, результатом которого было убийство князя Игоря Ольговича: «И придоша кыянь много множество народа, и съдоша у свято Софьи»; 316Л.

статьях Ипат 1147 г.¹⁴⁵, 6669/1160 (1161) г.¹⁴⁶ и, возможно, 1150 г.¹⁴⁷, а также в НПЛ под 1156 г.¹⁴⁸

Лексема распределена по летописным сводам крайне неравномерно. В ПВЛ используется в двух статьях, 996 г. и 1072 г.¹⁴⁹ Кроме того, в окончании ПВЛ – еще 6 раз, но только Ипатьевской редакции, под 1111 г. и 1115 г.¹⁵⁰ В Лавр встречается трижды в записях середины XII в.: под 1146 г.¹⁵¹, 1147 г.¹⁵² и 1156 г.¹⁵³ В статьях XIII в. – 10 раз: под 1206 г. (3)¹⁵⁴,

¹⁴⁵ Прямое сообщение о том же вече: «И поидоша убивать Игоря... и народи идяху по мосту... и тако из народа стоящей възрша Игоря... и тако народи двигнушася»; 349–351И. В соответствующем тексте Лавр, где читаются общие с Ипат фрагменты, вместо «народи» – «людье»; 317–318Л.

¹⁴⁶ Прямое известие о вече в Новгороде, об изгнании князя Святослава Ростиславича: «И се поиде множество народа людии, и емше князя, запроша в ыстебкъ»; 510И.

¹⁴⁷ О встрече князя Изяслава Мстиславича и принятии на княжение, а также о том, как «княне» подстрекали Изяслава убить его дядю, Вячеслава Володимирича. «Княне же слышавше, оже Изяславъ идеть, и тако изидоша противу Изяславу многое множество, и рекоша... Вячьславъ съдѣти ти в Киевѣ, а мы его не хочемъ... Изяславъ... възвѣха на дворъ на Ярославъ всим своимъ полкомъ и княнь с ним приде множество... Изяславъ же рече Вячеславу: ... видиши ли народа силу людии полкъ стояща (Хл «стояща»); 396–397И, вар. 39.

¹⁴⁸ Непрямое известие об избрании «всем народом» епископа: «...събрася весь град людии, изволиша собе епископъ поставити мужа Богомъ избрана Аркадия; и шьдѣше весь народъ, пояша и из монастыря от святѣя Богородица... поручивше епископью въ дворѣ святѣя Софие, дондеже придетъ митрополитъ въ Русь, и тѣгда поидеши ставиться»; НІ, с. 29–30.

¹⁴⁹ Под 996 г. о Володимире Святославиче: «...стваряще праздник великъ, сзывая беищисленное множество народа»; 125Л. Под 1072 г. при перенесении св. Бориса и Глеба: «...повелѣша народу взвати Господи помилуи»; 182Л.

¹⁵⁰ Под 1111 г. – в библейской цитате, повторенной дважды: «...и гласъ слава (Хл «слова») его, яко гласъ многога народа»; «...и гласъ его яко народа многа» (Дан.10.5); 269И, 272И. Под 1115 г. в описании перенесения св. Бориса и Глеба: «...съшедшося народу съ всихъ странъ»; «...не бѣ лзѣ вести от множества народа», «...страшно бяше видити народа множество»; «...орници, бѣль розметати народу»; 280–281И.

¹⁵¹ В описании торжественной встречи Изяслава Мстиславича киевлянами: «...и вниде Изяславъ в Киевъ... и выидоша противу ему множество народа, и игумени с черноризци, и попове всего города Кыева в ризахъ»; 313Л.

¹⁵² 316Л.

¹⁵³ В повествовании о смерти и странном завещании бежавшего из Киева митрополита Константина: «...народи же вси дивишася о смерти его»; 349Л.

¹⁵⁴ В сцене проводов Константина Всеволодича в Новгород: «...и проводиша и вся братья его... и вси бояре отця его, и вси купци, и вси послѣ братья его... рыдаху же множество народа правовѣрныхъ»; 422Л. Под тем же годом при встрече его в Новгороде: «...изидоша со кресты противу ему с честью великою множество народа съ епископомъ Митрофаном от мала и до велика»; 423Л. В этой же статье в сцене похорон княгини Всеволожей: «...ту сушу над нею князю... и епископъ и игумени, и черньци, и черници, и множество народа»; 424–425Л. Последнего перечня со словом «народ» нет в параллельном повествовании РА: «...бысть епископъ Иоанъ... черници вси, и бояре вси, и боярыни... и горожане вси». ПСРЛ. Т. 38. С. 161. Сим-Тр фрагмент может быть испорчен: «Слышавше же вси, стекочася на погребение ее, игумени и попове, и черньци и черници, и епископы, клирици, и князь великий Всеволодъ съ сынами своими, и вси дружина и вси лужане (испорч. «гражане») отъ мала и до велика». *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 290. Первые два фрагмента, связанные с Константином, также отсутствуют в РА, но имелись в Сим-Тр (по реконструкции Приселкова). Ср.: ПСРЛ. Т. 38. С. 160, *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 288. Известен источник первого из них – плач по Андрею Боголюбскому, что

1218 г.¹⁵⁵, 1227 г.¹⁵⁶, 1237 г. (3)¹⁵⁷ и под 1263 г. в извлечении из Жития Александра Невского¹⁵⁸. В Сим-Тр за период 1263–1283 гг. (где в Л утеряны листы) «народъ» упоминается под 1276 г. и 1278 г.¹⁵⁹ Киевский свод XII в. (Ипат) фиксирует слово 12 раз: под 6634/1125 г. в описании смерти Володимира Мономаха¹⁶⁰, а далее в середине столетия, 1147 г. (4)¹⁶¹, 1149 г.¹⁶², 1150 г.¹⁶³, 1154 г.¹⁶⁴, 1155 г.¹⁶⁵, 6668/1160 г.¹⁶⁶ и 6669/1160 (1161) г.¹⁶⁷ Последнее известие – под 1175 г., в сцене плача по убитому Андрею Боголюбскому¹⁶⁸. В окончании свода, последней четверти XII в., слово не встречается. ГВЛ (Ипат за XIII в.) его не фиксирует, НПЛ содер­жит только в одной статье 1156 г.¹⁶⁹ Таким образом, Лавр концентри-

отмечалось в: *Прохоров Г. М.* Радзивилловский список Владимирской летописи по 1206 год и этапы владимирского летописания // ТОДРЛ. СПб., 1989. Т. XLII. С. 73; *Милотенко Н. И.* Владимирский великокняжеский свод 1205 г. (Радзивилловская летопись) // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. XLII. С. 54. Но в тексте плача по Андрею 1175 г. в Лавр версии нет слова «народъ», оно присутствует только в Ипат, ср. 368Л–585И.

¹⁵⁵ В описании торжественного хода при перенесении мощей св. Логина: «Повелъ князь Костянтинъ... ити всему народу съ кресты, епископу со всѣм клиросом, и сам князь с своими благородными сыньми, и со всѣми боляры идоша»; 441Л.

¹⁵⁶ В описании постановления во Владимир епископа Митрофана: «Суццо ту благородному князю Гюргю и з дѣтми своими, и братама его... и всѣм боляром и множество народа, приключися и мнѣ грѣшному ту быти»; 449Л. В Сим-Тр: «...и бѣ множество народа». *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 309.

¹⁵⁷ В сцене осады татарами Владимира: «... и бѣжа Всеволодъ и Мстиславъ и вси людье бѣжаша в Печернии городъ, а епископъ Митрофанъ и княгыни Юрьева... и множество много боярь и всего народа людии затворишася в церкви святыя Богородица»; 463Л. Под тем же годом в описании встречи гроба с телом князя Василька Константиновича в Ростове: «...и яко понесоша и в град, и множество народа изидоша противу ему, жалостныя слезы испускающа», «...рыдаху же народа множество правовѣрных, зряще отца сирых...»; 466Л.

¹⁵⁸ В библейской цитате: «...глас его акы труба в народъ»; 477Л.

¹⁵⁹ В описании смерти Василия Ярославича и свадьбы Михаила Глебовича, внука Василька Константиновича: «множество народа», «множество боярь и мужей и народа». *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 333, 335.

¹⁶⁰ Соответствует 6633 мартовскому: «...плакахуся по святомъ и добромъ князи весь народъ и вси людие»; 289И. Фрагмент отсутствует в Хл.

¹⁶¹ В рассказе о киевском вече, 349И, 352И, текст см. выше.

¹⁶² Под 1149 г. в описании встречи Юрия Долгорукого киянами: «Гюрги же поѣха у Киевъ и множество народа выде противу ему с радостью великою»; 384И. В параллельном тексте Лавр лексема отсутствует, ср. 322Л.

¹⁶³ В 1150 г. в рассказе о встрече Изяслава Мстиславича и намерениях киевлян убить Вячеслава Володимирича, 397И, см. выше.

¹⁶⁴ В статье 1154 г. в сцене похорон Вячеслава Володимирича: «...проводи его до гроба съ чествою великою съ множествомъ народа»; 473И. В параллельном Лавр фрагменте нет слова «народъ», 343Л.

¹⁶⁵ Под 6663 (1155) г. в сцене встречи киевлянами Юрия Долгорукого: «Выиде противу ему множество народа и съде на столъ оць своихъ и дѣдъ»; 478И. Слова нет в Лавр, параллельный фрагмент 345Л.

¹⁶⁶ В описании принятия на стол киянами Ростислава Мстиславича: «Срѣѣтоша вси людие и множество народа, приша и людие с достохвалною чествою»; 504И.

¹⁶⁷ В описании новгородского веча; 510И.

¹⁶⁸ Под 6683/1174 (1175) г. при встрече гроба князя во Владимире: «...и поча весь народъ плача молвити»; 593И.

¹⁶⁹ Так в НПЛ старш. ред. В НПЛ мл. ред. имеется несколько дополнительных выра-

рует выражения со словом «народъ» в середине XII в. и 1206–1237 гг.; Ипат – в окончании ПВЛ и 1140–1160-х гг.

Семантический ряд в летописных сводах уже, чем в переводной книжной литературе. Это, как правило, ‘толпа’ и ‘люди’. Кроме того, летописный узус предполагает использование слова «народъ» в немногих стандартных ситуациях. В большинстве случаев речь идет о встрече горожанами нового князя, похоронах умершего правителя или значительных церковных событиях. Так, ПВЛ под 996 г. пишет о возвращении Володимира Святославича в Киев на праздник Успения св. Богородицы. Это как бы итоговая статья его княжения, где повествуется о способе правления и обращении князя со своими подданными и дружиной. Под 1072 г. и 1115 г. описывается перенесение мощей св. Бориса и Глеба. Серия Ипат 6634/1125 г., 1149 г., 1150 г., 1154 г., 1155 г., 1160 г., 1175 г. включает встречи и прощания, въезд князей в Киев и проводы их в последний путь. Статьи Лавр 1146 г. и 1147 г. также описывают процедуру встречи киевлянами киевского князя и его посланцев¹⁷⁰. Известие же 1156 г. касается смерти митрополита Константина. Кстати сказать, стилистически оно резко отличается от соседних статей и явно сконструировано в соответствии с житийными канонами описания успения святого¹⁷¹. Здесь словоупотребление соответствует словоупотреблению в книжных памятниках, для многих из которых «народъ» – лексема частотная. В НПЛ под 1156 г. выражение «шедше весь народъ» выполняет этикетную функцию. Описывается всенародное избрание епископа Аркадия, вернее, торжественное возведение его на «владычен двор». Если учитывать, что это единственный случай появления слова «народъ» в новгородской летописи, видимо, ему придавалось особое значение. В самом деле, Аркадий стал епископом в сложной политической ситуации, связанной со сменой новгородского и киевского князей и митрополита¹⁷². С другой стороны, не исключено, что здесь имеем дело не только с обстоятельствами избрания,

жений со словом «народъ», в основном в заимствованиях из Жития Александра Невского. 1240 г.: «...глас его акы труба в народъ»; НЛ, с. 290–291 (ср. Лавр 1263 г.). 1242 г.: «...и стрѣтоша его много народ»; НЛ, с. 296. Под 1251 г. в описании смерти Александра (умер в 1263 г.): «...от множества же народа изъгнѣтахуся»; НЛ, с. 306. В обеих редакциях еще в одном сообщении XIV в., под 6837 (1329) г.

¹⁷⁰ Оба случая касаются Изяслава Мстиславича. Любопытно, что в Лавр нет описаний ни одной такой встречи суздальского князя Юрия Долгорукого, который несколько раз входил в Киев и приветствовался киевлянами, но имеется описание торжеств по поводу входа в Киев его врага Изяслава. Возможно, эти фрагменты восходят к какому-то раннему киевскому источнику. Позднее во встречах Михалка и Всеволода Юрьевичей в описании местных событий использованы иные формулы: «...володимерци выдоша...», «...и бысть радость велика в градѣ Володимери».

¹⁷¹ *Толочко О.* Смерть митрополита Константина (До розуміння давньоруської моделі святості), *Mediaevalia Ucrainica. Ментальність та історія ідей.* К., 1993. Т. 2. С. 30–48.

¹⁷² После утверждения в Киеве Юрия Долгорукого ставленник прежнего киевского князя – Клим Смолятич – не мог дольше оставаться на митрополичьем престоле. Юрий послал посольство в Константинополь за другим митрополитом. В это время в отсутствие митрополита при сыне Юрия Мстиславе в Новгороде и выбрали Аркадия. В Киев на поставление он пошел только через год, в 1158 г. По-видимому, так случилось потому, что

потребовавшими подчеркнуть в летописном отчете легитимность поставления, но и с индивидуальными предпочтениями одного из новгородских владычных летописцев. Слово «народъ» не относится к высокочастотным, и, возможно, не представилось случая использовать его дважды.

Судя по всему, вообще слово «народъ» является атрибутом высокого стиля и свидетельствует о соблюдении надлежащего этикета. Это наблюдается в ПВЛ и сводах XII в., а летописцы XIII в. продолжают и развивают традицию тяжеловесной книжной торжественности. Исходя из неравномерности распределения по годовым статьям, вписывать или нет «народъ» – зависело от личного выбора летописца. Но если называть общие закономерности, лексема маркирует копирование церковно-книжных образцов, в особенности книг Нового Завета. Заглянув в словоуказатели к изданиям древнерусских Евангелий-апракос XI–XII вв., можно отметить, что частотность использования лексемы «народъ» приблизительно в три раза выше, чем слова «людие». Согласно словоуказателю к Мстиславу Евангелию, «людие» встречается 66 раз, тогда как «народъ», «народи» – 195 раз (!)¹⁷³. Часто слово «народъ» и в наиболее насыщенной социально-политической лексикой части Апостола – Деяниях апостолов (ДА), свыше 30 примеров¹⁷⁴. В Ветхом Завете картина иная, здесь доминируют лексемы «языкъ» и «людие». В частности, в Псалтыри слово вообще не встречается¹⁷⁵, в иных библейских кни-

в Новгороде вскоре после его избрания произошла смена князя, что было связано со смоленской династией, Ростиславом Мстиславичем и его детьми, и архиепископ, как кажется, поддержал их (по Ипат, «епископ Аркадь» имел влияние на Ростислава). А в 1157 г. в Киеве сел на княжеском столе Изяслав Давыдович, с которым у Ростислава Мстиславича были довольно сложные отношения. Во всяком случае, Аркадий пошел ставиться в Киев после того, как умер Юрий Долгорукий (15 мая 1157 г.) и в Киеве дважды сменился князь, хотя новый митрополит Константин, поставивший его, пришел в Киев уже в 1156 г. Ср.: 347Л, 485И (в Лавр известие о приходе Константина помещено между сообщениями, датированными «апрелем» и «зимой» этого года, год мартовский; *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 64). После Аркадия владыка Илья в Новгороде был поставлен обычным способом «от митрополита», участие новгородцев в предварительном наречении не отмечено. Но затем в НПЛ снова появляются сведения об избрании архиепископа новгородцами.

¹⁷³ Апракос Мстислава. С. 379, 388. См. также словоуказатели к Остромирову и Архангельскому евангелиям: Остромирово Евангелие. М., 1843. С. 258; Архангельское Евангелие 1092 года. Исследование. Древнерусский текст. Словоуказатели / Изд. подг. Л. П. Жуковская, Т. Л. Миронова. М., 1997. С. 518, 528. В Архангельском Евангелии 67 раз встречается «народъ» или «народи» и 29 раз «люди» или «людие». В Евсеевом Евангелии конец XIII в. 84 примера «народъ», «народи», и 24 «людие». *Євсєєєє Євангєлїє, Вїдп. ред. В. В. Нїмчук. [Пам'ятки української мови XIII ст., Серія канонічної літератури].* К., 2001.

¹⁷⁴ По Острожской Библии, в ДА «народ» и «народи» – 36, «люди» и «все людие» – 42. В рукописях частотность варьируется, но все же «народъ» достаточно частотная лексема. В сербском Матичином Апостоле, где утеряно начало ДА и текст не полон, «народъ» и «народи» – 35, «людие» – 20. Матичин Апостол. Л. 1–34об. В македонском Струмицком Апостоле (краткий апракос) 16 раз «народъ» или «народи» и 30 раз «людие». Струмички (македонски) апостол. Л. 2а–33б.

¹⁷⁵ О закономерностях синонимических замен в ранних славянских переводах см.: *Карачорова И.* Към въпроса за кирило-методиевия старобългарски превод на Псалтира // Кирило-Методиевски студии. София, 1989. Кн. 6. С. 130–245. В древнерусской Бычковско-Синайской псалтыри ок. 1100 г. (или Бычковской, см.: *Том II.* Русская редакция древне-

гах единичные упоминания¹⁷⁶, в Паримейнике – избранных чтениях из Ветхого и Нового Завета – около полутора десятка употреблений¹⁷⁷. Тем не менее, высокая интенсивность употребления в евангельских чтениях означает, что древнерусские книжники не только читали, но и каждый день вместе с остальной массой православных могли слышать отрывки с соответствующей топикой.

«Народъ», «народи» и, реже, их производные («народнии», «народвластие») распространены и в хронографических сочинениях. Так, в одном из источников ПВЛ – славянском переводе Хроники Георгия Амартола – около 60 примеров, в том числе в отрывках, вошедших в ПВЛ, или в непосредственном окружении заимствованных фрагментов¹⁷⁸. В древнерусском переводе «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, послужившей источником ГВЛ, более 100 выражений со словом «народъ»¹⁷⁹. В Хронике Иоанна Малалы, сохранившейся в составе хронографических компиляций, – свыше 40 примеров¹⁸⁰. Значительно

болгарского языка в конце XI – начале XII вв. София, 1985. С. 46–51; список, скорее всего, южнорусского происхождения; Там же. С. 330) слово «народъ» или «народи» не встречается ни разу. См.: An Early Slavonic Psalter from Rus' / Ed. Moshe Altbauer and Horace G. Lunt. Cambridge, Massachusetts, 1971. Vol. 1. То же в старославянской глаголической Синайской псалтыри. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века / Подг. Сергей Северьянов. [Памятники старославянского языка. Т. IV]. Пг., 1922. С. 290.

¹⁷⁶ См.: Быт.17.5, Быт.17.27, Быт.19.4, Быт.23.7, Быт.23.12–13, Быт.41.55, Ис. Нав.4.14, Суд.9.36, Суд.21.10, 2Ц.15.22, 3Ц.20.13, 4Ц.11.13, Дан.10.6, Дан.11.10–12. Острожская Библия. Л. боб., 7, 9об., 20. 98об., 114об., 121, 147об., 168, 176об., 156/2об., 157/2 (2). Частотность «люди», «людие» на порядок выше. Хотя, следует добавить, «народъ» в Острожской Библии – одна из тех лексем, которая часто заменялась другими. Но картина, наблюдаемая в Паримейнике, сходна (см. ниже), ср. также в Книге Бытия, почти полностью помещенной в Виленском хронографе, где «народъ» и «народи» читается: Быт.1.21, Быт.1.24 (2), Быт.1.25 (2), Быт.6.20 (2), Быт.7.14 (4), Быт.8.19, Быт.19.4, Быт.23.7, Быт.23.12, Быт.41.55. См. также: Хронограф Виленский. Библиотека АН Литвы, F19–109/1. Л. 9, 20, 21, 22, 60об., 64, 64об., 85об. Аналогично в Троицком хронографе (сам Троицкий список без начала, потому Книга Бытия отсутствует; «народъ» и «народи» упоминается в: Суд.9.36–37, 43, Суд.21.10, 1Ц.4.16, 2Ц.3.39, 2Ц.15.22, Дан.10.6); Л. 31d–32b, 44c, 52d, 88c, 101c, 268d.

¹⁷⁷ В Паримейнике НБУ чтения из книг Бытия (Быт.1.24, Быт.1.25 (3), Быт.6.20 (3), Быт.7.14 (3), Быт.8.19), Премудрости Соломона (Прем.6.2, 6.3), прор. Даниила (Дан.10.6), всего 14 примеров. Паримейник НБУ. Л. 15г, 16а (3), 29а (3), 33а (3), 35б, 90б (2), 92б. В Григоровичевом Паримейнике – преимущественно из Книги Бытия: Быт.1.21 (2), Быт.1.24 (2), Быт.1.25, Быт.6.20 (3), Быт.7.14 (3); а также Иса.2.4. Григоровичев Паримейник. Л. 16v, 17, 17v, 32, 35v (14 примеров). При этом слово «людие» в Григоровичевом Паримейнике встречается, по моим подсчетам, 110 раз.

¹⁷⁸ См.: ГА 77.10, 161.4–5, 175.16, 196.16, 214.5–6, 215.9, 221.14, 237.19, 254.2, 254.3, 259.3, 259.8, 292.14–15, 299.27, 299.28, 301.9, 301.21, 315.10–11, 333.10, 349.11, 352.24, 369.23, 370.11, 371.13, 371.14, 371.18, 371.20, 386.20, 386.21, 391.9, 399.7, 399.11, 407.20, 407.24, 409.29–30, 412.10, 414.11–12, 414.27–28, 421.3, 421.9, 431.17, 432.18, 432.23, 465.22, 465.25, 467.16, 486.17–18, 495.5, 515.2, 515.3, 540.10, 544.24, 552.15, 554.19, 555.18, 569.2. Также 168.22 народная, 196.16 народнѣе.

¹⁷⁹ «История Иудейской войны». Т. 2. С. 151. Перевод Флавия сделан, вероятно, в XII в., но дошел в списках XV–XVIII вв., в составе хронографов и в отдельной редакции.

¹⁸⁰ *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы. С. 25, 76, 77, 86, 89, 185, 186 (2), 189 (2), 193, 194 (3), 195, 227, 233, 266 (2), 271, 272, 305 (2), 306 (3), 308, 312, 313, 315, 317, 336, 339, 341, 342 (3), 346 (4), 348 (3).

меньше в Александрии, особенно сильно повлиявшей на Киевский свод¹⁸¹. В житийной литературе и гомилетике (поучениях) интенсивность употребления переменная. Например, в Успенском сборнике всего 69 словоупотреблений, но более половины из них приходится на два жития¹⁸². Тем не менее, в целом «народъ» встречается чаще, чем в летописях.

Собственно, при таком интенсивном словоупотреблении в церковно-книжной и хронографической литературе можно было бы ожидать все же большей частотности в летописных сводах, в особенности таких, как ПВЛ и ГВЛ. Сложно сказать, с чем связаны предпочтения летописцев. Возможно, дело в том, что составитель ПВЛ ориентировался на славянские переводы Ветхого Завета, где преобладает лексема «людие»¹⁸³, и заложил традицию использования этого обозначения. Или же первоначально слово «народъ» для древнерусских книжников ассоциировалось с ‘толпой’ («народъ» в значении ‘толпа’ прослеживается по многим

¹⁸¹ Александрия цитируется по изданию: *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. См.: с. 7 «...не въ мнозь бо народъ»; с. 32 «...многу народу»; с. 35 «...многъ народ людии»; с. 54 «варварьскыя народы»; с. 64 «многы народы пръскыя». О влиянии Александрии на Киевский свод: *Вилкул Т. Л.* «Литредакция» летописи.

¹⁸² Мучение и житие Иринии и Февронии. В том числе в Житии Афанасия Александрийского 1 раз «народи», 7г.10. Мучение Иринии: 19 «народъ» и 5 «народи», 68б.2, 70г.8–9, 72г.20–21, 74г.2, 77г.16, 78а.2, 78а.16–17, 78г.17–18, 79.а3, 81б.29, 82а.3, 82а.4–5, 82а.10–11, 82.б.22, 82.б.25, 82в.4–5, 83а.12–13, 83в.4–5, 83в.28–29; 73б.32, 76в.18–19, 77а.3, 25, 80а.17. Житие Мефодия Моравского: 1 «народъ», 109б.13–14. Житие Пахомия: 1 «народъ» 118а.16. Мучение Еразма: 2 «народъ», 119г.5–6, 123в.2–3. Мучение Христофора: 1 «народи», 100в.8. Мучение Вита: 1 «народъ», и 1 «народи», 128г.17; 128б.24. Мучение и житие Февронии: 15 «народъ» и 4 «народи», 136б.22–23, 136б.25, 138а.21–22, 139а.29, 139в.31, 139г.9–10, 140а.8–9, 140б.13–15, 140г.7–8, 140г.32–141а.1, 141б.18–19, 141в.20–21, 141в.24, 141в.27–28, 142а.18–20; 136г.5, 138г.2–3, 140г.28, 141в.17. Житие Епифана Кипрского: 1 «народъ», 150б.3. О кончине жития Епифана Кипрского: 1 «народъ», 163б.13–14. Иоанна Златоустого Слово о десяти девицах: 2 «народъ», 1 «народи», 180г.21, 183б.23; 183в.19. Иоанна Златоустого Слово о блуднице: 1 «народъ», 203а.3. Иоанна Златоустого Слово на великий четверг: 1 «народи», 204б.26. Иоанна Златоустого Слово о честном кресте: 1 «народи», 211а.2–3. Иоанна Златоустого Слово от Матфея: 2 «народъ», 1 «народи», 213г.16–17, 215г.14; 214а.2. Евсевия Александрийского Слово о вшествии Иоанна Предтечи в ад: 1 «народъ», 220в.21. Андрея Критского Слово в субботу Лазореву: 2 «народъ», 231а.9–10, 228г.13–14. Иоанна Златоустого Слово о самаритянке: 1 «народъ», 256а.23–24. Иоанна Златоустого Слово о всех святых: 1 «народъ», 285.31–32. Сказание Агапия: 1 «народъ», 292б.3–4. Повесть блж. Ефрема о св. Авраамии: 1 «народъ», 299а.1–3. Вообще отсутствует в 24 текстах Успенского сборника. Ср. также в доступной мне части изданного Жития Иоанна Златоустого (перевод на древнеславянский переводческой школы Иоанна Экзарха Болгарского) – свыше 20 примеров. *Hansack E.* Die Vita des Johannes Chrysostomos. S. 142 (2), 144 (2), 146, 156 (2), 158, 196, 198, 202, 206 («многонороднѣ»), 208, 210 (2), 212 (2), 256, 262, 268, 280. При этом лексемы «люди»/«людие» встречаются 13 раз и еще два раза «людьскъ». Там же. С. 98, 110, 114, 118, 144, 162, 194, 200 (2), 22, 234, 254, 270, 280, 282.

¹⁸³ В отличие от новозаветных текстов. О такой возможности косвенно свидетельствует, к примеру, словоупотребление в переводе Хроники Иоанна Малалы. Здесь «людие» встречается намного реже, чем «народъ» (8 раз против 44), и в основном в связи с сюжетами древнееврейской истории. См.: *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы. С. 76, 83, 103 (2, «люди иудѣискы»), 107 («иудѣискы»), 175 (о пророке Данииле), 186, 382 (об исходе из Египта).

книжным памятникам), а более широкий ряд значений был воспринят постепенно из переводных памятников. В Книге Бытия «народ» обозначает ‘род животных’, и это чтение вошло в Паримейник и Хронограф¹⁸⁴. В одной из рукописей Паримейника 11 и 14 примеров со словом «народь» из Книги Бытия именно в таком значении¹⁸⁵. Если кто-либо из книжников усвоил такое словоупотребление, он мог избегать слова «народь». Примечательно, что в берестяных грамотах оно не встречается ни разу¹⁸⁶. По-видимому, использование лексемы в описании торжественных моментов, особенно характерное для Киевского свода XII в. и Лавр за XIII в., возникло из разницы церковно-книжного и некнижного словоупотребления. Ведь переводы Библии и множество агиографических и гомилетических текстов были произведены в Моравии и Болгарии, в иной диалектной среде. В скобках, неиспользование лексемы «народь» еще не свидетельствует о «простоте» и «некнижности» летописца, большую роль здесь играли личные предпочтения. Составитель ГВЛ не питал пристрастия к выражениям со словом «народь», что не мешало ему строить свое повествование на высоких образцах Хронографа и библейских книг. Некоторые из владычных новгородских летописцев XIII в. также были весьма начитанными¹⁸⁷, но в НПЛ слово относится к уникальным. Надо сказать, лексема встречается редко или вовсе отсутствует не только в летописях, но и в оригинальных древнерусских памятниках XI – начала XII в. Ее нет в ядре Киево-Печерского патерика («Сказании чего ради прозвася Печерский монастырь»), в анонимном Сказании о св. Борисе и Глебе, «Памяти и похвале» Иакова Мниха, Житии св. Ефросиньи Полоцкой¹⁸⁸. Правда, в Сказании о чудесах св. Бориса и Глеба – два случая употребления, столько же и в Несторовом «Чтении о житии и погублении» и один в Житии св. Феодосия. Насколько можно

¹⁸⁴ По крайней мере, в Иудейский хронограф. Что было в так называемом Хронографе по Великому изложению – неизвестно. Ср. в Иудейском хронографе, по списку Виленского хронографа: «Рече Богъ: да изведеть земля душо живу народ, четвероногиа и гады, звѣри земныя народы, и бысть тако, и створи Богъ звери земныя народ их, скоты и народ их». Хронограф Виленский. Л. 9а, ср. также л. 20–22, 23об.

¹⁸⁵ Ср.: «...народ четвероногая и гади и звѣри зельскиа и скоти». Паримейник НБУ. Л. 16а; «...да будет от всѣх птиць народь, и от всѣх скоть народь, и от всѣх гадь пресмыкающихся по земли народъ ихъ». Там же. Л. 29а. Тот же текст по болгарскому списку XII–XIII в.: Григоровичев Паримейник. / Сост. Рибарова Зденка, Хауптова Зое. Скопје, 1998. Л. 17v, 32.

¹⁸⁶ См.: *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 764.

¹⁸⁷ См.: *Гиппиус А. А.* Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи. Автореф. дисс. канд. филол. наук М., 1996. С. 25–26.

¹⁸⁸ См.: *Древнерусские княжеские жития* / Подг. текстов, перевод и комментарий В. В. Кускова. М., 2001. С. 23–29, 146–154.

¹⁸⁹ «Повелѣша народу звати господи помилуи» (огромная толпа при перенесении св. Бориса и Глеба); «...всхожаше гласъ народа»; «...чюдеса створи предъ ними (апостолами, речь о Христе. – *Т. В.*) и прѣдъ всимъ народомъ»; «...народу многу приходити въ церковь святою»; «...и видѣвъ много народъ» (Святослав Ярославич увидел людей, избирающих место для новой церкви). *Бугославський С.* Україно-руські пам'ятки. С. 161, 170, 181, 196; Успенский сборник. 20г.14–15, 26а.2; 60г.11. В ПВЛ под 996 г., 1072 г. и 1115 г. – то же значение.

судить, во всех названных текстах «народъ» – это толпа, большое скопление людей¹⁸⁹.

Копирование высоких образцов поясняет появление слова «народъ» и в тех случаях, когда речь идет не о торжественности и этикете, а об описании «мятежей». Если летописцы испытывали симпатию к жертвам вечников, они могли имитировать сцены казни Христа и травли «народом» апостолов¹⁹⁰. Собственно, таких сюжетов два: Ипат 1147 г. и 6669/1160 г. Первый касается убийства киевлянами их бывшего князя Игоря Ольговича, второй – изгнания новгородцами Святослава Ростиславича. Явные житийные интонации приданы описанию убийства Игоря. *Imitatio Christi* задается использованием прямых цитат из Евангелий и Апостола и соответствующей лексики¹⁹¹. Но то был экстраординарный случай: князя убили киевляне, и, видимо, впоследствии Игорь был канонизирован¹⁹². Статья 6669/1160 г. Ипат цитат из Священного Писания не имеет, за исключением, возможно, самого фрагмента со словом народ: «множество народа людии»¹⁹³. Тем не менее, книжная топка используется. Можно назвать такие выражения, как «злоба»¹⁹⁴, «на горшее зло подвигошась», нарушение сразу двух крестоцелований: «хресту» и «святой Богородице». Вполне вероятно, оба текста обработаны в книжном духе одним и тем же летописцем. На такую мысль наталкивает то, что они имеют общую с Лавр основу и редактированы в пользу Ростислава Мстиславича. В Ипат под 1147 г. приведены ошибочные сведения о Ростиславе, указывающие на позднее

¹⁸⁹ «И снидеса народъ на ня», ДА 16.22. «Научиша (так Струмицкий Апостол; Матичин Апостол: «наустише»; Острожская Библия: «навадиша») весь народъ, и възложиша на нь руцѣ», ДА 21.27. Матичин Апостол. Л. 11v, 21v; Струмички (македонски) Апостол. Л. 26b; Острожская Библия. Л. 9/4об., 12/4об. Ср. также: Мт.27.24: «(Пилат) приимъ воду умы руцѣ прѣдъ народьмъ глагола: неповиньнъ есмь отъ крѣви сего правдынааго... и отъвѣщавъше вси людие рекоша: крѣвь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ». Мк.15.8: «...и възъпивъ народъ начаша просити (отпустить разбойника)». Мк.15.11: «Старѣишины же жьрьчьскы вѣставиша народъ, да паче Вараву отпустить имъ». Мк.15.15: «Пилатъ же хотя народу вьгодие сѣтворити, пустить имъ Вараву и прѣдасть Иисуса бивъ, да и распнуть». Лк.23.14: «Пилатъ же рече къ старѣишинамъ жьрьчьскимъ и къ народомъ: никоея же вины не обрѣтаю до челоуѣка сего. Они же крѣпляхуся глаголюще, яко развращаеъ люди». Лк.23.18: «Възъпиша же съ всѣмъ народьмъ глаголюще възми сего (Иисуса), отпусти же намъ Вараву». Апракос Мстислава, 1536.20–25–153в.1–2; 116а.8–10; 116а.15–18; 1166.2–6; 120г.9–16; 1216.14–16. Эти же мотивы использовались в поучениях, посвященных соответствующим сюжетам. Ср. в Слове Елифана Кипрского «На погребение Господа нашего Иисуса Христа», читавшегося на Великую субботу: «Къде ныня суть вчерашняя мльвы и гласи и говори, бываюштии на Христоса отъ законнопреступникъ, кде народи и чини и оружия и жрьди». Супрасльская рукопись. С. 448.

¹⁹¹ *Podskalsky G.* Principal Aspects and Problems of Theology in Kievan Rus // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. XI. № 3/4. 1987. P. 284.

¹⁹² *Толочко О.* Смерть митрополита Константина. С. 30–48. По мнению автора, в древнерусское время существовало почитание пары святых – князя Игоря Ольговича и митрополита Константина.

¹⁹³ Ср. в сцене шествия на Голгофу: «...идяше же вслѣдъ его многъ народъ людии», Лк.23.27; Апракос Мстислава. 121в.21.

¹⁹⁴ Ср. серию псалмов с этим словом в сцене убийства св. Бориса. *Бугославський С.* Україно-руські пам'ятки. С. 130–131.

происхождение этой версии текста¹⁹⁵, а «восстание» 1160 г. касалось одного из его сыновей.

Вероятно, те же импульсы проявились в третьем «мятежном сюжете» Ипат, 1150 г., хотя он несколько отличается от первых двух. Здесь описывается несостоявшееся и, не исключено, просто выдуманное летописцем восстание. «Кияне» якобы предлагали Изяславу Мстиславичу убить его соперника, дядю Вячеслава Володимирича («посъчь» под ним сени), а тот отказался. Киевские летописцы старались показать идеальное соправление Изяслава Мстиславича и Вячеслава Володимирича в Киеве в 1151–1154 гг. и, чтобы избавить Изяслава от подозрений в узурпации стола в 1150 г., сцену последнего столкновения дяди и племянника, а фактически изгнания Изяславом Вячеслава, представили как сцену подстрекательства «народа».

Впрочем, описание мятежей с упоминанием «народа» характерно лишь для нескольких статей Киевского свода XII в. Включая это слово, составитель или составители вызывали коннотации, связанные с раннехристианской историей. В остальном же и в Киевском своде, и в других летописях словоупотребление стандартное: слово «народъ» маркирует торжественность момента. Могут встретиться не вполне обычные для современного читателя выражения: «весь народ и вси людие» (1126 г.); «народа... и людии» (1150 г.); «всь град людии... всь народ» (1156 г.); «множество народа людии» (1160 г.); «множество народа и вся земля Руская» (1155 г.)¹⁹⁶. Скорее всего, в подобных случаях древнерусские книжники копировали переводы с греческого, ведь соположение лексем «людии» и «народъ» имеется в Евангелиях и многих других текстах¹⁹⁷. Из этих наблюдений можно заключить, что «народъ» – слово книжное. Оно вносило в повествование смысловой оттенок торжественности. Первые хронисты–составители ПВЛ ощущали некоторую его чужеродность и

¹⁹⁵ Ростислав здесь распоряжается «смоляннами и новгородцами», 347И. Однако в Новгороде вплоть до 1154 г. сидели брат Изяслава Мстиславича Святополк и его сын Ярослав. Ростислав сместил Ярослава только в 1154 г., перед самой смертью Изяслава Мстиславича, и, очевидно, небесконфликтно. Новгород находился в орбите влияния Ростислава в 1154–1157 и 1160-х гг., здесь княжил он сам и его дети.

¹⁹⁶ 289И; 396–397И; 478И; 510И; НІ, с. 29–30. Пример 1160 г. можно перевести как «большая толпа людей», поскольку одно из исходных значений слова, присутствующее уже в старославянских памятниках, – «толпа». *Колесов В. В.* Мир человека. С. 29, 136. Ср. также чтение Лк. 6.17, многократно повторенное: Апракос Мстислава, 73в.7–8, 73в.22–24, 164а.12–14, 1746.4–6, 2016.8: «...и народъ ученикъ его и множество людии много». «Народ воин многоъ», где «народъ» – «сила», «множество», см.: *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы. С. 339.

¹⁹⁷ Кроме уже приведенных примеров, см. Лк. 23.27: «...идяше же вьслѣдь его многоъ народъ людии»; Апракос Мстислава, 121.21. В Хронике Амартола: «...въпросимъ пред людьми и пред народомъ», ГА 301.21; «...народъ и множество много людии», ГА 407.24; «...паки людье, паки воиници, паки свѣти, паки народи бѣснующеся и мятущесе», ГА 349.10–11 (этот же фрагмент в Житии Афанасия Александрийского в Успенском сборнике: 7г.10). «Многъ народъ людии», *Истрин В. М.* Александрия. С. 35. В Римском патерике: «народъ людьскыи», «съ многомъ жъ народомъ людии», «людскыи народъ» («множество людей»); Патерик Римский. С. 277, 315 (2).

использовали достаточно редко, да и последующие поколения летописцев обращались к нему сравнительно нечасто. В признанно вечевых сюжетах слово «народъ» («народи») появляется несколько раз в середине XII в., благодаря уподоблению ситуациям, описываемым в Евангелии и Апостоле. В основном же оно использовалось в этикетных сообщениях о торжественных встречах и прощаниях.

«**Весь градъ**». Еще одно сочетание, устойчиво связываемое с вечем, – «весь градъ». По мысли некоторых историков, появление его в тексте – достаточное и очевидное доказательство «общегородского участия населения» в политических событиях. Между тем, как и в предыдущем случае, дело обстоит не столь просто, и «сугубо вечевым» это выражение не является. Надо сказать, словосочетание, по понятным причинам, хуже представлено в словарях, статистики встречаемости нет, и автору, как средневековому переписчику, впору попросить у читателя прощения: «Чтите, а не клените, или где недосмотрел». Насколько можно судить, в древнерусских текстах «весь градъ» используется для обозначения ‘всего населения города’¹⁹⁸, ‘войска’¹⁹⁹, а также участников вечевого собрания. Порой понятие охватывает все население города в буквальном смысле слова, но иногда летописцы употребляют средневековый аналог высказываний наподобие: «У графини был весь Париж». В качестве «вечевых» примеров можно привести статьи НПЛ 1156 г., 1228 г. и 1230 г. и, возможно, выражение под 1205 г.: «...радъ бысть всь град своему хотѣнью», – хотя последнее построено на этикетной формуле²⁰⁰. Вечевой скоротечный суд подразумевался в 6717/1207 (стандартно 1209) г., когда имение бояр-Мирошкиничей в Новгороде разделили «всему городу и на щит»²⁰¹.оборот может появляться в двух формах, неполногласной и полногласной, «весь градъ» и «весь городъ», но первая является более употребительной.

Как и предыдущая лексема «народъ», «весь градъ» не относится к широкораспространенным. (Если имеем дело не с формулой и «весь» присоединено к «граду» окказионально, круг значений более широк, поскольку «градъ» – еще и ‘крепость’, ‘строения’²⁰², но здесь такие случаи не рассматриваются). В частности, в ПВЛ встречается всего трижды, под 1071 г.²⁰³ и 1078 г. Последняя статья любопытна тем, что здесь оборот читается два раза в соседних фразах в полногласной и не-

¹⁹⁸ Например: «И всь градъ течаху на позоръ чюда того», в Чудесах Николая Чудотворца из отрывка Златоустра XII в.; «Приде всь град на сретѣние Святого Николь», из Пролога 1383 г.; «И бысть во всемъ градѣ страхъ велии», из Сборника Чудовского XIV в. Цитируется по: СДРЯ. Т. 2. С. 378–379.

¹⁹⁹ 1270 г.: «И выидоша всь град въ оружии от мала и до велика къ Городищю»; НЛ, с. 89.

²⁰⁰ НЛ, с. 50. О записях НПЛ 1156 г., 1228 г. и 1230 г. см. ранее.

²⁰¹ НЛ, с. 51.

²⁰² Ср. в Лавр описание чуда: «...и весь град и до основанья акы на въздуѣ стоящъ»; 380Л.

²⁰³ В известии о мятеже в Новгороде. При Глебе Святославиче «встал волхв», «...и многы прельсти, мало не всего града»; 180Л–170И.

полногласной форме: «Изиде противу ему (навстречу телу павшего в битве Изяслава Ярославича. – Т. В.) весь городъ Киевъ... плака бо ся по немъ весь град Киевъ»²⁰⁴. Лавр за XII в. такого выражения не знает. Записи за XIII в. фиксируют его под 1218 г.²⁰⁵ и 1239 г.²⁰⁶; Сим-Тр помещает также в статье 1277 г.²⁰⁷ и в полногласной форме «городъ весь» под 1281 г.²⁰⁸ Киевский свод XII в. использует выражение дважды, в статьях 6676/1166 г.²⁰⁹ и 6683/1174 (1175) г.²¹⁰ Аналогично ГВЛ: под 1237 г.²¹¹ и 1289 г.²¹² На этом фоне неожиданно много подобных формул помещает новгородская летопись. В неполногласной форме в статьях НПЛ 1156 г., 1204 г., 1205 г., 1270 г., 1299 г.²¹³; в полногласной под: 1138 г., 6717 (1209) г., 1220 г., 1228 г., 1230 г.²¹⁴

Большинство из отмеченных выше фрагментов имеют книжное обрамление. Так, остренное повествование 1071 г. ПВЛ о волхвах, проводящее идею Божественного предопределения²¹⁵, а также рассказ 1078 г., акцентирующий тему братской помощи Изяслава Ярославича Всеволоду и «непамятания» обид, весьма проработаны в литературном отношении. Сказанное касается и соответствующих мест Киевского свода XII в., и сводов XIII в. Так, основным содержанием статьи 6676/1166 (при стандартном пересчете 1168) г. Ипат является описа-

²⁰⁴ 202Л.

²⁰⁵ О смерти Константина Всеволодича: «...и пѣвше над ним обычныя пѣсни епископа (здесь прим. в издании Лавр: возможно, подразумеваются два епископа или должно быть «епископъ». – Т. В.) и игумени и черноризци и вси прозвутери, и весь град снидесея»; 444Л.

²⁰⁶ О перевезении во Владимир тела Юрия Всеволодича: «...и не бѣ слышати пѣнья в плачи и велици вопли, плака бо ся весь град»; 467Л.

²⁰⁷ «Князь же Борисъ Васильковичъ... преставись... и плакася по немъ весь градъ». *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 334.

²⁰⁸ О столкновении между двумя братьями, Дмитрием и Константином Борисовичами. «Костянтинь отъѣха къ великому князю Дмитрию въ Володимерь, а Дмитреи нача наряжати ратныя полкы въ Ростовѣ, блюдася братьи, городъ весь замяте». *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 338.

²⁰⁹ В описании встречи Ростислава Мстиславича смольнянами при его последнем посещении Смоленска перед смертью: «...малѣ не весь градъ изиде противу ему»; 528И.

²¹⁰ О смерти и оплакивании Андрея Боголюбского: «...и тако плакася по нѣмъ весь градъ»; 593И.

²¹¹ О взятии Владимира-на-Клязьме и убийстве князя: «...велѣ предѣ собою зарѣзати, и градъ всѣ избѣе»; 780И.

²¹² В полногласной форме в рассказе о смерти Володимира Васильковича: «И весь город сондесея, и бояри вси стари и молодии, плакахуса над нимъ»; 919И.

²¹³ НИ, с. 29, 46, 50, 89, 330. Последний случай – в НПЛ мл. ред., в НПЛ старш. ред. выражение отсутствует, ср. НИ, с. 90.

²¹⁴ НИ, с. 25, 51, 60, 67, 69. Можно отметить, что, за исключением первого случая (1138 г.), остальные укладываются в компактный промежуток 6717/1207 (1209) – 1230 гг. и, возможно, связаны с работой одного из летописцев. Хотя пример статьи ПВЛ 1078 г. свидетельствует о том, что использование полногласной и неполногласной формы могло и не иметь специального значения (ср. выше о варьировании «гражане» – «горожане»).

²¹⁵ 180Л. А. А. Шахматов считал, что здесь заимствование из какого-то раннего хронографа. *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 457.

ние последнего путешествия Ростислава Мстиславича в Смоленск и смерти князя. Здесь помещена предсмертная молитва, а о князе сказано «успѣ», как о святом²¹⁶. При этом сцены путешествия, когда к князю вышел «мало не весь град» смольнян, и «успения» выписаны одной рукой. Повесть 1175 г. Ипат об убиении Андрея Боголюбского включает эпизод встречи тела умершего князя «всем градомъ» и использует житийную топику. Сообщение Лавр 1218 г. о кончине Константина Всеволодича содержит обширную книжную похвалу умершему князю. То же касается известия 1239 г. о перенесении тела убитого татарами Юрия Всеволодича²¹⁷. В некрологе Володимиру Васильковичу из ГВЛ под 1289 г. использованы обширные заимствования из некрологов Киевского свода, в том числе из повествования об Андрее Боголюбском. Смерть Володимира представлена как успение святого²¹⁸. Отличается от остальных летописей лишь НПЛ. Правда, запись 1156 г. о первом вечевом поставлении епископа включает книжные элементы: здесь сочетается «всь градъ людии», «всь народъ», «мужа Богомъ избрана» и торжественное перечисление клириков. Но известие о военной операции 1138 г., где «весь городъ» выходил «в оружии» встречать вражеское войско, не имеет стилистических расхождений с остальными записями этих лет²¹⁹. В НПЛ XIII в. выражение «весь градъ» – «весь городъ» становится почти ординарным и попадает как в литературно обработанных повестях, так и в кратких сообщениях. Трудно сказать, с чем это связано, но, возможно, повышение частоты употребления в НПЛ обусловлено тем, что оно звучало более привычно для уха новгородца, поскольку напоминало формульное «весь Новгородъ»²²⁰.

В целом, как и предыдущее «народъ», выражение также сигнализирует о влиянии церковно- книжной топики. Оно встречается в

²¹⁶ Слово «успе» в светских текстах редко. Кроме «успения» Ростислава Мстиславича, в Киевском своде говорится только об «успении» новгородского епископа Нифонта, а также Святослава Юрьевича, князя, больного с детства и потому причитаемого к святым. Последний текст общий в Лавр и Ипат. Ср. 483И, 532И; 365–366Л – 579–580И.

²¹⁷ Кроме того, в статьях 1237–1239 гг. имеются обширные заимствования из записей ПВЛ и Лавр за XII в. Ср.: *Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXVIII. С. 81–82.

²¹⁸ Как отмечает А. П. Толочко, это повествование о святом со всеми необходимыми элементами, «включая свидетельство нетленности и панегирик»: *Толочко А. П.* Похвала или Житие? (Между текстологией и идеологией княжеских панегириков в древнерусском летописании) // *Palaeoslavica*. Cambridge, Massachusetts, 1999. Vol. 7. P. 26–38.

²¹⁹ Но в НПЛ вообще меньше проявлений книжного стиля, за исключением периода 30–70-х гг. XIII в. *Гунтус А. А.* Лингво-текстологическое исследование. Вместе с тем в статьях второй четверти XII в. имеются книжные вкрапления: датировка по индиктам, употребление книжной лексики, но именно как отдельные вкрапления в формульный летописный текст.

²²⁰ Характерно для новгородских договоров и др. Привычнее было и для летописцев, поскольку обязанности летописца выполняли секретари новгородских владык, они же были писцами договоров. Об этом см.: *Гунтус А. А.* К истории сложения текста. С. 8–9. Вступительные формулы договоров: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 9, 10, 12 и др.

Новом Завете гораздо реже, чем «народь», но зато в маркированных местах. Ср. сцену встречи Христа, по списку Мстиславова Евангелия: «И се весь град изиде противу Иисусу»²²¹. Или же: «Потрясаясь весь град, глагола: кто съ есть»²²². В ДА «весь град», «мало не весь град» собирается для того, чтобы послушать апостолов или же восстать против них²²³. Единичны примеры в ветхозаветных книгах: «избиша весь град остриемь меча», «и глагола ко всему граду мудростию своею»²²⁴. В этом же значении оборот присутствует и в хронографических сочинениях. В Хронике Георгия Амартола «весь градъ» выходит послушать прение с врагами православной веры или возмутиться против своего правителя. «Събра же ся съ тщаниемь весь градъ пред цесаря слышати словеса обоихъ»²²⁵; «...бѣгаа вѣстания людскаго. Весь бо град всю ночь нелѣпными досаждения и грозами прешаху ему»²²⁶. То же касается Хроники Иоанна Малалы²²⁷ и «Истории иудейской войны»²²⁸. Некоторый сравнительный материал может дать Успенский сборник житий и гомилий, где «весь градъ» в значении ‘все население города’ встречается девять раз, чаще всего в описаниях мятежа²²⁹. Следует добавить, что в оригинальных древнерусских памятниках этот оборот непопулярен. В борисоглебском цикле он отсутствует, вероятно, потому, что в описании многочисленных собраний

²²¹ Мт.8.34; Апракос Мстислава, 38г.16–17. Так же в древнейших тетрах: Старославянский словарь. С. 177.

²²² Мт.21.10; Апракос Мстислава, 130а.1–2. Ср. также Мт.12.25: «...и весь градъ или домъ раздѣливъ ся на ся не станеть»; Мк.1.33: «...и бѣ весь градъ събралъ ся къ двѣрьмъ»; Лк.8.39 «...иде по всему граду проповѣдая». Там же, 37а.19–21, 55б.8–10, 84б.16–17.

²²³ ДА 13.44 «...мала се не весь градъ събра послонати словесе Божия»; ДА 19.29 «...испъни (так Матичин Апостол, Острожская Библия: «исполни») се весь градъ метежа»; ДА 21.30 «...възмете же се весь градъ (так Матичин Апостол, Острожская Библия: «подвиже ся градъ весь») и бысть стечение людемъ». Матичин Апостол. Л. 6г, 17г, 21в; Острожская Библия. Л. 8/4, 11/4об., 12/4об.

²²⁴ Суд.20.37, Руф.1.19, 2Ц.20.22. Острожская Библия. Л. 120об., 121об., 151об.

²²⁵ ГА 334.25–26.

²²⁶ Об императоре Маврикии, ГА 431.9–10. Ср. также: ГА 118.8; 126.4–5, 201.5; 265.13, 286.12; 485.26.

²²⁷ У Малалы, правда, обычно наряду с «болярами», то есть значение близко к «граждане» при перечислениях. См.: «свѣтъ болярскыи бывшии на нь и всего града»; «все боляры и градъ весь», «и строя весь градъ» (в последнем случае – ‘управляя всеми делами в городе’). *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы. С. 192, 316, 339.

²²⁸ «Весь град вопиаше», «История иудейской войны». Т. 1. 471в.29. В Александрии Хронографической «весь градъ» – только в значении всех строений, крепости.

²²⁹ В Мучении Еразма, Успенский сборник. 121а.14: «...смыте же ся градъ весь боязнию великою». В Мучении Вита, 126а.29: «и възмите ся весь градъ». В Мучении Февронии, 139г.14: «...и погыбнетъ весь градъ». В Слове о житии Епифана епископа Кипрского, 145а.21: «...и видѣти баше весь градъ въ плачи и въ тузѣ не малѣ». В Повести о «кончании жития» Епифана епископа Кипрского – 3, 164б.2–3: «...даше Епифанъ пшеницо всему граду»; 170а.19: «...и пронесеся (весь) по всему граду»; 172б.29–30: «...тъма бысть на вьсемь градѣ, и сами ся за руки водяще». В Послании Савина епископа к Поливию, 174а.19–21: «...и бысть плищъ (ропот, крик) и мятежъ великъ по вьсему граду». В Повести блж. Ефрема об Авраамии, 303а.25: «...събра ся мала не весь градъ» (в описании прощания со святым).

при перенесении мощей святых летописец имел целью показать стечение народа «съ всѣхъ странъ», большее, чем «весь градъ»²³⁰. Нет его и в «Памяти и похвале» Иакова Мниха, житиях св. Ольги, св. Владимира, св. Ефросиньи Полоцкой, св. Феодосия. Едва ли не единственное исключение – Житие св. Авраамия Смоленского²³¹. Здесь выражение имеет два значения: участники суда и все население города. Оба встречаются в соседних фразах в описании судилища над святым. «Събраша же ся вси от мала и до велика, весь градъ на нь (Авраамия. – Т. В.)... Всем же собравшимся на дворъ владычень, игуменомъ же и попомъ, и черньцемъ, княземъ и боляромъ, диаконы и вси церковьници... Посланыя же слугы, емше, яко злодѣа влачяху... и весь градъ, и по торгу, и по улицамъ – везде полна народа, и мужи же, глаголю, и жены, и дѣти». «Весь град от мала и до велика» – это князья, бояре и клирики, собравшиеся на дворе у владыки судить святого. Но в городе находились непричастные к судилищу мужчины, женщины и дети, и этот второй «весь градъ» наблюдал «позор» Авраамия²³².

Как можно заметить, «весь градъ» и предыдущее «народъ» близки. Оба встречаются в описаниях торжественных встреч–прощаний и мятежей. Также странным образом соединены чинный этикет и беспорядочный бунт, но круг значений оборота «весь градъ» уже. Вероятно, поэтому выражение несколько реже встречается и в оригинальных памятниках древнерусского периода, и в летописи.

Еще один аналог приведенным выше оборотам – устойчивое сочетание «от мала и до велика». В современной литературе это, можно сказать, своеобразный символ вечевых собраний. По крайней мере, в популярных изложениях истории представительских органов на Руси, написанных в конце XIX–XX вв., само собою разумелось, что в вече принимали участие все «от мала и до велика»²³³. Но, как и многие знаковые высказывания, такое утверждение оказалось слишком прямолинейным, а истолкование значения чересчур уверенным. Картина, наблюдаемая в источниках, гораздо менее однозначна. По частоте употребления и комплексу значений «от мала и до велика» близко выражению «весь градъ». Оно использовалось в церковно-

²³⁰ В Сказании о чудесах св. Бориса и Глеба «весь град» – только в значении всех строений в городе, а не для обозначения населения; Успенский сборник. 25в.1, 25г.31.

²³¹ Текст датируется XIII в., см.: Словарь книжников и книжности. Вып. 1. С. 126–128.

²³² См.: Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 80. Ср., однако, буквальное толкование этого фрагмента: *Печников М. В.* Дело Авраамия Смоленского: за что был гоним праведник? // ДГ 2000. М., 2003. С. 350. Вероятно, в тексте Жития проявилось влияние переводной «Повести блж. Ефрема о св. Авраамии», где читается «... събра ся мала не весь градъ» («Повесть» относится к древним переводам, имеется в Успенском сборнике). См.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Агиография и выбор имени в Древней Руси // Славяноведение. 2005. № 4. С. 25–42.

²³³ Имелось в виду взрослое мужское население: см., например: *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли, с. 311; *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские, с. 151.

книжной литературе, летописных сводах, в некоторых памятниках права²³⁴. Встречается в описаниях многолюдных собраний, в том числе вечевых, но могло означать состав войска²³⁵, все население города в буквальном смысле слова, вплоть до младенцев²³⁶.

Составитель ПВЛ использовал оборот «от мала и до велика» единственный раз в повествовании 1078 г. о походе братьев Ярославичей, Изяслава и Всеволода, под Чернигов. Готовясь к войне с племянниками, Борисом и Олегом, Изяслав «повелѣ сбирати вои от мала и до велика»²³⁷. Лавр записи за XII в. также содержат всего лишь одно сообщение. После убийства Андрея Боголюбского «...увѣдѣвши же смерть княжю ростовци и суждалци и переяславци и вся дружина от мала до велика, съѣхашася к Володимерю» для избрания князя²³⁸. Киевский сводчик (сводчики) XII в. вписывали это выражение несколько чаще. Оно встречается шесть раз в разнообразных ситуациях. Под 1147 г. – дважды в рассказе о вече²³⁹, под 1148 г. в эпизоде приглашения новгородцев на обед к Изяславу Мстиславичу²⁴⁰, 1185 г. в описании войска половцев из драматического рассказа об Игорево походе²⁴¹ и 1194 г. в записи о встрече киевлянами нового князя Рюрика Ростиславича²⁴². Кроме того, статья 1175 г. содержит общий с Лавр текст об избрании князя людьми Владимиро-Суздальской земли. Лавр за XIII в. помещает оборот 4 раза. Дважды под 1206 г., в рассказе о пышной встрече Константина

²³⁴ Что касается памятников права, см. Уставную грамоту Ростислава Мстиславича Смоленской епархии; ПРП. Вып. 2. С. 42. Кроме того, несколько изменена формула в договоре Новгорода с Ярославом Ярославичем 1270 г. («...все нелюбие отложить и от мала и от велика», «и от... и от»). См. ПРП. Вып. 2. С. 140, ст. 26; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 13.

²³⁵ Это отмечалось в: Прохазка Е. А. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // ТОДРЛ. СПб., 1989. Т. XLII. С. 233.

²³⁶ 470Л; 854-855И.

²³⁷ 201Л. При этом выражения нет ни в серии пророчеств о Христе перед крещением, ни в описании крещения Володимира Святославича, а, как увидим далее, именно в пророчествах о приходе Христа чаще всего использовались ветхо- и новозаветные цитаты с этой формулой.

²³⁸ 372–373Л. Этот фрагмент имеется и в Ипат; 595И.

²³⁹ «Кияном же всимъ съшедшимся от мала и до велика к святѣи Софѣи на дворъ, вѣставшем же имъ въ вѣчи», 348И. Кроме того, в речи князя, призыве собирать войско: «...доспѣвайте от мала и до велика»; 348–349И. Необходимо отметить, что эта годовая статья Киевского свода весьма проработана в литературном отношении. В частности, в ней имеется обширная повесть об убийстве Игоря Ольговича, где обильно цитируются библейские тексты и некоторые другие источники. См., например: *Podskalsky G. Principal Aspects and Problems; Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237)*. СПб., 1996. С. 363–364.

²⁴⁰ «Посласта... по улицамъ кликати, зовучи къ князю на обѣдъ от мала и до велика»; 369И. В статье Ипат 1148 г., по моим наблюдениям, имеются заимствования из Александрии Хронографической, а также, по-видимому, из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия: *Вилкул Т. Л.* «Литредакция» летописи.

²⁴¹ «Собравшеся от мала и до велика, стояхуть на онои сторонѣ рѣкы Сюурлия»; 639И.

²⁴² «Поѣха Рюрикъ Киеву, изидоша противу ему со кресты митрополитъ, игумени вси и князи вси от мала (Хл «от млада») и до велика с радостью великою»; 681И.

Всеволодича новгородцами, а затем – о возвращении и приветствии этого же князя его младшими братьями и суздальцами²⁴³. В 1230 г. также сообщается о встрече. На сей раз ростовцы вышли приветствовать нового епископа Кирилла²⁴⁴. Под 1240 г. выражение содержится в записи о взятии татарами Киева и об избиении населения города²⁴⁵. В ГВЛ находим 8 примеров, и все они приходятся на вторую половину века, то есть, видимо, связаны с последним составителем свода²⁴⁶. Речь идет об избиении татарами жителей польского города Судомира, взятии литвой Дорогичина, а поляками – Переворска, оглашении перед владимирцами завещания Володимира Васильковича, похоронах Володимира, встрече Мстислава Даниловича жителями Берестя и провахх степанского князя Ивана²⁴⁷. В НПЛ «от мала и до велика» появляется в 1197 г., и до конца XIII в. можно назвать три примера. Первый – в описании разрешения конфликтной ситуации. Возврат в город в 1197 г. свояка суздальского князя Всеволода Юрьевича, Ярослава Володимирича, после недолгого княжения черниговского княжича исчерпал конфликт с Суздадем. Всеволод отпустил посадника и остальных новгородцев, которых держал в плену. «И вси придоша неврежени ничимъ же, и ради быша Новегородѣ вси от мала и до велика»²⁴⁸. В 1270 г. новгородцы мобилизовали не только город, но и волость для отпора Ярославу Ярославичу: «И совкупися в Новѣгородъ вся волость Новгородская, плъсковичи, ладожане, корѣла, ижеря, вожане; и идо-

²⁴³ «И изидоша со кресты противу ему с чествомъ великою множествомъ народа съ епископомъ Митрофаномъ от мала и до велика, и бысть радость велика Новѣградѣ»; 423Л. «И срѣтоша и... вся братья его... и вси мужи отца его и горожане вси от мала и до велика»; 428Л.

²⁴⁴ «Изидоша же на срѣтенье Кирилово князь и княгыни и бояре, и вси мужи ростовская, и игумени и попове и святыя зборныя церкви клиросъ и вси гражане от мала и до велика»; 453Л.

²⁴⁵ «Взяша Кыевъ татарове... а люди от мала и до велика вся убиша мечем»; 470Л.

²⁴⁶ Кроме последнего известия о смерти степанского князя Ивана Глебовича: «...плахуха по немъ вси людье от мала и до велика»; 938И, – поскольку оно находится в приписках к своду.

²⁴⁷ Под 1261 г. оборот встречается дважды в повествовании о взятии Судомира. Причащались перед выходом к татарам церковники, потом «...бояре с женами и с дѣтми, таже вси от мала и до велика», но покорение не помогло, «...исѣкоша же все от мала и до велика»; 854–855И. Под 1274 г. литва взяла Дорогичин, «...избиша и всѣ от мала и до велика»; 871И. Под 1281 г. Лешко пошел войной на Льва Даниловича, взял у него городок Переворск, «...исѣче и люди в немъ вси от мала и до велика»; 882И. Далее, под 1287 г., бездетный Володимир Василькович по завещанию отдал свои земли двоюродному брату Мстиславу Даниловичу. Мстислав «...созва бояры володимѣрьския брата своего, и мѣстичѣ... и повелѣ передо всеми чести грамоту братну о даньи землѣ и всѣхъ городовъ... и слышаша вси от мала и до велика»; 905И. В 1289 г. умер Володимир Василькович: «...горожаномъ же от мала и до велика, мужи и жены и дѣти с плачемъ великимъ проводиша своего господина»; 918И. Нового князя Мстислава «...срѣтоша его горожанѣ со кресты от мала и до велика и приша и с радостью великою»; 931И. Кроме того, в сообщении 1292 г. о смерти степанского князя.

²⁴⁸ НІ, с. 43. Ярослав Володимирич приходился Всеволоду Юрьевичу зятем и был ставленником суздальского князя. У Всеволода поздно начали рождаться сыновья, и поэтому он одно время делал ставку на мужа своей дочери.

ша в Голино от мала и до велика, и стояша недѣлю на бродѣ»²⁴⁹. Под 1299 г. избрали архиепископа: «Възлюбиша весь градъ от мала и до велика Богомъ назанена мужа блага и смирена... и созвонивше въче у святѣи Софѣи»²⁵⁰.

Сравнительная редкость высказывания и характер тех летописных фрагментов, где оно появляется, – повести с использованием книжной топики, торжественные описания встреч и прощаний – заставляет думать, что за его употреблением стоят какие-то книжные образцы. Можно попытаться определить его происхождение точнее. «От мала и до велика» имеется в славянских переводах ветхозаветных текстов²⁵¹ и Апостола. Что важнее, оно присутствует в чтениях служебных, которые имели возможность слышать все верующие. В Апостоле – полный апракос ДА 8.10 – чтения 3 недели после Пасхи и Евр.8.11 – чтения 30 понедельника после Пятидесятницы²⁵². По Паримейнику, Иона 3.7 – 4-е, а Иер.31.34 – 14-е (предпоследнее!) чтение Великой субботы. Иер.31.34: «И не имут научитися к тому кождо ближняго своего, глаголя, яко вси увѣдят мя от мала и до велика, рече Господь, яко милостивъ буду безаконием ихъ, и грѣх ихъ не имамъ помянути к тому»²⁵³ – популярная цитата, повторенная в Послании ап. Павла к Евреям (Евр.8.11). Она часто использовалась в серии свидетельств о приходе Христа, в том числе, включена в «Слово о законе и благодати»²⁵⁴, одно из слов Кирилла Туровского²⁵⁵, Христианскую Топографию Косьмы Индикоплова²⁵⁶, Хронику Георгия Амартола. В то же время в большинстве строго хронографических текстов «от мала и до велика» отсутствует. По существу, оборот имеется только в Хронике Амартола, где, притом, оба примера связаны с библейскими реминисценциями²⁵⁷. В Хронике Иоанна Малалы, «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия и Александрии Хронографической выражение не отмечено²⁵⁸.

²⁴⁹ НІ, с. 89, дважды.

²⁵⁰ Только в НПЛ мл. ред., в НПЛ старш. ред. отсутствует именно это выражение «весь град от мала и до велика»; ср.: НІ, с. 90, 330.

²⁵¹ Например, 1Ц.5.9, 1Ц.30.2, 1Ц.30.19; 4Ц.23.2, 4Ц.25.26; Иса.22.5, Иса.22.24; Иер.8.10, Иер.31.34, Иер.42.1, Иер.42.8, Варух.1.4, Иона 3.7. Острожская Библия. Л. 125об., 139, 139об.; 183, 184об.; 77/2об. (2); 97/2об., 108/2, 113/2, 122/2, 168/2. Троицкий хронограф: 1Ц.5.9, 1Ц.30.2, 1Ц.30.19; Л. 53d, 82d, 83с.

²⁵² Матичин Апостол. Л. 63г. Первое чтение, на тот же день, имеется также и в кратком апракосе: Струмички (македонски) Апостол. Л. 10б.

²⁵³ Иер.31.34. Паримейник НБУ. Л. 83в–83г. Тот же текст в: Григоровичев Паримейник. Л. 90в. Ион.3.5 – см.: Григоровичев Паримейник. Л. 83.

²⁵⁴ Слово о законе и благодати, по рукописи Синодального собрания № 591. Л. 175б. Эта рукопись была неоднократно опубликована, см.: например: Идеино-философское наследие Илариона Киевского. М., 1986. Ч. 1; *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. К., 1984. С. 84.

²⁵⁵ Отмечено в: СДРЯ. Т. 1. С. 384.

²⁵⁶ «Яко вси увѣдятъ мя от мала и до велика ихъ, яко милостивъ буду неправдамъ ихъ и грѣховъ ихъ к тому не помяну, и сего въспоминать апостоль, яже къ евреомъ в послании». Книга нарицаема Косьма Индикоплов / Изд. подг. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М., 1997. 71.13–15.

Кроме того, в переводе «Истории иудейской войны» встретился неформульный оборот с тем же содержанием: «от исподних до врѣхних»²⁵⁹. Это означает, что источником летописцев были не хронографические, а библейские книги.

Несомненно, имеем дело с очередным книжным выражением. Если исходить из ПВЛ, где оборот относится к уникальным, поначалу он не пользовался у летописцев популярностью. Кстати сказать, «от мала и до велика» весьма редко и в оригинальных древнерусских памятниках раннего времени: его нет в борисо-глебском цикле, Житии св. Владимира, Житии св. Феодосия, Житии св. Ольги и др. Имеется только в Житии св. Авраамия XIII в., где вероятно заимствовано из переводного текста, посвященного, как уже отмечалось, другому св. Авраамию²⁶⁰. В летописных сводах чаще встречается с конца XII в., в XII–XIII вв. спорадически появляется в памятниках права. Притом, что интересно, именно в тех правовых документах, где и следовало ожидать проявления церковно-книжной топики, – в Уставной грамоте Смоленской епархии и договоре, написанном новгородским писцом, питавшим пристрастие к книжным словесам²⁶¹. Любопытно, что летописцы не используют его в наиболее торжественных или катастрофических ситуациях. К примеру, в ГВЛ выражение присутствует в описании взятия в общем второстепенных для галицкого и волынского летописцев городов: Судомира, Дорогичина, Переворска. Такое же явление наблюдается и в Лавр за XIII в. «От мала и до велика» не найдем в повести о взятии татарами Владимира и Суздаля 1237 г., но обнаружим в краткой статье об осаде Киева 1240 г.²⁶² Возможно, это свидетельствует о некоей иерархии вы-

²⁵⁷ В пророчествах о приходе Иисуса Христа: «Не имуть учити искрняго своего и каждо их брата своего свѣдаи Господа, яко вси побоятся мене от мала и до велика, яко милостивъ буду о грѣсехъ ихъ и о неправдахъ»; ГА 215.1. Второй пример также в пророчествах о Христе, но здесь пересказ приведенной ранее точной цитаты. «Великии же Германъ (патриарх. – Т. В.) рече: “Послушаи, о царю. Господу Богу нашему Иисусу Христу плотню явившемуся и съ человеки поживе и всеми видену бывшу, вси бо то боятся мене, вѣща, от мала даже и до велика их...”»; ГА 469.20–21.

²⁵⁸ В Александрии только «о малѣ и о велицѣхъ»; *Истрин В. М.* Александрия. С. 124.

²⁵⁹ См.: *Мещерский Н. А.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. 215.17; «История иудейской войны». Т. 1. М., 2004. 370б.16.

²⁶⁰ Повесть блаженного Ефрема о св. Авраамии имеется в Успенском сборнике, и в этой связи, наверно, не случайно, что Житие Авраамия Смоленского писал его ученик Ефрем, см. выше. Кстати сказать, и в переводных житиях «от мала и до велика» весьма нечасто. Например, в Житии Иоанна Златоуста – в сцене поставления Иоанна в пресвитерский сан в Антиохии: «...утру же бывшу, събрашесе вси въ церковь от мала же и до велика». *Hansack E.* Die Vita des Johannes Chrysostomos. S. 136.

²⁶¹ Писал его, по-видимому, летописец и секретарь архиепископов Спиридона и Далмата (по классификации А. А. Гиппиуса), ведший записи в 1226–1274 гг. *Gumnyus A. A.* К истории сложения текста. С. 9–10.

²⁶² Правда, в этой статье Лавр, по-видимому, отсылка к 4-й Книге Царств. Ср. 4Ц.24.8 «...и отроцы его около обѣдяху градъ», а несколько ранее, 4Ц.23.2, читается «...и вси людие от мала и до велика». В. Н. Перетц считал, что здесь использована Книга Судей (ср. Суд.20.37), где, однако, несколько иное выражение: «...избиша весь градъ острiemъ меча». См.: *Перетц В. Н.* До питання про літературні джерела. С. 214.

ражений, хотя жесткой закономерности не прослеживается и случайное распределение не исключено.

Необходимо согласиться, что «народь», «весь градъ», «от мала и до велика» – лексические средства одного ряда. Они пришли в летопись из церковно-книжных памятников, осваивались хронистами постепенно, словоупотребление зависело от вкусов книжников. Далее обратимся к лексике более частотной, но редко связываемой с темой отношений правителя и народа.

«Дружина». Как и слово «народъ», «дружина» фактически оторвано учеными от древнерусского словоупотребления. Прежде всего, историков интересовало происхождение и эволюция княжеской дружины, широко использовались сравнительные методы, подыскивались аналоги в синхростадиальных средневековых обществах, свидетельства иностранных источников за ранний период²⁶³. Бытование же этого слова в древнерусских текстах привлекало меньше внимания²⁶⁴.

«Дружина» отличается от рассмотренных выше лексем и словосочетаний – во-первых, высокой частотностью и, во-вторых, сферой употребления. Это слово преимущественно летописное и, как летописное, довольно широко распространенное. В древнерусских памятниках до конца XIV в. насчитывается около 600 употреблений²⁶⁵, большая часть из которых приходится на летописи. Как правило, выделяют такие значения: ‘товарищи’, ‘спутники’, ‘княжий совет’, ‘все войско’, ‘постоянное войско князя’²⁶⁶. В одной из недавних работ дано новое определение слову «дружина»: предложено считать, что от праславянского периода оно эволюционировало в сторону обозначения «любых видов социальных групп»²⁶⁷. Судя по тому, что «дружиной» могли называть как насельников монастыря, так и банду разбойников, в целом такое определение справедливо. Однако вопрос эволюции термина тесно связан с влиянием практики переводов с греческого, стимулировавших полисемантическую функцию слова, а также последующего чтения и истолкования переводных текстов не владевшими греческим книжниками²⁶⁸. Поскольку первые собственно древнерусские «светские» тек-

²⁶³ См.: Горский А. А. Древнерусская дружина; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 74–77, 259–267 и др.

²⁶⁴ Исключением является книга А. А. Горского «Древнерусская дружина», где анализируется частота встречаемости слова в различных летописях. Но чаще статистика словоупотребления не приводится и закономерности выводятся умозрительно. См.: Колесов В. В. Мир человека. С. 61; Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) // Ученые записки ЛГПИ. Л., 1949. Т. 80. С. 22–23.

²⁶⁵ Подсчеты по: СДРЯ. Т. 3. С. 91.

²⁶⁶ СДРЯ. Т. 3. С. 91–92; см. также: Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря. С. 104–105; Колесов В. В. Мир человека. С. 61. Не относящееся к интересующим нас понятиям значение – ‘жена’.

²⁶⁷ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 263.

²⁶⁸ Славянские переводчики использовали этот термин для перевода греческих слов, обозначавших друзей, соседей, некое сообщество, людей, товарищей, приятелей, попут-

сты датируются концом XI в., а переводные сформировались ранее и в большинстве своем в иной славянской диалектной среде (преимущественно западно- и восточноболгарской), эволюцию проследить чрезвычайно сложно, если вообще возможно. Поэтому затрагивать проблему эволюции не буду.

Существенное для темы вечевых отношений, но не фиксируемое обычно исследователями значение – «дружина» в смысле ‘участники веча’. Оно не отмечено словарями древнерусского языка²⁶⁹, но демонстрируется текстами летописных сводов. Самый ранний случай такого рода, когда, по-видимому, можно сопоставить высказывания о «новгородцах», собравшихся на вече, и «дружине» – из статьи ПВЛ 1015 г.²⁷⁰ Следующие примеры находим в сводах XII в. Так, в Лавр и Ипат под 1175–1177 гг. слова «суздальцы», «ростовцы», «владимирцы» и «дружина» взаимозаменяемы. В сцене приглашения на княжеский стол 1175 г. «...увѣдѣше же смерть князю (Андрея Боголюбского. – *Т. В.*) ростовци и сужьдалци и переяславци и вся дружина от мала до велика, съѣхашася к Володимерю и рѣша...: по кого хочем послати в своихъ князех... И приѣхавше сли (послы к избранным людям князьям, Мстиславу и Ярополку Ростиславичам. – *Т. В.*), повѣдаша речь дружиньню». Далее приводятся благодарственные речи Ростиславичей: «Помози Богъ дружинѣ, оже не забываютъ любви отца нашего»²⁷¹. Описывается процедура крестоцелования новым князьям, и «дружина» стоит на том месте, где обычно видим горожан²⁷². Кроме этих записей, «дружина» в

чиков (что в других случаях могло переводиться, например, словосочетанием «взлюблени...»). Греческие соответствия см.: Старославянский словарь. С. 197; *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя. Т. 3. С. 232; *Срезневский И. И.* Материалы. Т. 1. Стб. 729–731; *Колесов В. В.* Мир человека. С. 61.

²⁶⁹ См. выше. Историки отказываются видеть в дружине вече: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура. С. 214–219, 270; *Черепнин Л. В.* Пути и формы политического развития русских земель XII – начала XIII в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразие в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974. С. 37; *Горский А. А.* Древнерусская дружина; *Горский А. А.* Русь от славянского Расселения. С. 102–104 и др.

²⁷⁰ 141Л; НІ, с. 174. А. А. Горский пишет о том, что «дружина отделена от «воев славныхъ тысящи», т.е. новгородцев («тысяща» - по тексту НПЛ, в ПВЛ отсутствует). *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 45. Однако, в ПВЛ упоминается «избытокъ» (остаток) новгородцев, к которому («имъ») обращается Ярослав, сожалея об избитой «дружине». Т.е., видимо, летописец исходит из понятия об общности «всех новгородцев» и «всей дружинь».

²⁷¹ 371–372Л – 595И. Ср. также обвинение летописца, предъявленное той самой дружине, в том, что они забыли крестоцелование к князю Юрию (Долгорукому) и посадили на столе Андрея Боголюбского. Оно отсылает к статье 1159 г., где речь идет о «суздальцах и ростовцах»; 372Л – 595И. Кроме того, см. статью 1176 г.: «...дружинѣ не сущи въ градѣ, ѣхали бо бяхутъ противу Ярополку», этот фрагмент Ипат дополняет общее с Лавр чтение: «...не сущимъ володемерцемъ Володимери... ѣхали бо бяху... противу князема»; 373Л – 596–597И.

²⁷² В 1176 г. «Ярополкъ же поѣха отаи брата к дружинѣ Переяславлю... а дружина вся... утвердившеся крестнымъ цѣлованьемъ с нимъ»; 373Л – 596И. «...тя привели старѣйшая дружина... тебе ростовци привели и боляре, а мене былъ с братомъ Богъ привель и володимерци»; 380Л.

значении 'вече' появляется еще в Ипат в конце 40-х гг. XII в. В 1146 г. «новгородци же съверьскыи дружина» договаривались с Изяславом Мстиславичем после бегства своего князя, Святослава Ольговича, видимо, о том, чтобы сдать город с наименьшими потерями²⁷³. В 1147 г. «Изяслав же (Хл доб. «съзва») бояры своя и всю дружину свою кияне» и попытался договориться с ними о походе²⁷⁴, но ему отказали в поддержке. Более успешным было мероприятие 1149 г., когда Изяслав Мстиславич с братом Ростиславом «...рекша своеи дружинѣ, кияном и смолняном: доспѣвайте вси, доколѣ рѣкы ся установятъ, поидем же къ Чернигову»²⁷⁵.

Отчасти, благодаря этому значению слово «дружина» и привлекается в настоящей главе. Обратимся к бытованию его в различных памятниках. Слово мало распространено в церковно-книжной литературе и Священном Писании, притом в церковно-книжных текстах используется не для обозначения княжеской дружины, а в значении: 'товарищи, друзья', «чадь» ('домашние, слуги')²⁷⁶. В Евангелии-полный апракос насчитывается всего три примера²⁷⁷; в Апостоле 1 пример²⁷⁸, в Псалтыри вообще не встречается²⁷⁹. Показательна и выборка из Успенского сборника – всего шесть случаев, притом четыре из них приходится на Сказание о св. Борисе и Глебе и примыкающее к нему Сказание о чудесах св. Бориса

²⁷³ 335И, в И – «дружи», слово оборвано, далее в тексте лакуна, в Хл отсутствует фрагмент. В МЛС, в числе источников которого была летопись типа Ипат, читается: «Новгородци же съверьские послаша ко Изяславу Мстиславичю, и къ Давыдовичема, и ко Всеволодичю Святославу, ркуще: Святославъ лишися нас...». *ПСРЛ*. Т. 25. М., 1949. С. 389. Правда, в МЛС опущено слово «дружина», что, видимо, обусловлено манерой некоторых поздних летописцев пропускать или заменять слово «дружина», см. *Филин Ф. П.* Лексика русского литературного языка. С. 22; *Шубаев М. А.* Редакторские приемы составителя Софийской I летописи // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст.* СПб., 2000. Вып. 3. С. 388; *Шубаев М. А.* Летописные источники Еллинского летописца второго вида // *Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии.* СПб., 2004. С. 194.

²⁷⁴ 343–344И. Спорят, как читать: «дружину кияне» (так ИХл) или «дружину и кияне» (конъектура). А. Е. Пресняков считал, что конъектура здесь излишня, это мнение принял Клаус Цернак. См.: *Пресняков А. Е.* Княжое право. С. 252; *Zernack K.* Die burgstädtischen Volksversammlungen. S. 68.

²⁷⁵ 359И.

²⁷⁶ Так же и в старославянских памятниках. Всего около 30 употреблений в памятниках X–XI вв.: *Старославянский словарь.* С. 197.

²⁷⁷ Подсчет по Мстиславу Евангелию. Один из фрагментов прочитывался дважды. См. Мт.11.16: «Кому уподоблю родъ съ, подьбньнъ естъ дѣтъмъ на стьгнахъ сѣдящамъ и проглашающамъ къ дружинѣ своеи»; Апракос Мстислава, 35а.5 и 173б.16. Лк.2.44: «И не разумѣ Иосифъ и мати его, мнѣвъша же и въ дружинѣ суща»; там же, 183а.2. В Архангельском Евангелии – 1 пример, Лк.2.44, Архангельское Евангелие 1092 года. С. 469. Правда, «дружина» встречается также в месяцесловах. По Мстиславу Евангелию – 3 раза; Апракос Мстислава, 178в.2, 205б.17, 194а.3. По Остромирову Евангелию – 8; Остромирово Евангелие. Л. 225г, 226а, 228в, 230в, 236б, 244в, 288б.

²⁷⁸ В древнейшем списке Апостола, Енинском Апостоле; *Старославянский словарь.* С. 197.

²⁷⁹ Синайская псалтырь. С. 241. См. также текст Бычковско-Синайской псалтыри: *An early Slavonic Psalter.*

и Глеба²⁸⁰. В хронографических памятниках круг значений шире, но слово также не относится к частотным. В Хронике Георгия Амартола – 10 случаев словоупотребления, что совсем немного, учитывая ее внушительный объем²⁸¹. В довольно обширном тексте древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия – около 15 примеров²⁸², в Александрии – 5²⁸³, в Хронике Малалы не встречается. «Дружина» не часто появляется и в оригинальных произведениях древнерусской книжности. Отсутствует в «Памяти и похвале» св. Владимиру Иакова Мниха, житиях св. Феодосия, св. Ольги, св. Владимира, св. Ефросиньи Полоцкой²⁸⁴. Несколько употреблений только в Сказании о св. Борисе и Глебе и Сказании о чудесах²⁸⁵.

На этом фоне употребление слова «дружина» в летописях действительно массовое, хотя в разных сводах оно играет разную роль. В ПВЛ это один из наиболее высокочастотных «социальных терминов», встречается около 100 раз²⁸⁶. В Лавр за XII в. количество словоупотреблений

²⁸⁰ Успенский сборник. 10г.12–14, 136.6, 146.22–23, 19а.17–18; 226г.12–13; 292г.30–31. Кроме Сказания о св. Борисе и Глебе и Сказания о чудесах, 1 раз – в Слове на субботу Лазареву Андрея Критского и 1 раз – в Повести блж. Ефрема о св. Авраамии. Оба раза в сходных выражениях: «...не о себѣ точию глаголетъ, нъ и о дружинѣ»; «...еже спасти себе единого, ли еже съ собою множишио дружину». Для сравнения, в Римском патерике – 6 примеров, большинство – перевод греч. *συνὸδία*. Римский патерик. С. 23, 27, 99, 111, 187, 477. В доступной мне части Жития Иоанна Златоуста – 3: *Hansack E. Die Vita des Johannes Chrysostomos*. S. 120, 132, 278.

²⁸¹ ГА 166.23–24; 341.6; 365.29–366.1; 371.4; 400.21; 401.3; 458.24; 509.18; 550.18; 554.27. Ср., например: «...наутрия дружинѣ явися дряхль и невесель», 166.23–24; «...множество много от царских дружинъ и от гридеи и от чиновъ», 554.27.

²⁸² «История Иудейской войны». Т. 1. С. 832.

²⁸³ См., например: «...дружину старую отца своего» (дружина–войско), «моужи ма-кыдньстии дружино моя», «...вамъ даю и дружинѣ вашей» (из письма персидского царя Дария к воеводам, речь идет об окружении его вельмож), «...да иду съ 40-ми дружины и съ стомъ отрокъ и съ воины тысящу». *Истрин В. М.* Александрия. С. 27, 44, 47 (2), 78.

²⁸⁴ См.: Успенский сборник. 26а–67в; Древнерусские княжеские жития. С. 23–29, 37–38, 41–42, 146–157.

²⁸⁵ В Сказании о св. Борисе и Глебе – 3 случая употребления: «рѣша къ нему дружина», «въ малѣ дружинѣ», «и вы братие и дружино вси спасетесь». *Бугославский С.* Україно-руські пам'ятки. С. 121, 127, 129. Сказание о чудесах – 1, «показывая свои дружинѣ». Там же. С. 158. В «Чтении» Нестора отсутствует. В том числе слова нет в эпизоде возврата Бориса, не обретшего печенегов, где оно имеется в летописи и Сказании. В сцене обращения к убийцам вместо «братие и дружино», имеющегося в Сказании, – «братия моя и отци (отци)». Там же. С. 189.

²⁸⁶ См. в словоказателе О. В. Творогова (ПСРЛ. Т. 1. С. 627). 941 г. – 1, 44Л. 944 г. – 2, 45–46Л. 945 г. – 5, 54Л, 57Л. 946 г. – 2, 58Л, 60Л. 955 г. – 1, 63Л. 968 г. – 2, 66–67Л. 971 г. – 8, 69–73Л. 980 г. – 1, 78Л. 987 г. – 1, 108Л. 988 г. – 2, 109Л, 111Л. 996 г. – 5, 126Л. 1015 г. – 5, 132Л, 135Л, 141Л. 1016 г. – 3, 142Л. 1018 г. – 2, 143Л. 1019 г. – 1, 146Л. 1022 г. – 1, 146Л. 1024 г. – 5, 148–149Л. 1036 г. – 2, 150–151Л. 1043 г. – 3, 154Л. 1051 г. – 1, 157Л. 1066 г. – 1, 166Л. 1068 г. – 6, 171–172Л. 1069 г. – 1, 173Л. 1071 г. – 1, 181Л. 1078 г. – 2, 201–202Л. 1085 г. – 2, 205Л. 1093 г. – 6, 217–220Л. 1095 г. – 5, 227–228Л. 1096 г. – 5, 237–239Л. 1097 г. – 4, 259Л, 265–266Л, 270Л. 1100 г. – 1, 274Л. 1103 г. – 4, 277Л. 1106 г. – 1, 281Л. 1111 г. – 5, 264–265Л. 1113 г. – 1, 275Л. 1116 г. – 1, 283Л. В Лавр редакции ПВЛ встречается 97 раз, см. частотный словник, 730Л, в Ипат редакции насчитывается немногим более 100.

возрастает до 110²⁸⁷, то же касается Киевского свода XII в. (ок. 230)²⁸⁸. Но уже летописцы XIII в. переводят лексему в разряд более редких. Так, в ГВЛ – всего 14 случаев²⁸⁹, несмотря на то что ее составители применяли мозаичный принцип построения текста и брали в качестве источника своей мозаики в том числе Киевский свод. Аналогичная ситуация в Лавр, где за XIII в. – лишь 13 упоминаний²⁹⁰, и из Сим-Тр известны

²⁸⁷ Статистика приводилась в книге А. А. Горского «Древнерусская дружина»; у меня дополненные и несколько уточненные данные. Всего в Лавр 109 примеров, из них в общем с Ипат тексте – 60. В дальнейшем если приводятся две цифры, то первая цифра в обозначениях количества употреблений и в указании столбцов – общие для Ипат и Лавр упоминания, вторая цифра – дополнительные (в Лавр или Ипат). Например, 1152 г. – 3+2, 338–339Л+337Л, 339Л. Расшифровывается так: под 1152 г. общих Лавр и Ипат чтений 3, 338–339Л; только в Лавр 2, 337Л, 339Л. В тех случаях, когда в годовой статье имеются только выражения, общие с Лавр, в скобках отмечено: ЛИ. 1125 г. – 1 раз, 296Л (ЛИ). 1127 г. – 1, 296Л (ЛИ). 1130 г. – 1, 301Л. 1136 г. – 1, 304Л (ЛИ). 1138 – 2, 305Л. 1139 г. – 4, 307–308Л (ЛИ). 1146 г. – 1+1, 314Л+313Л. 1147 г. – 5, 319Л (ЛИ). 1148 г. – 3, 319–320Л. 1149 г. – 4+2, 320Л, 323–324Л+321Л. 1150 г. – 6, 326–327Л, 329Л (ЛИ). 1151 г. – 7, 332–336Л (ЛИ). 1152 г. – 3+2, 338–339Л+337Л, 339Л. 1153 г. – 1+1, 341Л+340Л. 1154 г. – 2, 343Л (ЛИ). 1168 г. – 2+1, 354Л+355Л. 1169 г. – 5, 358–359Л, 361Л (ЛИ). 1172 г. – 4, 364Л (ЛИ). 1174 г. – 1+1, 365Л+365Л. 1175 г. – 6+1, 366Л, 371–373Л+366Л. 1176 г. – 7, 375–377Л. 1177 г. – 1+9, 385Л+380Л, 382–385Л. 1178 г. – 3, 386–387Л. 1181 г. – 1, 388Л (ЛИ). 1184 г. – 3, 389Л. 1185 г. – 1, 396Л. 1186 г. – 2+11, 398–399Л+397–399Л, 401–403Л. 1192 г. – 1, 409Л, 1200 г. – 1, 415Л.

²⁸⁸ Объем Ипат приблизительно вчетверо больше Лавр, и с учетом этого можно говорить даже о некотором снижении частотности. Всего в Ипат около 230 упоминаний слова «дружина». 1111 г. – 5, 264–265И. 1113 г. – 1, 275И. 1116 г. – 1, 283И. 1123 г. – 1, 288И. 1126 г. – 1, 290И, (ЛИ). 1128 г. – 1, 290И (ЛИ). 1136 г. – 1+1, 298И+297И. 1140 г. – 4, 305И (ЛИ). 1144 г. – 1, 317И. 1146 г. – 1+18, 328И+321–322И, 326И, 328И, 334–336И, 338–340И. 1147 г. – 5+7, 360И+354–355И, 357–359И. 1148 г. – 3, 364И, 369И, 372И. 1149 г. – 4+2, 373И, 389–390И+372И, 380И. 1150 г. – 6+23, 398И, 401–402И, 405И+395И, 397И, 400И, 402И, 405–407И, 409И, 412–416И. 1151 г. – 7+10, 431И, 437–438И, 442–443И+419И, 424И, 426И, 428И, 432И, 439И, 444–445И. 1152 г. – 3+9, 457И+446–449И, 459И, 464И. 1153 г. – 2+2, 467И+467–468И. 1154 г. – 2+7, 473И, 475И+471–473И, 475И. 1156 г. – 1, 485И. 1157 г. – 1, 488И. 1158 г. – 1, 490И. 1159 г. – 5, 493–495И, 502И. 1160 г. – 1, 507И. 1161 г. – 3, 511И, 515И. 1164 г. – 3, 522–523И. 1165 г. – 1, 525И. 1167 г. – 2, 527И. 1169 г. – 4, 534И, 536–537И. 1170 г. – 2, 542И. 1171 г. – 1+8, 544И+544–547И. 1172 г. – 5+5, 555–557И+548И, 550–551И. 1173 г. – 4+5, 560И, 565И+561–562И, 564–565И. 1174 г. – 2+6, 572И, 579И+569И, 576–577И. 1175 г. – 5+3, 595–596И+589И, 599И. 1176 г. – 2, 602–603И. 1177 г. – 1, 605И (ЛИ). 1178 г. – 4, 609И, 611И. 1180 г. – 1+4, 619И+614–615И, 622И. 1182 г. – 1, 625И. 1183 г. – 1, 633И. 1185 г. – 2+7, 645И, 647И+637–638И, 650И. 1187 г. – 4, 652–654И. 1188 г. – 1, 660И. 1189 г. – 3, 664–665И. 1193 г. – 4, 676–677И. 1195 г. – 5, 687И, 690–692И. 1196 г. – 3, 694И, 703И.

²⁸⁹ 1221 г.: «Данилови же приѣхавшо в малѣ дружинѣ с Демьяномъ тысячкымъ»; 738И. 1229 г.: «...а самъ иде в малѣ дружинѣ к Галичю»; 758И. 1232 г.: «...наворотися дружина Данилова на бѣгъ»; 769И. 1240 г.: «...зане мало бѣ с нимъ дружинь»; 787И. 1249 г.: «Андрѣеви же оставшу с малои дружиною (Хл с малом дружинь)»; 803И. 1254 г.: «...но азъ хошу ся остатися самъ в малѣ дрижинѣ (Хл: «дружинѣ»); 823И. 1256 г.: «...яко в селищѣ дружинѣ побѣдивъ»; «...сице Данило добру дружину держиши»; 833И, 835И. 1259 г.: «...и собраша мало дружинь»; 841И. 1262 г.: «...а своя дружина вся чѣла»; 856И. 1281 г.: «...оже дружина его вся чѣла»; «...дружина же ею не стѣрпѣше»; 886И, 887И. 1285 г.: «...собравъ дружину свою, гна по нихъ»; 896И. 1287 г.: «...роспусти дружину свою воевать»; 910И.

²⁹⁰ Под 1206 г.: «И отъѣха сам (Роман Мстиславич) в малѣ дружинѣ от полку своего. Ляхове же наѣхавше убиша и, и дружину около его избѣша»; 425Л. 1237 г. – 6 раз.

еще 3²⁹¹. Отдельно следует отметить окончание ЛПС, где 7 примеров. Это значительное число, учитывая весьма небольшой объем текста²⁹². В НПЛ лексема выполняет, так сказать, «рудиментарную» функцию на всем протяжении летописи²⁹³.

«И иных мужии много убиша у Всеволода, и прибѣжа Всеволодъ в Володимерь в малѣ дружинѣ»; 460Л. «И ста на Сити станом, а ждучи к собѣ брата своего Ярослава с полки и Святослава с дружиною своею»; «...а Жирославу Михаиловичю приказа воеводство в дружинѣ своеи»; «Всеволодъ и Мстиславъ с дружиною своею и вси гражане плакахуся зряще Володимера»; 461Л. «Всеволодъ же и Мстиславъ... рекоста дружинѣ свои и Петру воеводѣ»; 462Л. «...и ту убьень бысть князь великий Юрьи на Сити на рѣцѣ, и дружины его много убиша»; 465Л. 1239 г.: «Ярославъ же и Святославъ и князи русии плакахуся по нем с дружиною своею, и множество бояръ и слугъ плакахуся»; 467–468Л. 1263 г., из Жития Александра: «...и възврати силу ихъ ко вратомъ ко граднымъ, и посмѣяся дружинѣ свои, и укори я»; 477Л. «Он же выиде изъ церкви утирая слезы и нача крѣпити дружину свою»; 478Л. «Новгородецъ именемъ Мѣша се пѣшь натече на корабли, и погуби 3 корабли з дружиною своею»; 480Л. 1284 г.: «...слышавъ же липовичьскыи князь Святославъ, здумавъ с своею дружиною»; 481Л (в Сим-Тр – съ своими бояры и съ дружиною), *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 342).

²⁹¹ Под 1281 г., 1282 г. и 1293 г. См.: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 339, 345. Трудно судить об их происхождении, но все они касаются московского князя Дмитрия Александровича. 1281 г.: «...князь же великий Дмитрий выбѣжа ис Переяслава въ малѣ дружинѣ»; Там же. С. 339. 1282 г.: «...князь же Дмитрии съ своею дружиною отѣхъ въ Орду»; с. 339. 1293 г.: «...послѣ же и самъ князь великий Дмитрии и з своею дружиною побѣже къ Волоку»; с. 345.

²⁹² ПСРЛ. Т. 38. С. 163–165. 6717/1208 г.: «Всеволодъ поиде въскорѣ къ Рязаню съ дружиною своею, а полкомъ по собѣ повелѣ поити». 6718/1209 г.: «...утече и Кюрь Михаилъ за рѣку за Оку съ маломъ дружинѣ». 6721/1212 г.: «...и тако начаяша Ярославля дружина и Георгева битися о рѣку Ишьню»; «Гюрги Всеволодичъ высажа ис погребя князи рязанстии и дружину ихъ... одаривъ ихъ золотомъ и сребромъ и конями и дружину ихъ также одари». 6722/1213 г.: «Владимиръ... поиде съ москвичи и съ дружиною своею... Дмитриови же, вышедше из города, избиха задъ дружины его». Годы ультрамартовские. В ЛПС ощутимо влияние Киевского свода, и повышение частотности, вероятно, следует объяснять стилизацией под этот образец. Кроме того, составитель ЛПС, по некоторым данным, сверял текст статей 1175–1177 гг. по сводам Лавр и Ипат группы, где «дружина» упоминается очень часто.

²⁹³ Всего в НПЛ старш. ред. 6 примеров для XII в. и 7 – для XIII в. 1015 г. – 3: «...дружины много... дружины много... и рече Ярославъ дружинѣ: знаменаетеся, повивайте собе убрusy голову»; НЛ, с. 15, 175. 1115 г.: «...измъроша коня вся у Мстислава и у дружины его»; НЛ, с. 20, 204. 1160 г.: «...прияша новгородьци Ростиславица Святослава... а дружину его въ погрѣбъ высажаша»; НЛ, с. 30, 218. Под 1167 г. впервые подразумевается некая жеская дружина: «Иде Даньславъ Лазутиницъ съ дружиною Киеву къ Мстиславу по сынѣ». В 1169 г. в аналогичном значении упоминается дружина того же Даньслава Лазутинича: «Иде Даньславъ Лазутиницъ за Волокъ даньникомъ съ дружиною»; НЛ, с. 32–33, 220–221. 1176 г.: «...и потомъ позваша и (Мстислава Ростиславича. – Т. В.) ростовьци къ себе, и иде Ростовъ съ дружиною своею»; НЛ, с. 35, 224. 1191 г.: «Ходи князь Ярослав на Луки... и поя съ собою новгородьцъ переднюю дружину»; НЛ, с. 40, 230. 1200 г.: «Иде Нездиди Пѣхциницъ на Луки воеводою. Иде съ Лукъ съ маломъ дружины въ Лотыголу... а кто бѣ нѣ пошль по нихъ Столбовица съ нѣколькомъ дружины, а у тѣхъ кун поимаша...»; НЛ, с. 45, 239. Под 1218 г. – в заимствованном из суздальского свода рассказе об избении Глебом Рязанским своей братии: «...и прияша вѣнья от Господа Бога (убитые рязанские князья) и съ своею дружиною»; НЛ, с. 58. В НПЛ мл. ред. отсутствует все повествование, в параллельном тексте Лавр нет именно этого выражения, ср. 441Л. 1245 г.: «(Александр Невский) поѣха в малѣ дружинѣ... а самъ приде сдавъ и дружина его»; НЛ, с. 79, 304. 1257 г.: «Князь Олександръ выгна сына своего изъ Пльскова и посла в Низъ, а Александра

Обычно падение интенсивности использования слова и замену его другими наименованиями датируют XIV в.²⁹⁴, но, исходя из приведенных выше статистических данных, следует говорить о XIII в. или даже об окончании XII в. Не менее необычна и интродукция, само появление «дружины» в летописи. Летописный «термин» обладает странными свойствами. Казалось бы, в качестве «технического обозначения» княжьего войска и приближенных князя он должен встречаться прежде всего в повествовании о раннем этапе истории Руси, который некоторые исследователи склонны называть «дружинным»²⁹⁵. Но ничего подобного, «дружина» отсутствует на «дружинном этапе», включая период княжения Рюрика и Олега, и возникает совершенно внезапно в окончании правления Игоря. Ожидалась бы эволюция термина «дружина», чего также не наблюдается²⁹⁶. «Дружина» появляется, как Афина из головы Зевса, сразу в полном облачении. Первые же несколько упоминаний 940-х гг. дают почти весь ряд значений, типичный позднее для летописей. Равным образом, обнаруживается и большинство формул (наиболее часто в сводах сочетание «своя дружина», типичны также «дружина его» или с конкретным указанием имени, чья же была дружина: «Игорева», «Мстиславля» и т. п.). Позднее появляются лишь некоторые новые обороты, свидетельствующие, скорее, о литературных вкусах летописцев. Примечательно также, что «дружины» нет в кратких сообщениях, за исключением единичных примеров из ПВЛ и Киевского свода XII в. Практически во всех лапидарных летописных известиях используются формулы типа: «N ходи/иде на NN и побѣди /и побиша...», где N – имя князя, а NN – название области, племени или соперника и где «дружине» места нет.

Итак, ПВЛ начинает использовать данное слово с 941 г.²⁹⁷: побитая греками «русь» возвращается «к дружине», то есть ‘к своим’, ‘к товари-

и дружину его казни»; НИ, с. 82, 309. 1266 г.: «...только убѣжа одинъ князь Гердень в малѣ дружинѣ»; НИ, с. 85. Кроме того, в НПЛ мл. ред. «дружина» упоминается в Предисловии: «...дааше дружинѣ на оружье. А дружина его кормяхуся, воююще ины страны»; НИ, с. 104. А также в тексте из Жития Александра, где отмечены заимствования из перевода «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, под 1240 г.; НИ, с. 291 (2), 293.

²⁹⁴ Колесов В. В. Мир человека. С. 61.

²⁹⁵ См.: Мельникова Е. А. К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе // Становление Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. С. 38–41; Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 63, 67. Ср. также: Никольский С. Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 41–42.

²⁹⁶ В. В. Колесов постулирует такую эволюцию термина: «Первоначально дружина – собирательное наименование домочадцев... Затем дружина обозначает княжеское войско... Еще позже дружина – отборная часть войска, его гвардия» (Колесов В. В. Мир человека. С. 61), – однако никаких доказательств такому построению не приводит. В ПВЛ, например, первый раз слово используется под 941 г. как название участников военного похода, а не домочадцев, а своды XII в. также знают дружину-войско, а не отборную гвардию.

²⁹⁷ До 941 г. – только один раз в договоре 912 г. проскальзывает слово «дружне», образованное, по-видимому, от «другъ» (Л проп, так РАХл, лишь в И – «дружинне», фор-

щам'. Далее, в описании несостоявшегося похода на греков 944 г. Игорь Рюрикович советуется с дружиной – своим окружением. Князь «созда дружину и нача думати», и советники ему «рѣша». Сюжетный ход не должен вызывать удивления: отказ от похода не входил в набор княжеских доблестей, а здесь ответственность за предложение и, отчасти, за принятие решения взяла на себя «дружина»²⁹⁸. В следующем году дружина–советники требуют от Игоря дани с древлян – требование, которое приведет к его смерти. Далее появляется дружина–войско, во всяком случае, достаточно большое количество вооруженных людей: Игорь, собрав дань, «распускает» дружину и идет за новой порцией дани «в малѣ дружины». В повествовании о мести Ольги есть и «мало дружины»–«люди Ольжины», и древлянская «дружина»–послы («свои», «товарищи»), и войско–«дружина мужа» Ольги, Игоря²⁹⁹.

К концу XI в. появляются такие выражения, как «болшая», «лѣпшая» или «молодая» дружина (все по одному разу)³⁰⁰. Редкие или единичные для ПВЛ обороты включают: «братья и дружино» под 971 г., в обращении Святослава Игоревича к войску перед боем (для ПВЛ это уникальное выражение, несмотря на популярность его у историков и тиражирование в исторических трудах)³⁰¹. «Дружина отъня и вои» под 1015 г., в речи «мужей» к св. Борису³⁰². Обратный порядок: «с вои и с дружиною своею» – в статье 980 г., в рассказе об убийстве Ярополка Володимиром Святославичем³⁰³. «Дружины нѣколико» из повествования о поражении от половцев 1068 г. и об избииении Мономахом «Итларевы чади» (людей половецкого князя Итлара) 1095 г.³⁰⁵ Отвержение «дружины своея первыя» – из упреков стареющему Всеволоду Ярославичу³⁰⁶. Одна из сцен

ма вторична); 35Л – 26И. К стати сказать, дружина настолько прочно ассоциируется со «светским» нарративом, что стало возможным появление таких понятий, как «druzina narrative», «gaports of the druzhina» (как синоним простого фактологического повествования): Timberlake A. «Не преступати предѣла братня»: The Entries of 1054 and 1073 in the Kiev Chronicle // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 104, 110.

²⁹⁸ На такой оправдывающий князя сюжетный ход обратил внимание А. П. Толочко. Сюжеты этого типа могут быть условно названы «злой совет», см.: Толочко О. П., Толочко П. П. Київська Русь. С. 98, 196–197 и др. В качестве советчиков могли выступать «бояре», «дружина», не названные или названные поименно «злые съвѣтники». В некоторых случаях совет в общем был удачным и оправданным, но для самого князя проявить инициативу (к примеру – бежать с поля боя) значило запятнать свою репутацию, поэтому решение перелagалось на советников, см. об этом в четвертой главе.

²⁹⁹ См.: 44–46Л, 54Л, 57–58Л.

³⁰⁰ См. 1093 г., 227Л; 1095 г., 227Л; 1097 г., 266Л. Напротив, типичные обороты: дружина своя, дружина его, дружина Мстислава.

³⁰¹ 69Л.

³⁰² 132Л. В параллельном тексте Сказания о св. Борисе и Глебе – стандартное «дружина», без «воев». *Бугославський С. Україно-руські пам'ятки*. С. 121.

³⁰³ По РАИХЛ, в Л проп. «вои», 78Л, вар. і – 65И. Похоже, что здесь «вои» стоят на месте бояр.

³⁰⁴ 154Л.

³⁰⁵ 172Л, 227Л.

³⁰⁶ 217Л, 1093 г.

Повести об ослеплении Василька Теробовльського 1097 г. рисует князя Давида Игоревича и его окружение: «...сѣдяху около его дружина»³⁰⁷. В той же Повести после перечисления князей – детей, племянников и зятя киевского князя Святополка Изяславича – сказано: «и прочая дружина»³⁰⁸. Кроме того, под 1068 г. использовано в общем ординарном выражении «дружина своя», но оно появляется в речи «киян», восставших против Изяслава и освободивших Всеслава Полоцкого. Видимо, имеются в виду горожане, ‘свои’, ‘товарищи’, либо Всеслав с сыновьями, но не исключено, что и те и другие – полоцкий князь с так называемыми «приятелями» – поддерживавшими его людьми³⁰⁹.

Для Лавр XII в. наблюдается тот же семантический и формульный ряд, что и для ПВЛ, и даже несколько уже. «Дружина» – это те, с кем князь советуется, и те, вместе с кем они ходят в походы. В значении ‘товарищи’, без соотнесения с князем, слово появляется единственный раз³¹⁰. Так же по одному разу использовано в выражении «дружина лучшая», «передняя дружина» и «володимерьское дружины»³¹¹. Правда, имеются и нововведения: перечни со словом «дружина». С 1148 по 1152 г. видим преимущественно двусоставные перечисления, где названы кочевники (берендеи, торки и пр.) и дружина: «скопи дружину свою и берендичѣ», «послася на ону сторону к турпѣмъ и к дружинѣ»³¹². Описываются киевские события и ситуация, характерная для южных земель: тесное сотрудничество со «своими поганьми», берендеями,

³⁰⁷ 265Л, 1097 г.

³⁰⁸ 270Л. Аналогичный пример, где в перечислении в составе дружины (или наряду с дружиной) назван князь – почти веком позднее в Ипат: «Святополкъ и ина дружина»; 1173 г., 564И. Упомянут Святополк Юрьевич.

³⁰⁹ «Идоша на гору съ вѣча... и рѣша: поидем высадим дружину свою ис погреба»; 171Л. Сказано, что в погребѣ сидел полоцкий князь с сыновьями, о других узниках ничего не сообщается.

³¹⁰ Когда Всеволода Мстиславича выгнали новгородцы и он пришел к своему дяде Ярополку Володимиричу в Киев, через год в 1138 г. «...придоша по нь (за ним. – Т. В.) плесковичи, сдумавше с новгородци, Коснятинѣ тысячскыи, а ис Плескова Жирята сьною дружиною»; 305Л. Здесь же в продолжении фразы речь идет и о княжеской дружине самого Всеволода. А. А. Горский считает, что боярские военные отряды не назывались термином «дружина» и в представлениях ранних летописцев главой дружины мог быть только князь. *Горский А. А. Древнерусская дружина. Единственное отмеченное исследователем исключение – Ипат 1167 г., о дружине Шварна (527И).* На самом деле исключений больше, в том числе, по-видимому, известие ПВЛ 1068 г., приведенное известие Лавр 1138 г. и несколько сообщений НПЛ (хотя, Новгород традиционно считают исключением из правила – см. также: *Schmidt K. R. Soziale terminologie in russischen Texten. S. 235*). Как представляется, причина не в том, что летописцы главой дружины считали исключительно князя, а в том, что бояре относительно к князю не интересовали книжников.

³¹¹ В первых двух примерах текст общий с Ипат, в третьем – только Лавр, ср.: 304Л – 298И, 364Л – 565И, 401Л. В последнем примере, «володимерьское дружины», имеется в виду дружина Всеволода Юрьевича.

³¹² В обоих случаях текст общий с Ипат, 319Л – 360И, 326Л – 398И. Также: «...не крѣпко быются дружина ни половци»; 338Л – 457И. «...поткну на нь с дружиною своею и с половци»; 339Л – 347И. См. более сложные формулы: «...совкупивъ дружину свою и воѣ и половцѣ», «...с берендѣи и с торки и с печенѣгы и с нѣколикком дружины своея»; 321Л, 339Л.

торками и др. Основными героями выступают Юрий Долгорукий и его сыновья, Ростислав и Андрей (позднее прозванный Боголюбским), а также киевский и волынский князь Изяслав Мстиславич. В статьях 1174–1177 гг. помещены более сложные перечни. Названы представители разных городов, а в конце добавлено «и вся дружина». Например, «с новгородци и с суждальци и со всею дружиною»³¹³. Один раз деление проводится по социальному признаку с добавлением топографического: Всеволод Юрьевич в 1177 г. после смерти брата Михалка «совокупивъ ростовци и боляре гридьбу и пасынки и всю дружину»³¹⁴. Несколько шире сфера распространения самого характерного выражения «вся дружина». Оно встречается в статьях конца 1160–1170-х гг.: под 1169 г., 1172 г., 1174 г., 1175 г. (2), 1177 г. (3), а также под 1186 г. (2)³¹⁵. Для сравнения: на всем протяжении ПВЛ отмечено всего лишь один раз³¹⁶. Во всех случаях речь идет о северо-востоке и севере Руси, Владимиро-Суздальской и Новгородской землях; главные герои данных текстов – Андрей Боголюбский, его сын, а также Михалко и Всеволод Юрьевичи. Судя по всему, в перечислениях 1148–1152 гг. и 1160–1180 гг. имеем дело с индивидуальной манерой двух разных летописцев.

Имеется еще одна примечательная особенность. В Лавр слово «дружина» с незначительными перерывами фигурирует в статьях 1168–1186 гг. и наиболее интенсивно используется на отрезке 1175–1178 гг. (7, 7, 10 и 3 употребления под соответствующими годами). В тексте имеются следы редактирования. В частности, в окончании последней статьи отмеченного периода, 1178 г., попеременно названы князь Всеволод Юрьевич (в ед. числе, «а городъ пожже») и «дружина» (во мн. числе,

³¹³ В статье 1174 г. речь идет о походе коалиции, собранной Андреем Боголюбским, на Киевскую землю, на смоленских князей Ростиславичей. Сын Андрея, Юрий, пришел «...с новгородци и с ростовци и с суждальци и со всею дружиною»; 365Л. Параллельный фрагмент имеется в Ипат, 573И, но слова «всею дружиною» отсутствуют. Запись о собрании после смерти Андрея Боголюбского во Владимиро-Суздальской земле 1175 г. уже приводилась: «...ростовци и суждальци и переяславци и вся дружина от мала до велика съѣхашася»; 371Л – 595И. Под 1177 г. Всеволод Юрьевич ходил на Рязань «...с ростовци и с суждальци и со всею дружиною»; 383Л (в РА к «суждальци» добавлено «и с володимирци»). В Ипат во фрагментах, не соотносящихся с Лавр, подобная конструкция появляется лишь однажды, под 1152 г.: «Вячеславль полкъ весь и вси чернии клобуки и кияны лутшии и всю рускую дружину»; 446И.

³¹⁴ 380Л.

³¹⁵ Многие из чтений Лавр общие с Ипат. «Цѣловавъ брата своего Глѣба и всю дружину братню»; 359Л – 557И. «Мстислава съ всею дружиною»; 361Л – 560И. «С малою дружиною, а всю дружину пустившю от себе»; 364Л – 565И. «Ростовци и суждальци и переяславци и вся дружина от мала до велика»; 371Л – 595И. «И дружина ихъ вся изымана»; 385Л – 605И. Другие встречаются только в Лавр. «С новгородци и с ростовци и с суждальци и со всею дружиною»; 365Л. «А дружина вся, видѣвше князя Ярополка...»; 373Л. «Совокупивъ ростовци и боляре гридьбу и пасынки и всю дружину»; 380Л. «С ростовци и с суждальци и со всею дружиною»; 383Л. «Всеволодъ же князь погна в слѣдъ ихъ со всею дружиною»; «...дружину его всю изымаша и думци его извяза»; 384Л. «Приспѣ к ним дружина вся многое множество»; «...и вся дружина избита, а другая изымана»; 398Л.

³¹⁶ Под 1095 г., в сюжете избияния Мономахом половецкого князя Итляря и его окружения: «...дружину его всю избиха»; 229Л.

«пригнавшѣ... яша...»³¹⁷). Судя по всему, довольно пространная запись этого года с «дружиной», отличающаяся наличием длинных речей действующих лиц и обильным цитированием Библии, возникла на основе лапидарной летописной, и коллективное действующее лицо было введено редактором летописи поверх стандартной записи о действиях князя.

Ипат (Киевский свод) XII в. представляет собой более сложный текст, в ней не всегда удается проследить компактные группировки определенных формул³¹⁸. Кроме того, здесь представлен самый широкий ряд значений слова «дружина». В частности, не всегда понятные семантические колебания отмечены в перечнях. В некоторых случаях понятия «бояре» и «дружина» разграничены, как, например, в выражениях «бояре и дружина» или же «мужи и дружина»³¹⁹. В других, иногда даже в соседних с предыдущими фразах бояре, наоборот, отождествляются с дружиной³²⁰. Аналогичная ситуация с «полками и дружиной»³²¹ и «своими погаными», называемыми обычно «черные клобуки». Есть перечисления, где дружина отделена от степняков, и такие, где степняки (в отличие от Лавр) включаются в состав дружины³²². Есть и более сложные конструкции. Скажем, под 1151 г. сказано, что на торжест-

³¹⁷ Ср.: «...а сам перебравъ дружины нѣколикѣ, ѿѣха (ед. ч.) к Ламьскому Волоку, и пусти на воропѣ, и пригнавшѣ дружина, яша (мн. ч.) князя Мстиславича Ярослава, сыновця ему, а городъ поуже (ед. ч.), а людѣ бяху выбѣгли, а жита пожгоша (мн. ч.) и до всего. Князь же Всеволодъ възвратися в Володимерь»; 387Л. Помимо всего прочего, конструкция с повторяющимся союзом «а» не предполагает вводных предложений, и чередуются сегменты с союзом «и» и союзом «а». Все это также косвенно указывает на редактирование.

³¹⁸ Так, «вся дружина» – разбросано от 1111 г. до 1183 г. 265И, 275И, 380И, 412И, 446И, 449И, 633И. На довольно широком пространстве, от 1113 г. до 1185 г., встречаются перечни, включающие слово «дружина».

³¹⁹ «Бояре и дружина»: 1113 г., 275И; 1149 г., 372И; 1185 г., 638И. «Мужи и дружина»: 1147 г., 358И.

³²⁰ См.: «...с мужи своими и с дружиною и с черными клобуки... и рекоша имъ чернии клобуци дружина его»; 358И. Как видим, в окончании «мужи» включены в «дружину».

³²¹ 1150 г.: «...посла по всеи своеи земли по свою дружину и по всеѣ свои полкы»; 405И. 1151 г.: «...повелѣхъ нарядити дружину ис полковъ, а полковъ не рушати»; 432И. Также: 1151 г., 419И; 1152 г., 464И; 1154 г., 471И. Еще в одном случае названы сначала «вои», а на втором месте – «дружина». 1152 г.: «...скупивше всеѣ своя воя, и всю свою дружину»; 449И.

³²² Первое перечисление – под 1146 г. Святослав Ольгович «рече и дружинѣ свои и половцемъ дикымъ»; 334И. Второе – под 1151 г., где дружина – видимо, общее название для князя и черных клобуков. См. 424И, 426–427И, 428И. Один из этих перечней: «дружина же Вячеслава и Изяслава и Ростислава... оустягывахуть... (и князю, напаче же чернии клобуци)... послушавше дружины своея: и князь и черных клобуковъ»; 426–427И. Описывается совещание («и почаша доумати»). При этом в Ипат отношение к «своим поганым» – как к дружине, ср. речи «берендичей» к Мстиславу Изяславичу: «аже ны хоцещи любити . яко же ны есть любилъ оць твои . и по городу ны даси по лепшему...»; 1159 г., 501И. Кстати, замечено, что варьирование названий «черные клобуки»/ «берендичи», «торки» указывает на редактирование, Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 19 и др.; Расовский Д. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. М., 2002. С. 96, прим. 85. Примечательно, что в Лавр используются преимущественно названия «берендѣи» и «торки» («черные клобуки» – единственный пример на всем протяжении текста летописи за XII в.).

венном обеде присутствовали «кияны всѣ и королевы мужи и угры и съ их дружиною»³²³, – притом, что «король» для данного периода Ипат – это обязательно венгерский король, и, следовательно, «королевы мужи» и есть знатные «угры» (венгры). А под 1152 г. говорится о том, что Изяслав «съкупя всю свою дружину... Вячъславль полкъ весь и вси чернии клобуки и кияны лутшии и всю рускую дружину»³²⁴. Иногда в одной и той же или в соседних фразах слово использовано в разных значениях. К примеру, Изяслав Мстиславич в 1150 г. советовался с дружиной, «...дружина же рекоша ему ... поѣди Киеву /к/ своеи дружинѣ»³²⁵. Первая группа здесь – советники князя, находившиеся рядом с ним, вторая – его сторонники, оставшиеся в Киевской земле. Обращает на себя внимание то, что запутаны и сложны тексты конца 1140-х – первой половины 1150-х гг., а далее годовые статьи, повествующие о князьях, пользовавшихся наибольшим вниманием летописца: 1169 г. (о Мстиславе Изяславиче), 1174 г. (Мстиславе Ростиславиче)³²⁶, 1185 г. (Игоре Святославиче). Причем именно в этих статьях наиболее явственны следы редакторского вмешательства в текст³²⁷. К концу XII в. сложные перечни исчезают, значения перестают колебаться, а частотность использования слова «дружина» снижается. Из чего следует, что тенденции Ипат отражают не сложность социальных процессов, а сложную картину редактирования.

В целом в Ипат можно отметить не новые значения, а некоторые особенности функционирования формул. Парадное выражение – «братья и дружино» – зарезервировано для двух князей, Изяслава Мстиславича и Игоря Святославича³²⁸. Изяслав, если верить Ипат, в своей жизни провозглашал множество речей. Но речь именно с этим оборотом отмечена особой торжественностью: «Братья и дружино, Богъ всегда Рускы землѣ и руских сыновъ въ бещестьи не положишь есть...»³²⁹ Слова Игоря мар-

³²³ 419И.

³²⁴ 446И.

³²⁵ 412И, к доб. из Хл.

³²⁶ В последнем случае даже можно предположительно восстановить, как возникла сложная конструкция. Здесь в описании исхода битвы Мстислава Ростиславича с войсками коалиции Андрея Боголюбского сказано: «Мьстислав же много пота утеръ с дружиною своею, и не мало мужьства показа с мужьми своими»; 577И. Выражение «утерь пота с дружиною своею» заимствовано из статьи 1019 г. и первоначально касалось успешного завершения борьбы Ярослава Мудрого со Святополком Окаянным, ср. 146Л – 133И. К этому авторитетному тексту было добавлено о «мужах», в результате возникло сложное перечисление.

³²⁷ См.: *Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста.

³²⁸ Встречается однажды в ПВЛ, а также в берестяных грамотах. Возможно, составитель Киевского свода заимствовал из ПВЛ, поскольку составитель или составители Киевского свода вообще много заимствовали из начальной летописи и стилизовали свои записи под ее текст.

³²⁹ О походе на Володимирка Галицкого 1152 г., 448–449И. Торжественный стиль речи Изяслава маркирует, кроме всего прочего, и редкое выражение «русских сыновъ». Оно, скорее всего, восходит к библейскому «Израилеви сынове». В «Чтении о жити и погублении св. Романа и Давыда» наблюдается именно такой параллелизм: «...сыновъ Израильевъ...

кируют трагическую ситуацию, небесное знамение и грядущее поражение от половцев: «Братья и дружино, тайны Божия никтоже не вѣсть, а знамению творѣць Богъ и всему миру своему»³³⁰. Некоторые выражения имеют достаточно четкие временные рамки. «Дружина и полки» встречаются с 1150 по 1154 г., «дружина русская» – с 1148 по 1154 г., «дружина около его» – с 1150-х по 1180 г., и т. д.³³¹

В сводах XIII в. новообразований со словом «дружина» не встретим. Лавр, кроме характерного «дружина около его» (1206 г.), повторяет стандартные формулы ПВЛ. То же наблюдается и в ГВЛ. К примеру, из описания Лиственской битвы Мстислава с Ярославом Мудрым ПВЛ заимствовано «а дружина вся цела» (1262 и 1281 гг.)³³². Налицо резкое падение частотности: от 110 Лавр и 230 Ипат XII в. до полутора десятков в XIII в. Несколько иная ситуация в НПЛ. В ней упоминания дружины распределены поровну: 6 в записях XII в. и почти столько же в XIII в.³³³ Под дружиной здесь чаще, чем в других сводах, подразумевают окружение людей не княжеского происхождения (статьи 1167 г., 1169 г., 1200 г., 1257 г.). Правда, здесь также не исключен элемент случайности. Например, в обеих записях за XII в. «дружина» – это люди некоего Даньслава Лазутинича, который упоминается всего-то два раза, и оба раза – с «дружиною». Вероятно, эти записи сделаны одной рукой.

Если обратиться к сводам, где слово частотное, проступит такая закономерность, как неравномерность распределения упоминаний.

сыновъ рускыхъ»; *Бугославський С.* Україно-руські пам'ятки. С. 185. Что касается самого этого выражения и подобных ему, примеры в летописях единичны (Лавр за XII в. – I, «новгородских сынов», 383Л; Ипат – I, приведен выше, «русских сынов»). Позднее используется в новгородских договорах. Сравнительно много подобных выражений в ПВЛ. «Сынове рустии»; 61Л, 68Л, 120Л. «Сыны Израилевы»; 100Л, 223Л. «Сынъ угърскъ»; 134Л (Л и НПЛ мл. ред., Сказание о св. Борисе и Глебе и РАИХл иначе, «угрин»). «Сынове Измаилевы»; 234Л. Выражение «рустин сынове» в ПВЛ связано с темой крещения. Использовано также в Житии св. Владимира. Древнерусские княжеские жития. С. 42.

³³⁰ 638И, поход 1185 г.

³³¹ Отношу «дружину около его» к характерным выражениям, так как, в самом деле, в Ипат оно встречается всего несколько раз, под 1154–1180 гг., см. 475И, 544И, 550И, 614И. Кроме того, «около себе» (а не около города) и под. – 325И, 330И, 509И, 537И, 571И, с 1146 г. по 1174 г. Для сравнения: в ПВЛ «около его» – 1 раз, под 1097 г., 265Л. В Лавр – дважды, под 1151 г. (ЛИ), 335Л – 441И, а также под 1206 г., 425Л. Наиболее широкий ряд в Ипат представляют перечни со словом «дружина», но и они сконцентрированы в определенных эпизодах и оканчиваются на 1185 г. Перечни отсутствуют в тексте, наиболее близком ко времени составления Киевского свода (конец XII или начало XIII в.). См. под 1113 г., 1147 г. (4), 1149 г., 1151 г. (5), 1152 г., 1169 г., 1174 г., 1185 г.; 275И, 358И, 359И, 380И, 419И, 424И, 426И, 428И, 446И, 534И, 577И, 638И.

³³² Кроме того, устойчивый оборот, встречающийся во множестве текстов, – «в малъ дружинѣ» (1229 г., 1240 г., 1254 г., 1259 г.).

³³³ Впрочем, в записях НПЛ за XIII в., несмотря на отсутствие колебаний частотности, дружина, как и в иных сводах, – еще и результат определенной стилизации. В 1218 г. видим книжное резюме о мученическом венце убитых князей и их окружения. Под 1245 г. наслаиваются «двор» и «в малъ дружинѣ». Казненная «дружина» некоего Александра 1257 г., «повешая на зло» князя Василья Александровича, возможно, упоминается для того, чтобы не перечислять конкретно, кто же был виноват в раздоре между Александром Невским и его сыном.

В ПВЛ «дружина» впервые появляется в серии 941–946 гг., годов походов Игоря и мести Ольги древлянам (10 примеров употребления). Далее она мелькает под 955 г., в повествовании о блаженной княгине Ольге, в уговорах сына креститься. Следующая серия – походы Святослава (968 и 971 гг., 10 примеров). В период княжения Володимира Святославича слово упоминается в пространных статьях 980, 987–988 и 996 гг. (всего 9 случаев). В XI в. известия с этой лексемой продолжают с той же (не)регулярностью, серии сменяются провалами³³⁴. Что-то подобное наблюдается и в Лавр за XII в. Слова нет в начале свода, где сосредоточены краткие сообщения, вплоть до 1125 г. Затем появляются единичные известия с «дружиной». Небольшой ряд наблюдаем в конце 1130-х гг. (6 примеров), а с 1146 г. по 1154 г. слово встречается в каждой годовой статье неоднократно. Затем следует перерыв до 1168 г., до рассказа о разгроме Киева войсками Андрея Боголюбского. Начиная с двух описаний похода Михалка Юрьевича (1169 г. и 1172 г., 9 примеров) «дружина» снова появляется почти в каждой годовой статье. Серии с небольшими перерывами продолжают вплоть до 1186 г., после чего прекращаются. Следующее, но уже единичное упоминание содержится под 1200 г.³³⁵ Не столь резкие скачки в Ипат, хотя и в ней есть пропуски в начале и в конце свода и интенсивность словоупотребления колеблется³³⁶.

Такое неравномерное распределение объясняется тем, что в ПВЛ, да и в других сводах, лексема появляется преимущественно в так называемых летописных повестях и отнюдь не часто в кратких известиях. Едва ли не единственный пример из ПВЛ – краткое сообщение начала XII в.: «Побѣдиша зимѣгола Всеславичъ всю братью и дружины убиша 9 тысящъ»³³⁷. Для Лавр «дружина» – уже исключительно принадлежность

³³⁴ 941 г. – 944 г. (2) – 945 г. (5) – 946 г. (2). 955 г. 968 г. (2) – 971 г. (8). 980 г. 987 г. – 988 г. (2). 996 г. (5). 1015 г. (5) – 1016 г. (3) – 1018 г. (2) – 1019 г. – 1022 г. – 1024 г. (5). 1036 г. (2). 1043 г. (3). 1051 г. 1066 г. – 1068 г. (6) – 1069 г. – 1071 г. 1078 г. (2). 1085 г. (2). 1093 г. (6) – 1095 г. (5) – 1096 г. (5) – 1097 г. (4). 1100 г. 1103 г. (4). 1106 г. 1111 г. (5) – 1113 г. – 1116 г.

³³⁵ 1125 г. – 1127 г. – 1130 г. 1136 г. – 1138 г. (2) – 1139 г. 1146 г. (2) – 1147 г. (5) – 1148 г. (3) – 1149 г. (6) – 1150 г. (6) – 1151 г. (7) – 1152 г. (5) – 1153 г. (2) – 1154 г. (2). 1168 г. (3) – 1169 г. (5) – 1174 г. (4) – 1174 г. (2) – 1175 г. (7) – 1176 г. (7) – 1177 г. (10) – 1178 г. (3). 1181 г. 1184 г. – 1185 г. – 1186 г. (13). 1192 г. 1200 г. Пишу о разрыве между 1186 и 1200 гг., так как под 1192 г. – хронологическое указание, празднование святого (подобное тому, какие встречаются в месяцесловах).

³³⁶ 1111 г. (5). 1113 г. 1116 г. 1123 г. 1126 г. 1128 г. 1136 г. (2). 1140 г. (4). 1144 г. 1146 г. (19) – 1147 г. (12) – 1148 г. (3) – 1149 г. (6) – 1150 г. (29) – 1151 г. (17) – 1152 г. (12) – 1153 г. (4) – 1154 г. (9). 1156 г. – 1157 г. – 1158 г. – 1159 г. (5) – 1160 г. – 1161 г. (3) – 1164 г. (3) – 1165 г. 1167 г. (2). 1169 г. (4) – 1170 г. (2) – 1171 г. (9) – 1172 г. (10) – 1173 г. (9) – 1174 г. (6) – 1175 г. (8) – 1176 г. (2) – 1177 г. – 1178 г. (4) – 1178 г. (4) – 1180 г. (5). 1182 г. – 1183 г. 1185 г. (9). 1187 г. (4) – 1188 г. – 1189 г. (3). 1193 г. (4). 1195 г. (5) – 1196 г. (3). Следует учитывать то, что некоторые годовые статьи Ипат занимают такой же объем, как сообщения иных сводов за несколько десятков лет.

³³⁷ 281Л, 1106 г. Возможно, кратким следовало бы посчитать и известие 1085 г. о неурядицах между Всеволодом Ярославичем и Ярополком Изяславичем и усмирении Ярополка Мономахом. Оно в самом деле небольшое по объему, тем не менее имеет признаки обработки в духе летописных повестей (сообщается о влиянии «злых съвѣтников» и т. п.).

пространных повествований. Ситуация Ипат ближе к ПВЛ: кратких известий с данным словом немного, но они все же имеются, в записях 40–70-х гг. XII в.³³⁸ И лишь в НПЛ «дружина» появляется в разнообразных текстах, безразлично к их объему³³⁹, но НПЛ предоставляет не так много материала для анализа, поскольку здесь само слово «дружина» достаточно редкое.

Как кажется, традицией повестийного использования лексемы мы обязаны одному из составителей ПВЛ. Для кратких летописных формул «дружина» нехарактерно, но ему по каким-то причинам отдавал предпочтение киевский книжник начала XII в. Какие это были причины, точно определить невозможно, поскольку ПВЛ является первым дошедшим до нас летописным сводом и период ее создания был периодом творчества в области летописной терминологии. Киевский и суздальский своды XII в., сохраненные в Ипат и Лавр, продолжили традицию ПВЛ интенсивного использования «дружины» в повестях. Разрыв наступил в последней четверти – на рубеже XII–XIII вв. Для владими́ро-суздальского летописания это связано со сменой летописцев, нового сводчика отличает переход к более сухому летописному стилю, разбавленному церковно-книжными вкраплениями³⁴⁰. Для южнорусского – с прямым переносом летописания в другой центр (переход от киевского к галицко-волыньскому летописанию) и использованием иных образцов. Позднее, в летописных текстах XIII в., появление слова «дружина» часто есть результатом стилизации под записи предыдущих летописей. Своеобразно словоупотребление у новгородских книжников. В отличие от общерусских сводов НПЛ, начинаясь не с ПВЛ, а с конспекта свода, предшествовавшего ПВЛ³⁴¹, не злоупотребляет выражениями с этим словом. Таким образом, различия в частоте использования лексемы, традиционно объясняемые местной спецификой политического устройства Новгородской земли, скорее всего, имеют иные корни – литературную традицию.

Коль скоро это так, возникает вопрос, было ли слово «дружина» живым? Несомненно, да. Как уже отмечалось, краткие летописные известия отмечены в XII в. Кроме того, «дружина» присутствует в «Почуении»

³³⁸ Краткие под 1147 г., 1156 г., 1165 г. «По томъ же веремени, како уже рѣкы стаща, пославше Олгович и Давыдовича дружину свою с половци, воеваша Брягинь»; 359И. «Тогда же и Мьстиславъ Изяславичъ ѣха изъѣздомъ на стрѣя своего на Володимира Володимириу, и я жену его и матеръ его... а дружину его изограби, и товаръ весь отъя, иже бѣ принесла изъ угорь Мьстиславля...»; 484–485И. «Том же лѣтъ Василко Ярополчичъ избѣ половци на Руси, много же ихъ руками изоима. И обогатишась дружина его оружьемъ и кони, и самъ искупа много има на нихъ»; 525И. Возможно, сюда же следует отнести сообщения 1146 г. и 1176 г.; 338И и 602И.

³³⁹ Например, краткие известия в статьях 1115 г. и 1160 г. «А в Новѣгородѣ измьроща коня вся у Мьстислава и у дружины его». «Прияша новгородьци Ростиславича Святослава, и поправиша (его. – Т. В.) въ Ладогу, а княгню впустиша въ манастырь святыя Варвары, а дружину его въ погрѣбъ вьсажаша». НІ, с. 20, 30.

³⁴⁰ Границу между владими́ро-суздальскими сводами конца XII в. проводят по 1177 г. или 1185 г.

³⁴¹ ПВЛ отражена только в НПЛ мл. ред.

Мономаха (6 примеров)³⁴² и в новгородских берестяных грамотах (11 упоминаний в девяти грамотах)³⁴³. Но, судя по распределению слова в летописях, частое использование его в летописных повестях XII в. не является показателем реального функционирования. Оно имеет иное происхождение, обращение к авторитетному источнику и образцу, – ПВЛ.

Надо сказать, использование слова «дружина» в значении 'участники веча' как в 1175–1178 гг., так и в конце 1140-х гг., связано с соположением и отождествлением таких названий, как «ростовци», «кияне», «смоляняне» и под. и «дружина». Прослеживаются два пути отождествления. С 1174 г. фиксируется формула обозначения участников военного похода или вечевого собрания, где после ряда названий по главным городам земли («ростовци и новгородци и...») в конце сказано: «и вся дружина». Большинство подобных перечислений помещает Лавр, только одно из них имеется также в Ипат. При этом само выражение «вся дружина» сравнительно редкое и встречается в суздальском своде на ограниченном пространстве статей 1169–1186 гг. Возможно, формула-перечисление с окончанием «и вся дружина» возникла у летописца путем соединения перечня «ростовци и суздальци» (могущего быть продолженным: «...и володимерци, и переяславци...») и характерного выражения «вся дружина»³⁴⁴. Такие перечни, по сути, должны означать: присутствовали 'ростовцы, суздальцы и все остальные', то есть представители других «своих» для этого региона городов. Что касается «дружинь»-горожан из статей Киевского свода конца 1140-х гг., здесь отождествление «кияне-дружина», «смоляняне-дружина» прямое и непосредственное. Ведь войско князя могли называть как «киянами», «черниговцами» и пр., так и «дружиной»³⁴⁵, то же касалось и княжеского окружения. Понятийная

³⁴² 247–249Л. 6 примеров, 5 из них из списка походов и путей Мономаха. «И съдше думати с дружиною, или люди оправливати»; «...изымахом князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша»; «...и у Гльбови чади пояхом дружину свою всю»; «...и бишася дружина моя с нимъ»; «...и ѣхяхом сквозъ полкы половьчскіѣ не въ стѣ дружинѣ»; «...и съдѣхъ в Переяслави 3 лѣта и 3 зимы и с дружиною своею».

³⁴³ *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 735. Грамоты № 69 (2), 109, 254, 568, 724 (2), 850, 851, 890, Торж.9. Из грамоты № 69, 80–90 гг. XIII в.: «Съ Яковьцемъ поедуть дружина Савина чадь... и ту плкъ дружина». В грамоте № 724 упоминается «дружина» и «братья и дружина»: «От Савы поклонянее къ братьи и дружине». Там же: «Порозумѣйте, братье ему, даче что въ се ему състане тягота тамъ и съ дружиною егъ»: *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000. Т. X. С. 23–24. Упоминаемые в грамоте посадник Захария и князь Андрей позволяют ее датировать узким периодом 1160-х гг. Авторы издания считают, что дата написания – 1166 г., незадолго до того, как новгородцы убили посадника Захарю и его сторонников (ср. НІ, с. 32). По мнению А. А. Зализняка, именно та часть грамоты, где встречается «братья и дружина», составлена особенно тщательно и лишена новгородизмов (что может свидетельствовать о литературном происхождении выражения). *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 352–353.

³⁴⁴ Кстати, аналогичная конструкция создана новгородскими летописцами, но по другому образцу: «...с новгородци и с пльсковичи и с ладожане и с всею областию». См. статьи 1191 г. и 1198 г.; НІ, с. 40, 44.

³⁴⁵ Что такой ход мышления не исчерпывается 1140-ми гг., показывает фрагмент из описания взятия Киева войсками коалиции Андрея Боголюбского 1169 г. в Ипат (под

вариативность была перенесена и на «мирные» ситуации, и в статьях конца 1140-х гг., изобилующих известиями об активности горожан, «дружина» появилась в сообщениях вечевой тематики.

«**Бояре**». В специальных работах и словарях приводится определение: «Боляринъ/бояринъ³⁴⁶ – вельможа, представитель высшей категории знати, верхушки дружины»³⁴⁷, или же традиционное для советской литературы: «Боярин – член высшего сословия в феодальном обществе»³⁴⁸. В некоторых справочных изданиях подан только достаточно широкий ряд латинских и греческих соответствий слову «болярин»-«боярин», без дефиниции³⁴⁹. Слово имеет сложную историю. Лексема относится к праболгарским (тюркским) и, соответственно, отсутствует в памятниках самого раннего, кирилло-мефодиевского, периода славянской книжности. Ее нет в Евангелиях и Псалтыри, а в Апостоле и Паримейнике – единичные примеры³⁵⁰. Позже она достаточно широко распространилась в поучениях, хронографах и агиографической литературе и поэтому для древнерусских писателей, по-видимому, все же стояла в одном ряду с иными книжными словами. Вместе с тем такая особенность, как полное отсутствие «боляр» в наиболее влиятельных книгах Священного Писания – Евангелии и Псалтыри, – каким-то образом фиксировалась и влияла на словоупотребление.

Слово «бояринъ» характерно для летописей, переводной литературы, встречается в грамотах³⁵¹. В летописных сводах, в отличие от переводных памятников, нет широкого веера греческих эквивалентов, поэтому

6679 г.). «Изнесоша всё смольняне и суждалци и черниговци и Олгова дружина»; 545И. По аналогии с рядом предъидущих названий, здесь ожидалось бы «новгородци (сиверские)», так как Олег Святославич княжил в то время в Новгороде-Сиверском.

³⁴⁶ Древнейшее произношение и написание – «болярин», более новое – «боярин». Однако по этим формам нельзя определить время составления текста, так как в поздних памятниках и списках часто наблюдается архаизирующее написание.

³⁴⁷ *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 41.

³⁴⁸ Например: СДРЯ. Т. I. С. 99.

³⁴⁹ *Срезневский И. И.* Материалы. Т. I. Стб. 150; Старославянский словарь. С. 99. В: *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря (с. 33–36) представлен широкий ряд устойчивых словосочетаний со словом «бояре».

³⁵⁰ ДА 25.23; в Енинском Апостоле «боляре», в Матичино «болярские мужи», в Острожской «нарочитые мужи». Ср. Старославянский словарь. С. 99; Матичин Апостол. Л. 28об. (в кратком апракосе этот фрагмент не читается). В более поздних славянских редакциях Апостола, в том числе в Острожской Библии, выражение отсутствует, см. Острожская Библия. Л. 14/4об. В некоторых списках Паримейника в чтении Великой субботы, Иона 3.7, читается «боляръ»; Григоровичев Паримейник. Л. 83. Но в других списках (в том числе в рукописи Паримейника НБУ. Л. 75а) – «друговъ». Согласно Старославянскому словарю, с. 99, в памятниках X–XI в. – всего 9 употреблений слова «боляре», большинство из них в Супрасльской рукописи. Относительно Евангелия и Псалтыри см., например, словоупотребления в: Синайская псалтырь. С. 188; Апракос Мстислава. С. 305; Архангельское Евангелие 1092 г. С. 417.

³⁵¹ С. В. Завадская приводит такие цифры: «Общее число упоминаний термина... в письменных источниках XI–XIV вв. – более 700, примерно половина их приходится на летописи, 153 принадлежат грамотам, и 225 образуют терминологический пласт в памятниках оригинальной и переводной литературы». *Завадская С. В.* «Боярин» – «бояринъ».

значение, если можно так сказать, унифицировано. Как правило, под «боярами» подразумевались «мужи» князя или же наиболее значительные из этих людей, если слово «бояре» приводилось в одном перечне вместе с «отроками», «дѣтскими» или «слугами»³⁵². Как обозначение участников веча «бояре» характерно только для одного из сводов, ГВЛ. Выяснение значения слова особенно необходимо потому, что буквальная интерпретация текста ГВЛ способствует представлению о «боярских вечах» в Галиче и влияет на понимание летописного «галичане». До сих пор определение того, кто принимал участие в собраниях – «широкие народные массы» или «узкая группа бояр», зависит преимущественно от оценки событий исследователями. К примеру, считают, что «галичане» 1145 г., пригласившие Ивана Берладника на княжение, представляли все слои населения, а в 1173 г. под «галичанами», отправившими на костер любовницу Ярослава Володимировича (Осмомысла), кроются галицкие бояре. Все это потому, что оба князя непостижимым образом попали в положительные персонажи древнерусской истории, но взаимоотношения их с «галичанами» были полярно противоположными – одного горожане якобы все время приглашали на стол, а со вторым конфликтовали³⁵³.

Обратимся к особенностям словоупотребления в летописях. Лексема «бояре» используется не столь интенсивно, как «дружина», хотя в каждом своде все же можно насчитать по нескольку десятков примеров. Анализ частотности был проведен С. В. Завадской. Исследовательница остановилась на наиболее ранних памятниках – ПВЛ и так называемом Начальном своде (НПЛ мл. ред.), затронула также Лавр, а далее провела общее сравнение по столетиям³⁵⁴. Ниже приведены несколько дополненные сведения по каждому из сводов. ПВЛ содержит более 40 примеров со словами «бояре-бояре»³⁵⁵. НПЛ старш. ред. «бояр» до 1118 г.

С. 90. Составители СДРЯ до конца XIV в. насчитывают в общей сложности ок. 620 примеров. СДРЯ. Т. 1. С. 295, 301. Далее С. В. Завадская отмечает, что из 59 грамат 50 приходится на XIV в. *Завадская С. В.* «Боярин» – «бояринь». С. 91. По моим подсчетам, до конца XIII в. число упоминаний в летописных сводах – около 270.

³⁵² Иногда в таких случаях «вельможи» или «мужи» означали низшую категорию приближенных князя, ср. Лавр «бояре и вельможа, и дружина», «бояре, мужи ростовские и...»; 398Л, 437Л. О полисемантности слова «бояре» см.: *Завадская С. В.* «Боярин» – «бояринь»; *Завадская С. В.* Термин «боярин» в Источниках 1073 и 1076 годов // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 81; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 388–391; *Колесов В. В.* Мир человека. С. 283. Относительно более позднего периода см., например: *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 28–29.

³⁵³ Не могли же, в самом деле, приглашать на стол положительного героя только бояре. См.: *Крип'якевич И. П.* Галицко-Волинське князівство. К., 1984. С. 53, 79; *Котляр Н. Ф.* Формирование территории. С. 85, 87, 91–92. Пишут и о том, что в 1208 г. именно «бояре» сожгли Игоревичей (*Крип'якевич И. П.* Галицко-Волинське князівство. С. 89), хотя в летописи, снова-таки, это деяние приписано «галичанам».

³⁵⁴ *Завадская С. В.* «Боярин» – «боярин». С. 89–94.

³⁵⁵ Не разграничиваю здесь словоформы «бояре-бояре», так как «бояре» – в одном из списков ПВЛ, а именно Л, тогда как в РАИХл – «бояре». Кроме того, в Л в записях за XI в., начиная с 1019 г., также читается «бояре», но затем снова встречается форма

не знает, НПЛ мл. ред. в записях за X–XI вв. упоминает бояр там, где она точно копирует ПВЛ³⁵⁶. В Лавр за XII в. – 32 упоминания³⁵⁷, притом, однако, абсолютное большинство из них (22) приходится на три годовые статьи – 1176 г., 1177 г. и 1186 г. В Киевском своде XII в. (Ипат) насчитывается 36 примеров³⁵⁸. Лавр за XIII в. содержит 26³⁵⁹, и в Сим-Тр, где в Лавр пропущены листы, еще 10³⁶⁰. Максимальное количество – в тексте ГВЛ, 102³⁶¹. НПЛ упоминает «бояр» дважды в записях за XII в. и 17 раз

«бояре». В Тр, ближайшей к Л, по разночтениям, изданным до 907 г., – «бояре». Всего в Лавр редакции ПВЛ до 1111 г. слово встречается 41 раз, в Ипат, где ПВЛ продолжена до 1118 г., – 46 примеров.

858 г. – 1, 19Л. 862 г. – 1, 20Л. 907 г. – 1, 31Л – 22И (по РАИХл, Л проп.). 912 г. – 2, 33Л /24И (по РА или ИХл, в Л проп.; «свѣтлых и великих князь и его великих боярь» по РА или «свѣтълыхъ боярь» по ИХл), 39Л (по РАИХл, Л проп.). 941 г. – 1, 44Л. 944 г. – 1, 45Л. 945 г. – 4, 46Л, 47Л (2), 53Л. 969 г. – 1, 67Л. 971 г. – 6, 70–71Л, 73Л. 983 г. – 1, 82Л. 986 г. – 1, 94Л. 987 г. – 4, 106Л (2), 107Л, 108Л. 988 г. – 1, 117Л. 996 г. – 3, 124Л, 125Л, 126Л. 1015 г. – 2, 130Л, 132Л. 1019 г. – 2, 143Л, 144Л. 1030 г. – 1, 150Л. 1051 г. – 1, 159Л. 1072 г. – 1, 182Л. 1086 г. – 1, 206Л. 1093 г. – 2, 217Л, 220Л. 1097 г. – 3, 259Л, 260Л, 271Л. 1112 г. – 1, 274И. 1113 г. – 2, 275И, 276И. 1115 г. – 2, 280И, 282И.

³⁵⁶ В НПЛ мл. ред. «бояре» появляются с 969 г. В ней нет самых ранних примеров ПВЛ, так как начало свода кардинально переработано и отсутствуют договоры с греками. 969 г. – 1, НИ, с. 119. 971 г. – 4, НИ, с. 122–123. 983 г. – 1, НИ, с. 130. 986 г. – 1, НИ, с. 139. 987 г. – 4, НИ, с. 148–150. 988 г. – 1, НИ, с. 156. 996 г. – 3, НИ, с. 166–167. 1015 г. – 2, НИ, с. 169–170. С 1015 г. НПЛ мл. ред. перестает следовать за ПВЛ, и упоминания 1019 г., 1030 г. и 1051 г. отсутствуют. Но «бояре» есть под 1072 г. – 1, НИ, с. 197. После 1074 г. текст НПЛ мл. ред. совпадает с НПЛ старш. ред. и кардинально отличается от ПВЛ. Считается, что «бояре» вообще исчезают из НПЛ мл. ред. в XI в. после 1015 г.: *Schmidt K. R. Soziale terminologie in russischen Texten. S. 209; Завадская С. В. «Бояринь – бояринь». С. 91. В обоих работах не учитывается сообщение НПЛ мл. ред. 1072 г.*

³⁵⁷ В том числе общих для Лавр и Ипат (ЛИ) 12 примеров. 1125 г. – 1, 295Л. 1127 г. – 1, 297Л (ЛИ). 1136 г. – 1, 304Л (ЛИ). 1144 г. – 1, 311Л (ЛИ). 1146 г. – 1, 314Л (ЛИ). 1150 г. – 2, 326Л (ЛИ). 1151 г. – 1, 332Л (ЛИ). 1152 г. – 1, 340Л. 1156 г. – 1, 347Л (ЛИ). 1176 г. – 3+3, 375Л +377–378Л. 1177 г. – 1+10, 385Л+380–383Л, 385Л. 1186 г. – 5, 398Л, 399Л, 402–403Л.

³⁵⁸ 1118 г. – 1, 285И. 1127 г. – 1, 291И (ЛИ). 1136 г. – 1+1, 298И +298И. 1144 г. – 1, 314И (ЛИ). 1146 г. – 1+1, 330И +327И. 1147 г. – 1, 343–344И. 1148 г. – 3, 369И, 380И, 386И. 1150 г. – 2+1, 394И +399И. 1151 г. – 1, 426И (ЛИ). 1156 г. – 1, 487И (ЛИ). 1159 г. – 1, 502И. 1169 г. – 1, 536И. 1173 г. – 1, 564И. 1174 г. – 1, 570И. 1176 г. – 3, 598–599И (ЛИ). 1177 г. – 1+1, 605И +603И. 1178 г. – 1, 607И. 1180 г. – 1, 624И. 1185 г. – 3, 638И, 642И, 643И. 1187 г. – 4, 658И, 659И. 1197 г. – 1, 702И.

³⁵⁹ 1206 г. – 2, 422Л, 424Л. 1212 г. – 2, 437Л (2). 1217 г. – 3, 440–441Л. 1218 г. – 3, 441–443Л. 1223 г. – 1, 446Л. 1227 г. – 1, 449Л. 1230 г. – 2, 453Л, 454Л. 1231 г. – 2, 457Л, 459Л. 1237 г. – 1, 463Л. 1239 г. – 1, 468Л. 1252 г. – 2, 473Л. 1254 г. – 1, 473Л. 1255 г. – 1, 474Л. 1283 г. – 3, 481Л. 1284 г. – 1, 482Л.

³⁶⁰ Правда, неизвестно, все ли из них отражают общий с Л протограф. Под 1276 г. – 1, *Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 333. 1277 г. – 2, (Там же. С. 334 (2)). 1278 г. – 2, с. 335, 336. 1283 г. – 3, с. 340, 341 (2). 1289 г. – 1, с. 344. 1293 г. – 1, с. 346. Кроме того, в Сим-Тр в начале статьи 1284 г. вместо Лавр «с своею дружиною» – «съ своими бояры и съ дружиною»: 481Л. *Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 342.**

³⁶¹ 1202 г. – 3, 717И. 718. 1204 г. – 1, 721И. 1205 г. – 1, 722И. 1206 г. – 1, 723И. 1208 г. – 5, 723И, 724И, 725И, 726. 1209 г. – 2, 727–728И. 1210 г. – 2, 728И, 729И. 1211 г. – 2, 730И, 731И. 1217 г. – 1, 736И. 1226 г. – 4, 747И, 748И, 750И. 1227 г. – 1, 751. 1229 г. – 4, 754И, 759И, 761. 1230 г. – 4, 762И, 763И. 1231 г. – 2, 764И, 765И. 1232 г. – 1, 769И. 1234 г. – 5, 771И, 772И, 774И. 1235 г. – 4, 775И, 777И, 778И. 1238 г. – 1, 782И. 1240 г. – 3, 789И. 1241 г. – 2, 791И, 793И. 1245 г. – 2, 795И, 797И. 1249 г. – 2, 800И. 1250 г. – 2, 808–809И.

в XIII в.³⁶² Большинство записей XIII в. (11 из 17 случаев употребления) приходится на заимствованные повести «О взятии Царьграда фрягами» и о рязанских князьях³⁶³, и еще одно описательное, «пити кровь боярьскую», взято из «Откровения Мефодия Патарского».

Что касается ПВЛ, «бояре» наиболее активно упоминаются в тех частях свода, где прослеживается влияние книжных и переводных памятников. 8 примеров приходится на договоры с греками, 7 – на тексты, связанные с борисо-глебским циклом (1015 г., 1019 г., 1072 г. и 1115 г.). Многочислены описания советов с участием бояр в записях за X в., где особенно сильно влияние Хроники Амартола. Эти совещания оканчиваются временем Володимира Святославича³⁶⁴. Вообще с именем Володимира связано крещение Руси, и здесь отмечены многообразные заимствования. С переводной литературой, видимо, связаны перечисления типа «бояре и старци» или «боляре и старѣишины градские/людские» (5 примеров); высказывалось предположение о том, что ряд этот – книжного происхождения. Словом «старецъ» или «старѣишина» перевели греч. ἄρχων³⁶⁵, «старци людстии» упоминаются в Евангелиях, где совершенно отсутствуют «боляре»³⁶⁶. Поскольку

1251 г. – 1, 810И. 1254 г. – 2, 820И, 822И. 1255 г. – 2, 827И, 830И. 1261 г. – 6, 848И, 851И, 853И, 854И. 1262 г. – 1, 856И. 1263 г. – 1, 861И. 1264 г. – 1, 862И. 1268 г. – 1, 867И. 1272 г. – 1, 870И. 1277 г. – 5, 877И, 878И. 1280 г. – 3, 881И, 882И. 1281 г. – 3, 884И, 887И. 1285 г. – 1, 896И. 1286 г. – 1, 897И. 1287 г. – 7, 899И, 900И, 905И, 908И, 910И. 1289 г. – 9, 919И, 928И, 929И, 932И, 933И. 1291 г. – 2, 936И, 937И.

³⁶² 1118 г. – 1, НЛ, с. 21, 205. 1137 г. – 1, НЛ, с. 24. 210. 1204 г. – 8, НЛ, с. 47–48, 242–244. 1218 г. – 3, НЛ, с. 58 (о рязанских князьях, нет в НПЛ мл. ред.). 1259 г. – 2, НЛ, с. 82–83, 311. 1263 г. – 1, НЛ, с. 84, 313. 1264 г. – 1, НЛ, с. 84, 313. 1269 г. – 1, НЛ, с. 86, 317. 1282 г. – 1, НЛ, с. 324. Кроме того, в НПЛ мл. ред. бояре упоминаются под 1218 г. (НЛ, с. 258; но это вторичное чтение, от соседства с именем Бориславъ, в НПЛ старш. ред. оно отсутствует; ср. НЛ, с. 57), а также в заимствованиях из Жития Михаила Черниговского (1245 г.; НЛ, с. 298, 301) и Жития Александра Невского (НЛ, с. 306).

³⁶³ Рассказ о рязанских князьях пропущен в НПЛ мл. ред. А. А. Гиппиус считает, что это кодикологическая вставка во владычной летописи (протографе обеих редакций НПЛ), выпущенная в НПЛ мл. ред. и сохранившаяся в НПЛ старш. ред. *Гиппиус А. А.* К истории сложения. С. 13–14. Однако вместе с рассказом о рязанских событиях выпала также часть фразы о приходе князя в Новгород, а такое сообщение вряд ли могло находиться на вставленном листе, поэтому более вероятно пропуск.

³⁶⁴ Последнее упоминание – под 1015 г., позже бояре-советники не встречаются, см.: 31Л, 33Л, 46Л, 67Л, 70–71Л, 82Л, 106–108Л, 132Л.

³⁶⁵ *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». С. 186, 252; *Завадская С. В.* О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 101–103; *Завадская С. В.* К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках XI–XIII вв. // ДГ 1987. М., 1989. С. 39. Кстати, в летописном сказании 1015–1019 гг. о противоборстве Ярослава и Святополка, не связанном текстологически с повествованием о времени Володимира Святославича, упоминаются «бояре» и «старосты», а не «старѣишины».

³⁶⁶ Мт.21.23: «...приступиха къ нему старѣишины жрьчьскыи и старци людстии». Лк.22.66: «...събъраша старци людстии и старѣишины жрьчьскыи и книжници и ведъша и на съборъ свои». Мт.26.3: «...събъраша ся архиерѣи и книжници и старци людстии въ дворъ архиерѣвовъ». См.: Апракос Мстислава, 49а.23 (183в.20–21), 1206.21–22, 1416.16–17. Еще: Лк.23.1; Мт.21.23; Мт.27.1. Там же, 120в.23, 131а.17, 144в.17–18

Володимир был крестителем Руси, книжник «придал» ему библейских старцев, а «боляр» добавил, видимо, потому, что образцом для описания княжения первых русских князей были также хронографические сочинения³⁶⁷. В целом для ПВЛ слово «боляре»—«бояре» – парадное и связано с использованием хроник³⁶⁸, других переводных текстов, отчасти – оригинальных памятников книжного происхождения (ср. очевидный пик частотности в Житии Феодосия, известном, по-видимому, составителю ПВЛ³⁶⁹).

Представляет интерес то, что «бояр» нет в статьях, составленных близко к дате окончания ПВЛ. Лаврентьевская редакция ПВЛ в записях рубежа XI–XII вв. и начала XII в. этого слова не знает (последнее упоминание бояр – под 1097 г.). Это должно, по-видимому, свидетельствовать о том, что оно не относилось к рабочему пласту терминологии. Правда, в Ипатьевской редакции слово все же присутствует в статьях 1112–1115 гг. Сложно сказать, с чем это связано, но возможно, с повторным обращением к хронографическим текстам и борисо-глебскому циклу³⁷⁰. Как и предыдущее «дружина», слово «бояре» в ПВЛ появляется в

(167в.2). В ветхозаветных книгах также имеются подобные обозначения, например, Иер.29.1 «...къ старцемъ... и всѣмъ людемъ». Острожская Библия. Л. 106/2об.

³⁶⁷ Именно такого перечня нет, что отметила С. В. Завадская. Полученный гибрид – «боляре» и «старъишины» – встречается однажды у Амартола, но не в перечне, а в сложной конструкции: «...и призывая же старъишины да съвъщается с бояры». Здесь «старъишины» от войска, требовавшего венчания на царство братьев царя Константина, и есть частью «бояр», с которыми император хотел или делал вид, что хотел, совещаться; ГА 464.6.

³⁶⁸ Один из фрагментов ПВЛ с упоминанием бояр прямо заимствован из Хроники Георгия Амартола. Имеется в виду статья 912 г., ср.: 39Л – ГА 305–306. В ГА 40 случаев употребления слова «боляры». К этому можно также добавить выражения «сборъ (съвътъ, сънѣмъ) болярескъ» (7) и «болярьский чинъ» (7). «Боляры»: ГА 41.2, 41.4–5, 41.14, 41.15, 41.17, 82.25, 221.21, 222.17, 305.14, 373.12, 374.5, 382.5, 385.8, 401.22, 402.9–10, 402.12–13, 402.26, 407.26, 410.1, 415.28, 429.20, 431.4, 433.13, 449.4, 464.6, 478.17, 488.14, 503.7, 507.25, 507.30, 513.9, 521.13, 521.18, 523.16, 529.16, 531.27, 533.29, 551.5–6, 555.26, 564.5. «Болярескъ (в одном случае болярный) сборъ (сънѣмъ, съвътъ)»: ГА 314.11, 329.8, 332.15–16, 489.27–490.1, 511.27–512.1, 540.22, 558.14. «Болярьский чинъ»: ГА 331.20, 505.2, 527.4–5, 536.14, 536.16, 561.28, 569.18. Кроме того, в начале и окончании ПВЛ (введение и статья 1114 г.) имеются заимствования из Хроники Иоанна Малалы, где около 100 упоминаний «боляр».

³⁶⁹ Хотя в ПВЛ нет заимствований из текста Жития Феодосия именно со словом «бояре», но есть иные, и влияние могло быть опосредованным. В Житии Феодосия слова «боляре», «боляринъ» встречаются 21 раз (!). По списку Успенского сборника: Успенский сборник. 33в.18–20, 34а.31, 34б.16, 35б.2–4, 35б.12, 35б.19–20, 35г.5, 40а.7–8, 41а.24–25, 43в.16–17, 47в.4, 47в.32, 47г.22–23, 48а.16–17, 48а.26–27, 50в.10–11, 58в.29–31, 59б.20–21, 64в.27–29, 65а.32, 66в.30–32. Для сравнения, в иных текстах того же сборника: Сказание о Борисе и Глебе – 1, 9г.32. Мучение Иринии – 6, 69б.15–17, 70б.7–8, 72б.30–31, 77в.8, 78б.28, 81в.3–4. Мучение Христофора – 1, 97в.6. Мучение Февронии – 1, 130а.18–19. Беседа Кирилла Александрийского о Богородице – 1, 268а.19–21. В других древнерусских сочинениях: «Память и похвала Владимиру» Иакова Мниха – 1 упоминание, Житие княгини Ольги – 1, Житие князя Владимира – 1. Древнерусские княжеские жития. С. 27, 38, 42.

³⁷⁰ В продолжении ПВЛ по Киевскому своду фрагменты из Хроники Малалы имеются в статье 1114 г., извлечения из Амартола – в статье 1111 г. В статье 1115 г. использован текст

основном в летописных повестях, исключением является единственная краткая запись под 1030 г.³⁷¹

Относительно Лавр можно сказать следующее. По окончании ПВЛ суздальский свод вновь начинает использовать эту лексему, начиная с описания смерти Володимира Мономаха 1125 г.: «...сынове же его и бояре несоша ѥ (его) Киеву»³⁷². Затем слово «бояре» появляется спорадически. Редко оно даже в подробных статьях 1146–1155 гг. И только в 1176–1177 гг. – годах борьбы Михалка и Всеволода Юрьевичей с племянниками Ростиславичами и 6694/1185 г. – похода Игоря Святославича и усобиц среди рязанских князей, «бравших в заем» дружину у суздальского Всеволода, упоминания бояр учащаются. С чем это может быть связано, неизвестно. Не исключено, что пик словоупотребления есть результатом редактирования и/или моделирования по книжному образцам. Так, под 1177 г. в Лавр встречаем странное сочетание «ростовци и бояре». Говорю странное, поскольку в стандартных перечислениях, наоборот, горожане следуют за боярами. Возможно, необычный оборот возник из контаминации отрицательного образа «ростовцев», с одной стороны, и «боярь» – с другой³⁷³. Под 1186 г. в выражении «...князи вси изымани быша, а бояре и велможа и вся дружина избита, а другая изымана»³⁷⁴ сращены две стандартные летописные формулы («вся дружина» и «множество избиша, а другия изымаша»³⁷⁵). Все это может указывать на редакторское вмешательство либо на неумелое нагромождение изобразительных средств.

Киевский свод XII в. не имеет пиков частотности. Вообще, если учитывать не только число словоупотреблений, но и объем текста, в этом своде самая низкая частотность из всех имеющихся летописей XI–

Сказания о чудесах св. Борису и Глебу. В памятниках борисо-глебского цикла от одного до трех упоминаний бояр. В Сказании: «...гордѣния яже о боярѣх»; *Бугославський С.* Україноруські пам'ятки. С. 119 («вышегородские боярьце») летописи названы в параллельном фрагменте Сказания «мужами»; Там же. С. 120). В Сказании о чудесах: «...все боярьство и все старѣишнество и воеводы вся...», «вельможѣ и все боярьство», «боярьство и людие»; Там же. С. 169–170. В Чтении: «...умоленъ бывъ от боярѣ», «не токмо бояромъ, нъ и всѣм людемъ»; Там же. С. 185, 199. На каком этапе сложения Ипат появились «бояре» – трудно сказать. О хронографических заимствованиях и происхождении см., например *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Л., 1940. Т. IV. С. 71–77; *Орлов А. С.* О галицко-волыньском летописании // ТОДРЛ. Л., 1947. Т. V. С. 15–35, особ. с. 20–21; *Вилкул Т. Л.* Повесть временных лет и Хронограф.

³⁷¹ «...и бысть мятежь в земли Лядьскѣ, вставше людье, избиша епископы и попы и бояры своя, и бысть в нихъ мятежь»; 149–150Л.

³⁷² 295Л, «и» – из РА, 295Л, вар. в. Для сравнения: в Ипат в сцене смерти и похорон Мономаха действуют «все людие» или «весь народъ и вси людие»; 289И. Правда, «весь народ» – только в И, в Хл отсутствует последний фрагмент.

³⁷³ «Ростовцы», как и «бояре», противопоставлялись «володимирцам», ср. 380–383Л. Правда, аналогичная аномалия – «гражане и бояре», «народъ и бояре» – встречается в Хронике Малалы, но в Лавр не прослеживаются заимствования из Малалы.

³⁷⁴ 398Л.

³⁷⁵ Последнее часто в описании поражений, может варьироваться, «многы избиша», «а иные», «...а другия изымаша, а иныя истопоша» и т. п.

XIII вв., исключая только НПЛ³⁷⁶. Даже необычайно обширные, на два-три десятка листов статьи 1146–1154 гг. не обнаруживают стремления их составителей использовать слово «бояре»³⁷⁷. 12 из 36 упоминаний бояр общие с Лавр, а значительная часть оставшихся, как кажется, не принадлежит перу составителя свода и восходит к чтениям его источников (суздальских, волынских и др.). К примеру, в весьма пространной статье 1187 г. все 4 упоминания «бояр» приходится на одно из сообщений – на известие о выдаче дочери суздальского князя Всеволода Юрьевича Верхуслavy замуж за Ростислава Рюриковича. Под 1173 г. в галицком известии упоминаются «бояре». При этом в этой годовой статье св. 10 известий разного происхождения (многие из них выделены киноварными заголовками), часть – с точными датами³⁷⁸. Статья 1148 г. содержит уникальную запись о «посвящении в рыцарский сан» в Луцке, весьма лаконичную и отличающуюся по стилю от велеречивых пассажей этих годов: «Пасаше (опоясывал. – Т. В.) Болеслав сыны боярьскы мечемь многы».

Лавр за XIII в., по сравнению с записями предыдущего века, использует слово «бояре» более интенсивно. Особенно велико содержание его в разнообразных перечислениях из статей первой половины столетия³⁷⁹. Перечни, включающие «бояр и горожан», «бояр и мужей и народа» и т. п., чаще всего появляются в сценах торжественных встреч и прощаний. Такие описания торжеств часто копировали книжные образцы,

³⁷⁶ Для ПВЛ – 0,147 упоминания на столбец (ок. 15 упоминаний на 100 стб.), Лавр XII в. – 0,256 (если не включать статьи 1176–1177 гг. и 1186 г., то 0,12). Ипат XII в. – 0,072 (ок. 7 на 100 стб. текста). Лавр XIII в. – 0,43, ГВЛ – 0,457. Таким образом, если учитывать объем, частотность в Лавр примерно сопоставима с ГВЛ (43 и 46 на 100 стб.).

³⁷⁷ Особенно выразительно это проявляется на фоне другой лексемы, «мужи». Ср: в Лавр «мужи» – 30 примеров, то есть приблизительно столько же, сколько «бояр», а в Ипат – 200 (если не учитывать окончание ПВЛ, то ок. 190), притом в использовании слова «мужи» в Ипат имеются пики частотности. 1111 г. (5). 1114 г. (7). 1136 г. 1140 г. (4) – 1141 г. 1145 г. – 1146 г. (14) – 1147 г. (3) – 1148 г. (4) – 1149 г. (14) – 1150 г. (9) – 1151 г. (5) – 1152 г. (16) – 1153 г. (2) – 1154 г. (4). 1157 г. 1159 г. (3). 1161 г. (5) – 1162 г. 1164 г. – 1165 г. 1168 г. – 1169 г. (5) – 1170 г. – 1171 г. (2) – 1173 г. – 1174 г. (3). 1177 г. (2) – 1178 г. (9) – 1180 г. (3). 1184 г. (4) – 1185 г. (14). 1187 г. (6) – 1188 г. (5) – 1189 г. (6) – 1190 г. (8). 1192 г. – 1193 г. (4) – 1194 г. – 1195 г. (12) – 1196 г. (9). Это не значит, что составитель или редактор Киевского свода вовсе избегал слова «бояре», но оно не входило в излюбленный ряд формул и было сравнительно редким. Так, в статье 6677/1167 г., где он, судя по всему, подправил изложение раздора между Мстиславом Изяславичем и его дядей Володимиром Мстиславичем, «бояре» встречаются в речи Володимира Мстиславича. В остальном же летописец предпочитает называть их «мужами» или «дружиной» (подробнее об этом сюжете см. гл. 2, III.3).

³⁷⁸ В том числе – запись о рождении сына новгород-сверского князя Игоря Святославича, с дневной датой (562И), и владими́ро-суздальские записи. Вероятно, „новгород-сверские» известия связаны с продолжением летописца Святослава Ольговича, отца Игоря, см.: *Вілкул Тетяна*, Літопис Святослава Ольговича у складі Київського зводу XII століття // До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Т. II. Київ-Львів, 2004. С. 63-74.

³⁷⁹ В Лавр из 26 упоминаний «бояр» – 15 перечней (в Сим-Тр еще 5, из 10). Для сравнения: в ПВЛ 17 из 41 по Лавр редакции или 20 из 46 по Ипат. В Лавр за XII в. 6 из 32, Ипат за тот же период – 7 из 36.

и, соответственно, они демонстрируют не «рабочую терминологию», а следование определенному этикету³⁸⁰. Иную функцию слово «бояре» выполняет для середины и второй половины века, то есть записей 1252, 1254, 1255 и 1283–1284 гг. В первом случае описывается «злой совет»: Андрей Ярославич «здума с бояре», решил не служить татарам и в результате потерял великое княжение, перешедшее к его брату Александру. Конфликт, возможно, скрывает и сообщение 1254 г. об отходе Ярослава Ярославича в Ладогу, но на вид оно вполне нейтральное (князь отъехал с боярами, и ладожане приняли его с честью). В 1255 г. речь уже явно идет о конфликте, под боярами на самом деле кроется войско Александра Невского, ходившее на непокорный Новгород³⁸¹. Под 1283–1284 гг. известие об «избитых» татарами боярах играет роль обвинительного аргумента в описании конфликта липовицкого и курского князей, усобица которых привела к вмешательству татар и довольно печальным последствиям. Все отмеченные статьи резко выделяются на фоне этикетных сообщений 1206–1239 гг. – сплошных встреч, торжественных церковных ходов и плачей на похоронах³⁸².

В целом и Лавр XII–XIII вв., и Киевский свод XII в. продолжают традицию ПВЛ – слово «бояре» появляется, как правило, в пространных повествованиях³⁸³, и то далеко не во всех. Выбор зависел от летописца и не поддается сейчас точному определению, но, по приблизительным подсчетам, чаще всего «бояре» называются в ситуациях, требовавших высокого стиля. Достаточно часто это были сообщения о торжествах, совещаниях или же нормативные описания конфликтов. Таким образом, выбиваются из общего ряда ГВЛ XIII в. и НПЛ XI–XIII вв.

В НПЛ лексема относится к редким. Из собственных новгородских записей можно назвать 2 за XII в. (1118 г., 1137 г.) и 4–5 за XIII в. (1259 г., 1263 г., 1264 г. и 1269 г., как считать – зависит от того, включается ли «кровь боярская» 1259 г.). Такое словоупотребление вполне объяснимо. НПЛ чуть ли не единственная из летописей, где краткие формульные летописные записи, равно как и принцип их погодного ведения, проявились в более-менее чистом виде. Для конца XI – первой половины XII в. обозначение «бояре» было не рабочим, а парадным, и, соответственно, НПЛ, отражавшая преимущественно рабочий пласт терминологии, использовала его крайне редко. Исключение – ранние

³⁸⁰ В том числе агиографических. Ср. в «Памяти и похвале» Володимиру: «бояром своим и всем мужем своим»; в пространном перечислении из Жития Володимира: «... бояре... люди... сироты... нищии и вдовици». Древнерусские княжеские жития. С. 27, 42.

³⁸¹ Подробнее см. гл. 2, П.5, а также третью главу.

³⁸² Правда, в Сим-Тр также имеются этикетные сообщения 70-х гг. XIII в., так что, вероятно, какая-то доля описаний торжеств и формальностей приходилась и на вторую половину столетия.

³⁸³ Для Ипат единственное краткое сообщение – статья 1118 г.: «Выбъже Ярослав Святополчич из Володимира Угры и бояре его и отступиша от него»; 285И. Кстати сказать, в параллельном известии Лавр о бегстве Ярослава, частично совпадающем с Ипат текстуально, о боярах ничего не сказано.

упоминания 1118 г. и 1137 г. Их можно связать с каким-то ученым летописцем, ведь в записях этих лет отмечены индикты и книжная топка. Во второй половине XII – начале XIII в. новгородские летописцы вводят параллельные обозначения: «огнищане» (статьи 1166 г., 1195 г. и 1234 г.) и «вячшие» (1193 г., 1199 г., 6717/1207 (1209) г., 1215 г., 1228 г., 1240 г., 1269 г., 1293 г.)³⁸⁴. Сложно сказать, насколько эти слова распространены были в Новгороде. «Огнищане», например, встречаются только в Русской Правде и НПЛ³⁸⁵. Поскольку такой должности, как «летописец», не существовало, летописцы выполняли по совместительству должность секретаря новгородского епископа (позднее архиепископа) и одновременно переписывали книги и документы³⁸⁶, нет полной уверенности в том, не повлияла ли на новгородского книжника актовая терминология. Тем не менее, в итоге в новгородской летописи XII–XIII вв. сложилось словоупотребление, отличное от иных сводов. «Вячших», к примеру, нет в Ипат и Лавр, где, правда, отмечены иные наименования того же рода: «лѣпшии», «лутшии», «переднии» и «добрыи» мужи. Примечательно, что такое определение, как «вячшие», в НПЛ не переходит за границу XIII в. (1193–1293 гг.), тогда как «бояре» встречаются и позднее. Повторно «бояр» ввели в текст летописи во второй половине XIII в. Вероятно, сделал это летописец архиепископов Спиридона и Далмата (по классификации А. А. Гиппиуса, вел записи 1226–1274 гг.)³⁸⁷. Обращает на себя внимание хронологическая близость серии записей с этим словом, 1259–1269 гг. По мнению А. А. Гиппиуса, долгожитель-летописец был весьма начитанным, поэтому с достаточно высокой степенью вероятности можно предполагать, что выражение «ясти силныхъ плъти и пити кровь боярьскую» 1259 г., являющееся парафразом «Откровения Мефодия Патарского»³⁸⁸, также принадлежит ему и показывает путь освоения термина.

³⁸⁴ В основном с добавкой «мужи», без определяемого слова – под 1193 г., а также под 6717/1207 г. в НПЛ старш. ред. НЛ, с. 41, 232; 44, 238; 51, 248; 55 (в НПЛ мл. ред. проп. фрагмента); с. 66, 271; 77, 449 (в НПЛ мл. ред. – только в Воронежском списке, в других списках – «болших», с. 294); 88, 319, 328 (в последнем случае в НПЛ старш. ред. отсутствует тетрадь, и ссылка только на НПЛ мл. ред.).

³⁸⁵ А также в некоторых поздних сводах, зависимых от НПЛ мл. ред. (Новгородской IV, Софийской I, Тверском сборнике и др.). См.: *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря. С. 214. Об «огнищанах» см., например: *Носов Е. Н.* Огнищане и проблема формирования новгородского боярства // *История и культура древнерусского города.* М., 1989. С. 44–52.

³⁸⁶ *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста. С. 8–9.

³⁸⁷ *Гиппиус А. А.* Лингво-текстологическое исследование. С. 22.

³⁸⁸ См. в списках Откровения Мефодия: «...да ясте плъти силныхъ и пиете крове и силныхъ и боларьскыи»; «...да ясте плъти сильныхъ и пиете крове боларьские». *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. Исследование и тексты. М. 1897. С. 93; *Гькова-Займова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 168. Кстати сказать, в Откровении нет противопоставления «боярь» и всего множества «человѣкъ» (что, возможно, объясняет некоторые особенности первого появления слова «бояре» в НПЛ в XIII в., см. третью главу, прим. 143).

Кардинально иная ситуация в ГВЛ. В ней высокое число упоминаний бояр (102) и сравнительно немного, всего четвертая часть из них, приходится на перечни. При этом перечисления тоже преимущественно рабочие, из описаний войска и двора князя, а не торжественных встреч или прощаний. Если учитывать объем текста, частотность сопоставима с Лавр за XIII в., но функция кардинально отличается, поскольку в ГВЛ слово имеет дополнительные значения. Оно может обозначать 'войско' и служить аналогом того, что обычно в летописях обозначается как «дружина». Кроме того, является синонимом обозначений «галичане» и «володимирцы» в ситуациях, обычно определяемых как вечевые. Так, в двух фрагментах начала свода, помещенных в И под 6710 (1202) г. и 6716 (1208) г., «галичких бояр» встречаем в рассказе о приглашении и посадении князей³⁸⁹. А повествование о конфликте Мстислава Даниловича с Юрием Львовичем 1289 г. содержит речь владимирских бояр об их согласии выступить в поход вместе с «дѣтьми»³⁹⁰. Володимирцы расписываются и за своих детей, что сближает текст ГВЛ с известиями Лавр и Ипат 1147 г., 1149 г. и 1177 г., традиционно квалифицируемыми как известия о договоренности с вечем о выступлении в поход. В то время как ГВЛ пишет о «боярах», в параллельных известиях других летописных сводов XIII в., НПЛ и Лавр, говорится о «галичанах»³⁹¹. И если в НПЛ речь идет о походах и о галицком войске, то в статье 1206 г. Лавр – непосредственно о действиях горожан³⁹².

Такое расширительное толкование слова «бояре» в ГВЛ объясняется, по-видимому, тем, что ее первый галицкий (холмский) составитель интензивно использовал так называемый Иудейский хронограф³⁹³. Он не только прямо заимствовал из этого источника, но и моделировал и стилизовал свое повествование под хронографические сюжеты, в которых «боляре»—«бояре» выполняют, условно говоря, «вечевые» функции, в

Ср., например: «...падоуть мѣчемь вси боляре елиньсци... изъшьди бо езыици тыи от сѣвара и ясти начноуть плъти челоувѣче и крѣви скотие пыти». *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Пагарского. С. 93, 98.

³⁸⁹ Как уже отмечалось, в Хл даты отсутствуют. 6710 (1202) г.: «...галичии бояре... послаша по нихъ (князей-Игоревичей. – *Т. В.*) и посадиша и в Галиче»; 718И. 6716 (1208) г.: «Тогда же бояре володимьрстии и галичкьи, и Вячеславъ Володимьрскыи, и вси бояре володимьрстии и галичкьи и воеводы угорьскыя, и посадиша князя Данила на столѣ отца своего... во цркви святѣя Богородица»; 726И. Ср. также 774И, 787–791И.

³⁹⁰ «Мстиславу же рекоша боярѣ его и братни бояре: “Господине, сыновѣцъ твои велику соромоту возложи на тя... можемь, господине, головы своѣ положить за тя, и дѣти наши”»; 928И.

³⁹¹ См. НПЛ под 1219 г., НИ, с. 59; 1235 г., НИ, с. 73; а также суздальские своды, под 1206 г., 425–427Л; 1218 г., 502Л; 1223 г., 506Л.

³⁹² «Галичане же цѣловаша крестъ къ сыну его (Романа Мстиславича. – *Т. В.*) Данилу»; 425Л. «Слышав же галичане с Романовичема, аже идетъ рать на ня силна отвсюду, и убо-яшася зѣло, и послашася г королеви, помочи прося у него»; 426–427Л. «Галичане же... здумавше послашася по Володимера Игоревича отаи»; 427Л. Подробнее об этом сюжете – в гл. 2, II.10.

³⁹³ Литературу и обзор проблемы см.: Словарь книжников и книжности. Вып. 1. С. 239.

описаниях публичных совещаний или взаимодействия правителя и его подданных³⁹⁴. Что касается книг, входивших в Хронограф. По Хронике Амартола, «болярский сбор» или «боляре» могли принимать законы, «наречь» цесарем и сбросить с трона: убить, «урезать носа» и отправить в ссылку³⁹⁵. В Хронике Иоанна Малалы также читаются эпизоды, где «...боляре царя поставиша», «...поставиша бояри и царь бысть»³⁹⁶. Иначе в иных памятниках, Александрии³⁹⁷ и «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, хотя и здесь можно встретить пассажи наподобие: «Видяще же боляре градстии вазньство Ирканово и съ сынама, завидяще, рать въздвигоша на ня, но Ирканъ побѣди воя и расточи ихъ»³⁹⁸. Скорее всего, именно такие картины взаимоотношений «бояр» и царей и послужили моделью, от которой отталкивался галицкий книжник. Во второй, волинской части ГВЛ преобладает влияние предшествующих ей летописей, ПВЛ и Киевского свода, иные фрагменты представляют собой своеобразное лоскутное одеяло, сшитое из микрозаимствований

³⁹⁴ Например, об Аврааме и египетском «царе»: «И звѣздословцем же и влѣхвом собравшимся, царь купно съ Авраамом и съ боляры своими съдѣша, и вѣм умлѣкнувшим». О происхождении царских одежд: «... бояром же и сановитым и воинном его (царя. – Т. В.)», – перечислены все те, кто были вхожи к царю. См.: Хронограф Виленский. Л. 29об., 37. Первый сюжет из Амартола (ГА 82.25 и далее), второй – из Малалы (кн. 2, об обретении конхилии). Описание состава Иудейского хронографа, относительно этих сюжетов: *Истрин В. М.* Александрия. С. 329, 332.

³⁹⁵ См.: например: ГА 222.17, 402.9–10, 329.8, 449.4–5. Ср. также «свѣтом боляръ гречьскихъ», напоминающее «свѣтом бояр галичскихъ» из ГВЛ, ГА 374.4–5.

³⁹⁶ См.: *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы. С. 271, 316. В тексте слово встречается около 100 раз: Там же. С. 77, 82, 83, 84, 85 (3), 89, 107, 114 (4), 115, 118, 146 (3), 147, 173 (2), 178, 180, 182 (3), 189, 190 (2), 191 (2), 192 (4), 193 (6), 194 (5), 195 (6), 223, 225 (2), 226, 228 (3), 229 (2), 230 (2), 235, 265, 271, 272 (2), 305, 306, 308 (2), 310, 312, 313, 314, 315 (2), 316 (4), 317 (2), 318, 319 (3), 335, 337, 338, 339, 340, 355 (2), 357. В Иудейский хронограф входили книги I–II, IV–X, в переиздании Хроники Малалы 1994 г. – до с. 272 (ок. 70 примеров). Вместе с тем в древнерусских летописях заимствования не ограничиваются книгами I–X.

³⁹⁷ Всего в Александрии «боляринъ»–«боляре» использовано 12 раз. *Истрин В. М.* Александрия. С. 49 (2), 53, 56 (2), 60, 64, 66, 68, 70, 71, 74. Обычно «боляре» упоминаются наряду с «воеводами» или в роли советников, но скорее в советах частных. Широкие совещания включают все войско Александра. Необычный перечень: «...ни прсыянина, ни макидонянина, ни болярина, ни пѣша, ни конника» (в описании битвы, «боляре» на месте колесничих; Там же. С. 49).

³⁹⁸ Хронограф Виленский. Л. 504. *Истрин В. М.* Александрия. С. 340.

В древнерусском переводе «Истории иудейской войны» «боляре»–«бояре» встречаются 12 раз, в основном в роли советников и ближайшего окружения царя. Все примеры, за исключением одного, – в пределах первой книги: см.: «История иудейской войны. Т. 1. С. 725, а также 3536.8 (отсутствует в указателе). В свою очередь, в других книгах чаще упоминаются «велможи». Одновременно с этим, в первой книге встречаются некоторые архаические формы. Например, отыменные образования на «-ичи», практически отсутствующие в остальных книгах перевода («Антигоновичи», «Иродовичи» и пр. в летописях подобные выражения сосредоточены в статьях XII в. и позже не встречаются: *Вилкул Т. Л.* Давньоруське «чадь»: соціальна інтерпретація терміна і поняття // УДЖ. 1997. № 4. С. 68–76). То есть словоупотребление в первой книге и последующем тексте имеет различия. С чем связаны эти особенности, неясно. Возможно, вытеснению обозначения «боляре» способствовало поновление языка последующими переписчиками.

и стилизованного текста³⁹⁹. Соответственно, слово «бояре» здесь реже используется в расширительном значении и чаще попадает в перечнях⁴⁰⁰. Вместе с тем в окончании свода использовалась и предыдущая галицкая традиция, поэтому полного возврата к «стандартному» летописному словоупотреблению не произошло. Из этих наблюдений можно заключить, что галицкие и волынские летописцы оказались в ситуации, аналогичной той, в какую попал в свое время составитель ПВЛ, – наличие нескольких книжных образцов, множественность значений и размытость терминологии. Предпочтения книжников XIII в. оказались иными, чем у составителя ПВЛ, который предпочел «дружину»; сказался более чем столетний разрыв. Таким образом, «бояре» как синоним «галичан» и «володимирцев» – результат повторного обращения одного из составителей ГВЛ к сочинениям своих предшественников. На каком-то этапе наиболее влиятельным образцом стали сочинения хронографические, что и обусловило специфический ряд значений слова в этом своде.

Перечни социальных групп. Одним из способов описательного сообщения о собрании горожан было перечисление групп участников с разбивкой их, условно говоря, по социальному признаку. Это «мужи отец и люди градьские» 1096 г.⁴⁰¹, «бояре и кияне», «бояре и людье» 1097 г.⁴⁰², «бояре и дружина кияне» 1147 г., «огнищане, гридь, купьце вячьшее» 1166 г., «бояре и люди», «бояре и велможи и купци» 1177 г.⁴⁰³ и «бояре и мѣстичи» 1287 г.⁴⁰⁴ Помимо летописных материалов, подобные

³⁹⁹ Этот метод на примере некрологов, в том числе некролога Володимира Васильковича из волынской части ГВЛ, см.: *Толочко А. П.* Похвала или житие? О заимствованиях в ГВЛ из ПВЛ и Киевского свода в светской части: *Вилкул Т. Л.* О некоторых источниках литовских известий Галицко-Волынской летописи // *Lietuvos didžiosios kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija.* Vilnius, 2006. S. 17–30.

⁴⁰⁰ Обычные для летописей перечни («бояре и люди», «бояре и дружина» и т. п.) в первой части ГВЛ достаточно редки, о чем далее. Некоторые из них – позднего происхождения, как, например, запись под 1206 г., 723И, «боярь угорьстѣи и вся земля». Выражение это появляется в рассказе о намерениях венгров женить Данила, каковое, весьма вероятно, является позднейшей вставкой. *Фонт М.*, «Житие» Данила Романовича // Тезисы Международной конференции, посвященной 750-летию коронации князя Данила Романовича и 700-летию создания Галицкой митрополии. Львов, 8–9 ноября 2003 г. (в печати).

⁴⁰¹ Святополк и Володимир Мономах звали Олега Святославича: «Поиди Киеву, да порядь положимъ (Ипат «кучинимъ») о Русьстѣи земли пред епископы и пре игумены, и пред мужи отец нашихъ и пре людьми градьскими»; 229Л – 230И.

⁴⁰² После того как был схвачен Василько Тербовльскый, описывается совет с киевлянами: «Святополкъ созва боляръ и кыянь и повѣда имъ... и рѣша бояре и людье»; 259–260Л – 233–234И.

⁴⁰³ Восстание во Владимире-на-Клязьме с требованием ослепить побежденных князей. «Бысть мятежь великъ в градъ Володимери, всташа бояре и купци»; 385Л – 605И. «...по малъ же дни всташа опять людье вси и бояре (РА доб. «и вси велможи и до купецъ»); 385Л.

⁴⁰⁴ В последнем случае речь идет об уведомлении жителей города о договоре князей друг с другом, когда Володимир Василькович завещал свое княжение после своей смерти двоюродному брату Мстиславу Даниловичу, текст приводился выше; 905И. «Мѣстичи» – вероятно, часть жителей города, управлявшаяся по немецкому (магдебургскому) праву. Во всяком случае, такой вывод можно сделать на основании позднейших документов.

формулы отмечены для новгородских договорных грамот, где обозначением «всего Новгорода» есть «все старѣише и все меншиє»⁴⁰⁵.

Разумеется, перечни не являются изобретением летописцев. В славянских переводных и оригинальных памятниках они довольно многочисленны и разнообразны. В тех текстах, где отсутствует слово «боляре»⁴⁰⁶, например, славянских Евангелиях, Псалтыри и др., нет и перечислений, подобных летописным, но имеются иные, включающие «старейшин» и пр., часто более многословные и дробные. Так, в Мстиславовом Евангелии, в описании праздника, устроенного Иродом по поводу дня рождения, Мк.6.20–21: «Егда Иродъ рожеству своему вечерю обѣдъ творяше, вельможамъ и тысущъникомъ и старѣишинамъ галилеискамъ». Или из Паримейника, Быт.50.4: «Вси отроци фараонови, и старци дому его, и вси старци земля египетския»⁴⁰⁷. Оригинальные древнерусские произведения раннего периода уже вводят «боляр» в перечни, как то сделано в Сказании о чудесах Бориса и Глеба: «Князи и все болярство и все старѣишинство... и съпроста рещи всяко множество», «вельможѣ и все болярство», «чърноризци и болярстви и людне бещисльное множество»⁴⁰⁸, – и в некоторых других текстах⁴⁰⁹.

Ближе всего к летописным перечни из некоторых ветхозаветных текстов и Хроники Амартола. Так, в Книге пророка Иеремии: Иер.25.19 «фараона... и вельможа его и вся люди его»; Иер.26.11 «княземъ и всѣм людемъ»; Иер.34.10 «вся вельможа и вси людие»⁴¹⁰. В Хронике Георгия

Щигел Р. Проблеми урбанізації Центральної Європи у XII–XVI ст. // Проблеми слов'язнознавства. Вип. 42. Львів, 1990. С. 16–24; *Ludat Herbert*, Pojęcie “miasto” w Europie Wschodniej. Przyczynek do dyskusji // In: Ludat H. Słowianie – Niemcy – Europa. Wybór prac. Marburg–Poznań, 2000. S. 154–168. Считают, что в ГВЛ здесь речь идет о вече: *Пресняков А. Е.* Княжое право. С. 155, прим. 1; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 320; *Пацито В. Т.* Очерки истории. С. 123.

⁴⁰⁵ ПРП. Вып. 2. С. 135, 137, 138.

⁴⁰⁶ См. выше. Следует добавить, для древнейшего периода достаточно редко также и «вельможи». К примеру, в памятниках старославянского языка оно попадает лишь дважды, оба примера в Супрасльской рукописи; Старославянский словарь. С. 112. К стати сказать, в Супрасльской рукописи, где 7 раз фиксируется «боляре», это слово, как правило, не входит в перечни (Супрасльская рукопись. 58.2, 58.21–22, 66.5, 195.18, 198.10, 216.7, 562.25), за исключением одного случая: «и болярюмъ и княземъ» (Там же. 216.7).

⁴⁰⁷ См. также в Мстиславовом Евангелии, Лк.22.66: «Събърашася старци людъстии и старѣишины жръчыскы и книжъници». Апракос Мстислава, 2066.9–14, 1216.13–15. В Паримейнике, Иса.3.1: «...исполина могуща, челоувѣка храбра, судию и пророка, смиренника и старца, и пятидесятника и дивна съвѣтника, и мудра художника...»; Паримейник НБУ. Л. 18в, 59б.

⁴⁰⁸ *Бугославский С.* Україно-руські пам'ятки. С. 169–170.

⁴⁰⁹ В «Памяти и похвале» Иакова Мниха о трапезах князя Володимира: «...собѣ и бояром своим и всем мужем своим»; Древнерусские княжеские жития. С. 27. В Житии Ефросиньи Полоцкой: «Вы же блазии послушницы, князи и боляре и церковницы и честнии собори святых, сущии в монастырех, и простои люди»; Там же. С. 146. Далее: «...собрашася и князи и сильнии мужие, иноки и инокия и прости людие», с. 152. Не исключено, однако, что путь введения «боляр» в перечисления был непростым. К примеру, перечней со словом «боляре» нет в одном из наиболее ранних памятников, Житии св. Феодосия, хотя «боляре» здесь на удивление частотная лексема.

⁴¹⁰ Острожская Библия. Л. 105/2, 105/2об., 106/2об., 109/2об., 110/2об.

Амартола социальные градации отмечены в эпизодах принятия «политических решений». Скажем, исцеление царя Константина и его крещение включает такой пассаж: «Се сборъ болярьскыи видѣвъ и весь народъ...» Об избрании императора Ираклия говорится: «Боляре съ всѣми людми нарекоша и цесаремъ въ Велицѣи церкви». Аналогично проводилось избрание Михаила: «Наречен бысть цесаремъ на подруги (ипподроме. – *Т. В.*) бояры и всѣми чинми»⁴¹¹. Подобно этому, в Хронике Малалы можно найти выражения «боляры и все люди», «бояре и гражане», хотя нередко последовательность перечисления обратная: «народ и бояре», «гражане и бояре»⁴¹². Иная традиция – в переводе «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, где упоминания социальных групп не собраны в компактные формулировки и их необходимо вычленять в контексте рассказа. Создается впечатление, что стандартные летописные формулы в основном связаны с традицией ПВЛ, а этот свод, в свою очередь, ориентировался на ветхозаветные книги и Хронику Амартола.

В ПВЛ доля перечислений довольно высока. Начинаются они с договоров с греками, продолжаютсѧ «боярами и старцами» времени Володимира Святославича, затем исчезают и вновь обнаруживаются в записях 1086–1097 гг. и 1112–1115 гг. (последняя серия – только в Ипатьевской редакции). Как правило, на первом месте стоят «боляре–бояре», с двумя исключениями – под 911 г. и 941 г. во главе поставлены «князья» или «княжье». Здесь, по-видимому, сталкиваемся с вариативностью перевода, ведь греч. ἄρχοντες могло переводиться как «князья», «боляре», «старци»/«старѣишины» и др.⁴¹³ В сводах XII в. число

⁴¹¹ См.: ГА 332.15–16, 433.13, 488.14–15.

⁴¹² Всего около 35 перечислений. См. «воины/вои и весь народ» (*Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы. С. 76, 195, 348 (2)), «бояре и сановити и воины» (Там же. С. 77), «боляры и все люди» (с. 83), «бояре и гражане» (с. 84, 118, 192 (2), 223, 355), «гражане и бояре» (с. 89, 107, 146, 147, 182), «бояре и воины/вои» (с. 114, 195 (2)), «бояре и гражане и воины/вои» (с. 146), «народы/народ и бояры» (с. 189, 315), «гражаны и вои» (с. 192, 194), «боляры и воя и народ» (с. 193, 194), «боляре и вси» (с. 193), «боляре и народ» (с. 305, 313), «вои/воины и бояре» (с. 308, 335), «вои вси и бояре и чинове воинстии» (с. 308), «бояры и град весь» (с. 316). Кроме того, здесь же в перечислениях может появляться «страна» (с. 114 «от боярь и от всея страны тоя»; с. 182 «воеводы и всю Аргнискою страну»). В некоторых памятниках обратная последовательность перечисления может объясняться вмешательством переписчиков (ср., например: *Павлова Р.* Культ св. великого князя Мстислава у южных славян (материалы) // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. М., 2004. С. 86, 84), но не в данном случае, поскольку здесь перевод Малалы довольно точно следует греческому.

⁴¹³ О варьировании лексем «князи» – «бояре» раннего периода: *Завадская С. В.* К вопросу о старейшинах. С. 39; *Завадская С. В.* «Болярин»–«боярин». С. 94. Под 945 г. в соседних строках «княжье и вси людии» и «боляре и людье вси», 47Л – 36И. Что касается перечней в ПВЛ, всего их 17 по Лавр редакции ПВЛ и 20 по Ипат. 911 г. – 1, «похогѣнем наших великих (так РА, великих нет ИХЛ, Л проп.) князь, и по повелѣнию от всѣх иже суть под рукою его сущих руси», 33Л – 24И. 941 г. – 4, «Романъ же созва боляре и сановники», 46Л; «от всякоя княжьа (ИХЛ всея княжьа) и от всѣхъ людии Руския земля», «боляре его и людье вси рустии», «со всѣмъ болярствомъ и со всѣми людьми гречьскими», 47Л – 36И. 971 г. – 2, «иже суть под мною русь: боляре и прочии», «боляре и русь вся», 72–73Л. 987 г. – 3, «созва

перечней уменьшается, Лавр содержит всего 6 примеров⁴¹⁴, Киевский свод – 8⁴¹⁵. В летописях XIII в. они снова учащаются, притом компоненты выражений становятся более разнообразными («бояре», «мужи», «граждане», «вся земля», «народь», «слуги»). В Лавр отмечены 15 случаев, все на пространстве 1206–1239 гг., и в Сим-Тр – еще 5, в статьях 1270-х гг.⁴¹⁶ В ГВЛ насчитывается 22 примера, большая часть из них (18) приходится на волынскую часть свода⁴¹⁷. НПЛ представляет осо-

Володимерь бояры своя и старци градськиѣ», 106Л; «рѣша бояре и старци», 107Л; «созва князь бояры своя и старца», 108Л. 996 г. – 3, «бояром и старцемъ людьскимъ», 124Л; «бояры своя и посадники старѣишины по всѣмъ градомъ и люди многоѣ», 125Л; «бояром и гридем и съцьскимъ и десяцьскимъ и нарочитымъ мужемъ», 126Л. 1086 г. – 1, «и вси бояре... и вси князе», 206Л. 1093 г. – 1, «и собращае епископи и игумени... и бояре и простию людье», 217Л. 1097 г. – 2, «созва боярь и княнь», 259Л; «бояре и людье», 260Л. 1112 г. – 1, «князь... и бояре и вси людье радовахуся», 274И. 1113 г. – 1, «плакашеся по немъ бояре и дружина его вся», 275И. 1115 г. – 1, «князи же и бояре и вси людие празноваша», 282И. «Вельможи» встречаются единственный раз, под 1037 г., вне перечня в библейской цитате, 152Л. Поэтому список практически совпадает с перечислениями, где на первом месте «бояры», кроме записей под 911 г., 33Л и 941 г., 47Л.

⁴¹⁴ 1144 г. – 1, «Всеволодъ... приде... со всѣми бояры и с княны Переяславлю на свадбу», 311Л. 1150 г. – 1, «...повабившимъ его мужемъ Вячеславимъ и берендѣемъ и кианомъ», 329Л (ЛИ). 1177 г. – 3, «...совокупивъ ростовци и бояре гридбу и пасынки и всю дружину», 380Л; «...всташа бояре и купци», 385Л (ЛИ); «...всташа опять людье вси и бояре» (по РА и ЛПС «...бояре и вси велможи и до купецъ»), 385Л. 1186 г. – «...а бояре и велможа и вся дружина избита а другая изымана и та язвена», 398Л.

⁴¹⁵ 1147 г. – 1, «Изяславъ же съзва бояры своя и всю дружину свою княне», 343–344И. 1148 г. – 1, «...съзваша бояры свое и всю дружину», 380И. 1150 г. – 1, «...повабившимъ его мужемъ Вячеславимъ и берендѣемъ и кианомъ», 409И (ЛИ). 1173 г. – 1, «боярь... и мщию», 564И. 1177 г. – 1, «бояре и купци», 605И (ЛИ). 1185 г. – 1, «...и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своимъ», 638И. 1187 г. – 2, «...созва мужа своя и всю Галичкую землю», 656И; «...бысть радость... бояромъ и всѣмъ людемъ», 659И. Названия типа «лутшии» (322И, 341Л – 467–468И, 528И), «лѣпшии» (415Л, 307И, 534И, 610И, 614И, 622И, 670И, 673И, 676И), «передние» (520И, 522И, 524И), «добрые мужи» или «добрые люди» (622И, 642И) не используются в перечислениях. В этом случае социальные градации задаются описательными конструкциями. Например, под 1178 г. в панегирике умершему Мстиславу Ростиславичу сказано, что о нем горевала «вся земля Новгородская, наипаче же... лѣпшии мужи», 610И.

⁴¹⁶ 1206 г. – 4, «и вси бояре отца его и вси купци», «и вси людье и всѣ мужи отца его», 422Л; «и бояре вси и боярыни и черници... и горожане вси», 424Л; «и вси мужи отца его и горожане вси от мала и до велика», 428Л. 1212 г. – 1, «и вси бояре и мужи и вся земля власти его», 437Л. 1217 г. – 3, «с своими бояры и слугы», «а прочих боярь и слугъ бещисла»; 440–441Л. 1223 г. – 1, «а боярь и прочих вои много множество»; 446Л. 1227 г. – 1, «и всѣмъ бояромъ и множество народа»; 449Л. 1230 г. – 2, «и бояре и вси мужи ростовския и игумени... и вси граждане от мала и до велика», 453Л; «и бояромъ и кианомъ множество и людемъ шедшимся»; 454Л. 1231 г. – 1, «и бояре и вси мужи ростовськиѣ игумени же и попове...»; 457Л. 1237 г. – 1, «а епископъ... и множество много боярь и всего народа людии»; 463Л. 1239 г. – 1, «плака бо ся весь град Володимерь по нем... и князи рустии плакахуся по нем с дружиною своею и множество боярь и слугъ плакахуся»; 468Л.

В Сим-Тр: 1276 г. – 1, «и множество боярь и епискупъ... и множество народа»; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 333. 1277 г. – 1, «с бояры и слугами»; Там же. С. 334. 1278 г. – 2, «и множество боярь и мужей и народа», с. 335; «бояре же и слуги», с. 336. 1283 г. – 1, «боярь изниманньхъ и черныхъ людеи», с. 341.

⁴¹⁷ Как уже было сказано, в процентном отношении перечисления составляют менее четверти всех упоминаний со словом «бояры», что сближает ГВЛ со сводами XII в.

бую традицию. Здесь перечисления со словом «бояры» встречаются в заимствованных повестях, а в записях о местных событиях присутствуют «огнищане, гридь и купщи»⁴¹⁸.

Как кажется, можно выделить несколько характерных выражений, свидетельствующих о работе определенных книжников или о локальных традициях. Например, только в Киевском своде встречаются «бояре и (вся) дружина» (1113 г., 1147 г., 1148 г. и 1185 г.), только и исключительно в перечнях Лавр XIII в. попадает «бояре и народ» (1227 г., 1237 г., 1276 г. и 1278 г.), НПЛ вписывает «огнищане и гридь» (1166 г., 1195 г., 1234 г.), в иных сводах они не предстали. Впрочем, в остальных компонентах выражений слишком вариативны, чтобы определить индивидуальную манеру сводчиков⁴¹⁹.

1206 г. – 1, «боярь угорьсти и вся земля», 723И. 1208 г. – 1, «бояре мнози и вои», 725И. 1235 г. – 1, «со всеми бояры и снузники», 777И. 1249 г. – 1, «вое нарочиты: бояре и инии ляховъ», 800И. 1261 г. – 3, «бояре своими и слугами своими», «боярь и людье добрии», 851И; «бояре... та же вси от мала и до велика», 854И. 1262 г. – 1, «и с бояре и со слугами», 856И. 1268 г. – 1, «от боярь и от простыхъ людии», 867И. 1272 г. – 1, «к бояромъ и ко простымъ людемъ», 870И. 1277 г. – 2, «лутьши своѣ боярь и слуги», «боярь вси Мьстиславъ и Львовъ слугы вси», 877И. 1280 г. – 1, «бояре и слуги добръѣ», 882И. 1281 г. – 1, «се вси мои людье и боярь», 884И. 1285 г. – 1, «боярь и простую чадь», 896И. 1286 г. – 1, «вси людье, боярь и прости», 897И. 1287 г. – 4, «боярь и слуги», 899И; «бояры володимѣрьския брата своего и мѣстичъ русци и нѣмцѣ», 905И, «с бояре своими и со слугами», 908И; «с бояре своими и слугами», 910И. 1289 г. – 2, «с бояре своими и со слугами», 928И, «к бояромъ къ простымъ людемъ», 933И. 1291 г. – 1, «боярь его и слугы его», 937И.

⁴¹⁸ В Повести о взятии Царьграда фрягами, 1204 г.: «бояры и все люди»; НІ, с. 48. В повести о Глебе рязанском, 1218 г.: «бояры и дворяне»; НІ, с. 58 (в Лавр этот же текст в иной редакции, «бояре и слуги»; о «дворянах», в частности, в этом сюжете, см.: Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 104–123). «Огнищане, гридь и купщи» – под 1166 г., 1195 г. и 1234 г.; НІ, с. 32, 42, 73. Что касается слова «купщи», оно встречается также в Лавр в записи 1177 г. и 1206 г., и его иногда интерпретируют как обозначение торговых людей: Сергеевич В. И. Вече и князь. С. 36; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 156; Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 672–674. Отмечалось, однако, что в подобных случаях слово «купщи» является синонимом «простых людей». См.: Алешковский М. Х. Социальные основы формирования. С. 100, 104; Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова // Исторические записки. М., 1979. Т. 103. С. 246; Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 167; Колчин Б. А., Янин В. Л. Археология Новгорода 50 лет // Новгородский сборник 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 115; Буров В. А. Сотенная структура древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1989. Вып. 2. С. 58; Кучкин В. А. Ранние свидетельства о сотских и сотнях // Древняя Русь (вопросы медиевистики). М., 2006. № 1 (23). С. 16.

⁴¹⁹ Так, перечни, где одним из составляющих является «вся земля», содержатся в Ипат под 1187 г. и 1206 г. В обоих случаях речь идет о галицких князьях – Ярославле Володимировиче и Даниле Галицком. Учитывая то, что последняя запись принадлежит к серии легендарных сообщений о детстве Данила, сделанных кем-то из редакторов свода, а первая касается Галича и отличается небывалой пышностью, можно было бы в обоих случаях заподозрить вмешательство составителя ГВЛ. Но выражение «вся земля» включается и в плач по Всеволоду Юрьевичу под 1212 г. из Лавр. Возможно, образом во всех трех случаях послужил текст Иер.34.1 («вси вои его, и вся земля власти его, и вси людие») или подобные ему.

Что касается содержания записей, помещающих перечни, можно сказать следующее. Репрезентативные перечисления требовались в разнообразных ситуациях: описании договоров, советов, празднеств, выступления в поход. Обозначения договаривающихся сторон видим в договорах с греками из ПВЛ. О договорах о наследовании и передаче стола речь идет под 1166 г. (НПЛ), 1187 г. (Киевский свод) и 1287 г. (ГВЛ). Перечисляли участников советов: под 987 г. и 1097 г. в ПВЛ; под 1147 г., 1148 г. и 1185 г. в Киевском своде. Столь же важно было отметить присутствовавших на праздниках, церковных и светских, чаще всего, свадьбах: 996 г., 1115 г., 1144 г., 1187 г., 1230 г., 1278 г. Или же встречах–прощаниях–похоронах: 1112 г., 1206 г., 1227 г., 1230 г., 1231 г., 1291 г. и 1086 г., 1093 г., 1113 г., 1212 г., 1239 г., 1276 г., 1278 г., 1286 г., 1289 г. Часто обозначали состав войска: 1177 г., 1195 г., 1208 г., 1232 г., 1235 г., 1249 г., 1261 г., 1262 г., 1277 г., 1280 г., 1281 г., – а также «избитых» вражеской армией людей: 1186 г., 1217 г., 1223 г., 1237 г., 1268 г., 1283 г., 1285 г. Похоже, у летописцев существовали свои предпочтения: Киевский свод чаще всего говорит о советах, ГВЛ описывает войско, а Лавр за XIII в. – встречи и похороны.

Большинство перечней двухчастные. Более дробные редки⁴²⁰, трехчастные появляются с XII в., но только в Лавр и НПЛ⁴²¹, в Киевском своде и ГВЛ их нет. Разумеется, это обстоятельство свидетельствует не о принципиальном различии южнорусских и севернорусских общественных порядков и не о «простоте» социального членения в Южной Руси. В некоторых детальнейших повествованиях Киевского свода задана достаточно дробная стратификация. К примеру, описание битвы Игоря Святославича под 1185 г. содержит такой пассаж: «Не бяхуть бо добръ (Хл «добрий», имеются в виду «добрые мужи». – Т. В.) смялися с ковуи, но мало от простыхъ (простых людей) или кто от отрокъ боярьскихъ. Добри бо вси бяхуться, идуще пѣши»⁴²². Словоупотребление Ипат XII–XIII вв., судя по всему, объясняется следованием литературным образцам. Составители Киевского свода ориентировались на ПВЛ и некоторые хронографические тексты, а галицко-волынские летописцы среди авторитетных образцов имели Иудейский хронограф, где в переводах византийских хроник преобладали двухчастные перечни⁴²³. Следует добавить, что именно такие двусоставные формулы законсервировались и чаще всего использовались в позднем летописании XIV–XVI вв., слабо коррелируя со стратификацией общества.

⁴²⁰ В ПВЛ под 996 г. и Лавр под 1177 г.; 125–126Л, 380Л.

⁴²¹ Впрочем, в НПЛ всего три таких перечня, для Лавр это тоже скорее исключение: за XII в. – записи 1177 г. и 1186 г., за XIII в. – 1212 г. и 1230 г., а также 1278 г. по Сим-Тр.

⁴²² 642И.

⁴²³ Что касается подробных повествований наподобие статьи 1185 г., фрагмент которой приведен выше, они напоминают изложение в «Истории иудейской войны», оказавшей влияние на Киевский свод.

«Съборъ». «Съборъ» («собор») – понятие, которое связывается с темой взаимоотношений правителя и народа теми, кто принимает теорию В. Т. Пашуто о представительских органах власти в Древней Руси. Собственно, термин «собор» приобрел в исторической литературе большое значение именно благодаря работам В. Т. Пашуто. Ученый предложил концепцию существования в Древней Руси развитой системы представительских коллективных органов власти: «собора», «веча», боярской «думы» и княжеского «снема»⁴²⁴. Под «собором» понималось расширенное собрание представителей всех слоев свободного населения. Надо сказать, на материале древнерусских источников выведение такого органа, как «собор», является умозрительным. В большинстве текстов, которые историк предлагал рассматривать как доказательство существования «собора», это слово отсутствует⁴²⁵, а в одном случае он неверно определил значение. Речь идет о представительном собрании 1187 г. в Галиче, где, однако, слово «соборы» означает не всех его участников, то есть галицких «мужей», «всю землю» и церковников, а используется в более узком смысле – клира главных церквей города.

Вообще, «съборъ» – чрезвычайно полисемантическое слово, имеет значения: 'собрание', 'накопление' (как процесс и результат)⁴²⁶, 'большая толпа', 'собрание духовных властей, духовенства всего города', 'вселенский собор', 'клир храма', 'общественное богослужение', 'народное собрание' (при переводе греч. ἐκκλησία, κομβέντος), 'синедрион', 'синагога' и др.⁴²⁷ Тема веча в летописных текстах затрагивается лишь

⁴²⁴ По нисходящей, от самого широкого собрания до собрания с самым узким составом. *Пашуто В. Т.* Черты политического строя. С. 33. В целом концепция В. Т. Пашуто признана, хотя некоторые его положения вызывают сомнения, см., например: *Хорошкевич А. Л., Плисузов А. И.* Русь XIII ст. в книге Дж. Феннела // В: Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. М., 1989. С. 18. См. также: *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 266–267; *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия. Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 197–198, 203, 227.

⁴²⁵ Отсутствует, в том числе, в описании завещания Всеволода Юрьевича 1211 г. по МЛС, на которое во многом опирался исследователь: «Князь же велики Всеволод созва всѣх боярь своихъ с городовъ и съ волости, епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцѣ, и дворяны и вси люди, и да сыну своему Юрю Володимерь по собѣ, и води всѣхъ къ кресту, и цѣловаша вси людие на Юрь». ПСРЛ. Т. 25. С. 108. Кстати сказать, о созыве разных чинов нет в Л1 и Сим-Тр под 1211–1212 гг., нет в ЛПС, а также в поздних сводах Новгородско-Софийской группы и Летописи Авраамки. Данное сообщение помещают лишь своды, зависимые от МЛС: Воскресенская летопись, а через нее – Тверской сборник и др. О позднем происхождении известия: *Пресняков А. Е.* Княжое право. С. 150–151, прим. 3. Несомненно, перед нами сочинение московского книжника, бравшего за образец современную ему практику.

⁴²⁶ Например, «съборъ кънигъ, съборъ воды».

⁴²⁷ *Срезневский И. И.* Материалы. Т. 3. Стб. 647–649; *Львов А. С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966. С. 239–245; Старославянский словарь. С. 638. «Съборъ» как соответствие греческому κομβέντω встречается в одном из фрагментов славянского перевода Хроники Иоанна Малалы. См.: *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы. С. 125; *Ioannis Malalae.* Chronographia. P. 74. Слово может также служить обозначением церковного праздника – см., например, Н1, с. 54.

в одном случае. «Проклятым нечестивым сбором» названы «кияне», убившие Игоря Ольговича в 1147 г.⁴²⁸

Лексема отмечена уже в старославянских памятниках, где свыше 50 примеров употребления, и характерна в основном для текстов восточно-болгарской редакции. В древнерусских списках Евангелий-апракос слово «съборъ» означает чаще всего синагогу или синедрион. Появляется оно в основном в описании чудес, сотворенных Христом, и судилища над ним⁴²⁹. Имеется также в Апостоле⁴³⁰ и книгах Ветхого Завета⁴³¹, особенно много и в самых разнообразных сочетаниях – в Псалтыри⁴³². Присутствует в разных значениях в Хронике Георгия Амартола⁴³³, где

⁴²⁸ 35ИИ. Напомним, это собрание в тексте прямо названо «въчѣм»; 348И.

⁴²⁹ В Мстиславовом Евангелии встречается более 20 раз, хотя словоупотребление в разных группах списков Евангелий неустойчиво. В Евсеевом Евангелии, например, «съборище» и «съборъ» – 17 раз, «соньмище» и «съньмъ» – 16, в Архангельском Евангелии – «съборъ» и «съборище» по одному разу, «съньмъ» 2 раза и «съньмище» – 21. В Мстиславовом Евангелии имеется в том числе во фрагменте, прочитывавшемся на Страстной четверг на литургии: «старѣишины жьрьчьскы съ старыци и книжники и въсь съборъ съязавъше Иисуса ведоша и предаша и Пилату», Мт.26.58; Апракос Мстислава, 144а.1–4. Захват Иисуса, поиск лжесвидетелей и передача его Пилату были результатом действий «събора», Мк.14.55, 15.1, Лк.22.66. Там же, 114г.19–22; 115г.5–10=115в.22–25, 120б.21–25. Кроме того, для разработки мятежной темы и темы злого совета может быть важно предостережение Христа, данное ученикам: «...блюдѣте ся отъ чловѣкъ, предадѣтъ бо вы на съборы и на съборѣхъ тѣхъ убють въ» (Мт.10.17; Апракос Мстислава, 32г.13–16). О чудесах, сотворенных в «съборе»: Апракос Мстислава, 36г.3; 124б.9; 189б.13; 54г.23; 60в.7, 11, 18; 86г.10; 94в.17. О том, что Христос учил в «съборе»: 54г.17; 62а.21. «Съборъ» и «съньмъ» – синонимические, часто варьируемые лексемы, «съборъ» было характерно для восточноболгарской и древнерусской редакции, но могло вытесняться в результате архаизирующей правки. Об архаизации см.: *Темчин С. Ю.* Текстологическая семья Мстиславова Евангелия: новые данные о группировке древнерусских списков полного апракоса // XII Международный съезд славистов. Краков, 27.08–2.09.1998. Доклады литовской делегации. Вильнюс, 1998. С. 196–197.

⁴³⁰ Но разумеется, частотность различна в разных списках, так как слова «съньмъ» и «съборъ» взаимозаменяемы. См.: ДА 5.27, 5.41, ДА 9.2, ДА 17.10, ДА 18.8, ДА 22.30, ДА 23.15. Матичин Апостол. Л. 13г, 14ч, 24г, 24ч. Струмички (македонски) Апостол. Л. 8в, 12а. Острожская Библия. Л. 3/4, 3/4об., 5/4об., 10/4, 10/4об., 13/4об.

⁴³¹ Например, в Книгах Царств встречается устойчивое выражение «собери людей (Израиля) в таком-то месте» и соответственно, хотя и несколько реже, «съборъ». 3 Цар.8.5, 8.14, 8.54, 12.20. См. также: Суд.21.5, Иса.22.6, 56.8; Иер.26.17, 44.15, и др. Острожская Библия. Л. 121, 159, 160, 162об., 78/2, 89, 105/2об. Троицкий хронограф: 1Ц.14.25, 17.47, 19.20, 2Ц.5.8, 3Ц.8.14, 8.22, 8.54, 8.65, 12.20–21, 15.13; Л. 64а, 69с, 71б, 89с, 126б, 126с, 128б, 128д, 234а, 237с, 237д, 239д.

⁴³² Но именно в древнерусской (или восточноболгарской) редакции. По списку Бычковско-Синайской псалтыри ок. 1100 г.: Пс.25.1–6 «съборомъ суетьньнимъ»; Пс.39.10–12 «от събора мьнога»; Пс.61. 4–10 «въсь съборъ людий»; Пс.67.29–36 «съборъ юнць», то есть «стадо»; Пс.63.1.3 «съборъ твою»; Пс.81.1 «богъ вѣствъ въ съборѣ богомъ»; Пс.85.13–17 «съборъ крѣпькихъ»; Пс.105.14–23 «на съборѣхъ... въ съборѣ ихъ»; Пс.110.1–2 «въ съвѣтъ правыхъ и въ съборѣ велика дѣла». См.: An Early Slavonic Psalter. В старославянском же памятнике, Синайской глаголической псалтыри, вообще нет слова «съборъ», только «съньмъ», см. словоуказатели в: Синайская псалтырь. С. 362, 366.

⁴³³ Это может быть собрание всего израильского народа при исходе из Египта (ГА 100.19, 21; 101.3–6), римский сенат (ГА 205.10), синагога (219.18, 398.26), вселенские соборы (399 и др.), войско (361.3–4), собрания еретиков (382.22–23 и др.), совет царя с избранными боярами (507.1–2). Встречается устойчивое сочетание «болярьскы (в одном

часто сопровождается оценочными эпитетами («нечестивый» или, наоборот, «свѣтлы съборъ»), а также у Малалы⁴³⁴.

Разумеется, древнерусские книжники знали гомилетические сочинения, богослужебную литературу и переводные хроники, но широкий ряд значений в летописях не представлен. Предпочтения заданы, видимо, составителем ПВЛ, где слово весьма редко: в начальной летописи упоминаются вселенские соборы и всего один раз соборные храмы с их клиром. Помимо того, «съборъ» упомянут в цитате из утреннего шестипсалмия в сцене убиения св. Бориса (1015 г.)⁴³⁵. В XII в. слово «съборъ» используется для обозначения духовных властей. В частности, под 1127 г. в Лавр и Ипат описывается ситуация, когда киевский князь Мстислав Володимирич был вынужден отказаться от крестного целования черниговскому Ярославу Святославичу. Грех преступления крестной клятвы в отсутствие митрополита взял на себя «съборъ иерѣиский», созванный игуменом Андреевского монастыря⁴³⁶. В статье НПЛ 1149 г. речь идет о том, что новгородский епископ Нифонт решил не подчиняться митрополиту Клименту Смолятичу. Нифонт считал, что тот поставлен не надлежащим образом, без участия клира («собора») Великой церкви, то есть Константинопольской Софии: «Не достоинъ есте сталь, оже (поскольку. – *Т. В.*) не благословень есть от великаго собора, ни ставлень»⁴³⁷. По-видимому, такое же значение имеет слово и в описании перенесения мощей св. Бориса и Глеба в продолжении ПВЛ в Ипат под 1115 г. Правда, здесь речь идет о многочисленном собрании людей и упоминается «народъ»: «Бысть съборъ великъ, шедшюся народу съ всихъ странъ: митрополить Микифоръ съ всеми епископы...» Однако далее перечисляются исключительно церковные иерархи⁴³⁸ и, скорее всего, «народъ» попал не на свое место, так как статья Ипат в этом месте имеет следы контаминации

случае «болярный») съборъ»: ГА 314.11, 329.8, 332.15–16, 489.27–490.1, 511.27–512.1, 540.22. Но иногда «народное собрание» и «съборъ» различаются. В частности, в описании Исхода первое названо «церковью», ср. ГА 100–101.

⁴³⁴ У Малалы чаще всего «иудѣиский съборъ» или «съборъ иудѣомъ» (синагога); лишь один раз имеется в виду собрание греческих воинов во время Троянской войны. *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы. С. 125.

⁴³⁵ Первое см. 113–115Л (15 раз), второе – под 1107 г.; 283Л (св. Феодосия вписали в синодик и решили помянуть во всех «съборѣх»). Под 1015 г.: «съборъ злобивыхъ осѣде мя»; 133Л.

⁴³⁶ 297Л – 291И.

⁴³⁷ Так в НПЛ старш. ред., в НПЛ мл. ред. вместо «оже не» испорченное «аще» или «аще же», пропущено «не»; НЛ, с. 28, 214, вар. 54. О великом соборе речь идет и в Житии Ефросиньи Полоцкой: «патриарх же Лука собра епископы и собор весь во святую Софию»; Древнерусские княжеские жития. С. 153.

⁴³⁸ «...и бысть съборъ великъ, шедшюся народу съ всихъ странъ: митрополить Микифоръ съ всеми епископы, съ Фектистомъ черниговскимъ, с Лазаремъ переяславскимъ, с попомъ Никитою бѣлогородскимъ и с Данилою гурьговскимъ, и съ игумены, с Прохоромъ печерьскимъ и съ Селивестромъ святого Михаила, и Сава святого Спаса, и Григории святого Андрѣя, Петръ Кловьский, и прочии игумени; и освятиша церковь каменую»; 280И.

и переделки источников⁴³⁹. «Соборы» в смысле собрания духовенства важнейших церквей города имеются в виду и в Ипат под 1187 г. Здесь пишется о завещании Ярослава Володимирковича, галицкого князя. Перед своей смертью князь собрал «мужа своя», «всю Галицкую землю» и клириков, в том числе «зборы вся и монастыря»⁴⁴⁰. Та же тенденция прослеживается в летописных записях XIII в. В статье 1238 г. НПЛ читаем: «черноризецъ иерѣискаго сбора»⁴⁴¹. В НПЛ мл. ред. под 1246 г., в дополнительных фрагментах, повествующих об Александре Ярославиче, находим еще одно подобное выражение: «Епископъ же Кирилъ благослови его со вѣзмъ своимъ сборомъ»⁴⁴². Помимо этого, в новгородской летописи можно отметить только календарные обозначения («на сбор святых отецъ» и т. п.)⁴⁴³.

Приходится признать, что «проклятыи нечестивыи сборъ» Ипат в описании веча 1147 г. в своем роде уникально⁴⁴⁴. По всей вероятности, сочетание ругательных эпитетов, типичных для славянской книжности, слова «сборъ» и клича киевлян «побѣите, побѣите» отсылает к сценам суда над Христом и его крестной смерти. Оно вызывало в памяти враждебное собрание жителей Иерусалима. В соответствующих фрагментах Евангелий (различным образом вписанных и истолкованных также и в гомилетических и гимнографических сочинениях) в самом деле читается «сборъ» и приводятся слова иудеев: «распни, распни»⁴⁴⁵. Других случаев использования слова «сборъ» в рассказах об активности горожан в древнерусских летописях нет. Таким образом, концепция В. Т. Пашуто не подтверждается источниками. Слово «сборъ» в предложенном им

⁴³⁹ Например, вначале пропущено, в каком городе находилась церковь, куда перенесли святых, и оплошность исправлена лишь в самом конце сообщения. *Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста. Р. 28–29. Не исключено также, что здесь имеем дело со словом «народъ» в значении ‘множество’. И. И. Срезневский приводит этот фрагмент как иллюстрацию значения ‘большое скопление народа’.

⁴⁴⁰ 656И, в Хл «сборы», вар. 81.

⁴⁴¹ «Иерѣиский сборъ» – под 6746/1237–1238 гг.; НЛ, с. 76. Имеется в виду виртуальный собор святых, защитивших Новгород от татарского нападения.

⁴⁴² НЛ, с. 304.

⁴⁴³ Календарные за XII–XIII вв. – под 6644 г., 6677 г., 6686 г., 6703 г., 6723 г., 6734 г., 6738 г., 6746 г., 6768 г. Иногда привлекают некоторые из таких календарных указаний. Например, «...убиша пруси Овстрата на сборъ» под 6723 г., хотя здесь речь идет о времени, а не о месте или характере проведения собрания.

⁴⁴⁴ Судя по всему, словоупотребление хронографов, где «сборъ» мог обозначать народное собрание, в данном случае влияния не оказало.

⁴⁴⁵ Мк.14.55; Мк.15.1; Лк.22.66; Мт.26.59. См.: Апракос Мстислава, 114г.19–22, 115в.22–25–115.г.8, 120б.21–25, 144а.1–4. Также Ио.19.15 («възьми възьми»); Там же. 152в.10. Например, в рукописи Троицы XIV в. тропарь, читающийся на среду Страстной недели: «Лукавое нынѣ събрася сборище, и лукавно помышляють уморить тебе, живота вѣзмъ». Цитируется по: *Кириллин В. М.* «Великий покаянный канон святителя Андрея, архиепископа Критского, в древнерусской переработке // Древняя Русь (вопросы медиевистики). 2003. № 3 (13). С. 82–83. Об имитации крестной смерти Христа в повести об убийстве Игоря Ольговича 1147 г. см.: *Podskalsky G.* Principal aspects and problems, 284; *Вилкул Т. Л.* Літописна повість 1147 р. про вбивство Ігоря Ольговича // Київська старовина. 1999. № 6. С. 56–72.

значении в древнерусских памятниках не встречается. В единственном описании светского собрания «събором» названы именно участники веча, а не некоего более широкого «собора», и такое словоупотребление вызвано заимствованием книжных образцов.

Слово «съборъ» завершает анализ «околовечевой» терминологии. Отдельно хотелось бы еще обратить внимание на те случаи, когда одно и то же слово или выражение встречается в двух разных значениях в одной фразе либо в двух соседних. Выше приводились несколько таких фрагментов: из статьи 1150 г. Киевского свода с двойным значением слова «дружина» («... дружина же рекоша ему... поѣди Киеву к своей дружинѣ»), пассаж с двумя выражениями «весь градъ» в Житии Авраамия Смоленского и статья ПВЛ 997 г. о белгородском киселе, где различаются «людь»—собеседники старца, предложившего остроумный выход из создавшейся ситуации, и «людь»—участники веча (они же «старѣшины градские»). Еще один пример – в рассказе о событиях во Владимиро-Суздальской земле после смерти Андрея Боголюбского 1175 г., где сказано, что одни «володимирци» поехали на крестоцелование к новым князьям Ростиславичам, а другие приняли на княжение Михалка Юрьевича. «Михалко же затворися в городѣ (Владимере-на-Клязьме. – Т. В.), не сущим володимерцем Володимери, ѣхали бо бяху по повелѣнью ростовець противу князема». После того как «вся дружина» (в том числе и «володимирци»), отъезжавшие на процедуру крестоцелования⁴⁴⁶ приехала к Владимиру воевать с Михалком, говорится уже о тех горожанах, что оставались в городе. «И много зла створиша... володимерци бяхутся с города... володимерци же не терпяче глады, рѣша Михалку»⁴⁴⁷.

Наоборот, одна и та же группа людей может выступать в тексте под несколькими наименованиями. Во фрагменте ПВЛ 997 г. «людь»-участники веча названы еще и «старейшинами градскими». В Ипат и Лавр 1140 г. «новгородци» – это население города, вечники и послы, названные также «мужами»⁴⁴⁸. В статье Ипат 1169 г. «дружина» Володимира Мстиславича в количестве трех человек (названных поименно: Рагуило Добрынич, Михаль и Завид) отказывает князю в поддержке его авантюры – выступления вместе с берендеями против племянника, киевского

⁴⁴⁶ Ср. 373Л, 597И, описывается присяга. В более позднее время представителями от города могли быть несколько десятков человек. *Билоус Н. О. «Вірність» і «зрада» у світосприйнятті міщанства Київщини та Волині в XVI – першій половині XVII ст. // Соціум. К., 2006. Вып. VI. С. 144–145.* Сколько было в известии 6683 (1175) г., неизвестно; «с полторы (ИХл «полтором») тысячѣ» должно означать, видимо, тот отряд, который верные Ростиславичам «володимирци» привели на процедуру крестоцелования. Фрагмент этот интерпретировался по-разному. В. О. Ключевский, например, писал о полутора тысячах дружины, представителей аристократии, Сергеевич – о том, что самих владимирцев было 1,5 тыс. См.: *Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 327; Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2. С. 111.*

⁴⁴⁷ 373Л – 596–597И.

⁴⁴⁸ В параллельном тексте НПЛ речь идет о «лепших людях». 308–308Л – 307–310И; НЛ, с. 26.

князя Мстислава Изяславича. Тот, глянув на своих отроков, решает: «А се будутъ мои бояре». Но берендеи укоряют Володимира, что он едит один «и без мужии своих», и также отказывают в поддержке. Таким образом, Рагуило, Михаль и Завид предстают в контексте рассказа как «дружина», «бояре» и «мужи»⁴⁴⁹. НПЛ под 1263 г. «полоцких бояр» ниже называет «полочанами»⁴⁵⁰, а под 1270 г. попеременно именует горожан «новгородцами» и, в торжественной речи князя Василия Ярославича, «мужами новгородцами»⁴⁵¹. Под 1186 г. в Лавр об одной и той же группе говорится «володимирци», «володимерьская дружина», «дружина Всеволожа» и «мои люди» (в речи самого Всеволода Юрьевича)⁴⁵². В статье 6720/1212 г. в Лавр пишется о том, что Юрий Всеволодич отпустил в Рязанскую землю «князи рязаньския в Рязань и епископа ихъ Арсенья, и вся люди рязаньския», а ЛПС под 6721 г. сообщает о князьях и «дружине»⁴⁵³.

Синонимические замены особенно часты в Киевском своде, где статьи 1130 – начала 1160-х гг. состоят из нескольких слоев, условно говоря, старых и новых (притом множество «старых» фрагментов обнаруживается также в параллельном тексте Лавр⁴⁵⁴). Так, в статье 1136 г. сказано: «Володимирича дружина лучшая», и этот фрагмент общий с Лавр. Речь идет о войске сыновей Мономаха, воевавших с черниговским князем Всеволодом Ольговичем и со своими племянниками Мстиславичами. Ниже в «новом» фрагменте Ипат о том же войске Володимиричей пишется: «бояре ихъ»⁴⁵⁵. Отыменные образования с окончанием на «-ичи» – «Володимирковичи», «Изяславичи», заменяются на выражения со словами «мужи» или «дружина». «Андрѣва дружина» 1139/1140 г. – то же самое, что «Андрѣвичи» и «Андревы люди»⁴⁵⁶. Под 1152 г. Лавр пишет о «болярах» галицкого князя Ярослава

⁴⁴⁹ 536И.

⁴⁵⁰ На этот фрагмент обращали внимание, см., например: *Петрухин П. В.* Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи. S. 83.

⁴⁵¹ НІ, с. 88–89.

⁴⁵² 401–403Л.

⁴⁵³ В ЛПС стиль ультрамартовский. «Гюрги же одаривъ ихъ золотомъ и сребромъ и коньми, и дружину ихъ такоже одари, утвердився с нимъ крестнымъ цѣлованиемъ, пусти ихъ въ своя си». См.: 437Л; ПСРЛ. Т. 38. С. 164. Так завершается серьезный конфликт с рязанцами, при котором в плену у Всеволода Юрьевича оказались несколько князей, а сама Рязань была сожжена. Об этом конфликте или, вернее, серии конфликтов см. гл. 2, 1.4 и П.8.

⁴⁵⁴ *Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста.

⁴⁵⁵ Ср. 304Л – 398И. Второй фрагмент читается только в Ипат, первый и в Ипат, и в Лавр. При этом в статьях этих лет, как и в других погодных статьях, добавки Ипат не всегда согласованы с текстом, общим для Киевского и суздальского сводов.

⁴⁵⁶ Этот текст общий для Лавр и Ипат. «И устрѣтоша и Аньдрѣва дружина, и бишася с ними, и поможе Богъ Андрѣвичем на Святослава»; 308Л – 305И. Названия типа «Андрѣвичи», «Володимировичи» в таком значении встречаются только в Лавр и Ипат в середине XII в., в основном в общих фрагментах. Возможно, так проявилось влияние переводных памятников (см. третью главу; в древнерусских переводах встречаются, например, в «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия). Об отыменных обозначениях

Володимирковича, а Ипат – о «галичских мужах», при этом в оба свода включена совпадающая дословно речь этих самых «бояр»–«мужей»⁴⁵⁷. Под 1147 г. текст одного из фрагментов Лавр и Ипат полностью идентичен, за исключением того, что в Лавр фигурируют «людьє», а в Ипат видим книжное «народи»⁴⁵⁸.

Уже приведенных примеров, полагаю, вполне достаточно для того, чтобы увидеть принципиальную атерминологичность древнерусских летописей. Впрочем, следует признать, рассмотрение ряда социальных обозначений в целом все же дает не так много для положительного определения, кем же были вечники. Оно лишь наглядно демонстрирует, что те слова, которыми исследователи обычно оперируют как терминами, терминами не являются, так как все они характеризуются полисемантической и взаимозаменяемостью. С одной стороны, это делает крайне шаткой позицию ригористов, склонных ограничиваться исключительно прямыми сообщениями о вече. С другой, по-видимому, не вполне правы и энтузиасты, усматривающие чуть ли не во всех известиях со словами «люди», «народ», «граждане», «кияне» и т. п. записи о вечевых собраниях. К сожалению, или, может быть, к счастью для современного историка, связанные с вечевой тематикой обозначения лишены терминологической четкости, значение их расплывчатое и неопределенное.

Можно также утверждать, что использование того или иного слова или оборота зависело от литературных образцов и вкусов древнерусских книжников и не было напрямую связано с реалиями. В связи с этим обстоятельством следует поставить проблему запаздывания терминов. К сожалению, в Древней Руси письменная традиция начинается с памятников XI в. Историки раннего Средневековья Западной Европы могут писать о том, что капитулярии Карла Великого начала IX в. имеют образцом Кодекс Феодосия V в., и, соответственно, упоминание в них «всех свободных франков» отсылает к гораздо более архаическим временам, чем период составления документа. Сопоставив капитулярии с другими источниками этой эпохи, делают вывод о том, что ко времени Карла Великого войско состояло не из «всех свободных», а из феодалов и их окружения – военной молодежи⁴⁵⁹. На древнерусском материале наблюдения над столь ранним периодом невозможны.

ниях такого типа: *Вілкѹ Т. Л.* Давньоруське «чадь». Позднее летописцы перестали их использовать и при редактировании часто исправляли. Ср.: под 1150 г. «Володимира же дружина» в Ипат и «Володимерковичи» в Л и ЛПС (в РА ошибочное «Володимирькови»), 327Л – 402И. «Изяславъ мужи» в Лавр (ЛРА и ЛПС) и «Изяславичи» в Ипат (ИХЛ) под 1152 г., 340Л – 467И.

⁴⁵⁷ Ср. 340Л – 466–467И.

⁴⁵⁸ «Идяхуть людьє по мосту» – «и народи идяху по мосту»; 317Л – 349И.

⁴⁵⁹ *Reuter T.* The End of Carolingian Military Expansion // Charlemagne's Heir. New Perspectives on the Reign of Louis the Pious / Ed. Godman T., Collins R. J. H. Oxford, 1990. P. 391–405. Цитируется по: *Nelson J. L.* Violence in Carolingian World and the Ritualization of Ninth-Century Warfare // Violence and Society in the Early Medieval West. Woodbridge, 1998. P. 95. См. также: *Halsall G.* Warfare and Society. P. 53–54, 56.

(Возможны лишь наблюдения над летописями XV–XVI вв., сохраняющими во многом старые образцы и консервирующими терминологию.) Но тезис о том, что ориентация на архаические образцы, каковыми для древнерусских летописей являются библейские книги, переведенные в большей своей части на раннем этапе развития славянской письменности, многие жития святых и переводные хроники, может вызывать существенное смещение и архаизацию понятий, – справедлив⁴⁶⁰. Кроме того, в Древней Руси, как и в Западной Европе, «старые» термины могли приспособлять к новому содержанию, при этом авторы не уведомляли читателя о том, какой смысл ими вкладывался в данное слово или выражение в каждом конкретном случае. Таким образом, в летописных сообщениях, касающихся отношений правителя и народа, сталкиваемся с крайне сложной картиной, требующей знания не только текста, но и образцов летописцев. Не совсем понятно, как происходило усвоение книжных обозначений, как обозначения переходили из разряда заимствованных и книжных в разряд живого словоупотребления. Например, чужеродное поначалу «боляре» обнаруживается в списках Пространной Русской Правды, а книжное «храбръ», первоначально обозначавшее ‘воин’, стало обычным в восточнославянских языках. Но это тема для специального исследования.

Что касается принципов идентификации сообщений о вече, само собой разумеется, при таком положении вещей четких принципов определения не существует. Даже если в тексте присутствует само слово «вече», нет никаких гарантий, что оно обозначает не ‘собрание всех людей’, а ‘совет’ или ‘решение’ некоей группы. Какое известие следует считать свидетельством о вече – отдано на откуп исследователям, их интуиции и концептуальному произволу. Итак, ситуация с «терминологией» неутешительная. Но что касается соотнесения с реалиями, дело обстоит еще хуже. Существуют параллельные записи, одна из которых сообщает о действиях людей, веча, а вторая, посвященная тому же самому событию, – только о деятельности князя, горожане не упоминаются вовсе. Возможности определить, состоялось ли собрание на самом деле, то есть «пропущено» ли оно или, наоборот, «добавлено» в одном из текстов, весьма ограничены. Анализ подобным нарративов и посвящена следующая глава.

⁴⁶⁰ О подобном явлении на западноевропейском материале на примере житий святых см., например *Brown W. Unjust seizure. Conflict, Interest and Authority in an Early Medieval Society. Ithaca and London, 2001. P. 22.* Как отмечает автор, могли копироваться и тражироваться не только устаревшие обозначения, но и «устаревшие» модели поведения.

Глава 2

НАРРАТИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ СЮЖЕТАХ ЛЕТОПИСНЫХ СВОДОВ

Древнерусские летописи являются произведениями повествовательного жанра, и повествуют они о событиях истории. То есть они являются историческими нарративами. Соответственно, к летописям может быть отнесено все, что сказано о нарративах (см. многочисленные работы по нарратологии – быстро развивающемуся направлению гуманитарных наук)¹. Правда, как дисциплина нарратология занимается преимущественно вопросами теоретического плана. Применительно к историческим нарративам внимание сосредоточено на таком явлении, как трансформация в тексте исторической действительности в целом, и в посвященных историческим нарративам работах можно встретить небезосновательные жалобы на то, что при обилии теоретических построений практического анализа нарративов у современных историков не так уж много². Специфика нарративного моделирования в произведениях хроникального типа малоизучена, а исследование с этой точки зрения одного из видов произведений хроникального типа, то есть летописей, можно сказать, в самом начале. В работах по древнерусской тематике разрабатываются преимущественно проблемы раннего летописания, привлекают внимание также повествования, сконструированные согласно библейским образцам³. Вечевую тематику новое направление исторических исследований практически не затронуло: при анализе и интерпретации сюжетов, описывающих взаимоотношения правителя и «людей», исходят, как правило, из того, что летописи фиксируют исторические факты и являются непосредственным отражением действительности.

¹ Обзор проблемы и обширную литературу см. в: *Berkhofer Robert F.* Beyond the Great Story. History as Text and Discourse. Cambridge and London, 1995; *Spigel Gabrielle M.* The Past as Text. The Theory and Practice of Medieval Historiography. Baltimore and London, 1998.

² См., например: *White H.* The Value of Narrativity in the Representation of Reality // *White H.* The Content of the Form: Narrative Discours and Historical Representation. Baltimor, 1987. P. 4–25.

³ См., например: *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет; *Толочко О. П., Толочко П. П.* Київська Русь. Інтересует и легендарная история, см., например, страницы, посвященные раннему древнерускому летописанию в: *Banaszkiewicz J.* Polskie dzieje bajeczne mistrza Wincentego Kadłubka. Wrocław, 1998; *Мельникова Е. А.* Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // ДГ 2001. М., 2003. С. 48–92, и др.

Тем не менее, исследования второй половины XX в. кристаллизовали давнюю мысль о том, что в письменных источниках представлены не факты, а содержание (content), и одно событие (referent) может «отразиться» в разных текстах с разным содержанием (contents)⁴. Каким-то образом эти новые воззрения отразились на восприятии текста. Они не поставили непреодолимых барьеров на пути к «собираанию» фактов в источниках, но сделали историков все же более восприимчивыми к упрекам в буквализме и прямолинейности толкований. Все более обычной становится мысль о том, что информация об исторических событиях содержит нефактографический компонент и *в принципе* неточна. Тем более это относится к таким историческим событиям, как выступления горожан. То, что приходится наблюдать в летописных сводах, следует квалифицировать не как отражение действительности, а как конструирование нарратива. Ведь вечевые, условно говоря, сюжеты – в большинстве своем описания конфликтов. Соответственно, доля нефактографического в них довольно велика. Одной из основных интенций конфликтующих сторон была борьба за репрезентацию – наиболее выгодное освещение собственного поведения, следствием чего часто было очернение противника⁵. Эмоциональное восприятие влекло к усилению расхождений в создании образа событий, их оценки и понимания на всех этапах, начиная с «абриса» увиденного или услышанного у информатора или будущего автора и заканчивая созданием и редактированием летописного текста⁶.

В этой главе я попытаюсь показать нарративное конструирование сюжетов, касающихся взаимоотношений князя и «людей». К сожалению, определить и верифицировать удастся лишь повторяемые компоненты повествования. При попытке определения индивидуальных приемов нарратива создается герменевтический круг: чтобы определить построение текста и нефактографический компонент в нем, необходимо знать внетекстовые реалии, что, в свою очередь, требует знания правил построения текста. Поэтому речь пойдет о вычленении повторяемых компонентов или *формантов*: структурно-функциональных элементов, формирующих сообщение. Интерес представляют не столько отдельные форманты, сколько их комплексы. Такие более-менее устойчивые комплексы – иначе, *нарративные модели* – определяют нефактографическую часть повествования.

⁴ White H. Droysen's Historic: Historical Writing as a Bourgeois Science // White H. The Content of the Form. P. 89–91.

⁵ См., например: Brown W. Unjust Seizure.

⁶ К сожалению, историки имеют возможность определить конструирование нарратива только на последних этапах. Попытка хотя бы условной реконструкции ранних этапов – восприятия и отбора достойного для запечатления материала – на основе собственного опыта сделана в: Mink L. O. Narrative Form as Cognitive Instrument // The Writing of History: Literary Form and Historical Understanding / Ed. Robert H. Canary and Henry Cozicki. Medison (Wis.), 1978. P. 129–151.

Материалом для этого исследования послужили параллельные сообщения летописных сводов, то есть сообщения разных летописей об одних и тех же событиях. В основном это независимые сообщения разных писцов. Но в некоторых случаях могут привлекаться также отредактированные тексты (созданные на основе какого-то исходного сообщения) со значительными содержательными расхождениями между ними⁷. Теоретически, такие тексты представляют большую ценность. Нарративисты утверждают, что только наличие двух независимых описаний понуждает исследователя задуматься над истинным ходом событий⁸, да и, согласно традиционным источниковедческим концепциям, лишь проверка независимыми источниками дает надежные результаты. Однако даже в русле нарративистических теорий суждения, высказанные о параллельных текстах, похоже, слишком оптимистичны. С одной стороны, поиски стоящей за текстами исторической реальности действительно начинаются в том случае, если имеется несколько не совпадающих друг с другом ее образов. С другой стороны, благодаря разному версий параллельных источников историк часто с отчаянием может лишь сказать, что он не знает, как реально происходили события, но может представить себе, что так, как написано, они *не* происходили. Анализ параллельных сообщений демонстрирует лишь правила построения текстов, путь к реальности опосредован. Изучение нарративов в лучшем случае позволяет приблизительно представить себе фактическое основание и дополнительную по сравнению с ним информацию, а иногда еще обнаружить замалчивания древних книжников.

На практике параллельные сообщения совершенно не соответствуют ожиданиям историков. В этом нет ничего удивительного, ведь подобные известия чаще всего не дополняют одно другое, а противоречат друг другу. Чем сложнее и противоречивее источники, тем сложнее писать историю, ибо исторические версии не должны раздваиваться и множиться, по крайней мере, одного исследователя. Видимо, поэтому поиски ученых не направлены на выявление параллельных текстов, а при случайном столкновении с известиями, по-разному освещающими одно и то же событие, их нарративную природу стараются не замечать. Противоречия изложения затушевывают, а тексты представляют как взаимодополняемые достоверные фактографические записи: отчеты двух свидетелей, которые могли обратить внимание на разные детали, и т. п. Если же противоречия не поддаются согласованию, предполагается, что речь идет о разных событиях или одно из сообщений противопоставляется другому как правдивое известие и фальсификация. Правда, нарративная природа берется в расчет при определении тенденциозно-

⁷ Анализ подобных расхождений в отредактированных текстах на материале западноевропейской хроники см., например: *Гимон Т. В.* Статья 1049 г. Англо-Саксонской Хроники: опыт «микротекстологии» // *Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного.* М., 2003. Кн. 1. С. 385–395.

⁸ *White H.* The Value of Narrativity in the Representation of Reality. P. 20.

сти летописных записей. Однако понятие тенденциозности применяется преимущественно при работе с редакциями текста, а не в исторических исследованиях как таковых. И, в сущности, в традиционных исследованиях параллельные известия – вещь избыточная и бесполезная.

Однако в нашем случае параллельные тексты в самом деле имеют ценность, так как только они дают надежные сведения о нарративном конструировании. Если поменять стратегию – не затушевывать, а выявить и заострить расхождения, то различные или прямо противоположные версии позволяют увидеть содержательные смещения в изложении событий. В свою очередь, система содержательных смещений позволяет определить нефактографическую часть известия и строить предположения о его фактографической части. Содержательные смещения дают обильный материал и для определения представлений современников описываемых событий, поскольку нарративизация основывается как на общих правилах введения события в сюжетное повествование, так и на представлениях и установках летописцев и их информантов.

Представления авторов и редакторов летописных сводов анализируются в отдельной главе. Под общими же правилами нарративизации имеется в виду следующее. Для каждого нарратива характерна сосредоточенность на определенном центре (к примеру, географическом), наличие главной темы и сюжета, как правило завершенного, то есть включающего завязку, кульминацию и развязку. Выделяются герои, выстраивается линия развития событий, некоторые детали подчеркиваются, другие опускаются. События происходят в модусе условной темпоральности: время имеет начало, середину и окончание и выглядит как последовательность дискретных событий в некоей замкнутой системе. Правда, в нарративах хроникального типа сюжетные линии не завершены из-за специфики жанра, то есть принципиальной возможности продолжения записей. Однако большинство сообщений о выступлениях людей, веча, находятся в летописных повестях и, соответственно, имеют завершение. Кроме того, в нарративе усматривается смысл, не всегда присутствующий в самих событиях, но придаваемый им авторами. «Придание смысла» часто выливается в морализацию изложения⁹.

В конкретном приложении к нашим текстам это означает следующее. Повествования о взаимоотношениях «людей» и правителя касаются преимущественно конфликтных ситуаций. Соответственно, их сюжет – это борьба (конфликт), где присутствуют соперничающие стороны. Стороны выступают в роли героя и жертвы, в некоторых случаях появляется фигура соперника. Как правило, в сюжете задействованы князь или несколько князей и «людие». Роль горожан-вечников переменная. Они могут быть героями или жертвами, но в некоторых случаях становятся как бы медиаторами между героем и жертвой (соперником) или даже средством для достижения целей героя. Морализация подра-

⁹ *White H.* The Value of Narrativity. P. 4–5, 16–25; *Mink L. O.* Narrative Form as Cognitive Instrument. P. 139.

зумевают оценки действующих лиц, преимущественно однозначные – либо положительные, либо резко отрицательные. Сказанное очерчивает поиски формантов, и такие несколько театральные термины будут далее часто встречаться в этой главе.

Процедура исследования, если говорить о полном объеме, предусматривает выявление расхождений в изложении событий в параллельных текстах. Это составляет первый этап, за исключением того, что иногда необходимо доказать собственно наличие параллельного сообщения. Ведь несходство в изложении событий часто поражает, а хронологические сетки разных летописей могут иметь смещения одна относительно другой в год и более, что усложняет идентификацию. Следующий этап – определение интенций летописцев и значения деталей рассказа. В этом плане наиболее «прозрачными» и легко читаемыми являются церковно-книжные фрагменты, с их акцентированными и недвусмысленными оценками, но в скрытом виде оценки присущи всем более-менее детализированным повествованиям. И наконец, поскольку средневековые, и в том числе древнерусские, нарративы характеризуются высоким уровнем повторяемости приемов, проводится анализ серии содержательных смещений в типологически схожих сюжетах, то есть анализ нарративной модели в целом. В настоящей главе, следует извиниться перед читателем, процедура существенно упрощена. Типологически схожие сюжеты уже определены, а тексты сгруппированы в серии соответственно с определенными признаками. Раскрытие исследовательской кухни чрезвычайно усложнило бы построение и восприятие работы, потому и предлагается такой «полуфабрикат».

Несколько оговорок. В первой главе речь шла о том, что в сообщениях о вече летописцы не всегда употребляли само слово «вѣче». В историографической же традиции надежными считаются преимущественно те записи, где это слово имеется. Собственно, в данной книге жесткое определение – следует ли считать «вечем» данное собрание или не следует – не столь критично, так как изучается не только вече, но и, шире, взаимоотношения «людей» и князя, а также конструкции летописцев, использовавшиеся при изложении подобных тем. Поскольку впечатление о «терминологичности» использования слова «вѣче» мнимое, можно было бы говорить, скажем, о «народных собраниях». Однако мне бы не хотелось регулярно оперировать таким понятием, по нескольким соображениям. Прежде всего, «народное собрание» прочно связано с теориями XIX–XX вв. и вовлекает в круг споров о том, что есть народ, все ли «слои народа» принимали участие в собраниях, и т. п. Исследователи, начиная со славянофилов и заканчивая школой И. Я. Фроянова, в основном оперируют не средневековым понятием «политического народа», включавшего в себя сравнительно немногочисленную группу населения (не только лично свободных, но и, так сказать, «власть имущих»), а категориями Нового времени. «Народ» отождествляется со всем населением, а еще чаще с бедными и неимущими, и коннотации эти в

языке и в современной исторической литературе чрезвычайно прочны. Если говорить о «народных собраниях», появляется известный риск неверного понимания (хотя полностью избежать этого выражения при рассмотрении такой темы, как «люде и князь», по-видимому, невозможно). Кроме того, в древнерусских памятниках узус слова «народ» отличался от современного, появление его в тексте придавало дополнительные смысловые оттенки (о чем подробнее в первой главе). Поэтому далее в основном пишу о «горожанах» или, чтобы не повторяться, о «людях», «киевлянах», «новгородцах», вечевых сюжетах и вечевой тематике.

В отличие от предыдущей главы здесь, за немногими исключениями, привлекаются записи XII–XIII вв., то есть того периода, от которого дошли полноценные параллельные сообщения. Тексты не рассматриваются в хронологической последовательности. Нарративные модели – явление устойчивое, тенденции развития нарратива почти не прослеживаются. Кроме того, параллельных сюжетов не столь много, чтобы получить повторяемый ряд не только основных схем, но и специфических деталей. Поэтому размещение материала хронологическое: тексты сгруппированы в серии, представляющие определенные модели, и внутри серий хронологический принцип также не соблюдается. Первыми анализируются наиболее типичные параллели, имеющие стандартный набор формантов, далее привлекаются параллели с неполным набором и отклонениями от схемы. Вследствие этого структура главы несколько напоминает работы структуралистов (сюжет № 337, № 521...), с той только разницей, что количество привлекаемых параллельных текстов ограничено несколькими десятками. Принятое построение имеет определенное неудобство, так как каждый раз читателя приходится наново вводить в контекст событий, но только так можно сосредоточиться на нарративном конструировании.

«Оправдание/осуждение князя»

Модель I, «Оправдание/осуждение князя», используется в древнерусских летописях в описаниях конфликтных ситуаций: борьбы за княжение, ослеплений, убийств и других острых политических моментов, вызывавших в обществе эмоциональную реакцию. Упоминания веча, «людей», присутствующие в одном из текстов параллели, бесследно исчезают в другом: на месте «людей» находим князя. Со сменой главных героев изменяются и оценки действующих лиц, и часто перемены кардинальные: «плюс» меняется на «минус», белое на черное. Среди сюжетов этой группы – так называемые «восстания». Сравнительно с серьезностью проблемы название модели может показаться ироничным. На самом деле оно вполне серьезно и обусловлено тем, что собственно фиксация выступлений «людей» или введение в повествование такого элемента, как вечевое собрание (решение дилеммы зависит от того, как представлять функционирование веча и взаимоотношения

правителя и людей вообще, но в принципе возможны оба варианта¹⁰), соответствовали намерениям летописца тем или иным образом осветить поступки определенного князя. В нашем распоряжении находится около десятка групп текстов, укладываемых в рамки рассматриваемой модели.

№ 1. Начну с одного из наиболее любопытных сюжетов – ослепления Ростиславичей, внуков Юрия Долгорукого, их дядей Всеволодом Юрьевичем во Владимире-на-Клязьме в 1177 г. Он входит в пространную повесть или серию повестей, описывающих тревожные события во Владимиро-Суздальской земле после смерти Андрея Боголюбского, 1175–1177 гг. Ослепление – заключительный аккорд борьбы четырех князей за княжение: с одной стороны, Михалка и Всеволода Юрьевичей, с другой – их племянников Мстислава и Ярополка Ростиславичей, а также многочисленных приверженцев обеих сторон – ростовцев, суздальцев, владимирцев, рязанцев и др. Ослепление знаменует победу и окончательное утверждение Всеволода во Владимире и Суздале. Сюжет помещен в трех сводах: Лавр (с некоторыми вариациями в списках этой группы), Ипат и НПЛ¹¹. О собрании горожан сообщают первые два, причем в тексте использованы типичные обозначения вечников: «володимирци», «люди»¹². Поскольку в статье 1176 г. Лавр дает справку о «вѣчах», а далее рассуждает о владимирцах и их роли в событиях, у исследователей не возникает сомнений, что речь идет о вечевом собрании¹³.

¹⁰ То есть и умалчивание о реально состоявшемся собрании, и введение такого сюжетного хода, как вечевое собрание, реально не происходившее. Соответственно, в паре параллельных известий, одно из которых сообщает об участии «людей», а второе не сообщает, чаще всего нельзя однозначно решить, фиксирует ли сообщение реальность или же относится к выдумке летописца.

¹¹ 383–386Л; 605–606И; НЛ, с. 35. В Л, РА и ЛПС отличается окончание повествования и некоторые детали. Далее будут привлекаться также известия Лавр предыдущего 1176 г. (379–384Л), так как они входят вместе со статьей 1177 г. в одно обширное повествование и позволяют понять интенции летописца.

¹² О слове «купци» см. первую главу, прим. 418.

¹³ В нескольких последних работах, посвященных проблемам веча, утверждается, что учитывать следует прямые сообщения: *Granberg J. Veche in the Chronicles of Medieval Rus*; *Лукин П. В.* О так называемой многозначности понятия «вече». Однако последовательное проведение такого принципа ведет к очевидным несуразностям. Например, к тому, что одно и то же событие и можно, и нельзя считать вечем. Практически нет серий из нескольких прямых сообщений, в абсолютном большинстве случаев одно из них прямое, остальные – косвенные (см. первую главу). Притом косвенные в серии из прямого и косвенного известий ничем не отличаются от серий из двух-трех косвенных. Принятие этого принципа могло бы привести к утверждению, что веча не было в Новгороде со второй четверти XI в. вплоть до конца XII – начала XIII в., если судить по наиболее осведомленной о местных делах местной летописи, поскольку, как уже отмечалось, первое сообщение о вече в обеих редакциях НПЛ – 6717/1207 г. (в НПЛ мл. ред. оно упоминается в 1015 г., видимо, под влиянием ПВЛ, а следующий раз – под 1193 г. во вставке в первоначальный текст). Кстати сказать, принцип учета исключительно прямых сообщений никогда последовательно не проводился. Так, новгородское собрание 1136 г. все исследователи считают вечем, хотя ни в одной из имеющихся летописей оно так не названо. А собрание смолян 1185 г. очень редко рассматривается как вече, несмотря на прямое известие Ипат.

То, что речь идет об одних и тех же событиях, не подлежит сомнению: описываемая коллизия уникальна, ведь невозможно представить себе два ослепления Ростиславичей. Кроме того, в Ипат и Лавр значительная часть текста тождественна, и только концовки повествований расходятся. Летописные версии в исторической литературе в полном объеме, как правило, не сопоставляются¹⁴, а при частичном сопоставлении используются как материал для произвольных контаминаций¹⁵. Отличия в изложении событий обычно не фиксируются. Если же какие-то расхождения и отмечаются, они дают повод для обвинения в фальсификации исторических фактов.

Канва событий такая: в последней битве на реке Колокше Всеволод и его «люди», владимирцы и переяславцы, разгромили своих противников и взяли в плен Мстислава Ростиславича вместе с его союзниками – рязанским князем Глебом и его сыном, а позднее захватили еще и Ярополка Ростиславича¹⁶. Глеб умер в заточении, Мстислав и Ярополк же были ослеплены. Затем обоих Ростиславичей отпустили, и они вернулись в Новгород, где некоторое время княжил старший из братьев¹⁷. Летописцы различно определяют ответственных за злодеяние. НПЛ пишет о том, что Ростиславичей ослепил их дядя, Лавр ведет изложение к тому, что в этом виноваты владимирцы, Ипат предлагает компромиссный вариант. Соответственно, различаются детали рассказа.

¹⁴ Единственное известное мне исключение: *Красова А. А.* Борьба за Владимиро-Суздальскую Русь 70-х гг. XII в. Заключительный этап: Опыт реконструкции // *Ruthenica*. К., 2004. III. С. 103–123. Фрагментарно все три текста сравнились в: *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. С. 672–679. В основном по НПЛ события излагаются в: *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1915. С. 142–145. В соответствии с Лавр в: *Приселков М. Д.* История русского летописания. (1940). С. 65; *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания. С. 235–236; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 212; *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 103; *Кривошеев Ю. В.* Князь, бояре. С. 120.

¹⁵ Контаминация Лавр и Ипат в: *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 558. Лавр и «Истории Российской» Татищева: *Воронин Н. Н.* К характеристике владимирского летописания 1158–1177 гг. // Летописи и хроники, 1976 г.: М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976. С. 27–31, 52. Лавр и НПЛ: *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси X – первой половины XIII в. М., 1977. С. 165–167.

¹⁶ По ЛРА, в плен сначала попал Ярополк, что ошибочно, поскольку далее и в Лавр, и в Ипат, речь идет о том, что Ярополка были вынуждены выдать рязанцы. Верное сообщение в Ипат и ЛПС, на что обратила внимание А. А. Красова: *Красова А. А.* Борьба за Владимиро-Суздальскую Русь. С. 111. Согласно беглому известию НПЛ, в плен попали оба Ростиславича.

¹⁷ Информация из НПЛ. Лавр не пишет о возвращении Мстислава в Новгород, но отмечает, что он умер, будучи новгородским князем. Ипат завершает изложение ослеплением. В это время жили два Мстислава Ростиславича – один представитель суздальской династии, а другой – смоленской. Оба умерли один за другим в Новгороде, и киевский летописец, похоже, спутал двух Мстиславов с одинаковыми отчествами и выбросил «дубль». Поскольку для составителя Киевского свода главным героем был смоленский Мстислав Ростиславич, не отмечена как раз смерть суздальского.

По версии Лавр Всеволод Юрьевич – исключительно положительный персонаж, людская и Божья правда на его стороне. Это видно из всего изложения событий 1177 г. В битве под Юрьевом начала года его «полк» видит «чюдную мать Божию Володимерскую», «Все же зряще такового чюда глаголаху: княже, правь еси». Князь предлагает племянникам мирное решение конфликта, отмечается, что он избранник Божий. Всеволод обращается к Мстиславу с такой речью: «Тобѣ ростовци привели и боляре, а мене былъ с братомъ Богъ привель и володимерци»¹⁸. После битвы на Колокше он обращается с побежденными чрезвычайно мягко. Своих племянников Всеволод вынужден посадить «в порубъ» под натиском веча. Лавр прямо указывает на то, что это случилось не по желанию «благовѣрного и богобоязливового» князя, а вследствие собрания разгневанных владимирцев.

«Бысть мятежь великъ в градѣ Володимери. Всташа бояре и купци, рекуще: княже, мы тобѣ добра хочемъ, и за тя головы своѣ съкладываемъ, а ты держишь ворогы своѣ просты. А се ворози твои и наши – суждалци и ростовци, любо и казни, любо слѣпи, али даи намъ. Князю же Всеволоду благовѣрну и богобоязливу, не хотяше того створити, повелѣ всадити ихъ в порубъ людии дѣля, абы утишился мятежь»¹⁹.

Как правило, уверения в невинности князя в ослеплении принимаются историками на веру²⁰, хотя высказывались и некоторые сомнения в объективности и беспристрастности владими́ро-суздальских книжников²¹. Безотносительно пока к тому, следует или не следует доверять летописцу, обратим внимание на то, что образ событий рисуется весьма последовательно. Далее рассказывается о втором вече, и снова Всеволод Юрьевич просто-таки беспомощен перед вооруженной толпой. Ср. тексты Л, РА и ЛПС (два варианта приводятся потому, что списки именно в последнем эпизоде расходятся)²².

¹⁸ 380Л.

¹⁹ 385Л, РА «не хотяшу».

²⁰ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1. С. 556; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания. С. 235–236; Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 103. А. А. Шахматов предполагал даже «тяжелые воспоминания» у Всеволода Юрьевича (тут же в противоречии с этим – о том, что в Лавр сохранилась большая часть современного отчета о событиях, еще с того времени, когда они не нашли «всеобщего осуждения»). Шахматов А. А. Обзорение. С. 11.

²¹ См.: Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 675–679; Красова А. А. Борьба за Владимиро-Суздальскую Русь. С. 103–123.

²² Ср.: 385Л, вар. 24, 25, 28; ПСРЛ. Т. 38. С. 146, вар. 80, 85. Что касается расхождений списков, следует отметить, что текст РА и ЛПС близок; версии Л и Тр, как считается, совпали. Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 264. Чтения Л встречаются не только в самом этом списке конца XIV в. Слова «...хочем слѣпити... людии множества» присутствуют и в некоторых сводах XV–XVI вв. – МЛС и др.: ПСРЛ. Т. 25. С. 89; Т. 7. С. 94–95. Следует добавить, что сложение свода-протографа РА датируют началом XIII в. ЛПС («Летописец русских царей») дошел в составе сборника, содержавшего Иудейский хронограф, где помещены хронологические выкладки, позволяющие датировать его временем около 1262 г. Так как чтения ЛПС и РА совпадают, можно быть уверенным в том, что приведенный в летописях фрагмент написан не позднее XIII в.

Л	РА–ЛПС
По малѣ же днии всташа опять людье вси и бояре, и придоша на княжь дворь многое мьножество съ оружьемъ рекуще: «Чего их додержати, хочемь слѣпити и». Князю же Всеволоду печалну бывшу, не могушо удержати людии множество ихъ ради клича. В лѣто 6686...	По малѣ дни опять всташа людие и бояре и вси велможи и до купецъ²³, и придоша на дворь на княжь многое множество со оружьемъ, рекуще: «Чего их додержати?» И пустиша ею из земли. В лѣто 6686...

Здесь в Л изложение оборвано, как предполагали, специально²⁴, а в чтении РА–ЛПС, имеющих какое-то подобие завершения, оно алогично. Люди пришли на княжий двор, кричали, чего ради держать пленных, и отпустили, и это после того, как тремя днями ранее требовали «казнити любо слѣпити». Только уже в сводах XV в. прямо сказано об ослеплении, поскольку в них контаминируются противоположные по своим интенциям версии Лавр и НПЛ²⁵.

Итак, Всеволод обрисован исключительно светлыми тонами. Его люди, «володимирци» и «перяславци», также достойны всяческого

²³ ЛПС «велможа, купци»; ПСРЛ. Т. 38. С. 146, вар. 80.

²⁴ О причинах обрыва версии Лавр и сравнение Л с РА и ЛПС см., например: *Шахматов А. А.* Обзорение. С. 11–12, 16; *Приселков М. Д.* История русского летописания (1940). С. 65; (1996). С. 109–110, 265, прим. 57; *Прохоров Г. М.* Радзивилловский список. С. 68; *Милотенко Н. И.* Владимирский великокняжеский. С. 41–42.

²⁵ Привожу эти поздние версии, так как они иногда привлекаются в исторических реконструкциях. Считается, что поздние сводчики имели в своем распоряжении «не дошедшие до нас известия», что, по крайней мере, в данном случае лишено оснований. В Софийской 1-й, Новгородской 4-й летописях и др. – сокращенное изложение текста типа Лавр (скорее Л) и дословная цитата из НПЛ, соединенные связкой. (Подчеркнутый текст – из НПЛ, курсивом выделена связка, объединяющая противоречивые версии, без выделений – Лавр.) В Софийской 1-й: «(Всеволод) князии же всади в порубѣ, *граждане же, розметавше порубѣ и емше князя Мъстислава и Ярополка, и ослепиша, а Глебѣ ту умре, а тѣх отпустиша в Русь. Ведома же има, и гнѣющима очима, придоша къ Смоленску и внидоша въ церковь святую мученику...*» В МЛС текст из НПЛ соединен не с пересказом, а с точным воспроизведением Лавр. МЛС: «По малѣх же днехъ всташа второе людие вси и придоша на княжь дворь многое их множество съ оружи, ркуще: “Что сихъ додержати, хоцем ихъ слѣпити”. Князю же Всеволоду печалну бывшу, *но не могушо ему удержати людии множества, но шедше розметаша порубѣ и емше Мъстислава и Ярополка ослѣпниша, а Глебѣ ту умре, а тѣх отпустиша в Русь. Ведомымъ же имь, гнѣющимъ очем ихъ, придоша ко Смоленску и внидоша въ церковь святою мученику...*» Владимирский летописец несколько сокращает и изменяет: «...хочемъ ихъ слѣпити. Князю же Всеволоду печаль бысть, и не могоша ихъ удержати, *и ослѣпниша князя Мстислава и Ярополка, и отпустил ихъ в Русь. И придоша в церковь Бориса и Глѣба...*» См.: ПСРЛ. Т. 4. М., 2000. С. 169; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 244; ПСРЛ. Т. 25. С. 88–89; ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 73. Интересно, что поздние сводчики отбросили решение НПЛ об ответственности Всеволода, несмотря на заимствование ее текста (как кажется, единственное исключение – Летопись Авраамки, где известие не контаминировано и написано строго на основе НПЛ: ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. С. 46). А МЛС, где использована Ипат, не дополнил сюжет киевскими записями, содержавшими весьма неоднозначную оценку суздальского князя.

одобрения. После смерти Михалка Юрьевича они остались верны его брату Всеволоду, самоотверженно поддержав своего князя. «Помянувше Бога и крестное цѣлованье», выступили в поход, заявили: «Поѣди княже... нась перестоявь (переступивь)»²⁶. Выступление против пленных «ворогов» объясняется праведным гневом, тем более правомерным, что бой на Колокше и восстание разделяют буквально несколько дней. «На третии день» после возвращения войска Всеволода во Владимир состоялось первое вече, «по мале же днии» – второе.

Противники Всеволода, Ростиславичи, как и следовало ожидать, наделены отрицательными чертами. В составе их войска видим половцев, грабивших церковь Святой Богородицы, построенную Андреем Боголюбским²⁷. В сражении под Юрьевом Ростиславичи первыми напали на Всеволода, наущаемые злыми советниками, отклонили мирные предложения дяди²⁸. В битвах они неоднократно демонстрировали трусость, а на Колокше бежали без боя²⁹. Ростиславичи обидели Новгород, о чем заявили якобы сами новгородцы, отказавшись принять обратно на княжение Мстислава, ссылаясь на решение Божьего суда: «Удариль еси пятою Новьгородъ... да оже (если. – *Т. В.*)... съ Всеволодомъ Бъ росудиль тя, чему (зачем) к намъ идеши»³⁰. Столь же энергичную оценку получили и «ростовци и суждальци», поддержавшие Ростиславичей. Их пространная характеристика дана в начале статьи 1177 г., а также предыдущих 1175 г. и 1176 г. Им, в частности, инкриминируется то, что они позвали Ростиславичей слишком быстро после смерти своего князя Михалка, нарушили присягу, «помысливше высокоумьем своимъ», и тем стали против воли Божьей³¹. Правда, в описании самой битвы на Колокше инвективы отсутствуют, видимо, потому, что в это время рос-

²⁶ «Переступивь» – по РА и ЛПС. См.: 379Л, 381Л; ПСРЛ. Т. 38. С. 144, вар. 99. Самоотверженность и верность крестоцелованию – однозначно положительные черты.

²⁷ 383–384Л. Эпизоды с привлечением степняков, как правило, имеют отрицательные коннотации. Следует учесть, что культ Богородицы был наиболее почитаемым во Владимиро-Суздальской земле и что апеллируется также к авторитету Андрея Боголюбского.

²⁸ 380–381Л. Что миролюбие Всеволода – всего лишь нарративная характеристика, подтверждает тот факт, что он трижды хватал и бросал в «поруб» своих противников-князей. Кроме 1177 г., еще: 1178 г., 387Л; 1180 г., 614И; 1207 г., ПСРЛ. Т. 38. С. 164. А в 1178 г. его племянника Ярослава Мстиславича якобы захватила дружина, а не князь, хотя поход возглавлял сам Всеволод (см. далее сюжет I.7). Такое поведение – своеобразный рекорд в истории Руси.

²⁹ 382Л, 384Л. В летописях свидетельства храбрости или, наоборот, трусости князя были сильной характеризующей деталью, и при редактировании «побѣже», «бѣжа» могли заменять на нейтральное «поиде» и под. Так в общих фрагментах Лавр и Ипат: 322Л «бѣжа» – 383И «поѣха»; 326Л «иде» – 396И «бѣжа»; 334Л «переѣха» – 440И «перебѣже»; 365Л «выбѣже» – 566И «выиде».

³⁰ 382Л; Божий суд, «Богъ росудиль» – поражение в битве.

³¹ 380–382Л. Кроме того, ранее отмечено, что «суздальцы и ростовцы» нарушили договоренность с Юрием, поправ крестоцелование и посадив на княжении внуков-Ростиславичей, а не младших его детей, как обещали; 372Л. Ср. летописные инвективы против гордости, «величания», «высокоумия» с аналогичными оценками: 316И, 553И, 574И; 201Л, 495–496Л. Тожественное выражение находим в описании событий 1015 г.

товцы и суздальцы выступали уже на стороне Всеволода Юрьевича³². Однако в эпизоде ослепления разгневанные владимирцы снова говорят: «А се наши ворози, суждалци и ростовци».

Последний пассаж выводит на мысль об умолчаниях летописца. На первом вечевом собрании жертвы владимирцев названы «суздальцами и ростовцами» и нет имен захваченных князей. Далее, правда, Лавр не вполне последовательно пишет о том, что Всеволод послал к рязанцам с требованием выдать Ярополка и всадил его в поруб³³. Но в общем такой ход свидетельствует об интенциях рассказчика – нежелании прямо говорить об ослеплении Ростиславичей. Этим же вызван и обрыв изложения, и невнятности в описании второго веча. Примечательно и иное умолчание, хотя оно редко комментируется исследователями. Ни слова не сказано об участии Глеба Рязанского, а ведь древнерусские князья не так часто умирали в плену у своих соперников, и это было достойное упоминания событие.

В Ипат часть рассказа об этих событиях общая с Лавр, сохранился фрагмент с описанием триумфа Всеволода Юрьевича и первого веча³⁴. Интенции общего текста, само собой разумеется, тождественны Лавр, окончание же рассказа от него не зависит. Симпатии и антипатии летописца обнаруживаются тут не столь явно и недвусмысленно, как в Лавр, но оценки действующих лиц отличаются весьма существенно. Нет речи о милости владимирского князя, наоборот, отмечена слишком жесткая позиция Всеволода Юрьевича. Киевский князь Святослав Всеволодич и жена Глеба Рязанского присылали ко Всеволоду черниговского епископа и игумена св. Богородицы с просьбой отпустить пленных, а тот им отказал. Послов он держал «2 лѣтъ» (2 года), хотя речь шла о духовных лицах, более того, о служителях соборов Св. Спаса и Св. Богородицы – главных храмов для Черниговской и Владимиро-Суздальской земли³⁵. Ощущается сочувствие автора Ростиславичам и Глебу: акцент постав-

в повествовании об убиении Бориса и Глеба; 139Л. О заимствованиях в Лавр из статьи 1015 г.: Прохоров Г. М. Радзивилловский список. С. 71. Какие ассоциации с историей св. князей это выражение вызывало у книжников, показывает также статья НПЛ 1301 г.; НЛ, с. 331.

³² Всеволод собирался идти на Рязань, в поход с ним отправились суздальцы и ростовцы. Битва на Колокше состоялась после того, как Всеволод получил весть о походе Глеба Рязанского и отменил свои планы. С собранным войском он вернулся от Коломны в свою землю, ср. 383–384Л.

³³ 385Л. На противоречия обращали внимание: Соловьев С. М. История России. Т. 1. С. 761, прим. 342; Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 675.

³⁴ В Ипат и Лавр много общего текста в статьях 1175–1177 гг., начиная от повести об убиении Андрея Боголюбского и приглашении Ростиславичей на княжение и заканчивая эпизодом восстания владимирцев. Лакуна может объясняться механическим пропуском переписчика, поскольку описания триумфа владимирцев 1176 г. (где прерывается общий с Лавр текст) и 1177 г. (где летописец к нему возвращается) схожи.

³⁵ Игра такими символами наблюдается в летописях, речь идет об осуждении попавшего договоренность на святом месте в сакрализованый отрезок времени. Ср. в Лавр под 1187 г.: «Приходи епископ черниговский Перфурин ко Всеволоду Гюргевию Володимерю, мира прося у него... и стоя в монастыри у Взнесенья на самыи праздник Взнесенья Господня». Далее рассказывается о том, что Порфирий «инако рѣчь извороча», попрал святое место и время договора; 404Л.

лен на попытке спасения пленных князей и неудачном ее завершении. С трагическими интонациями рисуется заточение: «Глѣбъ рече: луче сдѣ (то есть в порубе. – Т. В.) умру», – и в самом деле, умер через полгода, 30 июля³⁶; его сына Романа «одва выстояша». Имеет значение и такая деталь: рязанский князь не отказался от своей волости, что обычно оценивалось положительно³⁷. Святослав Всеволодич говорил: «Оже пуститъ Глѣба, поидеть в Русь» (то есть ‘если Всеволод отпустит Глеба, пусть тот идет в Русь’³⁸), – в этом контексте – лишившись Рязани. Поданы иные временные ориентиры. Согласно Ипат, между пленом и ослеплением большой промежуток времени³⁹, и казнь уже нельзя объяснить реакцией на свежие события. Но главное, отсутствует известие о восстании «людей», снимавшем подозрения с князя. Впрочем, роль последнего также нельзя назвать активной, известие об ослеплении безлич-

³⁶ В Хл – ошибочно 31; 606И, вар. 60.

³⁷ Известен случай, когда Андрей Володимирч, сын Мономаха, отказался «отступитъся» от Переяславля в пользу Всеволода Ольговича; ср. также трагические речи Изяслава Давыдовича и Ивана Ростиславича. Князья пожелали выбрать смерть, но не унижение: «А живъ не иду изъ своеи волости», 307Л – 305И; «А лѣплѣ хочу сде умерети» 517И; «Не хочю блудити в чуже землѣ, но хочю голову свою положити во отчинѣ своеи», 665И. При всем том Изяслав Давыдович, например, отнюдь не положительный персонаж Ипат, но в данном случае отношение к нему вполне сочувственное.

³⁸ То есть Русскую землю в узком смысле этого слова. Об этом географическом обозначении см.: например: *Насонов А. Н.* Русская земля; *Кучкин В. А.* «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // ДГ 1992–1993. М., 1995. С. 74–100; *Ведюшкина И. В.* «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в. // ДГ 1992–1993. М., 1995. С. 101–116.

³⁹ Имеется в виду «субъективное время». После первого веча помешено известие о посольствах и о том, что Всеволод удерживал послов два года, а перед ослеплением добавлено «и потомъ». Впрочем, в Ипат находим и детали, позволяющие допускать быстрое развитие событий. В своде опущено известие о битве на Колокше (имеющееся только в Лавр), где есть дата, «на масленѣ недѣлѣ». Изложение начинается с триумфальной встречи Всеволода владимирцами, а перед этим в блоке южнорусских известий отмечен «день святого пророка Ильѣ» – 22 июля, что близко к 30 июля; 604И. А. А. Красова полагает, что версии Ипат и Лавр не противоречат, а дополняют друг друга; *Красова А. А.* Борьба за Владимиро-Суздальскую Русь. С. 113–114, 119–121, – что, как представляется, неверно. Объективная хронология такова. Согласно Лавр, «на зиму» Всеволод пошел в поход на Рязань, месяц стоял на Колокше, сражение состоялось «на масленѣ недѣлѣ», то есть 7 марта. См.: *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 79–80. По Ипат, 30 июля умер Глеб, Ростиславичей ослепили и отпустили уже после этого (по НПЛ – «в то же время»). Таким образом, битву и ослепление разделяют почти полгода. Н. Г. Бережков отмечал, что в статье 6685/1177 г. Лавр обе полные даты не соответствуют ни ультрамартовскому, ни мартовскому стилю, но предложил поправки, позволяющие допускать ультрамартовский в том случае, если события марта, как это часто бывало, были записаны под прошлым годом. В Ипат, как кажется, применяются разные стили во фрагментах, описывающих южнорусские события и тексте, общем с Лавр. Притом события марта (встреча владимирцев) вписаны после 22 июля. См.: *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 70, 79–80, 194–195, 245. Следует также отметить, что Киевский свод чрезвычайно сложен по составу, этапы его сложения и редактирования определяются исследователями противоречиво. В самом эпизоде ослепления – несогласованность: «Мѣстиславѣ Ростиславичѣ сгадавшѣ послаша»; предполагается несколько действующих лиц, а упомянут только Мстислав (смоленский). Поэтому, вероятнее всего, написание окончания рассказа об ослеплении и компоновка текста статьи в целом принадлежат разным летописцам.

ное, сказано только: «Мьстиславъ и Ярополкъ въ порубѣ бяста, и потомъ изведше я и слепивше, пустиша»⁴⁰. Однако нет ничего о «печалях» или «жалости» Всеволода по поводу ослепления Ростиславичей и смерти Глеба, а именно такие чувства характеризуют добрых персонажей⁴¹.

Последнюю версию находим в НПЛ. Ее интенции близки тем, что обнаружили в окончании Ипат. Прежде всего, Господь помогает ослепленным Ростиславичам, а не Всеволоду Юрьевичу. Описывается чудо «прозрения» потерпевших, случившееся в центре культа наиболее почитаемых на Руси святых Бориса и Глеба, на Смядыни. При этом следует учитывать, что для средневекового человека проявление «Божьей благодати» служило одновременно и подтверждением «правды» Ростиславичей, и способом осуждения Всеволода.

«Ведома же има слепома и гньющема очима... придоста на Смядино въ церковь святую мученику Бориса и Глѣба, и ту абие съпостиже я Божия благодать и святыя Владычица наша Богородица и святую новоявлено мученику Бориса и Глѣба, и ту прозрѣста»⁴².

Войско Глеба, Мстислава и Ярополка называется нейтрально «рязанцами»⁴³, тогда как в Лавр речь шла о привлечении Глебом половцев. Ослепление прямо приписано владимирскому князю. Отсутствуют указания на вынужденность этого шага – ни намек на восстание или давление людей.

«Слепень бысть Мьстиславъ князь съ братомъ Яропѣлкомъ от стрѣя своего Всѣволода, и пусти я въ Русь».

Что касается хронологии, то известия о победе на Колокше и ослеплении разнесены под разные годы (6684/1176 и 6685/1177⁴⁴), что дает ощущение длительности происходящего. Завершает историю известие о том, что новгородцы приняли ослепленных как своих князей, сопровождающееся примечательным комментарием: «...и тако ся управиша по воли», – то есть ‘свободно, без принуждения’. Нетрудно заметить, что отношения новгородцев и Ростиславичей в версиях Лавр и НПЛ

⁴⁰ Множественное число в глаголах может прочитываться как намек на каких-то иных действующих лиц, кроме князя, но этот намек все же слишком неопределенный.

⁴¹ Того же Всеволода Юрьевича в Лавр; Мономаха в ПВЛ («избиение Итларевой чади»), Изяслава Мстиславича (убийство киевлянами Игоря Ольговича), Ростислава Мстиславича в Ипат (гибель новгородцев в заточении, см. далее II.4); 227Л, 385Л, 354И, 551И.

⁴² НЛ, с. 35. Текст вызывал недоверие и даже подозрения в «политическом спекуляци-ях Ростиславичей» – заявлении об утрате зрения и чудесном прозрении. См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. (1962). С. 107. (2003). С. 152; Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 670, прим. 530. Следует учесть, что Мстислав умер в 1178 г., а Ярополку новгородцы вскоре «показали путь», и следы его с тех пор теряются, что давало известный простор для создания легенд. Об истолковании подобных эпизодов в средневековой культуре: Лурье Я. С. Критика источника и вероятность известия // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 121–127.

⁴³ «И бишася за Калакшею, и ту побѣдиша рязанце, и яша князя Глѣба и съ сыномъ и Мьстислава съ братомъ Яропѣлкомъ, порубиша я»; НЛ, с. 35.

существенно разнятся, если не прямо противоположны. По Лавр, новгородцы оскорбились поведением племянников Всеволода и изгнали их из Новгорода. НПЛ этого эпизода не отмечает, но, описывая возврат побежденного Мстислава в Новгород, пишет о благосклонном и добровольном его принятии⁴⁵.

Итак, очерчиваются две схемы повествования, одна из которых («а») оправдывает владимирского князя, а другая («б») – осуждает его. В первой, представленной Лавр и общим с ней текстом Ипат, система формантов следующая: положительная оценка героя – князя Всеволода и его людей «володимирцев»; пассивность князя и активность владимирцев, на которых возложена ответственность за содеянное зло; отрицательная характеристика жертв-Ростиславичей, их активность. В тексте присутствуют фигуры умолчания и оправдательные пассажи: пленные враги-князя Ростиславичи заменены на «суздальцев и ростовцев», сделана попытка скрыть последствия пребывания их в плену. Во второй схеме, прослеживаемой по НПЛ и второй части Ипат, сочетается отрицательная оценка героя, положительное отношение к жертвам, активность князя. В соответствии с общей конструкцией летописцев, восстание и давление «людей» на правителя не отмечено – удивительная и наиболее существенная для нас деталь.

№ 2. Во втором, более раннем, сюжете оправдывающей князя версии противостоит нейтральная. В четырех текстах: статьях 6621 г. Ипат и НПЛ, 6622/1113 г. Лавр и «Сказании о чудесах св. Бориса и

⁴⁴ В отличие от Лавр и Ипат в НПЛ мартовский стиль летосчисления. Последовательность событий близка Ипат: состоялась битва, в следующем году умер Глеб, «в то же время» ослепили Мстислава с Ярополком. Сообщение НПЛ в наибольшей степени соответствует объективной хронологии, при условии, что битва, состоявшаяся «на масленѣи недѣльѣ», летописцем была записана под предыдущий год вместе с началом похода, как то часто бывало, а события июля (ослепление) – уже под текущий год. Правда, здесь в НПЛ наблюдаются нарушения в хронологии, например, о походе «всей Чудьской земли» к Пскову (зима) вписано после битвы на Колокше (март). Как предположил Т. В. Гимон, связано это с тем, что статьи 6683–6685 гг. составлены ретроспективно, и известие о битве на Колокше было вписано под 6684 г. в тематический «суздальский» блок. *Гимон Т. В.* Как велась Новгородская погодная летопись в XII веке? С. 342. Вместе с тем, как уже отмечалось, «суздальский блок» не помещен целиком под 6684 г., а продолжается известием 6685 г.

⁴⁵ С помощью выражения «на» или «по» чьей-либо «воли» указывали, чьи условия в данном случае выполняются: «по княжи воли», «на всеи воли вашей», «по своей воли» и т. п. Иногда летописцы лукавили, но обычно в тех случаях, когда речь шла о воле новгородской, это означало, что попытка давления какого-либо князя потерпела неудачу. Следует добавить, что принятие Ростиславичей в Новгороде вызвало конфликт со Всеволодом. В следующем году после смерти Мстислава и поселения на новгородском столе Ярополка Всеволод взял Торжок, и новгородцы были вынуждены распрощаться с Ярополком; см. ниже, I.7.

⁴⁶ См.: 274–275И; 289Л; НЛ, с. 20; *Бугославський С.* Україно-руські пам'ятки. С. 168–169. В Лавр ультрамартовский стиль. Некоторые историки косвенным сведением о «восстании 1113 г.» считают также «Устав» Володимира Мономаха в составе Пространной Русской Правды. См.: *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания. С. 130–148; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения. С. 234–236. *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 489, 492, 523. Сведения о том, что Мономах с «дружиной» соб-

Глеба»⁴⁶ повествуется о смерти Святополка Изяславича и вокняжении Володимира Мономаха в Киеве. Ипат и «Сказание» содержат первое описание приглашения киевлянами князя на княжеский стол; обозначения участников собрания типичны: в Ипат это «кияне», в «Сказании» – «люди». Давно принято мнение о вечевом выступлении киевлян, хотя, как кажется, более всего этому способствовало то, что у Татищева собрание прямо названо «вечем»⁴⁷. Вместе с тем обычно подчеркивают, что главную роль в событиях сыграла «верхушка киян»⁴⁸. Параллельные к Ипат и «Сказанию» тексты известны, однако сопоставление с ними не проводилось. Лапидарное известие НПЛ вообще не привлекается, тогда как из Лавр используют только дату вокняжения⁴⁹.

При анализе текстов следует учитывать тот факт, что версии так называемого продолжения ПВЛ в Ипат и «Сказания» апологетичны по отношению к Мономаху⁵⁰, а в составе статей НПЛ 1074–1115 гг. и Лавр 1111–1118 гг. сохранились записи, отличные от ПВЛ и гораздо более сдержанные в оценках. По некоторым признакам, Ипат текстуально зависит от Лавр. В ней представлен почти целиком текст суздальского свода, но отсутствует такой важный элемент рассказа, как точная дата вступления Володимира Всеволодича в Киев.

Сообщение НПЛ нейтральное, речь идет только о князьях: «Томъ же лѣтъ прѣставися Святопѣлкъ, а Володимиръ сѣдѣ на столѣ Киевѣ». Несмотря на лапидарность, свидетельство должно учитываться, ведь новгородские летописцы знали и использовали краткие формулы посвящения князя горожанами: «кияне» или «новгородци» «посадиша», «уведоша»... В Лавр «кияне» также отсутствуют. Повествование включает известие о знамении–солнечном затмении, смерти Михаила–Святополка и въезде Мономаха в Киев с точной датой 20 апреля.

рался «на Берестове», принимается как доказательство того, что народ еще окончательно не успокоился и совещание в самом Киеве было невозможным. Но ПВЛ упоминает о том, что княжеский стол находился на Берестове при Святославе Ярославиче (182Л) и, вполне вероятно, такая деталь, как «собрание на Берестове» не имеет того значения, какое ей приписывают.

⁴⁷ Ср.: *Татищев В. Н.* История. Т. 4. С. 179.

⁴⁸ *Пресняков А. Е.* Княжое право. С. 200, 252; *Смирнов И. И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII вв. М.; Л., 1963. С. 241, 262; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 489.

⁴⁹ *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания. С. 134; *Толочко П. П.* Київська Русь. К., 1996. С. 93. Сравнение версий ПВЛ и «Сказания» см.: *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 322–323; *Смирнов И. И.* Очерки социально-экономических отношений. С. 141–162; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. И.* Города-государства. С. 294–295; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 488–491; *Лукин П. В.* Вече, «племенные» собрания. С. 126–128.

⁵⁰ О тенденциозности промонаховой редакции ПВЛ и «Сказания» см., например: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. С. III–X, XXXVII–XLI; *Бугославський Сергій,* Україно-руські пам'ятки. С. XIII–XV; *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической. С. 322, 329, 331; *Смирнов И. И.* Очерки социально-экономических отношений. С. 240. О зависимости Ипат от Лавр: *Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста, 27.

Единственная оценка в тексте – стандартная, умерший киевский князь назван «благовѣрным»⁵¹.

Версия Ипат существенно расширена, сокращение коснулось лишь даты⁵². К тексту, общему с Лавр, добавлены размышления о смысле знамений, описание похорон и раздачи богатств вдовой Святополка, «свѣтъ» киян, приглашение Володимира на киевский стол, отказ князя прибыть в Киев, мятеж в Киеве, второе посольство, встреча киевлянами нового князя и мораль рассказа: «...и вси людье ради быша, и мятеж влече (Хл «улеже», то есть утих. – Т. В.)». Большинство дополнительных элементов повествования удостоверяет активность киевлян. Это совет горожан, первое посольство к Мономаху в Переяславль, разграбление дворов тысяцкого и «жидов» и второе посольство с угрозой расширения мятежа. Одновременно акцентируется пассивность князя и его полное равнодушие в деле получения киевского стола⁵³. Он не только не борется за Киев, но сначала даже отказывается принять приглашение:

«Свѣтъ створиша кияне, послаша к Володимеру глаголюще: “Поиди княже на столь отень и дѣдень”. Се слышавъ Володимеръ, плакася велими, и не поиде, жаля си по братѣ. Кияни же разыграбиша... И послашася паки кияне к Володимеру глаголюще: “Поиди княже Киеву. Аще ли не поидеши, то вѣси (знай. – Т. В.), яко много зло уздвигнется”».

Из-за наплыва событий растянуто субъективное время, чем, возможно, объясняется отсутствие точной даты въезда Володимира Всеволодича в Киев. Часто пишут о «промедлении» Мономаха. А. Е. Пресняков, обративший внимание на даты Лавр (16–20 апреля), иронично отметил по поводу колебаний Мономаха: «...промедление столь краткое»⁵⁴.

Что касается расстановки «плюсов» и «минусов», положительно охарактеризован, разумеется, Мономах: благодаря его приходу «мятеж» прекращается сам собой без каких-либо карательных санкций, люди ему рады⁵⁵. Его право на Киев не подлежит сомнению. Летописец пытается

⁵¹ Этот эпитет типичен для описаний похорон, хотя он мог свидетельствовать и об отношении к князю. Ср., например, в описаниях похорон Изяслава Мстиславича и Юрия Долгорукого в Лавр и Ипат, 341Л–469И (Изяслав «благовѣрный» только в Ипат), 348Л–489И (Юрий «благовѣрный» только в Лавр); оба сообщения написаны на основе общего протографа.

⁵² Ср. Лавр: «Того же мѣсяца 20 вниде Володимеръ в Киевъ в недѣлю». Ипат: «Се же слышавъ Володимеръ, поиде в Киевъ. Начало княженья Володимѣря сына Всеволожа. Володимеръ Мономахъ съде Киевъ в недѣлю». 290Л – 276И («начало... Всеволожа» – заголовок, в Хл киноварью).

⁵³ Об интенциях летописца см., например: *Толочко О. П., Толочко П. П.* Київська Русь. С. 208.

⁵⁴ *Пресняков А. Е.* Княжое право. С. 71. Недавно предложенная датировка: «...точно указан день, когда собрался совет “киян”, обратившихся к Владимиру – на десятый день после похорон Святополка» (*Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 488) – появилась из-за неточного прочтения. В Ипат списке – «в семыи на десятии» день, то есть 17 апреля; в Хл обозначение цифрами, «.зі.» (17).

создать впечатление, что Мономах является единственным законным наследником. Киевляне просят: «Поиди на столь отень и дѣдень», – о других претендентах не говорится, хотя, по-видимому, ситуация была далеко не однозначной⁵⁶. Оценки же Святополка двойственные. С одной стороны, сохранен эпитет «благовѣрныи» и, с одобрительным комментарием «яко дивитися всѣмъ челоуѣкомъ», сказано, что вдова Святополка раздавала неисчислимы богатства⁵⁷. Нет сведений о грабеже княжеского двора, что было типичным явлением при «восстаниях» и могло бы демонстрировать «негодование» горожан. С другой стороны – умерший князь отделен от киевлян. Провожают его в последний путь только бояре и дружина, и в процессии не принимает участия митрополит (!). И это в то время, как Володимира Всеволодича буквально через несколько дней встречает весь город⁵⁸. Кроме того, отмечается, что «кияне» грабили дворы тысяцкого и «жидов»⁵⁹, что косвенно свидетельствует о недовольстве правлением.

⁵⁵ В Ипат за первую половину – середину XII в., в соответствии с ее более книжным по сравнению с Лавр характером, часто детальнее разработана тема радости. См. от 1111 г. до 1145 г.: одно упоминание «радости» в Лавр на восемь – в Ипат: 274И (4), 276И, 282И, 306Л – 301И, 312И. Хотя, разумеется, о всенародной «радости» может быть и формульным выражением. Например, в древнерусском переводе «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия рассказывается о том, как «престало» Иудейское царство и провинция стала управляться римскими чиновниками. «Людие ради быша, оже цесарство ихъ отвѣржено бысть». Это выражение не понял переписчик Виленского списка Иудейского хронографа и оставил характерную заметку на полях: «Смотри на безумныхъ людеи, чему ся радуютъ». *Мецкерский Н. А.* История. 181.28–29.

⁵⁶ Похоже, что на самом деле порядок наследования был нарушен. Среди законных наследников называли кого-то из Святославичей или Ярослава Святополчича. См.: *Толочко А. П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. К., 1992. С. 39–40. Иное мнение: *Назаренко А. В.* Владимир Мономах и киевское престолонаследие: традиция и попытка реформы // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004. М., 2006. С. 283–284. Надо сказать, А. В. Назаренко принимает на веру оценки летописей, например, пишет о «слабом Святополке».

⁵⁷ Подобные оценки раздаванию княжеского добра: 241Л, 245Л, 473И. Подавание милостыни было, как тогда считалось, одним из простых и эффективных способов попасть в рай и, по крайней мере, оставаться добрым христианином. Правда, иногда сюжет ассоциируется с историей 1015 г. с раздачей богатств Святополком Окаянным – пишут о том, что таким образом хотели «задобрить» киевлян: *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 484. Кстати сказать, двойственность оценок достаточно типична для текстов, отредактированных после каких-либо изменений политической ситуации, и это явление, по-видимому, универсальное. См., например: *Савицкий Е.* Почему пишется история? Отрицание прошлого в «Церковной истории» Ордерика Виталия // *Notio Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного.* Кн. 1. М., 2003. С. 416–437. Автор показал, что причиной амбивалентности характеристик одного из героев и всего его рода является опала у короля и смерть героя в заточении. Монах, писавший историю своего монастыря достаточно длительное время и начавший ее еще до опалы, был вынужден приспосабливаться к изменившейся политической конъюнктуре.

⁵⁸ См.: «...и плакашеся (Хл «плакашея») по немъ (Святополке. – Т. В.) бояре и дружина его вся»; «Володимеръ Мономахъ съде Киевѣ в недѣлю. Усрѣтоша же и митрополитъ Никифоръ съ епископы и со всеми кияне». Об этом см., например: *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли. С. 121–122; *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической. С. 178.

В «Сказании о чудесах св. Бориса и Глеба» акцент также поставлен на инициативности людей и пассивности Мономаха. Вместе с тем детали повествования существенно отличаются.

«Многу мятежю и крамолѣ бывъши въ людѣхъ и мълвѣ не малѣ. И тогда съвѣкупивъшеся вси людие, паче же большии и нарочитии мужи, шедше причѣтъмъ всѣхъ людии и моляху Володимира, да вышедъ уставить крамолу сущою въ людѣхъ. И вышедъ утоли мятежъ и гълку въ людѣхъ, и прѣя княжение всея Русьскы земля».

Даже если сделать скидку на книжный и потому более абстрактный, чем в летописях, стиль изложения, можно заметить следующее. Сюжетная линия пассивности не настолько проработана, как в Ипат, нет информации об отказе Мономаха прийти в Киев и о повторном приглашении князя. Кроме того, горожане не противопоставлены администрации: нет известий о грабеже дворов знати. Хотя и сказано о «крамоле и мятеже и молве», новый князь избран единодушно⁶⁰. Мономах, подобно Ипат, оценивается положительно, в то время как Святополк – резко отрицательно. Запись о его смерти непосредственно следует за инвективой против князя: он якобы не хотел перенести мощи свв. Бориса и Глеба в построенную Олегом Святославичем церковь, «...аки зазряя (завидуя. – Т. В.) труду его»⁶¹. По всей видимости, содержательные смещения версий Ипат и «Сказания» функциональны. Поскольку текст Ипат написан на основе общего с Лавр, сам Святополк остается положительным персонажем. В то же время под удар попадает его окружение: киевляне грабят его воеводу и «жидов», угрожают напасть на сотских и «ятровъ» Мономаха, то есть на вдову князя. В «Сказании» представителей княжеской администрации не видим, зато отрицательно оценивается сам князь. По-видимому, в ПВЛ проявилась схема замещения «плохого князя» «плохими боярами», достаточно продуктивная в древнерусский период⁶².

Таким образом, оправдательная версия «а» представлена двумя текстами, ПВЛ и «Сказанием», ее форманты: активность горожан, пассивная роль героя-Мономаха, положительная оценка героя, отрицательная оценка его жертвы-Святополка. Применяемые их авторами приемы несколько отличаются. Оценка Святополка завуалирована в ПВЛ и прямо

⁵⁹ Видимо, это уже в древности вызывало ассоциации со скупостью Святополка, несправедливостью и ростовщичеством. В одном из эпизодов в Киево-Печерском патерике также упоминаются «жиды», которым покровительствовал князь: *Абрамович Д.* Киево-Печерский Патерик. К., 1991. С. 152–154. Скупость была одной из наиболее неприятных черт в князе и осуждалась книжниками.

⁶⁰ Слово «молва» могло употребляться в значении ‘мятеж’, этим словом переводили греческое «στάσις». Подробнее см. в четвертой главе.

⁶¹ «...и Святополку преставивъшюся на второе лѣто по устроении церкви тоя»; *Бугославский С.* Україно-руські пам’ятки. С. 168.

⁶² О такой интерпретативной схеме на древнерусском материале см.: *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 97; *Толочко О. П., Толочко П. П.* Київська Русь. С. 97–98.

задана в «Сказании», в ПВЛ сильнее проработан мотив пассивности Мономаха. В НПЛ и Лавр – подвид версии «в» («b₂») – нейтральное сообщение о князьях, где известия о действиях «людей» отсутствуют.

№ 3. История повешения Игоревичей, детей Игоря Святославича, в Галиче согласно хронологической сетке Ипат (эта часть свода входит в ГВЛ) помещена под 6716 (при стандартном пересчете 1208) г. НПЛ о скандале в княжеском семействе коротко упоминает под 6722 (стандартно 1214) г. На самом деле в обоих летописях существенные хронологические смещения и речь, по-видимому, должна идти о 1211 или 1212 г.⁶³ Запись о выступлении галичан помещена в ГВЛ, НПЛ же о каком-либо проявлении активности горожан умалчивает. В литературе принято мнение о том, что повешение князей было делом рук бояр⁶⁴, но в летописном тексте говорится о «галичанах», хотя в предыдущем сюжете посажения Данила Романовича Галицкого на княжеский стол, в самом деле, действовали «галичские и владимирские» бояре⁶⁵. Рассказы практически не имеют точек соприкосновения, кроме самого факта повешения, вместе с тем, речь несомненно, идет об одном и том же, совершенно уникальном событии. Анализируя тексты, ученые, как правило, одну из версий считают ошибочной или прямо фальсифицированной и таким образом объясняют расхождение⁶⁶. Например, М. С. Грушевский опирался в основном на НПЛ, А. К. Зайцев, наоборот, посчитал сообщение НПЛ выдуманной инвективой, Н. Ф. Котляр также склоняется к тому, что скорее нужно доверять местной галицкой летописи, нежели далекой новгородской. Что касается достоверности, следует отметить, что информанты новгородских летописцев бывали в Галиче и получали сведения из первых рук. Когда Мстислав Мстиславич (Удатный) стал галицким князем, он привел с собой епископа Антония, который после его смерти вынужден был вернуться в Новгород. Новгородская летопись велась при дворе архиепископа, и один из ее составителей – летописец Антония⁶⁷. Поэтому говорить о неинформированности новгородских книжников оснований нет.

Напомню изложение событий в ГВЛ. Как-то сыновья Игоря Святославича, княжившие в то время в Галицкой земле, решили «из-

⁶³ Хронология ГВЛ, как уже отмечалось, условна. Даты проставлены задним числом только в одном из списков, Ипатьевском, в начале XV в. В НПЛ здесь смещение на 2 или 3 года вперед, см.: *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 253–254.

⁶⁴ См.: например: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 481; *Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство. С. 89; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь. С. 517; Галицько-Волинський літопис. За ред. М. Ф. Котляра. К., 2002. С. 178–179.

⁶⁵ Помимо того, в ГВЛ словом «бояре» обозначали также дружину и вечников, см. первую главу.

⁶⁶ Оба текста рассматривались в: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 233; Т. 3. С. 28, 509; *Паушо В. Т.* Очерки истории. С. 198; *Зайцев А. К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 116; Галицько-Волинський літопис, коментар М. Ф. Котляра. С. 178–179.

⁶⁷ Летописцу Антония принадлежат статьи НПЛ 6719–6734 гг., он же, как считается, переписал статьи предыдущего летописца владыки Митрофана. *Гунтуис А. А.* Лингво-текстологическое исследование. С. 22; *Гунтуис А. А.* К истории сложения текста. С. 14.

бити» галицких бояр, что и было сделано. 500 бояр были убиты, «...инии разбѣгошася». Затем члены одной из боярских группировок, Кормиличичи, отправились к венграм и привели в Галич в качестве нового правителя малолетнего Данила Романовича. Данила посадили на княжеском столе, а Игоревичей галичане повесили.

«Ятым же бывшим княземъ Роману, Святославу, Ростиславу. Угромъ же хотящемъ е вести королеви. Галичаномъ же молящимся имъ, да быша и/х/⁶⁸ повѣсили мѣсти ради. Убѣжени же бывше угре великими дарьми. Предани быша на повѣшение мѣсяца сентября. Данилу же княжасю в Галичи, тако младу сушу, яко и материи своеи не позна».

НПЛ трагическую историю упоминает вскользь, во вступлении к иному повествованию – о походе Мстислава Мстиславича с новгородцами на Чернигов. Реминисценция имеет целью объяснить причины похода:

«Изгони Всеволодъ Чърмьнии... внуку Ростиславле из Руси, тако река: “Брата моя есте 2 князя повесили вы в Галичи, яко злодѣя, и положили есте укорь на всѣхъ, и нѣту вамъ части въ Русской земли”. Того же лѣта прислаша внуци Ростиславли въ Новѣгородъ къ Мѣстиславу Мѣстиславицю: “Се не творить намъ Всеволодъ Святославищъ части въ Русьской земли, а поиди, поищемъ своеи отцины”»⁶⁹.

Общее в двух текстах – только сообщение о повешении князей. В остальном информация кардинально отличается, даже действующие лица разные. Данило не мог быть «Ростиславлим внуком», поскольку он «внук Мстиславль», Мстислава Изяславича. «Внуку Ростиславли» – это потомки Ростислава Мстиславича, в том числе, кстати, сам новгородский Мстислав Мстиславич, сын Мстислава Ростиславича. Различаются число жертв – два Игоревича в НПЛ, три в Ипат, ответственные за казнь – смоленские князья по НПЛ, «галичане» по Ипат, множество весьма существенных деталей.

Согласно ГВЛ, Игоревичей вешают «галичане», причем приведены основания для такого поступка: неоправданная жестокость князей, избивших незадолго перед тем 500 бояр. Специально отмечено, что Игоревичи спровоцировали конфликт и «заварили кашу», при этом сцена совещания об убийстве бояр отсылает к евангельскому описанию заговора об убийстве Иисуса⁷⁰. Только что посаженный князь в дело не вмешивался, Данило якобы был настолько мал, что и «матери своей не узнал». Пассаж вызывал недоумение исследователей, ведь Данилу на тот момент должно было ис-

⁶⁸ «и» Ипат, «их» Хл; 727И.

⁶⁹ НЛ, с. 53.

⁷⁰ Ср. ГВЛ: «Свъѣтъ же створиша Игоревичи на бояре галичкыи да избьютъ»; 723И – а также Мт.27.1: «Свъѣтъ створиша архиерѣи и старци людьстии на Иисуса, яко да убьютъ и»; Апракос Мстислава, 144в15–19, 160а.16–20, 167б.25–167в.1–4. Имеет значение, что в полном апракосе наиболее распространенной в Древней Руси редакции – это чтение Страстного четверга, Страстной пятницы и Воздвижения креста.

полниться около десяти лет⁷¹. Очевидно, на князя не хотели возлагать ответственность за случившееся, и тут мы имеем дело с явной коррекцией, связанной с апологией Романовичей. На роль злодеев в ГВЛ более всего подходят венгры. Именно они реально контролировали ситуацию в городе и отдали Игоревичей галичанам, «убежденные»⁷² дарами. Повешение не сопровождается характерными для летописей сентиментальные ремарки, единственный комментарий – «мѣсти ради». Читателю внушается мысль, что князья были достойны своей судьбы.

Наоборот, новгородский летописец ответственность за повешение всецело возлагает на князей – «Ростиславлих внуков», а о галичанам, равно как и о венграх, ничего не сказано. В речи Всеволода Чермного: «...и положили есте укоръ на всех» – прослеживаются моралистические интонации, на что обращал внимание уже М. С. Грушевский⁷³. Из летописи известна еще одна речь, проводящая идею общей ответственности всех князей, даже непримечательных прямо к злодеянию, – слова Володимира Мономаха после ослепления Василька Теребовльского. Насколько можно судить, такие прокламации были одновременно способом морального осуждения злодеев и положительной характеристики человека, их произносившего. Не столь однозначна другая деталь, упоминание «части». Подобные пассажи: «нѣту вам части (причастья)», «части не творить», «части мнѣ не даль» – встречаются в описании острых конфликтов и имеют оценочную функцию⁷⁴. Но в статье НПЛ 6722 (1214) г.

⁷¹ См., например: Галицко-Волинський літопис, коментар М. Ф. Котляра. С. 179. А. П. Толочко высказал обоснованное предположение, что Данило – не старший, а младший сын Романа Мстиславича. *Толочко А. П.* Известен ли год рождения Данила Романовича Галицкого? // *Средневековая Русь*. М., 2007. Вып. 7. С. 221–236. Но и в этом случае князю было бы не меньше 7 лет.

⁷² Кстати, слово «убѣдити» является характерным словом холмской (галицкой) части ГВЛ и, вдобавок, практически не встречается в других сводах. Единственное исключение – «убидишась» однажды зафиксировано в Киевском своде. В первой части ГВЛ используется неоднократно, часто с характерными пояснениями «убѣди рекше умоли»: 727И, 728И, 752И, 792И, 800И, 809И, 816И (2), 820И, 821И, 827И. В волинской части не отмечено. «Убѣдиста сирѣчь умолиста» имеется в Хронике Иоанна Малалы (отмечено в: *Срезневский И. И.* Материалы. Т. 3. Стб. 1120) и в Александрии Хронографической, то есть это характерное выражение указывает на знакомство составителя повествования с хронографическими текстами. Скорее всего, оно свидетельствует о том, что окончательная редакция известия должна датироваться 50–60-ми гг. XIII в., то есть тем временем, когда создавалась холмская часть ГВЛ.

⁷³ *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 233.

⁷⁴ В речи Изяслава Ярославича после нападения его племянников, Бориса Вячеславича и Олега Святославича, на Чернигов и изгнания ими его брата Всеволода Ярославича, под 1078 г.: «причастье в Русскѣи земли»; 200Л. В описании похода Юрия Долгорукого на Изяслава Мстиславича в 1149 г.; 321Л – 374И (Лавр «причастье», Ипат «часть»); лексемы могли варьироваться, в ранний период славянской письменности «причастье» характерно для памятников восточноболгарской редакции). В рассказе о конфликте 1195–1196 гг., захватившем большинство князей; 683И, 701И. «Часть» и «причастье» издавна привлекали внимание исследователей, обзор концепций: *Толочко А. П.* Князь в Древней Руси. С. 54–66. В основном ученые пытались определить содержание термина, а не интенции летописцев при его применении. А. П. Толочко обратил внимание на экстраординарность такого приема, как упоминание «части» или «причастья». Там же. С. 58–59.

слово «часть» амбивалентно. Оно играет разную роль в речи Всеволода Чермного, направленной против смоленских князей, и в речах самих этих князей, с диаметрально противоположной оценкой Всеволода, что, видимо, связано с редактированием летописи сторонником Мстислава⁷⁵. Еще один прием, приоткрывающий интенции летописца, – отделение Мстислава Мстиславича от остальных представителей его семейства. Мстислав как раз приходился внуком Ростиславу Мстиславичу, но НПЛ говорит о «Ростиславлих внуках» отстраненно, что весьма существенно влияет на расстановку акцентов. Новгородский князь не ассоциируется с виновниками повешения Игоревичей и подчеркнуто не заинтересован в получении «части» в «Русской земле».

Соотношение текстов подобно тому, что наблюдалось в первом сюжете. В Ипат оправдывающая версия «а»: горожане наказали злодеев-Игоревичей, князь не виноват, участия в этом не принимал. Схема НПЛ соответствует варианту «б» – осуждение князя, но сюжетная линия осложнена оправданием внуков Ростислава. Что касается реалий, нет надежды узнать, кто был в данном случае истинным героем. Данило Романович приходился Мстиславу Мстиславичу зятем, однако родственные связи установились между князьями уже после казни Игоревичей. Вполне возможно, что галицкий книжник задним числом приписал будущему «королю Данилу» более значительную роль в событиях, чем та, которую он мог играть в действительности в начале XIII в., когда малолетние Романовичи уступали своим более сильным соперникам⁷⁶. Что же касается расхождения в количестве жертв, то здесь все может объясняться популярностью среди книжников числа «три». Не исключено также, что это расхождение могло возникнуть вследствие того, что один из Игоревичей погиб позднее, а потом, как это часто бывало, его «пристегнули» к сюжету.

№ 4. Отступим на несколько лет назад и переместимся на северо-восток Руси. Захват суздальским князем Всеволодом Юрьевичем рязанских князей в 1207 г. имеет сложную историю. Представителей рязанской династии брали в плен в два этапа, и относительно последовательности этих этапов летописцы один другому противоречат.

⁷⁵ Как отмечалось, НПЛ представляет Мстислава Мстиславича как идеального князя.

⁷⁶ Как уже отмечалось, лексические средства и приемы обработки текста указывают на несовременность записи ГВЛ. НПЛ позволяет предполагать более значительную роль «Ростиславовых внуков» в галицких событиях, чем то согласен признать галицкий летописец. Надо сказать, у него были свои причины, чтобы увести в тень соперников Романовичей. Романовичи вовсе не имели каких-то исключительных прав на Галич, бывший на самом деле «выморочной волостью». После смерти Романа Мстиславича за нее боролись Игоревичи, связанные с последним «дедичем» Володимиром Ярославичем по материнской линии. Игорь Святославич был женат на дочери Ярослава Володимирича, сестре Володимира. Определенные права на этот стол имел и сам Всеволод Чермный, ведь его сестра Болеслава была замужем за Володимиром Ярославичем. Подобные же связи существовали и между потомками Ростислава Мстиславича и Романовичами – Рюрик Ростиславич приходился тестем Роману Мстиславичу. В дело могло быть замешано и то, что в свое время Роман насильно постриг Рюрика.

Отчет о событиях включает подготовку суздальским князем похода на Чернигов через Рязанскую землю, прибытие рязанских князей с их полками в помощь, заговор и раскол в их среде, «изымание» (захват) Всеволодом большей их части, поход на Рязанскую землю, осаду Пронска и переговоры с пронянами, взятие Пронска и посажение Ярослава Всеволодича в Рязани. НПЛ последние этапы истории не освещает, заканчивая изложение осадой Пронска и миром. Лишь в следующем году новгородский летописец пишет о неудачном начале рязанского княжения Ярослава Всеволодича, новом походе его отца и сожжении Рязани. Лавр посажение Ярослава переносит на следующий год. Рассказ помещен в Лавр под 6715 г., в ЛПС под 6716 г. и НПЛ под 6717 г. На самом деле речь идет о 6715/1207 г.⁷⁷ Для древнерусского времени конфликт достаточно примечателен, князей отпустил уже после смерти Всеволода его сын Юрий⁷⁸. Среди многочисленных расхождений в содержании ранних летописных текстов – в том числе и те, что затрагивают тему взаимоотношений князя и «людей». По одной из версий (Лавр) отправке «остатка» князей ко Всеволоду Юрьевичу поспособствовали их собственные люди, «рязанци». В то же время ни НПЛ, ни ЛПС о собрании и единогласном решении рязанцев не знают. Помимо рязанского эпизода, во всех трех текстах в эпизоде заключения мира в Пронске известную роль сыграли «проняне», но при том роль диаметрально противоположную. Если в Лавр жители города отказались от мирных переговоров с осаждающими, то в ЛПС – наоборот, потребовали от своего князя прекращения войны.

Чтобы разобраться в интенциях и приемах летописцев, придется изложить весьма пространную историю похода на Рязанскую землю в трех версиях. Начнем с Лавр. Согласно Лавр, Всеволод Юрьевич собрался идти со своими детьми на Чернигов. Решение о походе было принято в ответ на захват черниговским князем Всеволодом Черным Киева. Всеволод позвал на помощь рязанских князей – старшего среди Глебовичей Романа и его «братью»⁷⁹. Загодя узнал о том, что они имели намерения предать его. Приказал рязанской братии сесть в отдельном шатре, а сам остановился в «польстнице»⁸⁰ и послал к ним князя Давыда Муромского и «своего мужа» Михаила Борисовича с обвинениями. Подозреваемые отказывались и клялись (здесь, видимо, использована

⁷⁷ Ср.: 430–434Л; ПСРЛ. Т. 38. С. 163; НЛ, с. 50–51. В ЛПС ультрамартовский и в НПЛ ультра-ультрамартовский год. О смещениях в хронологии: *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 92, 100, 255. См. также: *Кузнецов А. А.* Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII века. Нижний Новгород, 2006. С. 135.

⁷⁸ 437Л; ПСРЛ. Т. 38. С. 164.

⁷⁹ У Глеба Рязанского (умер в 1177 г., см. I.1) было пятеро сыновей: Роман, Игорь, Володимир, Всеволод, Святослав. Из представителей старшего поколения Глебовичей в статье названы Роман и Святослав, из Игоревичей – Юрий, Ингварь, Роман; Володимиричи – Глеб, Олег, Изяслав; Всеволодич – Кир Михаил, и у Святослава два не названных поименно сына. Еще одно действующее лицо – Давыд Муромский, сын Георгия Ростиславича, брата Глеба Рязанского.

⁸⁰ Полстница – часть шатра, отделенная пологом.

евангельская цитата⁸¹), но, как оказалось, ложно: после пришли их сородичи Глеб и Олег Володимиричи и подтвердили подозрения Всеволода. Узнав, «яко въображена (расследована. – Т. В.) бысть истина», Всеволод повелел схватить Романа и его «братью», а сам пошел к Пронску. В Пронске в то время находился третий Володимирич, Изяслав. Всеволод предлагал Изяславу с пронянами мир, но те мириться не захотели и прислали посла с «буими», то есть ‘безумными’, речами.

«Проняне же пояша к собѣ Изяслава Володимерича и затворишася с ним в градѣ. Князь же великыи... не хотя видѣти крови пролитья и посла к ним мужа своего... омирить их, они же не внушиша глаголь его, не вѣдуще реченаго пророкомъ Давыдомъ: “Аще не Господь сзижеть дому, всеу трудишася зижющеи, аще не Господь стрезеть града”, и прочая. Слышав же князь великыи рѣчь ихъ буюю, повелѣ приступити ко граду»⁸².

Князь «отнял воду», измученные жаждой, горожане были вынуждены сдаться, и Всеволод посадил на этом столе коллаборациониста Олега Володимирича, воевавшего против своего родного брата Изяслава и двоюродного брата Романа Игоревича. Далее изложение становится невнятным. Князь направился к Рязани, горожане с епископом Арсением умоляли Всеволода не брать город, и тот их послушал:

«Рязанци же прислашася к нему с поклоном молящеся, дабы не приходилъ к городу, и епископъ ихъ Арсении моляся часто... князь же великыи, милосердь сы, послуша молбы ихъ, и поиде от них г Коломнѣ»⁸³.

Все это увязано с общерусскими событиями первостепенной важности: услышав о походе на Рязань, Рюрик выгнал Всеволода Чермного из Киева. Далее летописец оговаривает, что он «на предняя възвратися», и снова почти в тех же словах сообщает о мольбах Арсения и рязанцев (епископ «постиже», то есть догнал князя «с поклоном от всѣхъ людии»...) и о возвращении Всеволода в свою землю. Наконец, упоминается общее решение рязанцев. Уже после окончания похода горожане, по непонятным причинам и по собственной инициативе, послали к суздальскому князю в плен «остаток князей с княгинями».

«Князь же великыи оттолѣ поиде в Володимерь, и вниде в град... И потом рязанци вси здумавше послаша остаток князии и со княгинями к великому князю Всеволоду в Володимерь»⁸⁴.

⁸¹ По-видимому, намек на подобие сцене предательства Петром Христа. Ср. Лавр: «Онѣм же кленушимся и ротящим, яко нѣсть то тако»; 431Л. Мт.26.74: «Начать ротити ся и кляти ся, ѣко не знаю чловѣка»; Апракос Мстислава, 144в.7–8, чтение Великого четверга. Вообще весь этот рассказ Лавр насыщен библейскими цитатами, ср.: «...реченаго пророкомъ Давыдом...» (Пс.126.1) и др.

⁸² 431Л.

⁸³ 432Л.

⁸⁴ 433Л.

Затем помещено еще несколько безразличных относительно нашей темы сообщений. Лишь в следующем году сообщается, что Всеволод посадил в Рязани сына Ярослава⁸⁵, вслед за чем описан острый конфликт Ярослава с рязанцами⁸⁶.

Начало рассказа ЛПС подобно Лавр, хотя здесь очевидный пропуск или сокращение, касающееся как раз темы предательства рязанских князей. Неувязка довольно грубая: «Поиде великий князь Всеволодь къ Чернигову на Ольговичи съ сыны своими, поиде въ помощь Всеволоду», — получается, что Всеволод идет на помощь себе самому⁸⁷. Исходя из того, что из ЛПС вообще изъята тема измены и наказания: нигде не говорится о коллаборационистах Глебе и Олеге Володимиричах и о захвате рязанских князей, надо думать, здесь скорее сознательный, нежели механический пропуск. Далее описывается осада Пронска. В отличие от Лавр нет речи о мирном посольстве суздальского князя, «буих речах» и отказе пронян. Инициатива примирения исходит от горожан, а не от Всеволода, именно проняне требуют от своего князя Изяслава Володимирича (родного брата коллаборационистов Глеба и Олега) заключения мира.

«И изнемогаша людие в городъ безводиимъ, и начяша молвити проняне Изяславу: “Мирися съ Всеволодомъ, пакъ ли промысли, како ти в нас водъ быти?”»⁸⁸.

После победы над пронянами Всеволод сажает на стол в Пронске Давыда Муромского, а не Олега Володимирича, как в Лавр, и идет на Рязань. «Рязанци же отворишася ему», поход не прерывался вследствие мольбы горожан и епископа, а увенчался успехом. В этом же году, а не в следующем, Всеволод посадил на княжеский стол в Рязани Ярослава, что связано со взятием города, а не с добровольным решением рязанцев отправить в плен своих князей⁸⁹. Естественно, ЛПС ничего не сообщает о собрании рязанцев. Следующий год начинается с похода оставшихся рязанских князей: воссоединенных Олега, Глеба и Изяслава Володимиричей и Кир Михаила на Пронск и изгнания ими Давыда Муромского. После чего рассказывается о проблемах Ярослава Всеволодича в Рязани, «лести» рязанцев и ответном походе Всеволода.

Третья версия содержится в НПЛ. Описываются сборы Всеволода в поход на Чернигов. На помощь приходят новгородцы со своим князем, сыном Всеволода Константином, а также рязанские князья. Суздальский

⁸⁵ 434Л.

⁸⁶ Второй этап конфликта см. далее, II.8.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 38. С. 163. В Лавр и НПЛ в этом месте — о том, что рязанцы пришли в помощь суздальскому князю и тут их схватили. Кстати, ЛПС нигде о захвате в плен не сообщает, здесь читается только о плененных княгинях. Но статья 6721 (1213) г. повествует об освобождении князей с их дружинами и свидетельствует о том, что во Владимире все-таки сидели в заточении князья. Неувязка отмечалась, например, в: *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до сер. XVI в. М., 1965. С. 132.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 38. С. 163.

⁸⁹ Кроме того, по Лавр, Всеволод захватил в Пронске княгинь, в частности, «Кюрь Михайлову жену». Согласно ЛПС, это случилось в Рязани.

князь устраивает обед в двух разных шатрах, во время которого происходит изобличение. Процесс обвинения не похож на почти формальную длительную «тяжу» (то есть суд) Лавр. Действующие лица просто разделены на две группы: в одном шатре Всеволод, новгородцы и два княжича, Глеб и Олег, а в другом – остальные рязанские князья; Давыд Муромский в этой версии отсутствует. На обеде Глеб и Олег Володимиричи «обадиста братью свою», то есть оклеветали родственников, выдав их намерения присоединиться к черниговцам и предать Всеволода⁹⁰. Суздальский князь без промедления и колебаний схватил предателей и их «мужей» и отослал их во Владимир, а сам пошел с новгородцами «и с клеветники» (Глебом и Олегом) на Пронск. Повествование об осаде безоценочное. «Кир Михаил» Всеволодич бежал, проняне держались стойко, но Всеволод «отнял воду», и они сдались.

«И приде къ Проньску, и рече: “Передаите ми ся”. Они же стаха съ князьмъ Изяславомъ съ третиемъ Володимиричемъ; Кюръ Михайль побеже переди ис Проньска. И отья у нихъ воду, и они передашася».

В Пронске Всеволод «взял мир» с Изяславом Володимиричем, но кого оставил княжить в городе – не написано. Новгородцев Всеволод отослал домой «с Коломна», и этим эпизодом описание похода в НПЛ завершается. Ходил ли он на Рязань, не сказано, о посольстве рязанцев ничего нет (по Лавр, напомним, первое посольство с «поклоном» от рязанцев пришло как раз на Коломну). В следующем году НПЛ сообщает о столкновении Всеволода и его сына Ярослава с рязанцами, но нет и намек на предысторию этого столкновения. Новгородский летописец мог выбирать, что включать в местную летопись, а что опускать, что во многих случаях позволяло сохранить лицо новгородцам и спокойный тон – летописным записям. В данном случае, по-видимому, сталкиваемся как раз с одним из таких моментов, ведь между 1207 и 1208 гг. в Новгороде сменилась династия, и новгородцы, как видно, изменили свое отношение к суздальскому князю и его политике⁹¹.

Несмотря на значительный массив общих известий, содержательные смещения в версиях довольно велики. Как и число несоответствий. По

⁹⁰ «И сѣдоша б князь въ шатрѣ, а Глѣбъ и Ольгъ у Всеволода въ шатрѣ, и новгородци. И ту обадиста Володимирича братью свою: “И не ими княже вѣры братья наю, суть на ты сѣвѣтали съ чьрниговськими князи”, и тѣмъ е облици рязаньстии князи»; НЛ, с. 50.

⁹¹ В принципе целью новгородского летописца было рассказать о помощи новгородцев с Константином Всеволоду, а не о походе в целом. (Принципы фиксации событий в НПЛ – отдельная тема, см. посвященную этому специальную работу: *Гимон Т. В.* Новгородское летописание XII–XIII вв.: проблема отбора событий для фиксации // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени.* М., 2003. С. 334–348.) Тем не менее, улавливаемые интенции описания конфликта суздальского князя с рязанцами 1208 г. (НПЛ под 6718 г.) и 1207 г. (НПЛ 6717 г.) достаточно резко отличаются (см. далее, сюжет П.8). Судя по всему, с помощью Всеволоду в этом деле новгородцы попали в двусмысленную ситуацию. На первом этапе конфликта с рязанцами они поддерживали Всеволода, но война привела к усилению Ростиславичей. В частности, в Новгород в следующем году пришел Мстислав Мстиславич. Видимо, поэтому изложение НПЛ столь сдержанное, нет открытых обвинений и оценок.

ЛПС Рязань взяли – по Лавр нет, по Лавр, жителям Пронска мир предлагал Всеволод, по ЛПС первыми шаг навстречу попытались сделать проняне и т. д. Неясно, был ли совершен один поход или это было два похода, слившихся под пером суздальского летописца в один; как попал в плен «останок» рязанских князей – в результате собрания рязанцев или в следующем году после начала второго этапа войны... Но интенции летописцев вполне прозрачны. Все три книжника не желают возлагать ответственность за пленение на Всеволода. Лавр достаточно откровенно конструирует повествование. Во-первых, красочно обрисовано поведение «милостивого» и справедливого Всеволода и предателей – рязанских князей. Летописец пытается сказать, что князь не сразу поверил обвинению, и рисует сцену длительного суда над рязанской братией, с подозрениями, обвинениями, доказательствами и защитой. Эта легитимная картинка контрастирует со сценой «клеветы» НПЛ и приличной тому быстрой расплаты, характерной для дворов «самовластцев». Во-вторых, часть ответственности Лавр переносит на горожан, пронян и рязанцев. Что касается пронян, те сами виноваты, они ответили на предложение мира «буею речью» и отвергли возможность мирного урегулирования. Жителям же Рязани милосердный Всеволод сделал одолжение, не стал брать город – и они ответили на благодеяние, послали, «сдумав» единодушно, князей во Владимир. Не говорится о какой-либо попытке давления на людей: суздальский князь находился далеко, угрозы рязанцам не слал. Значит, князья были «плохие», «добрых» люди не отослали бы прочь. Сына Всеволод посадил на княжеском столе в Рязани уже после того, как рязанцы выявили свою волю, на свободное место и через длительное время. ЛПС и НПЛ достигают эффекта оправдания Всеволода Юрьевича, правда, несколько более скромного эффекта, иными методами. Используется частичное освещение, иначе – замалчивание. ЛПС избегает говорить о предательстве, извлекая нерв истории, а НПЛ не пишет о захвате Рязани⁹². Изложение в новгородской летописи сдержанное, инвектив в сторону побежденных нет. Отсутствие прямых обвинений оставляет открытым вопрос – была ли «клевета» Глеба и Олега правдой или нет, а следовательно, в какой-то мере возлагает ответственность за это на самих «клеветников» и на князя, поверившего им. Вместе с тем новгородцы солидарны со Всеволодом, а обед в двух шатрах разделяет действующих лиц на правых и виноватых⁹³.

Что касается реалий, даже свидетельство об измене не может считаться «объективным», хотя оно повторяется в Лавр и НПЛ и, по-види-

⁹² Какое-то, трудно определяемое сейчас значение, видимо, имеет и то, что в НПЛ говорится только о Глебе и Олеге Володимиричах, а в ЛПС – только о Давыде Муромском.

⁹³ Выражение «в едином шатре» обозначало мир и единение среди княжеской братии и несколько раз встречается в ПВЛ. См.: Писаренко Ю. Слепление Василька Теребовльского (1097). Мифологический подтекст // Соціум. К., 2003. Вып. 3. С. 179–196. Фактически, и в Лавр, и в НПЛ инверсия этого сюжетного элемента – нахождение в разных шатрах. Но детали несколько отличаются: в Лавр «Всеволод в полстнице, рязанцы – в шатре», в НПЛ – «Всеволод с новгородцами в одном шатре, рязанцы – в другом».

тому, присутствовало в источнике ЛПС. Известно о блоке общих известий в суздальском и новгородском сводах за начало XIII в., то есть все три повествования могут быть написаны на основе одного раннего нарратива. Пофантазируем, что было «на самом деле». Поскольку в данном случае наблюдается раскол между ближайшими родственниками, родными братьями – Глеб и Олег Володимиричи за Всеволода Юрьевича, а Изяслав – против, – возможны несколько вариантов. Скажем, можно предполагать ужасное злодеяние Всеволода. Он в самом деле собирался идти в поход на черниговских князей Ольговичей. Рязанцы пришли на помощь, а в городах оставили «стеречи земли» младших братьев. Суздальский князь, получив возможность захватить значительную часть княжеской рязанской братии, сделал это и сменил направление похода, опираясь на благосклонных к нему предателей. (Вообще такой ход вполне правдоподобен, средневековое войско могло отправиться отвоевывать Гроб Господень, а между делом взять Константинополь). Тогда составитель ЛПС опустил нелестную для характеристики суздальского князя завязку и превратил поход на Рязань в ординарное столкновение, чтобы война не выглядела как месть за родственников. Для тех же целей он подгрел всех под одну гребенку и решил вообще не извещать читателей о расколе среди рязанских князей⁹⁴. Иной вероятный ход: Глеб и Олег могли поменять свою позицию после слишком жестокого поступка Всеволода, временно примириться с братьями и, значит, суздальский князь воспользовался ссорой родичей. Или же рязанские князья за спиной Всеволода договорились с Ольговичами, ужасное злодеяние планировалось с рязанской стороны, и в рассказе есть зерно истины. Целостная картина не складывается в основном потому, что здесь явно достаточно мощные, но оставшиеся в тени факторы – борьба за Киев и Новгород. Они плохо прописаны в летописях, так как книжники часто старались убирать «большую политику» из сюжетов. Тем не менее, поступок Всеволода как-то повлиял на общее соотношение сил в Руси. Судя по всему, нарушена была система коалиций⁹⁵, чем воспользовались смоленские Ростиславичи. Рюрик Ростиславич выгнал Всеволода Чермного из Киева, а в следующем году Суздаль утратил такую важную сферу влияния, как Новгород, – князем новгородцев стал смоленский Мстислав Мстиславич. Наличие большого числа несогласований позволяет строить различные предположения о возможном развитии событий, но не дает оснований принять единственно верный вариант.

⁹⁴ Кстати, позднее в Лавр и НПЛ под 1218 г. помещено известие о том, что Глеб с братом Константином убили своих родственников, в том числе родного брата Изяслава. Кто такой Константин – неясно; напарник Глеба Олег к тому времени уже умер (единственный известный в источниках здравствующий и близкий топографически Константин – Константин Всеволодич).

⁹⁵ Кстати, во всех трех повествованиях подчеркивается, что Всеволод захватил в плен жену Кир Михаила, дочь Всеволода Чермного. Похоже, операция Всеволода Юрьевича способствовала ослаблению черниговских князей и усилению Ростиславичей, отчего в конечном итоге пострадал он сам.

Соответственно, нельзя однозначно решить, как развивалась ситуация дальше. Возможно, например, «покорение» рязанцев привело к тому, что на княжеском столе оказался сын Всеволода Юрьевича Ярослав, но откровенного разгрома и сожжения города на этом этапе не произошло⁹⁶. Полностью Рязань была сожжена после попытки остатка рязанских князей вернуть себе волости. Тогда даже безупречно тенденциозный нарратив Лавр не столь уж значительно подправляет события: всего лишь «отложено» во времени вокняжение Ярослава, а более-менее мирный характер первого захвата Рязани трансформирован в «договорные отношения» Всеволода с горожанами.

К сожалению, о реальном ходе событий можно только гадать. Возвращаясь же к нарративам, следует отметить, что Лавр, с одной стороны, и ЛПС вкупе с НПЛ, с другой, используют разные схемы. Лавр сделана по оправдывающей схеме («а»): положительная характеристика героя-князя, отрицательная – его жертв, пассивность князя, активность жертв и горожан. Точнее, что касается формантов активности и пассивности, наблюдается такая закономерность: герой пассивен, а его жертвы активны в том случае, если речь идет о сомнительном и жестоком деянии, требующем оправдания, однако добрые поступки приписываются добрым персонажам. Так, Всеволод колеблется и не решается схватить предателей, но, тем не менее, именно ему приписана инициатива заключения мира у Пронска. Отклонение от обычной оправдывающей схемы – нет признаков положительной оценки рязанцев. Правда, они не являются «людьми» суздальского князя, а в следующем году еще и предали его, так что такой ход вполне понятен. ЛПС и НПЛ в основном соответствует нейтральной версии («b₂»), отчетливых характеристик действующих лиц нет. В обоих случаях нейтральность достигается за счет пропуска весьма существенных деталей. Из ЛПС удалено известие о захвате рязанских князей, то есть основная причина и движущая сила конфликта. В новгородском тексте не видим попыток скрыть пленение рязанской братии, приводятся «смягчающие обстоятельства», но о действиях князя НПЛ все же пишет достаточно прямо. Умалчивается иное, неизвестен результат похода: что же стало с самой Рязанью. Так в ЛПС стирается начало, а в НПЛ – окончание истории; рязанцы не играют никакой роли в обоих текстах.

№ 5. О смещении с Владимиро-Суздальской кафедры епископа Иоанна в 1214 г. сообщают Лавр и ЛПС. Переяславский летописец пишет о том, что епископ был изгнан Юрием Всеволодичем и владимирцами, а на его место поставили более достойного кандидата. Лавр подает этот сюжет как «самоустранение» Иоанна с последующим «княжеским» наречением двух епископов на две кафедры: Владимиро-Суздальскую

⁹⁶ О том, что «торжественность церемонии въезда правителя в город всегда могла перейти в штурм, а захват города – окончиться церемонией встречи», см. в: *Dalewski Z. Rytuał i polityka Rytuał i polityka. Opowieść Galla Anonima o konflikcie Bolesława Krzywoustego ze Zbigniewem. Warszawa, 2005. S. 43.*

и Ростовскую. На параллельные известия обратил внимание М. Д. Приселков⁹⁷. Тексты невелики по объему, поэтому имеет смысл привести их полностью, см.⁹⁸:

ЛПС	Лавр
Того же лѣта володимирци съ княземъ своимъ Гюрѣмъ изьгнаша Иоанна изь епископства, зане неправо творяше, а Симона поставиша епископомъ, игумена святого Рождества Господа нашего Иисуса Христа в градѣ Володимирѣ.	В лѣто 6722. Иоан епископъ суждальскыи отписася епископи всея земля Ростовская, и пострижеса в черньцѣ в монастыри в Боголюбомь... Того ж лѣта князь Костянтинъ посла Пахомья, игумена святаго Петра, отца своего духовнаго, в Кыевъ к митрополиту Магфѣю, и постави и епископомъ Ростову... Того ж лѣта князь Гюрги, сынъ Всеволожь, изведъ Симона игумена блаженаго от Рождества святаыя Богородици и посла и в Кыевъ к митрополиту, и постави и епископомъ Суждалю и Володимерю.

ЛПС настаивает, что Юрий Всеволодич не сам изгонял епископа, он действовал вместе с людьми. При этом князь и владимирцы имели на то причину: епископ «неправо творяше». Несмотря на лапидарность известия, выстраивается схема событий, напоминающая Лавр 1177 г. (I.1): введение горожан как активных действующих лиц и, соответственно, уменьшение влияния князя; все это сопровождается компрометацией жертвы. Наррация Лавр не столь прямолинейна. На первый взгляд сообщение нейтральное: епископ якобы без какого-либо принуждения (но и повода) «отписася епископи», каковую занимал, кстати, с 1190 г.⁹⁹, после чего князья безо всякого скандала отправили на поставление к митрополиту двух новых владык. Сопоставление с ЛПС дает основание предполагать искажение событий – уход епископа все же не был добровольным. Кстати, сообщения обоих летописцев, и ЛПС, и Лавр, находятся в составе сводов, апологетически настроенных по отношению к потомкам Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. То есть в данном случае мы имеем дело с двумя редакциями, каждая из которых оправдывает князей суздальского дома. Первая схема напоминает уже встречавшиеся ранее и главной своей целью имеет оправдание князя и осуждение жертвы («а»). Во второй применяется оригинальная комбинация, сочетающая форманты из схем «b» и «b₂»: активные действия приписаны жертве-епископу, умалчивается о роли князя в событиях и сохранен нейтральный тон.

⁹⁷ Приселков М. Д. История русского летописания (1940). С. 83–84.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 38. С. 165; 438Л.

⁹⁹ О карьере Иоанна см., например: Иоанн епископ Ростовский, Словарь книжников и книжности. Вып. 1. С. 211–213; Подскальски Г. Христианство и богословская литература. С. 227–228, 464.

№ 6. От записей XIII в. вернемся в XII в. и обратимся к одному из спорных сюжетов. Противоречивые описания изгнания епископа Леона Андреем Юрьевичем (Боголюбским) помещены в Ипат под 6670 (1162) г. и Лавр под 6672 (1164) г. Кроме Ипат и Лавр, сохранился ответ константинопольского патриарха князю Андрею (в древнерусском переводе), к которому присоединено поучение о соблюдении постов. В грамоте Луки Хрисоверга не названо имя епископа, но считают, что грамота касается событий, связанных с Леоном, поскольку причиной изгнания епископа назывался спор о постах¹⁰⁰. Существенные расхождения в хронологии между Ипат и Лавр дали основания предполагать, что в действительности было два конфликта¹⁰¹. И хотя нельзя совершенно исключить мысль о том, что епископа изгоняли дважды, а точнее, трижды (Леон уже был изгнан как-то, в 1159 г.; хотя и с натяжкой, можно себе представить, что его выгнали не только во второй, но и в третий раз, используя дважды один и тот же повод – споры по поводу постов), скорее всего, в Лавр и Ипат под разными годами описывается одно событие. Помимо всего прочего, расхождение в два года – не уникальное явление в Киевском и суздальском сводах. Хронологические ошибки типичны для Ипат¹⁰², а в Лавр известие приходится на переход от южнорусского свода к владимирским записям, где отмечены пустые годы и возможен сбой хронологии¹⁰³.

История изгнания Леона издавна вызывала интерес исследователей в связи с ее значением для истории церкви: князь Андрей собирался переустроить церковную организацию Руси – организовать митрополию во Владимире. Удаление Леона было одним из пунктов его плана, на его место предполагалось поставить некоего Федорца. Анализируя ситуацию, историки, как правило, контаминируют тексты. Какое из двух

¹⁰⁰ Обзор мнений и литературу см.: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература. С. 77, прим. 239–240, с. 78, прим. 243.

¹⁰¹ См., например: *Соколов П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до XV в. К., 1913. С. 103–110, 113–114; *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической. С. 397–399; *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 174–175.

¹⁰² *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 66. Кроме 6670–6672, см. смещение на два года в Ипат и Лавр записях за XII в.: 6625–6627, 6648–6646, 6678–6676, 6681–6679, 6690–6692, 6691–6693, 6700–6702 гг. (первая дата – Ипат, вторая – Лавр). Следует добавить, сюжет об изгнании Леона входит в серию коротких сообщений. Подобные ей, включающие от 4 до 14 известий, встречаются под некоторыми годами в Киевском своде, притом часть из них дублирует подробные сообщения этого же свода. Судя по всему, записи в этих сериях летописцем были привязаны хронологически весьма приблизительно.

¹⁰³ В Лавр два пустых года разделяют сообщение об окончании росписи Золотoverхой церкви св. Богородицы во Владимире (1161 г., 351Л) и освящении церкви на Золотых вратах во Владимире (1164 г., 351Л). Начало владимирских записей, как отмечал Ю. А. Лимонов, сближается со Сказанием о чудесах Владимирской иконы Богоматери.

¹⁰⁴ Так, М. С. Грушевский, излагая историю Украины-Руси, выбирает враждебную по отношению к суздальскому князю Андрею Боголюбскому Ипат, а Ю. А. Лимонов в работе, посвященной Владимиро-Суздальскому княжеству, отдает предпочтение Лавр: *Грушевский М. С.* История України-Руси. Т. 2. С. 192; *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь. С. 56–58. Суздальская версия, более детально разработанная и легче интерпретируемая, используется в основном и М. Д. Приселковым: *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической. С. 395–399.

летописных свидетельств кладется в основу исторической реконструкции – зависит от позиции автора¹⁰⁴. О собрании «людей» упоминает Лавр. Речь идет о «тяже», то есть суде перед князем и «всѣми людьми». Последний оборот – обычное обозначение вечников, но в литературе это собрание как вечевое не квалифицируется. Причиной служит, очевидно, лапидарность упоминания, а также давняя уверенность ученых в особой исторической роли Владимиро-Суздальской земли, подкрепляемая мнением о властной натуре Андрея Боголюбского. В частности, исследователи, использовавшие Ипат, основывали на этой версии вывод о «самовластии» Андрея и о начале нового периода истории в «молодом» княжестве¹⁰⁵. И хотя в летописи имеются указания на вечевые собрания во Владимире и Суздале в то время¹⁰⁶, термин «самовластец» с характерными для XVIII–XIX вв. позитивными коннотациями до сих пор формирует представления о княжении Андрея.

Общее в обеих версиях – изгнание епископа Леона Андреем и повод к нему, спор о надлежащем соблюдении постов. Детали и интенции противоположны, ср. тексты¹⁰⁷:

Лавр	Ипат
В то же лѣто вста ересь Леонтианская, скажемъ в малѣ. Леонъ епископъ не по правдѣ поставися Суждалю: Нестеру пископу суждальскому живушю, перехвативъ Нестеровъ столъ, поча Суждали учити не ѣсти мясь въ Господьскыя праздникы в среды и в пяткы, ни на Рожество Господне, ни на Крещенье. И бысть тяжа про то велико /велика/ пред благовѣрным князем Андрѣем /и/ предо всѣми людми, и упре его владыка Феодоръ. Он же¹⁰⁸ иде на исправленье Цесарюгороду, а тамо упрѣлъ и Анѣдриянь епископъ болгарьскыи передъ цесарем Мануилом. Стоящю цесарю товары надъ рѣкою, Леону молвящю на цесаря, удариша слугы цесаревы Леона за шью и хотѣша и въ рѣцѣ утопити. Сущим ту у цесаря всѣмъ сломъ, кыевьскыи соль, и суждальскыи /соль/ Илья, и переяславьскыи, и черниговьскыи. Се же сказахом вѣрных дѣля людии, да не блазнятся о праздницѣх Божьих.	Том же лѣтѣ выгна Андрѣи епископа Леона исъ Суждаля, и братью свою погна, Мьстислава и Василка, и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего переднии. Се же створи, хотя самовластецъ быти всѣи Суждальской земли. Леона же епископа възврати опять, покаываясь от грѣха того, но в Ростовъ, а въ Суждали не да ему сѣдѣти. И держа и 4 мѣсяци въ епископии, нача просити у него от Въскресения Христова до Всих святыхъ ѣсти мяса и въ среду и въ пяток. Епископъ же повелѣ ему одну недѣлю порозную ѣсти мяса въ среду и в пятокъ, а прочею добрѣ хранити. Онъ же противу вину погна и-своеи земли. И приде Чернигову къ Святославу Олговичю, Святославъ же утѣшивъ добрѣ, пусти къ Киеву к Ростиславу.

Что находим в Лавр? Прежде всего, информация о конфликтной ситуации неполна: замалчивается изгнание младших братьев Андрея, что известно из Ипат и косвенно подтверждается одним из византийских источников¹⁰⁹. Андрей назван «благовѣрнымъ»; по отношению к живому князю это сильный оценочный эпитет¹¹⁰. Князь в Лавр версии играет пассивную роль, он только отвечает на действия епископа, который первый начинает «учити» по поводу соблюдения постов¹¹¹. Дело решается на «тяжѣ» (суде) «пред... князем Андрѣем и предо всѣми людьми» путем честной полемики: Леона «упре (победил в споре. – Т. В.) владыка Феодоръ»¹¹². Изгнание санкционировано наивысшей светской властью, «цесарем», то есть византийским императором, и незаинтересованным церковным иерархом, болгарским епископом, и оглашается публично, перед послами от всех «Руских земель». Кстати, несколько забегая наперед – летописец тут явно подправил события, ведь в послании князю Лука Хрисоверг писал о том, что епископ был оправдан церковными соборами на Руси и в Константинополе¹¹³.

Князь и люди имеют основания так поступать со своим епископом – он не достоин быть им. Отрицательная характеристика Леона занимает большую часть текста. Уже в названии летописец квалифицирует исто-

¹⁰⁵ См., например: Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С. 550; Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 2. С. 192. О том, что историки следуют схеме, предложенной летописцем, см. в: Приселков М. Д. История русского летописания (1940). С. 72–73.

¹⁰⁶ Андрея посадили на стол «ростовци и суждалци» в 1157 г., а в 1159 г. «ростовци и суждалци» изгоняли Леона. После смерти Андрея в 1175 г. состоялась целая серия вечевых собраний. Все сюжеты именуются в Лавр и Ипат.

¹⁰⁷ 520И; 351–352Л; в косых скобках в тексте отмечены варианты из РА–ЛПС.

¹⁰⁸ Так РА и ЛПС, в Л ошибочно добавлено «не». РА: «И упрѣнь бысть владыкою Феодоромъ, и иде на исправление», ЛПС «И упрѣ его владыка Феодръ онъ же иде на исправление»; ПСРЛ. Т. 38. С. 131, вар. 14.

¹⁰⁹ Иоанн Киннам упоминает Васильку Юрьевича, державшего земли у византийского императора, что косвенно подтверждает версию Ипат об изгнании Андреем младших братьев: Бибииков М. В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы: Тексты, перевод, комментарий. М., 1997. С. 56, 67. Между прочим, суздальским летописцам было известно об изгнании младших детей Юрия Долгорукого, но они приписали это деяние «суздальцам и ростовцам», см. под 6683 (1175) г. в общем фрагменте Лавр и Ипат; 372Л – 595И.

¹¹⁰ Обычно он использовался в княжеских некрологах, но с XII в. sporadически применялся и по отношению к здравствующим правителям. Тем не менее, в Ипат и Лавр таким образом упомянуты всего лишь пять князей: Ярополк Володимирч, Ростислав Мстиславич, сам Андрей Юрьевич, Всеволод Юрьевич и Рюрик Ростиславич.

¹¹¹ Идея отсутствия Божьего призвания и осуждение самочинности такового небогодуховенного «учения» и подвига была воспринята древнерусскими книжниками. См., например: Абрамович Д. Києво-Печерський Патерик. С. 126 (Слово о Никите Затворнике).

¹¹² Обычно считают, что это был кандидат Андрея во владимирские митрополиты, тот самый «Федорець», которого вскоре провозгласили еретиком и казнили в Киеве. Однако Анджей Поппэ предположил, что речь идет о митрополите Феодоре. Поппэ А. В. Митрополиты киевские и всея Руси (988–1305 гг.); Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 198.

¹¹³ См.: Подскальски Г. Христианство и богословская литература. С. 78, прим. 243.

рию: «...вста ересь леонтианская». Таким образом, Леон сразу осужден как еретик, а это чрезвычайно серьезное обвинение для Средневековья¹¹⁴. Далее пишется о незаконности его поставления на место живого епископа с помощью взятки¹¹⁵. После такого выпада отмечена активность Леона и провоцирование им конфликта. Он якобы велел «не ѣсти мясь» на великие церковные праздники: «...ни на Рождество Господне, ни на Крещенье», то есть нарушил даже достаточно суровую константинопольскую практику постов¹¹⁶. И, наконец, курьезный эпизод: недостойное поведение Леона в резиденции греческого императора и намерения слуг утопить его в реке. Утопление – подозрительное наказание: так, к примеру, поступали новгородцы со своей провинившейся «братией». К тому же известно, что греки не поддержали проект Андрея: патриарх Лука Хрисоверг увещевал князя вернуть епископа в епархию. В конце суздальский автор выражает уверенность в том, что оценка читателей будет однозначной, и выдает наперед своеобразный комплимент и предупреждение: рассказ написан ради верных людей, «...да не блазнятся (не соблазняются. – *Т. В.*) о праздницѣх Божьих». По всей видимости, здесь использованы слова Иисуса к апостолам (Ио. 16.1): «...си глагола вамъ, да не съблазните ся»¹¹⁷.

Киевское повествование не столь откровенно в своих оценках, но и не герметично. В начале истории Ипат довольно сдержанно сообщает об изгнании братьев, употребляя по отношению к Андрею эпитет «самовластець». В трудах историков обычно предполагается, что так задана положительная характеристика суздальского князя, высказывалось даже мнение, что младшие братья провинились перед Андреем¹¹⁸. Между тем есть основания утверждать, что оценки древнерусского читателя были диаметрально противоположными. Слово «самовластець» в летописях могло иметь отрицательное значение¹¹⁹, тем более в таком контексте, как изгнание братьев. Братьям, по убеждениям летописцев, надлежит жить

¹¹⁴ О том, что в подобных нарративах, по удачному выражению Збигнева Далевского, делается попытка перевести вину «z kata na ofiarę» (с палача на жертву): *Dalewski Z. Rytuał i polityka*. S. 8.

¹¹⁵ Кстати говоря, имеется и вполне светский текст, где осуждаются нападки на старшего, учителя, в близких выражениях: «еще живу сущю ему». Ср. ГА 75.5–6: «Аристотель блудникъ, живу сущю и еще Платону».

¹¹⁶ На основании этого рассказа делались выводы о древнерусской практике постов и ее нарушении, но, как показывает сравнение обеих версий, споры по поводу постов в изображении обоих летописцев разнятся. В Ипат, как будет показано далее, епископ проводит правильную политику, не позволяет нарушать пост на долгое время, а в Лавр запрещает праздновать в великие праздники, то есть поступает почти неблагочестиво.

¹¹⁷ См., например: Апракос Мстислава, 11в.14–15.

¹¹⁸ *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 192; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь. С. 550.

¹¹⁹ *Толочко А. П.* Князь в Древней Руси. С. 69–77, здесь, с. 75. Об этом конкретном сюжете в связи с отрицательным значением слова «самовластець»: *Насонов А. Н.* Малоисследованные вопросы суздальского летописания. С. 375. См. также: *Данилевский И. Н.* А был ли казус? Некоторые размышления об одной перебранке, которой, вероятно, никогда не было... // *Казус*. 2003. С. 354–355.

«братолюбно вкупе»¹²⁰. Само слово «выгна» сильное для летописи, и во многих случаях прослеживаются попытки как-то его смягчить¹²¹. Выражение «мужи отца своего» (а не «свои мужи») также далеко не простое. В большинстве случаев оно появляется в описаниях окружения молодых князей¹²² и подчеркивает соблюдение или нарушение традиции. В данном случае – как раз нарушение, усиливающее отрицательную характеристику¹²³. То, что Андрей изгнал Леона, далее «покаявся отъ грѣха того», а после снова выгнал (значит, вернулся к греху), причем выгнал «противу вину», без причины¹²⁴, – явления того же порядка. Возвратиться к греху – с точки зрения средневекового человека едва ли не хуже, чем упорствовать в грехе. Несколько загадочная деталь то, что Андрей не позволил Леону сидеть в Суздале, а посадил в Ростове. Пл. Соколов писал, что незадолго перед этим в Ростове погорели церкви и город стал не самым удобным местом для епископа¹²⁵. Может быть и так, что подчеркивается нарушение обычая, поскольку во Владимиро-Суздальской земле резиденция епископа обычно находилась в том же городе, что и княжеский стол¹²⁶.

Совершенно иной, по сравнению с Лавр, и облик Леона. В изложении Ипат епископ выступает как авторитетный иерарх, поборник православных обрядов. В этой версии именно князь обращается к епископу и таким образом признает подчиненность ему в канонических вопросах; Леон только отвечает на просьбы Андрея. В отличие от Лавр князь просил у епископа позволения есть мясо по средам

¹²⁰ Начальный стих Пс.132.1 (прокимен): «Се коль добро и коль красно, еже жити братии вкупе» – включен в текст Летописного сказания об убийстве свв. Бориса и Глеба (136Л) и многократно повторен в позднейших сводах.

¹²¹ Ср. 303Л «согна» – 296И «совкупи», 307И «выгнаша» – 308Л «пустиша», 326Л «выгна» – 396И «не утерпѣ быти» и др., все примеры в общих для Ипат и Лавр известиях.

¹²² В основном тех из них, кто недавно сел на столе. См. 1093 г. – неразумное решение новоиспеченного киевского князя Святополка (здесь не «мужи», а «большая дружина отъня и строя»); 218Л. 1096 г. – предложение Олегу урядиться в Киеве; 229–230Л. 1146 г. – предупреждение Святославу Ольговичу об опасности от «мужа отца», оказавшегося в стане его врагов; 334И. 1147 г. – смерть «мужа отца, доброго старца»; 340И. 1154 г. – Ростислав Мстиславич собирает «мужей» своего дяди Вячеслава, чтобы раздать по усопшем богатства нищим и церковникам; 473И. Мужей отца нужно уважать и слушать. Нарушали это правило Святополк Изяславич и Олег Святославич (1093 г. и 1096 г.), что не делало им чести. Кстати, один из составителей Киевского свода хорошо знал ПВЛ и привлекал ее сюжеты в качестве образцов.

¹²³ Ср. НПЛ в одобрительном отзыве о Юрии Долгоруком: «...и волости имъ раздая достоинныя» – речь шла о племянниках Юрия, в том числе о тех, кто с ним какое-то время конфликтовал. НЛ, с. 29 (см. ниже, I, 8).

¹²⁴ «Вина» – в древнеславянском не только «пр провинность», но и «причина».

¹²⁵ *Соколов Пл.* Русский архиерей. С. 101; исследователь предположил, что так завуалирована ссылка епископа.

¹²⁶ После отделения от переяславской епархии. Но не исключено, что здесь составитель Киевского свода произвел стандартную замену. Тексты Ипат, независимые от Лавр, в качестве общего имени Владимиро-Суздальской земли выбирают Суздаль, а не Ростов. В одном случае Ипат заменяет «ростовци» на «суздальци» в общем для Лавр и Ипат фрагменте; 303Л – 300И.

и пятницам не на самые большие праздники, а довольно продолжительный период – «...от Въскресения Христова до Всихъ Святыхъ», от Пасхи до первого воскресенья после Пятидесятницы. В ответ владыка позволил, а не запретил не поститься в праздничные дни: «Епископъ же повелѣ ему одну недѣлю порозную (после Пасхи. – *Т. В.*) ѣсти мяса въ среду и в пятокъ, а прочю добрѣ хранити». Слова «добрѣ хранити» означают, что такая регламентация постов летописцем одобрена. После изгнания Леон пошел к Святославу Ольговичу, а затем к Ростиславу Мстиславичу, то есть епископа поддержали два наиболее положительных персонажа Ипат. В завершающей фразе снова выражается сочувствие киевского летописца к обиженному: «утѣшив добрѣ».

Таким образом, структурные элементы Лавр: положительная характеристика Андрея, ответственность, которую разделили вместе с князем «все люди», компрометация жертвы, указание на то, что епископ инициировал конфликт, – соответствуют оправдывающей версии («а»). Они сопровождаются умолчаниями и искажением хода событий: полная легитимность изгнания, санкционирование акции Константинополем и т. п. Текст Ипат сконструирован по схеме «осуждение князя» («ф»), где сочетаются пассивность жертвы, активность князя и непричастность к изгнанию «людей», а также противоположные Лавр оценки.

№ 7. Обратимся теперь к рассказу о захвате Всеволодом Юрьевичем Торжка в 1178 г. События 1177 г. (см. сюжет I.1) имели продолжение. Всеволод не смирился с тем, что ослепленные племянники утвердились в Новгороде, и в следующем году наказал новгородцев – осадил и взял Торжок¹²⁷. Противоположные версии помещены в НПЛ и Лавр. В НПЛ главное действующее лицо – суздальский князь, в Лавр – «дружина Всеволожа», причем на том участке свода, где словом «дружина» называли «людей», вечников (подробнее об этом в первой главе). Ср. тексты¹²⁸:

НПЛ	Лавр
Въ лѣто 6686, индикта 10, мѣсяца априля въ 20. Преставися князь Мъстиславъ, сынъ Ростиславъ, а вѣнукъ Гюргевъ, и положиши и въ святѣи Софии въ притворе; а брата его Яропѣлка посадиши Новгородѣ на столѣ.	В лѣто 6686. Новгородци цѣловаше ко Всеволоду Юргевичю крестъ и не управиша. Онъ же иде к Торжкѣ в волость их, и не хотяше взяти города, бѣша бо обѣщалися дань дати ему новоторжци и не управиша. Дружина же Всеволожа начаша князю жаловатися: мы не цѣловать ихъ приѣхали, они княже, Богови лжють и тобѣ. И се рекше, удариша в конѣ и взяша городъ, мужи повязаша, а жены и дѣти на щитъ, и товаръ взяша. А городъ пожгоша весь за новгородскую неправду, оже на дни цѣлуютъ

¹²⁷ См.: *Красова А. А.* Борьба за Владимиро-Суздальскую Русь. С. 104–107, 117–119; там же литература вопроса.

¹²⁸ НЛ, с. 35–36; 386–387Л.

И зая Всеволодъ гость новгородьскыи, и показаша новгородьци путь Яропѣлку, и тогда Всеволодъ изгонивъ Новыи тѣргъ и възя. И тогда новгородьци послашася по Романа Смольнску.	крестъ цестныи и переступають. Тѣм же пророкомъ глаголетъ намъ: «Разумѣхъ, рече, яко жестоко еси и шия желѣзна въѣ твои. Того ради удержак от васъ дождь. Предѣль единъ одождихъ, а другаго не одождихъ ише. И поразихъ вы зноемъ и различными казньми, то и ту не обратитесь ко мнѣ. Сего ради винограды ваша и нивы ваша и дубравы устроишь¹²⁹, а злобъ ваших не могахъ истерти. Захарья бо пророкъ серпъ видѣ огнень съ небесе грядущъ, и рече: «На кого Господи, послалъ еси серпъ сии». Рече ему Господь: «На кленущая /кленущаяся/ именем моим, и преступающе». Клятволнобець бо мужь всякъ потребится». Князь же Всеволодъ взя городъ Торжекъ мѣсяца декамбрия въ 8 день на память святаго Потапья. Полонъ пусти в Володимерь, а сам пе/ре/бравъ дружины нѣколиво, ѣха к Ламьскому Волоку, и пусти на воропѣ, и пригнавшѣ дружина, яша князя Мстиславича Ярослава, сыновця ему, а городъ пожже, а людье бяху выбѣгли, а жита пожгоша и до всего. Князь же Всеволодъ възвратися в Володимерь.
	В лѣто 6687. Преставися Новѣгородѣ пороздноѣ недѣлѣ князь Мстиславъ Ростиславичъ, внукъ Гюргевъ, положень бысть въ святѣи Софѣи.

Согласно НПЛ, Всеволод Юрьевич «изогнал» Торжок (внезапно напал на город) и взял его, и эта акция была беспричинной. Правда, перед этим, после смерти Мстислава Ростиславича, новгородцы посадили на столе брата Мстислава, Ярополка, чем могли вызвать недовольство суздальского князя. Но Всеволод захватил («зая») новгородских «гостей» (купцов), и новгородцы тут же избавились от нежелательного для суздальской стороны претендента, «показав путь» Ярополку. То есть горожане отступили под натиском Всеволода и уже ни в чем перед ним не были виноваты. Соответственно, его поход нельзя назвать справедливым. Действия новгородцев обусловлены сложившимися обстоятельствами, а не их «самовольством»: умер Мстислав – они были вынуждены посадить его брата Ярополка, Всеволод захватил купцов – они избавились от неприятного для суздальской стороны князя, захватил Торжок – послали приглашение на новгородский стол к смоленскому князю Роману¹³⁰. Косвенно так задается и пассивная роль горожан, и оценка князя: его агрессивность и несправедливость.

Напротив, Лавр подчеркивает, что Всеволод и его «дружина» абсолютно правы. Им «не управили» (не исполнили своих обещаний или

¹²⁹ РА «истрохъ», ЛПС «сотрохъ».

¹³⁰ Что, разумеется, не означает, что новгородцы «в жизни» были кроткими овечками и только отвечали на агрессивные выпады. Речь идет исключительно о нарративных приемах.

обязательств) новгородцы. Всеволод колебался и даже «не хотел» брать город. Но столкнулся с новым проявлением коварства – «не управили» еще и новоторжцы. В ответ на что «дружина» имела полное право заявить: «Они Богови лжут и тебе». В самом разгроме князь играет пассивную роль, взятие города приписано «дружине»¹³¹. Поступок людей Всеволода освящен высшим авторитетом – привлекаются библейские цитаты о наказании клятвопреступников. Имеет значение и то, что в этом сюжете Лавр изменен порядок событий: сначала описывается поход на Торжок, а в следующем году – смерть Мстислава. Таким образом, недовольство Всеволода нельзя связать с посадением на новгородском столе второго из ослепленных им племянников. В Лавр 6686 г. мартовский, а 6687 г. – ультрамартовский, декабрь 6686 соответствует декабрю 1178 г., а «порозная недѣля» 6687 – это неделя после Пасхи того же 1178 г. (полугодом ранее)¹³². Соответственно, верна последовательность событий, как ее подает НПЛ: сначала, в апреле, смерть Мстислава, затем, в декабре, поход Всеволода. Судя по тому, что составитель Лавр вообще избегает показа конкретных причин конфликта (не составляет исключения и начало повествования, где также не уточняется, в чем именно «не управиша» Всеволоду новгородцы и новоторжцы), смещение датировки смерти Мстислава не случайно. Оно позволило обрисовать взятие Торжка как наказание клятвопреступников и избежать ненужных вопросов о правомерности жесткой политики князя.

Таким образом, в оправдывающей версии, Лавр, сочетаются: отрицательная характеристика жертв (на эту роль здесь больше всего подходят новгородцы и новоторжцы, хотя пострадали и двое князей¹³³); их активность, провоцирование ими конфликта; пассивная роль князя и активная – его «дружины»; положительная оценка Всеволода и «дружины». В осуждающей версии «в» видим прямое сообщение о походе князя, а распределение формантов активности/пассивности и оценок противоположно Лавр. В версиях имеются темпоральные смещения, искажения и умолчания. Больше всего неясности в том, какова была реальная политическая ситуация и настоящие причины конфликта¹³⁴, о чем можно только догадываться на основании сопоставления некоторых деталей обеих версий.

¹³¹ Приписано, впрочем, не вполне последовательно. Активным субъектом выступает попеременно то «дружина», то князь. См. первую главу, прим. 317. Такое несогласование возникло, скорее всего, потому, что текст отредактирован и в его основе лежит краткая версия с типичными летописными формулами.

¹³² *Бережков Н. Г. Хронология.* С. 80–81, 245–246.

¹³³ По Лавр, племянник Всеволода Ярослав Мстиславич, по НПЛ, Ярополк Ростиславич. Поскольку горожане выступают в роли жертв, это сближает данный сюжет с сюжетами II-й модели, см. далее.

¹³⁴ Что касается реальных причин, по-видимому, имел место конфликт интересов. Были задействованы несколько коалиций князей. Ослеплению суздальских Ростиславичей пытались вроде бы воспрепятствовать смоленские Ростиславичи (см. I.1), и, как видим, в Новгороде после взятия Торжка тоже появился один из представителей этого клана, Роман Ростиславич.

№ 8. Серию параллельных сообщений, касающихся захвата киевского стола, находим в летописных статьях 6662–6663/1154–1155 гг. Речь идет о смерти Изяслава Мстиславича, чехарде на киевском столе и, в конечном итоге, вокняжении Юрия Володимирича (Долгорукого), описанных в Ипат, Лавр и НПЛ¹³⁵. Косвенные известия о вечевых собраниях киевлян содержат Лавр и Ипат. В обоих сводах имеются общие блоки текста, но версия Ипат существенно расширена; характер дополнений и изменений свидетельствует о позднем редактировании (о чем ниже). Совершенно независимый вариант находим в НПЛ.

Согласно Лавр, после смерти киевского князя Изяслава Мстиславича «княне» посадили на столе его младшего брата Ростислава и таким образом восстановили дуумвират (с 1151 по 1154 г. в Киеве правили два князя – Изяслав и Вячеслав Володимирич). В интронизационных речах они желали Ростиславу мирно править вместе с дядей Вячеславом, обещая ему Киев до его «живота» («смерти»)¹³⁶. Новый князь пошел в поход на Чернигов, усмирять Изяслава Давыдовича. В это время внезапно умер старший из дуумвиров Вячеслав и политическая ситуация кардинально изменилась. Из правителя, имеющего за спиной авторитетного старшего князя, Ростислав превратился в рядового претендента на Киев. Но военные действия развивались своим чередом, и поход не был прекращен. Увидев множество половцев – союзников Изяслава Давыдовича, Ростислав «убоялся» и начал торговаться с ним. Причем торговать он стал не только собственным Киевом, но и Переяславлем, волостью своего племянника Мстислава Изяславича. Тот, оскорбившись, покинул его, а за ним разбежалось все войско. Летописец, похоже, хотел сказать, что Ростислав сам был повинен в своем несчастье, оказался плохим политиком, и, во всяком случае, его никто не предавал (что вызывает сомнения в свете данных НПЛ, см. ниже). После поражения киевляне вынуждены были пригласить на стол черниговского князя, и вновь нет речи о предательстве – говорится о мирном приглашении на свободный стол из-за страха перед половцами, хотя половцы находились как раз в войске Изяслава и угроза исходила именно от него¹³⁷.

«Тогда же тяжко бысть кыянью, не остал бо ся бяшеть у них никаковъ князь. И послаша кыяне... по Изяслава по Давыдовича, рекуще: поиди г Киеву, ать не возмутъ нас половци»¹³⁸.

Давыдович, однако, не удержался в Киеве. После подхода Юрия Долгорукого оба соперника, Ростислав и Изяслав Давыдович, добровольно признали его сюзеренитет. Ростислав просил о мире, Изяслав

¹³⁵ 471–478И; 342–345Л; НЛ, с. 29.

¹³⁶ «Тогда же приде Ростиславъ и посадиша и кыяне в Киевѣ, рекуще ему: якоже брат твой чтилъ Вячеслава, такоже и ты чти, а до твоего живота твои Киевѣ»; 342Л.

¹³⁷ Отмечалось, например, в: *Котляр Н. Ф.* Древнерусская государственность. С. 339.

¹³⁸ 343–344Л.

униженно молил Юрия «не створити ему пакости», говорил, что его «посадили кияне». Юрий, «милостивъ сыи», уладил дело мирными переговорами, продемонстрировав свою силу и правильную политику.

Ипат включает дополнительные блоки сведений о Ростиславе Мстиславиче¹³⁹, вписанные симпатизировавшим ему летописцем, и множество деталей, касающихся других князей. Часть из них привела к неувязкам с фрагментами общего с Лавр текста, что свидетельствует об очевидно позднем редактировании Киевского свода. Например, племянник Ростислава Мстислав Изяславич бросает дядю, войско еще два дня бьется с половцами, и половцы даже «смятошась» («пришли в замешательство», слово, употребляемое обычно в победных описаниях бегства врагов). После чего русские князья в спешке бегут, причем Мстислав бежит вместе с остальными, чего не могло быть, если бы сражение в самом деле продолжалось еще два дня после его ухода. В Лавр этого двухдневного периода нет. Далее, в дополнительных фрагментах Ипат сын Ростислава Святослав спасает отца, а в общем с Лавр тексте он бежит вместе со Мстиславом, то есть отдельно от Ростислава. Оба фрагмента Ипат следуют один за другим, и, таким образом, Святослав «пребывает» одновременно в двух разных местах¹⁴⁰.

Относительно «киян» также имеется дополнительная информация. Во-первых, после смерти Вячеслава «мужи» Ростислава якобы произносили речи о необходимости договора («утвержения») с киевлянами, но князь не внял доброму совету¹⁴¹.

«Мужи же боряняхуть ему поити Чернигову, рекучи ему: “Се Богъ пояль строя твоего Вячеслава, а ты ся еси еще с людми Киевѣ не утвердиль, а поѣди лѣпле в Киевѣ же, с людми утвердися. Да аче стрьи придеть на тя Дюрги, понѣ ты ся с людми утвердиль будеши, годно ти ся с ним умирити, умиришися, паки ли, а рать зачнеши с ним”. Ростиславъ же всего того не послуша».

И во-вторых, в сцене посольства киевлян к Изяславу Давыдовичу еще раз подчеркивается инициатива черниговского князя и пассивность «киян». Изяслав в этой версии первый заявил о своем намерении утвердиться в Киеве: «хочю к вамъ поѣхати»¹⁴².

¹³⁹ Радость киевлян по поводу того, что Ростислав пришел в Киев (470–471И); справедливое наделение им Святослава Всеволодича (471И); оказание помощи Мстиславу Изяславичу (471–472И); щедрая раздача «имѣния» Вячеслава церквям, монастырям и убогим (473И); описание битвы с половцами, где Ростислав бьется с врагами, а не бежит при одном их виде (475И). См. также вероятный пропуск фрагмента общего с Лавр текста. По Лавр, Юрий «Не помяня злыбы брата его и его», то есть Изяслава Мстиславича и самого Ростислава. В Ипат только «злыбы брата его», значит, одного Изяслава; 476И – 344Л.

¹⁴⁰ Подробнее: *Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста. Р. 53–56.

¹⁴¹ 473–474И.

¹⁴² «Изяславъ же посла кияномъ, река: “Хочю к вамъ поѣхати”. Они же, боячеся половецъ, зане тогда тяжко баше кияномъ...». Далее текст, общий с Лавр; 476И.

Речь «мужей» принимали за доказательство большого влияния вечевых собраний в Киеве в середине XII в., хотя и отмечалось, что сведения о двойном ряде противоречивы¹⁴³. Как представляется, здесь апелляция к реалиям невозможна, поскольку на самом деле речь идет не об отражении реальности, а об усилении одного из элементов летописной схемы. В Лавр и общих с ней фрагментах Ипат кияне «уряжаются» с Ростиславом, а после князь сам бежит, что полностью снимает подозрения в предательстве с кого бы то ни было. Составитель Киевского свода добавляет, что, если бы заключили еще один «ряд», Ростислав остался бы княжить в Киеве, и создает некую видимость гарантии, которую давало это соглашение. Вдобавок князь не слушает разумного совета и, так сказать, сам себя наказывает за «своеволие» – еще один оправдательный ход. Гарантия является совершенно иллюзорной, так как Ростислав забрал уже все войско: сначала киевлян, а после смерти Вячеслава – «прокъ дружины» (оба сообщения есть в Лавр и Ипат)¹⁴⁴, и реальной пользы от «утвержения» быть не могло. Кроме того, в случае поражения в битве договоренность с горожанами отнюдь не являлась решающим фактором. В Ипат приводятся как-то речи «киян» к своим побежденным князьям: уходите из города, «...не погубита ны до конца»¹⁴⁵. То же касается и подчеркнутой пассивности горожан в сцене приглашения Изяслава Давыдовича. Вообще говоря, при сложившихся обстоятельствах Изяслав мог сесть в Киеве или в результате предательства, или с помощью военной силы. Летописец старается уверить нас, что не было ни того ни другого. Ни предательства – киевляне однажды урядились и могли урядиться снова, но Ростислав сам не пожелал. Ни насилия – они добровольно заключили мирный договор с Изяславом Давыдовичем. Добавки Ипат, в том числе дополнительный блок о двойном «ряде», имеют нарративную функцию. Судя по всему, целью киевского книжника было не только создание редакции в пользу Ростислава Мстиславича, но и усиление оправдания «киян», и он вполне успешно справился со своей задачей. Настолько успешно, что современные исследователи до сих пор следуют его оценкам.

Совершенно независимую от Лавр и Ипат версию находим в НПЛ. Новгородский летописец кратко сообщает о сменах на киевском столе

¹⁴³ *Сергеевич В. И.* Вече и князь. С. 77; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 81; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории. С. 65; *Линниченко И. А.* Вече в Киевской области. С. 48; *Грушевский М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 176–177, 294; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 198; *Паушто В. Т.* Черты политического строя. С. 34; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства. С. 302; *Котляр Н. Ф.* Древнерусская государственность. С. 338; *Соловьев К. А.* Властители и судьи. С. 38. Одна из последних попыток преодолеть противоречивость сообщения предпринята К. А. Соловьевым. По его мнению, одна договоренность была достигнута при Вячеславе, а другая – после его смерти, и условия договора должны были измениться. Однако, следует напомнить, по летописи кияне договаривались о княжении Ростислава до его (а не Вячеслава) «живота».

¹⁴⁴ Ср.: 474И, 343Л.

¹⁴⁵ 383И, под 1149 г.

после смерти Изяслава Мстиславича. В отличие от Лавр и Ипат НПЛ не информирует о действиях киевлян, агентами истории выступают князья¹⁴⁶.

«Тои же зимѣ прѣставися Вячеслав Киевѣ. Тѣгда же иде Ростислав къ Чернигову ис Києва, сѣдевь Киевѣ неделю 1, и побѣдиша и (его. – *Т. В.*), прѣльстивъше, и сѣде Изяслав Давыдовиць Киевѣ. 6663 (1155). На вѣрбницю вѣниде князь Гюрги Киеву и сѣде на столѣ, а Изяслав избежа Давыдовиць Църнигову».

Отсутствие каких-либо упоминаний о горожанах нельзя приписать краткости сообщения. Ср. в аналогичной ситуации, касающейся Изяслава Давыдовича, в столь же лаконичном тексте: «Тои же веснѣ переставися Гюрги князь Киевѣ, и посадиша Изяслава Давыдовица кыяне на столѣ»¹⁴⁷. В приведенной выше цитате привлекает внимание слово «прельстивъше», означающее обычно нечестную победу или предательство¹⁴⁸. В остальном сообщение безоценочное. Правда, в контексте статей 1154 г. и 1155 г. характеристика Ростислава Мстиславича – все же отрицательная, а Юрия – положительная. Ростислав «не створи ряду» новгородцам (т.е. не уладил дела, как то следовало), тогда как Юрий по вокняжению в Киеве поступил как истинный правитель:

«И възнегодоваша новгородци, зане не створи имь ряду, нѣ боле раздѣра, и показаша путь по немь сынови его... и прия Гюрги сыновъць (племянников, в том числе того же Ростислава. – *Т. В.*) въ мирь съ любовью, и волости имь раздая достойныя, и бысть тишина въ Русьѣти земли»¹⁴⁹.

Итак, по всей вероятности, здесь имеем дело с нетипичной серией: все три летописи симпатизируют одному и тому же князю, Юрию Долгорукому. Ипат благосклонна также к киевлянам и Ростиславу, но в ней сохранен обширный пласт общего с Лавр текста, потому оценки и не отличаются кардинально от Лавр, как это ожидалось бы, ведь в норме для киевского сводчика Ростислав Мстиславич – исключительно положительный персонаж. Кроме того, здесь три, а не две стороны: Ростислав, Изяслав Давыдович и Юрий Володимирч. В Лавр и Ипат представлена версия «а», где система формантов включает такую действующую фигуру, как «кияне». Горожане активны в начале повествования, приглашают Ростислава, и это свидетельствует об их доброй воле и верности заведенному порядку. Далее их роль скорее страдательная, Изяслава Давыдовича они вынуждены позвать под давлением обстоятельств. Таким образом, распределение активных/пассивных ролей со-

¹⁴⁶ НИ, с. 29.

¹⁴⁷ 1157 г.; НИ, с. 30.

¹⁴⁸ О подобных выражениях в ПВЛ см., например: *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». С. 44–45.

¹⁴⁹ НИ, с. 29.

ответствует закономерности «добрым персонажам приписаны добрые дела». Кроме того, отмечены активность жертвы-Ростислава и одного из князей-соперников (Изяслава Давыдовича); даны оценки, положительная – Юрию, отрицательная – его противникам. В Ипат враждебное отношение к Ростиславу смягчено, однако основные элементы наррации, которые должны были подтвердить честность поведения киевлян и бесконфликтность их отношений с Ростиславом, даже усилены. НПЛ содержит лишь известия о князьях, горожане в ней отсутствуют. Оценки действующих лиц заданы косвенно, и в целом версия НПЛ может быть квалифицирована как нейтральная («b₂»).

№ 9. Обратимся к одному из наиболее ранних и наиболее противоречивых сюжетов о посажении в Новгороде/изгнании из Новгорода Давыда Святославича 6603 (1095) г. и вокняжении сына Мономаха, Мстислава. Известия об этой истории содержат ПВЛ и НПЛ. Дополнительными источниками служат «Список новгородских князей» в НПЛ младшей редакции, «Поучение» Мономаха и его «Послание к Олегу Святославичу». Версии настолько разнятся, что историки твердо уверены: здесь зафиксированы разные события. Чтобы развести их во времени, предлагают хронологические смещения: датировку НПЛ сдвигают на год назад, а ПВЛ – на год вперед, получая, соответственно, 1094 и 1096 гг.¹⁵⁰

Согласно ПВЛ, в 6603 (1095) г. с Давыдом Святославичем случилась довольно неприятная история. Воспользовавшись его отсутствием, новгородцы пригласили к себе на княжение старшего сына Мономаха Мстислава, а Давыд был вынужден вернуться в Смоленск¹⁵¹.

«Сего же лѣта исходяща иде Давыдъ Святославичъ из Новагорода Смолинску. Новгородци же идоша Ростову по Мъстислава Володимерича, /и/ поемше ведоша и Новугороду, а Давыдови рекоша: “Не ходи к нам”. /И/ пошедъ Давыдъ, воротися Смолинску, и съде Смолинскѣ, а Мъстиславъ Новѣгородѣ съде».

¹⁵⁰ См., например: *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 220–222; *Янин В. Л.* Новгородские посадники (1962). С. 50–51; *Цыб С. В.* Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». Барнаул, 1995. С. 30–31. Основанием для такой операции является то, что в двух случаях хронология НПЛ, видимо, смещена на один год сравнительно с ПВЛ – в сообщении о смерти Глеба Святославича (1079–1078 г.) и о битве Мстислава на Колашке (1097–1096 г.). В ПВЛ также наблюдается путаница в статьях 1095–1096 гг.: *Алеикова М. Х.* «Повість временних літ» та її редакції // УІЖ. 1967. № 3. С. 39. В последнее время было предложено иное решение. По мнению А. В. Назаренко, изгнание Давыда новгородцами состоялось в конце 1095 г., пока договаривались с Мстиславом и его отцом, прошло время, и Мстислав пришел в Новгород в 1096 г.; летописцы вели счет неполными годами, и 1095–1096 посчитали за два года. *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 550.

¹⁵¹ В скобках, летописец обходит молчанием, как Давыд попал в Смоленск, бывший волостью Мономаха. Ср. 229Л, и в «Поучении», 247Л, 250Л. О вопросе передачи смоленского стола см.: *Янин В. Л.* Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // ТОДРЛ. Л., 1960. Т. XVI. С. 116–117; *Писаренко Ю. Г.* Смоленский князьский стіл за часів Володимира Мономаха // Археологія. 1989. № 4. С. 59–69.

В следующем 1096 г. Святополк с Мономахом наказали брата Давыда, известного нарушителя общественного спокойствия Олега Святославича – осадили его в Стародубе и вынудили уйти из Черниговской земли, что стало кульминацией неудач этой княжеской ветви. Дело Мономаха затем продолжил его сын Мстислав, разгромив Олега при попытках возврата в Муром и Суздальскую область¹⁵².

НПЛ, в отличие от ПВЛ, сообщает о неизвестном из ПВЛ походе на Давыда к Смоленску и отмечает, что в 1095 г. у Давыда не отобрали, а дали ему Новгород, к тому же действовали не новгородцы, а князья:

«Иде Святопѣлкъ и Володимиръ на Давыда Смольнску, и вдаша Давыду Новъгородъ»¹⁵³.

Смысл известия вызывает недоумение. Придача к Смоленску Новгорода шла вразрез с «правилами проведения осад». Следствием таких походов, как смоленский, было лишение волости, изгнание в худшую волость, а в лучшем для жертвы случае – сохранение status quo. Причины странного поведения князей НПЛ не объясняет. Нельзя говорить и об ошибке летописца, так как первую часть данной версии частично подтверждает Мономах в своем «Поучении» и «Послании» к Олегу Святославичу. Он пишет о том же неизвестном ПВЛ походе со Святополком на Давыда к Смоленску, хотя новгородский эпизод им опущен. Далее Мономах упоминает и об осаде Стародуба, но в другом контексте – в связи со смоленским походом. Что в конечном итоге нарушает относительную хронологию ПВЛ, ведь в ПВЛ отход Давыда в Смоленск предшествует осаде Стародуба. Ср. в «Поучении»: «И Стародубу идохом на Олга, зане ся бяше приложилъ к половцем... и Смолиньску идохом, с Давыдом смирившесе паки». В «Послании» Мономах, оправдываясь перед Олегом, также вначале пишет: «Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба... тако вѣ даяла и у Стародуба, и милкусяюча по тебѣ, отчину твою», – а затем о договоре с Давыдом: «...с братом твоимъ рядилися есвѣ, а не поможеть рядитися бес тебе, и не створила есвѣ лиха ничто же»¹⁵⁴.

¹⁵² 230Л, 237–240Л. После смерти их отца, Святослава Ярославича, вокняжившегося в Киеве не вполне праведным путем (Святослав изгнал своего старшего брата Изяслава), Святославичи были лишены волостей. Достоверно известно, что один из них, Олег, пребывал в Византии. Возвратились они в Русь почти через два десятка лет, после смерти Всеволода Ярославича, последнего представителя поколения детей Ярослава Мудрого, и сразу активно включились в борьбу за волости. Вначале борьба была вполне успешной – в их распоряжение попал Чернигов, а на какое-то время – также Смоленск и Новгород. Но двоюродные братья, Святополк и Мономах, не собирались сдаваться без боя и одно время лишили их даже Чернигова (1096 г.). В конечном итоге в 1097 г. на Любечском съезде договорились о том, что Святославичи получают «отчину». Исходя из позднейших известий, у них остались Черниговская и Муромская земли.

¹⁵³ НЛ, с. 19, 202.

¹⁵⁴ 249Л; 254–255Л. Чтобы не нарушать относительную хронологию ПВЛ, осаду Стародуба традиционно датируют 1096 г., а мир с Давыдом – 1097 г., отождествляя его с Любечским договором или событиями после договора. См., например: *Ивакин И. М.*

«Список новгородских князей» НПЛ мл. ред. вообще обходит молчанием политические пертурбации, сказано только:

«А Давыд прииде Новугороду княжить, и по двою лѣту выгнаша и (его. – Т. В.), и прииде Мьстиславъ опять»¹⁵⁵.

Анализируя этот эпизод, исследователи исходят из данных ПВЛ, НПЛ и «Списка»; «Поучение» и «Послание» не привлекаются. Однако «Список» – источник поздний и, по некоторым признакам, зависимый от летописи¹⁵⁶. «По двою лѣту», то есть «через два года» – результат собственных вычислений летописца, произведенных на основании НПЛ: 1095–1097 гг. 1095 г. – статья о наделении Давыда Новгородом, 1097 г. – как князь новгородский упоминается Мстислав. Обычно не учитывается и еще одно важное известие. В «Поучении», написанном после смерти сына Мономаха Изяслава, убитого в столкновении

Князь Владимир Мономах и его Поучение. М., 1901. Ч. 1. С. 197; *Орлов А. С.* Владимир Мономах. М.; Л., 1947. С. 147 (на Любечском съезде Смоленск отдали Мономаху, это и есть «смирившеся»); *Гунтуис А. А.* Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 153. Почему это Любечский съезд, подробного обоснования нет. При детальном рассмотрении предположение это выглядит невероятным. В Любече, по ПВЛ, договаривались не с одним Давыдом, а со множеством князей, и Олег при этом присутствовал, тогда как Мономах в «Послании» прямо говорит о неучастии Олега в переговорах. Кроме того, в «Поучении» сообщается о походе к Смоленску. Кстати сказать, такая датировка у И. М. Ивакина, от работы которого во многом отталкиваются позднейшие исследователи, опиралась в том числе и на расчеты хронологии столкновений с половцами (о них в «Поучении» сообщается непосредственно перед известием о Давыде). Исходя в основном из ПВЛ, исследователь писал: «С июня 1096 до весны 1103 враждебных действий между князьями и половцами не было»; *Ивакин И. М.* Князь Владимир. С. 195. Но даже в ПВЛ фиксируется столкновение с половцами этого периода – где половцы выступают на стороне Давыда Игоревича и бьются против союзников Святополка венгров. Правда, летописец весьма своеобразно осветил эту битву, в частности, о Давыде и Боняке говорится: «Сбиша угры акы в мячь, яко се соколь сбиваетъ галиць»; 271Л (сокол – Боняк!; ср. также о трех полках, в 300 чел., победивших стотысячное войско – вероятно, по модели ветхозаветной истории Гедеона, Суд. 7, и также с положительной оценкой), – но тем не менее. Следует добавить, что ПВЛ за 1093–1100 гг. крайне тенденциозна (*Вилкул Т. Л.* До портрета Мономаха. Тексты і версії // УЇЖ. 2004. № 1. С. 53–72), но эта тенденциозность не обязательно должна была проявиться в той же мере в «Поучении».

¹⁵⁵ НЛ, с. 161, 470.

¹⁵⁶ См.: *Янин В. Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 160; *Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 167; *Гунтуис А. А.* К истории сложения текста. С. 16–17. Новгородские списки не информируют, к примеру, о княжении в Новгороде Изяслава Ярославича, о чем известно не из летописей, а из приписки к Остромирову Евангелию: «Изяславу же князю тогда предръжящу обе власти, и отца своего Ярослава, и брата своего Володимира... Киевѣ... Новѣгородѣ». Кстати сказать, по-видимому, зависимы от летописи и списки новгородских посадников, один из них помещен в НПЛ мл. ред. в том же комплексе, что и список князей: *Гимон Т. В.* К характеристике летописного перечня новгородских посадников // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). Проблемы культуры и культурного наследия: Докл. третьей науч. конф. (Муром, 17–20 мая 2000 г.). М., 2003. С. 128–136.

с Олегом Святославичем, имеется косвенное свидетельство того, что Мстислав Володимирич еще не стал к тому времени новгородским князем (согласно ПВЛ, это 1096 г., то есть уже после «приглашения Мстислава новгородцами»). Мономах пишет о том, что его сыновья сидят, «хлѣбъ ѣдучи дѣдень», а «хлеб деда» дети Мономаха могли есть в Ростове, а не Новгороде. Ср.: «Да то ти съдѣти сынъ твои хрѣстнии (вероятно, Мстислав – Т. В.) с малым братомъ своимъ, хлѣбъ ѣдучи дѣдень, а ты съдиши в своемъ, а осе ся ряди. Али хочеши тою (тех двоих) убити, а то ти еста, понеже не хочу я лиха, но добра хочю братьи и Русьскѣи земли»¹⁵⁷. Попутно, пассаж Мономаха с позволением Олегу убить его детей и одновременно своеобразной мольбой не делать этого входит в противоречие с версией ПВЛ о победоносных сражениях Мстислава.

Если учитывать весь комплекс источников, то предложенные учеными объяснения, в том числе хронологические поправки, не устраняют противоречий и несостыковок. Полностью изменен смысл событий. На основании «Поучения» и «Послания» нетрудно реконструировать последовательную целенаправленную акцию Святополка и Мономаха против своих двоюродных братьев: сначала они вытеснили из волости Олега, после взялись за Давыда¹⁵⁸. Из ПВЛ же сделать вывод о давлении на Святославичей невозможно. В поле зрения читателя попадает только Олег, закономерно поплатившийся за свое содействие половцам и строптивость. Давыда же выгоняют якобы не князья, а новгородцы, и его неудача с походом Святополка и Мономаха против Олега никак не связана. НПЛ вообще не освещает конфликт, не фиксируя даже дел, касающихся непосредственно Новгорода. В частности, нет ничего о вокняжении Мстислава Володимирича¹⁵⁹.

Исходя из того, что древнерусские авторы в описаниях тревожных событий часто уклонялись от показа реального положения вещей и для достижения этой цели использовали целый набор приемов, можно предложить такое объяснение. Меньше всего искажений, по-видимому, в «Поучении» и «Послании» Мономаха. Поскольку князь писал для самого Олега Святославича, он лишь пропустил несколько эпизо-

¹⁵⁷ 254Л. «Тою» и «еста» – двойственное число, значит, речь шла о двоих детях Мономаха. На то, что Мономах акцентирует наследственность владения, обратил внимание М. Б. Свердлов: *Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 475.*

¹⁵⁸ Об этом не пишется прямо, но оправдательные нотки особенно ощутимы в «Послании». Основным результатом походов, согласно «Поучению», было соблюдение отчинных прав Олега (!) и какой-то мир с Давыдом. В «Послании» утверждается, что предполагался договор с обоими Святославичами, но Олег в этом не участвовал. Возможно, правда, было несколько походов на Смоленск (в «Поучении» «смирившеса паки»), то есть 'опять'), но, во всяком случае, это еще не Любеч.

¹⁵⁹ Не сказано, как ушел Давыд и как появился Мстислав. Княжение Мстислава не имеет начала: «Въ лѣто 6605 (1097). Слеплень бысть Василко. Въ то же лѣто, зимѣ, побѣди Мъстислав /с/ новгородци Олга на Кулацкѣ»; НЛ, с. 19. На этом участке текст НПЛ старш. ред. и НПЛ мл. ред. совпадает. Надо сказать, одним из узлов конфликта внуков Ярослава следует считать утверждение Мстислава в Новгороде, так как этот город в норме находился во владении киевского князя.

дов, в том числе новгородский, и подчеркивал свои добрые интенции: «...не хотѣхъ крови твоеи видѣти», «...такое вѣдая (мы со Святополком давали тебе. – Т. В.)... отчину твою». Как это воспринималось адресатом, неясно, и действительности не вполне соответствовало, но это уже другой вопрос¹⁶⁰. ПВЛ использует передачу инициативы от князей горожанам и замалчивает поход на Смоленск (попутно вводя темпоральные смещения и корректируя дальнейшее описание боев Мстислава с Олегом в Ростове и Муроме). Новгородский летописец ответственность за появление Давыда в Новгороде возлагает на князей и избегает описания дальнейшего развития событий. Например, уходит от ответа на такой, казалось бы, важный для Новгорода вопрос: как появился в городе Мстислав?¹⁶¹ Интенции ясно выражены в ПВЛ. Со знаком «плюс» обрисовано семейство Мономаха, со знаком «минус» – Олег Святославич, отношение к Давыду более-менее нейтральное¹⁶². В тех случаях, когда Святополк поддерживает Мономаха, его также относят к «правой стороне».

Как события происходили на самом деле, трудно сказать. Как кажется, книжники старались скрыть какие-то неблагоприятные эпизоды затяжного конфликта двоюродных братьев. Можно осторожно предположить, что Святополк с Мономахом попробовали расколоть братьев-Святославичей, с чем и следует связывать «придачу» Новгорода Давыду. Тогда появление в городе Мстислава вызвано перераспределением сил в княжеских коалициях – последующим союзом его отца Мономаха и дяди Олега¹⁶³. Если известие «Послания» о «хлебе деда» соответствует истине (что весьма вероятно), то ПВЛ не просто скрывает, а прямо искажает события. Это должно означать, что в рассказе об изгнании Давыда и посадении Мстислава сталкиваемся с фикцией, выказываю-

¹⁶⁰ Князья пришли под Стародуб отнюдь не для того, чтоб обеспечить получение Олегом «отчины». Кроме того, версия «Поучения», текста, постепенно складывавшегося и редактировавшегося (см.: *Гунтуус А. А.* Сочинения Владимира Мономаха // Русский язык в научном освещении. Ч. I. 2003. № 2 (6); Ч. 2. 2004. № 2 (8)), более схожа с ПВЛ, чем «Послание». К примеру, в «Поучении» поход на Стародуб имеет благоприятный предлог, ведь Олег «приложился» к половцам, в «Послании» же этого нет.

¹⁶¹ Надо сказать, новгородские летописцы раннего времени не стремились к максимально полному освещению местной истории; о сменах князей в Новгороде XI в. НПЛ сообщает более скупое, чем ПВЛ: *Вилкул Т. Л.* «И седе... Киеве» (к характеристике одного из источников Новгородской первой летописи старшей редакции) // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его текст. XV. М., 2003. С. 36–40.

¹⁶² За исключением того, что летописцы с помощью отношения горожан (в частности, принятия или непринятия на княжение) могли демонстрировать положительные или отрицательные черты князя, см. ниже, сюжеты III модели.

¹⁶³ Судя по всему, Мономах и Олег пострадали от создания коалиции Святополк – Давыд. В известиях ПВЛ, начиная с описания Любечского съезда, Олег стоит после Давыда, хотя он был его старше, что показывает анализ ктиторовского портрета Изборника Святослава 1073 г. На эту деталь обратил внимание Мартин Дымник: *Dimnik M.* The Dynasty of Chernigov. 1054–1146. Toronto, 1994. P. 38–40. При этом в сообщениях начала XII в. Олег ближе к Мономаху, а Давыд к Святополку. Подробнее об этом: *Вилкул Т. Л.* До портрета Мономаха.

щей стремление растянуть время княжения Мстислава и одновременно – прикрыть давление на Давыда.

Однако, какой бы мы ни приняли вариант, попытки реконструкции событий будут гадательными. Переводя же рассуждения об этом сюжете в формальные рамки, можно заметить следующее. В текстах представлены в разной пропорции элементы версий «а» и «b₂» – оправдывающей и нейтральной. В ПВЛ преобладает первая, здесь сочетаются такие форманты, как активная роль смольнян и откровенные оценки князей. Тем не менее, прослеживаются и попытки объективизировать изложение, заданные в том числе с помощью сокрытия и искажения событий. В «Поучении» и «Послании» активная роль отдана князьям, имеются лакуны в освещении событий, а также оправдательные пассажи о добрых намерениях Мономаха, «люди» не упоминаются. НПЛ представляет версию «b₂» в чистом виде: сообщение о действиях князей нейтральное, события освещены частично. Ни один источник, кроме ПВЛ, о решающей роли горожан не говорит.

№ 10. Наконец, еще один интересный и, помимо всего прочего, самый ранний параллельный летописный сюжет, который можно отнести к I модели, – об изгнании Святополка Окаянного, датируемый ПВЛ 6527 (1019) г. Не хотелось затрагивать его прежде, так как его конструкция по некоторым параметрам отклоняется от типичной схемы. Об изгнании Святополка повествуют ПВЛ, НПЛ, Сказание о св. Борисе и Глебе, «Чтение о житии и погублении святую страстотерпцу Романа и Давыда», написанное Нестором, и некоторые другие памятники. Борисо-глебскому циклу посвящена огромная литература¹⁶⁴, и здесь я не буду затрагивать спорные проблемы взаимоотношения текстов, равно как и реконструкции реалий. Остановлюсь только на одном эпизоде, относящемся ко времени после убиения Глеба.

В «Чтении» имеется странный пассаж, редко привлекающий внимание исследователей. Святополк, услышав весть о том, что его поручение убить Глеба выполнено, начал гонения на оставшихся братьев, вызвавшие «крамолу... от людий». Эта самая крамола якобы и послужила тому, что в конечном итоге он был изгнан из Руси и окончил жизнь в чужих землях.

«Си слышав немилосердыи ть, не съжалиси о томъ, ни поне малы управися от того, нь и на прочюю братью въздвизоше гонения, хотя и вся изубити и ти самъ единъ владѣти всѣми странами. Нь Богъ свѣдыи тайны сердечныя, и *хотя всѣмъ челоуѣкомъ спастися и в разумъ истиньныи приити*, не попусти оканьному тако сътворити, нь потреби от земля сея. Крамолъ бывшей от людий и изгнану ему сущо не токмо из града ны (нь) изъ области всея, избѣжавше же ему въ страны чюжи, и тамо животь свои сконца»¹⁶⁵.

¹⁶⁴ Обзор см.: Словарь книжников и книжности. Вып. 1. С. 398–408; Подскальски Г. Христианство и богословская литература. С. 184–196.

¹⁶⁵ Бугославський С. Україно-руські пам'ятки. С. 194.

Думается, любой сколько-нибудь начитанный в древнерусской истории читатель припомнит, что обычно противоборство Ярослава и Святополка излагается совершенно иначе. В других источниках нет известий о подобной «людской крамоле». В ПВЛ и НПЛ речь идет об активности новгородцев, но она направлена против Ярослава, а не Святополка. Действующей силой изгнания убийцы Бориса и Глеба в изображении большинства книжников является мститель за убиенных Ярослав, именно ему несколько раз приходится сражаться со Святополком.

Необходимо отметить, интенции всех повествований, в том числе «Чтения», совпадают: святые страстотерпцы и Ярослав находятся на стороне добрых сил, а «окаянный» Святополк – на стороне злых. Но бегство и гибель Святополка в большинстве текстов есть следствие его поражения в последней битве с Ярославом, «Чтение» же ответственность за смерть виновника усобицы возлагает исключительно на «людей», выполняющих Божий промысел. Непосредственно перед известием о крамоле Нестор помещает цитату из Апостола, 1 Тим.2.4: «Богъ... хотя всѣмъ челоуѣкомъ спастися и в разумъ истинный приити», – которая обычно используется в связи с темой принятия христианства и, соответственно, представляет собой сильный характеризующий пассаж¹⁶⁶. Кардинально отличается от летописной у Нестора и схема передачи княжения. Законным наследником является Борис, Святополк, убив его, узурпирует власть. Ярослав садится на киевском столе уже после смерти Святополка, и о каких-либо активных действиях для достижения этой цели (в том числе о сражениях 1016 г., 1018 г., 1019 г.!) ничего не говорится. Вся сложная и запутанная история походов и контратак уместилась буквально в двух строках:

«Тако же по умертвии оканьнаго (Святополка. – *Т. В.*) прия власть блаженую¹⁶⁷ брат именовъ Ярославъ, и тѣ же бѣ старѣи блаженого».

Прием несторовского «Чтения» не поддерживается ни одним другим источником борисо-глебского цикла, но при этом в общем соответствует схемам, наблюдаемым в параллельных сюжетах этой модели. По Нестору, изгнание произошло благодаря «людям», в остальных текстах – благодаря князю. Соответственно, противоположно распределены активные и пассивные роли персонажей. Особенностью борисо-глебского сюжета является неизменность системы оценок. Вероятно, это вызвано тем, что к моменту составления произведения Нестора основная схема истории убийства св. Бориса и Глеба уже сложилась, а преподобный внес только некоторые дополнительные элементы с целью ее дальнейшего благо-

¹⁶⁶ Например, в произведениях кирилло-мефодиевского цикла и «Слове о законе и благодати». Соответственно, «люди» в этом сюжете оцениваются однозначно положительно.

¹⁶⁷ Двойственное число, имеются в виду блаженные Борис и Глеб, ср., однако, далее о Ярославе: «...бѣ старѣи блаженого», где «блаженным» назван, как это типично для «Чтения», только Борис.

раживания. Вдобавок, в борисо-глебском цикле сложная конструкция, так как здесь не две, а три стороны – еще Борис и Глеб, однозначно положительные персонажи. «Чтение» в этом смысле представляет собой типичную оправдывающую версию «а»: герой-Ярослав пассивен, вообще не причастен к страданиям и изгнанию антигероя Святополка, вся ответственность ложится на «людей». В остальных текстах версия нетипичная. При такой схеме Ярослав должен был оцениваться отрицательно, а Святополк – положительно, ведь его роль сближалась с ролью жертвы, однако положительная характеристика Святополка прослеживается только у Титмара Мерзебургского¹⁶⁸.

Помимо названных сюжетов, имеются еще несколько, где параллель к летописному варианту находим в зарубежных источниках. Неясно, можно ли считать их полным аналогом вышеприведенным, так как неизвестно, совпадали ли нарративные модели латиноязычных и греческих авторов с древнерусскими. Поэтому этот тип текстов оставляю в стороне, но все же хотелось бы назвать два любопытных случая, где параллельные древнерусским летописям известия находятся в латиноязычных текстах. В 1073 г. мир и согласие среди сыновей Ярослава Мудрого были нарушены. Старшего Ярославича, киевского князя Изяслава, изгнали из Руси, а на его столе сели Святослав и Всеволод. ПВЛ виновником узурпации власти и изгнания Изяслава считает его братьев, князей Святослава и Всеволода, или даже скорее одного Святослава (Всеволод якобы простодушно внял его наветам)¹⁶⁹, ни о каком вмешательстве «людей» речь не идет. Но немецкий хронист Зигеберт из Жамблу представил события иначе: «После того, как два брата, короли русов, столкнулись в борьбе за власть, старший из них, **изгнанный всей страной**, докучает императору Генриху...»¹⁷⁰ Второй эпизод – осаду Данилом и Васильком Романовичами Люблина (по Ипат списку ГВЛ, 1245 г.) – разделяет с первым почти две сотни лет. О походе сообщают польский Рочник Свентокшиский и Хроника Длугоша¹⁷¹, а также ГВЛ. Если в польских текстах говорится о военных действиях

¹⁶⁸ Его текст здесь отдельно не рассматриваю, ограничиваясь исключительно кругом древнерусских памятников. Тем не менее, Титмар намекает на то, что Святополк не мог быть убийцей Бориса и Глеба, так как был посажен в тюрьму своим отцом, а затем был вынужден бежать в Польшу, то есть приписывает князю строго страдательную роль. Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 322–324.

¹⁶⁹ 182Л.

¹⁷⁰ «Два брата» – здесь имеются в виду Изяслав и Святослав Ярославичи. См.: *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 461; Латиноязычные источники по истории Древней Руси. М., 1989. С. 170–171.

¹⁷¹ По мнению Дариуша Домбровского, этот Рочник послужил материалом для Длугоша, распространившего его в свойственной ему манере. *Dąbrowski D.* Czy Jan Długosz pisząc siódmą księgę „Annalium” korzystał z Kroniki halicko – wołyńskiej lub źródła jej pokrewnego? // *Ruthenica*. К., 2004. III. С. 153. Anno Domini millesimo CCXL quarto Rutheni per diversos insultus Lublin et totum territorium devastant et succedunt et castrum per se edificare ceperunt et turrim muratam fecerunt. *Rocznik świętokrzyski, Monumenta Poloniae Historica*, t. XII, wyd. Anna Rutkowska – Płachcińska, Kraków, 1996. S. 39. Цит. по: *Dąbrowski D.* Czy Jan Długosz. С. 153.

князей и в конечном итоге о разорении города, то ГВЛ, напротив, пишет о договоренности с люблинцами и о том, что Романовичи ушли, оставив город нетронутым, удовлетворившись якобы обещанием горожан «не помогать своему князю»¹⁷². Активная роль отводится жителям Люблина, и слегка подправлены последствия осады.

Подводя итог наблюдениям над этой серией текстов, следует отметить, что параллельные сообщения I модели представлены двумя версиями. В сюжетах 1177 г., 1211 г., 6670/6672 (1162 /1164) г. и 1178 г. это оправдывающая главного героя («а») и зеркально противоположная ей осуждающая («b») версии. В остальных текстах оправдывающей князя версии «а» противостоит нейтральная «b₂». Как правило, это краткие сообщения о действиях князей, исключаящие возможность оценки. Как прочитывались они современниками – неясно. «Галичане», «люди», «новгородци» упоминаются только в первой («а»), во второй («b» и «b₂») агентами истории выступают князья. Наблюдается нестрогая закономерность: осуждающая версия «b» чаще встречается в сюжетах второй половины XII–XIII в., а нейтральная «b₂» характерна в основном для текстов XI – середины XII в. Порой в нейтральные тексты проникают элементы оправдывающей версии, и наоборот. Приведенные на с.164 таблицы показывают наличие формантов в текстах этой модели.

Некоторые из формантов являются обязательными, другие – факультативными. Важно, что среди обязательной пары находим чередование известия о действиях князя («b» и «b₂») и упоминания «людей», веча («а»).

Табл.1
Версия «а»

Сюжеты, г.	1177 Владимир	1113 Киев	1211 Галич	1207 Рязань	1214 Владимир	1162 /1164 Суздаль	1178 Торжок	1154 Киев	1095 Смоленск	1019 Русь
Активность «людей»	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Положительная оценка «людей»	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Пассивность князя	+	+	+	+	+ ⁻¹⁷³	+ ⁻	+ ⁻	+ ⁻	+	+
Положительная оценка князя	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Отрицательная оценка жертвы	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Активность жертвы	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+

¹⁷² «И придоша на градъ Люблинь, одного дне быста подь градомъ ис Холма... И оуведевше ляхове, яко крѣпчѣ брань руская належить, начаша просити милость получитьи. Даниль же и Василко створиста завѣтъ, положивъ имь, реко/ша/ “Не помогаите князю своему”. Они же обѣща/ша/ся то створити. Даниль же со братомъ возвратистася, воеваша страну ту»; 796–797И.

¹⁷³ В сюжетах 1214 г. и 1164 г. князь действует вместе с людьми. Кроме того, в сюжете 1154 г. пассивная роль не может быть выписана последовательно, так как речь идет о военных действиях соперников.

Версии «b» и «b₂»

Сюжеты, г.	1177 Владимир	1113 Клев	1211 Галич	1207 Рязань	1214 Владимир	1162/1164 Суздаль	1178 Поржок	1154 Клев	1095 Смоленск	1019 Русь
Сообщение о действиях князя	+	+	+	+ – ¹⁷⁴	+	+	+	+	+	+
Не фиксируется вмешательство «людей»	+	+	+	+	+	+	+ – ¹⁷⁵	+	+	+
Отрицательная характеристика князя	+		+			+	+	–		–
Положительная характеристика жертвы	+		+			+	+	–		–
Пассивность жертвы	+		+		– ¹⁷⁶	+	+	–		–
Темпоральные смещения ¹⁷⁷	+	+	+	+		+	+		+	
Искажения и умолчания	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Конфликты с князем

II модель представлена описаниями конфликтных вечевых собраний. В рассказах о конфликтах горожан с князем расхождение версий не так впечатляет, как в предыдущем случае. В частности, упоминания веча, «людей» не появляются внезапно и не исчезают в никуда, а присутствуют во всех параллельных текстах. Тем не менее, расхождения касаются весьма существенных деталей – характера собрания, временных параметров. Это явление, как и в других случаях, связано с оценкой событий и их участников разными летописцами. Еще одно отличие – роль вечников часто близка к роли героя, а князь может выступать в роли жертвы горожан. Начну с новгородских сюжетов. Их больше всего, они практически исчерпывают набор приемов, которыми оперировали летописцы, и могут служить своеобразным полигоном исследования.

№ 1. Первый сюжет – о смене князей в Новгороде 6675/1167 г. После смерти Ростислава Мстиславича и вокняжения в Киеве Мстислава Изяславича новгородским князем вместо сына Ростислава, Святослава, стал сын Мстислава, Роман. Активное участие в событиях приняли новгородцы; «вѣче» упоминается в Ипат, в НПЛ сообщение не прямое.

¹⁷⁴ Исключение – в ЛПС вообще опущено сообщение о захвате в плен рязанских князей.

¹⁷⁵ Новгородцы не прямо пассивны, но подчеркивается, что они только отвечают на действия князя.

¹⁷⁶ Как уже отмечалось, соотношение текстов в этой серии, а также в сюжетах 1154 г. и 1015 г. не вполне типичное, смешиваются элементы оправдывающей и критической версий.

¹⁷⁷ Темпоральные смещения – «растягивание» и «сжимание» времени, перестановка событий местами, равно как и искажения и умолчания, касаются обеих версий, так как о них можно судить только на основании сопоставления текстов. Поэтому выделяю их в отдельную графу.

В Ипат смещение в хронологии, год 6677¹⁷⁸, но, безусловно, речь идет об одном и том же эпизоде, поскольку из источников известно только одно княжение Романа Мстиславича в Новгороде. Версии, как правило, не сопоставляются. Сложилось так, что они были строго распределены по темам исторических исследований: в работах, посвященных вечевого тематике, привлекались сведения Ипат, а в разделах, освещающих предпосылки похода Андрея Боголюбского на Киев 1169 г., – НПЛ¹⁷⁹.

Прощупывается общая фактологическая основа обоих известий: Святослав Ростиславич ушел из Новгорода после смерти отца, причем ушел до своего, так сказать, официального изгнания. На его место сел Роман Мстиславич, сын нового киевского князя. Тем не менее, ситуация освещается совершенно по-разному¹⁸⁰:

Ипат	НПЛ
Том же лѣтъ начаша новгородци вѣче дѣяти в таинѣ по дворомъ на князя своего на Святослава на Ярославича¹⁸¹. И приѣхавше на Городище приятели его, начаша повѣдати: «Княже, дѣють людье вѣче ночь, а хотять тя яти, а промышляли о собѣ». Князь же испытавъ извѣсто о собѣ и о нихъ, яви дружинѣ своеи. И рѣша ему дружина: «А топерво суть к тобѣ хрестъ целовали вси по отни смерти; но обаче невѣрни суть всегда ко всимъ княземъ, а промышляимы о собѣ, али начнуть о насъ людие промышляти»... ...Прислаша новгородци къ Мьстиславу, просяче сына у него, и дасть имъ Романа, и болши вражда бысть на Мьстислава от братьѣ, и начаша ся снашивати рѣчьми братья вси на Мьстислава, и тако утвердившеся крестомъ братья.	Въ то же лѣто выиде князь Святославъ из Новагорода на Луки, и присла въ Новьгородъ, яко «Не хоцо у васъ княжити». Новгородци же цѣловавъше святую Богородицю, яко «Не хоцемъ его», идоша прогнать его съ Лукъ. Онъ же услышавъ, оже идуть на нь, иде Торопьцю, а новгородци послаша въ Русь къ Мьстиславу по сынѣ. Святославъ же иде на Вьлгу, и вѣда ему Аньдреи помощь, и пожьже Новьи Тьргъ... И съложихася на Новьгородъ Аньрѣи съ смольяны и съ полоцяны, и пути заяша, и сълы изьмаша новгородскыя вьсьде, вѣсти не дадуце Киеву къ Мьстиславу, а Святослава силою мѣстяце въ городъ, а то слово рекуще: «Нѣту вамъ князя иного, развѣ Святослава».

¹⁷⁸ Хронологические расхождения обусловлены смещениями датировок во всей этой части Киевского свода. В НПЛ год мартовский, в Ипат – ультра-ультрамартовский. *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 240–241.

¹⁷⁹ См., например: *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 97; *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства. С. 69–70; *Грушевский М. С.* История Украины-Руси. Т. 2. С. 196; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь. С. 550; *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь. С. 68; *Петров А. В.* Социально-политическая борьба в Новгороде в середине и второй половине XII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1988. Вып. 11. С. 32–33.

¹⁸⁰ Ср.: 537И, 543И; НІ, с. 32.

¹⁸¹ Ошибка во всех списках, надо: Ростиславича.

Согласно Ипат, Святослава вынудили уйти новгородцы, которые организовали заговор, «дѣяли вѣче» по ночам. Оценка горожан однозначна отрицательная: нарушили только что данную перед смертью отца молодого князя присягу, намеревались схватить Святослава. Дружина прямо обвиняет новгородцев: «...невѣрни суть всегда ко всимъ княземъ». Указание на ночное время проведения тайных собраний – деталь, подчеркивающая такую характеристику: срабатывает символика светлого и темного, ясного, честного и скрытого¹⁸². В дальнейшем изложении нет сведений об отстаивании Святославом своих прав и борьбе за княжение¹⁸³, и осуждается старший его соперник – новый киевский князь Мстислав. Присылая сына Романа в Новгород, он якобы совершил ужасную ошибку, такой его поступок вызвал поход на Киев и, в конечном итоге, обусловил лишение киевского стола и разгром Киева 1169 г.¹⁸⁴

Наоборот, по НПЛ, инициатором конфликта является Святослав Ростиславич. Именно он первым ушел из Новгорода, да еще и прислал послов с обидными «речами». Никакого заговора не было, НПЛ рисует только вынужденные ответные шаги новгородцев: горожане действительно пригласили на новгородский стол Романа, но уже после того, как Святослав от них отказался. Сообщается также, что он не был невинной жертвой, его союзники пытались силой вернуть его в Новгород. Приход Романа фиксируется с деталями, придающими рассказу торжественность: достаточно редкое указание на индикт¹⁸⁵, «радость» горожан по поводу вступления в город нового правителя и т. п.¹⁸⁶ Ординарная смена князя в Новгороде после перемещений на киевском столе подана как некое достижение новгородцев. В соответствии с этим вокняжение Романа автономизировано и как бы не связано с киевской политикой.

¹⁸² Как правило, известие о собрании «по дворам в ночи» истолковывают буквально, хотя оно несет вполне определенную смысловую нагрузку. Чаще всего семантика ночи, темноты использовалась в описаниях битв. Помимо всего прочего, она отразилась в борисоглебском цикле и, вследствие этого, стала одним из книжных топосов. См., например, сюжеты 1016 г., 142Л, НІ, с. 15; 1019 г., 144Л; 1024 г., 148Л; 1069 г., 173Л; 1074 г., 188Л; 1149 г., 322Л и др. Ср. также в Житии Феодосия: святой провокационно завещал похоронить себя после захода солнца, нарушив обычную практику; 188Л. Что касается «тайного в ночи», имеем три подобных свидетельства, касающихся веховой темы. Приведенное известие Ипат 6677/1167 г. осуждает новгородцев, а НПЛ под 1141 г. (сюжет П.2) и 1222 г. (П.6) пишет о том, что тайно в ночи бежал князь, и, соответственно, оценка новгородцев положительная, а князя – их жертвы – отрицательная.

¹⁸³ Нет – имеется в виду, в этом сюжете, обладающем известной завершенностью. В известии о смерти Святослава все же сказано о том, что он умер, «воюя Новгородскую волость»; 550И.

¹⁸⁴ Ср. 543И. Надо сказать, в целом Мстислав Изяславич был положительным персонажем Ипат. Но в данном случае столкнулись интересы Мстислава и Ростиславичей, один из которых, Рюрик, как предполагается, был заказчиком Киевского свода.

¹⁸⁵ Указание на индикт (15-летний круг) в НПЛ фиксируется под 1115 г., 1136 г. (дважды), 1137 г., 1168 г. и 1178 г., а после этого снова только под 1345 г.

¹⁸⁶ «6676 (1168). Приде князь Романъ Мъстиславиць, вьнуць Изяславль, Новугороду на столь... индикта... и ради быша новгородьци своему хотению»; НІ, с. 33.

Обращает на себя внимание и то, что в НПЛ нет намеков на столкновение чьих-либо интересов и не говорится о разгроме Киева 1169 г.¹⁸⁷ (Ср. яркие описания взятия города войсками Андрея Боголюбского в Лавр и Ипат.)¹⁸⁸

Обе версии, каждая по-своему, скрывают подтекст конфликта – перемены на киевском столе и борьбу княжеских коалиций. В обеих нарративах начинают борьбу отрицательные персонажи, а положительные только принимают необходимые меры. Манипулирование формантами активности и пассивности героя и жертвы уже встречалось в сюжетах I модели. Интерпретируя подобные смысловые смещения, следует учитывать, что в человеческом сознании высказывание «а случилось после б» является полным эквивалентом «а случилось вследствие б». Таким образом, вопрос «кто первый начал» фактически выливается в вопрос «кто виноват». В нашем случае летописцы выстраивают последовательно активную или пассивную линию, но линии эти разнонаправленны, что приводит к темпоральным смещениям. По НПЛ, Святослав начал конфликт, а вече состоялось *после* бегства князя. По Ипат – побег спровоцировали новгородцы и вече собиралось *до* того, как он покинул Новгород. Конструирование агрессивной роли вызывает и логический сбой: если, по НПЛ, Святослав сам заявлял, что «не хочет» княжить, зачем было силой возвращать его на место? И, разумеется, участникам конфликта в Ипат и НПЛ даны диаметрально противоположные оценки. Система формантов в НПЛ, оправдывающая героев-вечников (версия «а»), такова: активность жертвы-Святослава, пассивность героев-новгородцев, отрицательная характеристика жертвы, положительная характеристика соперников жертвы (Мстислава Изяславича и его сына Романа) и самих новгородцев. В Ипат, осуждающей вечников («б»), все перевернуто с ног на голову или, не исключено, с головы на ноги: активность горожан и соперника, пассивность жертвы, отрицательная характеристика вечников и соперника, положительная оценка жертвы. В обеих версиях весьма фрагментарно, лишь отдельными намеками показан более широкий политический контекст борьбы за Киев.

№ 2. Следующее параллельное сообщение – о конфликте Всеволода Ольговича с новгородцами, датировка которого в летописях различается: 6648–6649, 6648–6650 или 6649–6650/1141–1142 гг.¹⁸⁹ О нем известно из трех сводов: Лавр, Ипат и НПЛ; в основе Лавр и Ипат лежит общий

¹⁸⁷ «Въ то же врѣмъ ходиша Ростиславици съ Андреевицьмъ и съ смолняны и съ полочяны и съ муромьци и съ рязаньци на Мьстислава Киеву; онъ же не бияся с ними, отступи волею Києва». НИ, с. 33, под 6676 г. (известие относится к 6677/1169 г., см.: *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 245).

¹⁸⁸ См.: 354Л; 544–545И.

¹⁸⁹ 307–310И; 308–309Л; НИ, с. 26. При стандартном пересчете лет в Ипат и Лавр начало конфликта датируют 1140 г. Правильная хронология в НПЛ, мартовский 6649/1141 г., в Лавр – на единицу меньше мартовского, в Ипат – сложные смещения. См.: *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 233, 236, 243.

текст. Историки в основном опираются на «более полную» версию Ипат или же на независимую как от Ипат, так и от Лавр НПЛ; изредка прибегают к контаминации текстов¹⁹⁰. Противоречивость известий обычно не учитывается, несмотря на то что содержательные смещения весьма значительны.

Тема сюжета – последнее изгнание Святослава Ольговича из Новгорода¹⁹¹. Точнее, поскольку не все летописцы согласились бы с определением «изгнание», следует подыскать более нейтральное обозначение. Суть дела заключается в том, что из Новгорода ушел Святослав Ольгович, и это вызвало конфликт с его братом, киевским князем Всеволодом Ольговичем. Последний задержал у себя новгородское посольство, а новгородцы тем временем посадили у себя на княжеском столе сына Юрия Долгорукого, Ростислава. Каким-то образом в эту историю оказались замешаны Мстиславичи, дети Мстислава Володимирича (Мстислава Великого). Летописцы не так много говорят об их участии, но, судя по некоторым данным, это вмешательство и составляло сердцевину конфликта: после смерти Мстислава его сыновья были оттеснены старшим поколением на периферию, но продолжали энергично бороться за свои интересы¹⁹². В следующем году ссора была улажена: Всеволод разрешил сесть в Новгороде Святополку Мстиславичу, а Ростислав Юрьевич вернулся к отцу.

Больше всего расхождений в описаниях завязки и развязки. Лавр повествует о том, что новгородцы выгнали Святослава Ольговича, а затем отправили посольство в Киев. Горожане выставили требования Всеволоду Ольговичу, используя уступчивость киевского князя, дерзко меняли свои решения, что привело к разрыву отношений:

«Новгородци выгнаша Святослава, а ко Всеволоду прислаша епископа с мужи своими, рекуше: “Даи нам сынъ свои, а Святослава не хотим”. И посла к ним сынъ свои, и бывшую ему Черниговъ, и новгородци сдумавше, рекоша Всеволоду: “Не хотим сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хотим племени Володимеря”. Всеволодъ же посла по них и вороти епископа с ними, и держа и¹⁹³ съ епископомъ. А новгородци сдумавше рекоша: “Даи ны шюрина своего Мстиславича”»¹⁹⁴.

¹⁹⁰ См., например: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 141; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь. С. 490 (по Ипат); *Янин В. Л.* Новгородские посадники. (1962). С. 96–97 (по НПЛ).

¹⁹¹ Этого князя изгоняли несколько раз, впервые он появился в Новгороде в 1136 г., см. третью главу.

¹⁹² *Вилкул Т. Л.* Новгородцы и русские князья. S. 45–47. Борьба разворачивалась между Мономахичами (детьми Володимира Мономаха) и его внуками–Мстиславичами, то есть это был один из типичных для Древней Руси конфликтов дядьев и племянников. Мстиславичи использовали родственные связи по материнской линии с династией черниговских князей Ольговичей.

¹⁹³ Так ЛР, А и ЛПС – «а» (‘их’). Ср. 308Л и ПСРЛ. Т. 38. С. 110, вар. 87.

¹⁹⁴ 308Л.

Всеволод никого не пустил к ним на княжение и запретил представителям «племени Володимеря» (потомкам Володимира Мономаха) Мстиславичам вмешиваться в новгородские дела¹⁹⁵. В следующем году, «...не стерпяче безо князя сѣдити», новгородцы отправили посольство в Суздаль к Юрию Долгорукому, и он направил к ним своего сына Ростислава. Еще через несколько месяцев конфликт был наконец улажен:

«1141... вспять уладися Всеволодь с шюринома своима¹⁹⁶ и да има Новьгородъ, и посадиша Святополка Новѣгородѣ, а Гюргевича заста Новѣгородѣ и посла и къ отцю»¹⁹⁷.

Все фрагменты Лавр, за исключением последнего, читаются также в Ипат, но komponуются иначе, перебиваясь пространными вставками. Сначала киевский летописец сообщает о недовольстве новгородцев и о том, что Святослав Ольгович сам просил у брата Всеволода позволения оставить Новгород:

«Почаша вѣставити новгородци у вѣчи на Святослава про его злобу, онъ же узрѣвъ, оже вѣставають на нь новгородьци, посла къ брату Всеволоду, река ему: “Тягота, брате, в людехъ сихъ, а не хочю в нихъ быти, а кого тобѣ любо, того послѣ во нь”»¹⁹⁸.

Всеволод потребовал у новгородцев «муж лѣпшихъ» и хотел дать им на княжение своего сына (также Святослава). Узнал, что те снова «вѣсташа... въ вѣчи и избиваютъ приятелѣ Святославлѣ про его насилье», и не послал сына. Святослав Ольгович тем временем «бѣжа ис женою, и съ дружиною своею». Далее идет общий с Лавр текст, из-за чего создается противоречие: Всеволод ведь уже отказался послать в Новгород сына, но снова соглашается и снова отказывается. Такая неувязка возникла, очевидно, вследствие поздней компиляции общего с Лавр исходного текста и дополнительных фрагментов¹⁹⁹. Вокняжение Святополка Мстиславича по киевской версии – результат договоренности Всеволода Ольговича одновременно и с Мстиславичами, и с новгородцами. Особо подчеркнута роль Изяслава Мстиславича, что вполне отвечает тенденциям Ипат, ведь Изяслав – один из излюбленных героев составителя Киевского свода.

«Посла Изяславъ къ сестрѣ своєї, рече: испроси ны у зятѣ²⁰⁰ Новгородъ Великыи брату своему Святополку, она же тако створи. 6650... Посла

¹⁹⁵ «Всеволодь же не хотя перепустити Новагорода Володимеричем, призва шюрина своя и да има Берестини, река: “Новагорода не березѣта, ати сѣдятъ о своєї силѣ, кдѣ си князь ни налѣзуть”»; 308Л.

¹⁹⁶ Речь идет о двух Мстиславичах – Святополке и, видимо, Изяславе.

¹⁹⁷ 309Л.

¹⁹⁸ 307И.

¹⁹⁹ *Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста. Р. 35–36.

²⁰⁰ Всеволод Ольгович был женат на дочери Мстислава Великого, здесь «зять» – ‘шурин’, то есть шурин Изяслава Мстиславича.

Всеволодъ Святополка в Новѣгородѣ, шюрина своего, смолвѣся с новѣгородьци, которыхъ то былъ приялъ, и поѣша и новгородци, и сѣде и на столѣ, а Дюрдевич (Ростислава Юрьевича. – *Т. В.*)... пусти къ отцю в Суждаль»²⁰¹.

НПЛ текстуально не зависит ни от Лавр, ни от Ипат и содержит кардинально иные сведения. Согласно новгородскому своду, Всеволод проявляет недовольство новгородцами. Во всяком случае, под предыдущим 6648/1140 г. читается: «Потоциша Киеву къ Всѣволоду Къснятина Микульциця... инѣхъ муж 6, оковавъше»²⁰². Затем он сам просит поменять брата на сына. Новгородцы соглашаются, но задерживают Святослава Ольговича, и тот решает бежать:

«Придоша ис Києва от Всѣволода по брата Святослава, вести Киеву; “А сына моего, рече, примите собе князя”²⁰³. И яко послаша епископа по сына его и много лепшихъ людии, а Святославу реша: “А ты пожди брата, тоже поидеши”. Онъ же убоявъся новгородьць: “Чи прѣльстивъше мя имуть”, – и бежа отаи в ночь».

Только после бегства князя новгородцы бьют и сбрасывают с моста его приятелей: посадника Якуна с братом Прокопием. Далее рассказывается о том, как Всеволод разгневался и новгородцы сидели 9 месяцев без князя. Наконец они послали к Юрию, и «въниде Ростислав Гюргевиць Новугороду на столѣ». В НПЛ нет даже намек на то, что новгородцы требовали у Всеволода Ольговича «племени Володимеря», первое упоминание Святополка Мстиславича появляется лишь в статье следующего 1142 г.

«Епископъ и купьце и слы новгородьскыя не пушаху из Руси, и они не хотяху иног князя развѣ (кроме. – *Т. В.*) Святопѣлка; и вѣда имъ (Всеволод) Святополка и-своею руку... Въниде Святопѣлкъ Новугороду... и пустиша Ростислава къ отцю».

Таковы три основные версии этой в общем банальной для Новгорода истории. В отличие от предыдущей серии параллельных текстов интенции летописцев эксплицитно не выражены. Аналогичное явление, кстати, наблюдалось в некоторых текстах I модели, где ранние сюжеты часто герметичны. Только Ипат прямо характеризует жертву конфликта, Святослава Ольговича: сказано, что новгородцы «встали у вѣчи про его злобу», «про его насилье»²⁰⁴. Кроме того, в Киевском своде больше внимания уделяется Мстиславичам, особенно Изяславу, за счет умень-

²⁰¹ 309–310И.

²⁰² Н1, с. 26.

²⁰³ Приблизительный перевод: «Пришли из Киева (послы) от Всеволода за братом Святославом, (чтобы) вести (его) в Киев. – “А сына моего, наказывал (им Всеволод), примите к себе князем”». Известие НПЛ лишено пояснений, что характерно для статей этого периода; Н1, с. 26.

шения значения Всеволода. Ср. изложение развязки: если в Лавр все благополучно разрешается благодаря только и исключительно усилиям Всеволода, то в Ипат – Изяслава Мстиславича и новгородцев. Можно также довольно уверенно предполагать, что местный новгородский свод в описании конфликта держал сторону новгородцев. Но, в отличие от Ипат, здесь видим только намеки на осуждение князя: говорится о тайных действиях в ночи, а также о «боязни» Святослава²⁰⁵, а страх достаточно редко засчитывался в плюс властителям²⁰⁶. Скорее всего, ситуация оценивалась как тревожная и опасная. К такому истолкованию склоняет яркое описание «небесного знамения» в начале статьи 1141 г.; «знамения» средневековыми людьми толковались обычно как вестники беды²⁰⁷.

Косвенно оценки заданы также с помощью распределения пассивных и активных ролей. Сравним. Новгородцы выгнали Святослава Ольговича (Лавр и, с некоторыми оговорками, Ипат²⁰⁸) – Всеволод сам просил поменять брата на сына (НПЛ). Святослав Ольгович бежал, и только тогда начали бить его приятелей (НПЛ) – горожане начали их «избивати», а уже после этого Святослав бежал (Ипат). Новгородцы оказывали давление на киевского князя, чтобы он пустил к ним Мстиславичей, и отклоняли его кандидатуры (Лавр и Ипат) – горожане покорно принимали киевских кандидатов (НПЛ). Всеволод сам уладился с шуринами (Лавр) – новгородцы настаивали, чтобы киевский князь дал им Мстиславича, и тот выполнил их волю (НПЛ)²⁰⁹. Важно, что подчеркивает пассивность новгородцев в завязке конфликта симпатизирующий им местный летописец, и он же делает акцент на том, что твердая позиция горожан поспособствовала завершению инцидента. Это соответствует схеме «добрым приписываются добрые дела» и, между прочим, означает, что начинать конфликт, даже «за новгородскую правду», все же не засчитывалось в плюс.

²⁰⁴ «Злоба» может означать также ‘грехи’. Пассаж о «насилии» был сильной характеристикой: ср. 288И, 660И, 665И. И наоборот, «не створити насилия» засчитывалось князю в плюс: 322И, 480И. Впрочем, характеристика Ипат неоднозначна. Далее в некоторых эпизодах, в частности о «сприянии» (помощи) тысяцкого, симпатии летописца, как кажется, на стороне Святослава.

²⁰⁵ Кроме того, запись об «изымании» новгородских «мужей» в 1140 г., по-видимому, давала понять читателю, что для недовольства Всеволодом Ольговичем были достаточно веские основания.

²⁰⁶ На этот счет имеется масса свидетельств во многих летописях. И наоборот, единственный известный мне случай положительной оценки подобных эмоций князя – благодарение Игоря Святославича, который, по Ипат, решил бежать из половецкого плена, «убоявшись» возврата половецких князей (1185 г.).

²⁰⁷ На фоне остальных весьма лаконичных записей НПЛ этого периода известие о знамении необычайно детализировано. Кстати, в отличие от реального солнечного затмения в предыдущей статье (1140 г.), это не было астрономическим явлением: *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 235.

²⁰⁸ Ипат ближе к Лавр. Еще не выгнали, но «встали» и начали активные действия против его приятелей. Ход, в чем-то напоминающий НПЛ, – Святослав сам просил у брата об отставке.

²⁰⁹ Промежуточный вариант в Ипат. Киевского князя убедили мольбы его жены – сестры Мстиславичей, но одновременно он «смоловся (договорился. – *Т. В.*) с новгородци».

Прямо противостоят одна другой версии Лавр и НПЛ. Согласно НПЛ, во всем виноват Всеволод Ольгович, а новгородцы играют пассивную роль, все их шаги ответные. Приятелей Святослава они избивают после бегства князя, уже имея на это право. Бывшего князя летописец рисует достаточно сдержанно, акцентируя лишь «послушание» горожан. При этом под 1140 г. говорится о том, что несколько человек «потоциша Киеву... оковавшие», что еще более подчеркивает миролюбие новгородцев. В разгар конфликта нет ни намека на намерение горожан поменять Ольговича на Мстиславичей, а упоминания о том, что новгородцы стояли за Святополка Мстиславича, появляются только в сцене развязки конфликта. Вместе с тем, в завершении истории на первые роли выдвигаются именно горожане: их стойкость позволила им получить князя, которого они пожелали, и они же вместе со Святополком отослали обратно в Суздаль Ростислава Юрьевича. Лавр, наоборот, вначале приписывает строго страдательную роль Всеволоду Ольговичу, а активную отдает новгородцам. Горожане изгоняют брата и требуют послать на княжение сына – Всеволод послушно выполняет их волю. Они меняют решение и нагло заявляют о том, что не желают видеть представителей Ольговичей, а хотят «племени Володимеря» – он только не пускает к ним Мстиславичей и задерживает посольство. Репрессивные меры безличны: «Новгородци не стерпяче безо князя съдиги, ни жито к ним не идяше ни откуду же, и емлюще, метяхуть (кто?) и в погробь»²¹⁰. Противоположно НПЛ и окончание Лавр: положительную функцию по разрешению конфликта выполняет Всеволод.

В Ипат за основу взята Лавр версия, но введены обширные дополнительные отклики, принципиально отличные от нее. Содержание первого из них отчасти напоминает НПЛ, хотя сюжетные решения расходятся. Помещен «компромат» на Святослава Ольговича, отмечается его злоба и «насилъе», каких не было в новгородском тексте. Киевский книжник не обвиняет однозначно новгородцев, но и не полностью их обеляет. То есть по сравнению с Лавр, с одной стороны, и НПЛ – с другой, предлагается промежуточное решение. Согласно Ипат, Святослава не изгоняли (как в Лавр) – он сам бежал. Однако причиной был не приказ брата, киевского князя (как в НПЛ), а недовольство горожан. К тому же они достаточно решительно «поспособствовали» бегству, начав избивать приятелей Святослава. В сцене завершения конфликта горожане выполняют конструктивную функцию, а влияние Всеволода умалется, и одновременно увеличивается значимость Мстиславичей. Во всем этом нет ничего удивительного. Смысловые смещения вполне отвечают интен-

²¹⁰ 309Л. Глагольные формы «емлюще, метяхуть» (схватив, бросали) – во мн. числе

²¹¹ Как и дублирование сцены договоренности Всеволода Ольговича с новгородцами, это косвенно указывает на позднее происхождение Ипат версии. И наоборот, последовательное одобрение и обеливание Всеволода в Лавр свидетельствует о раннем сложении текста. После 1146 г. такая тенденция вряд ли могла проявиться: Всеволод Ольгович умер, и в Киеве сменилась правящая династия.

циям свода, где главными героями были как раз Мстиславичи – Изяслав и Ростислав и где также достаточно много дополнительной информации и положительных характеристик Святослава Ольговича и его потомков. Если же говорить об изменении роли вечников, то Ипат откровенно тенденциозна в описании конфликтов новгородцев и смоленских Ростиславичей (что наблюдалось в сюжете П.1), но история этого «восстания» излагается в общем сочувственно²¹¹.

Таким образом, в НПЛ – оправдательная версия («а») с единственным отклонением в наборе формантов: весьма сдержанно задана отрицательная характеристика князя-жертвы²¹². В Лавр находим типичную осуждающую версию («б»), где отмечается активная роль горожан, их отрицательная оценка, пассивность князя-жертвы и его положительная характеристика. И в НПЛ, и в Лавр добрым персонажам приписывается доброе дело завершения конфликта. Ипат смешивает элементы осуждения и оправдания, так как она содержит общий с Лавр текст, но в чем-то близка и НПЛ (в итоге образуется версия «ab»). Сложная конструкция Ипат обусловлена наличием нескольких слоев текста, появившихся вследствие редактирования. Как и в предыдущем сюжете, во всех трех известиях слабо показан политический контекст перемен на княжеском столе.

№ 3. Об уходе из Новгорода Мстислава Мстиславича 1215 г. сообщают НПЛ и Лавр. В НПЛ сообщение о вече прямое, в Лавр – косвенное. Хронология записей смещена на год (6723 НПЛ, 6724 Лавр), но речь идет об одном и том же событии²¹³.

Лавр	НПЛ
Новгородци выгнаша от себе Мстислава Мстиславича, а Ярослава Всеволодича приведоша к собѣ на столѣ.	Поиде князь Мъстиславъ по своєї воли Киеву, и створи вѣщѣ на Ярославли дворѣ, и рече новгородьцемъ: «Суть ми орудия въ Руси, а вы вольни въ князѣхъ». Того же лѣта новгородьци, много гадавшѣ, послаша по Ярослава по Всеволодици... и въиде князь Ярославъ въ Новѣгородъ, и усрѣте и архиепископъ Антонъ съ новгородьци.

Новгородский летописец настаивает на том, что князя не изгоняли. Он сам созвал («створил») вече и сам ушел из Новгорода, имея какие-то свои заботы («орудья») в Южной Руси. Мстислав не только принял решение без какого-либо давления, но и дал добро на смену князя: «... а вы

²¹² Сообщается только об излишней осторожности Святослава Ольговича. Намек на осуждение его брата, Всеволода, может прочитываться в сообщении о «заточении» новгородцев, предыдущего года.

²¹³ См. 439Л; НЛ, с. 53. В Лавр здесь ультрамартовский стиль: *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 104–105, 251.

вольны в князѣхъ». В ситуации вынужденной свободы горожанам пришлось думать о том, кого позвать на стол. В конечном итоге они пригласили суздальского династа Ярослава. Не забыл хронист и об этикетном моменте – встрече князя архиепископом и новгородцами. В противоположность этому Лавр хоть и скуп, тем не менее прямо пишет об изгнании Мстислава. Правда, она обходит молчанием политические и личные счеы Мстислава с его зятем Ярославом Всеволодичем, так что известие суздальской летописи тоже непростое, несмотря на его формульность и лаконичность. Ракурс НПЛ вызывает сомнения, поскольку противостояние Ярослава Всеволодича и Мстислава Мстиславича было длительным и у каждого из правителей в Новгороде были свои сторонники и противники. Скорее всего, имеем дело с редакцией, произведенной в пользу Мстислава²¹⁴. Как видим, новгородский летописец не пожелал изображать изгнание князя, а ведь это уже начало XIII в., и новгородцы якобы «вольны в князьях». Не обнаружил он никакой охоты показывать и политическую подкладку конфликта. «Лишение» Мстиславом Новгорода постарались обставить так, что горожане в этом участия не принимали, следует ли уходить – решал сам князь. Если же оценивать нарративы, а не спрятанные за ними реалии, то нейтральной записи о проявлении активности горожан (Лавр, «b₂») противостоит оправдывающее новгородцев известие об уходе князя «по собственной инициативе» (НПЛ, «а»). Оно напоминает сюжет 1214 г.²¹⁵, где, по Лавр, епископ сам «отписался» епископии.

№ 4. Сложную систему содержательных смещений демонстрируют записи о конфликте Святослава Ростиславича и его отца, киевского князя Ростислава Мстиславича, с новгородцами в 6668–6669/1160 г.²¹⁶ Сообщение о вече прямое в Ипат, не прямое в Лавр и НПЛ. В исторических работах обычно привлекается НПЛ, иногда вместе с Лавр, и отдельно версия Ипат²¹⁷; Лавр текстуально близка к одному из фрагментов Ипат. Речь идет о первом изгнании Святослава Ростиславича из Новгорода²¹⁸. Кроме названных действующих лиц, в историю замешаны суздальский князь Андрей Юрьевич Боголюбский и его племянник

²¹⁴ Об редактировании в пользу Мстислава уже говорилось. Кстати сказать, конфликт князей серьезно затронул новгородских владычных летописцев, так как вылился в конфликт ставленника Мстислава архиепископа Антония с суздальскими ставленниками Митрофаном и Арсением. Арсений позже даже не упомянут в списке новгородских владык НПЛ мл. ред.; см. НЛ, с. 163.

²¹⁵ См. выше, I.5.

²¹⁶ В Ипат 6669 г. – по ультрамартовскому стилю (при стандартном пересчете – 1161 г.). *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 240.

²¹⁷ *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 189 («У Ростислава з Андрієм Боголюбським спочатку конфлікт з приводу Новгорода, але й його полагодив», изложение по Ипат); *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь. С. 66–67 (по Лавр и НПЛ); *Филошкин А. И.* Понятие «измены городу» в средневековой Руси // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее Новое время (XI–XVIII вв.). М., 2001. С. 198 (частичная контаминация Ипат и НПЛ).

²¹⁸ Второе изгнание – см. сюжет II.1.

Мстислав Ростиславич²¹⁹. В Ипат есть намек на участие представителя черниговской ветви, Изяслава Давыдовича, но это обстоятельство в других текстах осталось в тени.

Ипат в статье 6668/1160 г. прямо заявляет, что причиной всему послужила сложная политическая ситуация. Состоялось совещание Изяслава Давыдовича и Андрея, составивших в это время коалицию против киевского князя Ростислава Мстиславича. Андрей устроил провокацию, послав к новгородцам посольство с напоминанием о каких-то их обещаниях и договоренностях, что привело к волнениям в городе:

«Андрѣи же снимастася²²⁰ съ Изяславомъ на Волоцѣ и посла к новгородцемъ, река имъ: “Вѣдомо буди, хочю искати Новагорода и добромъ и лихомъ; а хрестъ цѣловали ко мнѣ на томъ, як имѣти мене княземъ собе, а мнѣ вамъ /добра/ хотѣти”. И оттолѣ начашася новгородци мясти, и вѣче часто начаша творити».

Под следующим 6669/1160 (1161) г. сообщается о нескольких вечерних собраниях в Новгороде. Вначале горожане потребовали от Святослава Ростиславича: «Выведи брата Давыда с Нового Торгу». «Не вередя имъ сердца», молодой князь выполнил требования. Почти сразу вслед за этим было созвано второе вече, показавшее всю «злобу» (то есть ‘греховность’, ‘злую сущность’) новгородцев:

«И не дотуда ста злоба ихъ, но паче на горшее зло подвигошася. Мало веремя переждаваше и створше вѣче на Святослава, переступивше хрестное цѣлование к Ростиславу и къ сынови его Святославу»²²¹.

Описывается, как к Святославу «примчал» вестник, сообщая, что его хотят «яти» (схватить), и тот произнес пагетическую речь:

«А что еси имъ зло створилъ, оже мя хотятъ яти, а къ отцю моему хрестъ цѣловаше на томъ, яко имѣти мя княземъ собѣ до живота моего (до моей смерти. – *Т. В.*), а вчера ко мнѣ вси целовали святую Богородицю».

Подошла толпа людей, князя заперли, после отослали в Ладогу, дружину «исковаша», имение пограбили. Когда его отец узнал об этом, он повелел схватить новгородцев, бывших в Киеве, и бросить в Пересеченский погреб, где часть из них задохнулась. Тогда Ростислав «печалень бысть ихъ дѣля», остаток повелел выпустить из «погребя» и развести по городам. Несчастное происшествие с новгородцами привело к углублению конфликта: к Андрею Юрьевичу из Новгорода отправили посольство с просьбой дать им князя. Тот намеревался дать

²¹⁹ Один из героев сюжета I.1; прозванный поздними книжниками Мстиславом Безоким.

²²⁰ Хл «снемся»; 509–510И, вар. 29. Далее «добра» в косых скобках из Хл, в И пропущено слово.

²²¹ 510И.

новгородцам своего брата, но новгородцы эту кандидатуру отклонили, «...и пусти къ нимъ сыновца (племянника) своего Мьстислава Ростиславича»²²². В 6670/1161 (1162) г. лаконично сообщается, что горожане изменили свое решение: «Пояша новгородьци Святослава Ростиславича к собѣ княжить опять, а Гюргевича внука выгнаша от себе Мьстислава»²²³.

В Лавр последовательность событий противоположна той, что выстраивается в Ипат. Сначала Ростислав карает новгородскую «братию» и захватывает их «имѣнье» (имущество), а затем они выгоняют его сына и посылают посольство к Андрею:

«Пришлася новгородци к Андрѣви къ Гюргевичю, просяще у него сына княжити Новугороду, а Ростиславича Святослава выгнаша, зане (потому что. — Т. В.) бѣ Ростиславъ отецъ его изморилъ братью ихъ в погребѣ, и многих имѣнье взялъ. Андрѣи же князь поча даяти имъ Мстислава брата своего, они же его не всхотѣша, и посла к ним сыновца своего Мстислава Ростиславича»²²⁴.

Развязка конфликта не фиксируется, может быть, потому, что на рубеж 1160–1161 гг. приходится обрыв киевских известий и Лавр переключается на местную историю. Вероятно, описание развязки было утеряно на одном из этапов составления суздальского свода.

НПЛ сообщает о переменах на киевском столе, захвате и ссылке Святослава, но молчит о реакции киевского князя Ростислава и о посольстве новгородцев к суздальскому, Андрею. Действующие лица — исключительно горожане, князья до определенного момента как будто не вмешиваются.

«Прияша новгородьци Ростиславица Святослава, и поправиша и въ Ладогу, а княгину выпустиша въ монастырь святыя Варвары, а дружину его въ погрѣбъ въсажаша; и въвѣдоша Мьстислава Ростиславица, вънука Гюргева»²²⁵.

Интересно, что запись о ссылке в Ладогу чуть ниже продублирована в статье этого года: «Тои же зимѣ въдаша посадництво Нѣжатѣ, и ведоша Святослава въ Ладогу»²²⁶. Имеется и еще одна странность. Если начало конфликта возложено на горожан, то инициатива возвращения

²²² Этот фрагмент общий с Лавр.

²²³ 518И.

²²⁴ 351Л.

²²⁵ Н1, с. 30–31.

²²⁶ Иногда предполагается, что «поправиша» и «ведоша» не были синонимами: «Вначале Святославу было приказано отправиться в Ладогу, а затем он был туда насильственно препровожден». *Гимон Т. В.* Как велась Новгородская погодная летопись. С. 337–338. Однако для глагола «поправить» предлагается значение ‘исправить’, ‘отправить, направить’. СДРЯ. Т. VII. С. 198; *Срезневский И. И.* Материалы. Т. 2. Стб. 1196. То есть «поправить», скорее всего, обозначало само действие, а не приказ к действию.

всего на круги своя приписана, наоборот, старшим князьям, Ростиславу и Андрею.

«1161. Уладися Ростислав съ Андрѣемъ о Новьгородъ, и вывѣдоста Мьстислава, Гюргевь внукуь, седевьшю ему годъ, до года без недѣль, а Святослава вѣвѣдоша опять на всѣи воли его»²²⁷.

Что касается интенций летописца, эксплицитно они выражены в Ипат. Летописец не стесняется давать оценки новгородцам: «и не дотуда ста злоба ихъ», «горшее зло», дважды говорит о нарушении только что данного крестоцелования. Святослав Ростиславич изображен страдальцем: сцена «вопрошания» вестника, по-видимому, построена по аналогии с Повестью об ослеплении Василька Теребовльского²²⁸. Ростислав Мстиславич – также положительный персонаж. Он, правда, бросил новгородцев в поруб, но уже после захвата сына. А узнав о гибели клятвонарушителей, «печалень бысть» и выпустил остальных. Лавр меняет знаки рассказа и утверждает о вопиющей несправедливости, учиненной киевским князем. Последовательность событий обратная: Ростислав первый бросает новгородцев в поруб, отбирая при этом «имѣнье». НПЛ дает герметичное сообщение. Единственное, что сразу привлекает внимание, – в завершении истории исчезают горожане и действуют исключительно князья, в противоположность тому, как обычно поступали новгородские книжники.

Вновь наблюдается игра формантами активности/пассивности, позволяющая понять скрытый смысл сообщений. По Лавр, главный виновник неприятной истории – Ростислав Мстиславич. Он арестовал новгородскую «братию», из-за чего новгородцы выгнали его сына. Роль Андрея сугубо пассивная: князь вмешался в дело по просьбе новгородцев, причем они сами выбирали, кто именно будет у них княжить, о столкновении княжеских интересов не пишется. Несомненно, основной целью суздальского летописца было показать «невиновность» Андрея, но попутно он оправдал жителей Новгорода.

Ипат главную сюжетную линию выворачивает наизнанку. Новгородцев подстрекает к мятежу Андрей Боголюбский. То, что он посылал посольство в Новгород после встречи с Изяславом Давыдовичем, намекает на связь конфликта со стержнем истории этих лет – борьбой за Киев между Ростиславом Мстиславичем и Изяславом Давыдовичем. Андрей поддерживал Изяслава²²⁹, но вскоре тот был убит, Ростислав победил, что позволило ликвидировать и новгородскую проблему. Новгородцы в киевской версии действуют чрезвычайно активно. Прежде всего, они принуждают своего князя Святослава выполнять их требования, а он уступает (аналогично тому, как это

²²⁷ НЛ, с. 31.

²²⁸ См. первую главу, прим. 57.

²²⁹ Предысторию этого конфликта, некоторые этапы борьбы между Ростиславом Мстиславичем, Изяславом Давыдовичем и отцом Андрея Юрием, см. I.8.

делал Всеволод Ольгович в ином сюжете²³⁰). После этого и несмотря на это они нарушают крестоцелование, хватают и грабят князя и его дружину; вечевая деятельность горожан оценивается отрицательно. Жестокость Ростислава Мстиславича оправданна, несчастье с новгородцами случилось из-за изгнания сына²³¹. В завершении конфликта князья якобы участия не принимают: это вечники изменили свое решение, выгнали суздальского княжича и посадили снова сына Ростислава, других агентов истории не видно.

НПЛ бесстрастно сообщает о том, как схватили и разграбили Святослава Ростиславича и ввели Мстислава Ростиславича суздальского²³². В этой записи необычно то, что продублировано известие о ссылке Святослава в Ладогу (см. выше). Какие-либо сведения о взаимоотношениях с киевским и суздальским князем в начале рассказа отсутствуют. Новгород как бы существует отдельно, сам по себе, никаких известий нет и о пострадавшей новгородской «братии», заточенной в Киеве (!). Оба старших князя, Андрей и Ростислав, появляются только в конце, и им приписывается инициатива разрешения проблемы. Все это несколько странно, поскольку не соблюден принцип «своим=добрым приписываются добрые дела». По версии местного свода, на выходе из конфликта главную роль сыграли князья, а по версии посторонней для новгородцев Ипат – горожане. Такой поворот может быть вызван разными причинами, в том числе особенным отношением НПЛ к суздальским князьям. Начиная со второй половины XII в. на новгородском столе чаще всего сидели княжичи из суздальской династии, и если для новгородца главным событием было изгнание племянника Андрея Боголюбского Мстислава, тогда понятно, почему так бесчувственно описан конфликт с «чужим» Святославом, а выведение «своего» Мстислава отнесено за счет князей. Смысл сообщения: новгородцы ни в чем не виноваты, все решили за них правители, причем по обоюдному согласию. Конечно, мы не знаем всех обстоятельств и не можем представить себе политической ситуации в целом. Давление на Новгород могло быть столь сильным, что местный летописец предпочел придерживаться максимально нейтрального тона, не извещая читателя даже о пострадавшей новгородской братии. Тем не менее, возможно и иное решение. Улаживание этой истории было не менее важно для Киева и Суздаля. Новгородские дела

²³⁰ Ср. II.2 по Лавр.

²³¹ Перекомпоновка событий аналогична тому, что видим в I.7, где в НПЛ и Лавр события (смерть неугодного Всеволоду Юрьевичу племянника Мстислава и сожжение Торжка) переставлены местами. См. также аналогичный ход в записи о смерти Глеба Святославича, известной из ПВЛ, «Поучения» Мономаха и Киево-Печерского патерика. Если в патерике прямо сказано, что Святополк сел в Новгороде после смерти Глеба (*Абрамович Д.* Киево-Печерський Патерик. С. 126), то из сравнения ПВЛ и «Поучения» можно высчитать, что Святополк пришел в Новгород до смерти Глеба Святославича, и тогда возникает вопрос, не причастен ли он к его смерти; ср. 247Л – 199–200Л.

²³² Кроме Мстислава Ростиславича (суздальского), внука Юрия, был Мстислав Ростиславич (смоленский), вук Мстислава Великого, сын Ростислава Мстиславича и брат Святослава Ростиславича.

были связаны с киевскими, а разрешение основного конфликта было небескровным, в сражении под Киевом погиб Изяслав Давыдович – основной соперник Ростислава Мстиславича. Именно это ослабило позиции Андрея Боголюбского и позволило ввести Святослава Ростиславича опять в Новгород. Тогда, может быть, это киевский и суздальский летописцы приписали завершение новгородского конфликта исключительно горожанам, что позволило скрыть политическую подкладку²³³. Наконец, в НПЛ видим признаки вмешательства в текст, дублирование пассажа о ссылке князя в Ладогу. Нельзя полностью исключить редактирование уже того времени, когда Святослав ушел из Новгорода. После 1167 г. князь стал для Новгорода персоной *non grata*, а по Ипат – даже умер, «воюя Новгородскую волость»²³⁴. В этом случае ударение ставится на непричастности вечников к возврату нежеланного правителя.

Формализуя все вышесказанное, можно определить, как составитель Лавр сконструировал версию «а». Он использовал такие форманты, как отрицательная характеристика и активность одной из жертв (Ростислава Мстиславича); неосуждение князя-соперника (Андрея) и его пассивность; сочетание активной и пассивной функции горожан. Новгородцы выгнали Святослава после несправедливого поступка Ростислава, но фактически вынудили Андрея дать им нового князя. Наоборот, осуждающая версия «б», так сказать, в чистом виде представлена в Ипат. Здесь со знаком «плюс» изображаются обе жертвы, Святослав и его отец, роль Святослава страдательная, Ростислав также предпринимает только ответные меры, в то же время рассказывается об агрессивности и активности вечников и Андрея²³⁵. Наблюдаются темпоральные смещения: последовательность событий «новгородцы схватили Святослава – его отец Ростислав схватил новгородцев» в Лавр и Ипат обратная (cd – dc). Версия НПЛ нейтральная («b₂»), но несколько усложненная; по-видимому, на конструирование рассказа повлияли схемы первой модели – в развязке новгородцы «вытесняются» князьями. Летописец сочетает прямое сообщение о захвате Святослава горожанами с известием о замене их заинтересованным в деле старшими князьями-соперниками, оценки отсутствуют. Не прослеживается осуждения князя-жертвы в сцене начала конфликта, что следует отнести к достаточно стойким тенденциям новгородского свода.

№ 5. В 1255 г. новгородцы выгнали сына Александра Невского Василия и посадили у себя его брата, Ярослава Ярославича, что вызвало сильное неудовольствие Александра. Параллельные сообщения об этом конфликте и его развязке помещают НПЛ и Лавр. Историки привлекают почти

²³³ Но все равно остается странность – отсутствие какой-либо озабоченности НПЛ судьбой пострадавших новгородцев. Поэтому, скорее всего, все три летописи корректируют события.

²³⁴ 550И.

²³⁵ В тексте, не имеющем соответствий в Лавр, в статье 6668/1160 г. По Ипат посольство Андрея Боголюбского и его речи привели к тому, что новгородцы начали «ся мясти». Разумеется, в сближающемся с Лавр тексте о посольстве новгородцев в Суздаль и выборе ими нового князя интенции иные.

исключительно новгородскую версию²³⁶, так как она содержит интересные сведения о расколе новгородского веча на «вятших» и «менших». О «менших» и «вятших», «боярах» и «черни» подробнее в третьей главе, здесь же остановимся на содержательных смещениях в текстах. Ср.²³⁷:

НПЛ	Лавр
Выведоша новгородци изъ Пльскова Ярослава Ярославича и посадиша его на столѣ, а Василья выгнаша вонъ. И то слышавъ Олександрѣ, отецъ Васильевъ, поиде ратью к Новугороду. Идушоу Олександрю съ многими полки и с новоторжци, срѣте и Ратишка с перевѣтомъ: «Поступаи, княже, брат твои Ярослав побѣгль». И поставиша новгородци полкъ за Рожествомъ Христовомъ в конци, а что пѣшца, а ти стаха от святого Ильи противу Городища... и рекоша меншии у святого Николы на вѣчи... и цѣловаша святую Богородицу меншии, како стати всѣмъ, любо животь, любо смерть за правду новгородскую, за свою отчину. И бысть въ вятшихъ свѣтъ золь... И присла князь Бориса на вѣче: «Выдаите ми Онанью посадника, или не выдадите, язъ вамъ не князь, иду на городъ ратью». И послаша новгородци къ князю владыку и Клима тысяцскаго: «Поѣди княже на свои столѣ, а злодѣевъ не слушай, а Онанья гнѣва отдай и всѣмъ мужемъ новгородскимъ». И не послуша князь молбы владычни и Климовы. И рекоша новгородци: «Аще братъ, князь нашъ тако сдумалъ с нашими крестопереступники, оно имъ Богъ и святая Софья, а князь безъ грѣха»... И стоя весь полкъ по 3 дни за свою правду, и въ 4-и день присла князь, река тако: «Аже Онанья лишится посадничества, язъ вамъ гнѣва отдамъ». И лишися посадничества Онанья, и взяша миръ на всеи воли новгородской. И поиде князь в город, и срѣте и архиепископъ Далмать... и вси радости исполнишася, а злодѣи омрачишася, зане христьяномъ радость, а дьяволу пагуба... И сѣде князь Олександрѣ на своемъ столѣ.	Здумаша новгородци послати Далмата епископа новгородского к великому князю Олександру с грамотами яко о миру. Оному же умедлившоу, и встави дьяволь вражду, искони ненавидаи добра роду челоувѣческому, и бысть крамола в Новѣгородѣ, выгнаша Василья князя. Того ж лѣта. Приѣха Василии князь новгородский в Торжекъ, ту и дожда отца своего Олександра. Князь же великий с Дмитриемъ Святославичем, и с бояры, поидоша Новугороду. И яко слышаша новгородцы, идоша со кресты и поклонишася ему с честию мноую; и бысть радость велика, и посади сына своего Новѣгородѣ, а сам поѣха от них с честию великою, миръ давъ имъ.

²³⁶ См., например: Янин В. Л. Новгородские посадники. (1962). С. 144–145; Алексеев Ю. Г. «Черные люди». С. 250.

²³⁷ Ср.: 474Л; Н1, с. 80–81.

Прежде всего, бросаются в глаза очевидные искажения и умолчания Лавр. Не отмечено, что причиной ссоры с новгородцами было посажение брата Александра, Ярослава, на место его сына, не признается даже то, что Василий после изгнания перестал быть новгородским князем. Карательный поход Александра превращен в мирную поездку с боярами, ни намек на военное противостояние князя и новгородцев. Отсутствуют известия о серии вечевых собраний перед договоренностью о мире. Реакция новгородцев на приход князя исключительно восторженная, обе стороны выказывают горячее желание помириться. Горожане практически не осуждаются, вину возложено на «умедлившего» архиепископа и, конечно же, на дьявола.

Зато о посажении Ярослава Ярославича, походе Александра на Новгород и достаточно жестком противостоянии пишет НПЛ. Летописец осуждает тех новгородцев, кто хотел мира с князем. Бежавшие к князю и нарушившие общее согласие горожане названы «крестопереступниками», а в другом случае – «вятшими». Этот сюжетный ход многозначен: он позволил не оценивать отрицательно самого князя, а недоброжелательное отношение Александра к новгородцам и «лихие» намерения объявить результатом совета «вятших»²³⁸. Новгородцы как масса, даже противостоя князю, не проявляют агрессии, что достигается с помощью расположения блоков текста, где действия горожан всегда ответные. Князь пришел на Новгород «съ многими полкъ», его встретил переветник (изменник) – новгородцы поставили полк. «Въ вятшихъ» был «свѣтъ золь», Михалко Степанович (будущий посадник) бежал к князю, намереваясь «... своимъ полкомъ уразити нашу сторону и измясти люди» – «черные люди» собрались грабить его двор. Князь прислал на вече с угрозами, что если не выдадут посадника Онанью, он новгородцам больше не князь, идет на них «ратью» – новгородцы послали с мольбой о мире. Только когда князь отказался мириться, сообщается о стойкости горожан: «... и стоя всь полкъ по 3 дни за свою правду». Присутствуют в НПЛ и фигуры умолчания, хотя на фоне Лавр не столь значительные. В частности, в завершении говорится о мире «на всеи воли новгородьской», несмотря на то что посадник Онанья был отстранен от должности, а новым посадником стал глава «крестопереступников» Михалко Степанович.

Рассказ Лавр сконструирован в основном по схеме нейтральной версии «b₂» с большим количеством умолчаний. Цель автора, похоже, состояла в том, чтобы «и овцы были целы, и волки сыты». Суздальский летописец выгораживает Александра и одновременно старается замкнуть скандал в княжеском семействе. Соответственно, ему невы-

²³⁸ О том, что разделение на «вятших» и «менших» не соответствует социальному, см. в третьей главе. Относительно намерения князя идти войной на город новгородцы заявляют: «Аже... князь нашъ тако судумаль с нашими крестопереступники, оно имь Богъ и святая Софья, а князь безъ грѣха».

годно метать громы и молнии по поводу вечников. Умиротворение достигается за счет полного нивелирования агрессивности, для чего пришлось пожертвовать правдой и даже правдоподобием. В НПЛ – оправдывающая версия «а» с некоторыми особенностями. Летописец не скрывает агрессивных намерений князя и сопротивления горожан, вплоть до военного противостояния. Тем не менее, Александр не осуждается, так как все отрицательные суждения и эмоции перенесены на его сторонников²³⁹. Одобрительно расцениваются действия приверженцев Ярослава Ярославича (они же «меньшие»). Формант пассивности проявляется в том, что новгородцы лишь отвечают на агрессию князя и «вятших». Впрочем, причина похода – изгнание сына Александра – все-таки указана. В обоих текстах отсутствует характеристика князя-соперника. В Лавр его фигуру вообще убрали с исторической сцены, в НПЛ же сильно редуцировали – о Ярославе известно только то, что его пригласили княжить, но при подходе Александра и еще до начала основных событий он бежит и участия в борьбе не принимает.

№ 6. Подобные родственные неурядицы случались и ранее. Те же летописи, НПЛ под 6730–6731, а Лавр под 6729–6731/1221–1223 гг., повествуют об устранении из Новгорода сына Юрия Всеволодича Всеволода и принятии новгородцами на княжение брата Юрия, Ярослава²⁴⁰.

НПЛ	Лавр
Въ лѣто 6730. Послаша владыку Митрофана и посадника Иванка и старѣишии мужи Володимирю къ Гюргю къ Всѣволодицю по сынъ, и вда имъ Всеволода на всѣи воли новгородьстѣи. Приде князь Всѣволодь в Новьгородъ, и владыка и вси мужи одарени бещисла, и ради быша новгородьци, и бысть мирь...	В лѣто 6729... посла великыи князь Гюрги сына своего Всеволода в Великыи Новьгородъ на столь...
На ту же зиму князь Всѣволодь побеже въ ночь, утаився, из Новагорода съ всемъ дворомъ своимъ; новгородьци же печальни быша о томъ. Тогда же новгородци послаша мужи стареишии къ Гюргю: «Оже ти не угодно държати Новагорода сыномъ, а въда ны брат», – и дасть имъ брата своего Ярослава.	В лѣто 6731. Всеволодь Гюргевич иде из Новагорода къ отцю своему в Володимерь. Новгородци же пояша к собѣ Ярослава Всеволодича ис Переяславля княжить.

²³⁹ Аналогичный прием уже встречался (1113 г., I.2, по Ипат).

²⁴⁰ Ср. НЛ, с. 60–61, 263 (текст старшей и младшей редакции НПЛ в этой статье несколько расходится, изменения в основном стилистического характера); 445Л.

Въ лѣто 6731. Приде князь Ярослав в Новъгородъ, и ради быша новгородци. ...Поиде князь Ярослав съ княгынею и съ дѣтми Переяслаю, новгородци же кланяхутся ему: «Не ходи, княже», онъ же поиде по своей воли. Новгородци же послаша къ Гюргю по сынъ, и дасть имъ опять сынъ свои Всеволодъ ²⁴¹ .	

Чтобы прояснить ситуацию, следует принять во внимание, что перед тем в Новгороде княжили смоленские князья, сначала Мстислав Мстиславич (Удатный), а после него Всеволод Мстиславич²⁴². Переход стола от Всеволода Мстиславича к сыну Юрия, Всеволоду, знаменовал возвращение под руку суздальского князя. НПЛ здесь, может быть, недаром говорит о мире и о принятии князя «на всѣи воли новгородьстѣи». Неущемление интересов Новгорода в подобных случаях было принято демонстрировать, хотя, что произошло в действительности, неизвестно. И почти сразу же после перехода к суздальскому князю проявились конфликты внутри суздальской династии, что добавляло проблем книжникам, пытавшимся создать более-менее благопристойный нарратив и избежать напряженности.

Распределение активных и пассивных ролей в Лавр и НПЛ диаметрально противоположное. В ситуации «сдачи горожан», то есть завершения предыдущего конфликта с Суздалем, связанного со смоленскими князьями, новгородский летописец отмечает активность новгородцев, а суздальский – князя. По НПЛ, новгородцы просили прислать сына, Юрий выполнил их волю. По Лавр, он просто послал сына в Новгород, так сказать, с позиции силы. В то же время на начальном этапе нового конфликта – замены сына на брата, – наоборот, новгородский книжник настаивает на исключительной покорности горожан воле князя. Всеволод Юрьевич якобы сам бежал, по совершенно непонятной причине, горожане «решили», что это соответствует замыслам Юрия («оже ти не угодно дръжати Новагорода сыномь...»), и просили суздальского князя дать брата, что тот и сделал. Лавр не упоминает о причине конфликта, родственные неурядицы, как и в 1255 г., не освещаются. Тем не менее, пишется о том, что это новгородцы «привели» к себе Ярослава. Значит, угадывание воли Юрия – нарративный прием новгородского летописца.

Эксплицитные оценки видим в НПЛ. Новгородцы показаны в наилучшем свете: пекутся только о мире и спокойствии, в начале 6730 г. радуются завершению конфликта и печалются о бегстве Всеволода Юрьевича зимой этого года. Дана сдержанная отрицательная оценка

²⁴¹ Всеволод Юрьевич пришел в Новгород, по НПЛ, в 6732/1224 г. В Лавр параллельный текст отсутствует, статья 1224 г. посвящена битве на Калке.

²⁴² Сын Мстислава-Бориса Романовича, то есть племянник Мстислава Мстиславича.

княжичу. По НПЛ, он не только первый бежал, но бежал «тайно в ночи». Такой прием иногда использовался летописцами (ср. сюжеты II.1 и II.2; во втором случае аналогия полная, поскольку с помощью упоминания тайного бегства отрицательно оценивался князь). Известие Лавр на первый взгляд безоценочное, особенности нарративной конструкции приобретают значение только после сравнения с НПЛ. Наиболее существенно то, что здесь противоположно распределение активных и пассивных ролей, однако на фоне НПЛ проявляются и некоторые иные детали. Например, если по НПЛ сын Юрия «побеже», то в Лавр это позорное действие заменено на более солидное «иде»²⁴³.

Схемы текстов достаточно стандартные. В Лавр версия нейтральная, в НПЛ – оправдывающая. Хотелось бы обратить внимание на один из приемов наррации. Как представляется, здесь проявился такой способ нарративного конструирования, как растягивание и сжимание времени. По мнению Н. Г. Бережкова, НПЛ с 6728 по 6730 г. два раза переходит от ультрамартовского к мартовскому стилю летоисчисления. 6728 – ультрамартовский, 6729 – мартовский (при переходе утерян год), 6730 объединяет два года (зима ультрамартовского переходит в зиму мартовского, снова фактически пропущен год), 6731 – мартовский²⁴⁴. В результате если в Лавр на княжение сына Юрия приходится два года, 6729–6731, то в НПЛ оно уложилось в один неполный, 6730 г. Аналогично, в Лавр уход Всеволода Юрьевича и приглашение новгородцами Ярослава проставлены в одном году, и напрашивается вывод о непосредственной связи между событиями, а в НПЛ они разделены. Манипулирование временными характеристиками вообще было характерным для НПЛ первой трети XIII в., где наблюдаются значительные смещения хронологии²⁴⁵. В данном случае, похоже, новгородский летописец вписывал события, ориентируясь в основном на освещение конфликтов с Суздалем, и проставил годы так, как ему было удобно.

№ 7. Отступим во времени еще немного назад. Начало конфликтам новгородцев и суздальских князей первой четверти XIII в. положило первое вокняжение в Новгороде Мстислава Мстиславича. Появление смоленского Мстислава привело к закономерной реакции Всеволода Юрьевича – попытке выдворения пришельца силой из Новгорода. Против Мстислава были посланы сыновья Всеволода. Каков был процесс «замирения» и

²⁴³ Отмечалось в: *Бережков Н. Г. Хронология. С. 251.*

²⁴⁴ О хронологических смещениях: *Бережков Н. Г. Хронология. С. 251–252, 254, 261, 268.*

²⁴⁵ В записях за XII в. НПЛ почти не отступала от мартовского стиля, в первой трети XIII в. смещения в датировке статей начинаются с 6716 г., см.: *Вилкул Т. Л. Хронологические сбои в Новгородской первой летописи. С. 19–24.* Что касается других летописей, то растяжение-сокращение времени характерно для Лавр и Ипат в сюжете 1177 г. (I.1) и некоторых других. О подобных приемах в описании смены князей в Новгороде 30–40-х гг. XII в.: *Вилкул Т. Л. Новгородцы и русские князья. С. 35–44.*

к какому результату пришли в конечном итоге – летописи расходятся. О коллизии НПЛ пишет под 6718 г., ЛПС под 6720 г., Лавр кратко упоминает под 6717 г. На самом деле речь идет о 6716 мартовском, то есть о 1208/9 г.²⁴⁶ Привожу тексты, с некоторыми купюрами в НПЛ²⁴⁷.

НПЛ	Лавр	ЛПС
На ту же зиму приде князь Мьстислав Мьстиславиць на Тържъкъ и изма дворянѣ Святослави, и посадника оковаша, а товары ихъ кого рука доидеть. А в Новьгородъ присла: «Кланяся святѣи Софии и гробу отца моего и всѣмъ новгородьцемъ. Пришьль есмь къ вамъ, слышавъ насилъе от князь, и жаль ми своєю отчины». То слышавъше, новгородци послаша по нь съ великою честию: «Поиди княже на столъ», а Святослава посадиша въ владычни дворѣ и съ мужи его, донеле будетъ управа съ отцемъ. Приде Мьстиславъ въ Новьгородъ, и посадиша и на столъ отци (отчи. – <i>Т. В.</i>), и ради быша новгородци. И поиде Мьстиславъ съ всемъ пълкомъ на Всеволода, и быша на Плоскъи, и присла къ нему Всеволодъ: «Ты ми еси сынъ, а язъ тѣбе отецъ; пусти Святослава съ мужи, и всѣ, еже заседель, исправи; язъ гость пускаю и товаръ». И пусти Мьстиславъ Святослава и мужи его, а Всеволодъ пусти гость съ товары; хрестъ человаста и миръ възяста, и приде Мьстиславъ въ Новьгородъ. 6719... И посла князь Мьстиславъ Дмитра Якуница на Луки съ новгородци города ставить, а самъ иде на Тържъкъ блюсть волости, исъ Търожку иде въ Торопъчъ, ис Торопця иде на Луки, и съняся съ новгородци...	Тое же зимы великий князь Всеволодъ посла сыны своя, Костянтина с братьею его на Мстислава Мстиславича на Торжекъ. Мстислав же слышавъ, оже идет на нь рать, изиде ис Торжку Новугороду, а оттуда иде в Торопечь в свою волость. Костянтин же с своєю братею возвратишася со Тѣфѣри, и Святославъ приде к ним из Новагорода, и ѣхаша вси къ отцю своему в Володимерь.	Того же лѣта приведоша новгородци къ собѣ Мьстислава Мьстиславича, торопечьскаго князя, а Святослава прияшя, сына великого князя Всеволода. Слышав же се, Всеволодъ посла сыны своя къ Новугороду: Костянтина, Гюргя, Ярославъ съ множествомъ воя. И бывшимъ имъ на Тѣфери, и слышавше новгородци, оже идуть на нихъ суждалци, выидоша противу имъ, и уладишася, и пустиша Святослава Всеволодича къ отцю своему, а Мьстислава посадиша у себе. Суждалци же воротишася опять въ своя си.

Противоположными являются конструкции НПЛ и ЛПС, что видно по распределению активных и пассивных ролей. Согласно новгородской версии, все началось с предприятия Мстислава. Смоленский князь «вошел» в Новгородскую землю, и он же начал гонения на дворян Святослава. Новгородцы пригласили его на стол в ответ на его предложение и только продолжили его политику. ЛПС же пишет о том, что новгородцы «привели» к себе Мстислава и «прияли» (захватили) предыдущего князя Святослава, то есть ответственность падает на горожан. Иначе обрисовано и военное противостояние. По ЛПС, Всеволод направил старших сыновей на Новгород, отреагировав на захват сына. Демарш имел успех: новгородцы отпустили Святослава и «уладились». По НПЛ, наоборот, поход начинал Мстислав, а мир предлагал Всеволод²⁴⁸. Соответственно с общим распределением активных и пассивных ролей, в сцене договора НПЛ пишет о действиях князей, а ЛПС – новгородцев и суздальцев.

Повествование Лавр герметично, притом настолько, что производит противоположный интенциям летописца эффект. Нежелание говорить о поражении политики Всеволода просто выпирает: не сказано о начале конфликта, приходе Мстислава в Новгород и захвате Святослава. О причинах похода можно догадываться только по его результатам, следуя логике развития событий. К примеру, ходили на Мстислава – значит, были причины для войны со смоленским князем; вернулся к отцу Святослав – следовательно, раньше он не мог по каким-то причинам прийти; не так давно он был новгородским князем – очевидно, в конфликте замешан Новгород... Мстислав пасует перед силой сыновей Всеволода, уходит в Торпец, как будто бы теряя новгородский стол²⁴⁹. Действующие лица в Лавр исключительно князья, новгородцы никакие роли не играют.

²⁴⁶ В НПЛ на 2 единицы выше мартовского, ЛПС на 4 единицы выше мартовского, в Лавр ультрамартовский стиль.

²⁴⁷ НЛ, с. 51–52, 249; 435Л; ПСРЛ. Т. 38. С. 164.

²⁴⁸ Возможно, замена старшего князя, Всеволода (НПЛ), на его сыновей (ЛПС и Лавр) также имеет значение. Операция была для Суздаля не вполне успешной, поэтому суздальские летописцы могли подчеркнуть, что в ней не принимал участия главный князь. Впрочем, с той же вероятностью можно предполагать и то, что НПЛ ввела самого Всеволода и переговоры между ним и Мстиславом, чтобы уравновесить позиции – новгородский князь договаривался непосредственно с суздальским, а не с его сыновьями. Смысловые смещения наблюдаются и далее: в НПЛ почти не описываются военные действия, мир достигнут почти сразу после начала похода. То, что Лавр включает в описание войны (отход Мстислава из Торжка в Торпец), по НПЛ, якобы происходило в мирных условиях.

²⁴⁹ По НПЛ, Мстислав продолжал в это время сидеть в Новгороде. Торопецкий эпизод, судя по всему, имел собственное значение. Судя по НПЛ, он завершающий в этой истории, фиксируется под 6719 г. в ряду оборонительных действий Мстислава (Мстислав ходил на Торжок «блости города», новгородцы ставили «город», то есть крепость, на Луках и т. п.). В Лавр он попал в середину рассказа, так как в этом своде возвращение Святослава подано как итог всего происшествия, что противоречит НПЛ, ЛПС же вообще об этом не

Эксплицитно характеристики заданы в НПЛ. Речь Мстислава: «Кляняся святѣи Софии и гробу отца моего и всѣмъ новгородьцемъ. Пришьль есмь къ вамъ, слышавъ насилье от князь, и жаль ми своея отчины» – образец оправдания князя и новгородцев. Тут и «жаль отчины» (буквально в двух словах – благородные чувства и указание на законность претензий на Новгород²⁵⁰), и «насилье» новгородцам, которое необходимо исправить, и одновременно – отрицание прямой агрессии. Мстислав пошел в Новгород не потому, что хотел княжить в этом богатом и важном городе, а негодую на неправильную политику предыдущих правителей. Он выполнял долг – защиту князем своих людей от несправедливости неназванных деспотов. Тем не менее, о «деспоте» Всеволоде прямо не сказано ни одного худого слова, что в общем соответствует тенденциям НПЛ. В свою очередь, чувства составителя Лавр проявились в серии умолчаний. Анафем Мстиславу или новгородцам здесь не встретим, «просто» многие события вычеркнуты из памяти. В ЛПС версия безоценочная, единственное, что может привлечь внимание, – что князья заменены «суздальцами» и «новгородцами», а Мстислав как бы не имеет собственной воли и является предметом манипуляций горожан. Так проявляется сдержанно-враждебное отношение к новгородцам и, не исключено, нежелание выносить «сор из избы». Ведь Мстислав имел родственные связи с представителем суздальского дома, являвшимся патроном для летописца Переяславля-Суздальского²⁵¹.

Что касается реалий, скорее всего, правда лежит где-то посередине. Очевидно, новгородцы не были столь пассивны, как на том настаивает НПЛ. В начале статьи 6718 г., еще до прихода Мстислава на Торжок, в самой НПЛ сказано, что новгородцы ходили на литву с братом Мстислава Володимиром²⁵². Это свидетельствует о том,

пишет. Скорее всего, речь шла о длительном военном противостоянии, может быть, о повторной попытке изгнания Мстислава, поскольку Торopez находится в Смоленской земле, волости Ростиславичей, а к этой княжеской ветви принадлежал и Мстислав Мстиславич. Не исключено, Лавр записана постфактум, и в ней соединены события разных годов. На такую мысль наводит то, что в НПЛ более дробная хронология, столкновение Мстислава и Всеволода вписано под разными годами, а также то, что Лавр после 6716 г. переходит от мартовского к ультрамартовскому стилю. Если допустить запись по конечному результату, тогда запись в статье Лавр 6717 г. соответствует записи НПЛ 6718–6719 гг. и включает два года (1208 и 1209).

²⁵⁰ Кстати сказать, это первое в новгородском своде упоминание «отчины». Всего же таких торжественных высказываний со словом «отчина» пять, все они относятся XIII в., см. статьи 6718, 6722, 6723, 6763 и 6778 гг.; НЛ, с. 51, 53, 54, 81, 89.

²⁵¹ Сын Всеволода Юрьевича Ярослав, который княжил в Переяславле-Суздальском, приходился Мстиславу Мстиславичу зятем (женат был на его дочери вторым браком; в 1215–1216 гг. Мстислав увез свою дочь от мужа в разгар конфликта с Ярославом; см.: 732и; НЛ, с. 54, 56, 253, 257). Как считают, свадьба состоялась между 1213–1215 гг., см.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006. С. 167, 242, 262.

²⁵² «Новгородцы угонивше литву въ Ходынищихъ, избиша съ князьмъ Володимиромъ и с посадникомъ Тврьдиславомъ»; НЛ, с. 51.

что у них были налажены связи со смоленскими князьями, а скорее, даже о том, что Святослав уже не являлся к этому времени действующим правителем. Имеет значение то, что в рассказе об «изымании» Святославовых дворян на какое-то мгновение в НПЛ меняется субъект действия. От князя летопись перескакивает на коллективное лицо, со сменой форм глаголов (ед.–мн. число): «...и изма дворянѣ Святославлѣ, и посадника оковаша». Но и сугубая пассивность Мстислава, «приведоша новгородци» из ЛПС также не совсем верно, этот деятельный князь, видимо, сам искал лучшей волости. Правда, судя по тому, что в то время вообще усилились позиции смоленских Ростиславичей, речь не обязательно должна идти исключительно о его личной инициативе, ведь в борьбе были задействованы несколько княжеских коалиций. Если же отвлечься от реалий и оставаться в пределах нарративов, снова сочетаются две схемы: оправдательная «а» в НПЛ и нейтральная «b₂» в ЛПС и Лавр, со множеством искажений и умолчаний и некоторыми расхождениями в наборе приемов.

Анализ новгородских сюжетов можно было бы продолжать, так как приведенными выше параллельные записи не исчерпываются. См., например, рассказ 1157 г.: по Лавр «...новгородци... Ростиславича посадиша Святослава», – а по НПЛ «Ростислав сынъ свои Святослав посади Новѣгородѣ на столѣ»²⁵³. Под 1196 г., согласно НПЛ: «Прияша новоторжци съ поклономъ» Ярослава Володимирича – в суздальских же летописях: «Князь же посади свояка (Всеволод Юрьевич Ярослава. – Т. В.) на Новом Торжку»²⁵⁴. Близки к сюжету 1255 г. статьи НПЛ и Лавр 1259 г. с описанием татарского «числа» (переписи) в Новгороде²⁵⁵. Во всех подобных случаях речь может идти как о значительных расхождениях версий, так и о легкой коррекции. К примеру, о применении стандартных, но, тем не менее, разнонаправленных формул, придающих тот или иной смысловой оттенок всему рассказу. Однако наличие параллельных описаний конфликтов горожан с князем – не только новгородский феномен. Аналогии обнаружены также в истории Рязанской, Киевской и Галицкой земель. Хотя такие параллельные тексты встречаются реже, для них характерны те же особенности моделирования. Обратимся к этим записям.

²⁵³ Ср. 491И; 348Л; НЛ, с. 30.

²⁵⁴ Ср. НПЛ под 1196 г. и РА и ЛПС под 1197 г. (в самой Л отсутствует фрагмент). НЛ, с. 43; 414Л; ПСРЛ. Т. 38. С. 159. Ярослав Володимирич, сын Володимира Мстиславича-Мачушича, правнук Мономаха, был женат на дочери Всеволода Юрьевича и приходился ему свояком.

²⁵⁵ 475Л, по Лавр, 6766/1259 (1258) г.; НЛ, с. 82–83. О хронологических смещениях: *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 271. Подробнее о сюжете 1259 г. см.: *Вилкул Т. Л.* Летописные «бояре» и «чернь» на вече (XII–XIII вв.) // *Средневековая Русь. М., 2005. Вып. 5. С. 66–68, 71–72; см. также третью главу.*

№ 8. Первая серия касается конфликта рязанцев с суздальским князем Всеволодом Юрьевичем. Записи о нем помещены под 6716 г. в Лавр, 6717 в ЛПС и 6718 в НПЛ, реально речь идет о 1208 г.²⁵⁶ Содержательные смещения в текстах весьма значительны. Предысторию, поход на Рязань в прошлом году, соответственно под 6715, 6716 или 6717/1207 г., названные летописи также изображают по-разному (ср. I.4 и II.7), сохраняя, впрочем, в основном набор событий. Возмущение рязанцев против Ярослава Всеволодича и сожжение Рязани его отцом – патетическое завершение этого примечательного сюжета. Ср. тексты²⁵⁷:

НПЛ	ЛПС	Лавр
ходи Всеволодь на Рязань, и рече имь: поидите къ мнѣ съ сыномъ моимъ Ярославомъ за Оку на ряды /рядь²⁵⁸/. И переидоша к нему, и ту я изма (схватил. – <i>T. B.</i>), и посла пълкы, изма жены и дѣти, а градъ ихъ зажъже, и тако расточи я по градомъ.	Сѣдящю Ярославу Всеволодичю въ Рязани, и бысть ему вѣсть, яко хотять и иняти рязанци. Слышавъ же се Ярославъ, и посла къ великому князю Всеволоду къ отцю своему въ Володимирь, повѣдаа бѣду свою. Слышавъ же се великий князь Всеволодь, поиде въскорѣ къ Рязаню съ дружиною своею, а полкомъ по собѣ повелѣ поити, и тако пришедъ пожъже Рязань всю... поймавъ люди вси, и иде къ Володимирю, и розосла ихъ по своимъ городомъ.	Посла великий князь Всеволодь сына своего Ярослава в Рязань на столь. Рязанци же леств имуще к нему, цѣловаша крестъ ко Всеволоду и не управиша, и изимаша люди его и исковаша, а инѣхъ в погребѣхъ засыпавше измориша. Всеволодь же слышавъ се, иде на Рязань с сынами своими, и пришедъ ста у града Рязаня, и Ярославъ изиде противу отца своего, и цѣлова и с радостью. И прислаша рязанци буюю рѣчь по своему обычаю и непокорьству, и повелѣ великий князь всѣмъ людемъ изити из града и с товаромъ, и яко изидоша вси, повелѣ зажечи град... и възвратися в Володимерь... и с сыномъ своимъ Ярославомъ, поимъ по собѣ всѣ рязанци и епископа ихъ Арсеня.

Наивысшую вечерую активность рязанцев постулирует враждебная им Лавр. Горожане первыми «начинают войну»: сказано, что они целовали крест и нарушили крестное целование, людей Всеволода схватили, иных из них «изморили». О рязанских князьях, пострадавших в прошлом году от Всеволода, речь не идет, они никакой роли не играют и играть не могут: в прошлом году их всех якобы добровольно отослали во Владимир сами же рязанцы. Когда Всеволод приходит, горожане не защищаются, а нападают: «...пришлаша... буюю рѣчь по своему обычаю». Только поэтому суздальский князь вынужден взять их в плен, а город сжечь.

ЛПС перед началом повествования о выступлении рязанцев в той же статье 6717 г. рассказывает о действиях остатка не захваченных в плен рязанских князей против Давыда Муромского, посаженного Всеволодом Юрьевичем на столе в Пронске: «Поиде Олегъ, и Глѣбъ, и Изяславъ Володимиричи, и Кюрь Михаило Всеволодичъ с половци на Давыда... къ Пронску... И осѣдоша Пронескъ. Давыдъ же выслався к нимъ из города... И уладишася с нимъ. И иде Давыдъ къ Мурому, а въ Проньску сѣде Кюрь Михайлъ». Таким образом, переяславский летописец не вычеркивает рязанских князей из истории полностью. Они присутствуют в начале рассказа, но занимаются только отвоеванием Пронска. Включается фоновая опасность, но эпизод вроде бы не связан прямо с захватом Всеволодом Рязани. Кроме того, ЛПС не так сильно педалирует активность рязанцев. Горожане собирались схватить Ярослава Всеволодича, что нужно квалифицировать как измену. Но на спор со старшим суздальским князем их не хватило. Голосов рязанцев непосредственно в сцене осады Рязани не слышно, никаких «буих речей». Используя современные термины, горожане являются не субъектом политической деятельности, а аморфной массой, страдающей от нападения. Идея «Всеволод отвечал на выступления горожан» подана несколько иначе.

Примечательна версия НПЛ. В этом тексте активной фигурой является Всеволод, а об измене рязанцев и их ссоре с его сыном Ярославом ничего не говорится. В сцене осады не рязанцы присылают с «буими речами», а, наоборот, князь приглашает горожан к себе. При том приглашает «на рядь» или «ряды», то есть предлагает мир. А затем вероломно хватает людей и шлет войско на беззащитный город, на «жен и детей»²⁵⁹. Что подтолкнуло его к такому поступку – не сказано, нет ни слова о каких-либо столкновениях с горожанами, поэтому это фактически «на-

²⁵⁶ Год в НПЛ на 2 единицы выше мартовского, в ЛПС ультрамартовский стиль, Лавр – мартовский. *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 256.

²⁵⁷ НЛ, с. 51; ПСРЛ. Т. 38. С. 163; 434Л.

²⁵⁸ «Рядь» в НПЛ старш. ред., «рядь» в НПЛ мл. ред.; НЛ, с. 51, 249.

²⁵⁹ О том, что в НПЛ очевидно отрицательные коннотации, свидетельствует иной сюжет, где приведены в чем-то подобные речи псковичей: «А то вам жены и дѣти, а вы не лучше язычников. – *Т. В.*) См. НЛ, с. 66, под 1228 г.

падение на невинную жертву». Соответственно, в новгородском своде как роли, так и знаки наррации меняются на противоположные. Можно предполагать, Всеволод так обрисован в конфликте с рязанцами потому, что на это время приходится смена князей в Новгороде²⁶⁰. Кстати, именно после описания скандального захвата рязанцев и сожжения города в НПЛ следует сообщение о приходе Мстислава Мстиславича и захвате сына суздальского князя Святослава. То есть поступок Всеволода, касающийся Рязани, как бы оправдывает последующее развитие событий в самом Новгороде. Логика приблизительно следующая: если этот князь мог так поступить со своими подданными, чего же от него можно еще ожидать. Вместе с тем откровенно осуждать Всеволода новгородский книжник все же не решает.

В целом, как и в предыдущих случаях, смысл игры – в конструировании пассивной или активной линии поведения горожан и князя. Здесь не совсем уместно говорить о роли жертвы, так как формально «жертвой» оказывается не только Ярослав, но и его отец Всеволод, имеющий на самом деле очень сильную позицию, и в конечном итоге пострадавшими оказываются герои-горожане. И все же. По НПЛ (оправдание горожан, версия «а») рязанцы пассивны, а одна из их жертв (Всеволод) проявляет инициативу. Новгородский летописец сочувствует рязанцам и намекает на неблагородное поведение князя. По Лавр и отчасти ЛПС, наоборот, проявляют активность и осуждаются горожане, а Всеволод и его сын только отвечают на их действия и должны вызывать сочувствие. Князья-соперники, рязанские «отчичи», которые, как кажется, не сидели сложа руки, во всех трех сообщениях практически остались за кадром; только ЛПС отмечает их поход на Пронск. Кроме того, опущен и, вероятно, сознательно скрывается широкий контекст событий – смены князей в Киеве и Новгороде, перестановки сил в коалициях (в том числе, НПЛ «затягивает» вступление Мстислава Мстиславича в Новгород), что не дает возможности реконструировать целостную картину.

№ 9. Несколько иные приемы использованы в описании предательства переяславцев во время битвы Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруким 1149 г. В Ипат говорится о «лести» переяславцев, в НПЛ – об их договоренности с Юрием, тогда как Лавр не содержит даже намека на вечевую активность горожан²⁶¹. В историографической традиции сообщения принято рассматривать раздельно. Как правило, останавливаются на версии Киевского либо суздальского сводов, имеющих общие блоки текста, известие НПЛ не привлекается²⁶².

²⁶⁰ См. II.7.

²⁶¹ 378–382И; 321–322Л; НI, с. 28.

²⁶² См., например: *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 264; *Коринный Н. Н.* Переяславская земля X – первая половина XIII в. К., 1992. С. 66–67; *Кучера М. П.* Переяславское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 131; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства. С. 303.

Согласно Лавр, Изяслав Мстиславич «повоевал» земли Юрия Долгорукого по Волге, затем выгнал его сына, Ростислава, тот пожаловался отцу, и Юрий решил мстить за обиду²⁶³. Изяслав и Юрий с двух сторон подошли к Переяславлю, готовясь к решающему сражению, епископ Евфимий молил Изяслава «смириться» с дядей, но киевский князь его не послушал. Войска долго стояли одно против другого, Юрий уже решил идти «вспять», но Изяслав погнался за отступающими, напал первым и потерпел поражение. Говорится о победе Юрия и бегстве войска Изяслава. Переяславцы оказались самыми стойкими:

«И первѣ побѣгоша поршане, потом Изяславъ Давыдовичъ, по сих кыяне и переяславци. И многы избйша, а другыя руками изымаша»²⁶⁴.

В Ипат сохранено большинство фрагментов Лавр текста, но введены обширные дополнительные блоки: о посольстве Юрия к Изяславу с предложением мира²⁶⁵ и отказе последнего; детальное описание противостояния войск и нескольких совещаний киевского князя с дружиной. Часть дружины советовала не вступать в бой, другая подталкивала князя начать битву, он послушался и приступил к решительным действиям. Но, главное, в ином свете предстают действия переяславцев. По мнению киевского летописца, они предали Изяслава, первыми бежали с поля боя, что и послужило причиной смятения его войск и привело к поражению.

«И бысть леть въ переяславцехъ, рекуче: “Гюрги намъ князь и свои, того было нам искати и далече”. То рекуче, и поскочиша. Видивше же полци Изяславлѣ и Ростиславлѣ, смятошася»²⁶⁶».

НПЛ поддерживает версию измены, хотя и в иной редакции: переяславцы вообще отказываются воевать, подстрекаемые Юрием.

«Гюрги приде на Кыевъ, позванъ Святославомъ Олговицемъ, и бйшася у Переяславлѣ. И переяславци сѣдоша на щитѣ, науцениемъ Гюргя»²⁶⁷.

²⁶³ Это часть длительной и сложной истории, один из вариантов на тему «возвращение блудного сына». Ростислав рассорился с отцом и ушел от него к Изяславу Мстиславичу. Киевский князь наделил непокорного сына приличным уделом и оставил его стеречь землю, уходя в поход на Юрия. Но по возвращении бояре оклеветали Ростислава, утверждая, что тот готовился захватить стол во время войны с его отцом. Изяслав поверил клевете, в наказание отнял волость и «изоимал» дружину, самого же Ростислава с позором отправил обратно в Суздаль. Вернувшийся был принят благосклонно, более того, Юрий решил «мстить обиду» и воевать с Изяславом.

²⁶⁴ 322Л. «Поршане» – сидевшие по Роси берендеи и торки.

²⁶⁵ «Се, брате, на мя еси приходилъ и землю повоевалъ, и старѣшинство еси с мене снйль. Ныне же, брате и сыну, Рускыя дѣля земля и хрестыанъ дѣля не пролѣвие крови хрестыаньскы, но даи ми Переяславль, ать посажю сына своего у Переяславлѣ, а ты сѣди царствуюа в Кыевъ»; 380И.

²⁶⁶ «Смятошася» – из Хл, в И проп., «полци» – из Хл, И «половци»; 382И, вар. 52–53.

²⁶⁷ НІ, с. 28.

На фоне остальных известий легче всего интерпретируется Лавр. Согласно этой летописи, Юрий Володимирич невиновен. Изяслав его обидел, выгнал сына и воевал землю по Волге, что превращает поход из «добывания» Киева в акт справедливой мести. И стратегия, и тактика Изяслава неверны. Он не послушал молений епископа, первым атаковал Юрия, хотя тот уже отводил войско. Переяславцы бежали последними, показав невиданную стойкость. Об измене Изяславу и переходе на сторону Юрия не говорится, хотя единодушные версии Ипат и НПЛ позволяют предполагать здесь умолчание.

Киевский свод сохраняет пассажи, где Изяслав обидел сына Юрия и не послушал епископа. Более того, приводится послание суздальского князя с перечнем «обид» и мирными предложениями, в известном смысле усиливающее оценку Лавр. Это может показаться странным, ведь Изяслав Мстиславич – положительный для Ипат персонаж. Но, по-видимому, так в произведении киевского книжника проявилось назидательное начало. Основной задачей летописца было показать связь между поступками и судьбой: как неудачи, так и победы не могли быть случайными и обуславливались высокоморальным (или, наоборот, низким) поведением. Такой способ изложения исходил из идеи награды Божьей за правильные поступки и воздаяния за грехи. Вот и в данном сюжете отсутствие смирения у Изяслава Мстиславича обусловило его поражение. Тем не менее, ответственность за то, что он первым начал бой, с него снимается: князю так посоветовала дружина. К тому же он последний покидает поле боя, бьется храбро, а храбрость князя обычно заслуживает одобрение. О поступке переяславцев сообщается сдержанно, без проклятий, с единственным оценочным словом «лесть». И их предательство также, между прочим, оправдывает Изяслава. Обвинения Юрия в подстрекании горожан нет, переяславцы будто бы сами решили, что он им «свой» и незачем искать добра «далече».

В НПЛ отсутствует мотив оскорбления сына Юрия и справедливой мести отца за обиду сына. Начинает конфликт суздальский князь, он приходит, «позванъ» Святославом Ольговичем. Возможно, летописец намекает на то, что Святослав мстил за убитого брата, Игоря Ольговича²⁶⁸, а Юрий пришел ему на помощь, однако запись слишком краткая, чтобы интерпретировать ее сколько-нибудь однозначно. Оценок князей-соперников непосредственно в описании их столкновения нет, хотя о «науче-

²⁶⁸ Изяслав Мстиславич стал князем в 1146 г. Он победил в сражении Игоря Ольговича и захватил Киев. Через несколько дней Игоря схватили, одно время Изяслав держал его в «порубе» в одном из монастырей Переяславля, а затем велел его постричь и держать в Феодоровом монастыре в Киеве. При очередном обострении ситуации, когда Изяслав находился в походе против черниговских князей, поддерживаемых Юрием Долгоруким, «князю» пошли с веча в монастырь и убили Игоря. Судя по Ипат, наиболее последовательно мстил за Игоря его брат Святослав Ольгович, союзником которого стал Юрий, а двоюродные братья, Володимир и, особенно, Изяслав Давыдович, шли на компромисс с Изяславом.

нии» переяславцев предать своего князя говорится достаточно прямо и активная роль отведена, в отличие от Ипат, именно Юрию. Более широкий контекст статьи этого года позволяет обнаружить несколько скрытых характеристик, правда, противоположной направленности. С одной стороны, отмечено, что Изяслав с митрополитом Климентом Смолятичем не хотели отпускать новгородского епископа Нифонта из Киева, и этот поступок их был достоин всяческого осуждения. Нифонт не желал признать поставленного без участия клира Великои церкви (Константинопольской Софии) «Клима», и был прав, отстаивая свое мнение, а Изяслав с Климентом мстили ему²⁶⁹. Одновременно фиксируется битва новгородцев и суздальцев (людей Юрия), в которой, естественно, героями выступают новгородцы. Иными словами, прослеживается скрытое неодобрение обоих князей, и Изяслава, и Юрия. По некоторым признакам, такое не вполне обычное сочетание возникло вследствие редактирования. Бросается в глаза то, что в НПЛ практически отсутствуют известия о сыне Изяслава, Ярославe, хотя он княжил 6 лет (!), 1148–1154 гг., и годы эти были насыщены событиями. Лагуну заполняют церковные известия, и именно в них ощущается рука сторонника Юрия.

Таким образом, система формантов нейтральной версии НПЛ («b₂»): активность (измена) горожан и князя-соперника, тогда как жертва, можно сказать, пассивна – Изяслав Мстиславич защищается, а не нападает. Оценки здесь не проставлены. В Лавр версии, оправдывающей Юрия и переяславцев («a»), форманты следующие: отсутствует информация о предательстве горожан, поведение их одобряется. Князь-жертва Изяслав действует агрессивно и иницирует столкновение с Юрием, отношение к нему враждебное, все шаги князя-соперника Юрия вынужденные. Конфликт Изяслава с переяславцами нивелирован до такой степени, что здесь можно предполагать даже влияние схем I модели. В Ипат, сложном нарративе, имеющем общие с Лавр элементы, присутствуют и осуждение, и оправдание («ab»). Что касается князей, содержание в основном соответствует Лавр, но предпринята непоследовательная попытка обелить Изяслава. Характеристика переяславцев отрицательная, есть сообщение о предательстве, хотя о том, что Юрий приложил к этому свою руку, не сказано.

№ 10. Реляция о походе Рюрика Ростиславича на Галич, изгнании Данила и Василька Романовичей и вокняжении Игоревичей, сыновей знаменитого Игоря Святославича, помещена в Ипат (ГВЛ) под 6710 (стандартно 1202) г. и в двух статьях Лавр 6714/1206 г.²⁷⁰ Обе версии

²⁶⁹ Ип., с. 28.

²⁷⁰ 717–718И, 426–427Л. Год проставлен в И неверно. Относительно удвоения статей Лавр 6714 (1206) г. см.: *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 88–89, 99–100. Исследователь предполагает переход с ультрамартовского на мартовский стиль и датирует записи как относящиеся к 1205 г. и 1206 г. В ЛПС имеется сообщение только об одном походе Рюрика, под 6714 г.: ПСРЛ. Т. 38. С. 163. Кроме привлекаемых обычно известий, сообщение о двух

повествуют о собраниях жителей Галича. В Лавр обозначение собравшихся типичное – «галичане», ГВЛ пишет о «галицких боярах» и «галичанах». Традиционно считается, что Игоревичей в Галич привели бояре, а не «люди»²⁷¹, но, поскольку обозначение «бояре» в ГВЛ имеет свою специфику (подробнее см. в первой главе), думается, персонажи в обоих сводах одни и те же. Следует добавить, наличие двух нарративов привлекло внимание историков, и противоречивость вынуждены были объяснять²⁷². Обычно считают, что в ГВЛ и Лавр фиксируются нетождественные события, произошедшие приблизительно в одно время. Поэтому, излагая историю 1205–1206 гг., ученые чаще всего прибегают к контаминации, о чем еще будет сказано ниже.

Между ГВЛ и Лавр, действительно, большие различия: в Лавр описываются два похода на Галич, в Ипат – один, в Лавр поход совершали Рюрик и Ольговичи, в Ипат – один Рюрик, в Лавр Игоревичей ввели в город во время похода, в Ипат – после него. Однако древнерусские книжники могли использовать приемы, способствовавшие изменению сюжета «до полной его неузнаваемости»; попытаюсь показать, что расхождения версий обусловлены различием в интенциях и нарративных приемах летописцев.

Согласно Лавр, после смерти Романа Мстиславича Рюрик расстригся²⁷³, снова сел в Киеве, договорился с Ольговичами и выступил

походах Рюрика, под 6713 и 6714 гг., содержится в Сим-Тр. При этом описание второго похода совпадает с Лавр, а первый подан в иной редакции. «Того же лѣта рострижесе Рюрикъ князь, и слышавъ смерть Романову, и совокупи собѣ Олговичи и половци, и поидоша на Галичь, яко же пророкъ рече: “Скоры суть нозѣ ихъ пролиати кровь бес правды”». Слышавъ же король, аже идуть князи рускыя на Галичь, и посла помочь въ Галич Романовичема. Галичяне же слышавше полкы силны рускыя и едуче не възмогша стати противу имъ, зане дѣтска бяше у нихъ Романовича, и затворишася по градомъ. Они же пришедше сташа около Галича и бяхуся изъ города крѣпко, и мнози обоихъ падааху уязвляеми. Видѣвше же брань крѣпку у города, и възвратишася вспяты, сель много пожерже». *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 291–292. Откуда взялось это известие – неясно, но, похоже, оно написано под влиянием свода типа Ипат. Традиция Сим-Тр отразилась (без фрагмента о помощи короля) во Владимирском летописце: ПСРЛ. Т. 30. С. 80. В МЛС, Тверском сборнике и Львовской летописи использованы чтения типа Лавр, в сводах типа С1–Н4 – одно краткое сообщение о походе Рюрика, помещенное под 6712 г. Та же краткая редакция (под 6713 г.) – в Летописи Авраамки.

²⁷¹ *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 229–230, 481; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь. С. 516–517; *Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство. С. 89, 124.

²⁷² *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства. С. 241; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 229–230; *Паццто В. Т.* Очерки истории. С. 194–195; *Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство. С. 84; *Генсьорський А. І.* Галицько-Волинський літопис (процес складання; редакції і редактори). С. 18–19; *Котляр М. Ф.* Галицько-Волинська Русь. К., 1998. С. 163–165; *Пашин С. С.* Галицкое боярство. С. 19; *Майоров А. В.* Галицко-Волинская Русь. С. 371–376; *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. С. 67–68.

²⁷³ Рюрика Ростиславича насильно постриг в монастырь его зять Роман Мстиславич.

вместе с ними в поход на Галич. Однако силы нескольких князей натолкнулись на отпор галичан и, «не успѣв ничтоже», возвратились²⁷⁴. Вскоре после этого собрали второй поход. На сей раз состав войска расписан более подробно: названы черниговские князья «Ольговичи», Рюрик, его дети и смоленские родственники, а также союзники-половцы. Вся эта коалиция двинулась к Галичу, в то время как к Владимиру-Волынскому подошел венгерский король с «помощью», выпрошенной «Романовичами» (детьми Романа Даниилом и Васильком) и галичанами, которые в это время действовали заедино и посылали к королю совместное посольство:

«Слышав же галичане с Романовичема, аже идеть рать на ня силна от-
всюду, и убояшася зѣло, и послашася г королеви, помочи прося у него.
Слышав же король, оже идут князи вси русстиѣ на Галичь, а отсельѣ идут
ляхове, совокупяся весь, поиде с ними (с посольством галичан. – Т. В.)
чересь горы»²⁷⁵.

Военные действия описаны путано и невыразительно: до Галича войска не дошли, сражение не состоялось, наконец все разошлось²⁷⁶. Тем временем напряженная ситуация («мятежь»²⁷⁷) спровоцировала бегство Романовичей, а галичане, напуганные опасностью, тайно пригласили в Галич нового князя, Володимира Игоревича.

«Романовича же видѣвша мятежь в земли великъ и убоястася, и не дож-
давше короля, бѣжаста из Галича в Володимерь в воотчину свою. Королю
же перешедшу чересь горы... поиде к ним поперек к Володимерю...
король же омиривъ ляхы, поиде за горы... Галичане же видѣвше коро-
ля идуща прочь, убояшася полковъ русских, еда възвратятя на нь опят,
а князя у них нѣту, здумавше, послашася по Володимера Игоревича
отаи»²⁷⁸.

На эту деталь следует обратить особое внимание: первый шаг в Лавр, «убояшася», сделали князья (малолетство детей Романа в Лавр не отмечено, и, соответственно, на них возлагаются все «взрослые» княжеские обязанности по защите своей земли). Значит, горожане никого не предавали, пригласили князя на пустующий стол. Новым галицким правителем, как это ни странно, оказался один из участников похода на Галич. Отмечается, что венгерский король ранее договаривался с галичанами о другом князе, симпатичном суздальскому

²⁷⁴ 425–426Л.

²⁷⁵ 426–427Л.

²⁷⁶ 427Л. Кстати, «Ольговичи» ушли по непонятным причинам. Галич стоит на другом пути, чем Владимир-Волынский. Вероятно, рассказ составлял человек, весьма приблизительно представлявший себе географию региона.

²⁷⁷ В данном контексте «мятежь», судя по всему, обозначает тревожное положение вообще, а не восстание.

²⁷⁸ 427Л.

летописцу Ярославе Всеволодиче²⁷⁹, но тот не успел вовремя въехать в город. Подчеркиваются детали, долженствующие засвидетельствовать отделение Володимира Игоревича от остальных Ольговичей: он якобы «...украдся ис полковъ от своее братьи, гна об ночь в Галичь», хотя, вероятно, летописец тут несколько подправил события. По крайней мере, далее книжник позабыл о своих намерениях разъединить черниговских князей. Старший среди них, Всеволод Чермный, согласно той же Лавр, приказывал сыну суздальского князя: «Галича не ищи подь мою братьею»²⁸⁰.

ГВЛ сообщает лишь об одном походе Рюрика, однако, судя по некоторым признакам, текст редактирован²⁸¹. Было ли в изначальном варианте один или два похода – неясно. Состав войска очерчен в самых общих чертах, главное же, вовсе не упоминаются Ольговичи²⁸². Помощь у венгерского короля в этой версии выпросила мать Данила и Василька, «Романовая» на каком-то «сънѣме», и «засада» (войска) прибыла прямо в Галич, а не к Владимиру-Волынскому.

«По смерти Романовѣ снимался король со ятровью своею во Санощѣ, прияль бо бѣ Данила, како милога сына своего, оставилъ бо бѣ у него засаду... и за то не смѣша галичанѣ ничтоже створити, бѣ бо инѣхъ много угорь»²⁸³.

Отличается и описание боевых действий. Рюрик приходил под Галич, но ничего «не успѣвши» из-за угорской «засады», хотя горожане были на его стороне. Князей поменяли уже после похода, когда опасность миновала, и это было вызвано заговором галичан и галицких бояр. Жена и дети Романа бежали из Галича не до приглашения Игоревичей, а после него, то есть, по сравнению с Лавр, последовательность событий обратная. Далее повествуется о намерении одного из Игоревичей, Володимира, захватить Владимир-Волынский, причем действует он вместе с галичанами. Сказано, что галичане и их новые князья хотели «искоренити племя Романово», и подобные намерения названы «безбожными»:

²⁷⁹ «Бяше бо король с галичаны здумавъ переже, послалъ в Переяславль по Ярослава Всеволодича»; 427Л. Ученые отмечали, что Ярослав был родственником последнего галицкого князя Володимира Ярославича и имел некоторое право на Галич (например: *Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. III: До року 1340. Львів, 1900 (К., 1993). С. 20, прим. 1*). Впрочем, эта деталь соответствует не столько политике венгерских королей, сколько тенденции суздальских летописцев концентрировать внимание на местной династии. См.: *Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV вв. Пути политического развития. М., 1996. С. 96.*

²⁸⁰ 428Л, это уже годом позднее, когда Всеволод Чермный пришел под Переяславль и выгнал Ярослава Всеволодича к отцу в Суздаль.

²⁸¹ В частности, наблюдаются неувязки: в соседних строках галичане бьются за Данила и Василька и тут же готовы их предать.

²⁸² Различие Лавр и ГВЛ в этом эпизоде отметил А. И. Генсерский. *Генсьорський А. І. Галицько-Волинський літопис (процес складання; редакції і редактори). С. 18.*

²⁸³ 717И.

«И приведоша Кормиличича, иже бѣ загналь великый князь Романъ, невѣры ради, славяху бо Игоревича. Послушавъ же ихъ (Кормиличичей. – Т. В.) галичкыи бояре, и послаша по нихъ (Игоревичей), и посадиша и, в Галичѣ Володимера, а Романа во Звенигородѣ. Княгини же Романовая, взявше дѣтятъ свои, и бѣжа в Володимеръ. И еще же хотящу Володимеру искоренити племя Романово, поспѣвающимъ же безбожнымъ галичаномъ. Посла же Володимеръ со свѣтомъ галичкыхъ боярь... к володимерцемя, реки имъ: “Не имать остатися градъ вашъ, аще ми не выдасте Романовичю”»²⁸⁴.

Обычный способ согласования столь несхожих версий предполагает разделение сообщения ГВЛ на «первый» и «второй» походы Рюрика, причем первый выносится в 1205 г., а второй оставляют в 1206 г.²⁸⁵ Такое решение имеет свои недостатки. Прежде всего, текст «режется по живому», ведь известие о втором походе и «снѣме» жены Романа с венгерским королем в ГВЛ оказывается внутри описания первого похода²⁸⁶. Далее, исследователи вынуждены выбирать между разнящимися информативными блоками и составлять собственное повествование. Как правило, конструируется некий искусственный, впрочем, вполне привлекательный нарратив, и в процессе конструирования исследователь переключается с фрагмента одной летописи на другую, а лишние детали опускает. Приведу для примера изложение событий 1205–1206 гг. в книге В. Т. Пашуто «Очерки истории Галицко-Волынской Руси». «Княгиня Анна и *те галицкие бояре, которые были близки ей*, послали за помощью в Венгрию». (Согласно Лавр, короля просила только «Романовая», ГВЛ – не бояре, а «галичане с Романовичами».) «Король поставил свой гарнизон в Галиче, *а также* “омирил” поляков, не пустив их на Воынь». (Ввел засаду в Галич – по ГВЛ, не пропустил поляков на Воынь – по Лавр.) «Пока венгерский гарнизон находился в Галиче, местное боярство держалось в тени..., но *едва король увел свой гарнизон*, как галицкое боярство... *не желая принимать суздальского князя*, решило призвать на княжение собственных ставленников». (По Лавр, король вывел войско с Воыни, а не из Галича, галичане, а не бояре,

²⁸⁴ 718И.

²⁸⁵ Пашуто В. Т. Очерки истории. С. 194–195; Котляр М. Ф. Галицко-Волинська Русь. С. 163–165.

²⁸⁶ Первый поход: «Собравшо же Рурику ... и не стерпѣвше, и възвратишася в Галичъ», а также «Тогда же два князя половѣцкая... и за мало ихъ не яша». Второй: «И пришедшо... бѣ бо инѣхъ много угоръ». В принципе текст можно разбить и по-другому. От: «Собравшо же Рурику» до «и възвратишася в Галичъ» отнести к первому походу, а остальное – ко второму. Но в таком случае лавры отпора Рюрику достанутся галицким боярам, что противоречит установкам отечественной истории. Считают, что в конце концов все решило ополчение «пещев», о которых в данном случае летопись, кстати, ничего не сообщает. См.: Пашуто В. Т. Очерки истории. С. 194; Котляр М. Ф. Галицко-Волинська Русь. С. 163. Впрочем, и предложенное деление также не спасает положения. Тогда возникает противоречие – Лавр настаивает на том, что битва под Галичем не состоялась, а ГВЛ повествует о столкновении именно под стенами города.

боялись нападения, что и привело к смене династии; ГВЛ же отмечает, что засада стояла очень долго, о самом короле ничего не сказано. О суздальском Ярославе есть только в Лавр, о желаниях галицкого боярства – только в ГВЛ.)²⁸⁷

Иной, наверное, более радикальный способ согласования предложил М. С. Грушевский. По его мнению, в ГВЛ «звсім пропущено» второй поход, «згадано тільки про прихід Ігоревичів на галицькі столи». Соответственно, события 1205 г. ученый реконструировал на основе первого сообщения Лавр и ГВЛ, а 1206 г. – преимущественно по второму известию Лавр²⁸⁸. Таким образом удалось избежать нескольких противоречий, но на их месте возникли другие. Так, пришлось удвоить известие о помощи венгерского короля²⁸⁹, хотя в суздальской летописи, которой М. С. Грушевский полностью доверяет²⁹⁰, в первом сообщении о венграх нет ни единого слова. Таким образом получилось, что в ГВЛ все же сохранился «хвостик» сообщения о втором походе, и возникла необходимость сращивать иные эпизоды.

ГВЛ и Лавр имеют общий блок известий и в целом написаны по одной исторической канве. Это поход Рюрика на Галич, помощь венгерского короля, бегство Романовичей и вокняжение Игоревичей. Такая ситуация никогда не повторялась: Романовичи вскоре утратили Галич, а Игоревичи были повешены. Все сказанное дает нам право рассматривать тексты как параллельные. Что касается двух походов Рюрика в Лавр, возможно, это одна из дублировок, возникавших время от времени при редактировании сводов. Ведь в Лавр дата 6714 /1206 г. удвоена, и оба похода на Галич содержатся в двух следующих друг за другом статьях, датированных одним годом (!); высказывалось предположение, что удвоение произошло из-за вмешательства в текст позднего редактора²⁹¹. С другой стороны, нельзя исключать и возможности слияния походов в ГВЛ, ведь эта летопись неоднократно подвергалась редактированию.

²⁸⁷ Пауцто В. Т. Очерки истории. С. 194.

²⁸⁸ Грушевський М. С. Хронологія подій. С. 7–8; Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 2. С. 229–230. Такой подход поддержан в: Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. С. 374.

²⁸⁹ См.: «...але угорський король взяв Данила в опіку і в Галич введено угорську залугу»; «...в поміч Романовичам знову прибув угорський король». Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 2. С. 229. Продублировано известие и в: Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. С. 372, 375.

²⁹⁰ «Оповідання суздальської літописи дуже докладне (оповідання Галицько-Волинської чимало поплутало в порядку подій)...» Грушевський М. С. Хронологія подій. С. 7.

²⁹¹ Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии. С. 77–98; Прохоров Г. М. Радзивилловский список. С. 71–72, 74. М. Д. Приселков считал, что особенности изложения Лавр и, в частности, дополнительные известия о Константине и Константиновичах обусловлены введением летописца Всеволодича. Приселков М. Д. История русского летописания. (1940). С. 91. (1996). С. 267, прим. 77. Как уже отмечалось, Н. Г. Бережков объяснял удвоение переходом с ультрамартовского на мартовский стиль, хотя и признавал, что дублирования даты при таком переходе, как правило, не происходит. Бережков Н. Г. Хронология. С. 88–99.

Что касается содержательных расхождений. Посольство с просьбой о помощи по Лавр отсылали «галичане с Романовичами», по Ипат – княгиня, мать Романовичей. Это обычная игра: добрым персонажам приписывают добрые поступки, а «галичане» играют положительную роль в Лавр, но не в ГВЛ. Что касается того, что «Романовичам» Лавр противостоит «Романовая» Ипат, причина неполной корреляции в том, что Лавр игнорирует, ГВЛ же, напротив, всячески подчеркивает малолетство детей Романа Мстиславича. Далее, изображаются разные собрания галичан: в Лавр горожане решали важные дела в условиях осады, *после* бегства Романовичей, в Ипат – это измена князьям и призвание их соперников в мирной ситуации, *до* ухода галицких «отчичей» во Владимир. В этом случае разные конструкции связаны с тем, как распределяются активные и пассивные роли. В Лавр агентами истории выступают Романовичи: они бегут первыми, предают своих подданных, и беззащитные галичане вынуждены призвать представителей другой династии. Наоборот, в ГВЛ активны «льстивые» горожане. Они все время пытаются избавиться от своих «отчичей», в конце концов приводят Игоревичей, и только тогда Данило и Василько с матерью вынуждены спастись во Владимире. Темпоральные смещения (последовательность событий cd–dc) аналогичны выявленным в других параллельных сюжетах (II.1, II.4, I.7).

Наконец, оба летописца скрывают тот факт, что вокняжение Володимира Игоревича было связано с военным давлением. По Лавр, галичане по собственной воле пригласили Володимира, когда участники похода уже собирались расходиться, и черниговский князь фактически предал свою «братью». ГВЛ не замалчивает, что под Галичем состоялась битва, но при этом Володимира Игоревича и вообще всех Ольговичей нет в списке участников похода, галичане приглашают Володимира на стол уже в мирной ситуации. Очевидно, акция Рюрика и Ольговичей имела все же определенный успех – в Галицкой земле утвердился один из князей, приходивших воевать под Галич. Все это было связано с общим усилением черниговской коалиции: известно, что спустя короткое время Всеволод Чермный сместил Рюрика и сел в Киеве. Отказ демонстрировать политический подтекст и, вообще, более широкий фон событий типичен для параллельных описаний конфликтов, чем и обусловлены маневры летописцев. Вдобавок в данном случае можно назвать конкретные достаточно веские причины замалчивания триумфа Ольговичей. Галицкий летописец обошел этот факт из-за лояльности Романовичам, неизменно упоминаемым исключительно в положительном контексте. Выведение из игры Ольговичей позволяло счастливо обойти и споры за выморочный галицкий стол (Ольговичи, и особенно Игоревичи, были родственниками угасшей династии и потому имели на Галич больше прав), и вопрос военного давления, видимо, ущемляющий чувства галицких и волыньских книжников. Романовичей выставляли в роли единственных законных наследников, перед которы-

ми изменники-галичане, естественно, провинились. Что касается Лавр, здесь прослеживается ощутимая антипатия к Ольговичам. Черниговские князья были опасными соперниками Суздаля, и умолчание об их успехе также вполне объяснимо.

Конструкции ГВЛ и Лавр противоположны. Суздальский автор использовал схему «а», сочетающую оправдание горожан и осуждение побежденного князя (в данном случае – двух, Данила и Василька). Романовичи проявили активность, сами бежали, тогда как действия галичан были вынужденными. Поступок горожан в таком изложении обусловлен «объективными трудностями». Отличие от предыдущих сюжетов в том, что нет положительной оценки князей-соперников, Игоревичей, и вдобавок введен неосновной персонаж из той же категории соперников, Ярослав Всеволодич. В ГВЛ (схема «b») можно выделить активность горожан и князей-соперников, а также пассивность жертв-Романовичей и «Романовой». Соответствующим образом распределены и оценки: положительные отданы детям и жене Романа, отрицательными наделены их противники.

№ 11. Наконец, последний сюжет посвящен вокняжению Изяслава Давыдовича в Киеве после смерти Юрия Долгорукого в 1157 г. Известие об этом помещают Ипат и НПЛ²⁹², в Лавр известие о вокняжении Изяслава Давыдовича отсутствует, есть только запись о смерти Юрия. Тексты почти герметичны, и интенции летописцев выявить нелегко, но в содержании сообщений можно отыскать немало противоречий. Речь идет о киевских событиях и уже знакомых действующих лицах: Юрии Володимириче, Изяславе Давыдовиче и киевлянах. Время действия близко к так называемому периоду «упадка Южной Руси», когда Киев якобы перестает быть желанным столичным столом и князья предпочитают заниматься своими отчинными владениями. В сводах XV в. и позднейших разделе Киев и Северо-Восточной Руси датируется как раз этим периодом и связывается с именем Андрея Юрьевича Боголюбского. Подчеркивается, что после смерти отца Андрей не пожелал бороться за Киев, решив обустроить Владимиро-Суздальское княжество. Историки приняли схему поздних летописателей, что и обусловило популярность, почти хрестоматийность сюжета. Непрямое сообщение о вече содержат Киевский и новгородский своды; опираясь на Ипат, исследователи пишут о «восстании киевлян». Текст НПЛ практически не привлекается, хотя речь идет, несомненно, об одних и тех же событиях. Если и сравнивают разные источники, выбирают Ипат и Лавр версии, и в центре внимания находится описание смерти Юрия Володимирича²⁹³.

²⁹² НПЛ под 6665, Ипат под 6666 /1157 (стандартно 1158) г.; 489–490И; НЛ, с. 30.

²⁹³ См., например: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 181–182; *Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 511; *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля. С. 171–173; *Приселков М. Д.* История русского летописания. (1940). С. 71; *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь. С. 34, 41, 43.

Есть некоторые основания предполагать, что сведения о вокняжении Изяслава читались в протографе суздальского свода и были в дальнейшем вычеркнуты. Дело в том, что Лавр помещает описание смерти Юрия, но вопрос о наследовании киевского стола обходит. Суздальского летописца вроде бы не интересует, что Изяслав Давыдович получил Киев по смерти Юрия Володимирича. Книжник, вместе с тем, не забывает отметить изгнание Изяслава из Киева Мстиславом Изяславичем в следующем, 6666/1158 г.²⁹⁴, что делает умолчание 6665/1157 г. весьма примечательным. Соответственно, текст Лавр может привлекаться как дополнительный.

Известие НПЛ лапидарное, как то часто свойственно этому своду в статьях первых двух третей XII в.:

«...веснѣ переставися Гюрги князь Киевѣ, и посадиша Изяслава Давыдовиця кыяне на столѣ»²⁹⁵.

Ипат сообщает о том, что Изяслав собирался воевать с Юрием, но в день выстуления из Чернигова в поход к нему прибыли киевляне с вестью, что воевать уже не с кем, Юрий умер²⁹⁶. После смерти киевского князя и еще до подхода Изяслава в Киеве произошел какой-то «мятежь»²⁹⁷. Описание в общем достаточно детальное, но оставляет множество вопросов:

«И много зла створися в ть день: розграбиша дворь его Красныи, и другии дворь его за Днѣпромь разграбиша, его же звашеть самъ Раемь, и Василковъ дворь, сына его, разграбиша в городѣ. Избивахуть суждалци по городомь и по селомь, а товарь ихъ грабяче. Изяславъ же Давыдовичъ вниде в Киевѣ мѣсяца мая в 15 (Хл: 19²⁹⁸) в недѣлю пянтикостъную».

Как можно заметить, НПЛ не пишет о «восстании», а Ипат – о «приглашении» князя. По сути, два свода изображают два разных веча: Ипат – восстание киевлян после смерти своего умершего правителя Юрия до подхода Изяслава Давыдовича, НПЛ же – собрание, результатом которого было посажение Изяслава на киевском столе. Хотя в предыдущих текстах I и II моделей уже приходилось наблюдать смещение последовательности событий, обусловленное противоположными оценками книжников, здесь картина, как представляется, более сложная.

²⁹⁴ «...выгна Изяслава Давыдовича ис Києва Мстиславъ Изяславичъ»; 348Л.

²⁹⁵ НЛ, с. 30.

²⁹⁶ «Изяславу же хотящю поити ко Киеву, и во ть днь приѣхаша къ Изяславу кыяне, рекуче: “Поѣди княже Киеву, Гюрги ти умерль”. Онъ же прослезився, и руцѣ въздѣвъ к Богу и рече: “Благословень еси, Господи, оже мя еси росудилъ с нимъ смерть (Хл “смертию”), а не кровопролитьемъ”»; 489И.

²⁹⁷ 489–490И.

²⁹⁸ 490И, вар. 42; правильно Хл, дата И ошибочная. «Недѣля пянтикостъная» приходилась в этом году на 19 мая; *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 161.

Можно ли вычислить интенции летописцев? В НПЛ сообщение краткое и герметичное, но оно может послужить фоном, на котором проявляются тенденции других версий. В Ипат, прежде всего, следует отметить сниженную оценку Юрия Долгорукого. Это демонстрирует сравнение записи о его смерти в Ипат и Лавр. В суздальском своде князь назван «благовѣрным», в Ипат этот стандартный и почти обязательный для некрологов эпитет заменен на нейтральное: «киевский». Ср.²⁹⁹:

Лавр	Ипат
Того ж лѣта преставися <i>благовѣрнии</i> князь Гюрги Володимеричъ в Киевѣ мѣсяца мая въ 15 день, и положиша и в церкви у Спаса свягаго на Берестовѣмь.	Пивъ бо Гюрги въ осменика у Петрила, въ ть днь на ночь разболѣся. И бысть болести его 5 днии, и преставися Киевѣ Гюрги Володимеричъ, князь <i>киевьскыи</i> , мѣсяца мая въ 15 въ среду на ночь, а заутра в четвергъ положиша у манаыри свягаго Спаса. И много зла створися въ ть днь, розграбиша дворъ его Красныи...

Сожаление киевского летописца по поводу грабежа дворов Юрия и его сына достаточно отстраненное. Оно существенно проигрывает по сравнению с яркими эмоциональными описаниями бедствий симпатичных ему князей (ср. II.1, II.4, II.10). Отсутствуют сведения о расколе внутри Киева – сторонники Юрия называются «суздальцами», хотя значительную часть дружины киевского князя всегда составляли киевляне. В то же время составитель Ипат не проявляет сочувствия к другой фигуре этой истории – Изяславу Давыдовичу. Нельзя сказать, что Изяслав является абсолютно отрицательным персонажем: он радуется и проливает слезы по поводу того, что Юрия «Бог поял» и не придется с ним биться, – поступок высокоморальный с точки зрения человека того времени³⁰⁰. Однако рассказ построен таким образом, что Изяслав Давыдович лишен поддержки киевлян. Не только не сказано, что они его «посадили» (как в НПЛ), – нет и традиционной встречи при въезде нового князя в город. Изяслав всего лишь «вниде в Киевѣ». Между тем с конца XI в. этикетная встреча князя была важным элементом летописного повествования, а в статьях 30–50 гг. XII в. уже прямо связана с оценкой определенных князей³⁰¹. Речи группы киев-

²⁹⁹ 348Л – 489И.

³⁰⁰ Возможно даже, использовалась модель борисо-глебского цикла. Ср., например, о том, что смерть Володимира Святославича не «дасть радости» дьяволу и не состоялась битва между отцом и сыном (Ярославом); 130Л. Между прочим, именно этот пассаж киевского книжника вызвал возмущение одного из историков XX в., хотя летописец всего лишь подчеркивал добрые интенции князя. См.: *Приселков М. Д.* История русского летописания. (1940). С. 71.

лян, приехавших в Чернигов в день выступления в поход Изяслава и сообщивших, что Юрий умер, иногда интерпретируют как официальное приглашение в Киев³⁰². Но с формальной точки зрения это акция «приятелей» черниговского князя, а не «киян» в целом. Судя по всему, киевский летописец хотел создать иллюзию, что Изяслав добыл себе Киев благодаря военной силе и стечению обстоятельств, а «кияне» не помогали, не встречали и не радовались ему³⁰³. Все это противоречит сообщению НПЛ, где прямо заявлено о том, что черниговского князя посадили киевляне.

Этот сюжетный ход приобретает тем большее значение, что тактика отстранения Изяслава Давыдовича от «киян» применялась киевским сводчиком не один раз. Скажем, в 1161 г. только случайная обмолвка позволяет узнать, что Изяслав, войдя в Киев, в Софии «всим дасть прощение кианомъ, ихъ же бяху изоимали»³⁰⁴. Перед тем в Киеве сидел Ростислав Мстиславич, из чего следует, что именно симпатичный летописцу Ростислав и повелел схватить киевлян и что в Киеве были люди, желавшие видеть своим князем Изяслава Давыдовича. Между тем об этом желании и о поддержке горожан нигде прямо не пишется. Из тройцы «Юрий, Ростислав Мстиславич, Изяслав Давыдович» Изяслав, получается, самый худший. Двух других претендентов на киевский стол второй половины 1150-х – начала 1160-х гг. «кияне» встречают и рады им, порой радость даже распространяется на всю «Рускую землю»³⁰⁵, а вот симпатии по отношению к Изяславу не проявляются никогда.

Цель подобных маневров легко понять, если припомнить, что соперничество Ростислава Мстиславича, Изяслава Давыдовича и Юрия Володимирича наметилось еще в 1154 г. (см. I.8). В то время Юрий занял Киев, что привело в конечном итоге к объединению бывших соперников, Ростислава и Изяслава Давыдовича. В 1157 г. Ростислав утвердился в Новгороде, Изяслав же готовился к походу на Киев, и Ростислав ему деятельно помогал³⁰⁶. Но после смерти Юрия борьба черниговского и смоленского князей возобновилась и стала нервом политической

³⁰¹ Ср. 172И, 209И, 276И, 289И, 294И, 302И, 303И, 321И, 327И, 384И, 396И, 403И, 416И, 470И, 478И; 218Л, 301Л, 306Л, 313Л.

³⁰² *Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 2. С. 181; Толочко П. П. Киев и Киевская земля. С. 172–173.*

³⁰³ Разумеется, реально, скорее всего, договаривалась с князем группа горожан, и они же «организовывали» встречу. Но одно дело – писать о неких «киянах», приглашавших на стол от себя («приятелях»), а другое – о принятии на княжение всем городом и всенародной встрече. При одинаковой в общем расстановке сил смысл известий совершенно разный.

³⁰⁴ 516И.

³⁰⁵ 470И, 478И.

³⁰⁶ Ростислав Мстиславич сел в Новгороде перед смертью Юрия, поспособствовал изгнанию из города сына последнего, Мстислава. Он посылал к Изяславу Давыдовичу на помощь сына Романа.

истории. Известно о целенаправленной обработке текстов, вошедших в Киевский свод, сторонниками Ростислава и Ростиславичей, что позволяет толковать «отстранение» Изяслава Давыдовича от «киян» в статье 6666/1157 (1158) г. как сознательный шаг летописца. Скорее всего, именно Ростислав был той фигурой, ради которой создавалась такая версия событий. Эта гипотеза объясняет и отсутствие положительных характеристик Юрия и Изяслава в Ипат, и содержательные смещения в Ипат по сравнению с НПЛ. Вероятно, восстание против «суздальцев» – еще один фантом коррекции. Гнев киевлян направлен на чужеродных, так сказать, субъектов, благодаря чему обходится раскол между самими жителями Киева (что, исходя из киевской и новгородской практики, было нормальным явлением во время смены князя). А приход Изяслава уже после восстания, без описания встречи его горожанами, позволил обойти молчанием поддержку «киянами» черниговского князя. Если бы летописец написал, что действия «людей» были инспирированы Изяславом, пришлось бы признать согласие между князем и киевлянами, что потом усложнило бы историю борьбы за Киев уже между Ростиславом и Изяславом Давыдовичем. Не исключено даже, что книжник несколько преувеличил масштабы «грабежа», так как выступление киевлян против сторонников Юрия, в свое время изгнавшего Ростислава Мстиславича из Киева, в общем также было на руку Ростиславу.

Итак, по-видимому, оправдывающая версия Ипат («а») рассчитана на скрытого героя, Ростислава Мстиславича. Система формантов включает пассивность горожан в деле приглашения на стол одного из соперников Ростислава, Изяслава, и активность, направленную против другого (хотя бы и умершего), Юрия, характеристики обоих князей – неоднозначные. «Кияне» не осуждаются, что составляет специфическую черту данного сюжета, но объясняется, видимо, достаточно просто. Их активность была выгодна скрытому герою-Ростиславу, кроме того, Киевский свод писал киевлянин, постаравшийся избежать резких оценок. НПЛ содержит нейтральное сообщение о посадении киевлянами Изяслава Давыдовича («b₂»).

В целом, как видим, неновгородских текстов II модели, «Конфликты людей с князем», гораздо меньше, чем новгородских. Сюжеты I модели более уравновешены в этом плане. Однако, как и в предыдущем случае, тексты обычно представлены двумя версиями. Версия «а» оправдывает горожан и князя-соперника, версия «b» осуждает «людей» и/или оправдывает жертву конфликта. Независимо от того, по какой схеме строят свое повествование летописцы, они обычно стремятся скрыть деятельность соперника: в версии «а» активная роль отдана жертве, в версии «b» героями являются горожане. Соперник либо пассивен, либо его вообще выводят за рамки истории. Как и в

I модели, встречаются нейтральные сообщения, «b₂». В целом, однако, стержневой вопрос – «кто виноват», и летописцы решают его в зависимости от отношения к участникам событий. Положительная оценка вечников сочетается со сведениями об их пассивности или вынужденности действий, провоцируют раздор князья. И наоборот, при отрицательном отношении к горожанам заявляется об их активности (предательстве), а князь выступает послушным исполнителем их требований. Конструктивную деятельность, в особенности развязку конфликта, обычно приписывают положительным персонажам. Поскольку в подавляющем большинстве случаев князья-соперники по тем или иным причинам остаются в тени, это придает собраниям людей «независимость», столь желанную для сторонников «народовластия» в Древней Руси. В сложных версиях, где присутствуют двое соперников или оценка жертвы амбивалентна, оправдание и осуждение могут быть спутаны. Чаще всего так случается при переделке и редактировании текстов, из-за чего наслаиваются и смешиваются элементы разных схем.

Необходимо признать, что эта модель более сложна, чем предыдущая. Основные элементы схемы варьируются чаще. Более того, в некоторых случаях во II модели используются отдельные форманты I модели. Каждый из летописцев преследовал свою цель, а ею могло быть оправдание князя-соперника, жертвы или же горожан. Соответственно, менялись и акценты повествования. Порой одинаковые или подобные интенции выливались в разные сюжетные решения: умолчать об агрессивном выпаде или, наоборот, подчеркнуть агрессивность горожан, продемонстрировать ее на разных этапах разворачивания конфликта. Несхожие приемы использовались, чтобы скрыть политический подтекст конфликтов, чаще всего связанных с передачей столов. Во владими́ро-суздальских и части новгородских текстов XIII в. можно проследить некоторые общие особенности, что, видимо, свидетельствует о специфике нарративного конструирования этого времени и/или этого региона. Летописцы не так часто играют на пассивности-активности, еще реже мечут громы и молнии по поводу непослушных новгородцев и князей-соперников, каковыми часто оказываются близкие родственники правителей. Основная стратегия здесь – замять конфликт. Кроме того, если жертвой конфликта с горожанами оказывается суздальский княжич, книжники стараются не изобразить его страдальцем, а продемонстрировать достойное поведение. В целом в этой модели нарративные приемы не столь устойчивы, как в предыдущей, и видоизменяются с течением времени. Система формантов показана в таблице.

Табл. 2
Версия «а»

Сюжеты, годы	1167 Новгород	1141	1215	1160	1255	1221–1223	1208	1208 Рязань	1149 Переяславль	1206 Галич	1157 Киев
Пассивность горожан	+	+	+	+/-	-+	+-	+	+	+	+	-+
Активность жертвы	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	
Пассивность соперника	+	+	+	+	+	+	-		+	+	-
Положительная оценка горожан	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Отрицательная оценка жертвы	+		-	+	+-	+	+	+	+/-	+	+-
Положительная оценка соперника	+			+			+		+	-	

Версии «b» и «b₂»

Сюжеты, годы	1167 Новгород	1141	1215	1160	1255	1221–1223	1208	1208 Рязань	1149 Переяславль	1206 Галич	1157 Киев
Активность вечников	+	+	+	+	+-	+-	+/0	+	+	+	+
Пассивность жертвы	+	+	+	+	+-	+-	+	+	+-	+	
Скрывается деятельность соперника	+	+	+	-	+	+	+	+	+/-	+	
Отрицательная оценка горожан	+	+		+				+	+/0	+	
Отрицательная оценка соперника	+			+-					+-	+	
Положительная оценка жертвы	+	+		+	+	+	+	+	-+	+	
Темпоральные смещения	+	+		+		+	+	+		+	+
Добрым приписываются добрые дела	+	+			+	+				+	
Искажения умолчания	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Характеристика князя

Упоминания вечевых собраний могли быть заданы нейтральными сообщениями, но гораздо чаще летописный рассказ включал определенные оценки князя и горожан. Существует группа записей, основной функцией которых была именно характеристика князя. Речь в них идет о принятии или непринятии правителя, «радости» горожан или их «негодованиям» по поводу его прихода. Большинство из них содержится в Киевском своде XII в. (Ипат). Редактор или редакторы этого свода, как кажется, даже несколько злоупотребляли данной конструкцией.

№ 1. Первый сюжет – сборы в поход 1151 г. Изяслава Мстиславича и битва его с Юрием Долгоруким – помещен в Ипат и Лавр³⁰⁷. Ипат версия содержит общий с Лавр текст, а также обширные дополнительные фрагменты, интерполированные, видимо, составителем Киевского свода. Одна из вставок разрывает фразу, благодаря чему возникают противоречия и грамматические несогласования. Дело в том, что действующие лица этой интерполяции – три князя, Вячеслав, Изяслав и Ростислав, поскольку киевский сводчик стремился показать идеальный «триумвират» Мстиславичей и их дяди. В тексте же, общем для Ипат и Лавр, присутствует один Изяслав. При переходе от одного блока текста к другому меняются формы множественного и единственного числа и создается неправильная грамматическая конструкция³⁰⁸. Эта и иные неувязки позволяют рассматривать тексты Лавр и Ипат не только как параллельные источники, но как первоначальную и вторичную версию³⁰⁹.

Косвенное упоминание о киевском вече содержится именно в том интерполированном блоке Ипат, где наблюдается разрыв фразы. Перед решающим сражением триумвиров Изяслава, Вячеслава и Ростислава с Юрием помещен эпизод собрания «киян», решительно поддержавших своих князей:

«Кияне же рекоша Вячславу и Изяславу и Ростиславу: «Ать (пусть. – *Т. В.*) же поидуть вси, како можеть и хлудь в руци взяти. Паки ли хто не поидет, намь же и (его. – *Т. В.*) даи, ать мы сами побьемы»³¹⁰.

³⁰⁷ 423–439И, 332–334Л.

³⁰⁸ «Изяслав же слышав то (так Л, «ту вѣсть» РА и ЛПС), поиде по нем, блюда того, дабы ся не снял с Володимерком // и постиже и (его. – *Т. В.*) у Перепетовых»; 333Л. Ср. распространение Ипат, курсивом выделен общий с Лавр текст: «*Изяслав же слышавъ ту вѣсть, поиде по Дюрги, блюда того, абы ся не снял с Володимеромъ... Вячславъ же и Изяславъ и Ростиславъ поклонившеся въ вторникъ святѣи Богородици... Изяславъ же съхавъся с Вячславомъ и съ ...Ростиславомъ, и тако угадавъше... а сами вѣсташа к Василеву... поидоша... и сташа* полки своими на ночь, и *постиже и* (его, но в этом контексте непонятно, кого, поскольку первая половина фразы написана за пол-листа до ее продолжения. – *Т. В.*) у *Перепетовых*»; 434И. Подробнее: *Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста, 48–49.

³⁰⁹ Дополнительный фрагмент Ипат как вторичная редакция до сих пор не рассматривался. А. Н. Насонов сравнил тексты, но он считал Лавр сокращением Ипат: *Насонов А. Н.* История русского летописания. С. 94–95. Как правило, для анализа сюжета избирают более пространную версию Ипат, см. например: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 29. Следует добавить, текст протографа лучше сохранился в Лавр, но здесь также имеются следы редактирования. В последней фразе слова «бѣ бо ему вѣсть» касаются Юрия, но его имя не названо, а вслед за этим описываются подвиги Андрея. Кстати говоря, некоторые особенности, как кажется, свидетельствуют о времени написания текста в княжение Андрея Боголюбского, ведь в Лавр именно он является главным героем повествования. Ни одному князю летописец не уделяет столько внимания и не расписывает так его доблесть, дипломатическую деятельность и т. д. Много таких панегирических фрагментов сохранилось и в Ипат, в тех случаях, если речь идет об общих с Лавр блоках текста. Ср.: 323–325Л, 389–391И; 325–326Л, 391–392И; 329Л, 404–405И; 329Л, 405И; 334Л, 437–438И.

³¹⁰ 433–434И.

За пределами этой вставки, но также в добавочном, а не общем с Лавр тексте приводится диалог Юрия и белгородцев³¹¹. Суздальский князь предложил горожанам сдать город, апеллируя к их чувству верности (я вам «свои князь», а вы «мои люди»). В ответных речах ему показали, кто здесь настоящие князья:

«Гюрги же приде к Бѣлугороду и рече бѣлогородцем: “Вы есте людье мои, а отворите ми градъ”. Бѣлогородци же рекоша: “А Киевъ ти ся кое отвориль, а князь нашъ Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ”».

Лавр сообщает только о передвижениях и военных действиях Изяслава и Ростислава³¹². Ощутимо различие в интенциях обоих сводов, представляющих собой первоначальную (Лавр) и вторичную (Ипат) редакции. Фрагменты Ипат, где действует триада князей «Вячеслав, Изяслав, Ростислав», имеют своей целью изображение идеального соправления князей, и все названные в них персонажи безусловно положительные³¹³. Именно эту функцию выполняет и приведенная выше интерполяция со сценой киевского собрания. Горожане единодушно принимают решение о походе, более того, заявляют, что наказание тех, кто посмеет нарушить общее решение, будет более суровым, нежели княжеское. Это высшая степень коммунальной сознательности при условии единения с князем. (Понятно, что солидарность мятежников, каковыми часто представляли вечники, имела иные измерения.) Образцом речи «киян», скорее всего, послужили слова новгородцев из летописного Сказания о св. Борисе и Глебе. Перед решающей битвой со Святополком Окаянным те заявили Ярославу: «Аще кто не поидеть с нами, сами потнемъ»³¹⁴. Что касается следующего белгородского эпизода, как можно заметить, он характеризует обе стороны. Интенции киевского сводчика абсолютно прозрачны: белгородцы проявляют лояльность к «добрым» князьям, Вячеславу Изяславу и Ростиславу и отвергают навязывающегося им «самозванца» Юрия. Помимо характеристики князей с помощью демонстрации отношения киевлян и белгородцев, в дополнительных блоках Ипат имеются иные оценочные пассажи. Так, Вячеслав посылает к суздальскому князю посла с речами, разоблачающими его «неправду», предлагает мирное решение конфликта, а Юрий его отвергает; неудачи войска Юрия оцениваются как «начало Божии помочи»³¹⁵ и т. п. Наоборот, в Лавр и в общем с Лавр Ипат тексте в

³¹¹ Как вече, рассматривалось, например, в: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 170.

³¹² См.: 332–333Л.

³¹³ *Лихачев Д. С.* Русские летописи. С. 230–231.

³¹⁴ РА доб. «его», 142Л, вар. ж.

³¹⁵ Например, «Бог же и святая Богородица... поможе Вячеславу и Изяславу и Ростиславу»; 438И. Ср. также 429–431И, 433И. Аналогичные приемы встречались в сюжете I.1.

статьях 1149–1151 гг. отношение к Изяславу неоднозначное, часто враждебное, то же касается Ростислава и Вячеслава, которые не играют здесь такой выдающейся роли, как в Ипат. Юрий же неизменно оценивается со знаком «плюс».

Итак, в Ипат (версия «а») Изяслав – положительный персонаж, а Юрий – отрицательный. Соответственно, введено яркое описание киевского веча, поддержавшего Изяслава, его дядю Вячеслава и брата Ростислава, и собрания белгородцев, отклонивших предложения суздальского князя. Первый фрагмент, вне всяких сомнений, вставка позднего редактора, второй, вероятно, также появился в результате распространения текста протографа. В Лавр («b₂») видим нейтральное сообщение о деятельности князей; характеристики Изяслава и Юрия, равно как и упоминания о каких-либо собраниях горожан, отсутствуют.

№ 2. Ипат и Лавр описывают приход Изяслава Мстиславича в Киев в 1146 г.³¹⁶ Косвенное сообщение о вече содержит Ипат. Это серия речей «людей», а также описание собрания жителей Киевской земли «на поли». В работах историков используется исключительно текст Ипат³¹⁷, хотя сведения Лавр кардинально иные и известия, без сомнения, параллельные³¹⁸.

Ипат рисует грандиозную картину активной поддержки Изяслава Мстиславича населением Киевской земли. Киевляне, белгородцы, василевцы и черные клобуки, «христиане и поганые» зовут его в Киев, называют «своим князем», и он героически обещает им, что сложит свою голову за стол, принадлежавший некогда его деду³¹⁹.

«И ту прислашася к нему чернии клобуци и все Поросье, и рекоша ему: “Ты наш князь, а Олгович не хочемь, а поѣди вборзѣ, а мы с тобою”... И ту скупишася вси клобуци, и поршане, томъ же мѣстѣ при-
сашася к нему бѣлогородчи и василевци, тако же рекуче: “Поиди, ты наш князь, а Олгович не хочемь”. Томъ мѣстѣ приѣхаша от княнѣ мужи, нарекуче: “Ты наш князь, поѣди, Олгович не хочемь быти акы в задничи³²⁰. Кде узримъ стягъ твои, ту и мы с тобою готови есмь”. Изяславъ же събра вѣся на поли, и христьяныя и поганья, и рече имъ: “...Да любо си голову положю³²¹ передъ вами, любо си налѣзу столь дѣда своего”».

³¹⁶ 323И, 313Л.

³¹⁷ *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 17; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 148–149; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 195.

³¹⁸ Записи Лавр идут непосредственно после общего с Ипат блока текста о том, что Игорь Ольгович был «не угоден» киянам, они отправили посольство к Изяславу в Переяславль, и тот пошел на Киев, помолвившись в храме Св. Михаила.

³¹⁹ Этот ряд формул включал такие выражения, как «столь дѣда», «дѣдень», «отца и дѣда», и подобные ремарки, по крайней мере с конца XI в., служили для обозначения законности претензий на княжеский стол.

³²⁰ Эта последняя фраза опущена в Хл. «Заднича» – наследуемое имущество.

³²¹ Так Хл, И «положи»; 323И.

В то же время в Лавр читается всего лишь следующее:
«И приде к нему берендѣвъ нѣколико, и пришедь ста на Желяни»³²².

Текст Лавр из-за своей лапидарности не позволяет судить об интенциях повествования. По тону он нейтрален и исключает оценки, никаких известий о проявлении активности «людей» нет. Правда, упоминается о подходе незначительной части берендеев («нѣколико»), но здесь имеется в виду войско. Как кажется, ударение сделано именно на незначительности «общественного резонанса», и тогда описание «всенародной» поддержки в Ипат является своеобразной антитезой суздальской версии. В Ипат, как можно заметить, изложение акцентированно оценочное. Заявление о том, что Киев – это «столь дѣда», указывает на законность претензий Изяслава Мстиславича³²³. Храбрость и решительность князя: «Любо си голову положю» – создает положительное впечатление. Похоже, речи Изяслава написаны по образцу слов Василька Теробовльського из ПВЛ (когда тот уже после ослепления вспоминал свои несбывшиеся планы защиты родной земли: «А любо голову свою сложду за Русскую землю»)³²⁴ – а Василько является однозначно положительным персонажем. В отличие от предыдущего сюжета (III.1) в Ипат не видим таких отчетливых следов нестыковки блоков текста раннего и позднего происхождения, но некоторые особенности все же указывают на редактирование. Так, характерное выражение «хрестьяныя и поганья» встречается в Ипат с 1146 г. по 1194 г.³²⁵ и, по-видимому, принадлежит летописцу и редактору времени Рюрика Ростиславича. Варьирование названия «своих поганых» – «берендѣи» Лавр и «черные клобуки» Ипат – также косвенно свидетельствуют о вторичности версии Ипат³²⁶.

Итак, детально выписанные сцены, иллюстрирующие популярность Изяслава среди жителей Киевской земли, добавляют еще одну черту к портрету «добротного князя», нарисованному, судя по всему, задним числом. Лавр же о поддержке не пишет, и, одновременно, Изяслав Мстиславич не является в ней образцом княжеских добродетелей.

№ 3. Аналогичную схему находим в сообщениях о вокняжении старшего сына Изяслава, Мстислава Изяславича, в Киеве: Лавр под 6676 г., Ипат – 6677 г. и НПЛ – 6675/1167 г. (мартовский год – в НПЛ³²⁷). В соответствии с Ипат, Мстислава приглашали на стол князя с «кианы» и «черными клобуками», а при въезде в город он составил «ряд» (договор)

³²² 313Л. В Л «переньлѣвъ», исправлено по РА и ЛПС; ПСРЛ. Т. 38. С. 113.

³²³ Такое отношение к «дедову столу» засчитывалось в плюс князю, ср. II.7.

³²⁴ 266Л, 1097 г.

³²⁵ См.: 323И, 373И (2), 419И, 591И, 681И (2).

³²⁶ См. первую главу, прим. 322.

³²⁷ Дата Ипат стандартно определяется как 1169 г. О смещении датировок Ипат, Лавр и НПЛ: *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 68, 165.

в том числе и с горожанами. Лавр и НПЛ ни того ни другого не знают. Сообщается только, что князь сел в Киеве, а Лавр еще добавляет при этом невыгодно характеризующую Мстислава деталь: он выгнал своего дядю, Володимира Мстиславича. Ср.³²⁸:

Ипат	Лавр	НПЛ
(532И) По Ростиславли смерти начаша слати по Мьстислава братья, Володимиръ Мьстиславичъ, Рюрикъ, Давыдъ, киане от себе послаша, чернии клобуки от себе послаша... (534И) Мьстиславъ же заутра... въ Киевъ вниде. Ту выидоша кияне вси, и възма рядъ съ братею, и съ дружиною, и с княны... (535И) Вниде Мьстиславъ въ градъ мьсяца мая в 19, и сѣде на столѣ Ярославли и отца своего и дѣдъ своих...	Выгна Мстиславъ Володимера Мстиславича ис Кыева, и иде в половци Володимеръ, а сам сѣде в Киевѣ.	Седе Мьстислав Изяславиць Киевѣ на столѣ.

Для Ипат Мстислав Изяславич – в общем, положительный персонаж, поэтому сложная история его взаимоотношений с дядей (хотя бы и неродным³²⁹) подается так, что виноватым во всем оказывается последний. Никакого изгнания не было: Володимир Мстиславич перечислен первым в числе тех, кто приглашал Мстислава на стол, затем пытается устроить заговор и в конечном итоге вынужден сам бежать от справедливого гнева Мстислава. Смысл известий таков: приглашал, значит, желал вступления Мстислава в Киев, а после начал приглашенному вредить. Перечисляются договоренности Мстислава Изяславича со всеми заинтересованными сторонами, в том числе князьями, киевлянами и «своими погаными» (черными клобуками), что должно свидетельствовать о соблюдении всех процедур и идеальном поведении князя. Примечательны, однако, некоторые детали,

³²⁸ Версия Ипат обширна, поэтому привожу наиболее существенные для сюжета фрагменты, см.: 532–535И; 353–354Л; ср. НЛ, с. 32.

³²⁹ Неродным. У Изяслава Мстиславича, отца Мстислава, и Володимира Мстиславича были разные матери. Мстислав Володимирич вновь женился перед самой своей смертью, поэтому Володимира Мстиславича иногда называют Володимир Мстиславич-Мачушич.

не укладываемые в эту продуманную схему. Прежде всего, приход Мстислава в Киев вызывает перемещение Володимира Мстиславича из Треполя в Вышгород, туда же идет и «Мстиславляя», мать Володимира. Под Вышгородом совершаются какие-то военные маневры обоих князей, судя по всему, отнюдь не мирные³³⁰. Проработка деталей и подробное изложение, как это ни парадоксально, не добавляет ясности. В принципе причина неурядиц названа, княжеская братия якобы хотела манипулировать Мстиславом, взять волости по своей воле, чем и вызвано напряжение в отношениях. Тем не менее, похоже, имеем дело с не вполне удачным редактированием: наблюдаются разрывы и скачки повествования, а иные пассажи дублируются по нескольку раз³³¹. Далее события развиваются в том же ключе. После попытки предательства Володимир спешит оправдаться перед Мстиславом. Рисуется своеобразный суд, проходивший в Киево-Печерском монастыре и завершившийся повторным крестоцелованием с характерным упреком Мстислава: «Хрестъ еси цѣловаль, а и еще ти ни уста не осохла». Вскоре после «суда» Володимир замысливает очередную измену, в этом же эпизоде отказ Володимировых бояр предать Мстислава однозначно одобряется летописцем³³². Получив от своих людей отказ в поддержке, Володимир бежит, киевский князь вынужден изгнать свою мачеху («Мстиславлюю») из Киевской земли «в Городок», оправдывая свой поступок предательством ее сына³³³, и т. д. В общем, нет никаких сомнений, что текст редактирован именно в пользу Мстислава.

Напротив, отношение Лавр к старшему сыну Изяслава Мстиславича откровенно враждебное. В частности, прямо пишется об изгна-

³³⁰ «И приде къ Микулину, и ту придоша ему берендичи вси и торци и печенѣзи и весь черныи клобукъ. И водивъ ѣ рогѣ, и пусти брата своего предъ собою съ берендичи, а самъ поиде по немъ. И в то чинъ Володимерь Мъстиславичъ поиде съ Треполя Вышегороду и съ женою и съ дѣтми. Въ тѣ же день Мъстиславляя мати его иде Вышегороду. Ярополкъ же с берендичи настигоша берендичи Володимира на Желяни оу Доброгубужа, и не даша берендичи стрѣлятися с ними, бяху бо берендичи лъстяче. И тако ѣхаша берендичѣ по них до Всеволожа манастыря, и ту воротиса Ярополкъ в городъ... И поиде къ Вышегороду, а берендичи пусти в наворопъ. И на болоньи от Днѣпра зажоша дворъ тысячкого Давыдова Радилость, а инѣхъ дворовъ 7 сгорѣ. Мъстиславъ же пришед ста по горѣ от бору, а пѣшии постави по валови. Берендичи же убиша Володимиръ мужъ, убиша же и ти лѣшии берендичъ, бѣ же день тогда пятокъ. И заутра же в субботу начаша битися ѣздяче къ городу и из города выходяще бяхутся крѣпко. И тако начашася рядити о волость, шлюче межи собою Рюрикъ и Давыдъ и Володимиръ съ Мъстиславомъ»; 533–534И.

³³¹ В Ипаг не только вступление Мстислава в Киев совершается в несколько этапов (ср. 534И, 535И), но продублирован и «ряд с братьей». Первый фрагмент – «...възма ряд с братьею», а далее снова: «...и тако начашася рядити о волость, шлюче межи собою»; 534И.

³³² «...переступи крестъ Володимиръ Мъстиславич... И рекоша ему дружина его: “А собѣ еси княже замыслил, а не ѣдем по тобѣ, мы того не вѣдали”»; 536И.

³³³ «Мъстиславъ же рече матери Володимири: иди в Городокъ... не могу с тобою жити единомъ мѣстѣ, зане сынъ твои ловить головы мояе всегда, а крестъ переступая»; 537И. Между прочим, Городок находился в сфере влияния суздальской династии.

нии Мстиславом своего дяди, что как бы оправдывает поход войска, возглавляемого сыном Андрея Боголюбского, на киевского князя и разгром Киева 1169 г. Поход был направлен против самоуправной политики Мстислава, пытавшегося из Киева вершить судьбы всех «Руских земель», в том числе – управлять Новгородом, где столкнулись интересы не только Мстислава и Андрея, но и смоленских Ростиславичей. В НПЛ запись нейтральная, хотя нейтральность едва скрывает напряжение. Чего стоит только полное замалчивание взятия Киева. По новгородской версии, Мстислав добровольно отдает город, не вступая в сражение с сыном Андрея и смоленскими Ростиславичами: «Не бияся с ними, отступи волею Кыева»³³⁴. В обоих текстах нет ничего о горожанах³³⁵.

Таким образом, снова в Ипат (версия «а») сочетается характеристика князя со знаком «+» и известия о договоренности с «княнями». В Лавр и НПЛ («b»–«b₂») нейтральное или враждебное отношение к князю коррелирует с отсутствием сообщений о людях.

№ 4. Вокняжение в Киеве Ярополка Володимирича после смерти его брата Мстислава в 1132 г. зафиксировано в Ипат, Лавр и НПЛ³³⁶. Согласно Лавр, причиной утверждения Ярополка было приглашение киевлян. Ипат этого не подтверждает, речь в ней идет лишь о выполнении воли предыдущего киевского князя Мстислава его братом Ярополком. В дореволюционной литературе противоречивость текстов часто подчеркивалась. Историки пытались выяснить, которая из летописных версий соответствует действительности³³⁷ и можно ли доверять такому упоминанию вечевого собрания. В советское время споры забылись. Доминировал взгляд на Мстислава как на последнего сильного киевского князя, а при анализе политической ситуации на Руси опирались преимущественно или даже исключительно на Ипат³³⁸.

Тексты компактные, заданы одной-двумя фразами, что затрудняет определение интенций летописцев, ср.³³⁹:

³³⁴ НІ, с. 33.

³³⁵ Могут возразить, что сообщения Лавр и НПЛ краткие. Но, как уже отмечалось, летописцы выработали немало лаконичных формул для обозначения активности людей: «посадиша», «уведоша», ср. известия НПЛ, приведенные выше.

³³⁶ В Ипат ультрамартовский год, 6641/1132 (1133).

³³⁷ Например, Сергеевич считал, что справедлива версия Лавр, Самоквасов – Ипат. См.: *Сергеевич В. И.* Вече и князь. С. 73; *Самоквасов Д. Я.* Заметки по истории. С. 45, 84. И. А. Линниченко попытался объединить обе версии. «Кияне», мол, так уважали Мстислава, что «поспешили выполнить его волю». *Линниченко И. А.* Вече в Киевской области. С. 33–34. То же в: *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1908. С. 129. М. С. Грушевский сочетал Ипат и Лавр без каких-либо логических связей: сначала писал о завещании Мстислава, а затем о том, что Мономах и его сыновья были избраны народом. *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли. С. 143–144.

³³⁸ См., например: *Коринный Н. Н.* Переяславская земля. С. 65.

³³⁹ 301Л; 294И; НІ, с. 22.

Лавр	Ипат	НПЛ
Преставися Мстиславъ сынъ Володимерь... И сѣде по немь брат его Ярополкъ княжа Киевѣ, люде бо кыяне послаша по нь.	Преставися благовѣрныи князь Мстиславъ Володимерь сынъ, оставивъ княжение брату своему Ярополку, ему же и дѣти свои съ Богомъ на руцѣ предасть. Преставися Мьстиславъ... и положень бысть... а Ярополкъ вниде в Киевъ.	Прѣставися Мьстиславъ Киевѣ Володимириць... а Яропѣлькъ седе на столѣ братъ Мьстиславль.

Впрочем, определенные квалификации все же находим в Ипат. Помимо стандартного по отношению к умершим князьям эпитета «благовѣрныи», отмечается, что своих детей Мстислав передает брату «с Богом на руцѣ», что акцентирует доброжелательное внимание читателя на Мстиславичах. Соглашение их отца и дяди ставило как бы условием обладания Киевом «благоустройство» детей и давало Мстиславичам преимущество перед другими представителями «племени Володимеря». Договоренность и ее невыполнение (ведь Ярополк далее ущемлял интересы детей Мстислава) отчасти объясняет и оправдывает дальнейшие действия Мстиславичей: жесткую борьбу за место под солнцем, когда они вступили в союз с черниговскими Ольговичами против собственных дядьев, отнюдь не пытаясь следовать строгим этическим нормам. Такая тенденция в рассказе Киевского свода XII в. не должна удивлять, поскольку именно Мстиславичи, и в особенности, двое из них, Изяслав и Ростислав, являются здесь главными героями повествования. Помимо всего прочего, киевский сводчик выстраивает почти прямую линию наследования от Мстислава к его детям и внукам, и, соответственно, Ярополк, как лишний элемент, отодвигается на задний план.

Расставить некоторые дополнительные акценты помогает контекст. Статьи 1120–1130-х гг. Ипат больше внимания уделяют Мстиславу, а в Лавр имеются дополнительные по сравнению с Киевским сводом сведения о Ярополке³⁴⁰, что позволяет предполагать косвенную положительную оценку Ярополка в Лавр. Кстати, запись суздальского свода 1132 г., видимо, ближе к первоначальной, а в Ипат, как и во многих

³⁴⁰ Так, в известии о походе на половцев 1111 г. в перечне князей Ярополк поставлен перед Мстиславом (289Л); ср. также: «Ярополкъ ходи на Половечскую землю» (291Л) – «Владимер посла сына Ярополка» (284И); «Ярополкъ Володимеричъ» (291Л) – «Ярополкъ и Мстиславъ Володимеричъ» (283И). Дополнительные сведения о Ярополке в Ипат – 1120 г. (292Л), 1126 г. (296Л), 1127 г. (296Л), 1132 г. (301Л); о Мстиславе – 1116 г. и 1117 г. (284И), 1122 г. (286И), 1123 г. (287И), 1126 г. (289И), 1132 г. (294И), 1133 г. (294И).

других случаях, текст сильнее отредактирован. Несколько необычное выражение Лавр «людье кияне», где сочетаются два типичных обозначения, «людие» и «кияне», имеет соответствие в статье 1139 г. – «людие черниговци», и этот фрагмент читается одинаково в Ипат и Лавр³⁴¹. То есть, скорее всего, имеем дело с характерным выражением одного из ранних летописцев. В то же время известия о передаче детей «на руцѣ» встречаются до конца Киевского свода, причем из других сводов XII в. подобные договоры практически неизвестны³⁴². В любом случае, соотношение Лавр и Ипат примечательное. Ипат концентрирует внимание на Мстиславичах и пишет о «завещании» князя Мстислава, а для составителя Лавр в центре стоит Ярополк и он сообщает о приглашении «киян».

Что касается НПЛ, эта летопись никак не проявляет отношения к обоим князьям. Последние годы киевского княжения Мстислава, как и весь период правления Ярополка, описываются в новгородской летописи нейтрально, порой даже проскакивают враждебные интонации. Новгородцы как бы отделены от киевских событий. Тактика отстранения от политики вообще была присуща летописцам, а последовавшие за смертью Мстислава пертурбации 1130-х гг. вызвали затяжные конфликты в Новгороде, и присутствие фигур умолчания вполне объяснимо. В целом же, в летописных версиях снова сочетаются положительная оценка князя и упоминание о приглашении его на княжеский стол «киянами» (Лавр, «а»). В нейтральной (НПЛ) и сочувствующей соперникам Ярополка – Мстиславичам (Ипат) версиях «b»–«b₂» киевлян нет.

№ 5. Предыдущий сюжет – едва ли не единственный, когда одобрение «людей» имеется в Лавр и отсутствует в Ипат. Обычно бывает наоборот, и в рассказе о походе Изяслава Мстиславича с новгородцами в Суздальскую землю 1148–1149 г. мы возвращаемся в этом смысле к норме. Здесь «вѣче» новгородцев упоминается в Ипат, в Лавр и НПЛ известия, которые могли бы быть однозначно истолкованы как сведения о собраниях горожан, отсутствуют³⁴³, разве что Лавр неопределенно отмечает, что Изяслав пришел на помощь «новгородцам». Несмотря на некоторые расхождения в датировках, речь идет об одних и тех же событиях³⁴⁴, исследователи отталкиваются преимущественно от версии Ипат³⁴⁵.

³⁴¹ 301И, 306Л; в Лавр под 1138 г.

³⁴² Единственное исключение находим в суздальских записях XIII в. По-видимому, подобные известия маркируют стиль одного из редакторов Киевского свода. Анализ известий о передаче детей под опеку дяди см.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей. С. 75–92. (Авторы не отмечают, что абсолютное большинство таких известий приходится на Киевский свод XII в.)

³⁴³ Зима 6656/1149 (1148) г. по Ипат и НПЛ, 6657 г. ультрамартовского по Лавр. *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 61, 147, 239–240.

³⁴⁴ Этот поход спровоцировал конфликт Изяслава с суздальским князем следующего года. В Ипат и Лавр к этому сюжету непосредственно примыкает общий в обоих сводах текст.

В сообщении Лавр речь идет о неудаче похода против Юрия Долгорукого, организованного Изяславом, НПЛ же, напротив, описывает успех. Оба летописца сосредоточены на военных действиях князя³⁴⁶.

Лавр	НПЛ
Иде Изяслав Новгороду ис Кыева в помочь новгородцем на Гюргя, а воем повелѣ по собѣ ити. И поидоша по нем, и похромоша кони у них, и сам с новгородци дошедъ Волгы, и повоевавъ ю, и не успѣ ничтоже Гюргеви, и дошед Углека поля, поворотися Новгороду.	Приде Изяслав Новгороду, сынъ Мьстиславль, ис Кыева, иде на Гюргя Ростову съ новгородьци, и мьного воеваша людьє Гюргево, и по Волзѣ възьяша 6 городькъ, оли до Ярославля попустиша, а головъ възьяша 7000, и воротишася роспутя дѣля.

Изложение Ипат наиболее детальное и оптимистическое. Сказано, что Изяслав Мстиславич пошел договариваться с новгородцами, «...а полкомъ повелѣ по собѣ ити». Его радостно встретил в Смоленске Ростислав вместе со своими «мужами», и между братьями состоялся обмен дарами. Ростиславу было велено собирать полки и подходить к владениям Юрия, Изяслав же отправился далее³⁴⁷. Пышная встреча повторилась в Новгороде, а на следующий день новгородское вече одобрило предложения князя и дало добро на выступление в поход.

«На утрии же день пославъ Изяславъ на Ярославль дворь, и повелѣ звонити, и тако новгородци и плесковичи снидошась на вѣче, и рече им: “Се, брате, сынъ мои, вы прислалися есте ко мнѣ, оже вы обидить стрьи мои Гюрги, а³⁴⁸ есмь пришелъ сѣмо, оставя Рускую землю, вас дѣля и ваших дѣля обидь, а гадаите на нь братьє, како на нь поити: а любо с ним миръ възьмемъ, паки ли с ним ратью кончаимы”. Они же рекоша: “Ты наш князь, ты наш Володимирь, ты наш Мьстислав, ради с тобою идемъ своихъ дѣля обидь”. И тако разидошась. И паки рекоша новгородци: «Княже, ать же поидемъ и всяка душа. Аче и дякъ, а гуменце ему прострижено, а не поставлень будет, и тьи поидет, а кто поставлен³⁴⁹, ать Бога молитъ”».

³⁴⁵ Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства. С. 68; Самоквасов Д. Я. Заметки по истории. С. 77; Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли. С. 178; Грушевский М. С. Історія України-Руси. Т. 2. С. 159; Пресняков А. Е. Княжое право. С. 100; Черепнин Л. В. Пути и формы политического развития. С. 44; Куза А. В. Новгородская земля. С. 198. Все три текста сравнивались в: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 80–81.

³⁴⁶ 320Л; НЛ, с. 28.

³⁴⁷ 368–370И.

³⁴⁸ Так Хл, И «на». 370И.

³⁴⁹ «И тьи... поставлен» из Хл, в И пропущено.

Изяслав встретился с Ростиславом, подошедшим «съ всеми русскими силами полкы». Братья пытались мирно уладиться с Юрием, на что суздальский князь никак не отреагировал³⁵⁰. Тогда начали «города его жечи и села». После возвращения дружины, воевавшей по Волге, Изяслав с Ростиславом решили, что реки уже «рушаютъ» (лед трогается) и нужно расходиться – Изяслав с новгородцами отправился в Новгород, а «дружина руская» – с Ростиславом, «кому куды годно».

Прямо противоположны интенции киевского и суздальского летописцев. Суздальский утверждает о неудаче Изяслава Мстиславича и злорадствует по этому поводу. Войско Изяслава к нему не пришло: «А воем повелѣ по собѣ ити... и похромоша кони у них, и сам с новгородци дошедь Волгы». Хотя он «повоевал» Волгу, в целом «...не успѣ ничто же Гюргеви». В Ипат Изяслав идеальный правитель и не может потерпеть фиаско в походе. Вместе с тем проскакивают детали, свидетельствующие в пользу Лавр версии: новгородцы вроде бы воевали вместе с «русью», но в другом месте: «...придоша новгородци, повоевавшє русь»³⁵¹. Похоже, киевский летописец знал об отсутствии у киевского князя поддержки с юга и постарался отвести это обвинение: по Ипат, войско все-таки собралось, у Изяслава были не одни новгородцы, и «повоевали оба полы (обе стороны. – Т. В.) Волгы».

НПЛ перечисляет большие трофеи и считает поход успешным. На первый взгляд, новгородского книжника оставляют равнодушным проблемы южнорусских земель. В то же время только НПЛ позволяет понять смысл событий, ведь именно конфликт с Юрием вызвал смену князей в Новгороде. Статья НПЛ 6656/1148 г. начинается с попыток примирения с Юрием³⁵². Кем было инициировано примирение – из изложения летописи не совсем ясно, хотя известно, что в Новгороде в то время сидел Святополк Мстиславич. Изяслава такая политика не устроила, и он осенью отправил Святополка «в отставку» во Владимир-Волынский,

³⁵⁰ «Послала бо башета и-Смоленска преже послы своя къ Гюргеви къ стрѣви своему. Он же к нима ни посла их опять пусти, ни своего пусти»; 371И. Сюжетный ход, когда «плохой» персонаж не идет на мирные переговоры, подобен тому, что использован в сюжетах I.1, III.1.

³⁵¹ «В то же веремя придоша новгородци повоевавшє (Хл «воевавши») русь от Ярославля и полонъ много принесоса»; 371И. Кстати, земли Владимиро-Суздальского княжества в данном случае названы «Русью», вопреки устоявшемуся в историографии мнению, что Владимиро-Суздальская земля не является «Русью» в узком смысле этого слова. См., например: *Кучкин В. А.* «Русская земля» по летописным данным. С. 74–100; *Ведюшкина И. В.* «Русь» и «Русская земля» в Повести верменных лет. С. 101–116.

³⁵² «Въ то же лѣто ходи архепископ Нифонтъ Суждалю, мира дѣля, къ Гюргеви; и приять и съ любовью Гюрги, и церковь святы святѣи Богородици великымъ священием, и новотържѣцъ всѣ выправи и гость всѣ цѣль, и посла съ цѣстию (честью) Новугороду; нь мира не дасть»; НI, с. 28.

посадив в Новгороде сына Ярослава. А на зиму состоялся поход³⁵³. Тем не менее, НПЛ предельно нейтральна: оценки Изяслава и противоположной стороны, Юрия, в этой версии отсутствуют.

Интересно то, как летописцы рисуют взаимоотношения Изяслава и новгородцев. Наиболее осведомленный новгородский автор, который должен был знать все о местных событиях, вообще обходит вопрос как о помощи новгородцам, так и о каких-либо просьбах горожан о помощи. Из его изложения можно сделать вывод, что Изяслав воевал по собственной инициативе, а новгородцы только покорились его воле. Во всяком случае, им приписываются строго ответные действия³⁵⁴. Другая точка зрения отражена в Лавр. Суздальский летописец хоть и коротко, но сообщает о том, что князь выступил в поход «в помощь новгородцем». Наконец, Ипат встраивает сообщение о помощи Новгороду в пышную серию похвальных характеристик Изяслава. Князь печется об «обидях» новгородцев, его предложения обсуждаются на вече и вызывают восторженное одобрение, включающее сравнение со славными предшественниками³⁵⁵. Славословия должны засвидетельствовать популярность и достоинства правителя³⁵⁶. Как уже отмечалось, версия Ипат имеет при-

³⁵³ Кстати, и по Ипат, и по Лавр, Изяслав после похода вернулся в Новгород. Похоже, для улаживания дел и обеспечения мирного правления сына понадобился весь авторитет киевского князя. Имеется еще одна любопытная деталь: надпись на антиминсе, сохранившаяся в Николо-Дворищенском соборе Новгорода. «Жертвенник святого мученика Георгия священ от Нифонта архиепископа новгородского повелением епископа Ростовского Нестора при благочестивом князе Георгии сыне Мономаха сентября 11 лета 6657 индикта 12». Считается, что дата – по сентябрьскому году, то есть 6657 = 1148 г. Таким образом, Нифонт освятил храм по повелению ростовского епископа в начале осени 1148 г. Правда, неясно, находился ли храм в Ростовской или Новгородской земле. См.: Мусин А. Е. О некоторых особенностях древнерусского богослужения XI–XIII вв. (Церковь Преображения Господня на Нередицком холме в литургическом контексте эпохи) // НИС. СПб., 2000. Вып. 8 (18). С. 217–219. Возможно, конфликт Нифонта в следующем 1149 г. со ставленником Изяслава Мстиславича Климентом Смолентичем связан с конфликтом с самим Изяславом.

³⁵⁴ Точно так же описывается и отставка Святополка и приход Ярослава. Изяслав «присла» сына, «и приаша новгородьци»; НЛ, с. 28.

³⁵⁵ Речь новгородцев: «Ты наш князь, ты наш Володимирь, ты наш Мьстиславъ», – видимо, стилизована под текст Александрии, а также под речи римлян из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия. Ср. Александрию, где родственники Дария пишут Александру: «Нынѣ вѣмъ Алексанѣдра новаго Дария соуца намъ... своего нынѣ Дария видѣхомъ – Александра великаго царя»; *Истрия В. М. Александрия*. С. 73. В переводе «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия: «Ты благодателникъ намъ, ты еси спась, ты еси избавитель нашъ, ты единъ достоинъ кесарства римскаго... и вси по ряду кликаху, весь же град бѣ яко церкви исполнь...»; «История иудейской войны». Т. 1, 467в.26–29, 33–35. Кстати, другая вставка из «Истории иудейской войны» отмечена в Ипат под 1174 г. и тоже переплетена с интерполяциями из Александрии.

³⁵⁶ Тенденциозность изложения настолько велика, что исследователи вынуждены были ее специально отметить. Например, по мнению, М. Д. Приселкова, задача киевской летописи – «оправдать Изяслава и правящий верх». А. Е. Пресняков, выгораживая летописца, писал, что речи Изяслава не были «простой уловкой». А. В. Куза отмечал, что «восторженное описание... выдает руку летописца из окружения Изяслава Мстиславича». См.: *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической. С. 380; *Пресняков А. Е.* Княжое право. С. 100; *Куза А. В.* Новгородская земля. С. 187.

знаки редактирования. Ростислав Мстиславич здесь почти равнозначен Изяславу, а изображение подобного «двуумвирата» – поздняя черта. Речи новгородцев очень напоминают речи киевлян в 1151 г., интерполированные в текст протографа. Описание веча совершенно искусственное: новгородцы вроде бы уже разошлись, но автору понадобилось еще что-то вписать, он возвращает их на место, и они снова произносят речи. Имеются следы переделки в пассаже о «новгородцах и руси» (см. выше). Вдобавок прослеживаются заимствования из Александрии, введенные составителем Киевского свода в конце XII в. или начале XIII в.³⁵⁷

Итак, положительная характеристика Изяслава в Ипат включает «вотум доверия народа», вписанный, скорее всего, поздним редактором. В Лавр, оценки которой диаметрально противоположны, сцены одобрения новгородцами Изяславова плана действий нет. Что касается НПЛ, ее версия строго нейтрально-событийная. Состоялся поход, но как он оценивался современниками, не показано. Вероятно, это связано со сложной ситуацией смены князя в Новгороде. Необходимо также учитывать, что демарш Изяслава предшествовал столкновению его с Юрием и изгнанию из Киева³⁵⁸ и прочитывался как одна из основных причин конфликта. Как это часто бывало, в тревожной ситуации местный новгородский свод меньше всего желал показывать инициативу горожан и старался, наоборот, возложить ответственность на князя; Лавр, свою очередь, выгораживала Юрия, а Ипат – Изяслава.

№ 6. Еще один пример оценки князя с помощью введения фигуры «людей» находим в ПВЛ, в двух записях о походе Олега Святославича после поражения под Стародубом к Смоленску и далее к Рязани/Мурому 1096 г.³⁵⁹ Поход является частью обширной истории противостояния Святославичей и их двоюродных братьев, Святополка Изяславича и Володимира Мономаха, помещенной под 1094–1096 гг.³⁶⁰ В отличие от предыдущих параллельные тексты содержатся внутри одного и того же свода. Некоторые исследователи предполагают, что речь идет о двух разных событиях, другие отмечают, что в ПВЛ мы сталкиваемся со следами переделки одного известия и обе редакции, первоначальная и вторичная, случайно сохранились в статье одного года³⁶¹. Оба сообщения об отходе Олега от Стародуба разделяет ряд записей о древнерусских делах, переходящий в пространное книжное повествование о «нечистых народах», заточенных Александром Македонским (здесь

³⁵⁷ Заимствования из Александрии продолжают вплоть до статьи 1197 г. и маркируют его вмешательство. *Вилкул Т. Л.* «Литредакция» летописи.

³⁵⁸ См. II.9.

³⁵⁹ 231Л – 221И, 236Л – 226И.

³⁶⁰ Один из сюжетов 1095 г. затрагивался в I.9.

³⁶¹ *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы русского летописания. М., 1977. С. 232–233; *Ditnik M.* The Dynasty of Chernigov. P. 199–200. Попытку компиляции известий находим у Грушевского: «Смольняне не прийняли його, але до нього пристали “вої” звідти»: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 88. А. В. Назаренко считает, что речь идет о разных событиях: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 550.

пространная выдержка из Откровения Мефодия Патарского). Перед вторым упоминанием отступления Олега летописец замечает: «Но мы на прежерѣченное уворотимся». Думается, верно предположение о редактировании. Поскольку в первом эпизоде упоминается Рязань (для того периода город новый), а во втором – Муром (старый город), первоначальный текст скорее отражен в «муромском» сообщении. Впрочем, нельзя полностью исключать возможность нескольких правок, раздвоение исходного сообщения и редактирование обоих эпизодов. При этом косвенное упоминание веча находим в первом известии. Сказано, что князя «не прияша смолняне».

ПВЛ, 1096, 1-е известие	ПВЛ, 2-е известие
Олег же выиде и-Стародуба, и приде Смолинску, и <u>не прияша его смолняне</u> , и иде к Рязаню.	Олгови обѣщавшюся (после осады Стародуба. – Т. В.) ити к брату своему Давыдови Смолинску и прити з братом своим Киеву и обрядъ положити, и не всхогѣ сего Олегъ створити, но пришедь Смолинску, и <u>поим вои</u> , поиде к Мурому.

Чтобы понять интенции рассказа, следует учитывать, что обрисованная ситуация сложилась накануне самого болезненного для Мономаха столкновения его интересов с интересами Олега Святославича – вскоре после этого в битве с Олегом погиб сын Мономаха, Изяслав. Вдобавок дело касалось смолнян, отношение которых было небезразличным для Володимира Всеволодича, ведь он много лет княжил в этом городе³⁶². Что касается оценок, оба сообщения кратки и сами по себе дают не так много материала для определения интенций. Но в целом в ПВЛ Мономах исключительно положительная фигура, а Олег, как правило, оценивается отрицательно. Ему приписывают трусость, раздувание ссор, наведение половцев на «Рускую землю». «Неприязнь» людей из первого эпизода (версия «а»), похоже, должна послужить довеском в наборе черт «плохого правителя», приведенных в ПВЛ. Второй фрагмент («b») сообщает только о действиях князя. Впрочем, последняя версия нетипична, поскольку летописец и здесь также косвенно задает отрицательную оценку, сообщая о невыполнении Олегом своего обещания. При этом, однако, он не прибегает к характеристике правителя посредством доверия/недоверия, одобрения/неодобрения «людей».

Как видим, набор сюжетов этой модели несколько меньше по сравнению с предыдущими, и большинство текстов, характеризующих князя, содержится в Киевском своде XII в. Но вывод о том, что характеристика

³⁶² См.: «Поучение» Мономаха; 249–250Л.

князя при помощи демонстрации отношения людей является характерным приемом составителей или редакторов исключительно этого свода, был бы преждевременным. Восторженные встречи князя горожанами, речи «людей» и их уверения в преданности встречаются, например, в летописных повестях об утверждении Михалка и Всеволода Юрьевичей 1175–1177 гг., общих для Ипат и Лавр, или же в сообщении ЛПС 1213 г. о приезде Ярослава Всеволодича в Переяславль-Суздальский³⁶³. Вообще, характеристика, как правило, не составляет целостного повествования, а является одним из его элементов. Уловить ее позволяют либо два детализированных сообщения об одних и тех же событиях, либо тексты, один из которых должен квалифицироваться как редакция другого.

Поскольку в сюжетах III модели система формантов чрезвычайно проста, нет необходимости рисовать таблицу. В версии «а» видим фигуры вечников, введенные летописцем для характеристики князя. Положительная оценка правителя сочетается с упоминанием о поддержке «людей», отрицательная – с известиями о непринятии князя и отказе выполнять его требования. Реже характеристика двойная: горожане остаются верными доброму князю или принимают его на княжение и не принимают предложенный плохого правителя. В нейтральных или враждебных князю сообщениях видим преимущественно версию «b₂», где известия о «людях» отсутствуют. Примечательно, что многие тексты, сделанные по схеме «а», имеют явные признаки редактирования.

На этом разбор параллельных сюжетов заканчивается. Если читателю вдруг покажется, что он несколько затянулся и что в который раз разыгрывается спектакль с одними и теми же типажам, у автора есть оправдание. Передо мною стояла задача реконструкции принципов конструирования нарратива. Такая задача по определению исключает разнообразие, а исследовательские конструкции неизбежно беднее реальных текстов. Кроме того, сцены взаимоотношений или противостояния князя и людей включают простейшие нарративные элементы. Это изображение действующих лиц в светлых или темных тонах, манипулирование активностью и пассивностью основных персонажей. Портреты и детали, включающие и предусматривающие моральные характеристики, – распространенный прием, он использовался и используется не только в исторических нарративах, но и, например, в судебной практике. Пассивность в конфликтных и эмоционально напряженных ситуациях

³⁶³ «И сзававъ вси переяславци къ святому Спасу, и рече имъ: “Братия переяславци, се отецъ мои иде къ Богови, а вась удалъ мнѣ, а мене вдалъ вамъ на руцѣ. Да рците ми братия, аще хотите мя имѣти собѣ, якоже имѣсте отца моего, и головы своя за мя сложити?” Они же вси тогда рекоша: “Велми, господине, тако буди. Ты нашъ господинъ, ты Всеволодь”»; ПСРЛ. Т. 38. С. 164. Речи переяславцев, похоже, написаны летописцем, поглядывавшим в Киевский свод. На знакомство с Ипат указывает также несколько неподходящее в данном случае «вдалъ вамъ на руцѣ» (в Киевском своде так говорится о князьях-опекунах, которых умирающий правитель передавал своих детей) и некоторые другие детали.

дает ощутимые выгоды и также часто используется при конструировании нарративов, не только древних, но и современных. Цель оправдания достигнута, если литератору, адвокату, подзащитному, да и просто участнику конфликта удалось показать или принять страдательную роль, роль жертвы. Манипулирование формантами активности и пассивности лежит в основе моделирования нарратива в соответствии с принципом, который можно условно назвать «не я первый начал». Кстати, эта на первый взгляд детская фраза находит непосредственное выражение в памятнике древнерусского времени – борисо-глебском цикле: Ярослав, готовясь к битве со Святополком 1016 г., в ПВЛ говорит: «Не я почаях избивати бранию, но онъ»³⁶⁴. Таким образом, не только скрытые интенции выведения пассивных ролей, но и простодушное их выражение были близки сердцу древнерусского книжника.

Надеюсь, выявленные серии параллельных летописных сообщений достаточно репрезентативны. Возможно, некоторые из параллельных сюжетов остались незамеченными. Другие не включались из-за того, что в них не удастся определить интенции летописцев³⁶⁵. Однако уже приведенный материал дает возможность сделать определенные выводы. Прежде всего, анализ параллельных сообщений подтверждает заявленное в начале главы. Рассказы летописей не являются фактографическими, они моделировались в соответствии с определенными нарративными схемами. Различия в изложении, наблюдаемые в параллельных текстах, не бессистемны, в сериях сюжетов прослеживаются устойчивые комплексы формантов. Один из важнейших – оценки действующих лиц. Поскольку характеристики обусловлены лояльностью летописцев (или отсутствием таковой) к определенным князьям, и именно здесь кроются причины «тенденциозности», следует признать, что не только и не столько фактическое положение вещей обуславливало характер наррации. Наоборот, описания деятельности зависели от оценок. От отношения летописцев к правителям зависело применение различных приемов оправдания и осуждения. Как показывают приведенные выше таблицы, с теми или иными интенциями летописцев напрямую связано даже упоминание или неупоминание «людей» и веча. В двух из трех представленных

³⁶⁴ 141Л.

³⁶⁵ В нескольких случаях соотношение текстов напоминает приведенные выше, но они слишком кратки. См.: например, статью 1155 г. в Лавр: «Ожениша новгородци Мстислава Гюргевича и пояша за нь Петровну Михалковича»; 346Л. Ей соответствует Ипат: «Повесть Дюрги Мстиславу сынови своему Новѣгородѣ женитися Петровною Михалковича, и оженися»; 482И. Некоторые летописи сообщают, что князя посадили на княжение люди, а в других о деятельности горожан ничего не сказано. К примеру, под 6683 (1175) г. Лавр и Ипат в общем фрагменте сообщают о том, что суздальцы и ростовцы посадили Андрея Боголюбского на княжеском столе, а меньших детей Юрия Долгорукого выгнали, ср. 372Л – 595И. Ипат же в дополнительном блоке под 6670 (1162) г. то же деяние приписывает самому Андрею (см. I.6). См. также статьи 1125 г.: Н1, с. 21; 295Л; 289И. 1138 г.: 306Л; 302–303И; Н1, с. 25.

здесь моделей, первой и третьей, «людие» появляются в том случае, если необходимо оправдание и одобрение поступков князя, то есть само «проявление активности горожан» зависит от «плюсов» и «минусов», заданных в нарративе.

Две из трех нарративных моделей: «оправдание/осуждение князя», «конфликты с князем» – существуют в двух основных версиях, условно обозначенных как «а» и «в». Несколько упрощая, можно говорить об эффекте зеркального отражения. Пассивности персонажа в одном комплексе формантов соответствует активность в другом, положительной характеристике – отрицательная, и наоборот. То же касается многих деталей рассказов. Оправданию князя в одной версии соответствует его осуждение в другой. Конфликту с князем, к которому привело поведение князя, – конфликт, вызванный действиями самих горожан... В некоторых параллельных известиях всех трех моделей версии «а» противостоит нейтральная «в₂». Если в первой модели большинство нейтральных текстов сосредоточено в ранних сюжетах XI – первой половины XII в., то во второй, наоборот, – в поздних XIII в. Что послужило тому причиной – сложно сказать. Можно высказать осторожное предположение, что осуждать князей было занятием небезопасным, а главное, противоречило принципу верности и лояльности. Позволить это себе могли только независимые летописцы. Или, скорее, далекие: суздальский книжник мог осуждать галицкого или киевского правителя и т. п. В I модели нейтральная версия чаще встречается в ранних текстах потому, что основной и исходной задачей летописцев было, по-видимому, оправдание князя, да и хотя бы относительная независимость книжников проявилась достаточно поздно, уже в связи с обособленностью княжеств. Во II же модели в сюжетах XIII в. прямое осуждение наблюдается редко из-за того, что большинство из них «суздальско-новгородские», а в это время при тесном симбиозе Суздаля и Новгорода и соперничестве близких родственников (отца и сына, двух братьев) выносить на люди семейные скандалы казалось неприличным.

Что еще можно сказать? «Людие» часто не дотягивают до роли героев. В I модели в роли героев и жертв чаще всего выступают князья (дважды жертвой становится епископ), а вечники являются медиатором между героем и жертвой. Лишь во II модели роль горожан приближена к роли героя или жертвы. Однако и здесь впечатление самодостаточности их действий часто идет оттого, что летописцы стараются скрыть политический подтекст событий и игру княжеских партий, уводя в тень князей-соперников. Книжники прячут за горожанами князя или князей, притом именно местная летопись, НПЛ, часто изображает горожан более пассивными и послушными. Надо признаться, это достаточно неожиданный результат исследования (по крайней мере, он был таким для автора этой книги). Что за этим стоит, попробуем разобраться далее.

Глава 3

СОСТАВ И ФУНКЦИИ ВЕЧА

Казалось бы, после рассмотрения нарративных моделей, продемонстрировавших высокую степень манипулирования известиями о вече в древнерусских летописях, вплоть до сочинения летописцами никогда, по-видимому, не происходивших собраний, сам вопрос о составе и функциях веча во многом теряет смысл. Неясно, где проходят границы реальности и литературы и не подменяется ли реальность литературными образцами. И это утверждение в какой-то мере верно, как ни неприятно историку признавать такой факт. Можно поставить другую цель – определение границ преимущественного действия нарратива (что, собственно и предлагается в данной главе). На первый взгляд, избранный ракурс противоречит тому, что было бы естественно ожидать при исследовании «позитивных» проблем состава и функций. Тем не менее, мне кажется, подобная работа небесполезна. При некотором огрублении применительно к такой реальности, как реальность взаимоотношений между людьми, сочинителями и потребителями нарративов, можно сказать, что место ее – за пределами текстов, и прежде всего необходимо хотя бы приблизительно представлять себе, где же лежат эти пределы.

Состав веча

Пытаясь определить состав веча, историки приходили к прямо противоположным выводам: что вече есть собрание всех свободных людей города или земли или же что в вече входила только социальная верхушка общества: бояре или бояре и купцы, – и оно представляло собой «узко-классовый орган». Но дело в том, что сами тексты позволяют делать прямо противоположные выводы. Противоречивость – базовая характеристика источников по истории веча. Как ее преодолеть и возможно ли это?

«Все люди». В дореволюционной исторической науке при решении вопроса о составе веча исходили из того, что на вече принимали участие все «граждане» поголовно. Опирались при этом прежде всего на традиционные обозначения вечников в летописях. Записи обо «всех людях», «киянах», «полочанах», «новгородцах» и т. п., по мнению ученых, должны были обосновывать существование веча – широкого «народного» собрания. Тот же тезис поддерживают сейчас И. Я. Фроянов и его школа.

Попытаемся отрешиться от всех заключений, сделанных в первой и второй главах, то есть от атерминологичности таких обозначений, как «людье», «кияне», и им подобных. Забудем о том, что они могли озна-

чать все население города, включая женщин и детей или исключая оных, вечников, послов, какие-то группировки. Отставим в сторону условности нарративного моделирования. Попробуем принять названия типа «людые», «кияне», «новгородци» и пр. в качестве терминов. Подобных свидетельств участия всего народа в вечевых собраниях, как мы знаем, достаточно много, а при необходимости к этой внушительной серии можно добавить иные побочные доказательства «всенародного характера» веча. В частности, перечни участников, а точнее, социальных групп, составлявших собрание. В дореволюционной литературе такие известия sporadически привлекались¹, в советское же время на них не обращали большого внимания, преимущественно потому, что они встречаются в не прямых сообщениях. Надо сказать, некоторые перечни достаточно примечательны. Так, под 1177 г. «людые вси» Владимира-на-Клязьме расшифровываются летописцем как «бояре и купци» или «бояре и вси велможи и до купець»². В 1147 г. смысл слова «кияне» раскрывается в выражении: «бояры своя, и всю дружину свою кияне»³. В «Договорных грамотах Новгорода с Ярославом Ярославичем» обозначение «всего Новгорода» такое: «все старѣишие и все меншии»⁴. Более всего двухчастных перечней, что очевидным образом коррелирует с делением на знатных и незнатных. Обозначение первого элемента в них – «бояре» или «мужи», а для Новгорода еще «вятшии» и «старѣишие». Названия второго более вариативны: «кияне», «простые людые», «людые градские», «людые», «вси людые», «купци», «гражане», «меншии». Изредка встречаются трехчастные и более дробные перечисления (см. первую главу), в основном также включавшие «все слои свободного населения».

Помимо этого, казалось бы, бесспорные доказательства участия всего народа в вечевых собраниях отыскиваются в некоторых детализированных повествованиях. Согласно статье НПЛ 6718/1208 г., кроме рязанцев, собиравшихся заключить ряд (договор) с суздальским князем Всеволодом Юрьевичем и коварно захваченных им в плен, в городе оставались «жены и дѣти», а значит, общность «рязанцев» должна включать всех свободных взрослых мужчин. (О «женах и детях» может быть библейской формулой, о чем ниже. Но пока, как уже говорилось, принимаем буквальное значение выражения:)

«Ходи Всеволодъ на Рязань, и рече имъ (рязанцам. – Т. В.): поидите къ мнѣ... на ряды. И переидоша к нему, и ту я изма, и посла пълкы, изма жены и дѣти, а градъ ихъ зажьже»⁵.

¹ См., например: *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 52–53; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории. С. 60.

² Первый перечень: 385Л–605И; второй – из РАП, в Л «людые вси и бояре»; 385Л, вар. 24–25. О том, что «купци» – обозначение ‘простых людей’, см. первую главу, прим. 418.

³ 343–344И.

⁴ ПРП. Вып. 2. С. 137, 138; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 19, 21, 28–29.

⁵ НЛ, с. 51, 249; см. гл. 2, П. 8.

Аналогичная картина вырисовывается и из послания псковичей новгородцам под 1228 г. из той же НПЛ: «На путь не идемъ... Или есте на нас удумали... то вы луче насъ исъчите, а жены и дѣти поемлете себе»⁶. Почти веком ранее, в статье Ипат 1147 г. киевский князь Изяслав Мстиславич обращается к киевлянам с призывом выступить в поход. Его обращение адресовано как к «конникам», так и к пешим: «Поидите по мнѣ к Чернигову на Ольгович. Доспѣвайте от мала и до велика, кто имѣть конь, кто ли не имѣть коня, а в лодыи»⁷. Таким образом, призыв Изяслава охватывает все способное носить оружие свободное мужское население Киева. Притом такое деление прослеживается не только в данном случае: в НПЛ и Ипат различаются «конници» и «лодѣиници», в ГВЛ – «конници» и «пѣшци». Наконец, одна из сцен повседневной жизни участников похода 1217 г. в НПЛ показывает, что на вече присутствовало все новгородское войско, находившееся в походе, кроме сторожей, охранявших лагерь – «товарь»:

«И начаша новгородци гадати съ пльсковичи о чюдьской речи (о сольстве чуди. – *Т. В.*), отшедъше далече товарь, а сторожи ночнии бяху пришли, а днѣвнии бяху не пошли, а наѣхаша (чудь) на товары без вѣсти, новгородци же побегоша съ вѣча в товары и поймавше оружие и выбиша е (их) ис товарь»⁸.

Верхушка. На первый взгляд, как традиционные названия типа «кияне» и «вси люди», так и традиционные перечни участников отражают представление о том, что в вече принимало участие все свободное население земли или города. Некоторые живые и детализированные сцены также рисуют *всех* участвующих в походе или собирающихся в поход как участников собрания. Это, однако, не означает, что ученые обязаны их принимать за прямое соответствие действительности. Значительная часть исследователей и не принимает, находя различные объяснения этому феномену. В советское время, отстаивая представление о Древней Руси как о классовом государстве, ученые полагали, что в данном случае имеем дело с обозначением массы восставших и, значит, обездоленных⁹. Или, наоборот, что речь должна идти о перенесении традиционных архаических наименований на местную олигархию, а на самом деле в вечниках нужно видеть верхушку общества, власть имущих¹⁰.

⁶ НЛ, с. 66.

⁷ 348–349И.

⁸ НЛ, с. 57. Йонас Гранберг предполагает, что в собрании участвовали не все воины, а только руководители войска, что прямо противоречит показаниям источника: побежали «с вѣча», чтобы выбить чюдь из лагеря, в котором не осталось ни одного человека, поскольку стража не сменилась, как положено. *Granberg J. Veche in the Chroniclers of Medieval Rus*. P. 122.

⁹ См.: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 219–222; *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания. С. 94–95, 156, 193; *Маердин В. В.* Народные восстания. С. 60, 92–93.

¹⁰ *Свердлов М. Б.* Генезис и структура. С. 54; *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля. С. 110, 118; *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма. С. 194–195; *Янин В. Л.* Проблемы социальной организации. С. 48–51.

Источники предоставляют материал каждой из сторон. За образец восстаний чаще всего берут сюжет 1113 г. в исполнении киевского летописца (см. вторую главу, модель П.2) или известие НПЛ 1228 г. о «простой чади», «вставшей» против новгородского епископа (об этом эпизоде подробнее ниже). Что касается олигархического характера вече, доказательств тому подыскивается множество. Еще в дореволюционных работах обращалось внимание на сообщение Ипат под 1146 г. После крестоцелования Игорю Ольговичу на Ярославовом дворе «пакы скупышася вси кияне у Туровы божниці»¹¹, и брату Игоря Святославу удалось договориться с ними: «Кияне же вси съѣдше с конь и начаша молвити: “Братъ твои князь и ты”»¹². Владение конями – деталь, указывающая и на имущественное положение, и на социальные градации. Летописцы обычно разграничивают понятия: с одной стороны выступают «конници» (конники), а с другой – «лодѣиници» или «пѣшци», и членение на пехоту и лучше вооруженные конные войска во многих случаях действительно относится к социальным реалиям¹³. Можно добавить и иные свидетельства этого же плана. Например, под 1255 г. НПЛ сообщает, что новгородцы поставили «полк» (видимо, конников) «за Рожествомъ Христовомъ в конци», а «пѣшцевъ» «от святого Ильи противу городища», то есть на окраинах города, но в центре, на Ярославовом дворище, в это же время собиралось вече¹⁴. Это, по-видимому, должно означать, что в собрании участвовала лишь какая-то часть новгородцев. Из другой статьи 6726 (1218) г. узнаем, что вечники имели «брони», а приобрести доспех мог далеко не каждый древнерусский воин: «И поидоша ониполовици (Торговая сторона Новгорода. – Т. В.) и до дѣтии в брѣняхъ, акы на рать»¹⁵. Кроме того, в тех немногих случаях, когда в иностранных источниках рассказывается о древнерусском вече, речь идет о «власть имущих». Галл Аноним записывает, что Болеслав II в 1069 г. «...отстранил от власти всех, восставших против (Изяслава Ярославича)»¹⁶. Винцентий Кадлубек в повествовании о посадении

¹¹ Относительно локализации Туровой божницы нет единого мнения, но ее локализовали в том числе недалеко от Десятинной церкви. См., например: *Толочко О. П.* Записки з історичної топографії домонгольського Києва // Київська Старовина. 2000. № 5. С. 159.

¹² 322И.

¹³ См., например: *Halsall G.* Warfare and Society. P. 52. Следует, конечно, сделать оговорку: деление на «конницу» и «пехоту» отнюдь не всегда прямо соотносится с социальным членением (Ibid. P. 178–186). Описания битв и походов изобилуют литературными формулами, и, например, решение «биться пеши» может просто означать решение «драться до последней капли крови», «умереть на месте» (Ibid. P. 183, 188). Войска могли сражаться и на конях, и пеши, тактику избирал военный предводитель в зависимости от обстоятельств.

¹⁴ НЛ, с. 80–81.

¹⁵ НЛ, с. 58. Ср. ГВЛ о простом человеке, дравшемся без доспеха: «Не боярин, ни доброго роду... за единымъ мяглемъ (плащем. – Т. В.)»; 853И. Правда, здесь, видимо, заимствование из хронографического источника.

¹⁶ *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990. С. 23.

Романа Мстиславича в Галиче отмечает, что с польским королем хотели договориться знатные¹⁷.

Некоторые ограничения численности усматривают в локализации вечевых собраний. В летописях упоминаются веча «на поли» и, разумеется, можно было подыскать такое поле, на котором легко поместится несколько тысяч людей. В то же время зафиксированы и собрания в черте города. В Новгороде известны два традиционных места проведения веча: Ярославово дворище (иногда с уточнением: «у святого Николы», то есть у собора Николы Дворищенского) и возле Софийского собора. В Киеве упоминаются несколько мест: возле святой Софии, на Ярославовом дворе (1146 и 1147 г.), «на Торговищи» и «у двора Брючъславля» (1068 г.), на князем дворе под Угорским (1146 г.), возле Туровой божницы (1146 г.). Как уже говорилось, в последнем случае «кияне» были на конях, что должно еще более ограничивать число участников. Относительно иных городов: во Владимире-на-Клязьме назван княжий двор (1177 г.), во Владимире-Волынском – площадь возле св. Богородицы (1287 г.)¹⁸. На незначительность площадей вечевых собраний обращали внимание В. Л. Янин и П. П. Толочко. В. Л. Янин локализует новгородское вече на Ярославовом дворище, на месте, занимаемом сейчас одним из церковных строений, и считает, что там могли поместиться несколько сотен (а именно 300) человек¹⁹. П. П. Толочко, полемизируя с И. Я. Фрояновым по поводу выражения «все кияне от мала и до велика», справедливо отмечал, что на сравнительно небольшой двор киевской Софии вряд ли могли собраться все жители Киева²⁰.

Попутно следует сказать несколько слов о собраниях горожан «и з дѣтьми», традиционно рассматриваемые как свидетельство участия всех граждан. Наиболее популярны в трудах историков уже упоминавшиеся известия о новгородцах 1218 г. (когда весь город «возму-

¹⁷ Там же. С. 111–112. У Винцентия изложение запутанное, тем не менее пишется, что галичане не хотели видеть своим князем Романа, зная его суровость. Между прочим, как только речь заходит о своих, на сцену у польских авторов выступает некая-нибудь социальная группа, а «все лехиты».

¹⁸ 348И – 315Л, 321И, 160И, 320И, 321И.

¹⁹ В. Л. Янин опирается также на упоминание в немецком источнике XIV в. «трехсот золотых поясов». Янин В. Л., Колчин Б. А. Археологии Новгорода – 50 лет. С. 117; Янин В. Л. Социально-политическая структура. С. 92 и др. Правда, сообщение о «300 золотых поясах» 1331 г., вероятно, не является известием о вече. См.: Расмуссен К. «300 золотых поясов» древнего Новгорода // Skando-Slavica. Т. 25 (Copenhagen, 1979), 97; Чебанова Е. И. «300 золотых поясов»: проблемы интерпретации термина // Проблемы социального и гуманитарного знания. СПб., 1999. С. 166–182; Гранберг Ю. Совет господ Новгорода в немецких источниках // ДГ 1998. М., 2000. С. 78–87; Андреев В. Ф. О социальном составе новгородского веча // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1989. Вып. 11. С. 73–74. Тем не менее, мысль о небольшой вместимости вечаевой площади, по-видимому, верна.

²⁰ Толочко П. П. Киев и Киевская земля. С. 108–109. Согласно демографическим реконструкциям, в крупных древнерусских городах могло проживать от 10 до 50 тыс. чел. Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. К., 1989. С. 201. В Новгороде, например, насчитывалось 4–5 тыс. дворов: Андреев В. Ф. О социальном составе. С. 77–78. НПЛ, опусывая пожар, захвативший весь город, называет цифру в 4300 сгоревших дворов; НЛ, с. 52.

тился» действиями посадника Твердислава) и киевлянах 1146 г.²¹ Как ни странно, эти же записи входят в круг известий о собраниях «верхушки». В 1146 г. «все кияне и з дѣтьми» поместились на площади возле Туровой божницы, притом что они были на конях, а в 1218 г. все новгородцы «до дѣтии» включительно выступили «в бронях». В то же время НПЛ под 6718/1208 и 1228 гг. вроде бы пишет о женах и детях рязанцев и псковичей как об оставшейся половине населения города: подразумевается деление на мужчин-воинов, с одной стороны, и женщин и детей с другой. То есть это достаточно сложное обозначение, и известия о собраниях с детьми или без детей также не вносят определенности.

Стабильность состава веча. Итак, на основании имеющихся текстов можно сделать прямо противоположные выводы. Источники дают право предполагать, что в вече входило все свободное население, то есть все знатные и незнатные. Или, наоборот, что в вече участвовала лишь какая-то группа горожан, и тогда указание на знатных и незнатных – всего лишь дань летописцев традиционным формулам, заимствованным из литературы иных эпох и народов. Обычно выход ищут в предположении о нестабильности состава веча. Впервые эта мысль была высказана дореволюционными историками и была тесно связана с представлениями о том, что чуть ли не любой «гражданин» мог собрать вече и любая группа могла составить вече, а Русь виделась царством свободы, где каждый мог действовать как хотел, не стесненный (в отличие от «рабской» Европы) жесткими рамками сословий²². Ныне это понятие устарело. Общества до начала Нового времени, в том числе и древнерусское, основывались на клановых и клиентарных связях и были структурированы. В советское время гипотезу нестабильности состава веча уже без теоретических обоснований о «свободе» в Древней Руси поддержали исследователи, придерживающиеся концепции элитного характера вечевых собраний. В особенности те, кто обращал внимание на противоречивость сведений о вече²³.

Как обычно, можно подыскать основание для такого мнения. Например, во владимирской истории 1175 г. Когда «володимирци» (жители Владимира-на-Клязьме) после убийства Андрея Боголюбского его милостниками поехали на крестоцелование к принятым на княжение князьям-Ростиславичам, иные «володимирци» приняли иное решение. Во Владимире каким-то образом очутился соперник Ростиславичей,

²¹ НІ, с. 58; 322И. Как правило, однако, «дѣти» исключаются из числа участников собрания, и старшие расписываются и за «детей»; ср. 317Л, 346И, 348Л, 381Л, 493И. Под «детьми» в данном случае понимают не малолетних членов семейств, а младших.

²² См., например: *Сергеевич В. И.* Вече и князь. С. 62.

²³ *Пауто В. Т.* Черты политического строя. С. 33; *Свердлов М. Б.* Генезис и структура. С. 52; *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля. С. 102, 106, 108.

Михалко Юрьевич²⁴. После осады города силами всей Владимиро-Суздальской земли эти другие владимирцы вынуждены были отказаться от своего избранника: «Мирися, а любо, княже, промыслия о собѣ» – и проводить Михалка «с плачем»²⁵. Похожее решение приняли галичские «гражане», о чем пишется в ГВЛ (И под 1235 г.), – во время отсутствия князя Ростислава Михайловича, бояр и некоторой части войска, они приняли на княжение Данила Романовича Галицкого.

«Приде вѣсть Данилу... яко Ростислав сошелъ есть на литву со всеми бояры и снузники (конниками. – Т. В.). Сему же прилучившуся, изиде Даниль со воии со Хольма, и бывшю ему третии день у Галичи, любяхуть же и гражане. Подъехавшу же ему подь городъ, и рече имь: о мужи градъстии, доколѣ хочете терпѣти иноплемьныхъ князии державу. Они же воскликнувшѣ, рѣша яко: “Се есть держатель нашъ Богомъ даныи”»²⁶.

Известны веча в походе – смольнян 1185 г., новгородцев 1211 г., и др.²⁷ Если нарушить запрет о неприменении в истории сослагательного наклонения, можно смоделировать ситуацию, когда при отсутствии в городе некоторой части горожан, ушедших в поход, началась осада или подошел иной князь и оставшиеся были вынуждены решать эту проблему (ситуация, в общем аналогичная тому, что случилось во Владимире в 1175 г. и Галиче в 1235 г.). О нестабильности может свидетельствовать и то, что в одном случае участниками веча были все воины, выступившие в поход (например, НПЛ, 1217 г.), а в другом состав веча никак не соотносился с войском (НПЛ, 1255 г.), собирались только «конники», а буквально через год включались и «лодѣиници» (Ипат, 1146 и 1147 гг.).

Казалось бы, дело решено. Но, как и в предыдущих случаях, основательные доказательства в пользу одной теории дополняются не менее основательными доказательствами в пользу другой. Имеются свидетельства существования некоей репрезентативной общности и, соответственно, стабильности состава веча. Отчасти они выводятся из тех же самых текстов, что призваны доказывать нестабильность. К примеру, в статье Лавр 1175 г. используется выражение «не сущимъ володимерцемъ Володимери» и сообщается причина отсутствия – отъезд на процедуру крестоцелования. Что можно трактовать таким образом: существовал некий круг людей, выделенных из массы жителей города, и

²⁴ В летописи прямо не сказано, что владимирцы приглашали или приняли его на княжение (Михалко «ѣха Володимерю»; 373Л). Далее же, в сцене отхода Михалка, вынужденного отступить от своих планов, летопись сообщает о «володимирцах». Все это может быть тактическим ходом с целью показать, что оставшиеся в городе не предавали ни тех «володимирцев», что поехали на крестоцелование к другим князьям-Ростиславичам, ни этих князей, приглашенных всей землей. Но это уже снова отступление о нарративе.

²⁵ 373Л.

²⁶ 777И.

²⁷ Известие о вече смольнян 1185 г. см. 647И; о собрании новгородцев 6722 (1211 или 1212) г. см. НЛ, с. 53. Относительно сбоя хронологии: *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 258.

круг этот представлял «всех володимирцев». Именно они принимали решения, ездили на присягу и т. п. Только в случае крайней необходимости на смену основным участникам приходили «дублиеры» (может быть, младшее поколение – братья и сыновья). Выражение, подобное вышеприведенному высказыванию о владимирах 1175 г. и галичанах 1210 г., встречаем в НПЛ начала XIII в.: «... том же лѣтъ бѣсть князя и без новъгородѣ Новѣгородѣ бѣсть пожаръ великъ»²⁸. Для Новгорода это не единственный случай подобного рода. Зафиксированы иные ситуации, когда «новгородци» находились за городом. Например, в 1196 г. Всеволод Юрьевич потребовал от них прийти в Великие Луки, бывшие традиционным местом заключения договоров Новгорода с князьями: «Повеле ити на Луки... и сѣдѣвъше на Лукахъ, воротишася домовъ»²⁹. Снова-таки, речь идет не о массовом исходе всего населения города.

Порой летописцы прямо подчеркивали, что на вече присутствовали одни и те же люди. В 1069 г. в уста «киян» вкладываются такие слова: «Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавшѣ», что позволяет отождествить вечников с теми, кто изгонял Изяслава Ярославича в 1068 г.³⁰ В 1147 г. Игорь Ольгович говорит своим убийцам: «Почто яко разбоиника хочете мя убити, аще крестъ цѣловалѣ есте ко мнѣ, рекуще, яко имѣти мя собѣ княземъ?» Он припоминает крестоцелования 1146 г.³¹ Полочане в 1159 г. договаривались с князем, что, если он не помянет их предательства 1151 г., они снова посадят его на княжеский стол³². Позднее, в недоброжелательном комментарии владимирского книжника, связаны события двух десятков лет: ростовцы и суздальцы с «прочей дружиной» целовали крест к Юрию Долгорукому, что посадят после его смерти (1157 г.) младших детей, а посадили старшего, Андрея, а после смерти Андрея (1175 г.) снова забыли о своей клятве и пригласили внуков Юрия³³.

Границы нарратива. Полученная противоречивая картина вряд ли может утешить. Мало того, что подыскиваются доказательства тому, что в вече могли входить и «все люди», и верхушка общества. Вдобавок,

²⁸ Под 6719/1209 г.; НЛ, с. 52.

²⁹ НЛ, с. 43. См. также НПЛ под 1134 г., НЛ, с. 23; 1137 г., с. 25; 1217 г., с. 57.

³⁰ 173Л, 162И (И «мы же»). Ср. 170–171Л, 160И.

³¹ Ср. 351И – 320–322И.

³² Под 1159 г.: «Свѣтъ золь свѣщаша на князя своего полочане, на Ростислава на Глѣбовича... и послашася в тайнѣ к Рогъволоду Борисовичю Дрюютьску, рекуще ему: “Княже нашъ, сѣгрѣшили есмь к Богу и к тобѣ, оже встяхомъ на тя без вины, и жизнь твою все разграбихомъ и твоея дружины, а самого емше выдахомъ тя Глѣбовичем на великую муку. Да аще ны не помянеши всего того, иже створихом своимъ безумиемъ, и хрестъ к нам цѣлуеши, то мы людие твое, а ты еси нашъ князь”»; 494–495И. Ср. под 1151 г.: «Яша полоччане Рогъволода Борисовича князя своего и послаша Мѣньску, и ту и держаша у велицѣхъ нужи, а Глѣбовича к собѣ уведоша»; 445И.

³³ 1157 г.: «Ростовци и суждалци здумавше вси, пояша Аньдрѣя сына его (Юрия. – Т. В.) старѣишаго и посадиша и в Ростовѣ на отни столѣ и Суждали». 1175 г.: «А хрестнаго цѣлованья забывше, цѣловавше къ Юргю князю на меншихъ дѣтехъ, на Михалцѣ и на братѣ его, и преступивше хрестное цѣлованье, посадиша Андрѣя, а меньшая выгнаша». 348Л – 490И, 372Л – 595И.

есть возможность обосновать, что состав веча был как стабильным, так и нестабильным. Неустраняемая противоречивость не оставляет места для сугубо позитивных решений и подталкивает к возвращению к выводу об атерминологичности социальной терминологии и проблемам нарративного конструирования.

Начнем «расследование» с конца. Прежде всего, нарративную природу имеют свидетельства о стабильности и нестабильности состава веча. Что касается заявлений летописцев о том, что в 1068–1069, 1146–1147, 1151–1159, 1157–1175 гг. в вечевых собраниях участвовали одни и те же люди, в этих и некоторых других случаях речь шла о восстаниях, неверности горожан, о нарушении ими клятв³⁴. Подчеркивание упорства горожан в «злом невѣрствии» – один из обычных нарративных приемов описания конфликтов с князем. Такие описания часто весьма неплохо литературно проработаны: князья и горожане говорят, например, цитатами из Евангелия, и события разворачиваются по схемам библейских сюжетов³⁵. Некоторые детали, на основании которых, как считается, позволительно делать выводы о социальной природе, имеют природу литературную. Например, в 1146 г. летописцу важно было подчеркнуть крестоцелование Игорю всех киевлян, всех до единого, чтобы потом акцентировать их «лесть». Потому он использовал усиливающую формулу «и с дѣтьми». Этот же книжник был весьма внимателен к жестам, надлежащему оформлению процедур, и потому рассказал, как киевляне обменивались любезностями со Святославом Ольговичем, посланцем Игоря: «сошли с коней», – отставив военные приготовления, спешку и ссоры³⁶. Иная формула эксплуатируется одним из составителей НПЛ в статье 1218 г. На положительного героя НПЛ этих лет, посадника Твердислава, и на его сторонников пошли с оружием все, даже с детьми. Конфликт в городе достиг такой остроты, что пошли в бронях. Ударение, вероятно, необходимо делать не столько на том, что «(все) участники веча пошли в доспехах», а на том, что «(все) пошли в бронях, как будто на рать»³⁷. Далее, некоторые известия об отсутствии «всех горожан» (галичан, владимирцев, новгородцев) в городе, по-видимому, связаны с тем, что летописец недостаточно четко проговорил, что речь идет об определенной группе горожан, но это подразумевалось, исходя

³⁴ Упорство и «злое невѣрствие» оценивалось отрицательно. См., например, в записях Ипат о событиях в Новгороде 6669/1160 г., 510И и 6677/1167 г., 537И; Ипат о Галиче 1187 г., 616–617И, 620И; Лавр о Рязани 1207–1208 гг., 434Л и др. Подробнее об этом см. четвертую главу.

³⁵ См., например, сцену веча в Ипат под 1147 г., 351И, а также фрагменты из Евангелий. Ио.7.19 «Что мене хотите убити»; Мт.26.55 «Рече народьмь: яко на разбоинника ли придесте съ оружьемъ и трѣкольемъ яти мене»; Лк.23.34 «...не вѣдать бо съя что творяче»; Лк.23.35 «...стояху людье зряще». В речах полочан 1159 г. и Лк.15.18 «...сѣгрѣшихомъ къ Богу и прѣдь тобою»...

³⁶ Ср. «сѣсъдыше с конь» в Киевском своде: 322И (3), 402–403И, 413И, 641И (2), 689И; 1146 (3), 1150, 1152, 1185 (2), 1195. В 1140–1150-х гг. встречается в описании этикетных моментов, вообще же в летописи имеет несколько иной круг значений: решили отдохнуть; биться пеши; перестали собираться в поход.

из предыдущего изложения³⁸. Что касается самих формул. Деление на «конников» и «пѣшцев» выдает влияние хронографических текстов; в частности, это справедливо для ГВЛ, на которую повлиял Иудейский хронограф и где встречаются иные переводные термины («оружници», «земци» и др.), и Киевского свода, где прослеживаются заимствования из Александрии, Хроники Малалы и «Истории иудейской войны». При упоминаниях «жен и детей» с высокой степенью вероятности можно предполагать использование книжниками библейской топики³⁹ и т. д.

С другой стороны, есть схема, которую используют современные историки: расширение состава участников вечевых собраний во время мятежей, каковое предполагается по чисто логическим основаниям. Летописцам эта схема неизвестна. Например, в 1147 г. киевское вече на наших глазах из созданного князем мирного собрания превращается в мятежное, но о присоединении каких-либо групп к собравшимся ничего не сказано⁴⁰. В 6722/1211 (по стандартному пересчету 1214) г. новгородцы, вначале отказывавшиеся идти в поход, изменяют свое решение и в конечном итоге поддерживают князя, о вливании новых групп опять-таки нет никаких сведений⁴¹. Точно так же в 1068 г. вроде бы лояльно настроенное по отношению к князю киевское вече («кияне» просили еще «оружья и коней»), трансформируется в мятеж: горожане освобождают из поруба Всеслава и провозглашают его князем. Речь идет только о том, что они разделились надвое: одна часть пошла освобождать Всеслава, а другая – разговаривать с князем. Подобно этому разделены и новгородцы в сюжете НПЛ 1157 г.: «Торговый поль» стал за Мстислава Юрьевича, а Софийская сторона была против него⁴². Иногда

³⁷ Аналоги такому ходу НПЛ можно подыскать и в западноевропейских источниках. Например, в рассказе итальяского клирика Агнеллуса (840-е гг.) о столкновении горожан в Равенне конца VII в. записано, что горожане дрались мечами, несмотря на то что монополии на ношение такого оружия, как мечи, держала аристократия. См.: *Brown T. S. Urban Violence in Early Medieval Italy: the Cases of Rome and Ravenna // Violence and Society in the Early Medieval West / Ed. Guy Halsall. Woodbridge, 1998. P. 83–84.* Агнеллус писал через полвека после происшествия, в НПЛ известия начала XIII в. также редактированы, хотя промежуток между событиями и их литературной обработкой, по-видимому, не столь велик.

³⁸ Например, в ГВЛ описывается, как венгерский король посылает галицкого боярина со всеми галичанами в Галич: «Володиславу же ѣхавшию наперед со всѣми галичаны», под 1210 г., 729И. Фраза завершает рассказ о мятеже в королевском окружении и о невозможности «створить войну» по призыву галичан. То есть речь шла о том, что к Галичу послали всех галичан, бывших на то время у короля.

³⁹ См., например: Числ.14.3 «Жены же наша и дѣти наша будутъ въ разграбление»; Вт.2.34 «И жены их и дѣти ихъ не оставихомъ живы»; Вт.3.18–19 «Въоружени поидите... на рать, точно жены ваша и дѣти ваша... да пребудутъ въ градѣхъ»; Вт.29.11 «и всякъ мужъ израильтескъ и жены ваша и дѣти ваша»; Ис.Нав.1.14 «Жены ваша и дѣти ваша... да живутъ на земли»; Ис.Нав.8.35 «всему соньму сыновъ израилевъ, мужемъ и женамъ и дѣтемъ»; Иер.40.7 «Предаде ему мужи и жены и дѣти»; Мт.14.21 «...развѣ женъ и дѣти»; Мт.15.38. Острожская библия. Л. 67, 80об., 81, 94, 97об., 101, 112/2об.; Апракос Мстислава. 45г.6–7, 48б.22–23.

⁴⁰ Об этом: *Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2. С. 55–60, 98–99.*

⁴¹ НЛ, с. 53.

⁴² НЛ, с. 30.

ссылаются на сетования летописца о грабежах в Боголюбове после убийства Андрея Боголюбского: «...грабители же и ись сель приходяче грабяху». Однако здесь говорится об общих беспорядках в Боголюбове, а не о каком-либо собрании. К тому же красочное описание грабежей встречается в Киевском своде, где достаточно много хронографических заимствований (в параллельном тексте Лавр замечание о сельских грабителях отсутствует), и, не исключено, данный эпизод написан под влиянием подобного образца⁴³. В 1113 г. – пример, который часто приводят в подтверждение тезиса о массовом характере восстания «киян», – о расширении круга участников снова-таки не сказано. Речь могла идти на самом деле о противоборстве двух групп, поддерживавших разных кандидатов на киевский стол (например, Ярослава Святополчича и Мономаха). Летописцы обозначали одним и тем же словом разные общности, и были по-своему совершенно правы: и посылавших посольство к Володимиру, и грабивших двор тысяцкого Святополка справедливо можно было назвать «киянами», из чего еще нельзя сделать никаких определенных выводов⁴⁴. Даже в известии 1228 г., когда против новгородского владыки якобы сначала выступила «простая чадь», а потом уже «весь город», скорее, речь идет также о смене угла зрения или о применении разных устойчивых выражений. Сначала извещается, что против епископа восстали «простецы»–«не-церковники», а после используется обычная формула «весь городъ» (подробнее ниже).

«Людие» в переводных источниках. Итак, обманы стабильности и нестабильности состава, судя по всему, имеют нарративную природу. О реальном положении вещей можно строить только предположения. Существовала, по-видимому, некая репрезентативная общность, но на каких принципах она формировалась, неизвестно. Сравнительный материал показывает, что в различных социумах при формировании подобных общностей роль могли играть давность проживания, старшинство в роду, богатство и/или знатность самого рода, служебный статус. Учет давности проживания присущ, например, древнегреческим колониям. Полноправными гражданами становились обычно те, кто принадлежали к первой волне колонистов (они же в основном имели устойчивый достаток). Впрочем, подобное явление наблюдается и в обществах Нового времени: скажем, в США многие наиболее богатые и влиятельные семейства ведут свой род от первопоселенцев. Родовой принцип характерен, например, для средневековой Монголии, где курултай – собрание членов господствующего рода. Что касается служебного статуса, то в раннефеодальном обществе, где границы сословий еще жестко не

⁴³ 592И. См., например, в Хронике Иоанна Малалы о бедствиях антиохийцев, когда сожженный вулканом город подвергся грабежам: «Друзии же от уцѣливших гражданъ от своего... избѣгоша... срѣтахуть я ратаи и иже хождааху странници грабить и отимахуть имь». *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы. 353.23–26.

⁴⁴ К тому же текст Ипат редактирован, и множественные упоминания «киян» имеют вполне определенные функции; см. гл. 2, I.2.

оформились, приближенный короля или князя (часто бывший раб или вольноотпущенник) в короткое время мог стать знатным. Какие принципы действовали в Древней Руси, к сожалению, определить невозможно. Можно только сделать общее предположение, что здесь мы имеем дело с репрезентативностью, то есть с ситуацией, когда часть общества (знатные) могла представлять все общество, а в известных случаях даже князь становился репрезентантом земли. Ср. случаи замены в летописях конкретных князей «черниговцами», «полочанами», «киянами» и пр., приведенные в первой главе. Все зависело от расстановки акцентов, а также от литературного мастерства древнерусских книжников.

По-видимому, многие неясности изложения летописцев объясняются тем, что они следовали переводным образцам – библейским и хронографическим. При сравнении текстов проясняются и некоторые особенности применения принципа репрезентативности. Необходимо сразу же оговориться: даже после исследования предполагаемых образцов летописцев в деталях картину себе представить все равно невозможно, но некоторые границы нарратива становятся четче. Смена исследовательской оптики – отношение к свидетельствам о составе и функциях «людских» собраний не как к отражению действительности, а как к нарративам – вызвана эффектом отчуждения. Хотя бы приблизительное знание того, как были устроены и чем занимались античные и древнееврейские «коллективные органы власти», позволяет увидеть нарративные схемы, позволяет увидеть *слова*. Ведь памятники переводные, реалии чужие, смена ракурса связана часто с тем, что переводы сделаны в разное время и в разной языковой или диалектной среде.

Могут возразить, что летописцам незачем было прибегать к заимствованиям, если они могли списывать собрания народа «с натуры». Но ведь книжники, рассказывая об осадах, походах и боях, используют Библию и хронографы, хотя военное дело они вполне в состоянии описать своими словами. Исходя из этого, можно предполагать, что переводные шаблоны рассказов о «людских» собраниях также отразились на моделировании летописных статей. Летописцы, конечно же, не специализировались на описаниях только сражений или только собраний: оба рода заимствований взаимосвязаны и принадлежат одним и тем же авторам. К примеру, галицкий (холмский) составитель ГВЛ пишет о том, что осажденные в Галиче венгры бились с церкви. Такая военная практика в Древней Руси неизвестна. Можно было бы долго гадать о том, откуда она взялась, если бы не «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, где Храм – одно из средоточий «мятежников» в период осады Иерусалима⁴⁵. Тот же составитель ГВЛ под 1229 г. рисует

⁴⁵ Ср. ГВЛ: «И възбѣгоша же на комары церковныя... бѣ бо градъ створенъ на церкви. Онѣм же стрѣляющимъ и камене мещущимъ на гражаны, изнемогаху жажею водною... и сведени быша со цркви»; в И под 1219 г., 738И. У Флавия: «Мятежници же от црквѣ по вся дньи быющеся... (а римляне) поставиша лѣствица и възлѣзоша горѣ на коморы». *Мецерский Н. А.* История. 410.33–411.3; «История иудейской войны». Т. 1. 455в.37–38–455г.8–9.

экзотическую сцену побивания камнями и изгнания боярина Судислава галичанами: «На нъм же метаху камение, рекуще: изииди из града, мятежнице земли». Такая казнь, как побивание камнями, связана с древнееврейскими обычаями и совершенно нехарактерна для Древней Руси. Но она многократно зафиксирована в той же «Истории Иудейской войны», где, кстати, часто упоминаются и «мятежници» – слово для древнерусских летописей уникальное⁴⁶. Полувеком ранее составитель Киевского свода поместил отрывки из «Истории Иудейской войны» в описании сражения Мстислава Ростиславича 1174 г. и похода Игоря Святославича 1185 г.⁴⁷ И, подобно холмскому (галицкому) сводчику ГВЛ, использовал текст Флавия не только в повествованиях о битвах, но и в рассказе о всенародной встрече князя. Вот как Флавий описывает встречу жителями Антиохии сына римского императора Веспасиана, Тита: «... антиохiane бо... потекоша на устрѣтение, и вынидоша от града 30 врѣсть, не токмо моужи, но и жены и дѣти»⁴⁸. Смольняне в статье 6676/1166 (1168) г. тоже вышли поклониться Ростиславу Мстиславичу, только за 300 верст, «маль не весь градъ изиде противу ему»⁴⁹.

Как и ранее, я не преследую цель реконструировать круг чтения каждого из летописцев. Эта труднейшая задача не под силу одному исследователю, да и точные заимствования готовых сюжетов сложно подыскать. Чаще аналогии приблизительные, ведь летописцы скорее отталкивались

⁴⁶ 759–760И. Что касается слова «мятежник»: в ПВЛ, НПЛ, Ипат и Лавр – ни одного случая употребления, только «мятежь» и «многомятежное житие» (последнее – в Ипат XII в. и Лавр за XIII в.). В ГА слово «мятежник» относится к редким, и только в переводе Флавия оно встречается часто, см.: «История Иудейской войны». Т. 2. С. 138. Что касается побивания камнями, эта казнь отразилась в древнерусских летописях также в ПВЛ (в описании казни «котопана», погубившего Ростислава Володимирича) – летописи, находившейся под сильным влиянием библейской топики.

⁴⁷ Ср. тексты:

1174 г., 576И: и ту бѣ видити ломь копиинны и звукъ оружинны	«История Иудейской войны». Т. 1. 413в.36–37: И бысть видѣти ломь копѣинны и скрѣжетание мечное, и щиты искѣпаны
1185 г., 649И: а не поганская дерзость обломи силоу рабъ твоихъ	«История Иудейской войны». Т. 1. 463б.36–37: мужа бо и страх обломиста силу ихъ

Заимствование 1174 г. отмечалось в: *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи. С. 117; *Мещерский Н. А.* История. С. 105.

⁴⁸ *Мещерский Н. А.* История. 443.13–28; «История иудейской войны». Т. 1. 468в.5.

⁴⁹ «И начаша и (его) срѣтати лутшии мужи смольняны за 300 верстъ, и за тѣмь усрѣтоша и внуци, и за тѣмь усрѣте и сынъ Романъ и епископъ Мануиль и Внѣздъ, и малѣ не весь градъ изиде противу ему», 528И. При анализе вероятности заимствования следует учитывать, что не только в Киевском своде, но и в других летописях это уникальное описание встречи, и нигде более версты не указаны.

Помимо отмеченных примеров. В Киевском своде часто упоминаются многотысячные собрания. Возможно, в этом также проявилось влияние «Истории иудейской войны», где описываются многотысячные скопления народа на поле или «подрумии» (ипподроме). В свою очередь, на составителя ПВЛ оказала влияние Хроника Георгия Амартола, и привидимые им перечни участников, в том числе «бояре и людие», более всего подходят на встречающиеся в этом тексте (см. первую главу).

от текстов, чем копировали их. Но это общая манера использования источников; так порой обращались даже с включениями из Библии⁵⁰. Иногда удается найти более-менее точные текстуальные соответствия, однако нельзя полностью исключать, что они вызваны использованием схожих формул. Ср.:

ГА осада Олоферном Иерусалима: «И людемъ изнаемагующемъ водною жажею и хотящемъ предати градъ» ⁵¹ .	ПВЛ, 988 г. осада Корсуня Володимиром: «Людые изнамогоша водною жажею и предашася» ⁵² .
«История иудейской войны» Иосифа Флавия, один из этапов восстания: «От земець никто же не въсхотѣ въздвигати рукъ противу» ⁵³ римлян.	Киевский свод, 1147 г. из речи киевлян и перемышлян к Изяславу Мстиславичу и его сыну Мстиславу: «Не можемъ на Володимире племя руки възняти» ⁵⁴ .
Хроника Иоанна Малалы, история Ромула и Рема: «... и вляже мятение народа» ⁵⁵ .	1113 г., восстание киевлян по смерти Святополка: «... и вси людые ради быша, и мятежь влече» ⁵⁶ .
Хроника Иоанна Малалы, император после разрушения Антиохии: «... плачяся пред бояры и пред гражданы и вси бояры в желѣнины ризы оболкѣлися бяхоу» ⁵⁷ .	1187 г. Ярослав Володимирович собрал людей своей земли перед смертью: «... и тако плакашеться по три дни передо всеми сборки и передо всеми людьми» ⁵⁸ .

В связи с этим ниже предлагается обзор текстов, предположительно оказавших влияние на летописцев. Следует также оговорить, что некоторые иноземные обычаи, вероятно, могли оказывать влияние на древнерусскую практику проведения собраний непосредственно, помимо книжных источников. Например, в Константинополе типичные места

⁵⁰ См.: *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет.

⁵¹ ГА 192.4–5. Кстати говоря, здесь же Юдифь «...наказа не предати града за 5 днии»; оттянуть сдачу города советовал своим согражданам «старецъ единый» в описании иной осады, Белгорода 996 г.; 127–128Л. О хронографических заимствованиях в ПВЛ см.: *Вилкул Т. Л.* Повесть временных лет и Хронограф (там же литература вопроса).

⁵² 109Л. Сюжет, несмотря на его кажущуюся ординарность, не совсем обычен, само слово «жажа» в ПВЛ встречается всего 3 раза. Возможно, тот же шаблон использован также в рассказе об осаде Торческа 1093 г.: «Изнамагати начаша людые в градѣ водною жажею и голодомъ, и прислаша торци къ Святополку глаголюще: “Аще не пришлещи брашна, предатися имам”». Святополкъ же посла имъ»; 221Л. Примечательно, что в распространении и пояснении ПВЛ речь идет не о воде, а о пище.

⁵³ *Мещерский Н. А.* История. 453.6; «История иудейской войны». Т. 1. 4726.38–39.

⁵⁴ 344И (так Хл, И «въздаяти»), 348И.

⁵⁵ *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы. С. 186.

⁵⁶ 276И.

⁵⁷ *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы. С. 355.

⁵⁸ 657И.

сбора людей в случае мятежа против императора или *interregnum* – Влахернский дворец и св. София Константинопольская. В Древней Руси также большинство собраний проходило в храмах/у храмов либо на княжьих дворах⁵⁹. Возможно (но необязательно), такой вариант освящения собрания сакральным пространством был инспирирован наблюдениями за обычаями греков.

Но обратимся к текстам, прежде всего к текстам Священного Писания. Язык Евангелия и Апостола и набор их формул в общем весьма отличен от летописного. Народное собрание может называться «церковью», а это слово в древнерусских текстах использовалось в ином значении. Чаще всего описываются собрания синагоги или синедриона («сѣборъ»), «сѣборище», «сѣнѣмъ», «сѣнѣмище»), в составе которых видим «фарисеев», «книжников», «старцев людских», «старѣишин жречьских». Кроме того, само собой разумеется, основное содержание Евангелия и Апостола составляет не процедура принятия Христа и его учеников тем или иным городом, а слова проповедания веры Христовой и воздействие их на людей. По-видимому, летописцы могли усматривать в этих текстах не так много точек соприкосновения со «светской» жизнью Древней Руси. Тем не менее, «народъ» в «церкви» играет свою роль: порой безоговорочно принимает слова Иисуса, порой откровенно враждебен к нему. Привлекают внимание и некоторые сцены из Деяний апостолов. Такие, как полемика Павла с фарисеями в Иерусалиме перед «церковью», «апостолами и старцами» об обрезании и о принятии «языкъ» (неиудеев). Об одном и том же собрании говорится то – «церковь: старцы и апостолы», то – «старцы и апостолы и церковь». В первом случае понятие «церковь» (народное собрание) включает старцев и апостолов, во втором – объединяет все множество людей, кроме старцев и апостолов⁶⁰. В речи Павла в афинском Ареопаге апостол обращается ко «всем афинянам», хотя известно, что в Ареопаге были представлены не все, но избранные афинские граждане⁶¹. Можно думать также, что

⁵⁹ Как на самом деле – в (внутри) церкви или у (возле) церкви – не известно. Обычно в летописях пишется, к примеру, «у Софии», «у Николы», но было ли это «у» или «в» в современном смысле, неясно. Южнорусская мена «у-в» делает равно допустимыми оба толкования.

⁶⁰ Разумеется, пунктуация современная, а в древнем синтаксисе использование связки «и» имело свою специфику – она могла исполнять не только функцию разделения. Однако такая интерпретация книжниками весьма вероятна. См.: «Нарѣше възискати Паула и Варнавы и инѣхъ етеръ отъ нихъ къ апостоломъ и старцемъ въ Иерусалимѣ о въпрошены семь. Послании же отъ церкви... пришедша же въ Ерусалим, приета быста церковно и старцы и апостолы... Сбраше же се апостолы и старци видѣти о словеси семь... (обращение в речи ап. Павла:) мужы братья... умльчав же весь народъ послушаху Варнавы и Паула... (обращение в речи ап. Иакова:) мужы и братья... Тогда изволи се апостоломъ и старцемъ съ всею церковно, избравше муже отъ нихъ, послати е въ Антиохию съ Пауломъ». ДА 14.27, 15.4, 15.7, 15.12, 15.13, 15.22; Матичин Апостол. Л. 8г–9г.

⁶¹ Славянский перевод неверен – «Ариевь ледь»: «Поемше же и на Ариевь ледь доше... Атинѣи же вси пришедшее и странънии (все афинские граждане и неафиняне)... став же Павль посрѣдъ Ариева леда рече: “Мужы атинѣисци...”». ДА 17.19, 17.21–22; Матичин Апостол. Л. 13в. Ареопаг – древний афинский суд, происхождение которого неясно. Состав участников – аристократический, Солон ввел в Ареопаг бывших архонтов.

упоминание Торговища в 1068 и 1069 гг. в ПВЛ, уникальное на фоне остальных летописных известий, имело образцом источник, где торг выполнял именно такую функцию – на нем собирались люди и власти. Ср., например, в Деяниях апостолов: «...емше Паула и Силу, влѣкоше на тръгъ къ кнеземъ. И приведше я къ стратигомъ рѣше: «Сия челоувѣка възмушаета градъ нашъ»»⁶². Впрочем, как уже говорилось, чаще всего помимо того, что против Иисуса или апостолов был настроен «весь град», «вопяше» или «навадиша (натравили. – Т. В.) народъ», в Евангелии и Апостоле более ничего не сообщается.

В известном смысле образцом историописания для древнерусских книжников были ветхозаветные тексты, в особенности Книги Царств, включавшиеся в хронографы и сборники исторического содержания⁶³. В повествовании о древних временах начала Израильского царства много раз встречаются «людье», «все людие» и тому подобные обозначения, притом множество эпизодов идеально подходит для того, чтобы быть списанными в летопись. «Людие» проявляют себя при избрании царя, конфликтах, связанных с престолонаследием, военных делах, на суде, праздниках, встречах, пирах. Терминология показывает такую же нестабильность, как и летописная. Так, «люди» или «все людие» (1Ц.15.8, 20, 21, 24) – то же, что «старѣишины Израилевы и людие мои» в речи царя Саула (1Ц.15.30). «Все старѣишины Израилевы» названы ниже «всеми мужами израиллестими» (2Ц.17.4 и 17.14)⁶⁴. «Все людие» обозначены как «весь Израиль и Иуда» (1Ц.7.5, 7.6; 18.5, 18.13, 18.16 и др.), но этот же оборот может означать и сравнительно небольшое войско в 600 «мужъ» (1Ц.10.22)⁶⁵. «Людьми» могут быть названы и «мужи» определенного властителя, в том случае, если они решают отделиться от него. Например, «мужи Давыда» задумали побить его камнями, и в этом случае они названы «людьми»⁶⁶. Политические решения обычно принимаются «всеми людьми», но когда состав участников хоть сколько-нибудь уточняется, среди них видим власть имущих. «И собра царь Соломонъ вся старѣишины Израилевы, вся начала колѣнь, старѣишины отчество сыновъ Израилевыхъ» (3Ц.8.1–2); «Посла въ Самарию ко княземъ самарийскимъ и къ старѣишинамъ и ко кормителемъ сыновъ Ахавлихъ» (4Ц.10.1). Часть чтений из Царств входила также в Паремейник, то есть была доступна широкому кругу читателей и слушателей. Ср. 2-е чтение на Введение св. Богородицы во храм (21 но-

⁶² ДА 16.19–20; Матичин Апостол. Л. 11г.

⁶³ См., например: *Истрин В. М.* Александрия. С. 334; *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. С. 23.

⁶⁴ Или перечень: «И собра царь Соломонъ вся старѣишины Израилевы, вся начала колѣнь, старѣишины отчество сыновъ Израилевыхъ», ниже продолженный так: «И собрася ко царю Соломону все людие Израилевы»; 3Ц.8.1–2. В свою очередь, «мужи иудины» или «израильские» – синоним «всех людей», ср. 2Ц.19.2, 19.3, 19.9, 19.40 и 19.14, 19.43. Острожская библия. Л. 150, 159; Троицкий хронограф. Л. 106с–108с, 125д–126а.

⁶⁵ А может означать огромное войско в 700 тыс. чел.; ср. 2Ц.6.1, 6.18–19; Острожская библия. Л. 142; Троицкий хронограф. Л. 90б–91а.

⁶⁶ 1Ц.30.4, 30.6. «Давидъ и мужие его»; «Яко совѣщашася людие камениемъ побити его... всѣхъ людиин»; Острожская Библия. Л. 139; Троицкий хронограф. Л. 82д–83а.

ября), где «старцы Израилевы» – то же, что «весь Израиль»⁶⁷. Очень популярны у древнерусских книжников были и пророчества Исайи, широко представленные в Паримейнике. См. например, 1-е чтение понедельника 1-й недели Великого поста, где в одном ряду «князи содомские» и «людые гоморьские», но имеется в виду отнюдь не перечень по типу «князи и людые» либо «бояре и людые». Речь идет о группах людей равного статуса: «Князи содомстии, вънемлѣте законъ Божии, и, людые гоморьстии, что ми множество жръत्वъ ваших»⁶⁸.

Обильный материал для размышлений, сравнений и подражания давали летописцам и хронографические сочинения. В Хронике Георгия Амартола, послужившей источником ПВЛ, повествование ведется от начала истории, от первых римских царей и иудейских вождей и пророков до 842 г., продолжение охватывает период до 948 г. Здесь достаточно часто рисуются взаимоотношения народа и правителя, но какой-то одной схемы для их изображения нет. Так, судьбу царя «Рома» (Ромула) решает «множество людии римлянь», а вот римского «стратега Малия» (Манлия) изгоняют и возвращают в город римские «боляре»⁶⁹. Эти события на самом деле далеко отстоят во времени: основание Рима – середина VIII в., спасение Рима Манлием от галлов – конец IV в. до н. э., но в переводе Амартола они помещены в соседних абзацах. И далее одни и те же действия, скажем, убийство или ослепление царя или, наоборот, его избрание, приписываются как «всем людыям» или «народу», так и «болярам», «болярьскому сбору»⁷⁰, а также войску⁷¹. Понятие «вси людые» порой охватывает все население города, в некоторых случаях даже женщин и детей⁷², «людые» собираются на поле или ипподроме («подрумий», «конеристаний»), а в случае «избиения» мятежников называются значительные цифры – 30 тыс., 7 тыс. человек⁷³. Но иногда «все людыи» или «народ» располагаются

⁶⁷ 3 Цар.8.1, 3–7; Паримейник НБУ. Л. 95б.

⁶⁸ Известный сюжет наказания Содома и Гоморры. Иса.1.6; Паримейник НБУ. Л. 12г–13а.

⁶⁹ О начале римской истории, царе Ромуле: «...множество людии римлянь... людые иже на нь глаголаху, зане брата своего уби... людые не умолкнуть от говора своего»; ГА 40.1–2, 10–11, 14–15. После 30 лет правления братоубийство не простило царю, и он «расъченъ бысть на уды въ вѣчи римьстѣмъ»; ГА 41.11. Здесь же повествуется об изгнании и возвращении «стратига Малия» римскими «болярами»; ГА 41.13–18.

⁷⁰ Диоклитян «...убьень бысть от болярьскаго сбора»; ГА 329.7–8. Сестра императора Феодосия после его смерти «...призвавши патриарха и боляры и нарече его (Сильвестра) цесаремъ»; ГА 402.12–13. «По Костянтинѣ же сына Ираклиева царствова Ираклонѣ с материю... дасть воинником комуждо ихъ дарь... боляре же отринуша его, урѣзавше ему носа... възведоша же в царстве Косту сына Костянтина»; ГА 449.1–6.

⁷¹ Например: «такъ же бысть убиень воиникы»; ГА 265.1–2. При императоре Маврикии: «Царю повелѣвшу Петрови, стратигу въ Словенской странѣ, воємъ презимовати, противишяся вои, не приемлюще слова того, тѣмъ нарочити от болярь избѣгшу, вкупѣ множеству люди събравшимся, наричот, да царьствуеть имъ Фока воевода»; ГА 431.2–5.

⁷² Константин после крещения «...къ Риму с побѣдами погна, всѣмъ напрасно купно его, вси младенци и жены съ всѣмъ народомъ римьскимъ... съ похвалами и мною радостью преемлемомъ»; ГА 333.9–12.

⁷³ «При цесарствии того Оустиниана... и народъ въставъ, глаголемыхъ зеленосиниыхъ (одна из партий на ипподроме. – Т. В.)... нарицають цесаря Ипатия на подьрумий, многом же

в соборах⁷⁴, обладавших явно меньшей вместимостью. Приводятся перечни участников, напоминающие летописные. Специально оговаривается, что в каких-то событиях участвовали или определенное решение приняли знатные и народ. «Народ и совет»⁷⁵, «сбор болярский и весь народ»⁷⁶, «вельможи и крестьяне»⁷⁷, «боляре съ всеми людми»⁷⁸, «боляры и вси чины»⁷⁹. Лишь в единичных случаях «боляре» бегут от мятежа и «молвы» «людей» или народа. При этом речь идет не столько о знатных вообще, сколько о сановниках определенного императора. Ср.: «...тѣмъ нарочити от боляръ избѣгшу, вкупѣ множеству люди събравшимся, наричуют, да царьствуе имъ Фока воевода»⁸⁰.

Хроника Иоанна Малалы – еще одна из всемирных хроник. Изложение в ней доведено до второй половины VI в., она входила в состав хронографов, отразилась в окончании ПВЛ (в окончании – только по Ипат редакции, в статье 1114 г.) и в ГВЛ⁸¹, некоторые заимствования

людемъ /с/текшемся, наполншуся подрумию люди, повелѣ Иустинианъ людемъ своимъ и воемъ... стрѣляюще, избиша тысящ тридесать»; ГА 412.8–15. «Въсташа селуняне и цесареви досадиша, хуляще и, етеры же от боляръ его каменiemъ побиша, цесарь же... епарха града того повелѣ посѣчи... и неповинныя с виноватыми посѣче тысящ 7»; ГА 382.27–28–383.1–3.

⁷⁴ Обычно в Великой церкви, то есть св. Софии. При императоре «Анастасии Дуряхянине» «...вста народъ въ Костянтинѣ градѣ крестьянска ради закона... логофету и епарху вшедшему на анбонѣ церкви Великие, и наченъшема има еретичство проповѣдати цесарскимъ повелѣниемъ, стечеса народъ /и/ множество много люди ис Костянтиня града на ня, и едва избѣгос/та/, и бысть таковая молва и мятежъ глаголюще, много (должно быть: много) цесаря хотяще, яко цесарю и болярюмъ избѣгнути... Събравшемъ же ся имъ крамолникомъ, растекошася на дома логофетиана и епархова... и дома ею зажгоша... таче бывшо мятежу велику и которѣ, и зажжение многымъ домоу створиша и убиство премного»; ГА 407.20–29–408.1–2. Тот же Анастасий решил патриарха Евфимия низложить. «Люде же Еуфимья ради молву творяху, и шедше на подрумии моляхуся, но ничто же приаша»; ГА 410.25–26. В ином случае «...посла къ Фотиеви патриарху царь... да въспоминание Василиева створят и вѣнечъ царевъ възложить на нь. И наутриа два стола цесарска на проелепъ изидоста... людие же възмятошася, яко единому царю суцу, два стола изидоста. Царь же въ церковь пришед... и народом, старѣшины купно и с народы, начят убо чести (грамоту)... вѣнечъ изнесъ цареву вдасть, и скипетромъ падшимся по обычаю, вѣнча Михаилъ Василия»; ГА 514.23–31–515.1–16.

⁷⁵ «Максимьян... храборствия ради телеснаго и разума и смысла ради от народа и свѣта поставленъ бысть цесаремъ»; ГА 315.8–11.

⁷⁶ Крещение и выздоровление Константина: «Се сборъ болярский видѣвъ и весь народъ примышо ему сдраве, възпиша глаголюще: «Единъ Богъ крестьянский... и вси нынѣ вѣруемъ во нь и крещаемся во нь»; ГА 332.15–17.

⁷⁷ «Божествному же Костянтину собравшо жиды, иерья же и книгчя 120, да ся прятъ съ Силевестромъ... събра же ся съ тшаниемъ весь градъ предъ цесаря слышати словеса обоихъ о Христосовѣ вѣрѣ»; ГА 334.22–26. Далее слова Сильвестра к собранию: «Послушайте мене, вельможѣ и вси иже нынѣ чудившеся крестьяне»; ГА 338.3–4.

⁷⁸ «По Фоцѣ же царства Ираклии лѣтъ 30. Сего Сергии патриархъ и боляре съ всеми людми нарекоша и царемъ въ Велицѣи цркви. От церкви же поимше, хваляще его плещуще, славяще, въ царскыя полаты ведоша. Повелѣваше же людемъ и с ними изволи паче Крисьпъ епархъ и зятъ Фоцинь»; ГА 433.12–15.

⁷⁹ «По Никифорѣ... Михаилъ... внезапно нареченъ бысть царемъ на подрумии боляры и всеми чинми»; ГА 488.11–15.

⁸⁰ ГА 431.4–5.

⁸¹ Обзор литературы см.: Чернышева М. И. Предисловие // Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы. С. 8–10.

прослеживаются также в Киевском своде. Здесь «народ» и «граждане» – постоянные действующие лица. Царя на царство избирают «вси вотѣне», или, наоборот, пишется «не приаша его граждане ни боляре свои», «боляре же и граждане и воины не любляху Егисфа», «свѣтъ болярскыи бывшии на нь и всего града»⁸². Повествуется о том, как люди грабят дом неугодного военачальника или выходят на торжественную встречу правителя⁸³. В принципе то, что говорилось о неустойчивости терминологии перевода Амартола, характерно и для славянского перевода Хроники, хотя имеются и некоторые различия. Например, в тексте Малалы достаточно много перечислений в обратной обычному порядку последовательности: «граждане и боляре», «народъ и боляре».

В «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, сохранившейся и в составе Хронографа, хронологические рамки – 175 г. до н. э. – конец 70-х гг. н. э. Перевод «Истории» сделан в Древней Руси, вероятно, в XII в., а формуляр близок к летописному, в особенности к формуляру Киевского свода. Тема взаимоотношений людей и правителя у Флавия представлена даже шире, чем в Хрониках Амартола и Малалы. Повествуется об избрании римским войском царей; собраниях, созываемых иудейскими правителями, и о внутреннем конфликте в Иерусалиме во время восстания 66–70 гг. н. э. Иосиф Флавий принадлежал к участникам восстания, но вовремя перешел на сторону римлян и свое сочинение адресовал римской аудитории. Вследствие чего он многое объяснял в иудейских обычаях, и по той же причине его описания эмоциональны и содержат неоднозначные оценки. Здесь названы цифры восставших и послов от «людей» (в основном жителей Иерусалима), как и у Амартола, измеряемые в тысячах и десятках тысяч⁸⁴. Кстати сказать, такие большие цифры редко встреча-

⁸² *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы. С. 87, 182, 146, 192.

⁸³ Об изгнании Манлия: «Прииде народ тамъ римскъ въ домъ его и весь разграбаша»; встреча Александра Приамом: «Изыде... въ срѣтение ему боляре его с нимъ и братия его с нимъ и вси граждане». *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы. С. 194, 118.

⁸⁴ Например, около 20 тыс. мятежников при некоем Александре, «цесаре иудейском». «Жидовѣ празднуюше вѣсташа на цесаря. Есть бо в нихъ обычаи при праздницѣ мястися... и уби же от тых мятежникъ 6000... Александръ же прашаше людии: “Что створимъ, да быхъ могъ умиритися с вами?” Они же рекоша: “Умри, с живым с тобою не можем ся умирити”. ...И бяше в нихъ конникъ 3000, а пѣшца 14 000... и приступиша опять къ Олександру 6000 лѣпших... а прости же людие не молчаху (не смирились. – Т. В.)... устремишася на нь, и бысть брань лота». *Меуцерский Н. А.* История. 173.21–24; 174.1–4, 7–8, 16–18; «История иудейской войны». Т. 1. 348а.28–348в.1–2. Далее названы 100, а после 1000 послов в Рим с жалобой на Ирода к Антонию. «Приидоша к нему боляре и сотници иудѣистии... паки же... приидоша на Ирода 100 муж благородных и рѣчисти... 15 лучшихъ в темницю въврѣже, а прочих съ трудомъ отгна. И къ тому болии мятеж въ Иерусалимѣ вѣста. И послаша 1000 муж к Антонию». *Меуцерский Н. А.* История. 188.24, 31–32, 189.7–9; «История иудейской войны». Т. 1. 356а.37–356б.32. 20 тыс. исеченных Иродом людей: «Настави же празднику... по обычаю вси людие съвокупилися бяху, ово оружници, ово прости. И тогда Ирод, поемъ останок вои, вынидѣ внѣзупу из двора и уби от людии 20 тысящъ, а прочии затворишася въ църквьи... Фасайль же умирився с нима и обѣдъ силен учинивъ... с великими дарми отпусти а». *Меуцерский Н. А.* История. 189.35–37–190.1–6; «История иудейской войны».

ются в летописях помимо военных сцен⁸⁵, считали ли древнерусские книжники подобные числа реальными – неизвестно⁸⁶. Попадают описания, добавляющие существенные детали к пониманию некоторых древнерусских текстов. Например, рассказ о назначении римским императором иудейского правителя после смерти Ирода помогает понять, что понятия «многолюдного собрания народа» и «собрания в храме» могли непротиворечиво сочетаться. Согласно «Истории иудейской войны», решение о том, кому отдать царство, было принято перед римским «цесарем» и людьми «в Аполонувъ церкви», где поместились «сбор от сильных римлян и всех подвластных» императора, послы от иудейской диаспоры в Риме, а также «народъ», сторонники сына Ирода Архелая и его «род»⁸⁷. Очевидно, применялся также принцип репрезентативности. Примечательно описание конфликта самого Иосифа Флавия, поставленного военачальником над Галилеей, с Иоанном, другим представителем восставших. В конфликт были замешаны жители Галилеи, Тивериады и других городов, но основную роль в нем сыграли приверженцы обоих соперников («приазни», «слугы», «възлюблены») ⁸⁸. Здесь же названы взятые в заложники от города Тивериады: 60 «лучших», «600 от нарочитых и 2000 от народа»⁸⁹. Рассказывается и о том, как проходили воин-

Т. 1. 356в.31–356г.6. «Из двора» – имеется в виду «цесарев двор». 20 тыс. избивенных Галлом: «И проча грады с мльчаньемъ и с миромъ пребываху, вси бо мятежници и злодѣи ись страхомъ выбѣгоша посрѣди лѣсь... (римлянами эти) иудѣи побѣжени быша... избивно бысть съ 20 000». *Меццерский Н. А.* История. 283.32–284.4; «История иудейской войны». Т. 1. 406г.10–28. См. также о разгроме восстания: «Еуспасиан... различаше пришелици от земьць... и разлучи я, избравъ кръпльшая и потрѣбнѣшая 40 тысяць, и 6000 посла на работу к Нерону. А 200 да тысяцю старыхъ непотребныхъ уби. А множество ихъ спрода. И Агрипѣ отда 30, иже быша от рода, от цесарствия (пророчествия) его, да камо ему годно, тамо же сие дежить». *Меццерский Н. А.* История. 317.25, 318.14–18; «История иудейской войны». Т. 1. 420а.1–2, 420б.1–9.

⁸⁵ Ср. однако, 500 бояр (ГВЛ) и 2000 «вячихъ» (НПЛ). Необходимо также, видимо, делать поправку на масштабы древнерусских городов и Константинополя и Иерусалима.

⁸⁶ В переводе Флавия встречаем 12 тыс. убитых бояр или 15 тыс. жителей одного малого села в идеализированном повествовании о цветущей ранее Иудее: «Гради части, и села яко звѣзды, и людие без числа, яко в меншемъ селѣ быти 15 тысяць». *Меццерский Н. А.* История. 337.31, 295.2–3; «История иудейской войны». Т. 1. 427б.39–40; 411б.30–34.

⁸⁷ «Съвокупивши же цесарю съборъ от сильныхъ римлянъ, от всѣхъ подвластныхъ его въ църквѣи Аполонувъ... а на единой же странѣ сташа сли иудѣистии с народомъ, а противу имъ Архелая ис своими единомыслящими. Род же его... не сташа с нимъ». *Меццерский Н. А.* История. 247.21, 24, 25; «История иудейской войны». Т. 1. 382в.13–24. «Сли» (послы) – имеются в виду 50 «силнѣишихъ» иудеев. *Меццерский Н. А.* История. 247.18–20; «История иудейской войны». Т. 1. 382в.7–8.

⁸⁸ «Иосиф же събравъ гражаны, въпроси их, како прельстишася от Иоанна. И тако ему бесѣдующю, внезапно обнажиша меча Иоанновы приазни, хотяще убити Иосифа... и влѣзь в корабль и отбѣжа. И мужи же възлюблени его, емше Иоановы слугы, хотяху избити я. Иосиф же бояся, да не будеть усобици межю ими, посла к нимъ рече, да обличать начальники злу и выдать я. И тако сътворше, помлькоша». *Меццерский Н. А.* История. 290.15–22; «История иудейской войны». Т. 1. 409в.36–409г.10.

⁸⁹ *Меццерский Н. А.* История. 290.38–291.2–3; «История иудейской войны». Т. 1. 410а.1–7.

ские собрания римлян: например, решение о переходе на сторону Веспасиана принималось «сотниками, тысячниками» и пр.⁹⁰

Благодаря подробному изложению, с одной стороны, и неустойчивости терминологии, с другой, одно и то же собрание здесь часто имеет множество названий. Например, участники похода в Аравию обозначены как «Иродовичи» (отыменное обозначение, приближенно соответствующее сочетанию «Ирод и его дружина» или «подданные Ирода»), «Ирод и вои его», и, в обращении самого царя: «мужи воиньстии», «мужи израильтестии и мужи оружници Иродови»⁹¹. После убийства императора Гая «...восхитиша воини Клавдия на цесарство. Старѣишины же градстии, упате»⁹², поемше воеводѣ... съ тремя спирами и повелѣша им блюсти град... думаху битися съ Клавдиемъ». Это же собрание «старцев» или «старцев римских» (сенаторов) с подчиненными им воинами, названо «гражане»⁹³. Буквально на одном листе одно и то же слово может встретиться в разных значениях. Во время иерусалимского восстания горожане делились на несколько партий. К ним относились приверженцы вождя зилотов Иоанна (Иоанана, Анана) и так называемые «ревнителю» во главе с Елеазаром. Обоих предводителей поддерживали «люди», о чем сказано в соответствующих местах без каких-либо пояснений, какая из групп имеется в виду⁹⁴.

⁹⁰ «И собра (военачальник Киликий) сотники своя и тысячники, подостраше я, да приклонятся къ Антониеви... И приложися къ Антониеви». Правда, далее описан мятеж, но непонятно, кто его затеял; неопределенность в терминологии сходна с тем, что наблюдается в ДА. «В ту же ночь нападѣ на воя раскаяние... устремишася убити Киликия. И створили быша убийство, аще быша не молили имъ сотници... не убиша его, но связавше...» *Меццерский Н. А.* История. 356.14–25; «История иудейской войны». Т. 1. 434в.32–434г.14. См. у Флавия об избрании императора. «Воини... поставить самодержца... римстии думчи... поставябъ... прославяща Еуспасиана цесарем». *Меццерский Н. А.* История. 353.24–26; 354.12–15; «История иудейской войны». Т. 1. 433в.21–26, 433г.25–30.

⁹¹ *Меццерский Н. А.* История. 201.3, 5, 9, 16; «История иудейской войны». Т. 1. 361б.27–361в.9. Об обозначениях типа «Антигоновичи» и «Иродовичи»: так древнерусский переводчик перевел названия Ἀντιγονεῖος и под., типичные для эллинистической эпохи (и привлекавшие Флавия). См., например: *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 6.

⁹² «Упате», «ипати» – калька с греч., ‘правители’, в некоторых случаях – ‘консулы’. СДРЯ. Т. 4. С. 164.

⁹³ Ср.: *Меццерский Н. А.* История. 262.25–28, 263.1–2, 5, 15, 22, 23, 29; «История иудейской войны». Т. 1. 394в.17–394г.31.

⁹⁴ «Ананъ бѣ думал с людьми (как бороться с ревнителями, но далее о ревнителях)... Елеазарь... суша с людьми и думаста, что достоин творити... (и послали послание идумеям) яко Ананъ прельсти люди». *Меццерский Н. А.* История. 333.10, 24–25, 29–30; «История иудейской войны». Т. 1. 425в.38–425г.32. То же самое касается такого обозначения, как «народ». К примеру, повествование о первых «мятежах» перед общим восстанием в Иерусалиме в переводе «Истории иудейской войны» выдержано в стиле близком к летописям. Повествуется о разных группах населения, участвовавших в различных событиях, однако автор имеет в виду общее отстраненное понятие «они»–«иудеи», и можно подумать, что во всех событиях принимали участие одни и те же люди, названные разными именами: «весь народ», «гражане», «все иудѣи». См.: *Меццерский Н. А.* История. 265.7–22, 265.29–266.10; «История иудейской войны». Т. 1. 396а.23–396б.12,

Примечательно, как Флавий обозначает разделение горожан. «Народ», «граждане», «люди» в абсолютном большинстве случаев обозначают не-мятежников. Например, мятежники во главе с Елеазаром начали восстание в Иерусалиме. Тогда «...народ: архиерѣи и все мирни внидоша в Горни град. Долнии же град и църкъвь обуаше ратнии»⁹⁵. Агриппа пытался угасить восстание и послал послов в город. «И убо яшася мятежетворци, да приложитися народ къ Агрипѣ, и устрѣмишася слы его убити... народ же печалень бысть о томъ»⁹⁶. «Людие и съвокупишася все, и поидоша на ревнителя, тѣмь именем прозвашася, яко ревнующее о свободѣ... Егда же ревнители нападаху на народ внѣзапу, то одолѣвахуть имъ, егда паки толпами снимахуться, то одолѣваше народ»⁹⁷. Отношение автора к «отколовшимся от народа» маркируется оценками. Например, римские воины пытаются взять Иерусалим, «...народ же радовашеся. И от котораго мѣста отходяху злодѣи (мятежники. – Т. В.), ту приступающе добрии, и хотяху отворити врата граду»⁹⁸. В Иерусалиме «мятежники и злодеи» вводят свои порядки, избирают жребием архиереев. «Ту шатанию их не стерпѣ народ, но устремишася все, яко на раздрушение мучитель... подостривахуть люди мстити на губители... И съвокупившимся всѣмь и гнѣвающимся на злодѣя... и не смѣюще вѣстати на ня»⁹⁹. «И безбожиа их ради (то есть из-за вождей восстания и их сторонников) и все людие с тѣми погибоша»¹⁰⁰. Впрочем, при том, что основное деление идет на «народ» (людей, горожан) и мятежников (злодеев, губителей и т. п.), может признаваться и внутренний раскол, иногда на соседних листах или в соседних

396б.25–396в.10. Ср. уже упоминавшийся рассказ о том, как проходила встреча сына римского императора. «Антиохяне бо... потекоша на устрѣтение и вынидоша от града 30 врѣсть, не токмо мужи, но и жены и дѣти. И ставше обаполы пути... Велможам же антиохинскимъ прилѣжно молящимся ему, да видеть въ град и в конеристание, идеже вси народи съвокупившеся ждуть». *Меццерский Н. А.* История. 443.13–28; «История иудейской войны». Т. 1. 468б.31–468в.27. Здесь, казалось бы, антиохийцы все поголовно вышли за город на встречу, а после говорится о том, что «все народи» собраны на ипподроме в городе.

⁹⁵ *Меццерский Н. А.* История. 280.11–12; «История иудейской войны». Т. 1. 405б.21–24. Здесь же впервые упоминаются «сикарии», отделенные от народа, и даже от «хужших», 280.19–20, «История иудейской войны». Т. 1. 405б.38.

⁹⁶ *Меццерский Н. А.* История. 284.27–30; «История иудейской войны». Т. 1. 407а.27–29, 33–34.

⁹⁷ *Меццерский Н. А.* История. 332.14–21; «История иудейской войны». Т. 1. 425б.26–28, 35–39.

⁹⁸ *Меццерский Н. А.* История. 285.18–21; «История иудейской войны». Т. 1. 407в.12–17.

⁹⁹ *Меццерский Н. А.* История. 329.27–30–330.1–3; «История иудейской войны». Т. 1. 424б.28–40–424в.1–4.

¹⁰⁰ *Меццерский Н. А.* История. 395.17–18; «История иудейской войны». Т. 1. 449в.36–38. См. также: «Нарочитии же гражанѣ, видѣвше беззаконие то, выбѣгоша къ Еуспасиану... да не погубить весь народ благи, мала ради злых, но пошадѣти мирных, а воздвизающих рать мучити», 313.4–8; «История иудейской войны». Т. 1. 418а.32–40. Разделены «люди» и «ревнители»: «...видѣвъ дрѣвле люди злыми от ревнитель и от Иоанна, подучи люди, да изведуть Симона на раздрушение Иоанна». *Меццерский Н. А.* История. 392.26–27; «История иудейской войны». Т. 1. 448в.13–16.

фразах. Например, на «земец» (местных) и «пришельцев»¹⁰¹ или на подданных и сторонников того или иного царя, «Антигонович» – людей, преданных Антигону и «Иродович» – соответственно, Ироду¹⁰². Встречаются и фразы об «усобичной» или «внутрьней рати»¹⁰³, мятеже в городе¹⁰⁴, разделившемся на две, на три части¹⁰⁵.

Как видим, в переводных текстах «коллективные органы власти» предстают приблизительно такими, какими видим их в летописях. Приходится признать, что неопределенность и противоречивость – универсальные принципы изображения «людских» собраний. У древних хронистов нет еще потребности в строгом различении понятий и не разработана терминология. С другой стороны, так воплощался принцип репрезентативности, когда часть могла заменять целое. «Людые» или «все людие» – это и те несколько сотен, кто заседали в храме, и десятки тысяч, собиравшиеся на ипподроме. В летописях на все это наслаивалось еще и сочетание разнообразных древних образцов и копирование выражений, которые сами по себе могли быть далеки от ясности, но это уже, так сказать, дополнительные помехи интерпретации.

Древних книжников принципиально не интересует то, что интересует современного историка. Не принято уточнять состав участников собрания. Нет сведений о численности собравшихся, количество указывается только в том случае, если часть из них «избили» и «посекли» (и во многих случаях допустимо предполагать преувеличения). Общность «народа», «горожан», «людей» – сугубо условная. В одном и том же городе в одно и то же время может быть две группы «людей» (или даже «всех людей»), а «народ» или «гражаны» противопоставляются «мятежникам» – на самом

¹⁰¹ «Бысть внутрь мятеж лють. Земци бо исперва не изволиша заратитися... пришлещи же понудиша паче на брань. И гнѣвающимся гражаном между собою». *Меццерский Н. А. История.* 315.18–22; «История иудейской войны». Т. 1. 419а.22–30. См. также: *Меццерский Н. А. История.* 328.9–18; «История иудейской войны». Т. 1. 423г.17–35.

¹⁰² *Меццерский Н. А. История.* 194.31; «История иудейской войны». Т. 1. 358в.16–18. Ср. также после захвата Иерусалима «...цесарь же Ирод, испытавъ гражаны, елико их бысть въ приазнь ему, тѣх саном и дарми почести, а елико же Антигонович, уби я». *Меццерский Н. А. История.* 199.20–22; «История иудейской войны». Т. 1. 360в.38–40–360г.1–3.

¹⁰³ «Гражаном же сѣкущим между собою безпрестани, и тогда видѣвъ внѣшнюю рать, престаа от утряння (внутренняя) рати». *Меццерский Н. А. История.* 362.30–363.1; «История иудейской войны». Т. 1. 436в.40–436г.1–4.

¹⁰⁴ Например, во время восстания в Иерусалиме: «...и бысть по всѣм градомъ мятеж лють и усобица... и жажуеще рати, сѣчахуся с хотящими мира, и всякъ дом надвое дѣляшешя». *Меццерский Н. А. История.* 327.28–31; «История иудейской войны». Т. 1. 423в.34–40. Здесь же о делении на «уношей» и «стариих цѣломудриих». «Одолѣвахуть имь уноши... и уклонишася на разграбление земець». *Меццерский Н. А. История.* 328.2–4; «История иудейской войны». Т. 1. 423г.4–7.

¹⁰⁵ «И раздѣлися мятеж надвое, и биахуся между собою». *Меццерский Н. А. История.* 341.17; «История иудейской войны». Т. 1. 428г.14–16. «И раздѣлишася на три части. Ревнителю бо на гражаны воеваху, а на нѣх Симонь». *Меццерский Н. А. История.* 359.4–5; «История иудейской войны». Т. 1. 435б.28–435в.1–2. Когда Иоани захватил ревнителю, остался Симон, «...и мятеж градныи тричастно сыи, на двѣ части приста». *Меццерский Н. А. История.* 365.13–14; «История иудейской войны». Т. 1. 437в.13–15.

деле таким же «гражданам». Для нашей темы важно то, что переводные тексты четче, чем древнерусские, показывают, что наименование разных групп одними и теми же именами часто есть следствие смены рассказчиком оптики повествования. Из общности «людей», «народа», могли исключать несогласных, «мятежников», какую-либо партию, а затем вновь говорить о «народе» в общем, не предупреждая о столь существенных для современного исследователя различиях. Еще одна проблема, пока только обозначившаяся. Не исключено, летописцы воспринимали участие «людей» в каком-либо событии (избрании или встрече правителя, обсуждении военного предприятия) если не как обязательное, то как желательное условие, ориентируясь, к примеру, на нормативные описания царствования царя Давыда и его сына Соломона и некоторых византийских императоров. То есть даже функциональный набор действий «людей», быть может, также является одним из элементов подражания и моделирования.

Условное социальное, или Существовали ли вечевые собрания «бояр» и «черни»? Наиболее интересны сюжеты переводных памятников, в которых показан внутренний конфликт, раскол горожан. Летописи тоже содержат несколько подобных повествований, позволяющих понять условности нарративизации и, в известной мере, дающие освобождение от этих условностей. Если в большинстве известий древнерусского времени речь идет о совместных собраниях знатных и незнатных и это, видимо, следует рассматривать как норму, то здесь – так сказать, о неполных или отдельных вечевых собраниях. То есть о расколе по социальному признаку, о вечах «простой чади»/«черных людей» и «бояр». Встречаются такие известия в статьях конца XII–XIII в., а рассказы о прямом разделении знатных и незнатных на вече дошли из НПЛ за XIII в. Три годовые статьи этого свода, 1228, 1255 и 1259 г. содержат сообщения о собраниях «простой чади» или «менших» в Новгороде. В первом случае «простая чадь» противопоставлена «всему городу», но в двух последних известиях 1255 г. и 1259 г. одновременно речь идет об отдельных собраниях «вятших» или «бояр». Кроме того, «чернь» и «бояре» фигурируют в «Повести о взятии Царьграда фрягами», помещенной в той же НПЛ под 1204 г. Другие своды также содержат записи о собраниях «людей» и «бояр», но, как правило, записи имеют такую особенность: знатные и незнатные концентрируются в разных местах. По Лавр, в 1176–1177 г. «володимирци» и «перяславци» собираются во Владимире-на-Клязьме и Переяславле-Залесском, а «бояре» – в Ростове. По ГВЛ (в И под 1235 г.) «боляре и снузники», то есть конники, идут в поход с Ростиславом Михайловичем, а «людье градьстии» остаются в Галиче и принимают на княжение Данила Галицкого. Сюда же, возможно, следует отнести и сюжет 1215–1216 г. из НПЛ, где «вятские» входят на Торжке, а «меньшие» «новгородци» – в Новгороде.

Проблема собраний с неполным составом активно дискутировалась в исторических исследованиях, начиная со второй половины XIX в. Прежде всего, их рассматривали как одно из проявлений социальной

борьбы. В советское время они служили преимущественно для обоснования теории классовой борьбы¹⁰⁶. В других случаях описания раздельных собраний знатных и незнатных принимали за доказательство крайней нестабильности состава веча¹⁰⁷. Однажды же, наоборот, из упоминания «бояр» в Ростове и «людей» во Владимире-на-Клязьме был сделан вывод о жестких институциональных различиях, а именно о раздельном функционировании боярской думы и веча во Владимиро-Суздальской земле¹⁰⁸. Наконец, предпринимались попытки определить семантику обозначений. Как кажется, начало им положили различные интерпретации ответа Олега Святославича своим двоюродным братьям Святополку и Мономаху в 1096 г. На предложение прийти и заключить договор, «положити порядъ о Русьстѣи земли» «пред епископы и игумены и мужи отецъ и людьми градъскими» своевольный князь, как известно, отреагировал так: «Нѣсть мене лѣпо судити епископу ли игуменом ли смердом»¹⁰⁹. Согласно летописи, в совещании предполагалось участие княжих «мужей» (бояр), и буквальное прочтение данного фрагмента представляло определенные трудности. Уже А. Е. Пресняков писал, что не стоит принимать всерьез слова сурового князя¹¹⁰. Позднее В. Л. Янин и Ю. А. Лимонов определили пейоративную функцию некоторых подобных обозначений («смерды», «холопы-каменници», «худые мужики-вечники» и пр.)¹¹¹. М. Х. Алешковский и А. П. Толочко отмечали, что семантически нагружены и сюжеты, в которых фигурируют бояре. Чаще всего происками бояр, их «свьѣтами» (в основном «лихими») объясняли неблагоприятные поступки князя и его неудачи¹¹².

¹⁰⁶ См., например: *Ключевский В. О.* Сочинения в 9 т. Т. 1. С. 327–330; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. (1962). С. 137–138, 144–145, 148; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения. С. 271–272; *Черепнин Л. В.* Пути и формы политического развития. С. 46; *Алексеев Ю. Г.* «Черные люди». С. 247–250; *Подвигина Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории. С. 145; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 415; *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания. С. 257–258, 268, 273; *Хорошкевич А. Л.* Городские движения на Руси 2 пол. XIII – к. XVI в. // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 43; *Хорошкевич А. Л.* Монголы и Новгород в 50 гг. XIII в. (по данным берестяных грамот № 215 и 218) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 71; *Кривошеев Ю. В.* Социальная борьба и проблемы генезиса феодальных отношений // Вопросы истории. 1988. № 6. С. 58; *Андреев В. Ф.* Александр Невский и Новгород // Средневековая и Новая Россия. СПб., 1996. С. 250–251; *Дворниченко А. Ю.* Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1988. № 1. С. 63.

¹⁰⁷ См., например: *Костомаров Н. И.* Начало единой державы. С. 60; *Пацуто В. Т.* Черты политического строя. С. 33; *Свердлов М. Б.* Генезис и структура. С. 52.

¹⁰⁸ По мнению М. Ф. Владимировского-Буданова, вече находилось во Владимире, а дума – в Ростове. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории. С. 33, 54.

¹⁰⁹ 229–230Л.

¹¹⁰ *Пресняков А. Е.* Княжое право. С. 209. Напротив, Сергеевич и Владимирский-Буданов предполагали, что в 1096 г. в совещании и в самом деле принимали участие смерды.

¹¹¹ *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода – 50 лет. С. 117. *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь. С. 136–137.

¹¹² *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. С. 97; *Толочко О. П., Толочко П. П.* Київська Русь. С. 97–98.

Думается, поиски именно в этом последнем направлении предоставляют исследователю веер возможностей. Попытаемся рассмотреть с этой точки зрения сюжеты 1228, 1255, 1259 и 1177 гг. Для корректной интерпретации рассказов о «черных людях» и боярах необходимо определить их семантику. Однако, поскольку прочтение текстов в терминах социальной истории имеет длительную и устойчивую традицию, следует идти «от противного» и, прежде всего, показать, что появление в летописи социальных «низов» или «верхов» не может быть объяснено как прямое выражение существующей социальной практики.

В статье 1228 г. НПЛ описывает изгнание тогдашнего новгородского архиепископа Арсения, креатуры Ярослава Всеволодича.

«Оканьны дьяволь, испърва не хотяи добра роду человѣчю... въздвиже на Арсения, мужа кротка и смерена, крамолу велику, простую чадь. И створше вѣче на Ярославли дворе, и поидоша на владычьнъ дворь, рекуче: “Того дѣля стоить тепло дѣлго, выпровадилъ Антония владыку на Хутино, а самъ сѣль, давь мѣзду князю”, и акы злодѣя пѣхающе за воргь, выгнаша... А заутра вѣвѣдоша опять Антония архиепископа, и посадиша с нимъ два мужа: Якуна Моисѣвица, Микифора Щитник»¹¹³.

Далее рассказывается о том, как «взмятесе весь городъ» и конфликт с Арсением перерос в конфликт с самим суздальским князем. Новгородцы разграбили дворы сторонников Ярослава Всеволодича, в результате чего из Новгорода бежали княжичи Федор и Александр Ярославичи, а горожане пригласили на княжеский стол черниговского князя Михаила.

В традиционной интерпретации этого сообщения «простая чадь» отождествляется с простым народом, и делается вывод о восстании или хотя бы о выступлении беднейшей части новгородцев¹¹⁴. Поскольку «простую чадь» и «вѣтших» НПЛ в данном случае не противопоставляет, в тексте вообще отсутствуют упоминания «бояр» и «вѣтших», для подобного толкования подыскивали побочные доказательства. Подтверждение факту «народных волнений» видели в том, что вместе с архиепископом Антонием посадили «мужа» простого происхождения, Микифора Щитника¹¹⁵. Заявление новгородцев о плохой погоде и грядущем неурожае, как считается, также должно выражать интересы простого народа и указывает на главную причину недовольства¹¹⁶.

Точно неизвестно, можно ли считать Микифора ремесленником¹¹⁷. Но совершенно определенно, щитники не принадлежали к рядовым горожанам и к «угнетенным слоям», поскольку они занимали довольно высокое положение в обществе. В перечне убитых в битве с литвой из НПЛ

¹¹³ НЛ, с. 67.

¹¹⁴ См., например, о классовой и социальной борьбе в: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. (1962). С. 137–138; *Черепнин Л. В.* Пути и формы политического развития. С. 46.

¹¹⁵ Микифора Щитника обычно считают ремесленником. *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 146; *Алексеев Ю. Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова. С. 248; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. (1962). С. 137; *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. С. 457–458.

¹¹⁶ *Алексеев Ю. Г.* «Черные люди». С. 247; *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. С. 454–456.

«Гаврила Щитник» упоминается сразу после тысяцкого, перед «княжим децким». При этом известно, что в этом походе участвовали только «коньници», а «лодейников» князь отпустил обратно в Новгород, так как у них не хватило хлеба (что, опять же, означает, что под «лодейниками» подразумевались люди с небольшим достатком, а продолжали поход люди обеспеченные)¹¹⁸. Форма имени второго новгородца, посаженного вместе с владыкой Антонием, – «Якун Моисеевич» – свидетельствует, видимо, о знатности. Следовательно, и Якун, и Микифор принадлежали к верхушке Новгорода, и нет никаких оснований говорить о стремлении народа контролировать ситуацию с помощью своих представителей. Едва ли можно согласиться и с тем, что заявление о непогоде и неурожае следует считать выражением интересов исключительно простого народа. В НПЛ речь идет о предполагаемой взаимосвязи между непогодой и грехами Арсения¹¹⁹, то есть замечание о плохой погоде имеет «несоциальную» семантику. Стихийные и прочие бедствия (в летописи не делается различий между войной, бурей и неурожаем, для летописцев это явления одного порядка) считались одним из проявлений гнева Господня. Большинство летописцев вписывают стандартные сентенции: Господь покарал «нас за грехи наши», но зафиксированы и высказывания, отразившие убеждение в том, что земля страдает за грехи конкретного князя или духовного пастыря¹²⁰. Пассажи о грехах изобилуют церковно-книжной топиной, что, кстати, проявилось и в записи НПЛ за 1228 г.¹²¹ Это значит, что в уста «простой

¹¹⁷ В летописи щитники упоминаются всего 2 раза, оба в НПЛ. Кроме того, «щитников» знает Хроника Константина Манассии (перевод среднеболгарского периода). Во многих источниках, в том числе в летописях, встречаются «мечники» (как и в случае со «щитниками» у Манассии, именуются в виду не ремесленники, а должности при дворе). Об упоминаниях мечников и щитников в ГА и Хронике Константина Манассии см., например: *Станков Р.* Из наблюдений над лексикой древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола // *Slavia Orthodoxa. Език и култура. Сборник в честь на проф. Румяна Павлова.* София, 2003. С. 386–387.

¹¹⁸ «Лодьиници». НПЛ под 1234 г.; НИ, с. 73.

¹¹⁹ Ср. об этом: *Гунтуц А. А.* К истории сложения текста. С. 33.

¹²⁰ Подобную сентенцию о взаимосвязи несправедного поведения князя Святополка Изяславича и бед в земле находим в Киево-Печерском патерике. «Много насилия людемъ сътвори Святополкъ... без вины... сего ради попусти Господь поганым силу имѣти надъ нимъ, и быша брани многы... к сим же и усобица бысть... глад крѣпокъ и скудость велиа». См.: *Абрамович Д.* Киево-Печерский Патерик. С. 149. Под 1069 г. в ПВЛ об Изяславе Ярославиче: «Изяслав целовавъ крестъ и я и (схватил его, то есть Всеслава, переступив тем самым крестное целование. – Т. В.) тем же (из-за этого) наведе Богъ поганые»; 172Л. См. также под 6676/1169 г.: по Лавр, разгром Киева «...здѣяся за грѣхы ихъ (киевлян. – Т. В.), паче же за митрополичью неправду»; 354Л. В ПВЛ, под 1074 г.: Киево-Печерский монастырь «прибывает» – Феодосий угодил Богу, оскудевает – не угодил; 187Л. Лавр, 1177 г.: праведной земле Бог поставляет праведного князя и наоборот, и, если князя правдивы, много грехов отдаётся земле; 381Л. В последнем случае имеем дело с заимствованием фрагмента паримейных чтений о св. Борисе и Глебе, см.: *Абрамович Д. И.* Жития св. мучеников Бориса и Глеба. С. 119.

¹²¹ Кстати сказать, описание вмешательства горожан в церковные дела могло строиться по образцу некоторых житий, например, Жития Иоанна Златоуста (славянский перевод – школы Иоанна Экзарха Болгарского), где ситуация иная, но картины в чем-то подобны. Когда Иоанна хотели перевести из Антиохии и поставить архиепископом

чади» вкладывались речи, отражающие не только и не столько понятия «народа», сколько самого составителя владычного свода. Помимо всего прочего, здесь специфические интересы простой чади, как таковые, отсутствуют. Как простая чадь, так и «весь городъ» в НПЛ выступают солидарно против сторонников Ярослава Всеволодича: епископа Арсения, софьян, тысяцкого. В конечном итоге новгородцы выбирают нового тысяцкого¹²² и посылают за новым, черниговским князем. В таком прочтении конфликт приобретает явственно политическую, а не социальную окраску. В скобках, имеется еще одна возможность истолкования выражения «простая чадь», как кажется, никогда ранее не обсуждавшаяся. Не исключено, что это наименование «простецов», то есть нецерковников¹²³; такое словоупотребление прослеживается во многих ранних текстах¹²⁴. Подобная интерпретация тем более вероятна, что новгородцы вмешались в церковный конфликт и были задеты интересы «софьян» – клириков и клиентов Софии Новгородской.

Столь же непросто оказывается следующее известие НПЛ 1255 г.¹²⁵ Вся статья этого года посвящена конфликту новгородцев с Александром Ярославичем (Александром Невским). В начале, казалось бы, задано строго дихотомическое деление новгородцев на «менших» и «вятших». Из изложения следует, что после изгнания сына князь Александр «поиде ратью к Новугороду», а меньшие собрали вече на Ярославовом дворе, у собора Св. Николы, и решили не выдавать свою

Константинополя, «...гражане же антиохисции, разоумѣвше виноу (причину прихода посланников императора. – *Т. В.*)... събрашеся вси выкоупѣ въ церковь, ропшуще и выплюще на цара и на патриарха... ни примааху от него (патриарха) словесе, нь наивеще выпляху... сыи (гражане) же паче начеше выпити, и хотѣху разбити дворы епископии, и изъмчати блаженнаго Иоана от епископые... не отступаху от церкви, нь округь ее съдеще, блодѣху исхода ею». См.: *Hansack E.* Die Vita des Johannes Chrysostomos. S. 208–212. Новгородские книжники, возможно, были знакомы с этим Житием. Ссылка на подобие жизненного пути епископа Митрофана «Иоанну Златоустью» имеется в статье 6719 (1211) г.; НІ, с. 52.

¹²² Б. Н. Флоря считает, что смена восставшими тысяцкого затрагивала интересы прежде всего «простой чади», «рядовых членов сотен». *Флоря Б. Н.* «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII–XIII вв. // *Средневековая Русь*. М., 2006. Вып. 6. С. 74–75. Однако избрание тысяцких в Новгороде фиксируется лишь с начала XIII в., и по-видимому, ситуация была аналогичной той, которая сложилась с избраниями посадников в XII в., когда достаточно длительный период могли проходить, так сказать, княжеские кандидатуры. До начала XIII в. должность тысяцкого, по-видимому, в известном смысле дублировала должность посадника, но представляла княжескую сторону (позднее, когда и тысяцкий стал однозначно новгородским, подобную функцию стали исполнять наместники). Поэтому вывод о «рядовых членах сотен» представляется несколько преждевременным.

¹²³ По мнению Б. Н. Флоры, «простая чадь» – это «во всяком случае не принадлежавшие к боярству» жители Новгорода. *Флоря Б. Н.* «Сотни» и «купцы» в Новгороде. С. 74. Возможность противопоставления «простая чадь» – «церковники» не рассматривается.

¹²⁴ См., например: *Срезневский И. И.* Материалы. Т. 2. Стб. 1586–1587.

¹²⁵ Обычно рассматривают как свидетельство открытого раскола и социальной борьбы в Новгороде. См., например: *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания. С. 268; *Алексеев Ю. Г.* «Черные люди». С. 249; *Хорошкевич А. Л.* Городские движения на Руси. С. 43; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. (1962). С. 144; *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 61, 86.

братью и стоять до конца «за правду новгородскую». Приблизительно в это же время вявшие совещались, как бы им ввести князя в город на своих условиях, а затем под предводительством Михалка Степановича бежали к Юрьеву монастырю. При этом вявшие как бы изымаются из общности новгородцев (сказано, что они хотели «уразити нашу сторону») – черта, с которой уже приходилось сталкиваться в славянских текстах¹²⁶. Далее повествование запутывается: уже «черные люди» (те же «меньшие»?) «мысль злу свѣщаша» и хотели договориться с Михалком и схватить действующего посадника Онанью¹²⁷. Напоследок же приводится деталь, по сути перечеркивающая всю схему летописца. А именно, на очередном вече беглецы-вявшие названы «крестопереступниками». Что означает, что «вятские» также целовали св. Богородицу и в начале сюжета речь шла обо всех новгородцах, а не об одних только меньших. Ср.:

«И рекоша меншии у святого Николы на вѣчи: “Братье, ци како речеть князь: выдаите мои ворогы”, и цѣловаша святую Богородицю меншии, како стати вѣмъ любо животь, любо смерть за правду новгородскую, за свою отчину. И бысть въ вятшихъ свѣтъ золь, како побѣти меншии, а князя въвести на своей воли. И побѣжа Михалко из города къ святому Георгию, како было ему своимъ полкомъ уразити нашу сторону и измасти люди. Увѣдавъ Онанья, хотя ему добра, посла по немь втаинѣ Якуна; и увѣдавшѣ черныи люди, погнаша по немь, и хотѣша на дворь его, и не да Онанья: “Братье, аже того убиете, убиите мене переже”; не вѣдяше бо, аже о немь мысль злу свѣщаша самого яти, а посадничество дати Михалку. И присла князь Бориса на вѣче: “Выдаите ми Онанью посадника, или не выдадите, язъ вамъ не князь, иду на городь ратью”. И послаша новгородци къ князю... и не послуша князь молбы... И рекоша новгородци: “Аже братье, князь нашъ тако сдумаль с нашими крестопереступники, оно имь Богъ и святая Софья, а князь безъ грѣха”»¹²⁸.

¹²⁶ См. выше, об изображении внутренних конфликтов в «Истории иудейской войны»; некоторые аналогии приведены также в первой главе. В. Л. Янин предполагал, что под «нашей» подразумевается Торговая сторона, но, скорее, в данном контексте говорится о новгородской стороне в целом (ср. далее: «стоя весь полкъ... за свою правду»). Ученый высказал гипотезу, согласно которой авторами статей 1255 и 1259 гг. были разные люди, однако смены стиля, оценок и т. п. указанный период не наблюдается. См.: *Гунтуц А. А.* К истории сложения текста. С. 10. В 1257 г. летописец припоминает историю 1255 г. и осуждает Михалка. В этой же статье, являющейся своеобразной прелюдией к повествованию 1259 г., описывается доблестный отказ новгородцев от «числа».

¹²⁷ Многие неувязки и противоречия данного текста были выявлены В. Л. Яниным. Ученый отмечал, что речь должна идти не только о борьбе меньших и вявших, но и о противоборстве представителей Торговой и Софийской сторон и партий посадника Онаньи и Михалка Степановича. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. (1962). С. 144–145. Заметил он и то обстоятельство, что позиции и действия «меньших» и «черных людей» не вполне совпадают. Ему возражал Ю. Г. Алексеев. См.: *Алексеев Ю. Г.* «Черные люди». С. 250.

¹²⁸ Н1, с. 80–81.

Иногда предполагают, что «вятские» целовали крест, а «меньшие» отдельно – икону Богородицы¹²⁹. Но нет данных о том, что две эти клятвы должны были разграничиваться. По моим наблюдениям, слово «кресто-переступники» образовано от устойчивого выражения «преступить крестное цѣлование» или «переступить крестъ» и означало вообще людей, нарушивших клятву, понятия «преступити икону» не существовало¹³⁰. Кроме того, если принять предположение о двух обрядах уряжения, приходится допускать не отраженное в летописи совместное собрание меньших и вятских с «целованием креста», что еще более запутает сюжет. Нелишне припомнить и то, что объем понятий «меньшие» и «вятские» неясен, но буквальная интерпретация едва ли позволительна. В начале статьи 1255 г. сказано, что «меньшие» заседали на вече в центре Новгорода, у Никольского собора на Ярославовом дворище, в то время как «пешцы» и «полкъ» новгородцев стояли на окраинах города¹³¹. Все это убеждает в том, что необходимо искать какой-то иной код для прочтения.

В другой статье НПЛ, 1259 г., также повествуется о серьезном конфликте в Новгороде. Татары потребовали «числа», то есть дани и переписи и люди «издвоишася... вятские велят ся яти меншимъ по числу» (разделились надвое, вятские велели меньшим подчиниться переписи)¹³². Несколько дней продолжался «супоръ», чуть было не дошло до кровопролития, однако в конце концов дело уладилось. Злые замыслы были разрушены «силой Христовой», все начали собираться у св. Софии, на вече с Городища прибыл князь Александр Ярославич и татары. Новгородцы сдались и обязались провести разверстку дани («яшася по число»). На протяжении рассказа летописец несколько раз упоминает «вятских» и «меньших», «чернь» и «бояр», тем не менее тщетно было бы искать в тексте НПЛ отчетливых указаний на то, как в социальном плане отличались эти две группы. Ясны только моральные оценки – обе стороны хронист называет также «добрыми» и «злыми»¹³³. Привлекает внимание план атаки Новгорода, приписываемый «злым», то есть вятским:

«И умыслиша свѣтъ золь, како ударити на городъ на ону сторону, а друзии озеромъ на сю сторону, и възбрани имъ видимо сила Христова, и не смѣша»¹³⁴.

¹²⁹ П. В. Лукин, устное сообщение.

¹³⁰ Само слово «крестопреступники» встречается только в НПЛ в двух статьях 1255 и 1268 гг. При этом в статье 1253 г. еще отмечено «оканьнии преступници правды», а под 1268 г. помещено извлечение из «Слова о казнях Божьих» («друг друга крестъ цѣлююще и пакы преступающе... иже бо крестъ преступають, то и сдѣ казнь приимають...»); НЛ, с. 87. Принадлежит все это одному летописцу. Как можно предполагать, «крестопреступники» – новообразование, созданное им под влиянием «Слова о казнях Божьих».

¹³¹ «И поставиша новгородци полкъ за Рожествомъ Христовомъ в конци; а что пѣшца, а ти стаха от святого Ильи противу Городища. И рекоша меншии у святого Николы...»; НЛ, с. 80–81.

¹³² «Число» – перепись населения для распределения податей; НЛ, с. 82.

¹³³ Такие оценки В. Л. Янин объяснял тем, что летописец, хотя и проживал на Софийской стороне, не мог не сочувствовать «меншим». Янин В. Л. Новгородские посадники. (1962). С. 148. А. Л. Хорошкевич считает, что одна из двух партий бояр поддерживала «чернь». Хорошкевич А. Л. Монголы и Новгород. С. 70–71.

¹³⁴ НЛ, с. 82.

Так ударить – на обе стороны Новгорода, и Торговую, и Софийскую, – можно было извне, с Городища, где как раз и остановился князь Александр Невский с татарами¹³⁵. Нетрудно также заметить, что позиции «злых вятших» и князя совпадают: посольства о татарской десятина приходили в Новгород «из Руси», «из Низу»; татары приезжали с Александром в 1257 г. и в 1259 г., и князь неизменно охранял и всячески поддерживал их. Летописец старается этого не афишировать, не сообщая, например, прямо о том, что татары приехали в 1259 г. вместе с Александром, но все же проговаривается о приказе князя стеречь татар. Лишь в завершающей сцене он пишет вполне откровенно: «Съѣха князь с Городища, и оканьней татарове с нимь».

«Супорь» считают одним из ярких примеров разделения вятших и меньших, а положение о социальном конфликте 1259 г. в Новгороде в исторической литературе считается доказанным¹³⁶. Насколько мне известно, никогда не предпринималось попыток объяснить сообщение о «лихих» намерениях атаковать Новгород с двух сторон. Не придается значения тому, что «злые съвѣтники» «вятшие» собирались напасть на город извне, а их позиция совпала с княжеской¹³⁷. Наоборот, противоречие, ставящее под вопрос возможность сугубо внутреннего разделения новгородцев, устраняется¹³⁸, а завершение истории, когда новгородцы собирались у св. Софии, истолковывается как продолжение конфликта. В контексте же летописи это тот момент, когда рознь закончилась и, как говорится в других подобных случаях, «снидошася братия единокупно»¹³⁹. Противопоставление «доб-

¹³⁵ А. Л. Хорошевич пишет о том, что новгородцы под угрозой нападения «...перебирались на Софийскую сторону и готовились к ее защите». Однако в летописи указано, что они собирались на Софийской стороне для крестоцелования, а нападению готовилось до этого, притом на обе стороны. *Хорошевич А. Л.* Монголы и Новгород. С. 70–71.

¹³⁶ См., например: *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания. С. 271–274; *Янин В. Л.* Новгородские посадники (1962). С. 148; *Андреев В. Ф.* Александр Невский и Новгород. С. 250–251; *Подвигина Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории. С. 148.

¹³⁷ В советское время историки были вынуждены толковать поступки признанного героем Александра Невского строго определенным образом и пытались завуалировать сотрудничество князя с татарами. М. Н. Тихомиров, например, писал о «громадном авторитете Александра», вынудившем новгородцев согласиться на перепись. *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания. С. 274. Попытки пересмотреть оценку способа действий князя Александра Ярославича появились лишь в постсоветское время, см., например: *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). Курс лекций. М., 2000. С. 209–216.

¹³⁸ В. Л. Янин писал о враждебных намерениях исключительно князя (а не князя вместе с вятчими): «Князь и баскаки съезжают с Городища, угрожая Новгороду войной». *Янин В. Л.* Новгородские посадники. (1962). С. 148. М. Н. Тихомиров, а за ним А. Л. Хорошевич отказались от определения источника агрессии: *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания. С. 273; *Хорошевич А. Л.* Монголы и Новгород. С. 71. См. также: *Хорошевич А. Л.* Городские движения. С. 43; *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999. С. 179–190.

¹³⁹ Хотя, как уже отмечалось, изложение НПЛ противоречиво. Составитель этой статьи попытался изобразить очевидное поражение новгородцев как победу, инспирированную святым духом, что отнюдь не способствует прояснению смысла текста. В данном

рых» и «злых», соответствующее дихотомии меньших и вявших, иногда расценивается не как оценочное утверждение, а как еще одно проявление социальных градаций. В. Л. Янин утверждает о существовании «совета зельных» (то есть больших, значительных людей), предлагая конъектуру «зълъ» к летописному «совѣтъ золь»¹⁴⁰, несмотря на достаточно прозрачное прочтение и неоднократные повторы: «И умыслиша свѣтъ золь, како ударити на городъ... и злыхъ свѣтомъ яшася по число; творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло». «Совѣтъ зълъ» нигде более не встречается, в то время как «совѣтъ золь» – весьма типично как для летописи, так и для литературы церковно-книжного круга¹⁴¹. А. Л. Хорошкевич пишет о «добрых людях» как представителях одной из партий бояр¹⁴². Выражение «добрые люди» действительно употребляется для обозначения социальной группы, имеющей высокий социальный статус, однако в данной статье НПЛ «добрые» – одно из обозначений «черни», тогда как замышлявшие «злой совет» идентифицируются с «вятшими»¹⁴³:

случае пишет о том, что у Софии собрались, чтобы «сложить головы за св. Софию», и тут же сообщает о подчинении требованиям князя и татар. И все же это момент разрешения конфликта. Кроме отмеченных уже неточностей следует назвать те, что вызваны грамматическими вариациями и несогласованиями. Например, о татарах говорится попеременно то в единственном, то во множественном числе. «Приѣхаша оканьнии татарове... и нача оканьнии боятися смерти, рече Олександрю: даи намъ сторожи... И хотѣ оканьнии побѣжати, гонимъ святымъ духомъ». Возможно, противоречивость связана с тем, что речь идет и о татарах, и о главе татарского посольства. Хотя не исключено заимствование стандартных конструкций из какого-нибудь текста об изгнании «оканьного» беса (ср. «гонимъ святымъ духомъ»).

¹⁴⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники. (1962). С. 148.

¹⁴¹ Как отметил Я. С. Лурье, в Софийской I и некоторых других летописях в этом месте поздние редакторы «совѣтъ золь» заменили на антиномичное «совѣтъ благъ». *Лурье Я. С. К изучению летописной традиции об Александре Невском // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 394–395. О выражении «совѣтъ золь» также: Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова. С. 250.*

¹⁴² Хорошкевич А. Л. Монголы и Новгород. С. 71.

¹⁴³ Правда, однажды проявилось сочувствие к «боярам». Основной текст, где «вятские» представлены злыми советниками, вынуждающими чернь принять число, дополнен следующим пассажем: «Навелъ Богъ за грѣхы наша звѣри дивия ясти сильныхъ плъти и пити кровь боярьскую»; НI, с. 83. Сентенция резко расходится со всем предыдущим изложением. По-видимому, это объясняется тем, что здесь использована цитата из Откровения Мефодия Патарского. Ср., по разным спискам Откровения: «Да ясте плъти сильныхъ и пиете кръвы и сильныхъ и болгарьский»; «Да ясте плъти сильныхъ и пиете кръви болгарьские»; «Изъядятъ плоть сильныхъ, испив кровь болгарскую». *Истрин В. М. Откровение Мефодия. С. 93; Тъпкова-Займова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 168; Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. Памятники древнерусской мысли. Исследования и тексты. СПб., 1999. Вып. 1. С. 667. См. также о заимствованиях из Откровения в ПВЛ: Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники. С. 92–103. Ученый, в частности, отметил, что текст, использованный в ПВЛ, иногда сближается не с древним (1-м), а со 2-м славянским переводом (XIII–XIV вв.) и даже с интерполированной редакцией Откровения, возникновение которой датируют XV в., и предположил существование некоей древнейшей редакции, отраженной в ПВЛ. Там же. С. 93–94, 98–100.*

Появление пассажа о боярах в НПЛ под 1259 г., видимо, вызвано тем, что летописец заимствовал высказывание из Откровения для нагнетания апокалиптического тона, ведь

«И чернь не хотеша дати числа, но рѣша: умремъ честно за свягую Софью и за дома ангельскыя. Тогда издвоишася люди: кто добрых, тот по святой Софьи и по правои вѣрѣ, и створиша супорь: вятшии велят ся яти меншимъ по числу»¹⁴⁴.

Не поддаются однозначной интерпретации и статьи Лаврентьевской летописи 1176–1177 г. Противоборство Михалка и Всеволода Юрьевичей с их племянниками Ростиславичами после смерти Андрея Боголюбского – пожалуй, самый известный случай разделения «бояр» и «людей»¹⁴⁵. Однозначных указаний на неполный состав вечевого собрания, как это было в статьях НПЛ середины XIII в., нет, но всячески подчеркивается влияние бояр. Летописец утверждает, что то или иное сделали или говорили «ростовци и боляре»; «... а сама князя (Ростиславичи. – Т. В.) молода бяста, слушая бояр... а боляре князю тою держахуся креп-

у Мефодия Патарского речь идет о нашествиях «нечистых язык». При этом он не озаботился согласованием с предыдущим изложением. И. Н. Данилевский высказал интересное предположение, что в данном пассаже прямая цитата из Книги прор. Иезекииля, где читается, в Синодальном переводе: «Мясо мужей сильных будете есть, и будете пить кровь князей земли». См.: *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). С. 213–215. В Откровении имеется прямая ссылка на Иезекииля, однако обязательно ли соотносили читатели эти тексты и обращались ли книжники «к первоисточникам», неясно. Порой они путались и при отсылке к куда более распространенным цитатам. Например, один из составителей Киевского свода смешал апостольские послания Петра и Павла (ср. 574И: «Якоже Павелъ глаголеть...»), а далее цитируется 1 Петр.5.5), и это при том, что большая часть текста Апостола прочитывалась во время службы. Надо сказать, текст НПЛ все же ближе не к прямой цитате из Иезекииля, а к Откровению Мефодия Патарского. Кроме того, именно в 1259 г. слово «боляре» повторно появляется в НПЛ после длительного перерыва (см. первую главу). Думается, новгородским летописцем было использовано именно Откровение, где имеются слова «боляре» и «болярскыи».

¹⁴⁴ НИ, с. 82.

¹⁴⁵ Тексты Лаврентьевского свода, в котором союзниками Михалка и Всеволода выступают «владимирцы» и «перяславцы», а Ростиславичей поддерживают ростовские бояре или «ростовцы и боляре», в XIX и начале XX в. прочитывались буквально. См.: *Соловьев С. М.* История России. Т. 2. С. 253; *Сергеевич В. И.* Вече и князь. С. 64–65; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 24; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории. С. 33, 54; *Костомаров Н. И.* Начало единодержавия. С. 63–64; *Пресняков А. Е.* Княжое право. С. 252. В. О. Ключевский писал о классовой борьбе в Суздальской земле («нижнее население против аристократии», «классовая борьба»), вкладывая в понятие «класс» содержание, несколько отличное от того, какое было принято позднейшими исследователями. *Ключевский В. О.* Сочинения в 9 т. Т. 1. С. 327–330. Советские историки поддержали мнение о социальном членении и социальных конфликтах в Северо-Восточной Руси. *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 415; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения. С. 271–272. Часть исследователей ситуацию 1176–1177 гг. оценивают в рамках противостояния владимирской и ростовской «городских общин» в целом, со смешанным составом в каждой. *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь. С. 102–103; *Кривошеев Ю. В.* Социальная борьба. С. 58; *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. С. 664, 668. Однако при таком истолковании теряется смысл летописных сообщений, а неоднократные упоминания бояр превращаются в загадочный феномен. Ю. А. Лимонов предложил считать некоторые социальные наименования средствами полемической риторики, но противопоставление «бояре» – «владимирцы», подкрепленное на разных уровнях («старейшие» – «люди мезинные», «старшая дружина» – «младшая») осталось у исследователя без объяснения. *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь. С. 136–137.

ко»; князя привели «ростовци и боляре» и т. д.¹⁴⁶ Речь идет преимущественно о «боярах» и «людях» двух разных городов, Владимира и Ростова¹⁴⁷. «Володимирцы» (а также «перяславцы») не названы «чернью» или «меншими», но поведение и оценки ростовских бояр, с одной стороны, и «володимирцев» («перяславцев»), с другой, – противоположны, что весьма напоминает рассмотренные выше статьи НПЛ. Согласно Лавр, в борьбе Михалка и Всеволода Юрьевичей с Ростиславичами «боляре» являются неизменными союзниками Ростиславичей, провоцирующими их на всяческие злодеяния. В то же время володимирцы и перяславцы столь же неизменно поддерживают Михалка и Всеволода Юрьевичей, демонстрируя максимум лояльности и добродетелей и следуя «правде Божьей»¹⁴⁸. Речь, разумеется, идет о стратегии изложения, а не (да простится мне этот трюизм) о реальном положении вещей. Привязка социальных групп к определенным князьям, сама по себе несколько сомнительная, иногда дает сбой. Так, из некоторых обмолвок можно сделать вывод, что среди летописных «володимирцев» также были бояре. Описывая нападение на Владимирскую землю в 1177 г., летописец записал: «Глѣбъ пожъже... села боярския». Далее, на володимирское вече пришли «бояре и вельможи и до купецъ» (так РА, в Л «людье и бояре»). В одном случае детально перечислен состав войска: «...с володимерци, и с дружиною своею, и что бяше бояр осталось у него»¹⁴⁹. Литературной фикцией оказывается и единение «ростовцев» и «боляр», на котором настаивает летописец. В начале повествования читаем, что Ростиславичи «роздаяла бяста по городом посадничьство русьским дѣцким»¹⁵⁰. Как следствие, в среде ростовских бояр должен был появиться весьма со-

¹⁴⁶ 375Л. Ср. также: «Онъ же (Мстислав Ростиславич. – Т. В.) послушавъ рѣчи ростовское и болярское величавы будуще... молвахуть бо ему: “Аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы?”»; 381Л. После жалоб володимирцев на Ростиславичей специально отмечено, что ростовцы не захотели помочь именно потому, что «боляре князю тою держатся крѣпко»; 375Л. Боярская правда противопоставлена правде Божьей: «И вси боляре хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды Божья»; 378Л.

¹⁴⁷ В нескольких случаях летописец говорит о «ростовцах и суздальцах» в целом, разделяя их теми же качествами, какими он характеризует бояр. См.: 378Л, 382Л, 385Л. Лишь в одном случае «ростовцы» попытались отгородиться от ростовских «боляр»: «Мы княже, на полку томъ со Мстиславомъ не были, но были с нимъ боляре»; 378Л.

¹⁴⁸ На противопоставлении «правды ростовцев и бояр» и «правды Божьей (и володимирцев)» Л. В. Черепнин сделал вывод о «боярской Правде» и «Правде граждан», предполагая, что слово «Правда» использовано в значении ‘свод законов’. *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения. С. 270–272. На самом деле здесь в летописи цитата из Апостола, Рим.10.3: «Не свѣдуше Божие правды, и свою правду имуще поставити». Матичин Апостол. Л. 70v. О том, что Л. В. Черепнин произвольно истолковал известия летописей, предполагая вслед за каждым серьезным народным возмущением «правовую реформу» см., например: *Гринев Н. Н.* Краткая редакция «Русской Правды» как источник по истории Новгорода XI в. // НИС. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 20–42. Заключение Л. В. Черепнина о «правовых реформах» продолжает оказывать влияние на исследователей. См., например: *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия. С. 211.

¹⁴⁹ Ср.: 376Л; 380–381Л. Пытаясь согласовать летописные показания, обычно акцент ставят на том, что у Всеволода осталось «совсем немного бояр».

¹⁵⁰ Л «дѣдьцким», РА «децким»; 374Л.

лидный элемент пришлых, что ставит под вопрос как утверждение о единой политике внутри боярского сословия, так и о полной гармонии интересов «ростовцев» и «бояр».

Аналогичные конструкции находим в тексте ГВЛ (Ипат под 1235 г.) и НПЛ под 1215–1216 гг. По ГВЛ, князь Ростислав Михайлович идет в поход на литву со всеми боярами и конниками, а Данило Галицкий, воспользовавшись моментом, в это время входит в Галич. Казалось бы, при отсутствии всех бояр и конников в городе должны оставаться только простые «граждане». Тем не менее, специально оговаривается, что Данилу неискреннюю приязнь проявили «дворский» и епископ, попытавшиеся было «удержать град», но не сумевшие¹⁵¹. Соответственно, в городе все же присутствовала какая-то часть знати. Несколько иначе построено повествование НПЛ 1215 г. Этот сюжет, как правило, не затрагивается в связи с темой социального разделения¹⁵². «Вятские» и «меньшие» упоминаются летописцем на фоне острого политического конфликта: за это время в Новгороде дважды сменился князь, ушел смоленский Мстислав Мстиславич и новгородцы пригласили суздальского Ярослава Всеволодича, затем Ярослав удалился на Торжок, и в Новгород вернулся Мстислав. Согласно НПЛ, князь Ярослав «... новгородце съзва на поле за Тържькъ... вси мужи и гостьбници (кушцов. – Т. В.), измавъ я вся (схватил их всех)... а бяше всѣх новгородьць боле 2000». Эти свыше 2000 «изыманных» далее названы «вячьшими»¹⁵³. Цифра поражает воображение, особенно если учесть, что в Новгороде всего было немногим более четырех тысяч дворов. После чего в войске у Ярослава все же оказываются неизвестно откуда взявшиеся новгородцы¹⁵⁴, что не стыкуется с пассажем об «изымании» всех их на Торжке. В Новгороде тем временем вроде бы остались одни «меньшие»¹⁵⁵, хотя под следующим 1216 г. в повествовании о начале похода Мстислава в Суздальскую землю от князя бежали к Ярославу люди с «вичами», то есть, видимо, знатные¹⁵⁶. Наконец, в горестных восклицаниях летописца по поводу битвы на Липице обнаруживается, что в столкновении с обеих сторон участвовали жители Новгорода:

¹⁵¹ «Пискупу же Артѣмью и дворьскому Григорью възбраняюшу ему, узрѣвшима же има, яко не можета удеръжати града... рѣста же с нужно: “Приди, княже Данило, прими градъ”»; 777–778И.

¹⁵² Например, В. Л. Янин пишет только о боярском союзе всех новгородских группировок. Янин В. Л. Новгородские посадники. (1962). С. 127; (2003). С. 185.

¹⁵³ «...ано тамо измано вячьшие мужи, а мньшее они ризидошася, а иное помърло голодомъ»; НІ, с. 55.

¹⁵⁴ «Ярославъ же поиде съ Торожку, поймавъ старенише мужи съ собою новгородьстии, и молодыхъ изборомъ, а новотържьци вси»; НІ, с. 55.

¹⁵⁵ Ср. выше, а также слова Мстислава к «останку» новгородцев: «А и въ мнозь Богъ, и въ малъ Богъ и правда».

¹⁵⁶ «Побѣгоша къ Ярославу прѣступници кресту. Человали бо бяху хрестъ честьнии къ Мъстиславу съ всѣми новгородци, яко всѣмъ одинакъмъ бытии, Володиславъ Завидиць, Гаврила Игоревиць, Георги Ольксиниць, Гаврильць Милятиниць, и съ женами и съ дѣтьми»; НІ, с. 55. Вообще, формы патронима на «-ич» не свидетельствуют однозначно о знатности, ср.: Истрин В. М. Книги временья и образныя. Т. 2. С. 282–283. Но в данном случае, похоже, речь все же идет не о сирых и убогих.

«Оле страшно чудо и дивно, братье: поидоша сынове на отца, братъ на брата, рабъ на господина, господинъ на рабъ»¹⁵⁷.

Сюжеты Лавр 1176–1177 гг., НПЛ 1215–1216 гг. и ГВЛ 1235 г. во многом подобны. Бояре («вятские») и «люди» локализируются в удаленных одно от другого местах, в чем существенное отличие от рассказов НПЛ 1255 и 1259 гг. Кроме того, «боярам» противопоставлены горожане в целом («володимирци», «людье градьстии») ¹⁵⁸. Неполный аналог находим у Амартола, где после побега «бояре» царя нарекает на царство все «множество людии»¹⁵⁹. Схема, вполне аналогичная примененной в статьях НПЛ 1255 и 1259 гг., еще раз встречается лишь в «Повести о взятии Царьграда фрягами» из той же НПЛ (1204 г.). Здесь, напоминая, сюжет разворачивается вокруг внутридинастийного конфликта греческих императоров из династии Ангелов, осложненного вмешательством внешней силы – крестоносцев. Схематично он выглядит так. Алексей III Ангел ослепил своего брата Исаака, но сына Исаака, Алексея IV (летописного «Исаковича»), держал на свободе. Тому удалось бежать из Константинополя, и он привел под стены города крестоносцев, «фрягов». Алексей III бежал, и царство перешло к Исааку и его сыну. «Фряги» после воцарения Исаака из-под стен города не ушли, осада Константинополя продолжалась, во время осады умер Исаак, люди собрались для избрания на царство новых претендентов и выбрали «Николу воина». Но вскоре благодаря знати на трон взошел некий Мурцуфл («Мюрчюфль»), Никола был схвачен, «Исакович» отравлен, и наконец крестоносцы взяли и разграбили город. «Социальный конфликт» разворачивается как раз после смерти Исаака, в период междоусобицы в Константинополе. Сказано, что «...чернь волочаху добрые мужи» для избрания нового царя, далее в НПЛ то же самое собрание названо «всеми людьми»¹⁶⁰. Заседала «чернь» в Великой церкви – константинопольской Софии, «бояре» же в эти дни находились «с Исаковичем» во Влахернском дворце. Позже они схватили молодого царя и уморили его, избранника народа Николу заточили в тюрьму и поддержали Мурцуфла. В финальных сценах взятия города «бояре» предали уже и Мурцуфла, то есть они ответственны практически за все зло в городе. Очерченная летописцем схема социального конфликта вызывает сомнения, как из-за внутренних противоречий, так и из-за расхождений с «Историей» Никиты Хониата, описывающей те же события. К примеру,

¹⁵⁷ По-видимому, в процессе редактирования НПЛ была разработана именно тема «изымания» новгородцев. В этом сюжете НПЛ оцениваются только оставшиеся в Новгороде, один раз названные «меньшими», и оцениваются положительно. Конфликт затушевывается, а вящие, благодаря такому сюжетному ходу, как «изымание», представлены как жертвы Ярослава.

¹⁵⁸ В одном пассаже НПЛ говорится о «менших»: «...а мньшее они розидошася, а иное помьрло голодомъ»; НІ, с. 55. В остальном также речь идет о «новгородцах» в целом.

¹⁵⁹ См. выше, ГА 382.27–383.3; 431.2–5; 407.20–408.2.

¹⁶⁰ НІ, с. 47.

Хониат пишет о том, что в Софии совещалась не «чернь», а состоялось «чрезвычайно огромное собрание», куда «заставили явиться сенат, собор архиереев и прочее духовенство»¹⁶¹. Во дворце не было отдельного заседания всех «бояр», а был заговор Дуки Мурцуфла и т. д.

Вообще, условность социальных категорий в текстах демонстрируют не только внутренние противоречия, но и параллельные источники, если таковые имеются. Попробуем уточнить интенции летописцев, проивившиеся в приведенных выше сюжетах, используя параллельные известия к сообщениям 1176–1177, 1204, 1255 и 1259 г.

При их сравнении обнаруживается, что социальная терминология занимала подчиненное положение в политической риторике. Основной же задачей книжников было освещение деятельности правителей. В этом смысле показательны содержательные смещения в Лаврентьевской статье 6766 г. и НПЛ 6767/1259 г., повествующих о татарском «числе» и «численниках» в Новгороде. Освещается это событие диаметрально противоположным образом. В Лавр сообщение отстраненное и нейтральное, «число» предстает как совместное предприятие татар и трех князей Владимиро-Суздальской земли. Активность новгородцев проявляется только в том, что они «чтят» своего сюзерена, а все решает Александр Ярославич, окруженный по этой версии всеобщей любовью:

«Тое же зимы приехаша численици в Володимерь, и поидоша численици и князя к Новгороду Великому, Александръ, Андрѣи, Борисъ, ищтоша и поехаша опять в Володимерь. Александра же удержаша ноугородци и чтиша и много. Олександръ же давъ имъ рядъ и поеха с честью въ свою отчину»¹⁶².

НПЛ расставляет акценты совершенно иначе. Новгородский летописец в центр описания ставит конфликт внутри города из-за введения переписи и нагромождает оценки, не стесняясь выразить отрицательное отношение к татарам-численникам, так же как и к тем, кто принуждал принять дань. Подробно описывается предыстория конфликта (требования татар и посольства с «Низу» из Суздаля), приезд татар, драматические переговоры, отказ «меньших» новгородцев от «числа», замыслы недобрых людей «побити» отказывающихся принять «число» и, в конечном итоге, согласие и перепись. Противоборствующие стороны противопоставлены друг другу по двум признакам: отношению к переписи и, если можно так выразиться, взаимоотношениям с небесными силами. «Меньшие» и «чернь» четко отождествляются с «добрыми», а

¹⁶¹ *Никита Хониат*. История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 2 (1186–1206). Рязань, 2003. С. 239–240. «συνδρομῆς δ' ὅτι πλείστης ἐς τὸν Μέγαν γινομένης Νεῶν ἠναγκάζετο καὶ ἡ σύγκλητος ἢ τε τῶν ἀρχιερέων ὁμίγηυρις»; *Nicetae Choniatae*. Historia, recensuit Ioannes Aloysius van Dieten [Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. XI/1. Series Berolinensis. Ed. H.-G. Beck, A. Kambylis, R. Keydell. Berolini et Novi Eboraci, 1975]. S. 561–562.

¹⁶² 475Л. В предыдущей статье 1257 г., кстати, также нет ни одного намека на то, чтобы «число» было обременительно для Суздальской земли.

«вятшие» – со «злыми» (татары же «оканьные», то есть вовсе выходят за рамки моральных норм). Так, после угрозы татар бежать, вызванной стойкостью черни и вмешательством Св. Духа, «вятшие» принуждали «ятися по число», затем «умыслиша свѣтъ золь» напасть на Новгород. На последнем вече «злыхъ свѣтомъ яшася по число, творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло». Злые отказываются защищать св. Софию – символ Новгорода, и им «възбраняет... сила Христова», в то время как «чернь» выступает на защиту высших новгородских святых: святой Софии, правой веры и «домов ангельских»¹⁶³. В отличие от Лавр НПЛ старается нивелировать роль Александра Ярославича. Его имя отсутствует в сообщении о посольстве в начале 1259 г. с требованием татарами десятины (говорится о посольстве и войсках, собранных на «Низу», в Суздальской земле, но не сказано, от кого они)¹⁶⁴. Обходится и тот факт, что татары приехали зимой 1259 г. в Новгород вместе с князем. Лишь в сцене разрешения конфликта князь открыто появляется вместе с татарами, но о том, что новгородцы его «удержали и честили», речь не идет, сообщение максимально нейтральное: «...и отъѣхаша оканьнии (татары. – *Т. В.*), вземше число, а князь Олександръ поѣха послѣ, посадивъ сына своего Дмитрия на столѣ».

Подобное соотношение наблюдается и в известиях Лавр и НПЛ об изгнании новгородцами сына Александра Невского Василия и походе Александра на Новгород 1255 г. Согласно суздальской летописи, Александр ходил к Новгороду вместе с боярами, как будто бы речь шла о посольстве. Замалчивается причина этого «мирного визита» – самоуправство новгородцев, посадивших на новгородском столе вместо Василия брата Александра, Ярослава. Нивелируется суть события: карательная цель похода¹⁶⁵. Как и в предыдущем случае, изображается исключительно положительная реакция горожан: «И поклонишася ему с честью мноною, и бысть радость велика... поѣха от них с честью великою, миръ давь имъ».

НПЛ, наоборот, прямо говорит о недобрых намерениях князя: «...позиде ратью к Новугороду... съ многыми полкы и с новоторжкци» – и показывает немирную и нерадостную встречу его в Новгороде. Ср.: «...и

¹⁶³ «Ангельские» – чтение НПЛ старш. ред., в НПЛ мл. ред. в Комиссионном списке – «церковная», в Академическом и Толстовском – «Божия»; вероятно, подразумеваются монастыри.

Кстати сказать, меньших самих легко было заподозрить в вероломстве и непоследовательности, поскольку они отказались от переписи, на которую новгородцы уже дали согласие. Чтобы этого не случилось, летописец прибегает к хитрости. Он отмечает, что само посольство «из Низу» было «лживым», новгородцам угрожали применением военной силы (НП, с. 82). Коль обещание «ятися по число» выманили нечестным путем, меньшие не несут ответственности за свой отказ. В связи с этим интересно, что в одной из работ М. Н. Тихомирова также имеются оправдания подобного плана, историк, очевидно, чувствовал необходимость отвести от черни обвинение в непоследовательности. *Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания. С. 273.*

¹⁶⁴ «Приѣха Михаило Пинещиничъ из Низу со лживымъ посольствомъ, река тако: «Аже не иметеса по число, то уже полкы на Низовьскон земли»; НП, с. 82.

¹⁶⁵ 474Л. Текст см. гл. 2, II.5.

поставиша новгородци полкъ», – речи Александра: «Не выдадите – язв вамъ не князь, иду на городъ ратью»¹⁶⁶. В отличие от Лавр НПЛ отмечает, хоть и кратко, что Василия Александровича новгородцы поменяли на Ярослава Ярославича. Вместе с тем здесь ощутимо стремление увести князя-сюзерена за спины «вятших», от которых якобы и исходит все зло. Они предают «новгородскую правду», устраивают «свѣтъ золь» и хотят избить своих сограждан и ввести князя «на своєї воли», то есть, по сути, не проявляют лояльности ни к кому, заботясь только о собственных интересах. Вявшие наущают князя идти ратью на Новгород, им противостоят, с одной стороны, стойкость новгородцев, а с другой – Бог и св. София¹⁶⁷. Они нарушают крестоцелование и названы «крестопереступниками». Злые «вятские» противопоставлены добрым «меньшим», защищающим новгородские вольности. Уже на первом вече «меньшие» приносят присягу – целуют «...святую Богородицю... какъ стати всѣмъ, любо животь, любо смерть за правду новгородскую, за свою отчину». Таким образом засвидетельствованы их стойкость и бесстрашие, правота и следование традиции. Кроме того, «черные люди» препятствуют намерениям Онанью договориться с Михалком и хотят разграбить дом посадничего посылного. (Впрочем, в последнем пассаже заключено противоречие, видимо, на сей раз летописец хотел изобразить страдальцем Онанью, который вызывал у него симпатии¹⁶⁸.) На последнем вече меньшие призывают в свидетели Бога и св. Софию. В общем, противоборству с «вявшими» отводится столько места, что сглаживается впечатление реальной угрозы, идущей от князя. Намерение выгородить князя выражено и эксплицитно. Обещание Александра пойти на город ратью оказывается результатом совета вявших, новгородцы всю вину перекаладывают на «крестопереступников» и считают, что «князь безъ грѣха».

В 1176–1177 гг. владимирский летописец описывает борьбу между князьями за обладание Владимиро-Суздальским княжеством. По версии Лавр, противостояние князей сопровождается конфликтом между «старейшими» городами Ростовом и Суздаlem и «мезинным», то есть меньшим, Владимиром. Репрезентантами ростовцев и суздальцев выступают бояре, в то время как владимирцы предстают однородной массой – как «люди» Михалка, а затем Всеволода Юрьевича. В то же время в соответствующих известиях НПЛ за 1175–1177 гг. встречаем записи о деятельности князей, о противостоянии городов нет, «бояре» не упоминаются¹⁶⁹. По-разному обрисована в этих сводах трагическая развязка истории, ослепление князей Ростиславичей их собственным дядей

¹⁶⁶ НЛ, с. 80–81.

¹⁶⁷ О формировании культа св. Софии в Новгороде см., например: *Хорошев А. С.* Новгородская Святая София и псковская Святая Троица по летописным данным (из истории местных патрональных культов) // *Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей*. К., 1998. Т. 5. С. 5–15.

¹⁶⁸ Об этом свидетельствует его характеристика в тексте статьи 1255 г. (ср. о нем: «...муж кроткий и смиренный», «ублюде Богъ от смерти»), а также инвектива против его противника Михалка (см. статью 1257 г.; НЛ, с. 82).

¹⁶⁹ См. гл. 2, I.1.

Всеволодом Юрьевичем: если в Лавр за ослепление князей отвечают «люди», то в НПЛ – князь. Подобную же буферную функцию выполняют и бояре, они в какой-то мере в ответе за недостойные действия Ростиславичей: именно «бояре» (или «ростовци и бояре») подстрекают молодых князей на грабеж и не позволяют им примириться с дядьями Михалком и Всеволодом. В целом соотношении сообщений Лавр и НПЛ о событиях 1176–1177 г. напоминает то, какое наблюдалось в предыдущих сюжетах 1255 и 1259 г. Конфликт бояр и людей описан только в одном из текстов, причем деятельность людей здесь затеняет действия князя. Параллельное известие о социальном разделении молчит, главные роли в нем отданы князьям.

Примечательные смысловые смещения обнаруживаются при сравнении «Повести о взятии Царьграда фрягами» НПЛ и соответствующих мест «Истории» Никиты Хониата. Разумеется, здесь картина более сложная, чем при сравнении древнерусских текстов. Описываются события, произошедшие в Константинополе, параллельный к ним текст – греческий, а кроме того, в самой Повести, как предполагали, отразились иностранные источники¹⁷⁰. И тем не менее.

– Согласно НПЛ, после прибытия фрягов и штурма города царь «Олекса» (Алексей III Ангел), осознав безнадежность своего положения и раскаявшись, сам посадил на престоле своего ослепленного брата Исаака, произнес покаянные речи, после чего бежал¹⁷¹. – По Хониату, Алексей бежал, не оставив распоряжений, а народ, собравшийся во Влахернском дворце, отстранил от власти всех его родственников и провозгласил Исаака императором. Сын Исаака, Алексей IV, стал при этом соправителем¹⁷².

– Составитель Повести 1204 г. рассказывает о том, что Исаак Ангел умер, «сжализшись о градъ», и о «граблении монастырских», а затем константинопольцы «всташа» на его сына «Исаковича» по тем же самым причинам, «про зажжение градное и за пограбление монастырское», и действовала преимущественно чернь. – У Хониата народ разочаровался в правительстве и собрался в Софии для выборов нового императора еще при жизни Исаака, отнюдь не обладавшего какими-то особыми достоинствами¹⁷³.

¹⁷⁰ *Мещерский Н. А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. // ТОДРЛ. 1954. Т. X. С. 120–135; *Timberlake A.* Older and Younger Recensions of the First Novgorod Chronicle // Oxford Slavonic Papers. New series, vol. XXXIII. Oxford, 2000. P. 23; *Луцицкая С. И.* Четвертый крестовый поход глазами русского современника // Византийский временник. Т. 65 (90). М., 2006. С. 120–121.

¹⁷¹ «Тыгда же цесарь Олькса, узъревъ пламень, не створи брани противу имъ (фрягам). Призвавъ брата Исаака, его же слѣпи, посади его на прѣстолю, и рече: “Да же еси брат, тако створилъ, прости мене, а се твое царство”, – избѣжа из града»; НЛ, с. 46.

¹⁷² *Никита Хониат.* История. С. 225–226.

¹⁷³ Это несогласование отмечено в: *Луцицкая С. И.* Четвертый крестовый поход. С. 121. «Чернь» в тексте «Истории» Хониата также присутствует, но в описании иных событий: разграбления дворов итальяцев и пр. В сцене избрания в Софии Николая Канавоса (НПЛ мл. – «Никола воин») имеются какие-то намеки на «коноводов черни и народных льстецов», но, судя по всему, этим пассажирам придается иное значение. «Выбирать в

– Хониат пишет о том, что заговор Дуки Мурцуфла, захват им молодого царя Алексея IV, предотвратил вторжение латинян в город. В качестве действующих лиц названы Мурцуфл, его родственники, евнух царя и секироносцы-варяги. – В НПЛ на этом месте видим обобщенную фигуру бояр, способы действия которых не отличаются благородством. Вначале «бояре» не позволили «Исаковичу» ввести фрягов в город, уверяя его в своей преданности, а затем проявили свою коварную природу: схватили царя¹⁷⁴.

– Согласно «Истории» Хониата, Мурцуфл сам возложил на себя венец, пытался отравить, а затем повесил Алексея IV. – В НПЛ все это сделали бояре вместе с Мурцуфлом. Рассказ повернут так, что именно они отклонили последнюю возможность примирения с крестоносцами и спасения города. Латиняне якобы хотели забрать «Исаковича» и уйти от стен Константинополя, но «Мурчюфль же и все бояре не даша его жива, и уморивше Исаковиця, и рекоша фрягом: умърль естъ», – из-за чего те и приступили к решающему штурму¹⁷⁵.

– В завершающих сценах крушения Константинополя НПЛ опять выставляет на позор верхушку: «Цесарь избеже и патриарх и все бояре», «люди» здесь отсутствуют. – Хониат рисует более сложную картину: новый император Дука Мурцуфл пытался создать ополчение, но его никто не слушал, жители оставляли город, и Дука бежал. Разгорелся спор о царстве между двумя свежими претендентами, клир Великой церкви избрал одного из них на царство. Но и новоиспеченный император не смог ничего предпринять и тоже бежал, а жители вышли навстречу завоевателям с иконами и крестами. То есть в «Истории» говорится о двух царях, нет ничего о бегстве патриарха, а горожанам приписана попытка умиротворения осаждающих¹⁷⁶. НПЛ же пишет о трусливых боярах и не сообщает о мирной встрече крестоносцев.

Многие смысловые смещения в НПЛ по сравнению с повествованием Никиты Хониата вызваны стремлением древнерусского книжника оправдать или осудить греческих императоров, латинян и бояр. А главное, нарисовать убедительные портреты и дать однозначные оценки всем персонажам. Скажем, обелить Алексея III и одновременно преподнести нравоучительный пример – тот якобы сам отдал царство, сожалая

цари коноводов черни, народных льстецов»; *Никита Хониат*. История. С. 240. «...τὸς ὄχλους καὶ δημοκότους... ἀνέπειθον»; *Nicetae Choniatae*. Historia. S. 562. Во всяком случае, далее говорится о поставившем царя «народе» и «константинопольцах» в целом: «ὁ τοῦτον ἀρχιερεῖσσις λέω»; «τοῦς Κωνσταντινουπολίταις»; «πρὸς οὐδὲν ἐπαρκέσαντος αὐτοῦ τοῦ βασιλευτοῦ λέω»; *Nicetae Choniatae*. Historia. S. 563, 564.

¹⁷⁴ «Цесарь же Исаковиць бяшетъ въ Влахернѣ, и хотяше въвести фрягы отаи бояръ въ град; бояре же увѣдавъше, утолиша цесаря, не даша ему напустити фрягъ, рекуче: “Мы с тобою есмь”. Тыгда бояре, убоявъшея въвѣдения фрягъ, съдумавъше съ Мюрчюфломъ, яша цесаря Исаковиця, а на Мюрчюфла вѣньчъ възложиша»; НІ, с. 47. Ср. о заговоре Дуки Мурцуфла: *Nicetae Choniatae*. Historia. S. 563–564; *Никита Хониат*. История. С. 241–243.

¹⁷⁵ НІ, с. 47; *Никита Хониат*. История. С. 238–240.

¹⁷⁶ НІ, с. 48; *Никита Хониат*. История. С. 250–252.

о своем злодеянии, ослеплении брата. Но и Исаака автор также старается оправдать – он также «сжалился» о бедствиях, которые навлек на город своей мезью. Попутно проявляется своеобразный монархизм. Народ не восстает против действующих старых царей. О собрании во Влахернском дворце против родственников Алексея III пишет Никита Хониат, в летописи же об этом ничего не сказано. Против Исаака по НПЛ «люди» также не выступают. Они восстают только против молодого царя, его сына, причем до его официального утверждения на троне. Оправдываются и латиняне. «Фряги» якобы не желали разграбления Константинополя, взятие города было ужасной ошибкой и прямо противоречило наставлениям папы римского и немецкого императора¹⁷⁷. Только убийство «Исаковича» заставило их идти до конца. Кто осуждается прямо – так это бояре. Их злодейские поступки приближают разгром города и объясняют катастрофу, а отчасти даже затеяют царя-высочку Мурцуфла¹⁷⁸.

Помимо всего прочего, социальные группы резко очерчены в НПЛ еще и потому, что автор «Повести о взятии Царьграда», в отличие от Никиты Хониата, не вводит в свой рассказ отдельных людей. На место политических группировок поставлены «чернь», «бояре» («все бояре») и «все люди». По сравнению с «Историей» Хониата «Повесть» гораздо более схематична. Если согласно Хониату в Константинополе происходила борьба между различными группировками знати, то по НПЛ виноваты «бояре», власть имущие. Можно предполагать, что «имущие» власть в данный момент, хотя летописец вроде бы намекает, что состав их менялся. Но лишь сравнение с текстом «Истории» позволяет увидеть это ясно.

К остальным сообщениям не имеем параллельных известий, которые позволили бы выявить или уточнить интенции их составителей. Правда, что касается статьи НПЛ 1228 г., здесь некоторые определения содержит контекст. Похоже, сообщение о выступлении «простой чади», а затем «всего города» также имеет целью представить роль князя менее значительной. Так, владыку Арсения обвинили в том, что он выгнал Антония и «сель, давь мзду князю», хотя по крайней мере в первой трети XIII в. князья принимали, мягко говоря, несколько более активное участие в посажении архиепископа в Новгороде. Во всяком случае, и Антоний, и Арсений, фигурирующие в конфликте 1228 г., оба были княжескими ставленниками¹⁷⁹. Далее, упор в рассказе делается на том, что новгородцы разбирались со своей «братъей», а не со сторонниками князя Ярослава Всеволодича. Когда из Новгорода сбежали княжичи Федор и Александр, об этом заявлено прямо: «А мы ихъ не гонили, нъ братью свою есме казнили». Между тем весь ход событий, увенчавшийся

¹⁷⁷ «...а цесарева велъния забыша и папина»; НЛ, с. 46. Вероятно, поэтому не говорится о мирной процессии константинопольцев и «покорении» их фрягам – ведь это показало бы вероломство последних.

¹⁷⁸ О том, что в летописях объяснения часто не высказываются древними книжниками, а заданы в виде деталей и поворотов сюжета см.: *Толочко А.* «История Российская» Василия Татищева. М.; К., 2005. С. 255–263.

приглашением черниговского князя Михаила, показывает, что реально речь шла именно о выступлении против суздальского князя и его детей. Говорится об отстранении Арсения, введении в епископский двор Антония, грабежах дворов софьян и сторонников тысяцкого, отстранении тысяцкого от должности и избрании другого тысяцкого, требованиях, выставленных перед Ярославом Всеволодичем, бегстве княжичей и посольстве в Чернигов. Судя по всему, подобное описание смягчения в городе здесь также имело особое значение. Оно позволило летописцу «раздробить» конфликт на несколько этапов и смягчить его антикняжескую направленность.

Как видим, введение в число действующих лиц «бояр» и «черни» и преуменьшение роли правителя – явления взаимосвязанные. Особенно выпукло это проявляется при наличии параллельных текстов, поскольку лишь один из текстов параллели повествует о социальном конфликте и одновременно оправдывает князя. Все эти маневры наблюдаются в ситуации очевидных неудач правителей, часто сопряженных с неблагоприятными поступками. Стремление скрыть недостойные действия и неудачи князя относится к ведущим интенциям книжников. А описание противостояния «социальных групп», часто обозначенных еще как «добрая» и «злая» стороны, и есть главным отвлекающим маневром в повествовании о таких сомнительных ситуациях. Это ни в коем случае не означает, что борьбы, ведшейся ниже династийного уровня, в Древней Руси не было. Но, как правило, обычно летописцы сосредотачивались на изображении князей, и должны были появиться достаточно веские причины, чтобы повествовать о «боярах» и «людях».

Кстати сказать, «небуквальное» использование «социальных» терминов для обозначения «доброй» и «злой» стороны в конфликте позволяет объяснить и противоречивость изложения, наблюдаемую во многих из приведенных сюжетов. Если говорится о «боярах», а подразумеваются действия «злых челоуѣкъ», то обозначение утрачивает жесткие рамки. Мотив «злого», равно как и «доброего», может быть

¹⁷⁹ В 6719 (1211) г. представитель смоленской династии, Мстислав Мстиславич и новгородцы «вывели» архиепископа Митрофана, ставленника суздальского князя Всеволода Юрьевича, и поставили Антония; НІ, с. 52, 44. В 6727 (1219) г. после возвращения Ярослава Всеволодича Антония снова поменяли на Митрофана; НІ, с. 60. В 6731 (1223) г. при Ярославе Всеволодиче в отсутствие Антония, который в начале 1220-х гг. был владыкой в Перемышле, как раз в то время, когда Мстислав Мстиславич княжил в Галиче, умер Митрофан и «въведоша Арсения»; НІ, с. 61. Антоний вернулся в 6733 (1225) г. после кратковременной замены Ярослава Всеволодича на Михаила Черниговского (куда подевался Арсений – не сказано; НІ, с. 64) и до 1227 г. оставался архиепископом; НІ, с. 65. Однако в начале 1228 г. он якобы «...поиде... на Хутино по своей воли». О конфликте Арсения и Антония снова-таки не сообщается (хотя далее в некрологе Антония сказано, что он в это время «онѣмѣ»; ср. НІ, с. 72 и с. 65), нет и известий и о введении нового владыки. О неурядицах известно только из описания выступления «простой чади». В целом смена владык в Новгороде коррелирует с изменениями на новгородском столе. Антоний появлялся на владычном дворе всякий раз, когда из Новгорода изгоняли представителей суздальской династии, а Арсений был креатурой Ярослава Всеволодича.

задан различными способами. Например, противоречия повествования 1175–1177 гг., когда Ростиславичи одновременно слушают бояр, выступающих единым фронтом, и дают посадничество по городам «русским децким», что неизбежно подразумевает раскол внутри боярского сословия, легко объяснимы. Основной задачей летописца была характеристика Ростиславичей, и он прибег к нагромождению отрицательных свидетельств. Молодые князья, мол, отдали землю на поталу чужакам да еще и слушали лихих людей. Подобный ход наблюдается и в 1255 г. Здесь летописец также поддался соблазну лишний раз указать на злостное поведение вячих и назвал их «крестопереступниками». Тем самым он обнаружил, что реально доблестно целовали св. Богородицу не только меньшие, а все новгородцы. Следует учитывать и то, что главными героями для летописцев оставались князья (в НПЛ такое же значение приобрели некоторые владыки и посадники), что усложняло семантику и усиливало противоречивость текста. К примеру, в той же статье 1255 г. «меньшие» вроде бы последовательно отстаивают новгородские вольности и защищают посадника Онанью, а затем говорится, что чернь «о немъ мысль злу свѣщаша». Происходит это, по-видимому, из-за того, что целью летописца было, в том числе, оправдание Онаньи, и он довольно много внимания уделил его особе. В частности, отметил то, что Онанья чуть было не стал жертвой предательства, что посадник не был агрессивным и попытался договориться с предводителем «вячих» Михалком. Страдательная и неагрессивная роль характерна симпатичным для летописцев героям¹⁸⁰, но все это шло вразрез с решением новгородцев держаться до конца. В результате и поведение Онаньи, и способ действий «меньших» («черни») стали выглядеть несколько двусмысленно.

Что касается реалий, то, судя из всего вышеизложенного, так называемое социальное членение – условное и заменяет *политические* группировки. Если отвлечься от специфического сюжета 1228 г., где нет противопоставления «простой чади» и «всего города», практически все упомянутые летописные «социальные группы» занимают довольно четкую позицию по отношению к князьям–созеренам города. В 1255 г. «меньшие» представляют партию Онаньи и его приверженцев, попытавшихся посадить на стол Ярослава Ярославича, выступив против князя Александра и его сына Василия. «Вятские» же являются сторонниками Александра: они бегут к князю, желая сместить Онанью, укрепляют Александра в его намерениях воевать с Новгородом и покарать приверженцев посадника. Даже намеки летописца на то, что вятские являются как бы внешней силой, противопоставленной «нашей» стороне, на самом деле еще более сближают вячих с князем, который пришел «с Низу» после изгнания сына. Таким образом, полярно разделенные «добрые» меньшие и «злые» вятские на деле являются прокняжеской и антикня-

¹⁸⁰ Ср. такой же ход и в описании положительного персонажа суздальского свода Всеволода Юрьевича, напрасно предлагавшего мир своим племянникам; гл. 2, l. 1.

жеской группировками в Новгороде. Разумеется, обозначение условное, поскольку «партия Онаньи» представлена сторонниками другого князя, Ярослава Ярославича. Однако в НПЛ фигура Ярослава отодвинута на задний план, а в Лавр о нем вообще ничего не сказано, поэтому можно говорить о про- и антикняжеской позиции новгородцев по отношению к Александру Ярославичу. Подобно этому, в 1259 г. позиция «злых» вятских и князя совпадает, вятские представляют собой княжескую партию. Наоборот, меньшие здесь противятся введению «числа», то есть, собственно, распоряжениям князя. Аналогично, в 1176–1177 гг. в Лавр фигурируют две группы князей, им соответствуют две «социальные» группы. Бояре или «боляре и ростовцы» тесно связаны с Ростиславичами, владимирцы и переяславцы же – с младшими Юрьевичами. То же самое в ГВЛ 1235 г., где «боляре и снузники» представляют сторону черниговского Ростислава Михайловича, а «людые градские» – Даниила Галицкого. В статьях НПЛ 1204 и 1215–1216 гг. распределение ролей несколько иное, только одна из «социальных групп» жестко связана с каким-либо правителем. В Повести 1204 г. НПЛ «бояре» держат сторону «плохого» царя Мурцуфла, а «чернь» стоит за некоего «Николу», не соотносимого с основными действующими лицами. В сюжете 1215–1216 гг. «вятские» оказались на территории Ярослава Всеволодича якобы не по своей воле, но «меньшие» все же однозначно поддерживают Мстислава Мстиславича¹⁸¹. Отклоняется от этой схемы рассказ 1228 г., где и «простая чадь», и все новгородцы («весь городъ») представляют собой противников Ярослава Всеволодича, а его сторонники выступают в роли жертв новгородцев¹⁸². «Простой чадью» здесь названы либо зачинщики антикняжеского выступления, либо, что весьма вероятно, это синоним «не-церковников», «простецов». За этим исключением, объясняемым солидарностью летописца с пострадавшими во время конфликта «софьянами», «бояре» и «чернь» или «бояре» и «люди», по сути, являются обозначениями приверженцев того или иного князя.

Таким образом, реальными действующими лицами в рассмотренных летописных сюжетах оказываются князья, а также группы их сторонников и противников. Небезуспешные попытки летописцев затемнить этот факт связаны с тем, что в описании острого конфликта ведущую роль князя показывать было не принято. Не считалось приличным открыто писать и о борьбе приверженцев разных князей. Во-первых, нежелательно было придавать князю роль «начальника» и подстрекателя конфликта, являвшуюся строго отрицательной. Во-вторых, все князья в принципе имели право на

¹⁸¹ Но здесь, как уже отмечалось, в рассказе имеются многочисленные несогласования, и сюжетный ход недобровольности и «изымания», вероятно, введен при редактировании.

¹⁸² Соответственно, оценки «простой чади» и «всего Новгорода» совпадают. Действия «простой чади» инспирированы дьяволом: «Тѣгда же оканьнии дьяволь... въздвиже на Арсения... крамолу велику, простую чядь». Расширение возмущения на весь город комментируется как еще одно проявление зла: «И не досыти бысть зла, нѣ еще боле того». Когда выступления затихли в связи с непогодой и разрушением моста через Волхов, это сопровождается сентенцией: «Не хотяшь бо Богъ видѣти кровпролитися въ брати, ни дьяволу радости дати».

стол, и при перечислении «обид» еще неизвестно, кто оказался бы в конечном итоге прав, а кто виноват (подробнее об этом в четвертой главе). Поэтому летописцы говорили о внутренней борьбе в городе или земле, используя социальные понятия и называя антикняжеские и прокняжеские партии «боярами» и «чернью» («людьми»). При этом они усиливали оценочный аспект своих повествований, маркируя своих героев в соответствии с определенными канонами поведения и традиционными антитезами: агрессивность – миролюбие, верность – предательство и т. п.

Как оказалось, описания неполных или отдельных вечевых собраний «знатных» и «незнатных» отражают не реальность, а феномены сознания. Реально речь идет не о социальном, а о политическом членении. В абсолютном большинстве – о таком, которое историками квалифицируется как взаимоотношения «дружины», «приятелей» («княжеских сторонников») двух разных князей, или же «приятелей» князя, с одной стороны, и иных горожан – с другой. Выражение политического в категориях социальных в сознании древнерусского человека могло опираться на такое универсальное явление, как смена групп стоящих у власти, сопровождавшая смену правителя, и соответствующее перераспределение социальных благ. Это общее для обществ «неклассического феодализма» явление: верхушка формировалась на основе личных лояльностей в течение жизни данного князя, и замена главы влекла за собой «перелопачивание» личного состава власти имущих¹⁸³. Впрочем, не только неклассического феодализма, и не только обществ средневековых: и сейчас каждый политический деятель приводит за собой свою «команду». Что касается того, когда возникли нарративные схемы с использованием социальных понятий, здесь сложно утверждать что-либо с определенностью. Можно осторожно предположить, что противопоставление «бояр» и «людей» возникло как развитие темы «лихие советники» уже на древнерусской почве¹⁸⁴. В переводных памятниках, в частности, в тексте Амартола, пару раз проскальзывает отчуждение «бояр» от «людей» в конфликтных ситуациях, однако такие описания достаточно редки, и в ПВЛ, наиболее обильно заимствовавшей из Амартола, бояре не относятся к отрицательным персонажам¹⁸⁵. Злыми советниками здесь скорее

¹⁸³ См., например: *Hicks M. Bastard Feudalism*. London and New York, 1995. P. 43–47.

¹⁸⁴ Схема «злой совет» библейская, присутствует, в том числе, в Евангелии. Имеется уже в ПВЛ, но «бояр» прямо не касается.

¹⁸⁵ Три из четырех упоминаний «свьѣтников» в ПВЛ касаются персонажей, чей статус не определен, дважды «свьѣтники» прямо названы «злыми». См. 140Л (единственная положительная оценка, но в библейской цитате, «дивнаго свѣтника»), 205Л (дважды), 230Л. Сюжеты о советах с боярами (без слова «свьѣтникъ») относятся к полулегендарным древним временам и оканчиваются периодом княжения Володимира Святославича, последнее упоминание – 1015 г. См.: 31Л (греческие бояре), 33Л, 46Л (греческие), 67Л, 70–71Л (греческие); 106Л–108Л (бояре и старцы), 117Л. Злой совет – только дважды: 82Л (бояре и старцы «сдумали» о жертвоприношении сына варяга), 132Л (вышгородские «болярце» примкнули к мысли об убийстве св. Бориса). Несколько больше злых советов «дружины», в том числе в близкое к периоду составления ПВЛ время: 54Л, 132Л, 171Л, 218Л, 277Л, 265И.

выступают дружина или «мужи», иногда даже названные поименно, но не «боляре». В качестве «лихих советников» бояре появляются с XII в. в Лавр и Ипат, преимущественно во фрагментах, общих для обоих сводов¹⁸⁶. Возможно, летописцы ориентировались на какой-нибудь текст, подобный симоновскому переводу Книги прор. Даниила, где именно «боляре» подстрекают царя на злодеяния¹⁸⁷. Составители НПЛ XIII в. могли отталкиваться от «Повести о взятии Царьграда фрягами», в свою очередь, видимо, трансформировавшей иностранные источники¹⁸⁸. Во всяком случае, за весь древнерусский период только НПЛ XIII в. прямо противопоставляет «чернь»/«менших» и «бояр»/«вятших».

Дружина и горожане: разграничение и инкорпорация. Исследование социальных конфликтов показывает условность понятия социального в древнерусских летописях. Такое условное социальное, социальное как маска политического, мало помогает решению проблемы, и мы остаемся все с тем же вопросом: каков состав участников веча? Как представляется, в традиционной жесткой постановке он неразрешим, так как историк Древней Руси может опираться почти исключительно на нарративы, а те, в свою очередь, позволяют слишком большие допуски. Вопросы современного историка, да и вообще стремление к определенности и однозначности совершенно чуждо нашим древним коллегам. Впрочем, существует группа, удовлетворяющая нарративной протектичности. Это дружина или «вся дружина».

Традиционно считается, что «дружина» четко ограничена как от «гражан» в целом, так и от так называемых «приятелей» князя. На самом деле эта четкость наблюдается только в работах исследователей и

¹⁸⁶ См.: 297Л – 291И, 314Л – 330И, 326Л – 394И (дважды), 375Л – 598И. Кроме этих общих фрагментов, в Лавр еще в 1170–1180 гг.: 378Л, 381Л, 402Л. В Ипат в дополнительных к Лавр фрагментах: 380–381И (бояре и дружина, но здесь двойной совет, одни советовали правильное решение, другие неправильное, и князь сделал неверный выбор). Наиболее отвратительный образ бояр рисует Лавр, в Ипат же несколько раз встречаются и бояре–добрые советники. В Лавр добрый совет только однажды (и то инициатором выступает все же князь, Юрий Володимирич, соответствующий фрагмент имеется и в Ипат; 347Л – 487И). Относительно Ипат см., например, 380–381И, 638И (двойной совет, некоторые предлагали правильное решение), 536И (бояре отказались поддержать злые замыслы князя).

¹⁸⁷ Текст (Книга прор. Даниила с толкованиями Ипполита) вошел в Еллинский и Римский летописец 2-й редакции. См.: «иже народа боляръ не убояшеся», «Навходоносорь... рече къ болярюмъ своимъ», «и събравшеся боляри и воеводы, и князи и велможа у царя», «также и боляръ и воеводы завидяще, ненавидяще Данила», «якоже и тогда боляръ искааху вину на Данила». Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. С. 29, 37, 38, 54, 55, 58. Таким образом, «злые бояре» встраивались в весьма популярные в древнерусское время сюжеты о трех отроках в печи и Данииле во рве со львами. Надо сказать, в досимоновских переводах (отразившихся, например, в Паримейнике) для обозначения неприятелей трех отроков и Даниила используются иные выражения: «мужи халдѣисци», «ипаты и воеводы», и пр. Летописец Еллинский и Римский. Т. 2: Комментарий и исследование О. В. Творогова. СПб., 2001. С. 12–15; *Евсеев И.* Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. Введение и тексты. М., 1905.

¹⁸⁸ Как уже отмечалось, здесь предполагали латиноязычный источник.

отсутствует в источниках. В частности, «дружиной» могли называть и горожан (см. первую главу). В летописях, разумеется, достаточно примеров разделения веча и дружины, поскольку большая часть их касается конфликтных ситуаций, и особенно изгнания князя, когда нужно было как-то разделить, кто «за», а кто «против». В то же время тексты содержат диаметрально противоположные известия, а это должно означать, что они не фиксируют социальную практику непосредственно.

Как и следовало ожидать, дружина может отождествляться с горожанами в ситуации социального мира. Например, в статьях Ипат середины XII в., повествующих о правлении Изяслава и Ростислава Мстиславичей с Вячеславом Володимиричем¹⁸⁹. Однако зафиксированы и случаи, когда дружина «утоплена» в массиве горожан в описаниях конфликта. Прежде всего, привлекает внимание завершение столкновения Игоря Ольговича и Изяслава Мстиславича за Киев 1146 г. Киевский летописец отмечает: «Розыграбиша княне съ Изяславомъ дружины Игоревы и Всеволожъ и села и скоты»¹⁹⁰. Вместе с «княнями» выступает только что прибывший из Переяславля князь-победитель, грабят же сторонников захваченного в плен Игоря Ольговича и его брата, недавно умершего киевского князя Всеволода Ольговича¹⁹¹. В другом случае в статьях Ипат и Лавр 1175–1177 гг. владимиросуздалский летописец отождествляет «ростовцев и боляр» или просто «ростовцев» с дружиной новоприбывших князей Ростиславичей, значительный элемент которой составляли, по свидетельству того же текста, пришлые «русьские дѣцкы»¹⁹². Целью владимиросуздалского летописца было показать размежевание сторонников Ростиславичей и сторонников Всеволода Юрьевича, поэтому он писал в общем о «ростовцах» и «володимирцах». И тем не менее – речь шла действительно о новоприбывших князьях, и книжник совершенно не смущался таким обстоятельством. Интересный пример находим в статье НПЛ 1217 г. В отсутствие князя Мстислава Мстиславича новгородцы под предводительством его брата Володимира отправились воевать с чудью¹⁹³. Новгородский летописец отмечает, что в походе предложения «чюди» обсуждали на вече новгородци и псковичи: «...и начаша новгородци гадати съ пльсковичи о чюдьской речи». Откуда тут взялись псковичи? На первый взгляд, ответ очевиден: они пришли вместе с князем

¹⁸⁹ 359И, 401И; ср. также 328И, 426–428И.

¹⁹⁰ 328И.

¹⁹¹ Перед этим, между прочим, помещено о договоренностях Игоря Ольговича с «княнями» из Всеволожей дружины; 324И. Ранее – что Игорь заботился о том, чтобы иметь сторонников и удержаться в Киеве, который ему «обрекъ» старший брат Всеволод; 316И. Сам Всеволод Ольгович княжил в Киеве 6 лет, и, значит, его «дружина» осела здесь и хотя бы частично состояла из киевлян.

¹⁹² 374Л, 378Л, 382Л, 385Л. «Русьские» в данном случае – чужие в Ростово-Суздальской земле. Ростиславичи долгое время отсутствовали в Ростове, вернулись по приглашению владимиросуздалской дружины в 1175 г. Непосредственно перед этим они находились у своего тестя Глеба Рязанского.

¹⁹³ «Поиде Мъстислав Киеву, оставивъ Новгородѣ княгню и сына своего Василия... Тогда поиде Володимиръ въ Новъгородъ своими орудии... И поидоша къ Медвѣжи голове съ княземъ Володимиромъ и съ посадником... Чудь же начаша слати съ поклономъ летью... и начаша новгородци гадати съ пльсковичи о чюдьской речи...»; НЛ, с. 57.

Володимиром, сидевшим в это время в Пскове. Но ведь тот был представителем смоленской династии и, как всякий князь, имел дружину (часть которой, надо полагать, составляли смольняне по происхождению). Между тем о дружине Володимира Мстиславича в данном случае ничего не сказано, говорится только и исключительно о псковичах¹⁹⁴. Точно так же ГВЛ пишет о «галичанах», тогда как на самом деле речь идет о противниках Данила Галицкого, утвердившихся в Галиче: Михаиле Черниговском, его сыне Ростиславе и их людях¹⁹⁵.

Все это означает, что вычленение дружины или слияние ее с «людьми» во многом зависело от интенций летописцев. Условно и разделение летописцами населения на «горожан» и «приверженцев князя» («приятелей»). «Кияне», «галичане», «новгородци» – это некая общность, при наличии конфликта и несогласия с князем противопоставленная князю. Как такая, она характеризуется постоянством, что необязательно свидетельствует о реальной стабильности состава участников, а лишь об одном и том же принципе деления («за» князя / «против» князя). Можно предполагать, что появление того или иного наименования вообще было обусловлено конкретной функцией, которую играла данная группа в нарративе. Встречаются, например, фрагменты, где одни и те же люди названы по-разному в зависимости от ракурса, в котором их представляет летописец. Так, в статье 1150 г. пишется, что во время похода Изяслава Мстиславича бежали киевляне и черные клобуки. Несколькими строчками ниже Изяслав называет их дружиной и говорит о них какой-то своей более близкой дружине: «Рече дружинѣ своєї: ...“Уже дружина моя пострашена”¹⁹⁶. «Дружина» и «горожане» – взаимозаменяемые понятия в описании попытки захвата Галича Иваном Берладником 1144 г. Здесь читаем: «Выступи на нѣ Иванъ с галичаны... и побиша у Ивана дружины много»¹⁹⁷, – и «галичане», и «дружина» обозначают войско Ивана Ростиславича, и говорится, очевидно, об одних и тех же людях.

¹⁹⁴ Пояснить эту странность можно лишь предположительно. По-видимому, новгородец, симпатизировавший Мстиславу Мстиславичу, пытался затушевать напряженность, возникшую между братьями и в отношениях самого Мстислава с новгородцами. Мстислав в том году пошел в Киев, оставив в Новгороде своего сына. Поход против чуди возглавил Володимир, причем НПЛ заверяет, что он пришел «своими орудьи» (ради своих личных дел). Эта оговорка маркирует некоторую двусмысленность ситуации. Вернувшись в Новгород, Мстислав покарал нескольких новгородцев. «Князь же Мьстиславъ приде въ Новьгородъ без нихъ, и я Станимира Дьрновница... и оковавъ потоци». Поэтому летописец и представил дело так, будто бы действовали одни горожане.

¹⁹⁵ См., например, под 1235 г.: «Приидоша галичане на Каменьць и вси болоховстини князи с ними» (в Галиче в это время сидел Михаил Черниговский). Но когда Данило захватил болоховских князей, вмешались князья: «Нача посылати Михаилъ и Изяславъ грозичи: «Даи нашу братью, или придем на ты воиною»; 774–775И. Ср. также: «Данилови же в томъ же лѣтѣ пошедшу на Михаила на Галич. Онѣмъ же мира просящим, даша ему Перемьшьль»; 776И. В последнем примере изложение ведется так, якобы все решали горожане, хотя в Галиче находился князь Михаил Всеволодович.

¹⁹⁶ 401И.

¹⁹⁷ 317И. Ситуация была следующей: Володимирко Галицкий отправился на охоту, Иван Ростиславич, воспользовавшись моментом, вошел в Галич, но вернулся Володимирко и стал осаждать город, Иван вышел из города биться, у него «побили» множество дружины, и он вынужден был пройти сквозь сражающихся и бежать.

Проявляется функциональность повествования и в записях о конкретных персонажах. На самом деле человек мог «состоять» и в вече, и в дружине князя, однако роли эти не сочетаются, а противопоставлены или хотя бы разграничены. Так, Ипат под 1146 г. описывает принятие на службу «киян» их новым князем Игорем Ольговичем. Называются Улеб и Иван Войтишич – бывшие воеводы Всеволода Ольговича и будущие «начальники коромоле», вскоре предавшие Игоря и входившие в общность «киян». Далее Улеб предстает как «муж» Изяслава Мстиславича, хотя от этого он не перестал быть киевлянином и участником вече¹⁹⁸. Из НПЛ 20-х гг. XIII в. узнаем о посаднике Водовике, тысяцком Борисе Негочевиче и их сторонниках. Новгородский летописец не отмечает, что они входили в дружину какого-нибудь князя, однако сообщает детали, позволяющие это допускать с достаточно высокой вероятностью. Водовик и «Борисова чадь» тесно связаны с черниговской династией. Княжича Ростислава, сына Михаила Черниговского, новгородцы выгоняют из Новгорода одновременно с «избиением» сторонников Водовика, которые бегут в Чернигов, где Водовик и умирает¹⁹⁹. В записях за середину второй половины XII в. от смоленских князей Ростиславичей зависят судьбы нескольких представителей одного семейства: Захарии и Иванка Захариинича (НПЛ), Бориса Захариича (Ипат)²⁰⁰. Вместе с тем Захария и Иванко были новгородскими посадниками, и нигде специально не оговаривается, что они избирались против воли новгородцев. В начале княжения Мстислава Мстиславича (1211 г.) в Новгороде отмечена стандартная процедура: со сменой князя поменялся посадник, им стал Дмитрий Якунич²⁰¹. Представляет интерес то, что он пришел «из Руси»²⁰², что позволяет считать Дмитра «мужем» Ростиславичей. Любопытная аналогия обнаруживается при сравнении летописей и Киево-Печерского

¹⁹⁸ Ср. 324И, 345И.

¹⁹⁹ НІ, с. 71.

²⁰⁰ Связь этих «мужей» с Ростиславичами довольно тесная: Захарию убили после изгнания Святослава Ростиславича из Новгорода, подозревая в измене: «Творяхуть... переветь дръжаше къ Святославу»; НІ, с. 32. Борису Захарьичу Мстислав Мстиславич «приказал» своего сына Володимира в своем завещании; 609И. См. также НІ, с. 31; 621И.

²⁰¹ Сказано, что предыдущий посадник сам отдал посадничество: «И съступися Твърдиславъ посадничества по своей воли старѣишо себе, тогда же даша посадничество Дѣмтриу Якуничю»; НІ, с. 52. Из этого иногда выводят закономерности передачи власти в соответствии с принципами старейшинства, хотя указанный пассаж, скорее, вызван использованием стандартных нарративных схем инициативности и пассивности, каких много на данном участке текста, поскольку НПЛ здесь переработана в пользу Мстислава Мстиславича.

²⁰² Так в НПЛ старш. ред., в НПЛ мл. ред. в Комиссионном списке «из Русѣ», в Академическом и Толстовском «из Русь»; НІ, с. 52, 249. А. А. Гиппиус отождествляет Якуна с Якуном Мирославичем (*Гиппиус А. А.* «Суть людие новгородци от рода варяжска...») (Опыт генеалогической реконструкции) // Восточная Европа в древности и в средневековье. XIII. М., 2001. С. 60). На главное препятствие к такому отождествлению указал в свое время В. Л. Янин: между первым упоминанием Якуна и первым упоминанием Дмитра Якунича в НПЛ – 80 лет. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. (1962). С. 125. Кроме того, имя, как кажется, не относилось к уникальным. Например, в Ипат среди «мужей» Ростислава Мстиславича упомянут Якун.

патерика. А. А. Горский отметил, что Георгий Симонович (Шимонович) в Ипат назван ростовским тысяцким, а в патерике – тысяцким Юрия Долгорукого²⁰³.

Во многих случаях такой способ конструирования нарратива объясняется идеологическими мотивами, например, нежеланием говорить о князьях как о движущей силе конфликта²⁰⁴. Однако следует также учитывать и то, что древнерусские книжники, как и большинство древних сочинителей, еще не ставили себе цель, да, по-видимому, и не умели описывать полифункциональность какого-либо явления и наличие нескольких социальных ролей у одного и того же человека или группы людей. Во всяком случае, подобные тенденции проявляются и в переводных памятниках – вспомним «мятежников» и «народ» Иосифа Флавия. То есть это явление универсальное. Похоже, что понятия «дружина» и «граждане»/«люды» являются ситуативными абстракциями, результатом теоретизирования летописцев, слишком жестко закрепившимся в историографической традиции. Во всяком случае, источники не поддерживают традиционную историографическую схему, представляющую взаимоотношения в древнерусском обществе дихотомически: дружина охватывает более-менее постоянный круг людей, отграниченных от горожан, в том числе от «приятелей» князя, а последние, в свою очередь, делятся на постоянные «прокняжеские» группировки с определенными интересами и устойчивыми симпатиями.

Надо сказать, четкое разграничение, отвлекаясь от ситуации «здесь и теперь», было чрезвычайно сложным, если вообще возможным. Древнерусская элита отличалась мобильностью, и постоянство состава дружины – всего лишь идеальная модель. Наиболее существенные изменения, разумеется, происходили после прихода нового князя на княжение или же в кризисной ситуации, часто провоцировавшей смену князей – в случае военных неудач, распада коалиций и т. п. Часть новых людей принималась на службу, часть оставалась недовольной, бежала в другую землю, а бывало, способствовала приходу другого князя.

Признание мобильности элиты, разумеется, не ново в отечественной историографии. В XIX в. в историческую литературу прочно вошла мысль о «бродячих» князьях с их дружинами. Но в те времена применялись различные конструкции, имеющие своей целью жестко разграничить «дружину» и «граждан». Предполагалось наличие княжеских и земских бояр или присутствие бояр исключительно в дружине князя. В советский период использование таких абстракций, как «феодалы» или «народ», придавало им определенную исследовательскую автономность и позволяло утверждать, что они «поддерживали» либо «не поддерживали» определенного князя, а не служили князьям или были их подданными. (В этом смысле примечательно, как описываются конфлик-

²⁰³ Горский А. А. Город и дружина в Киевской Руси // Феодалы в городе: Запад и Русь. М., 1996. С. 12.

²⁰⁴ Об этом говорилось во второй главе и еще будет сказано ниже.

ты среди новгородских бояр. Например, по утверждению В. Л. Янина, новгородские бояре «боролись за власть», однако власть бояр никоим образом не связана с властью князя, материальные мотивы также не связаны с князем. Вообще, бояре существуют в некоем бескняжеском пространстве, князь для них – всего лишь союзник по борьбе с другими боярскими группировками²⁰⁵.) Иной будет картина, если представить себе, что подвижной была на самом деле вся верхушка общества. У всех князей на протяжении жизни формировалась дружина, но, поскольку каждого представителя династии признавали потенциальным правителем, возникала конкуренция, что усиливало мобильность. Границы дружины были размытыми, и летописные горожане-«приятели» одновременно могли быть княжыми «мужами». Более того, древнерусское «приятель» касалось всех, кто «сприятл» князю получить и удержать стол, в том числе так могли называть и князей. Во всяком случае, однажды летописец назвал этим именем князя: Игорь Ольгович в своей речи говорил как о «приятеле» о Володимирке Галицком²⁰⁶. Судя по некоторым описаниям, разграничение «приятелей» и «дружины» в летописях функционально. К примеру, Ипат содержит подробный рассказ об изгнании Святослава Ольговича новгородцами под 6648/1141 г. Сказано, что князя предупредил тысяцкий-«приятель»: «...съпрьяя ему кумь ты сячкой его». Такую ситуацию нетрудно было бы себе представить, если бы должность тысяцкого в то время была выборной, но вечное избрание тысяцких фиксируется чуть ли не столетием позже. Как уже говорилось, то же наблюдается в одном из переводных памятников. В переводе «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия отыменные образования типа «Иродовичи» и «Антигоновичи» обозначают и дружину царя, и его приятелей в городе, и просто подданных, и имеют соответствующие синонимические замены: «вои Иродовы», «приятели», «приазни». Считают, что при феодализме неклассического типа в Западной Европе существовали разные виды службы с разными ожиданиями степени лояльности – от безусловной верности двора до более-менее свободного поведения экстраординарных слуг²⁰⁷. Можно думать, в Древней Руси картина была аналогичной. Вероятно, часть «приятелей» представляла собой непостоянных «слуг», некоторые же из них находились в более тесном контакте с князьями²⁰⁸.

²⁰⁵ Янин В. Л. Новгородские посадники. (1962). С. 95, 98, 99, 105 и др.

²⁰⁶ «...а приятльи ми не даси приимати»; 316И.

²⁰⁷ От «двора» (household) правителя ожидали наибольшей, безусловной лояльности, наименьшей же – от людей, нанимаемых на срок для определенной службы (extraordinary retinue). В средневековой Англии существовала и такая практика, как служба нескольким господам. Hicks M. Bastard Feudalism. P. 43–68.

²⁰⁸ Это можно предполагать, например, относительно некоторых новгородских посадников, которых убили при изгнании князей или кто бежал к князям из Новгорода в трудное время. Вероятно, степень «верности» зависела от начального статуса «слуги». Например, Майкл Хикс отмечает такие случаи, когда в «могущественные люди» выбивались младшие дети, положение которых во многом, если не во всем, зависело от короля, а соответственно связи были теснее. Возможно, это было справедливым и для Руси.

Если проанализировать степень преданности определенных бояр определенным князьям или княжеской ветви из двух-трех поколений, порой действительно отслеживаются устойчивые тенденции. Однако чаще положение резко меняется со сменой политической ситуации. В том числе, «кормомлниками» становились без сомнения «верные» в прошлом князьи мужи или их потомки. Так, в записях Ипат середины XII в. упоминается Петр Бориславич, «муж» Изяслава Мстиславича. В статьях 60–70-х гг. этого же столетия достаточно прозрачно намекается на то, что он вместе со своим братом поспешествовал изгнанию из Киева сына Изяслава, Мстислава²⁰⁹. В ГВЛ таким «злом» для князей являются «Кормиличичи» – потомки некоего Кормильца²¹⁰ и «приятели» черниговских Игоревичей, сыновей известного Игоря Святославича. Вначале Кормиличичи «славяху Игоревича», но после выступили уже против них.

Сравнительно подвижными были и прокняжеские «партии» в городах, что коррелирует с приведенными выше наблюдениями, хотя, как отмечалось, степень лояльности большинства «приятелей» могла быть меньшей, чем у тех, кто в летописях выступает как верные «мужи» князя. Обычно исследователи пытаются определить политические интересы горожан, не обращая внимания на ситуативность таких интересов. В. Л. Янин, привлекая наиболее благодарный с этой точки зрения материал – новгородский²¹¹, выделяет сторонников определенного князя и столкновениями интересов разных боярских «партий» объясняет бурные политические события в Новгороде²¹². При этом для всего XII (да и XIII) в. наличие постоянных сторонников князей – скорее исключение, нежели правило. Если допускать постоянство интересов «приятелей» и связь определенной группы исключительно с одним князем, то невозможно объяснить, почему многие посадники переживали по несколько князей, а интересы людей и групп менялись. Можно привести примеры «гибкой политики» таких новгородских «мужей» и посадников, как

Известно наименование одного из разрядов таких служащих князя: «милостници» (позднее – «любовници»), однако их статус не вполне ясен. Если имеем дело с летописями и хрониками, указание на степень зависимости, как кажется, может иметь и риторическую природу. Например, в одной из польских хроник «*niewolnikiem*» в подстрекательской речи назван сын князя, зависимый от старших: *Trakowski S. Monarcha wobec ludu w świetle Kroniki mistrza Wincentego // Człowiek w społeczeństwie średniowiecznym. Warszawa, 1997. S. 368, 373.*

²⁰⁹ О Петре Бориславиче: 461–464И, о Петре и Несторе Бориславичах: 541И.

²¹⁰ Боярина, призванного следить за княжичем, пока он еще мал. Его имя не называется, но далее названа «Кормильчья Нездиловая». Может быть, речь идет о том же самом кормильце; 756И.

²¹¹ Данные о других землях фрагментарны, кроме того, только Новгород все историки признают «вечевым городом» и считается, что здесь «приятели» представлены, так сказать, в чистом виде.

²¹² Ученый оговаривает, что политические интересы могли меняться (например: Янин В. Л. Новгородские посадники. (1962). С. 103), но все же ищет и акцентирует постоянство связей. Другое, традиционное, объяснение предполагает «независимую» политику горожан; в настоящее время особенно активно поддерживается школой И. Я. Фроянова.

Нежата Твердятич, Судило Иванкович, Якун Мирославич²¹³ и др. Судя по всему, некоторые из группировок или коалиций бояр были столь же подвижными и неустойчивыми²¹⁴. Если даже делать скидку на то, что в источниках фиксировались в основном самые скандальные противостояния и одиозные предательства, с одной стороны, и действия наиболее верных сторонников князя, – с другой, все равно статистика складывается не в пользу гипотезы о постоянных боярских группировках и «партиях» горожан.

Следует учитывать то, что возможности выяснения механизма ротации в княжеских дружинах у современного историка крайне ограничены. Эта сфера в древнерусских текстах почти табуирована, рассказы о приеме на службу в летописях одиночны. О переходах «мужей» от одного князя к другому часто можно догадаться только на основании того, что данный человек зафиксирован в летописи при разных князьях. Кроме того, в этих случаях исследователь обычно сталкивается с трудностями идентификации, если только имя не относится к уникальным²¹⁵. Спокойная констатация факта принятия в дружину редка, что, очевидно, связано со стереотипами восприятия «верности» и «неверности» князю. Чаще всего об этом упоминается в кризисной ситуации, где прием равнозначен предательству, а соответственно известие несет отрицательную семиотическую нагрузку.

И все же, на основании даже такого в общем скудного материала, можно сделать вывод, что в рассказе о подобных происшествиях действуют достаточно жесткие нарративные штампы описания «верности» и «неверности» князю. Как правило, если летописец симпатизирует данному князю, он старается всячески продемонстрировать или хотя бы задекларировать «верность» дружины. Даже если князь вынужден уйти из земли, вся дружина следует за ним²¹⁶. Если речь идет о молодом князе, подчеркивается, что у него осталась дружина («мужичи») отца²¹⁷, что спо-

²¹³ В 1137 г. Нежата бежал из Новгорода к Всеволоду Мстиславичу от князя Святослава Ольговича. Тот же самый Нежата в 1141 г. бежал в Суздаль уже «Святослава дѣля» после изгнания Святослава Ольговича. Впервые посадничество ему дали при Святополке Мстиславиче (1144 г., в Киеве в то время был Всеволод Ольгович, враг суздальского Юрия Долгорукого), отняли в 1146 г. после прихода в Киев Изяслава Мстиславича (в Новгороде княжил по-прежнему Святополк). Снова он стал посадником в 1160 г., после того как новгородцы выгнали Святослава Ростиславича и посадили Мстислава, внука Юрия. Отняли посадничество у него в 1161 г. после возвращения Святослава. См.: НІ, с. 24, 26, 27, 31. Карьера Судилы подобна Нежатиной, ср.: НІ, с. 26, 27, 29. Он также бежал в 1140 г. в Суздаль «Святослава дѣля», впервые ему дали посадничество при суздальском княжиче Мстиславе Юрьевиче, а вот в 1156 г. «выгнаша Судила ис посадничества» после вокняжения в Киеве Юрия Долгорукого и княжения в Новгороде того же Мстислава Юрьевича. Якун был сторонником/слугой Святослава Ольговича, позднее Юрия Долгорукого, далее Романа Мстиславича. Не поддерживал Всеволода Мстиславича, Святослава Ростиславича и Андрея Боголюбского (сына Юрия). См.: НІ, с. 24, 26, 29, 32, 33, 35.

²¹⁴ См.: *Віккул Т.* Давньоруське «чадь». С. 72–73.

²¹⁵ Если учитывать только тех, кого трудно с кем-либо перепутать, можно привести таких «слуг нескольких князей»: Володислав Лях (ср.: 526И, 549И, 557И, 562–563И), Глеб Зеремеевич (730И, 734И, 750И, 752И, 767И, 771И), Миша (НІ, с. 66, 71, 72, 82).

²¹⁶ 409И, 730И.

собствует положительной оценке каждого такого персонажа. Наоборот, в тех случаях, когда летописец не питал добрых чувств к какому-либо князю и старался создать впечатление, что тот был не слишком добрым правителем, отмечено, что его дружина не пошла за ним после утраты княжения: «Бояре его и отступиша от него»²¹⁸. Впрочем, иногда подобные описания «неверности» вводились затем, чтобы отгнать страдания правителя и усугубить вину горожан. Например, в договоренности Игоря Ольговича с Улебом и Иваном Войтишичем повествуется о том, как князь дал вельможам хорошую награду за их службу, а они учинили «свѣтъ золь» и предали его. Смена лояльности может оцениваться более или менее спокойно лишь при условии перехода боярина к симпатичному летописцу князю или «отступления» от несимпатичного²¹⁹. Впрочем, даже и в этих пассажах звучат оправдывающие интонации, как то видим в истории принятия Рюриком Ростиславичем на службу тюркского князя Кунтувдыя²²⁰.

Летописцы могли манипулировать также упоминанием «неместных» элементов дружины в целом, «интегрируя» чужаков в местное общество или, наоборот, акцентируя чужеродность. В случае конфликта «дружина» становилась «чужой» и ассоциировалась с прибывшими и поступки горожан («избиение») закономерным образом оправдывались. Например, после смерти Юрия Долгорукого «...избивахуть суждальцев по городомъ и по селомъ, а товар ихъ грабляче» – так, как будто Юрий в свою дружину не привлекал киевлян, хотя это было нормальной практикой того времени. За активностью «киян» в данном случае стоял, снова-таки, отнюдь не местный, черниговский князь Изяслав Давыдович²²¹. В повествовании же 1175–1177 гг. новоприбывшие во Владимиро-

²¹⁷ У Святополка и Мономаха – «мужи отецъ»; 229–230Л. У Данила Галицкого – «бояре отца его вси у него»; 730И, ср. также 625И. Это не всегда соответствовало реальному положению вещей, что справедливо, например, в случае с Данилом, ведь ГВЛ неудачи этого князя склонна объяснять именно предательством бояр. Вместе с тем указаний на боярские династии, чего-то наподобие «сынъ мужа отця» или «еще и отцо его служившо...», в летописях нет. Можно предположить, что отношение к наследственной службе было неоднозначным. Ср. слова киевлян 1146 г. «не хочемъ быти акы в задници» (в наследственном владении); 323И. Быть может, это ассоциировалось с несвободным состоянием.

²¹⁸ 285И. Примечательно, что в параллельной статье Лавр этого известия нет, хотя тексты Ипат и Лавр здесь имеют общую основу, ср. 292Л. См. также о Святославе Ольговиче: «Дружина же его они по нем идоша, а друзии остана его»; 334И.

²¹⁹ 501–502И, 536И. В последнем случае бояре отказались последовать за своим князем Володимиром Мстиславичем и предать киевского князя Мстислава Изяславича. Володимир Мстиславич – вероятно, наиболее отрицательный персонаж Киевского свода. Во всяком случае, это единственный князь, о котором плохо говорится в известии о его смерти.

²²⁰ Когда Рюрик Ростиславич принял на службу князя «черных клобуков» Кунтувдыя, «мужа» Святослава Всеволодича, специально отмечено, что это было сделано ради спокойствия земли, так как Кунтувдый, «озлобленный» Святославом, бежал в половцы и «наводил» поганых; 674И.

²²¹ Об этом сюжете см. гл. 2, П.11. О восприятии чужаков см., например: *Толочко О.* «Образ чужинця» в картині світу домонгольської Русі // *Mediaevalia Ucrainica*. Ментальність та історія ідей. К., 1992. Т. 1. С. 26–46.

Суздальскую землю князя и их дружины слились с горожанами, сторонники Ростиславичей стали «ростовцами», а Юрьевичи «володимирцами», и лишь однажды летописец отметил наличие «русских децких» применительно к Ростиславичам. Судя по всему, летописец имел своей целью противопоставить по-настоящему преданных людей-владимирцев («своих») всем остальным.

Как мириться с чужими – в самом деле противоречивый, а возможно, и неразрешимый на имеющемся материале вопрос. Князья приводили дружину: смольнян в Новгород, волынцев в Киев, черниговцев в Галич, и это было общепринятой практикой. Перемещение лично преданных людей было выгодным, по крайней мере, оно способствовало уменьшению проявлений местного партикуляризма. Похоже, чужаки становились социальным капиталом не только для князей. ГВЛ содержит уникальную информацию о том, что подобные операции проводились боярами²²². Не сидели на месте и простые люди. Новгородские летописцы жалуются, что из-за голода «...иное померло... а иное разидеся в иншую землю». В начале XIII в., как кажется, князь привел с собой в Новгород не только дружину, но и смердов²²³. Если такие интервенции были общепринятой практикой, как интегрировались новоприбывшие в местное общество? Кроме того, для элиты подвижность была нормой, но перебиралась ли дружина «в иншую землю» со всем своим добром? Или же «кимъные», жены, дети, слуги оставались на местах? На новгородском материале исследована оседлость бояр, но статус Новгорода, как правило, считается исключительным и нехарактерным для других древнерусских земель. Тем не менее. В Ипат, например, случайно проскользнуло такое сообщение. «Святославъ же... нача искати товара Изяславихъ бояръ, и жены ихъ изоима и има на них искупъ»²²⁴. Описывается ситуация, когда Изяслав Давыдович лишился киевского княжения, и между черниговскими князьями, двоюродными братьями Изяславом Давыдовичем и Святославом Ольговичем, возник конфликт. «Изяслави бояре» – та часть дружины Изяслава, что была черниговской по происхождению²²⁵. Судя по всему, их села и жены остались в Черниговской земле. Неизвестно, являлась ли такая практика повсеместной или была обусловлена какими-то особыми обстоятельствами²²⁶. Оставление «имений» в далеком краю было не-

²²² Князь Данило говорил боярину Доброславу: «...чернѣговских бояръ не велѣх ти, Доброславе, приимати, но дати волости галицкымъ»; 789И.

²²³ Ип, с. 68 (новгородский книжник сообщил, что «сбежавшим в чужую землю» было разрешено несколько лет не платить подать). В целом явление мобильности населения, не принадлежавшего к элите, слабо исследовано. Противоположную оценку мобильности простых людей в Древней Руси см.: *Моця А. П.* «Дві імперії – два етноси?»; *Толочко А. П.* «Воображенная народность», По материалам круглого стола «Етнічні процеси у середньовічному слов'янському світі» // УДЖ. 2001. № 3. С. 23, 33.

²²⁴ 502И.

²²⁵ Была и киевская. Ср. уже отмечавшееся сообщение: «Изяславъ же... дасть прощенье кианомъ, ихъ же бяху изоимали»; 516И.

безопасным, поскольку ссора князей приводила, как и произошло в данном случае, к ограблению и конфискации земель. О том же свидетельствуют слова другого князя, Изяслава Мстиславича под 1150 г.: «Вы есте по мнѣ из Рускы земли вышли, своихъ сель и своихъ жизни лишився»²²⁷.

Итак, определение летописцем некоей общности как «дружины» или «горожан» ситуативно, и эта неопределенность и неустойчивость имеет под собой реальную основу: нестабильность состава дружины, особенно в кризисных ситуациях, в основном и описываемых в летописи. Вместе с тем значительную роль играли нарративные стратегии. Древнерусские книжники по ходу изложения меняли фокус, «галичане» представляли «дружиной», «дружина» – «князями» и наоборот. Некоторые противоречия вызывались изобразительными средствами, в особенности неумением задавать полифункциональность социальных ролей, а также стремлением летописцев внести разнообразие в повествование. Но чаще смысл событий затемнялся нарочно: князь и все связанное с ним вытеснялось «людьми». Как показало исследование нарративных моделей, борьбу за волюсть, где, как правило, участвовали два князя или две группы князей и их сторонники и противники, принято было изображать как борьбу одного князя и города. Говорилось не о конфликте разных князей, каждого со своими дружинами и «приятелями», и не о расколе горожан, вызванном внешними факторами, а о разделении по линии «люди» – «дружина», «горожане» – «приятели князя».

В ситуации мира и относительной стабильности, по-видимому, вечников можно отождествить со «всей дружиной». Не с тем понятием «дружина», которым оперируют историки, а «дружиной» древнерусских сводов, понятием переменного содержания, включающим и все войско, и верхушку общества, а порою всего нескольких «мужей». К сожалению, выяснить, в каком случае это было все войско, а в каком – верхушка, не представляется возможным. Для того времени одна общность могла подменяться другой, поскольку верхушка вполне легитимно представляла собою «всех людей». А пока люди не «встали» и не «начали молвити», опираясь на закулисные игры иного правителя, всю землю мог представлять и князь.

Функции веча и его место в древнерусском обществе

Термин «функции веча», разумеется, условный. В XI–XIII вв. сфера компетенции властных структур была сравнительно цельной и отдельные направления еще не выделились²²⁸. Не существовало и сугубо княжеских или вечевых функций. Вообще, разграничение

²²⁶ Ранее, кстати, в Ипат говорится, что Изяслав ушел из Чернигова «весь», то есть забрав всех своих людей.

²²⁷ 409–410И; «жизнь» в значении 'имѣние'.

²²⁸ Что отмечалось уже историками XIX в. См., например: *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 92.

сфер и уровней компетенции, по-видимому, – идея Нового времени. Для древнерусского периода она совершенно нехарактерна. Даже в новгородских договорах с князьями второй половины XIII в. отсутствуют попытки формализации и закрепления каких-то функций за вечем. Таким образом, исследователь при анализе этой специфической области вынужден оперировать научными конструктами. Я определяю функции на основе предмета обсуждения на собрании или же, поскольку обсуждения порою могло и не быть, а были действия, и достаточно скоропалительные, на основе определения направления деятельности вечников.

«**Мятежи**» и «**призвания**». То, что вече могло влиять на распределение княжеских столов, признано всеми историками. Споры ведутся по поводу его политической роли. Кстати сказать, историографическая ситуация отнюдь не уникальна и характеризует не только споры вокруг древнерусского веча. См. например, в книге Э. Дж. Бикермана о роли народных собраний и восстаний в эллинистическом государстве Селевкидов: «Существует теория, воспринятая с излишней готовностью, что в эллинистических монархиях источником царской власти в конечном счете было как раз утверждение ее армией, представлявшей македонский народ... Селевк VI был заживо сожжен во время восстания города Мопсуесты; никто, думаю, не сделает отсюда вывод, что жители этого города обладали правом поджигать дворцы своих царей, если те требовали уплаты налогов»²²⁹. Если же попытаться выделить какие-то общие представления, то можно сказать следующее. В дореволюционной историографии вмешательство в вопрос передачи столов в Древней Руси осмысливалось в рамках *права народа* на выбор князя²³⁰, и главным был вопрос легитимности участия в политической жизни. Советских ученых интересовали главным образом частота и причины *восстаний*, то есть то, какое влияние «люди» реально оказывали на политическую ситуацию.

С одной стороны, проблема решается чрезвычайно просто. Летописных сообщений о крамольных вечах и приглашениях князей горожанами больше всего, и они дошли из всех древнерусских земель. Вопрос

²²⁹ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 10.

²³⁰ М. П. Погодин, например, определял это как обычное право: *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции. Т. 7. С. 155–156. Славянофилы категорично утверждали, что князь был «чиновником общины» и народ выбирал князя в согласии со своими вполне определенными правами. Это вызвало возражения В. И. Сергеевича. Ученый не определил точно природу «народного избрания», но считал его лишь одним из оснований смены князя, наряду с междукняжескими договорами и военными столкновениями. См.: *Сергеевич В. И.* Вече и князь. С. 67, 99; *Он же.* Древности русского права. Т. 2. С. 73. Д. Я. Самоквасов решительно отклонил саму возможность законных оснований бунта вечников и писал о случайном усилении горожан в периоды политического хаоса. *Самоквасов Д. Я.* Заметки по истории. С. 34–45. Своеобразное резюме дискуссии подвел А. Е. Пресняков: «Население каждого города имеет полное право на призвание князя и ряд с ним – разумеется, если имеет силу осуществить это право»; *Пресняков А. Е.* Княжое право. С. 69.

призвания и изгнания мог обсуждаться на вечевых собраниях и в этом смысле входил в их сферу компетенции. С другой стороны, в своей традиционной постановке проблема практически не имеет решения. Такие аспекты, которые должны определять, по крайней мере с точки зрения современных историков, роль веча, – регулярность подобного рода собраний²³¹ и обязательность вечевого решения – не поддаются определению. Параллельные сообщения летописей демонстрируют крайнюю неполноту информации и ее зависимость от интенций летописцев и применяемых ими сюжетных схем. Решение вопроса о престолонаследии могло приписываться как князьям, так и горожанам, так что в абсолютном большинстве случаев невозможно выяснить, каким было реальное развитие событий.

Например, о приглашении Мономаха в 1113 г. известно из ПВЛ и «Сказания о чудесах свв. Бориса и Глеба», оба источника – промономахового толка. Изображение призвания под давлением людей было выгодно Володимиру Всеволодичу, ведь оно избавляло князя от обвинений в несправедном захвате стола, а у него были соперники – линия Святополка и Святославичи. ПВЛ и Сказанию противостоят Лавр и НПЛ, нейтрально сообщающие о входе Мономаха в Киев и не дающие никакой информации о «кыянах»²³². Судя по скорости замены князя (16 апреля умер Святополк, 20-го – Володимир Всеволодич уже находился в городе) могло быть так, что вступление Мономаха на самом деле обеспечивалось внезапностью, все решал перевес сил, и адекватно отражают ситуацию НПЛ и Лавр. Однако вполне допустимо предположить, что князю «прияла», то есть симпатизировала и способствовала утверждению, часть горожан, а смерть Святополка сопровождалась «мятежом» и разграблением двора правителя, обычным в таких случаях для традиционных обществ. Тогда, значит, книжников, оставивших записи в НПЛ и продолжении ПВЛ в Лавр, интересовал фактический порядок вещей: один князь умер, второй пришел на его место, обстоятельства же смены опускались как несущественные. Далее, сомнительно добровольное принятие сына Всеволода Юрьевича, Ярослава, рязанцами в 1207–1208 (6717–6718) гг. в том виде, как это рисует Лавр: рязанцы сами отправили остаток своих князей к Всеволоду и поклялись в верности Ярославу. Такой оборот выгоден суздальскому летописцу и его патрону. Он придает легитимность действиям Всеволода, последовавшим после мятежа рязанцев в следующем году: захвату горожан и сожжению города, – ведь Ярослава Всеволодича рязанцы якобы приняли

²³¹ В дореволюционной историографии вопрос регулярности вечевых собраний приобрел особое значение еще и потому, что славянские обычаи изучались в сравнении с германскими, а германские тинги (динги) отличались регулярностью (собирались по крайней мере раз в год). И позднее бурдинги собирались хотя бы один раз в году в определенный день, на них приносились присяги и принимались местные статуты – вилькюры. *Рогачевский А. Л.* Меч Роланда. Правовые взгляды немецких горожан XIII–XVII вв. СПб., 1996. С. 17, 86, 92.

²³² См. гл. 2, I.2.

в Рязань без всякого насилия, на договорных основаниях, потом же сами нарушили договор. Известие ЛПС, а также некоторые неувязки в самой Лавр позволяют предполагать взятие Рязани²³³. Но взятие могло быть осуществлено на определенных условиях и включать договор горожан со Всеволодом, или же без всяких условий и включать пленение рязанских князей и посадение судальским князем своего сына (возможно, также выход горожан к победителям с крестами и «покорением», не менявший, однако, сути дела). Каким был в данном случае реальный ход вещей, неизвестно. В подобных ситуациях дело осложняется еще и тем обстоятельством, что верхушка для древнерусских книжников являлась вполне законным репрезентантом всего сообщества. Например, приглашение Олега Святославича после смерти отца в Чернигов «передними мужами» Святослава Ольговича 6672 (1164) г. («свьѣтъ мужей») собирала княгиня) представлялось летописцу столь же законным и нормальным, сколь и приглашение Мономаха множеством «клян» 1113 г. Во всяком случае, нет никаких намеков на незаконность или ненормативность того или другого²³⁴. Между известиями о верхушке и собрании «всех людей» не существовало никакого противоречия; фактически, они имели равные права. Репрезентативность могло нарушить только появление нового лидера – князя-соперника и оппозиционной группировки знати, связанной, снова-таки, с каким-либо одним представителем соперничающей династии или с целой коалицией.

Здесь хотелось бы несколько подробнее остановиться на автономности действий вечников. Как уже отмечалось, книжники были склонны приписывать главную роль в событиях либо князьям, либо вечникам, что отчетливо показывают параллельные сюжеты I модели, рассмотренной во второй главе. Притом решающую роль «людям» летописцы приписывали в том случае, если писать о действиях князя было нежелательно. В свою очередь, из сюжетов II модели видно, что часто также пытались скрыть, так сказать, движущую силу выступлений горожан – провокацию князя-соперника. Отделение «людей» от князя связано с семиотической нагрузкой упоминаний активности или пассивности действующих лиц, хотя сравнение текстов позволяет увидеть, что «люди» во многих случаях не выступали самостоятельно.

Это демонстрируют в том числе материалы из истории Новгорода XII в. Хотя традиционно считают, что новгородское вече свободно при-

²³³ См. гл. 2, I.4, II.8.

²³⁴ Что уже отмечалось, в том числе у Сергеевича. Ср. текст статьи 1164 г.: «И отрекоша дружинѣ Ольгови: “Княже не стряпаи, ѣди вборзѣ”... Олегъ же вборзѣ ѣха Чернигову и не заста отца живого, таша бо смерть его за 3 дни до Ольгова приѣзда. Се же створи княгини, сгадавши и с пискупомъ и с мужи князя своего с передними. И цѣловаша святого Спаса на томъ, яко не послатися къ Всеволодичю (Святославу) Новугороду». Далее приводится послание предателя-епископа, написанное им Святославу Всеволодичю: «Стрий ти умерль, а по Олга ти послали, а дружина ти по городомъ далече... а поѣди вборзѣ»; 522–523И. Составитель Киевского свода положительно оценивал Святослава Ольговича и его детей, и сцена приглашения «передними мужами» выписана с очевидными нотками симпатии к Олегу.

глашало и изгоняло своих князей, работы Л. В. Черепнина, П. П. Толочко и других ученых подвергли сомнению утверждение об автономности Новгорода от Киева, начиная с 1136 г.²³⁵ Это год знаменитой «встани» новгородцев, во время которой они изгнали своего князя Всеволода Мстиславича. Событие служит достаточно важной вехой в периодизации истории Новгорода; это выступление в свое время называли даже «новгородской революцией». Ключевые сюжеты середины 1130-х – начала 1140-х гг., отраженные, как правило, в трех сводах (НПЛ, Ипат и Лавр), не позволяют сделать вывод о самостоятельности новгородцев. Судя по параллельным текстам, смена князей на новгородском столе обусловлена политической ситуацией в главных центрах Руси. Вместе с тем ведущей интенцией летописцев было нежелание демонстрировать зависимость местных событий от общей расстановки сил. Для «автономизации» новгородцев использовались различные приемы: чаще всего книжники старались «сузить» круг князей, имевших влияние на решение новгородских проблем, или вовсе не упоминать князя-соперника, представляя горожан совершенно независимыми. Рассмотрим в ближайшем приближении несколько нарративов (как и ранее, сюжеты не рассматриваются в хронологическом порядке).

Прежде всего обратимся к повествованию об изгнании Святослава Ольговича из Новгорода в 1138 г. Это первая смена князя после «встани» 1136 г., и логично было бы ожидать, что именно здесь проявятся новые политические тенденции, однако ничего подобного не наблюдается. Для введения читателя в курс событий необходимо немного предыстории. В 1134–1138 гг. княжеская «братия» разделилась на две коалиции: одни поддерживали киевского князя Ярополка Володимирича, сына Мономаха, другие – главу черниговского клана, Всеволода Ольговича. Святослав пришел в Новгород в 1136 г. «от брата Всеволода» и сидел там два неполных года²³⁶. Смена князя в Новгороде 1138 г. происходила на фоне обострения конфликта «Ольговичей» и «Володимиричей» и новых столкновений представителей черниговского клана с киев-

²³⁵ См.: *Черепнин Л. В.* К вопросу о характере и форме древнерусского государства X – начало XIII в. // Исторические записки. Т. 89. 1972. С. 399–401; *Толочко П. П.* Киев и Новгород в XII – начале XIII в. в новгородском летописании // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 171–179; *Котляр М. Ф.* Політичні взаємини Києва і Новгорода в XII ст. // УІЖ. 1986. № 9. С. 19–29; *Водов В.* К истории оформления докончаний Новгорода с князьями в XIII в. (наблюдения над политической лексикой) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 56; *Вилкул Т. Л.* Новгородцы и русские князья. С. 34–54. Отчасти это признает И. Я. Фроянов: *Древняя Русь*. С. 338–339, 350–351. Историки возражали против деления истории Новгорода на события «до 1136 г.» и «после 1136 г.». В. Л. Янин пишет о том, что новгородская самостоятельность формировалась достаточно длительное время, до конца XII в.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники.

²³⁶ Год и девять месяцев или, по выражению летописца: «...два лѣта бес трии мѣсяць»; НІ, с. 25. Обычно исследователи, следуя за Ипат и Лавр, сокращают время пребывания Святослава в Новгороде. П. П. Толочко: «на короткое время»; И. Я. Фроянов: «год с небольшим». *Толочко О. П., Толочко П. П.* Київська Русь. С. 217; *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. С. 350. Однако датировки в записях НПЛ за XII в. заслуживают доверия и отличаются точностью, см.: *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 212 и др.

ским князем и его сторонниками; в конечном итоге усилился один из «Володимиричей», суздальский князь Юрий Долгорукий, сын которого сел в Новгороде²³⁷. Все это весьма далеко от знаменитой «вольности в князьях». Тем не менее, у читателя может возникнуть впечатление о самодостаточности новгородского конфликта и автономных действиях новгородцев именно из-за примечательной манеры летописцев фиксировать события.

Под 1138 г. НПЛ сообщает, что новгородцы выгнали Святослава Ольговича и посадили Ростислава Юрьевича, сына Юрия Долгорукого. На первый взгляд, это никак не зависит от событий в иных землях, ведь в тексте речь идет исключительно о новгородских происшествиях.

«Въ то же лѣто выгнаша князя Святослава, сына Ольгова, из Новгорода, мѣсяця априля 17... Томъ же лѣтѣ слашася по Гюргя Володимирици Суждалю, а въ 23 того мѣсяця пополошишася людье: сьлгаша бо, яко Святопѣлкъ у города сь плсковизи»²³⁸.

Лишь однажды летописец проговаривается: смольняне «яша» (схватили) самого Святослава, а новгородцы стерегли жену его в Новгороде, «жидуче оправы Яропѣлку сь Всѣволодомъ». Горожане, оказывается, ожидали, уладится ли киевский князь с главой черниговских Ольговичей, разрешение конфликта зависело от князей. Эта небольшая деталь заставляет сопоставить изгнание Святослава Ольговича с политической ситуацией в других русских землях: серией военных столкновений, осадой Чернигова и миром 1138 г., описанных в Ипат и Лавр, – и считать, что история с утратой Новгорода маркирует общее ослабление Ольговичей. Однако в НПЛ основной акцент ставится на внутригородских событиях, а без сравнения с Лавр известие об «оправе» Ярополка со Всеволодом Ольговичем остается просто непонятным.

Составители Ипат и Лавр также прилагают немалые усилия, чтобы разорвать новгородские и южные события. В частности, комплектуя статью 1138 г., суздальский летописец умалчивает о связи изгнания Святослава Ольговича с южнорусскими военными конфликтами. Ср. последовательность событий в Лавр:

²³⁷ На это обратили внимание достаточно давно. См., например: *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства. С. 65; *Пресняков А. Е.* Княжое право. С. 85, прим. 2; *Котляр М. Ф.* Політичні взаємини. С. 26; *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. С. 351. *Толочко О. П., Толочко П. П.* Київська Русь. С. 217. С. М. Соловьев допускал, что Ростислава Юрьевича новгородцы посадили именно потому, что суздальский князь был как бы средней фигурой между Ярополком и Ольговичами. *Соловьев С. М.* История России. Кн. 1. С. 427. Это же предположение было повторено Мартином Дымником. *Dimnik M.* The Dynasty of Chernigov. P. 345, 347. Впрочем, на то, что смена князей в Новгороде имела отношение к конфликтам на юге Руси, обращают внимание далеко не всегда. Изоляция истории Новгорода от общерусской – явление традиционное в историографии. Относительно данного случая см., например: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 138; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. (1962). С. 96.

²³⁸ НЛ, с. 25. Святопѣлкъ – имеется в виду Святопѣлк Мстиславич.

«Тое же зимы выгнаша новгородци Олговича из Новагорода, а Гюргевича пояша Ростислава княжить у себе. Того же лѣта послаша Олговичи по половци и начаша воевати по Суль (с Андреем Володимиричем. – *Т. В.*)... Андърѣви же не могущу супротивити/ся/имъ... и тако увѣдѣвше Олговичи... и лестными словесы акы бес печали ѱ (его. – *Т. В.*) створиша. Того ж лѣта яша Олговича Святослава, бѣжаша из Новагорода, и приде вѣсть Ярополку, и отголѣ болми почаша воевати Олговичи и приведоша половець множество и взяша Прилукъ, и хотяща поити г Киеву, и увѣдѣша, оже Ярополкъ доспѣлъ с братьею своею, и идоша опят к Чернигову. Ярополку же скопившю множество вои... и поиде Чернигову»²³⁹.

Как видим, в Лавр лишь вскользь говорится о связи новгородского изгнания и войн Ольговичей. Более того, летописец указывает неправильную дату изгнания: «тое же зимы»²⁴⁰. Из НПЛ известно, что Святослава Ольговича «...выгнаша... апреля 17 въ недѣлю 3 по Пасцѣ»²⁴¹, – и если начало марта древнерусские книжники порой подводили под зиму предыдущего года, то середина апреля в этот сезон не укладывается. Такая датировка, как и компоновка статьи в целом, позволяет суздальскому летописцу представить дело следующим образом: сначала, еще зимой, новгородцы выгнали Святослава Ольговича, потом черниговские князья долго и безнаказанно разоряли киевские и переяславские земли. Только после второго их похода миролюбивый Ярополк решил начать войну и сразу же победил Всеволода Ольговича. Впрочем, как и в НПЛ, скандальные сведения о захвате Святослава выдают некоторую искусственность такого построения. Летописец помещает захват в середину конфликта: после изгнания из Новгорода Святослава «изымаша» Ярополку «приде вѣсть» об этом, и «отголѣ болми почаша воевати Олговичи». Однако это единственная оговорка, не вписывающаяся в его концепцию. Вместе с тем, если учитывать, что Святослава Ольговича «лишили» Новгорода не зимой, а в середине весны, и схватили, ожидая как раз «оправы» Всеволода Ольговича с Ярополком, изгнание произошло в самый разгар военного конфликта.

Но до полного совершенства независимость новгородских и южных событий доведена в изложении Ипат. Сначала киевский летописец рассказывает об изгнании новгородцами Святослава Ольговича, захвате его смольнянами и приглашении в Новгород Ростислава Юрьевича. Потом сообщает о нападении Всеволода Ольговича на Переяславскую землю и реакции Ярополка – осаде Чернигова. О том, что поход Всеволода был ответным действием на заточение брата, не сказано; оба блока информа-

²³⁹ 305–306Л.

²⁴⁰ Кстати, дата не сочетается с последующими хронологическими ремарками «того же лѣта». Здесь, видимо, следы редактирования или компиляции, ведь 1 марта должно было отмечать границу нового года.

²⁴¹ НЛ, с. 25. О датировках этой статьи НПЛ см.: *Зименс Г.* Вычисление Пасхи в Новгороде в XII в. // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 121–129.

ции поданы как независимые известия «В се же лѣто... В се же лѣто»²⁴². Таким образом, схема изложения выглядит так: совершенно независимые действия новгородцев и смолян – не связанная с этим и, значит, беспричинная агрессия Всеволода Ольговича – контрмеры Ярополка.

То есть из случайной обмолвки НПЛ узнаем о том, что «люди» в Новгороде ожидали «оправы Ярополку со Всеволодом», а из сопоставления НПЛ с Лавр можно догадаться, что новгородский конфликт был весьма весомой составляющей в борьбе киевского и черниговского князей. Как именно изгнание Святослава вплеталось в военное противостояние, точно восстановить, к сожалению, невозможно, широкую панораму летописцы практически не освещают. Можно только осторожно предположить, что поскольку при тогдашней скорости сообщений нужно было некоторое время, чтобы вести дошли до Новгорода и из Новгорода в Южную Русь, а события произошли очень быстро, выступление все же каким-то образом готовилось и инспирировалось. Однако предположение это основано исключительно на логических основаниях. Новгородский книжник сосредоточен на местных событиях, а составители Киевского и суздальского сводов строят свое повествование так, чтобы развести южнорусскую и новгородскую части истории даже хронологически, дабы не возникло подозрения в их причинно-следственной связи. Подобные операции существенно изменяли смысл известий. В таком случае ни киевского, ни суздальского князя, сын которого сел в 1138 г. в Новгороде, нельзя было заподозрить в причастности к новгородским возмущениям. Помимо всего прочего, искусственное разделение северного и южного конфликтов позволяло демонстрировать беспричинную агрессию Ольговичей, что подразумевало соответствующую оценку участников событий.

Следующая смена князя в Новгороде произошла очень скоро, в 1139 г., и также отражена в трех сводах. На сей раз, наоборот, Ростислава Юрьевича поменяли на Святослава Ольговича. Историки писали о «непоследовательности новгородцев» и усматривали разные причины такой «непоследовательности». В частности, популярной была гипотеза о народных волнениях, вызванных голодом и ухудшением положения простого населения²⁴³. Лишь на последнее место ставили изменение политической ситуации: восстановление на новгородском столе Святослава Ольговича связывали с тем, что в Киеве вокняжился Всеволод Ольгович²⁴⁴. На самом деле именно политические обстоятельства сыграли, по-видимому, решающую роль. Увидеть связь меж-

²⁴² «В се же лѣто выгнаша новгородъци Стослова Ольговича и приаши и смоляне, а Ростислава Гюрдевича новгородци посадиша в себе. В се же лѣто привеле Всеволодъ Олговичъ половцѣ к Прилоукоу и взя ины города, поима Посоулское. Ярополкъ же съзвася съ братею своею, и съ сыновци своими събрася... и поиде Черниговоу...»; 301–302И.

²⁴³ Янин В. Л. Новгородские посадники. (1962). С. 96; Петров А. В. Социально-политическая борьба в Новгороде. С. 27.

²⁴⁴ Котляр М. Ф. Політичні взаємини. С. 26; Толочко П. П. Киев и Новгород. С. 173; Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 351.

ду ними обычно мешает то, что Святослав пришел в Новгород более чем через полгода после утверждения брата в Киеве²⁴⁵. Однако задержка, скорее всего, связана со сложной политической обстановкой: Ипат и Лавр повествуют о борьбе Всеволода Ольговича со Мстиславичами и Володимиричами, а также о неудачной попытке создания враждебной Всеволоду коалиции (последнее частично подтверждается НПЛ). В обоих сводах подробно освещен поход киевского князя против одного из Володимиричей – переяславского князя Андрея – и примирение Всеволода с Андреем. Этот «мир» в Лавр датирован тем же числом, что и изгнание Ростислава Юрьевича из Новгорода: 1 сентября 1139 г.²⁴⁶ Можно предполагать, что где-то к середине 1139 г. позиции киевского князя укрепились, что обусловило и перемены на новгородском столе, и стабилизацию положения в Южной Руси.

НПЛ, правда, сообщает о связи местных и общерусских событий.

«Приде Гюрги князь и-Суждаля Смольнску и зваше новгородьце на Киевъ на Всѣволодка, и не послушаша его. И тъгда бѣжа Ростиславъ Смольнску къ отцю из Новагорода, сентября 1... и разгнѣвася Гюрги, идя опять Суждалю, взя Новыи Тѣргъ»²⁴⁷.

Однако это не вовсе не означает, что новгородский летописец поставил перед собою цель развернуть перед читателем цепь событий. Политическая обстановка в других землях показана ровно в той мере, в какой она могла способствовать выгодному освещению поведения новгородцев. Об обстоятельствах бегства Ростислава Юрьевича НПЛ говорит затем, чтобы оправдать горожан, «обеспечив» им страдательную роль. В этой версии новгородцы предстают жертвами сложной ситуации: Ростислава не выгоняют, он сам покидает Новгород, а Юрий крайне жестко реагирует на отказ в поддержке.

Киевский и суздальский своды умалчивают о контексте смены князей в Новгороде, активной действующей силой в них выступают новгородцы.

²⁴⁵ Всеволод утвердился в Киеве в начале марта 1139 г. (*Бережков Н. Г.* Хронология. С. 138–139), а Святослав Ольгович вошел в Новгород 25 декабря 1139 г. (НЛ, с. 25). Н. И. Костомаров, а позднее А. В. Петров писали о том, что Святослав испытывал недоверие к новгородцам, чем и обусловлено запоздание. *Костомаров Н. И.* Севернорусские народопрательства. С. 65–66; *Петров А. В.* Социально-политическая борьба в Новгороде. С. 27. В такой интерпретации решение о занятии новгородского стола принимается самостоятельно самим Святославом, он не зависит даже от брата, киевского князя Всеволода Ольговича, что противоречит тексту НПЛ, где прямо сказано, что посольство новгородцы посылали ко Всеволоду.

²⁴⁶ 308Л. После этого, согласно суздальской версии, положение стабилизировалось, оба князя заключили союз и даже ходили вдвоем к половцам «на мир».

²⁴⁷ НЛ, с. 25. В. Л. Янин ошибочно утверждает, что Юрию Долгорукому отказали в помощи «в его борьбе против Чернигова» (*Янин В. Л.* Новгородские посадники. (1962). С. 96; (2003). С. 139), в то время как следовало бы говорить о борьбе против Киева, ведь Всеволод Ольгович уже сидел в Киеве. НПЛ, правда, не сообщает о вокняжении Всеволода Ольговича в Киеве, но такие лакуны, можно подозревать – умышленные, встречались в сводах, ср. настоящую главу, прим. 270.

Лавр: «Того же лѣта пустиша новгородци Гюргевича от себе, а ко Всеволоду пустиша дѣти своѣ в тали (отдали детей в заложники. – Т. В.), рекуше: пусти к нам Святослава, и посла к ним Святослава княжить»²⁴⁸.

Ипат: «В се же лѣто выгнаша новгородци Гюргевича Ростислава, и испросиша у Всеволода брата Святослава в Новѣгородѣ, и посадиша и (его) Новѣгородѣ»²⁴⁹.

Военные столкновения Всеволода с Володимиричами и в Лавр, и в Ипат выделены в отдельную рубрику, и, соответственно, у читателя не может возникнуть даже мысли о том, что они каким-то образом обуславливали поведение новгородцев.

Как видим, новгородские конфликты 1138 и 1139 гг. вплетены в борьбу княжеских коалиций, но летописцы успешно применяют тактику отстранения от «большой политики». Подобные же тенденции проявляются и в освещении летописцами самой «вѣстани» 28 мая 1136 г. В этом году новгородцы изгнали Всеволода Мстиславича, правившего у них с 1117 г., и посаженного на столе его отцом Мстиславом Володимиричем, также княжившим в Новгороде достаточно долго (с 1096 по 1117 г.). Давно замечено, что изгнание Всеволода Мстиславича и приглашение Святослава Ольговича было следствием усиления коалиции черниговских князей, хотя в оценке степени влиятельности Ольговичей мнения историков разделились. С. М. Соловьев считал, что междукняжеские распри предоставили новгородцам выбор, которым те не замедлили воспользоваться. К тому же мнению склонялись М. С. Грушевский и А. Е. Пресняков²⁵⁰. Значительное число историков советской школы, напротив, приняло мысль, что новгородские события 1136 г. нужно считать «восстанием» и они удовлетворительно объясняются вспышкой социальной борьбы в городе²⁵¹. Тем не менее, в литературе представлены и иные мнения. П. П. Толочко писал о том, что Всеволод Ольгович

²⁴⁸ 308Л. Это единственный случай, когда летописец XII в. говорит о «талях», описывая не отношения с кочевниками, а отдачу детей в Киев. По-видимому, таким образом задан дополнительный смысловой оттенок отчуждения Новгорода от киевского князя. (Кроме того, в Лавр навязчивый повтор «пустиша... пустиша... пусти» и, так сказать, более мирное прощание с суждальским княжичем по сравнению с Ипат, что, может быть, свидетельствует о незначительном редактировании.) О понятии «таль» см., например: *Ведюшкина И. В.* Термин «таль» в контексте дискуссии об «узком» и «широком» понимании Русской земли // *Восточная Европа в древности и средневековье. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе.* XVIII. М., 2006. С. 18–21.

²⁴⁹ 306–307И.

²⁵⁰ *Соловьев С. М.* История России. Т. 1. С. 425 (впрочем, обычно историк новгородские события излагает отдельно от общерусских; Там же. С. 422–427); *Грушевский М. С.* История Украины-Руси. Т. 2. С. 137; *Пресняков А. Е.* Княжое право. С. 83, прим. 2.

²⁵¹ См., например: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. (1962). С. 70; *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания. С. 189–199; *Петров А. В.* Социально-политическая борьба в Новгороде. С. 26–27. Как правило, это сочетается с тенденцией замыкать историю Новгорода на себя.

затеял тонкую интригу в Новгороде, в результате которой новгородцы пригласили к себе княжить Святослава²⁵²; Н. Ф. Котляр и И. Я. Фроянов пришли к выводу, что Новгород перешел в руки Ольговичей после неоднократного поражения Мономашичей в их борьбе с Ольговичами²⁵³.

В самом деле, Новгород не имеет прямого сообщения с Черниговом, а в Смоленской и Суздальской земле сидели в то время соперники Ольговичей: сын Мономаха Юрий Долгорукий и внук Мономаха, брат Всеволода Мстиславича, Ростислав. Таким образом, необходимо предполагать весьма внушительный перевес сил у Всеволода Ольговича, чтобы он мог вмешаться в новгородские дела. Подтверждение чему и находим в летописных сводах, ведь летописцы фиксируют несколько успешных военных акций Ольговичей в 1134–1136 гг.²⁵⁴ Военная полоса закончилась «стоянием» под Киевом зимой 1135–1136 г. В Ипат записано о мирном договоре между князьями: 12 января 1136 г. Ярополк заключил со Всеволодом мир и дал Ольговичам «...отчину свою, чего

²⁵² Толочко П. П. Киев и Киевская земля. С. 168.

²⁵³ Котляр М. Ф. Політичні взаємини. С. 24–25. Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 348–349.

²⁵⁴ Походы вместе с Мстиславичами против старших Володимиричей в 1134–1135 гг. (в Ипат и Лавр они записаны под 6643 г., ультрамартовский стиль, в НПЛ – под 6642 г. Бережков Н. Г. Хронология. С. 136, 235); разгром Ольговичами коалиции Ярополка в августе 1135 г. и зимнее противостояние конца 1135 – начала 1136 г. Что такое «день св. Андрея» (см. Ипат 6643 г.) – неясно, так как неизвестно, о каком святом идет речь; разброс дат в принципе может быть от июля до декабря, реально же, по-видимому, от октября до декабря.

302–303Л	НЛ, с. 23–24	296–299И
6643/1134–1135 (1135–1136) 1. Мстиславичи «сложились» с Давыдовичами и Ольговичами, Изяслав и Всеволод Мстиславичи ходили на Ростов, но новгородцы возвратились с пути, а Изяслав остался	6642/1134–1135 1. (После 6 августа?) ходил Всеволод на Суздаль, новгородцы возвратились, а Изяслав отправился к Киеву	6643/1134–1135 (1135–1136) – –
2. На осень Ярополк и его братья ходили к Чернигову, возвратились в ноябре	–	2. Ярополк ходил на Чернигов и возвратился, не победив и «мира не створив»
–	–	3. Всеволод Ольгович пришел на день св. Андрея (октябрь или декабрь?) на Володимиричей, «створили мир».
4. Зимой 8 дней Ольговичи стояли у Киева 5. Зимой битва новгородцев с суздальцами на Ждани горе	– 5. Всеволод Мстиславич пошел на Суздаль 31 декабря, битва на Ждани горе 26 января 1135 г.	4. Зимой 8 дней черниговские князья стояли у Киева 5. 6645/1135 (1137!) битва на Ждани горе

и хотели»²⁵⁵. Обычно последний пассаж истолковывают в том смысле, что речь идет о Курске²⁵⁶, хотя это только догадка историков. Претензии Ольговичей, переданные киевским летописцем в статье 1136 г., обозначены слишком общо и не позволяют уточнить, относительно чего велся спор²⁵⁷. Таким образом, вопрос о том, что же получили черниговские князья по договору в январе 1136 г., остается открытым. Несомненно одно: Ярополк потерпел поражение под Киевом, черниговская коалиция взяла верх и ее усиление отозвалось на Новгороде.

Показательно, что сами летописцы тщательно избегают сопоставления новгородских и южных событий. НПЛ повествует только о совместном решении новгородцев, ладожан и псковичей «изгнати князя своего Всеволода». При этом в изложении новгородского летописца отмечается ряд несогласований, показывающих, что читателю представляют все же урезанную версию событий. Прежде всего, в НПЛ приводится перечень «вин» Всеволода Мстиславича, однако они не могут быть, как это обычно считается, непосредственной причиной изгнания. Казалось бы, список довольно внушительный.

«А се вины его творяху: 1, не блюдеть смердь; 2, чему хотель еси сести Переяслави; 3-е, ехаль еси съ пьлку переди всъхъ; а на то много, на початыи (вначале. – *Т. В.*) велевь ны рече къ Всъволоду приступити, а паки отступити велить»²⁵⁸.

6644/1135–1136 (1136–1137) 1. «Рать» с Ольговичами на Супое и поражение 8 августа 2. Ольговичи пришли к Киеву и тут «умирились», не бившись	6643/1135–1136 1. Посадник Мирослав ходил мирить киян с черниговцами, но сражение состоялось 2. Архиепископ Нифонт ходил мирить в Южную Русь, и «умирились»	6644/1135–1136 (1136–1137) 1. «Рать» на Супое, поражение 8 августа 2. 29 декабря черниговские войска подошли к киевским землям, мир 12 января 1136 г., мирил Михаил митрополит

²⁵⁵ 299И. Ср. 296–297И. *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 136.

²⁵⁶ *Соловьев С. М.* История. Т. 1. С. 421 (Ольговичи получили города по Сейму); *Грушевский М. С.* История Украины-Руси. Т. 2. С. 35, прим. 1; *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля. С. 167; *Зайцев А. К.* Черниговское княжество. С. 92–93; *Dimnik M.* The Dynasty of Chernigov. P. 336. Кстати, киевские редакторы не всегда точно помнили, чьей отчиной было то или иное владение, а порою задним числом приписывали князьям иные волости, так что полностью полагаться на сообщения Ипат нельзя. Вообще, некоторые детали противостояния Ярополка и Всеволода Ольговича и в Ипат, и в Лавр выдают несовременную запись. В частности, само наименование Ольговичи, так как потомки Святослава в то время не исчерпывались представителями этого клана – были еще Давыдовичи. Притом Давыд Святославич княжил в Новгороде, так что для Давыдовичей Новгород Великий вполне можно считать «отчиной».

²⁵⁷ Кроме того, в статьях 1130–1140-х гг. имеются следы редактирования, а поздний редактор отнюдь не всегда правильно восстанавливал политическую ситуацию, работая более чем через полвека после происшедших событий. Судя по всему, его правки отразились в том числе и на определении волостей, которые требовала черниговская «братья» от Ярополка, а затем и от Всеволода Ольговича, ставшего черниговским князем.

²⁵⁸ НІ, с. 24.

Между тем все «вины», кроме первой, не могущей иметь хронологической привязки, – дело прошлого. В Переяславле Всеволод пытался сесть в 1132 г., не по своей инициативе, а подчиняясь своему дяде Ярополку. С поля боя («съ пълку») бежал, вероятно, в январе 1135 г.²⁵⁹ Даже то единственное обвинение, что задано в настоящем времени: от Всеволода «ныне отступити велить», – анахронистично. Мстиславичи, действительно, одно время заключили союз с Ольговичами, выступая совместно с шуринами против своих дядьев²⁶⁰. Но: последней совместной акцией черниговских князей и непокорных племянников было зимнее стояние рубежа 1134–1135 гг. под Киевом и битва новгородцев с суздальцами на Ждани горе 26 января 1135 г. (оба события по древнерусскому летосчислению датируются концом 6642 мартовского или 6643 ультрамартовского года). После «мира» волости были переделены²⁶¹, что, видимо, удовлетворило запросы внуков Мономаха. По крайней мере, с этих пор о союзе Мстиславичей с Ольговичами ничего не слышно. Это значит, что к моменту изгнания (28 мая 6644/1136 г.) Всеволод Мстиславич уже более года как отменил свое приказание «приступити» к Всеволоду Ольговичу. Кроме всего прочего, само по себе обвинение в непоследовательной поддержке «Всеволодка» звучит достаточно странно. С какой бы это стати жители Новгорода должны были заботиться о последовательной поддержке черниговского князя? Тем более что в военных действиях зимы 6643/1135–1136 г. они уже не участвовали. Историки пытались пояснить эту очевидную несуразность и говорили о том, что речь шла о великом князе киевском²⁶², вписывая обвинение в контекст «борьбы Новгорода за независимость от Киева». Однако такая интерпретация основана на ошибке: «Всеволодко» (Всеволод Ольгович) к 1136 г. еще не стал киевским князем.

Как представляется, при анализе претензий к Всеволоду Мстиславичу необходимо учитывать особенности риторики того времени. Это касается всего текста «обвинительного приговора» новгородцев, в том числе и претензии к внутренней политике князя – «не блюдет смердь». На этой фразе строили далекоидущие выводы: об участии «низов» или даже самих смердов в движении 1136 г.²⁶³, заинтере-

²⁵⁹ Видимо, имеется в виду сражение на Ждани горе, когда новгородские войска потерпели сокрушительное поражение от суздальских.

²⁶⁰ Дочь Мстислава Великого была замужем за Всеволодом Ольговичем. См.: 302–303Л; 296–297И.

²⁶¹ Юрий «лишился» Переяславля Русского, Андрея Володимирича перевели с Волыни в Переяславль, а Изяславу Мстиславичу дали Владимир-Волынский.

²⁶² Янин В. Л. Новгородские посадники. (1962). С. 70 (2003). С. 104; Котляр М. Ф. Політичні взаємини. С. 24. Ср. также: Янин В. Л. Заметки о комплексе документов смоленской епархии XII в. // Отечественная история. 1996. № 4. С. 107.

²⁶³ См., например: Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 270–271; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания. С. 193–197; Янин В. Л. Новгородские посадники. (1962). С. 71 (2003). С. 137; Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории. С. 139; Петров А. В. От язычества к святой Руси. Новгородские усобицы. К изучению древнерусского вечаемого уклада. СПб., 2003. С. 125–131.

сованности городской общины либо ее верхушки в получении доходов со смердов²⁶⁴ и т. п. Однако стоит вспомнить, что речи Володимира Мономаха в 1103 и 1111 гг. также вращались вокруг того, кто именно «не блюдет смердов» – сам Мономах или дружина Святополка²⁶⁵. А в своем «Поучении» Мономах с гордостью заявлял, что он не давал в обиду «...и худаго смерда, и убогие вдовиць»²⁶⁶. Таким образом, заявление о смердах, вероятно, является риторической фигурой, где «смерды» стоят на месте «нищих и убогих»²⁶⁷. Вообще же, перечень «вин» следует истолковывать как своеобразную отрицательную характеристику князя: не заботится о сырых и убогих, не соблюдает клятв, проявляет трусость и непоследовательность, – составленную, так сказать, на конкретных примерах.

Следует отметить и некоторые другие особенности статей 1135–1136 гг. Во-первых, НПЛ отнюдь не настаивает на том, что новгородцы призывали Святослава Ольговича. Наоборот, по словам летописца, они только ждали, «донецъ же инь князь приде», нет традиционного сообщения о посольстве в Чернигов, никакого намека на инициативу горожан. Святослав якобы сам «приде ...ис Чернигова от брата Всеволодка». Здесь просматривается стандартная манипуляция формантами активности/пассивности, ведь в сомнительных ситуациях летописцами инициатива часто возлагалась на князя, что в особенности касается записей НПЛ (см. вторую главу). Во-вторых, в статье 6643/1135 г. обходится молчанием вопрос об отношении Всеволода Мстиславича к конфликтам в Южной Руси. Князь вообще никак не проявляет себя целый год (!) в достаточно острой политической ситуации. По НПЛ, киевлян и черниговцев пытались примирить новгородский посадник и епископ²⁶⁸, но если епископы довольно часто выступали в роли посредника между враждующими сторонами, то относительно посадника это уникальное известие. В целом же, как видим, НПЛ дает весьма урезанную картину «восстания», и новгородский летописец явно «автономизирует» новгородскую историю.

²⁶⁴ См., например: *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. С. 331–332; *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. С. 212.

²⁶⁵ 277Л; 265И.

²⁶⁶ 251Л.

²⁶⁷ См.: Пс.34.10 «Избавляяи нища изд роукъ крыльшинихъ его, и нища и оубога отъ расхыщающихъ его»; Пс.36.14 «Оружие извълкоша гръшници, напрягоша лоукъ свои, състрѣляти нища и оубогааго, закалати правыя срдцьмъ»; Пс.71.13 «Пошадитъ нища и оубога и дша оубогыихъ спсеть»; Пс.73.21 «Да не възвратитъ ся съмѣрени и посрамленъ; нищи и оубогъ въсхвалита имя твое»; Пс.81.3 «Соудите сиротѣ и нищю, съмѣрена и оубога оправдайте»; Пс.67.6 «Съмятоуть ся отъ лица его, оца сырыхъ и судия вдовици»; Пс.93.6 «Въдовица и сира оумориша и пришьльца оубиша»; Пс.131.15 «Въдовица его блгслова блгослвлю, и нища его насыщоу хлѣба». Текст по редакции Бычковско-Синайской псалтыри: *An Early Slavonic Psalter*.

²⁶⁸ НЛ, с. 23–24. Под 6643 г. описываются два противостояния. В начале годовой статьи «кыанъ съ черниговци» ходил мирить посадник Мирослав, а в конце – архиепископ (епископ) Нифонт. Судя по всему, в первом случае имеется в виду «ратъ» на Супое 8 августа, а во втором – противостояние киевско-суздальской и черниговской коалиций, собравших войска «на зиму».

Еще дальше идут составители Лавр и Ипат. Они ограничиваются кратким «новгородци выгнаша», не утруждаясь выяснением причин и связей. Более того, они не только вырывают новгородские события из общерусской перспективы, но и искусственно разделяют поражение Ярополка и удаление из Новгорода Всеволода Мстиславича. В обоих сводах ультрамартовский счет лет и изгнание Всеволода Мстиславича должно приходиться на 6645/1136 (стандартно 1137) г. Однако оно читается уже только под 6646 (1138) г. В Лавр под 6645 г. помещены известия о поставлении епископов, а «новгородская революция» упоминается лишь в следующем году, и то мимоходом, в сообщении о милостивом решении Ярополка посадить изгнанного племянника в Вышгороде. Насколько можно судить, это известие является ретроспективным обзором к последующему рассказу о приглашении Всеволода во Псков, его непродолжительном княжении и смерти²⁶⁹.

«Мстиславичъ Всеволодь, внукъ Володимеръ, его же выгнаша новгородци от себе, он же приде к стрьеви своему Ярополку Киеву. И да ему Вышегородъ, и ту съде лѣто одно. И придоша по нь плесковичи, сдумавше с новгородци, Коснятинъ тысячьскыи, а ис Плескова Жирята с-ыною дружиною, и иде с дружиною своею, и пребысть тамо мало и сконьча животь свои».

При этом летописец ухитряется обойти молчанием тот факт, что в Новгороде все это время сидит Святослав Ольгович – его имя ни разу не упоминается²⁷⁰. В Ипат изгнание уже прямо (и ошибочно) отнесено к 6646 г.²⁷¹

«Въ лѣто 6646. Выгнаша новгородци князя своего Всеволода Мьстиславича из Новагорода, а Святослава Олговича уведоша к собѣ, а

²⁶⁹ 304–305Л. В Вышгороде Всеволод княжил около года и еще немного – в Пскове, следовательно, сообщение об изгнании из Новгорода в Лавр отсылает все же к 6645 ультрамартовскому году.

²⁷⁰ Имя Святослава Ольговича появляется только в сообщении о его изгнании (1138 г.). Такой прием – умолчание о вокняжении несимпатичного летописцу претендента и запись о его изгнании – не раз встречается в Лавр. Ср. статьи 1157–1158 гг., об утверждении в Киеве Изяслава Давидовича после смерти Юрия Долгорукого и его изгнании, 348Л; статьи 1211 г. и 1216 г. о Мстиславе Мстиславиче; 434Л, 439Л. Кстати, повествуя о приглашении Всеволода Мстиславича в Псков, суздальский летописец изображает дело так, как будто приглашение не встретило никакого сопротивления: ни со стороны новгородцев, ни со стороны Святослава Ольговича. Что это было не так и Святослав Ольгович собирался с братом Глебом в поход на Псков, известно из НПЛ; НИ, с. 24–25.

²⁷¹ 300И. При этом статья 6645 г. несколько расширена, однако не за счет упоминания выступления новгородцев, а путем добавления смеси известий. О составе дополнительных статей этого года см.: *Попнэ А. В.* Учредительная грамота смоленской епископии // Археографический Ежегодник за 1965 г. 1966. С. 59; *Янин В. Л.* Заметки о комплексе документов. С. 108. В. Л. Янин предложил существенную коррекцию к работе Н. Г. Бережкова. Ученый полагает, что в тексте статьи 6645 г. содержатся известия за 1135 г.: «знамение в солнци» 9 июля 1135 г., уход Юрия Долгорукого в Ростов в начале 1135 г., битва на Ждани горе 26 января 1135 г. Исследователь, однако, не отмечает, что граница годов проходит по марту, и, соответственно, и по мартовскому, и по ультрамартовскому счету лет эти известия должны были бы читаться под двумя разными годами (6642 и 6643 или 6643

Всеволодъ Мстиславичъ и приде Киеву къ строеви своему Ярополку, и вдасть ему стрыи Вышегородъ».

Благодаря хронологическим смещениям мир с Ольговичами и восстание новгородцев здесь разделяют два года, победа Всеволода Ольговича над Ярополком и новгородская история подаются как нечто совершенно автономное.

Итак, если НПЛ содержит намек на взаимосвязь новгородских и южных событий, то киевский и суздальский летописцы отчетливо разделяют две половины одной истории. В общем, это неудивительно. Проигранная в январе 1136 г. битва и последовавшее за ней в мае изгнание Всеволода Мстиславича были поражением одновременно и сыновей Мономаха-Володимиричей, и его внуков-Мстиславичей, а одной из возможных реакций на неудачи симпатичного летописцам князя является умолчание²⁷². Разрыв новгородских и южных эпизодов в данном случае позволял не освещать унижительные для потомков Мономаха последствия мира Всеволода Ольговича с Ярополком. В суздальском своде это достигалось с помощью ретроспективного обзора и вытеснения имени Ольговичей. В киевском тот же эффект дало растягивание хронологии событий.

Подобным образом летописцы описывали не только серию «восстаний» в Новгороде конца 30-х – начала 40-х гг. XII в., аналогичные приемы применялись и позднее. Вспомним сюжет 1161 г., когда против киевского князя Ростислава Мстиславича была создана мощная коалиция во главе с Изяславом Давыдовичем и Андреем Боголюбским²⁷³. Ростислав потерял Киев, и в это же время произошло изгнание из Новгорода его старшего сына Святослава. Возвратить сыну Новгород он смог только после повторного утверждения в Киеве и смерти Изяслава Давыдовича. То есть изгнание Святослава Ростиславича и приглашение суздальского княжича Мстислава Ростиславича было обусловлено перипетиями борьбы за киевское княжение, но намек на борьбу между князьями содержит лишь Ипат, а Лавр и НПЛ инициаторами изгнания Святослава и приглашения суздальского князя рисуют новгородцев. То же самое наблюдается при освещении истории 1167 (Ипат 6677 (1169)) г. Конфликт возник в среде близких родственников, в линии братьев Изяслава и Ростислава Мстиславичей; после смерти Ростислава Мстиславича его сын Святослав был вынужден убраться из Новгорода, а на его место

и 6644 гг.). Следовательно, справедливым остается мнение Бережкова об ошибке Ипат: *Бережков Н. Г.* Хронология. С. 239. Вероятно, эта путаница появилась в связи с редактированием в угоду Мстиславичей и замалчиванием обстоятельств их союза с Ольговичами.

²⁷² См. вторую главу. Относительно рассматриваемого периода см. еще, например, пропуск фрагментов статей 6641–6643 (1133–1135) гг. в Ипат. Ср.: 302–303Л; 295–296И. Они касаются неудач Изяслава Мстиславича и политики Мстиславичей, а в Киевском своде ощущается рука редактора, пристрастного к этому роду. О приеме умолчания см., например: *Waldman M. R.* «The Otherwise Unnoteworthy Year 711»: a Reply to Hayden White // *On Narrative.* / Ed. W. J. T. Mitchell. Chicago and London, 1981. P. 241–244.

²⁷³ См. гл. 2, II.4.

пришел сын нового киевского князя Мстислава Изяславича, Роман Мстиславич. И вновь параллельные тексты демонстрируют, насколько неполны описания конфликтных ситуаций и как летописцы скрывают политическую борьбу князей²⁷⁴.

Тактика «локализации» конфликта, отмежевания от большой политики прослеживается не только на сюжетах новгородской истории. Например, в рассказе о галицких событиях 1206 г. и Лавр, и ГВЛ стараются затемнить то обстоятельство, что решение «галичан» о замене Романовичей на Игоревичей обуславливалось походом Рюрика Ростиславича и черниговских князей на Галич²⁷⁵. Под 1154 г. киевский и суздальский летописцы настаивали, что Изяслав Давыдович был посажен в Киеве на княжеском столе «киянами». На самом деле утверждение черниговского князя также зависело не столько от приглашения киевлян, сколько от его собственных усилий – впечатляющего разгрома Ростислава Мстиславича²⁷⁶. Любопытен и один из ранних сюжетов, известных из ПВЛ и Жития св. Феодосия Печерского. Согласно ПВЛ, в 1064 г. Ростислав Володимирич, внук Ярослава Мудрого, бежал в Тмутаракань и изгнал оттуда Глеба Святославича. В 1065 г. отец Глеба, Святослав Ярославич, пошел в поход и возвратил своего сына на тмутараканский стол, но после отхода Святослава Ростислав вернулся и вновь прогнал Глеба. Далее, ПВЛ сообщает, что в 1066 г. Ростислава отравили греки²⁷⁷, и теряет нить событий, Глеб обнаруживается только в 1071 г. уже в Новгороде. Продолжение истории находим в Житии св. Феодосия. Запись не содержит дат, но хронология увязана со смертью Ростислава: «Тъгда же великии Никонъ, умьръшю Ростиславу князю острова того, умолень бысть отъ людии тѣхъ преити къ Святославу князю и молити и, да пуститъ къ нимъ сына своего, да сядетъ на столѣ томъ... дошьдь бо (Никон. – *Т. В.*) съ князьмъ Глѣбѣмъ острова того, и оному сѣдъшю на столѣ въ градѣ томъ»²⁷⁸. Нетрудно заметить, что агенты истории все те же – Ростислав, Святослав и его сын Глеб. Фактически описывается разрешение конфликта, ставшее возможным благодаря смерти Ростислава. Только на сцене появились еще «люди острова того», взявшие на себя инициативу приглашения князя, тем самым отведя возможные подозрения от Святослава Ярославича.

Как видим, схема устранения «политики» за счет описания активности «людей» является универсальной. На новгородских текстах пришлось остановиться подробнее, поскольку они в этом смысле наиболее показательны, ведь самостоятельность и автономность горожан традиционно связывают прежде всего с Новгородом. Судя по всему, сопровождавшие смену князей городские конфликты вызывались нарушением равновесия в политической системе: междукняжеские столкновения приводили к по-

²⁷⁴ См. гл. 2, П.1.

²⁷⁵ См. гл. 2, П.10.

²⁷⁶ См. гл. 2, I.8.

²⁷⁷ 163–164Л, 166Л.

²⁷⁸ Успенский сборник. 41в.17–25, 41г.12–15.

явлению возможности выбора у горожан, а зачастую и вынуждали их сделать свой выбор. В Новгороде такие ситуации неравновесия возникали чаще, поскольку статус города напоминал статус Киева и Переяславля – Новгород не стал вотчиной какой-нибудь определенной княжеской ветви. При этом он находился в основном в орбите влияния Киева, а затем Суздаля. Что и обусловило сравнительную частоту появления выбора у новгородцев, а в конечном итоге – институционализацию городских властей и несколько обособленное положение города среди остальных древнерусских земель. Тем не менее, горожане не были в состоянии поменять князя при любых обстоятельствах «по своей воли» и не хозяйничали свободно в городе. И, разумеется, их выступления не были автономными: чаще всего за недовольством и «мятежом» «людей» стоит определенный князь или группа князей²⁷⁹. Что касается того, в каких ситуациях судьбу стола реально решали князья, а в каких – «люди», в абсолютном большинстве случаев это не поддается определению. Как показывают параллельные известия, один летописец мог писать об исключительной самостоятельности и инициативности горожан, а второй в рассказе о тех же событиях использовать формулы типа «князь N сел в граде NN» или «князь N посадил в граде NN такого-то». И лишь весьма нечасто можно более-менее уверенно говорить о том, что в таком-то сюжете выступление «людей» «скорее, выпущено», а в другом – «скорее, выдуман».

«Восвати» и «мирится». Вторым важнейшим направлением деятельности вечников, по мнению ученых, было урегулирование вопросов войны и мира²⁸⁰. Если речь идет о заключении мира – это, как правило, собрания в осаде, вырабатывавшие условия сдачи города²⁸¹. Если говорится о войне – решение о выступлении в поход²⁸² или, как иногда пишут, используя терминологию XIX в., о «созыве народного ополчения».

²⁷⁹ Кстати, последнее – характерная черта не только Древней Руси. Даже значительно позднее, в условиях магдебургского права, выступления мешан достигали серьезного размаха в том случае, если они поддерживались некоей знатной особой, которая могла организовать горожан. На примере Владимира-Волынского в XVI в. см.: *Старченко Н. П. Конфликт у Володимирі 1566 р.: варіант мікроісторичного прочитання // Соціум. К., 2003. Вип. III. С. 65–98.*

²⁸⁰ Что признают в том числе те историки, которые пишут только об узком наборе функций веча (то есть о призвании-изгнании и решении военных вопросов): *Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Ч. 1. М., 1938. С. 171; Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли. С. 305–306; Романов Б. А. Смердий конь и смерд (в летописи и «Русской Правде») // ИОРЯС. 1908. Т. XIII. Кн. 3. С. 21. Лишь в своей первой книге А. Е. Пресняков отмечал, что «ополчение воев, народное войско, есть созданием князей организующей силой». *Пресняков А. Е. Княжое право. С. 193.**

²⁸¹ Как пример чаще всего приводят Белгород 997 г., Владимир-Волынский 1097 г., Чернигов 1139 г., Звенигород 1146 г., Владимир-на-Клязьме 1175 г., Рязань и Пронск 1207 г. См.: 127Л–128Л – 112И–113И, 268Л–242И, 301И, 320И, 376Л, 403–404Л, 431–434Л. Не в осаде, но на границах земли заключали мир полочане в 1185 г. и 1198 г.; НІ, с. 39, 44.

²⁸² Веча, дававшие разрешение на выступление в поход, известны в Киеве в 1147 г. (343–344И, 348–349И), 1149 г. (378И), 1151 г. (433–434И), Курске 1147 г. (355–356И), Галиче 1174 г. (365Л) и 1231 г. (763–764И), Переяславле-Залесском 1177 г. (381Л), Новгороде 1148 г. (370И), 1139 г. (НІ, с. 25), 1195 г. (НІ, с. 42), 6717/1207 (1209) г. (НІ, с. 50), 6722/1211 (1214) г. (НІ, с. 53), 1228 г. (НІ, с. 66), 1266 г. (НІ, с. 85).

От XIX в. идет и традиция разделять две сферы компетенции: князь собирал дружину, а «народным ополчением» якобы ведало вече.

Действительно, существует немалое число сообщений о вечевых собраниях в осаде, заключении мира «людьми» и требовании «створити мирь», предъявленных своему князю. Горожане «изнемогашася» или, наоборот, «с радостью» «передашася» доброму правителю, «кликнуша» на князя, «рекоша: «Мирися, княже?»... В то же время, как и в предыдущей ситуации распределения столов, часто бывает так, что это князь попросил пощады и позволения выйти из города, «соступился» своего стола, «давал его под собою» и т. п. Не говоря уже о том, что в абсолютном большинстве летописных записей именно князья договариваются между собою и заключают мир²⁸³.

Параллельные сообщения, включающие описание заключения мира (или попытку заключения), крайне редки, но все же имеются. Как и во многих других параллельных известиях, в них варьируются агенты действия, то есть в одном сообщении говорится о том, что «миръ сътвориша» горожане, а во втором речь идет о сугубо княжеском решении. Таково повествование о войне суздальского князя Всеволода Юрьевича в Рязанской земле 1207 г. По ЛПС, со Всеволодом пытались примириться проняне, по Лавр, инициатива исходила от суздальского князя. В этом же сюжете встречается иной эпизод, где соотношение более сложное. Лавр пишет о мольбе рязанцев о мире и их договоре с князем, а ЛПС – о взятии Рязани; кто-то из летописцев выдумывает или опускает мирный договор²⁸⁴. В другом случае, описывая перипетию 1195 г., составитель НПЛ говорит о «черниговцах» и «смольнянах», в то время как из Ипат и Лавр известно о конфликте князей. Ср.: «...бишася смольняне съ черниговьци, и поможе Богъ църниговьцемъ, и яша кнѣзя Бориса Романовиця; и не бяше мира межи ими»²⁸⁵, – и пространные статьи Киевского свода 7003 г. и Лавр 7005 г., где внимание фокусируется исключительно на князьях, и, соответственно, заключение мира или продолжение военных действий приписано им²⁸⁶. В сюжете 1204 г. Никита Хониат пишет о мирной процессии жителей Константинополя с крестами при входе крестоносцев в город. Описывается, по-видимому, то, что в древнерусских летописях называется «выйти и покоритися». Подобные церемонии были призваны предотвратить разграбление города победителями или хотя бы ввести его в какие-то рамки. Однако в НПЛ в «Повести о взятии Царьграда фрягами» не упоминается о попытке горожан выказать свое «покорение», разгром

²⁸³ Гораздо реже встречается третий вариант: заключали мир или препятствовали ему вельможи. ГВЛ сообщает о воеводах, мирившихся с врагами Даниила Галицкого (1231 г., 765И), а Лавр под 1177 г. пишет о ростовских боярах, воспрепятствовавших Ростиславичам заключить мир со Всеволодом Юрьевичем (381Л, см. гл. 2, I.1).

²⁸⁴ Но, скорее всего, выдумывает один из составителей Лавр. Как уже отмечалось, в этой серии параллельных текстов наименее правдоподобна и наиболее тенденциозна версия Лавр. Однако полностью исключать иной возможности нельзя; см. гл. 2, I.4.

²⁸⁵ НI, с. 42.

²⁸⁶ См.: 681–694И, 413Л.

же города описан в обоих текстах (о возможных причинах расхождений источников см. выше). В целом разноречивые в текстах позволяет предполагать слабую соотнесенность некоторых известий с реалиями либо даже прямо нарративные фикции. Летописцы оперировали несколькими схемами: взятие города, договор князя с горожанами, договор между князьями. События могли развиваться в соответствии с каждой из них, нет только возможности выяснить, в каких случаях так, а в каких – иначе.

Иначе обстоит дело с вечевым «созывом городского» или «народного ополчения». Прежде всего, несколько устарел сам термин «народное ополчение». Скорее, с учетом того, что известно о Центральной и Восточной Европе, следовало бы говорить о чем-нибудь наподобие «посполитого рушания». Уточнение необходимо, так как «rospolite rushenie» не связано с «незатными» и «народом» в его современном значении. Подставляя древнерусские термины (и неизбежно, несколько огрубляя и схематизируя ситуацию), «ruszenie» можно было бы отождествить с «дружиной». Что, кстати, снимает противопоставление «бояр» «горожанам» и «дружин» «вечу», связанное с историографическими схемами XIX в.

Известиям о всенародном обсуждении выступления в поход, судя по параллельным сообщениям, летописцы охотно манипулировали. Большое впечатление на историков оказали яркие детализированные описания одобрения «людьми» княжеских походов из Киевского свода 1147, 1148 и 1151 гг. Однако для двух из трех сюжетов имеются параллельные тексты, где сведения о призыве князя собираться на войну и вечевом собрании по этому поводу отсутствуют. Судя по всему, речи киевлян и новгородцев появились в Киевском своде вследствие позднего редактирования и несли вполне определенную идеологическую нагрузку, задавая положительную характеристику князя²⁸⁷. Составитель свода расширял имеющиеся у него летописные тексты протографа за счет риторических шедевров, в том числе и речей горожан. Своему любимому персонажу Изяславу Мстиславичу он приписал эпизоды «всенародной поддержки» в тех случаях, когда походы этого князя были успешными (1148 и 1151 гг.). В другом случае, в сюжете 1147 г., когда киевлян нужно было «оставить» в городе, дабы возложить на них вину за убийство князя Игоря Ольговича, летописец нашел элегантный выход. Горожане якобы отказались пойти в поход на Чернигов, Изяслав Мстиславич не стал с ними спорить и пригласил в поход охотников. Для самих же «киян» книжник подыскал благовидный повод для отказа пойти на войну – они, дескать, заявили о том, что не могут «руки възняти» на Юрия Долгорукого. В итоге в отсутствие Изяслава произошло восстание, закончившееся казнью Игоря²⁸⁸. Еще раз тот же прием («не можем руки възняти») был использован в случае неудачи сына Изяслава Мстислава, вынужденного уйти из

²⁸⁷ О сюжетах 1148–1149 гг. и 1151 г. см. гл. 2, III.5, III.1. Относительно 1147 г. ср. 315Л и 343–344И.

²⁸⁸ О том, что здесь летописец умело скомпоновал «благоприятный Изяславу» (Мстиславичу) рассказ, уже предполагали: *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. К., 1908. Т. 2. Кн. 1. С. 446.

Курска при подходе Юрия²⁸⁹. Существенно, что в некоторых амплификациях Киевского свода прослеживается зависимость от борисо-глебских сюжетов 1015–1019 гг. и хронографических текстов. Например, слова «киян» 1151 г. «ать сами побъемы» прямо заимствованы из статьи ПВЛ 1016 г. Помимо Киевского свода, сцены одобрения похода встречаем в ПВЛ (в уже упомянутых статьях 1015, 1016 и 1018 гг.) и ГВЛ (1287 г.). Что касается ГВЛ, то сцена одобрения боярами действий Мстислава Даниловича зависит от статей Киевского свода, откуда вообще достаточно много взято в окончании волынской летописи²⁹⁰. Относительно первой серии сообщений из ПВЛ о противостоянии Ярослава (Мудрого) со Святополком, литературных образцов выделить не удастся, поскольку очевидные внелетописные заимствования не прослеживаются, а по хронологии она первая. Однако, не претендуя здесь на решение сложных вопросов истории памятников борисо-глебского цикла, хотелось бы обратить внимание всего на несколько деталей. Согласно статье 1018 г., новгородцы требуют продолжения борьбы со Святополком и собирают деньги на войну. Здесь анахронизм, за бояр собирают по 80 гривен – сумма двойной виры, установленной не Ярославом, а Ярославичами через несколько десятков лет после 1018 г. Обычно на эту деталь не обращают внимания, так как в Л читается ‘18’. Но в ИХЛРА, а также в Сильвестровско-Минейной редакции «Сказания о Борисе и Глебе», имеющей вставки из ПВЛ, – «80»²⁹¹. Возможно, таким образом задан намек на конфликт с новгородцами, но не менее вероятно, что эта подробность выдумана книжником просто для «документации» наема варягов. В любом случае она появилась уже после введения двойной виры. Далее, согласно ПВЛ, под 1016 г. в ответ на оскорбительные слова воеводы Святополка: «А вы плотници суще, а приставимъ вы хоромовъ рубити нашихъ» – произошло вот что: «Се слышавше новгородци, рѣша Ярославу, яко “Заутра перевеземъся на не, аще кто не поидеть с нами, сами потнемъ и”»²⁹². В параллельном к статье ПВЛ тексте НПЛ обеих редакций вместо речей новгородцев приводятся речи князя: «И рече Ярослав дружинѣ: “Знаменайтеся, повивайте собе убрусы голову”»²⁹³. При этом в обеих редакциях НПЛ присутствует эпизод оскорбления новгородцев, но реакции

²⁸⁹ См.: 344И, 355–356И. Как уже отмечалось, подобное выражение имеется в переводе Иосифа Флавия, то есть сюжет, видимо, ориентирован на этот образец, см. выше.

²⁹⁰ О заимствованиях из Киевского свода в ГВЛ см.: *Вилкул Т. Л.* О некоторых источниках литовских известий Галицко-Волынской летописи // *Lietuvos didžiosios kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija*. Vilnius, 2006. P. 17–30. Относительно ситуации 1287 г.: племянник Мстислава Даниловича Юрий Львович захватил часть унаследованной Мстиславом территории княжества. Все бояре обещали Мстиславу поддержать его вместе с «дѣтьми» и призывали его отомстить за обиду: «Можемъ, господине, головы своѣ положить за тя, и дѣти наши»; 928И.

²⁹¹ Ср. тексты: *Бугославський С.* Україно-руські пам’ятки. С. 88; 143Л. О разночтении: *Вилкул Т.* Летописные вставки из Повести временных лет и Сильвестровско-Минейной редакции Сказания о св. Борисе и Глебе // *Ruthenica*. К., 2006. V. С. 42.

²⁹² 142Л.

²⁹³ Ярослав приказал сделать отличительные знаки, чтобы не биться в темноте против своих; Н1, с. 15, 175. В НПЛ мл. ред. «повивайте главы собѣ убрусомъ».

новгородцев на оскорбление нет. Новгородский сводчик не считал нужным отметить «активность» горожан, то есть, по его мнению, это не являлось обязательным элементом повествования²⁹⁴. Судя по всему, поддержка горожанами военных планов Ярослава в самой ранней серии текстов о событиях начала XI в. также несет семиотическую нагрузку и связана с выстраиванием положительного образа князя.

Как и в предыдущих случаях, касающихся утверждения «на столе» и осад, имеются свидетельства единоличного княжьего решения о походе. В том числе, князь «своею волею» мог «согнати вои» (не «дружину», а именно «воев»), притом так поступал отнюдь не самый сильный из киевских князей Ярополк Володимирч всего за десятилетие перед серией вечевых одобрений походов. Ср. известие Лавр зимы 1134–1135 г.: «Ярополк согна воѣ кыевскыя, а Гюрги переяславцѣ, и стояша 8 дни у Кыева, и умирися Ярополк со Всеволодом»²⁹⁵. Это чрезвычайно любопытное сообщение, в особенности потому, что «воев» историки традиционно отделяют от «дружины», а сбор их считают компетенцией веча. Массовый материал находим в НПЛ, где содержится наибольшее число записей о призыве новгородцев на войну и утверждении горожанами княжеских «проектов»²⁹⁶. Тем не менее, летописцы используют и другую формулу: «князь N поиде с новгородци», – без указаний на какую-либо договоренность с вечниками²⁹⁷. Еще

²⁹⁴ Первая сцена «одобрения похода» под 1015 г. имеется в ПВЛ, НПЛ мл. ред. и в Паримейнике. Речи новгородцев к Ярославу в статье ПВЛ 1015 г. и в Паримейнике близки, то есть, не исключено, написаны на основе одного исходного текста. Ср. ПВЛ: «...и рѣша новгородци: «Аще (хотя. – Т. В.), княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти»», – и паримийное чтение: «...и рѣкоша новгородци: “Можемъ, княже, боротися по тебе”». 141Л; *Абрамович Д. И.* Жития св. мучеников Бориса и Глеба. С. 115–116. В НПЛ мл. ред. иначе: «А мы, княже, по тобѣ идемъ»; НЛ, с. 175.

²⁹⁵ 303Л. Подробнее см. выше о новгородских сюжетах 1130–1140-х гг.; воевали с одной стороны, Ярополк, Юрий и, вероятно, Андрей Володимирчи, с другой – Всеволод Ольгович и племянники Ярополка Мстиславичи. В Ипат в соответствующем фрагменте вместо «согна» более нейтральное «совкупи»; 297И. См. также под 1216 г. в Софийской I и зависимых от нее сводах о приготовлении к Липицкой битве: «Бяшеть бо погнано и ис поселеи и до пѣшца». ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 265, 494Л; Т. 42. С. 108. В НПЛ, описывающей битву на Липице, более сдержанно: «скопи волость свою всю»; НЛ, с. 55–56.

²⁹⁶ 1139 г.: «Приде Гюрги князь (Юрий Долгорукий. – Т. В.) и-Суждала Смольнску, и зваше новгородце на Кыевъ на Всеволода (Всеволода Ольговича), и не послушаша его. И тгда бѣжа Ростиславъ (Юрьевич) Смольнску къ отцю из Новгорода... и послаша новгородци Кыеву по Святослава по Олговица»; НЛ, с. 25. 1195 г.: «Позва Всеволодъ новгородце на Чърниговъ..., и новгородци не отпѣршася ему, идоша съ княземъ Ярославѣмъ огнищане и гридьба и купци»; НЛ, с. 42. 6717/1207 г.: «Идоша новгородци на Чърниговъ съ княземъ Костянтиномъ, позвани Всеволодомъ»; НЛ, с. 50. 6722 /1211 (1214) г.: «Мстислав же съзва вѣче на Ярославли дворѣ, и почя звати новгородце Кыеву на Всеволода Чърмьнаго»; НЛ, с. 53. 1228 г.: «Князь насъ зоветь на Ригу, а хотя ити на Пльсковъ... князь посла Мишу въ Пльсковъ, река: “Поидите съ мною на путь”... (псковичи ответили): “На путь не идемъ...”»; НЛ, с. 66. Обсуждение темы похода можно усмотреть в статье 1134 г.: «Почаша мълвити о суждальстѣи воинѣ новгородци»; НЛ, с. 23.

²⁹⁷ См.: например, 1130 г. НЛ, с. 22; 1133 г. с. 23; 1134 г. с. 23; 1137 г. с. 25; 1147 г. с. 27; 1148 г. с. 28; 1164 г. с. 31; 1168 г. с. 33; 1173 г. с. 34; 1179 г. с. 36; 1180 г. с. 36; 1181 г. с. 37; 1185 г. с. 38; 1191 г. с. 40; 1198 г. с. 44; 1211 г. с. 52; 1212 г. с. 52; 1219 г. с. 59; 1234 г. с. 72, с. 73; 1242 г. с. 74; 1256 г. с. 81; 1266 г. с. 85.

в 1256 г. новгородцы не только не обсуждают тему похода, но идут на войну вместе с Александром Ярославичем (Невским), даже не ведая, на кого он собрался²⁹⁸.

Чередование «вечевого» и «княжего» решений о выступлении в поход не имеет признаков развития или угасания явления. Частота подобных известий зависит не столько от реалий, сколько от факторов идеологических и литературных. Появление записей о призыве на войну и согласии горожан в НПЛ, так же как в Ипат, не является простой фиксацией событий. Чаще всего книжники преследовали цель оправдать горожан в ситуации конфликта с князем, как, например, в записях НПЛ XII и XIII вв. В 1139 г. новгородский книжник сделал заметку о призыве Юрия Долгорукого идти против Всеволодка на Киев и жесткой реакции князя в ответ на отказ затем, чтобы оправдать горожан. В 6717/1207 г. летописец старался продемонстрировать лояльность к Всеволоду Юрьевичу перед известием о восстании против Дмитра Мирошкинича и приглашением князя из другой, несудзальской династии. Упоминание об одобрении похода под 6722 (1214) г. позволило показать в выгодном освещении взаимоотношения Мстислава Мстиславича и горожан и сгладить начавшийся вскоре конфликт²⁹⁹. Новгородцы якобы «рекоша» Мстиславу: «Камо ты своима очима поприши, тамо мы своими главами вержем», но вскоре поссорились со смольнянами и чуть было не отказались продолжать поход. А в следующем году Мстислав ушел из Новгорода (по Лавр, его выгнали). В 1228 г. неудачная попытка Ярослава Всеволодича договориться с новгородцами и псковичами отрицательно характеризует князя, что было на руку новгородцам, ведь попытка договора предшествовала изгнанию князя.

Вообще, как можно заметить, большая часть соглашений с вечем фактически выливается в решение о поддержке князя или замене его на другого³⁰⁰. Уже в первой по хронологии серии текстов 1015–1019 гг. фактически решается вопрос о том, останется ли Ярослав на новгородском столе. Под 1015 г. ПВЛ сообщает, что после того, как Ярослав «избил» новгородцев, к нему пришла весть от Предславы о смерти отца, утверждении Святополка в Киеве и угрозе для жизни Ярослава (сестра предупреждала, что Святополк «избивает братью»). На следующий день Ярослав собрал новгородцев и они заверили его, что будут сражаться, несмотря на бывшие между ними разногласия. Под 1018 г. после полного разгрома Ярослава Святополком и Болеславом новгородцы заявили о своей решимости продолжать борьбу и начали собирать день-

²⁹⁸ «Поиде князь на путь... и новгородци не вѣдяху, кѣмъ князь идеть... поиде Александръ на ѣмь... а инии мнози новгородци въспятишася от Копорья; и поиде съ своими полки князь и с новгородци»; НЛ, с. 81.

²⁹⁹ Все сюжеты рассматривались выше и в предыдущих главах. Редактирование НПЛ в пользу Мстислава Мстиславича отмечалось выше.

³⁰⁰ Что отмечалось, например, в: *Соловьев К. А.* Властители и судьи. С. 85.

ги на наем варягов³⁰¹. Веком-двумя спустя обсуждение темы похода также было равнозначно решению вопроса о том, кто останется княжить; это касается киевского веча 1149 и 1151 гг., курского 1147 г., галицкого 1174 и 1231 гг., переяславского 1177 г., псковского 1228 г. Во всех случаях на кону стояла судьба княжеского стола. Наиболее откровенно об этом заявлено в тексте ГВЛ 1231 г. Речи Данила Галицкого на вече нужно понимать как просьбу о поддержке: «Хочете ли быти вѣрни мнѣ, да изииду на враги мое?»³⁰²

Далее, не подтверждается предположение о разграничении функций князя и «людей», а именно о том, что вече давало князю разрешение на поход при необходимости созыва так называемых «воев» (большого войска, ополчения), а профессиональными воинами или «дружиной» ведал князь. Как уже отмечалось, в 1135 г. князь Ярополк Володимирич «согнал» именно «воѣ кыевьскыя», а его брат Юрий – «переяславцев». И наоборот, в 1015 г. Ярослав собирал на вече новгородцев, давших свое согласие на поход, и эти же люди в НПЛ названы «дружиной». Кроме того, в большинстве вечевых реляций нет речи о сборе войска со всей земли, а в нескольких случаях можно допускать созыв именно небольшого войска (так сказать, «дружины»). Например, в 1185 г., когда смоляне приходили в пределы Киевской земли, речь шла отнюдь не о грандиозном предприятии, у смоленского князя Давыда спешно попросили «помочь» против половцев³⁰³. Аналогично, в галицких событиях 1231 г. принимали участие «бояре» и «отроки», каждый «муж» шел в поход со своими людьми, что, опять-таки, скорее напоминает «дружину», нежели «ополчение»³⁰⁴.

Следует добавить, что древнерусские акты материалы не фиксируют попыток каким-то образом оговорить явку или неявку в поход, как это сделано, например, в договорах средневековых немецких горо-

³⁰¹ В третьем случае, в статье 1016 г., описывается решение войска начать наступление, а не собрание в городе относительно выступления в поход. Тем не менее, оно также связано с решительной битвой и, в конечном итоге, от исхода событий зависело, кто останется князем. После оскорбительных речей воеводы Святополка: «А вы плотници суще, а приставим вы хоромъ рубити» – пришедшее с Ярославом войско воодушевилось и приступило наконец к решительным действиям.

³⁰² 763И.

³⁰³ «Помочь» – дополнительные отряды союзных войск; см. 647И. Вечевое решение отмечалось в: *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 30–31; *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя. С. 117–118.

³⁰⁴ 763–764И. Ср. также иной сюжет: «мужи» или «бояре» обещали поддержать галицкого князя Ярослава Володимировича и сражаться за него в 1153 г.; 466И – 340Л. Несмотря на достаточно определенное указание летописи относительно «мужей», В. Т. Паушто считал, что здесь речь шла об «ополчении галицких горожан». *Паушто В. Т.* Очерки истории. С. 213. Кстати сказать, даже в тех случаях, когда в ГВЛ речь идет о «пешцах», скорее всего, следует предполагать заимствования из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, то есть нельзя определить точно, идет ли речь о реалиях или о заимствовании пассажей из описаний войн давно прошедших лет. О заимствованиях из Флавия в ГВЛ, кроме уже указанных ранее, см. также новые работы: *Толочко А. П.* Одна заимствованная формула в Галицко-Волынской летописи // *Ruthenica. К., 2006. V. С. 256–257*; *Толочко А. П.* О галицком боярине Жирославе, его венце и убожестве // *Ruthenica. К., 2006. V. С. 252–256*.

дов³⁰⁵. В договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом специально отмечено лишь то, что чужакам, немецким «гостям» «не надобе» идти на войну вместе со смоленским князем, но если захотят «охотою», пусть идут³⁰⁶. В новгородских уряжениях с князьями расписана сфера властных, хозяйственных, судебных компетенций, но нет попыток формализации созыва войска. По-видимому, ходить на войну со своим князем было все же обязанностью, а не правом³⁰⁷.

Итак, фиксация вечавого или, наоборот, княжего решения о походе – элементы наррации, обусловленные интенциями и задачами летописца. В какой мере они соотносились с действительностью в каждом конкретном случае – определить невозможно. Откуда в таком случае вообще взялись известия об утверждении горожанами похода или их отказе идти в поход? Полной ясности в этом нет, но, скорее всего, исходным был вариант, связанный со сменой или угрозой смены князя, где «созыв войска» был равнозначен решению о судьбе стола. Князь спрашивал у «людей», могут ли они за него «стать». На этой основе уже выросли тексты, имеющие идеологическую подоплеку: демонстрацию всенародной поддержки или отсутствия вины перед князем.

«Уряжение». Обладали ли «люди» законодательной компетенцией? В исторических работах чаще всего принимают мнение В. И. Сергеевича, считавшего, что у славян, в отличие от германцев, вече не имело законодательных функций³⁰⁸. Подтверждение тому находят в важнейших источниках. «Правда Ярослава», «Правда Ярославичей», «Устав Володимира Мономаха» созданы без участия народа, и это засвидетельствовано их вступительными формулами³⁰⁹. Надо сказать, классические вечевые фор-

³⁰⁵ Городское право Фрайбурга, Западное средневековье в письменных памятниках. Приложение к ежегоднику «Средние века». Вып. 1. Средневековый город / Под ред. А. А. Сванидзе, сост. Е. Е. Бергер, перевод и комм. А. Я. Рогачевского. М., 2006. С. 35. Горожане идут в поход только в том случае, если это составляет один дневной переход, а если князь находится «за горой» – не должны идти (городское право Фрайбурга дошло в хартии или копиях XIII в.). То же самое в Золотой булле – венгры должны явиться к королю все поголовно в случае оборонительной войны, но в поход, связанный с интересами самого короля, обязаны идти только определенные категории его слуг.

³⁰⁶ ПРП. Вып. 2. С. 67 (ст. 32).

³⁰⁷ Правда, что касается реализации этого долга, обстоятельства могли складываться по-разному. См. примечательный эпизод НПЛ 1225–1226 гг. Ярослав Всеволодич ходил на литву, а новгородцы пошли было с ним, а потом «вспятишася с пути», и князь воевал только со своим двором и новоторжцами. Летописец заметил, что князь «...не положи того в гнѣвъ, оже не пошли по немь»; НЛ, с. 64–65. Речь, видимо, шла не об официальном отказе, а об отходе в явочном порядке. Ср. также известное выражение Лавр о том, что люди «идуче не идяху» (1174 г., 364Л; «идуче» по РА, Л «подуче»).

³⁰⁸ По его мнению, законодательная деятельность у славян ограничивалась составлением «ряда» с князем. *Сергеевич В. И.* Вече и князь. С. 76–80. См. также: *Довнар-Запольский М. Ф.* Политический строй. С. 23; *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя. С. 133. М. Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что в сфере законодательства вече изначально имело меньшие права, но позже в Новгороде и Пскове эта функция вошла в число основных. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории. С. 64.

³⁰⁹ «Правда уставлена Руськои земли, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволод, Святославъ, Коснячко Перенѣгъ, Мыкыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула». Так в Краткой

мулы договоров действительно дошли только от Новгорода и Пскова³¹⁰. Относительно Смоленска имеются косвенные свидетельства об участии «людей» в законодательстве – в грамоте Ростислава Мстиславича об учреждении епископии³¹¹ и в мирных «докончаниях» с немцами³¹². Из других земель активные материалы XI–XIII вв., к сожалению, не дошли³¹³.

Правде, №, с. 177; ПРП. Вып. 1. С. 79, 108, ст. 2. Во всех списках Пространной Правды: «По Ярославу же паки съвкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Къснячъко, Перенѣгъ, Никифоръ». См.: Правда Русская. I. Тексты. М.; Л., 1940. С. 104, 123, 148, 168, 186, 215, 245, 282, 300, 327, 347, 371. В Уставе Мономаха: «А се устави Володимиръ Всеволодичъ по Святополче, съзвавъ дружину свою на Берестовомъ: Ратибора, тысячького кыевьского, и Прокопию, бѣлогородьского тысячького, Станислава, переяславьскаго тысячького, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Ольгава мужа, и устави люди до третьяго рѣза». В последнем случае примечательно «устави» – в единственном числе, очевидно, «устав» выдан от имени Мономаха. ПРП. Вып. 1. С. 113. Только во вступительных и заключительных формулах договоров Руси с греками речь идет о том, что послы выступали от имени «руси», «бояр и людей». Но язык договоров чрезвычайно сложен, и неясно, как он соотносится с реалиями. Из недавних работ см., например: *Рождественская Т. В.* К вопросу о лингвистическом изучении договоров Руси с греками X в. // «А се его сребро». Збірник праць на пошану члена-кореспондента НАН України Миколи Феодоровича Котляра з нагоди його 70-річчя. К., 2002. С. 35; *Никольский С. Л.* Византийские чиновники и субъекты права русско-византийского договора 944 г. // *Норна у источника Судьбы. Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой.* М., 2001. С. 289–296. Кроме того, древняя общность, вероятно, отличалась от позднейших. Ср. о клановой «руси» X в.: *Толочко О. П., Толочко П. П.* Київська Русь. С. 70–74. Судя по всему, «люди» не вмешивались в законодательную деятельность князя в XI в., если только представители «дружины» в Русской Правде не являлись репрезентантами «всей дружины».

³¹⁰ «Благословение от владыки, поклонъ от посадника Михаила, и от тысяцьскаго Кондрата, и от всехъ соцьскихъ, и от всехъ старѣшихъ, и от всего Новагорода къ князю Ярославу»; договор с князем Ярославом Ярославичем 1264–1265 гг. ПРП. Вып. 2. С. 135–136. «Се язъ, князь Ярославъ Володимѣричъ, сгдаасъ с посадникомъ с Мирошкою, и с тысяцькимъ Яковомъ и съ всеми новгородьци»; договор Новгорода с Готландом 1189–1192 г. ПРП. Вып. 2. С. 125. См. также: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 10, № 1; С. 55, № 28.

³¹¹ В грамоте Ростислава Мстиславича об учреждении смоленской епископии упоминаются «людие». ПРП. Вып. 2. С. 39–45. «Сдумав с людьми своими» (Там же. С. 39); «...не посуживати никто же по моих днех, ни князь, ни людие» (Там же. С. 42). Правда, неопределенность выражения не позволяет сказать, о ком идет речь. Часть исследователей считает это упоминанием веча: *Голубовский П. В.* История смоленской земли до начала XV ст. К., 1895. С. 214–215, 257; *Зимин А. А.* Комментарий в: Памятники русского права / Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. М., 1952. С. 45; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства. С. 266, 271. Возражают против такой интерпретации, указывая, что «люди» – это ближайшие советники князя: *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля в IX–XIII вв. (Очерки истории Северной Белоруссии). М., 1966. С. 114; *Понз А. В.* Учредительная грамота. С. 68, 70–71; *Янин В. Л.* Заметки о комплексе документов. С. 104–120. Документ датируют 1150-ми или 1130-ми гг., см.: *Янин В. Л.* Заметки о комплексе документов. С. 108, 112–114.

³¹² Здесь имеется известие о представителе «от смольнян». См.: Договоры Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. и 1230–1270 гг. «Князь Мстислав Давыдович послал свое муже Геремея попа, Пантелея сотьского от смольнян в Ригу». ПРП. Вып. 2. С. 57–72, 75. См. также: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 202–203; *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. С. 115.

³¹³ Например, сохранившиеся галицко-волыньские документы начинаются с актов 1290-х гг., написанных преимущественно на латинском языке, и тема взаимоотноше-

Из летописей же известно преимущественно о «рядах» людей с князьями, лишь НПЛ сообщает также о договорах с варягами и «немцами». Договор с князем упоминается под 1175 г. во Владимиро-Суздальской земле³¹⁴, под 6677/1167 (1169 г.)³¹⁵, 1146 г. и 1174 г. в Киеве (в двух последних случаях без дефиниции «рядь»). Сами тексты договоров, кроме новгородских, не сохранились, что давало простор разнообразным исследовательским гипотезам. В частности, считали, что договоры с князем поначалу были недетализированными и что подобные «элементарные» уречения предвзяли позднейшие разработанные договоры, известные уже из Новгорода³¹⁶.

Содержание «рядов», судя по всему, составляли статьи о распределении доходов и подтверждении привилегий. В летописных сообщениях о «рядах» с киевлянами 1146 г. и с владимирцами 1175 г. речь шла о тиунах и князем суде, а также о каких-то ограничениях в поступлении княжих доходов³¹⁷; в 1174 г. князь потребовал с киевлян экстраординарный налог в связи с пленением членов его семьи³¹⁸. В НПЛ под 6717/1207 г. посадника Дмитра Мирошкинича обвинили в том, что он и его родственники «...повѣлѣша на новгородцихъ сребро имати, а по волости куры брати, по купцемъ виру дикую, и повозы возити, и все зло»³¹⁹. Новгородцы добились того, что новые повинности были сняты. В 1259 г. в Новгороде обсуждалось татарское «число», то есть перепись, и десятина (подробнее см. выше). В актовом материале XIII в., в час-

ний князя и «людей» в них практически не затрагивается. См.: *Купчинский О.* Акты та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти. Львів, 2004. С. 125–204.

³¹⁴ «А Ярополка князя посадиша володимерци с радостью в городъ Володимери на столѣ, в святѣи Богородицѣ весь порядъ положше»; 374Л.

³¹⁵ 534И; см. гл. 2, III.3.

³¹⁶ *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 86, 89; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории. С. 47; *Пресняков А. Е.* Княжое право. С. 217; *Покровский М. Н.* Очерк истории. Ч. 1. С. 182; *Дворниченко А. Ю.* О характере социальной борьбы в городских общинах Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. Вып. 6. С. 87. Считается, что в летописях отражены не все подобные договоры: *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 79–83; *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Ч. 1. С. 172; *Рыбаков Б. А.* Политические идеи русских летописцев XII в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразие в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974. С. 18–19; *Толочко А. П.* Князь в Древней Руси. С. 147; *Dimnik M.* The Dynasty of Chernigov. P. 325.

³¹⁷ О тиунах и суде прямо сказано в статье Ипат 1146 г. О договоренности 1175 г. можно судить только из описания нарушения ряда в 1176 г., когда князья начали его нарушать – «грабить» город и церковь.

³¹⁸ Напомню этот эпизод. В 1174 г. черниговский князь Святослав Всеволодич с братьями («изъѣхаша») (быстро захватили и разграбили) Киев, взяли в плен сына, княгиню и дружину Ярослава Изяславича. Когда Ярослав вернулся, он обратился к киевлянам с требованием найти деньги на выкуп и в конечном итоге счел себя вправе наложить экстраординарные налоги. «Слышавъ, яко стоить Киевъ безъ князя, пограбленъ Олговичи, и приѣха опять Киеву, на гнѣвъѣхъ замысли тяготу кыяномъ, река: “Подъвели есте вы на мя Святослава, промышляите, чимъ выкупити княгиню и дѣтя”. Онѣмъ же не умѣющимъ, что отвѣщати ему, и попрода всь Киевъ»; 579И.

³¹⁹ НІ, с. 51.

тности, в договорах Новгорода з Ярославом Ярославичем, речь шла о регламентации доходов и суда: новгородцы и князь условились «землю держати мужи новгородскими», «не вступатися князю» в некоторые волости, без посадника не судить и т. д. Из ранних новгородских известий, отражающих еще не специфически новгородскую, а общерусскую практику, можно назвать грамоту Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю³²⁰. Документу посвящена обширная литература. Традиционно грамоту датируют 1148 г., В. Л. Янин предложил дату 1134 г. Необходимость согласия Новгорода на наделение монастыря землей и явное отличие процедуры от сугубо княжеских пожалований Мстислава и Всеволода Мстиславича (период княжения: 1095–1136 гг., грамоты второй четверти XII в.) ученый объясняет тем, что Изяслав не княжил в Новгороде³²¹. Что касается неновгородских документов, в смоленской «Уставной грамоте Ростислава Мстиславича» князь специально оговаривает, чтобы «люди» (скорее всего, имеются в виду смольняне) не «посуживали» наделение епископской кафедры.

К сожалению, к тому, что уже писалось об участии горожан в составлении договоров, мало что можно добавить. Коротко говоря, констатируется факт: летописцам известно о «рядах», в том числе известно об этом составителям НПЛ; сохранились новгородские экземпляры dokonчаний с князем и некоторые иные договоры. К сожалению, могут ли новгородские договоры быть соотнесены с (гипотетическими) южнорусскими – совершенно неясно, так как они уже того времени, когда новгородцы добились определенных привилегий и известной регламентации отношений с князем. В целом, для анализа участия «людей» в «уряжении» почва еще более зыбкая, чем в остальных случаях; единственное, что можно определить, – какую функцию выполняли упоминания «рядов» с князем в летописных известиях. Совершенно очевидно, они маркируют тревожные ситуации. Так, в сообщении Ипат 1146 г. о требованиях киевлян, выставленных к князю Игорю Ольговичу, «рядь» появляется в контексте предательства «киян» и описания страданий князя. Игорь выполнил все пункты договоренности с людьми, что оттеняет их «лесь». «Ряды» Мстислава Изяславича 6677/1167 (1169) г. с киевлянами и «братъю»-князьями подчеркивают добровольное принятие его на киевское княжение всей землей. Как уже говорилось, в противовес

³²⁰ «Се аз князь великий Изяслав Мстиславич... испрошал есмь у Новгорода святому Пантелемону землю...»; ПРП. Вып. 2. С. 104–105.

³²¹ Там княжили его братья и сын. Янин В. Л. Из истории землевладения в Новгороде XII в. // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 321–322; Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 136–138. Изяслава грамота существенно отличается от грамот Всеволода Мстиславича, близких к ней по времени составления. В последних новгородцы не упоминаются, и распоряжения князя не нуждаются в утверждении. О датировке 1148 г. см., например: ПРП. Вып. 2. С. 111. В другой своей работе (Янин В. Л. Заметки о комплексе документов) ученый объясняет различие между княжескими наделяниями Мстислава и Всеволода Мстиславича и вечевым наделянием Изяслава тем, что первые касались земель княжеского домена, а вторые – земель Новгорода.

этому Лавр сообщает о конфликте Мстислава с его дядей Володимиром Мстиславичем, да и некоторые детали в самой Ипат противоречат такой идеализированной картине³²². В ином ключе следует интерпретировать запись Лавр 1176 г. По словам летописца, владимирцы посадили Ярополка Ростиславича на столе, «...въ святѣи Богородицѣ весь порядъ положше»³²³. Это не остановило Ростиславичей, начавших грабить не только город, но и саму церковь Св. Богородицы. «Ряд» упомянут для того, чтобы акцентировать нарушение договоренности, заключенной в святом месте, и входит в отрицательную характеристику ростовских князей. Аналогично, в 1174 г. в Киевском и суздальском сводах³²⁴ проявляется явно отрицательное отношение к Ярославу Изяславичу, заданное в том числе и рассказом о переговорах с «киянами» о повинностях. Подчеркивается, что он огульно обвинил киевлян в поощрении к нападению Святослава («подъвели есте на мя») и принудил к дополнительным поборам³²⁵. Кстати сказать, в параллельных ко всем приведенным эпизодам текстах, а таких несколько (Лавр к Ипат 1146 г. и 6677/1167 г., НПЛ к Лавр 1175–1176 гг.), об уряжениях ничего не сказано.

Что касается НПЛ, летописи, сведения которой в какой-то мере могут быть верифицированы дошедшим актовым материалом, здесь практически все известия о договорах сопровождают описания конфликтов с князьями. Часто повторяется схема Лавр 1175–1176 гг. – нарушение договора как средство компрометирования князя. Так, в 1132 г. новгородцы чуть было не выгнали Всеволода Мстиславича, а летописец отметил при этом, что Всеволод нарушил обещание княжить в Новгороде до своей смерти: «...яко хоцю у васъ умерети». Несколько подобных обвинений содержит и статья 1136 г. (о «неблюдении смердь» и пр., см. выше). В 1154 г. новгородцы изгнали сына Ростислава Мстиславича Давыда; основанием для такого поступка стало якобы то, что Ростислав пошел на киевский стол «...не створи имь ряду, нь боле раздъра»³²⁶. Под 6718/1208 г. летописец приводит компрометирующий Всеволода

³²² См. гл. 2, III.3. Киевское повествование сделано с оглядкой на скорое лишение Мстиславом Киева и острый конфликт между князьями. Симпатизировавшему Мстиславу Изяславичу летописцу пришлось оправдывать князя, ведь правление Мстислава было конфликтным и неудачным и закончилось разгромом Киева войсками смоленских и черниговских князей и Андрея Боголюбского. О конфликте Мстислава и его дяди Володимира Ипат пишет так, что это необходимо расценивать как предательство со стороны Володимира. По Лавр же эпизод можно считать обычным примером борьбы между князьями. Права в этом случае были на стороне у Володимира, как формально старшего, ведь Мстислав приходился ему племянником.

³²³ 374Л.

³²⁴ Эпизод 1174 г. о Ярославе и киевлянах – общий для Лавр и Ипат, текст очень значительно варьируется, ср. 366Л – 579И.

³²⁵ Причем брал деньги с церковных людей, а утеснение церквей и монастырей – из набора однозначно отрицательных черт правителя. По-видимому, поборы с церковных людей противоречили обычной практике, что еще более выделяло в отрицательную сторону неслыханный поступок князя (впрочем, о невзимании поборов с церковных людей – свидетельство уже более позднего, послемонгольского времени).

³²⁶ Н1, с. 29; см. гл. 2, I.8.

Юрьевича материал, выходящий за пределы чисто местных интересов; сообщает, что князь позвал рязанцев «на ряды» и вероломно «изма» (схватил) их. В некоторых других случаях акценты расставлены иначе. Упоминания подобных договоренностей служат для подтверждения правоты горожан, как, например, в 1207 г., когда Всеволод Юрьевич новгородцам «...вда имъ волю всю и уставы старыхъ князь», – и таким образом дал добро на выступление против стародина Дмитра Мирошкинича и смену правящей династии³²⁷. Эти наблюдения дополняет сопоставление с имеющимися договорами. До нас дошли три новгородских докончания с князем Ярославом Ярославичем: 1264, 1266–1267 и 1270 гг.³²⁸ Но в НПЛ отмечено лишь одно – 1270 г., когда Ярослава едва не выгнали, и он взял мир «на всеи воли новгородскои»³²⁹. Примечательно, что договор фиксируется лишь в ситуации острого конфликта с князем, тогда как в рассказе о вокняжении 1264 г., протекавшем более-менее мирно, запись о докончании князя и новгородцев отсутствует³³⁰.

Таким образом, сведения о договорах не являются простой фиксацией некоего события. Как и в предыдущих случаях, появление или, напротив, отсутствие таких известий обусловлено интенциями летописцев. Соответственно, ответить на вопрос, насколько обязательным для князя был «ряд» с людьми, когда вечники начали участвовать в законодательной деятельности и во всех ли землях, не представляется возможным. Определению поддается только одно: известия о «ряде» появляются в летописях исключительно в описании тревожных ситуаций и несут определенную семантическую нагрузку. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вечевой суд. Существование веча с самого начала научных изысканий о вече вызывало сомнения и споры. Учеными отмечались факты покаяния вечниками своей «братии»-горожан, представителей княжеской администрации и даже самих князей. Вместе с тем постулировали кардинальные различия в развитии обществ древних славян и германцев, у которых, в свою очередь, засвидетельствован суд на тинге. Учитывая распространение в XIX в. таких воззрений о противоположном развитии двух групп народов, давших начало двум «цивилизациям», и полемику с этими воззрениями, а также принимая во внимание мнение о противостоянии «народного» и «государственного» начала в

³²⁷ См. первую главу.

³²⁸ ПРП. Вып. 2. С. 135–141. В. Л. Янин считает, что первые два документа следует датировать 1264 г. (1264 и проект 1264 г.); Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 142.

³²⁹ НЛ, с. 89. О периоде княжения Ярослава в Новгороде см., например: *Хорошкевич А. Л.* О происхождении текста древнейших новгородско-готландско-немецких договоров конца XII и середины XIII в. // ИИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 128–134.

³³⁰ По НПЛ, Дмитрия Александровича новгородцы выгнали в 6772 (1264) г., а Ярослава Ярославича посадили в 6773 г.; НЛ, с. 84, 330. Не исключено, что запись о договоре при вокняжении не стали включать (или исключили) именно с оглядкой на последующий конфликт, чтобы не осталось впечатления о выполнении князем всех процедур и нарушении новгородцами принятых на себя обязательств.

древнерусском обществе, положение о вечевом суде приобретало большое значение. И в общем, многим историкам хотелось бы бросить такой важный довесок к общей сумме компетенций веча³³¹.

В нелетописных материалах периода XII–XIII вв. встречаются лишь случайные обмолвки об участии «людей» в суде. Какой-то суд «перед людьми» зафиксирован в «Вопрошании Кирика», новгородском памятнике 1130–1156 гг.: «Аще будеть, рече, татьба (воровство. – Т. В.) велика, а не уложить ее отаи, нъ сильну прю съставять передь княземь и передь людьми...»³³² В новгородских докончаниях XII–XIII в. о вечевом суде практически нет известий. Формулировка, напоминающая читающуюся в «Вопрошании», имеется только в договоре с Готландом (1189–1192 гг.): «Оже родится тяжа (если возникнет судебное разбирательство – Т. В.)... новгородцю любо немчину... князю явя и людем»³³³. Впрочем, неопределенность слова «люди» допускает в обоих случаях самые различные толкования. В договорах с Ярославом Ярославичем 1260–1270-х гг. новгородцы настаивали только на том, чтобы князь не судил без посадника³³⁴. В целом, в актовых документах сведений о вечевом суде, позволяющих сколько-нибудь однозначную интерпретацию, нет.

Напротив, в летописях известия о вечевом покарании (обычно – скопалаительных грабежах³³⁵ и убийствах) довольно часты. Описывая это явление, историки XIX в. называли его «политическим судом». Более всего примеров «избиения своеи братьи» в НПЛ, и начинаются они записью

³³¹ В. И. Сергеевич, например, считал такие суды экстраординарными, славянофиль же отстаивали широкие полномочия. *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 92–93, *Беляев И. Д.* Судьбы земщины. С. 37.

³³² Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. VI. Стб. 46. Отвечали на «вопрошание» митрополит и другие иерархи. Это новгородский источник того времени, когда новгородские порядки еще не слишком отличались от практики, принятой в иных древнерусских землях. Известие интерпретировали как запись о княжьем суде, например: *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947. С. 21.

³³³ ПРП. Вып. 2. С. 126, ст. 11.

³³⁴ ПРП. Вып. 2. С. 139 (ст. 4), 1270 г. Правда, с этой статьей граничит иная, из которой следует, что выражение «с посадником» и «с новгородци» были синонимическими (Там же, ст. 5). Что касается содержания, обсуждался вопрос о регламентации доходов с суда. См.: *Янин В. Л.* Грамота Святослава Ольговича 1137 г. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 243–251. В XIII в. князь жаловал судебные льготы. Например, в договоре 1264 г. записано: «А князь и посадник на вѣчи суду не судять, судити им у князя на сънех». ПРП. Вып. 2. С. 286, ст. 4, см. также ст. 3. Согласно новым археологическим материалам и новгородским берестяным грамотам, порядок, когда новгородский посадник участвовал в суде, можно удревнить по крайней мере на век. В Новгороде раскопан обширный двор, занятый постройкой административного предназначения. В найденных здесь грамотах обсуждаются судебные дела. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. (2003). С. 174–182.

³³⁵ Следует, правда, учитывать, что слова «грабити» и «грабежь» использовались также и в судебной терминологии.

под 1097 г. В блоке местных дополнений к общерусскому своду, связанных с Мстиславом Володимиричем, читается: «И Книну (в НПЛ мл. ред. «Илькину») чядь избишя»³³⁶. Приписать это безличное действие, по-видимому, можно новгородцам, хотя полной уверенности в этом нет. Первое известие, которое однозначно квалифицируется как «суд», – 1134 г. Тогда в разбирательствах по поводу «суздальской войны» новгородцы убили «своего мужа», то есть кого-то из своих. Похоже, «избиения» и грабежи были вполне легитимными, поскольку убийство могли заменять на денежный штраф. Из наиболее ранних – запись НПЛ 1137 г. Изгнанный из Новгорода Всеволод Мстиславич попытался из Пскова вернуться в город и «не въсхотѣша людье Всѣволода; и побѣгоша друзии къ Всѣволоду Пльскову, и възяша на разграбление дома ихъ: Къснятинъ, Нѣжятинъ и инѣхъ много, и еще же ищюще то, кто Всеволоду приятель боярь, тѣ имаша на нихъ нѣ съ полуторы тысяче гривень... нѣ сягоша и невиноватыхъ»³³⁷. Покарание в Новгороде было символическим – провинившегося сбрасывали с моста. Например, в 1134 г.: «Почаша мълвити о суждальстѣи воинѣ новгородци и убиша мужъ свои, и съвъргоша и (его. – *Т. В.*) съ моста»; под 1136 г. после изгнания Всеволода Мстиславича «...убиша Гюргя Жирославица и съ моста съвъргоша»³³⁸ и т. д. Позднее, под 6726 (1218) г., описывается не вечевая расправа, а волнения из-за несправедливого судебного решения³³⁹. Примечательно, однако, что чаще всего такие суды прямо или косвенно связаны с изгнанием князя. С их помощью удаляли от власти сторонников бывшего правителя и изменяли соотношение сил в свою пользу³⁴⁰. Независимые, хотя бы по видимости, от политических пертурбаций эпизоды известны уже с конца XII–XIII вв.³⁴¹

³³⁶ НИ, с. 19, с.202. См. также статьи 1118 г. (НИ, с. 21), 1134 г. (с. 23), 1136 г. (с. 24), 1137 г. (с. 24–25), 1141 г. (с. 26), 1167 г. (с. 32), 1186 г. (с. 38), 1194 г. (с. 41), 1200 г. (с. 45), 6716/1207 г. (с. 50), 6717/1207 г. (с. 51), 1215 г. (с. 54), 1218 г. (с. 58), 1227 г. (с. 65), 1228 г. (с. 65, 67), 1230 г. (с. 69–70), 1257 г. (с. 82), 1270 г. (с. 88), 1287 г. (с. 326), 1291 г. (с. 327).

³³⁷ НИ, с. 24–25, далее: 1141 г. (НИ, с. 26) и др. Еще более раннее известие 1118 г. – о том, что Мономах призвал в Киев «вся бояры новгородскыя... и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрѣчу... и заточи я вся». Но здесь сообщение слишком краткое, к тому же действующие лица – бояры.

³³⁸ НИ, с. 23, 24.

³³⁹ См.: НИ, с. 58–59. Провинился некий Матей Душилъевич: «Побеже Матей Душилъевичъ, связавъ Моисѣица бириць ябетницъ». Его схватили и привели к князю на Городище. «И выде лжа въ городъ: выдалъ Твърдиславъ (посадник) князю Матѣя. И възвониша у святого Николы ониполовици цересь ночь, а Неревскыи коньчъ у Святыхъ 40, такоже копяче люди на Твърдислава. И бысть заутра, пусти князь Матѣя, учовъ гълку и мятежъ въ городѣ». Дело закончилось междуусобицей, и «...быша вѣча по всю недѣлю», но в конечном итоге «...сѣидошася братья въкупѣ однодушно», и даже посадник остался на прежней должности. Рассказ, правда, не вполне ясен. Твърдислав якобы выдал князю новгородца, за что на него начали «копити люди», за него стал один Людин конец и прусы (жители Прусской улицы Людина конца). Но затем уже вроде бы князь решил лишить его посадничества, а новгородцы риторически спросили: «Е ли вина его?» – и стали за него горой. Возможно, такие неувязки объясняются редактированием текста, весьма вероятным на этом участке НПЛ.

³⁴⁰ Под 1134 г. (новгородцы начали «молвити» о суздальской войне) – не смена, но, видимо, угроза смены князя, в ситуации конфликта между Мстиславичами и Ольговичами и Володимиричами.

Сообщения о подобных акциях горожан в других землях появляются sporadически, начиная со второй половины XI в. В ПВЛ это побиение камнями греческого котопана, отравившего князя Ростислава Володимирича, «курсунскими людьми» в 1066 г.³⁴² В Ипат соответствующие известия находим под 1113 г., 1146 г., 1148 г., 1173 г., 6710/1206 (1202) г. и 1229 г. Все примеры касаются тревожных ситуаций и тесно связаны с делами престолонаследия. В 1113 г. это мятеж после смерти князя Святополка Изяславича и перед вступлением Мономаха, когда киевляне грабили двор Святополчьего тысяцкого Коснячка. В 1146 г. «кияне» с только что вошедшим в город Изяславом Мстиславичем «разграбиша дружины» умершего киевского князя Всеволода Ольговича и его преемника Игоря. В 1148 г. в Переяславле обнаружилась измена, схватили и казнили «Святославича» или «Святославичей» (написание с выносной буквой «ч» не дает возможности точного определения); множественное число в глаголах, «яша» и «казниша», намекает на участие «людей». Эти самые «Святославич» либо «Святославичи» попытались было ввести в город нового князя взамен Мстислава Изяславича и после укрепления положения Мстислава были казнены³⁴³. В 1173 г. из Галича бежали княгиня и сын Ярослава Володимирича, но галичане сожгли любовницу Ярослава и таким образом «уладили» конфликт, вернув княжескую семью и законного наследника в город. Конфликт мог существенно изменить расстановку сил в коалициях, так как княгиня (Ольга Юрьевна) происходила из суздальского клана и эта родственная связь обеспечивала союз Галича и Суздаля³⁴⁴. Пример ГВЛ 6710/1206 г. – предтеча изгнания Романовичей из Владимира, когда владимирцы намеревались убить попа–посланца Игоревичей, но лучшие люди города им это запретили³⁴⁵, 1229 г. – вступление Данила в Галич и изгнание венгерского королевича Андрея и галицкого боярина Судислава³⁴⁶. Несколько иную функцию выполняет одно из упоминаний суда в Лавр. Согласно Лавр, в 1164 г. «на тяже» перед князем «и предо всеми людми» осудили епископа Леона. Эта «тяжа», по-видимому, легитимизировала в глазах

³⁴¹ Можно назвать известия 1194 г. (расправа новгородцев, ходивших в поход, над предполагаемыми изменниками); 1200 г. (штраф и расправа над теми, кто не пошел в поход); 1227 г. (сожгли волхов); 1291 г. (сбросили с моста «коромолников», грабивших торг).

³⁴² 166Л.

³⁴³ 364И. После неудачной попытки поменять Мстислава Изяславича на Глеба Юрьевича, сына Юрия Долгорукого, прямо после битвы «Станиславич ту яша и казниша казнью злою». Перед этим в летописи речь шла о приглашении Глеба кем-то из переяславцев, и «Станиславич» или «Станиславичи», видимо, были зачинщиками крамолы. Поскольку «Станиславичей» избили во время неудавшегося мятежа против сына киевского князя, возможно, эта деталь введена в Киевский свод для того, чтобы не бросать тень на Изяслава Мстиславича и Мстислава Изяславича, весьма заинтересованных в подавлении выступления.

³⁴⁴ Галичане отработовали княгине и сыну Ярослава, что сожгли «Настаську» и «прирители его (князя. – Т. В.) Чаргову чадь избилъ»; 564И.

³⁴⁵ 718И; см. гл. 2, П.10.

³⁴⁶ С королевичем Андреем ушел Судислав, «...на нм же метяху камень, рекуще, изииди из града, мятежничей земли»; 759–760И.

летописца процедуру изгнания Леона³⁴⁷. Известие Лавр под 1262 г. соотносится уже не только с междоусобной борьбой древнерусских князей, а «замытней» в высшей инстанции того времени – Монгольской империи. Упоминается убийство в Ярославле некоего Зосимы, приспешника татар во время «восстания» против татар, связанного с борьбой хана Берке против великого хана Хубилая³⁴⁸.

В отдельную группу выделяются расправы или попытки расправ над князьями. В ПВЛ нечто похожее на суд описывается под 1096 г. и 1097 г. В первом случае Святополк Изяславич и Володимир Мономах приглашали Олега Святославича «...урядитися пред епископы и пред мужи отец наших и пред людьми градскими». Олег ответил: «Не лѣпо мене есть судити епископомъ ли смердомъ»³⁴⁹. На следующий год «бояре и кияне» оправдали захват Святополком теребовльского князя Василька Ростиславича³⁵⁰. Притом первые пять лет после вокняжения Святополка Изяславича в Киеве отмечены чрезвычайно острой борьбой между князьями. Оба сообщения предваряют и, по-видимому, оправдывают не вполне добродетельные поступки правителей: осаду Святополком и Мономахом Олега Святославича в Чернигове и Стародубе и ослепление Василька Теребовльского (в последнем случае «кияне» как бы «дают добро» на ослепление). В XII в. составители Лавр, Ипат и НПЛ пишут о том, что киевляне на вече убили князя Игоря Ольговича (1147 г.). Князя, фактически заточенного в монастырь правящим в Киеве на тот момент Изяславом Мстиславичем. В статье 1177 г. Лавр и Ипат приводят речи владимирцев, свидетельствующие о легитимности вечевого покарания князей. Владимирцы говорили о пленных Ростиславичах Всеволоду: «Любо казни ихъ, любо слѣпи, али вдаи намъ»³⁵¹. В начале XIII в. по Ипат, галицкие бояре повесили князей-Игоревичей³⁵². За одним исключением, ко всем таким текстам имеются параллельные, где упоминается о вечевом суде отсутствуют, а ответственность за казнь возлагается на князей³⁵³. Судя по всему, известия об участии «людей» в судебной

³⁴⁷ См. гл. 2, I.6.

³⁴⁸ 476Л. Восстание связывают с прибытием на Русь мусульман-откупщиков, собиравших дань для монголов. *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). СПб., 2002 (2-е изд., 1-е изд. вышло в 1940 г.). С. 254–255. Хан Берке начал борьбу за самостоятельность, и ему было на руку изгнание чиновников великого хана Хубилая (Кутлубия по Лавр) из Руси. Там же. С. 255. См. также: *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля Русская...» Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001. С. 54.

³⁴⁹ 229–230Л. Правда, слово «судити» полисеманлично, потому точно ли здесь речь идет о суде, неизвестно.

³⁵⁰ «И рѣше бояре и люде... “Да аше право молвилъ Давыдъ, да приметь Василко казнь”», – вслед за чем последовало ослепление; 259–260Л. О византийских, по-видимому, корнях такой казни см.: *Плахонін А.* «Сего не бывало в Русьскѣи земльи»: вплив візантійського права та пережитки кровної помсти в князівському середовищі // Соціум. К., 2003. Вып. III. С. 197–208.

³⁵¹ 383Л; см. гл. 2, I.1.

³⁵² См. гл. 2, I.6, I.1, I.3.

³⁵³ К Лавр 6672 (1164) г. – Ипат 6670 (1162) г., к Лавр 1177 г. – НПЛ, к Ипат 6716 (1208) г. – НПЛ 6722 (1214) г. Без значительных расхождений все три летописи сообщают только об убийстве Игоря Ольговича 1147 г.

деятельности выполняли вполне определенные функции. Они могли затенять злодеяния или сомнительные поступки правителей. В том случае, если повествования о суде встречаются в текстах с положительной оценкой владетеля данной земли, они легитимизируют расправу. Любопытно, что значительная их часть создана владими́ро-суздальскими книжниками, хотя с этой землей, как правило, связывают тенденции «самовластия»/деспотизма.

Сообщения о покарании порой имеют явственно книжную окраску. Например, в сцене наказания «котопана», отравившего князя Ростислава в ПВЛ (1066 г.), а также изгнания Судислава галичанами из Галича в ГВЛ использована необычная для Руси казнь, побиение камнями³⁵⁴, то есть, скорее всего, использованы ветхозаветные либо хронографические образцы. Повесть об убийстве Игоря Ольговича 1147 г. в Ипат и Лавр содержит риторические и книжные пассажи, то же касается рассказов ПВЛ 1096 и 1097 гг., Лавр 1164 г., ГВЛ 6716/1211 (1208) г.³⁵⁵

Следует учитывать, что семантика «суда» связана с понятием о справедливости – суд противопоставит борьбе без правил и соответствующая топика праведного суда и судии детально разработана уже в Библии – Псалтыри, Книге Премудрости Соломона, Притчах и др. Поэтому совершенно естественно, что упоминаниями суда манипулировали. Тема суда включалась в сюжеты I модели (см. вторую главу, I.1, I.4, I.6). Особенно явственно демонстрирует тенденциозность сюжет 1207 г. (I.4): в суздальском тексте говорится о длительном судебном процессе, предпринятом с целью установить истину, а в новгородском – о быстрой расправе суздальского князя над рязанскими князьями. Что касается реалий, расправы сопровождали политическую борьбу и, не исключено, здесь в какой-то мере действительно использовались судебные процедуры. Но отделить реальное от литературного едва ли возможно. В целом, по-видимому, суд в древнерусских землях был все же преимущественно княжеской, а не вечаевой функцией. В Новгороде и Пскове, где горожане добились регламентации доходов, некоторые ограничения распространялись и на суд, бывший одним из источников доходов: требование «без посадника не судити», льготы на определенные годы для определенных волостей. Протекали ли подобные процессы в иных землях – точного ответа нет.

Избрание епископов. Избрание владыки характерно для Новгорода, начиная со второй половины XII в., первый достоверный случай такого рода зафиксирован в 1156 г. (ранее, под 1130 г., о епископе Нифонте сказано «поставиша», но без уточнений, кто именно

³⁵⁴ 166Л, 760И.

³⁵⁵ О повести об убийстве Игоря Ольговича уже говорилось выше, статьи 1096 и 1097 гг. в ПВЛ входят в блок пространных литературно обработанных повествований (см., например: *Грушевський М. С.* Історія української літератури. Т. II. К., 1993. С. 116; к последней статье, как уже отмечалось, имеются краткие известия, сохраненные в самой ПВЛ), два последних сюжета см. гл. 2, I.5, I.3.

ставил)³⁵⁶. Одиночные известия дошли и из некоторых других земель, хотя историки колеблются в оценке того, насколько новгородская практика соответствовала или отличалась от картины, наблюдаемой в иных княжествах³⁵⁷. Так, во Владимиро-Суздальской земле в 80-х гг. XII в. сложилась ситуация, когда митрополит отправил во Владимир «не того» епископа. Согласно Ипат, Всеволод Юрьевич при этом заявил: «Не избраща сего людье землѣ нашѣ». Лавр выразилась менее определенно, но все же намекнула на необходимость участия людей: «Нѣсть бо достойно наскакати на святительскыи чинъ на мьздѣ, но его же Богъ позоветъ и святая Богородица, князь въсхочеть и людье»³⁵⁸. Согласно «Проложному Житию Кирилла, епископа Туровского», Кирилл был поставлен епископом «...умоленьем князя и людии того града»³⁵⁹. Летопись датирует событие 1114 г. Житие же написано, по видимому, в Северо-Восточной Руси позднее³⁶⁰. Нечто подобное встречаем и в «Похвале» князю Ростиславу Мстиславичу. Сказано, что он «...здума с бояре своими и с людми и постави епископа к церкви святыи Богородицы»³⁶¹ в Смоленск; случилось это, вероятно, около 1136 г. Во Владимиро-Суздальской земле известны и изгнания епископов, ср. Лавр под 1159 г., 1164 г. и 1214 г.³⁶² Кстати сказать, участие «людей» в избрании владыки вполне соответствовало канонам, поскольку на Руси имела хождение «Кормчая», где отмечалось право клира и лучших горожан избирать на вакантную кафедру епископа. В самой Византии поставление проводилось митрополитами или синодом епископов, но

³⁵⁶ См.: НІ, с. 29, 38, 40, 52, 67, 68, 323, 330. О Нифонте: «Въ се же лѣто (6638) отвржеся архиепископъ Иоани Новагорода, и поставиша архиепископа Нифонта, мужа свята и зѣло боящяся Бога, и приде Новугороду»; НІ, с. 22. О новгородской практике: *Щапов Я. Н.* Государство и церковь. С. 63; *Янин В. Л.* Новгородские посадники (1962). С. 72; *Янин В. Л.* Заметки о комплексе документов. С. 111; *Янин В. Л.* Из истории высших государственных должностей в Новгороде // *Очерки комплексного источниковедения.* М., 1977. С. 144; *Подвагина Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории. С. 106; *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 35–36.

³⁵⁷ Обзор см.: *Мусин А. Е.* Христианская община средневекового города Северной Руси XI–XV вв. по историко-археологическим материалам Новгорода и Пскова. Дисс. д-ра ист. наук. СПб., 2002. С. 139–140. Следует отметить, что в середине XII в. киевский князь вмешался даже в замещение митрополита (1147 г., Изяслав Мстиславич и собор епископов поставили Климента Смолятича).

³⁵⁸ Лавр под 6693/1184 (1185) г., Ипат под 6691/1184 (1183) г. 391Л – 629И.

³⁵⁹ Об этом поставлении в связи с вечевой тематикой: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 213.

³⁶⁰ *Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. С. 63; 290Л. По мнению О. В. Лосевой, Житие Кирилла Туровского датируется второй половины XIII в. и написано в Северо-Восточной Руси: *Лосева О. В.* Две стадии формирования второй редакции Пролога (предварительные наблюдения) // *Древняя Русь (вопросы медиевистики).* № 1 (23). М., 2006. С. 60–61. Поскольку в житии отсутствуют конкретные детали, оно описывает нормативную ситуацию.

³⁶¹ *Щапов Я. Н.* Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // *ТОДРЛ.* Л., 1974. Т. XXVIII. С. 58.

³⁶² 1159 г.: «...выгнаша ростовци и суждалци Леона епископа, зане умножилъ бяше церкви, грабяи попь»; 349Л. Последние два сюжета см. гл. 2, I.6, I.5.

в древнерусских землях такие нормы были действенными довольно долгое время и легитимизировали обычай избрания высших церковных иерархов. По крайней мере, для летописцев они представляли нормативный образец избрания и наиболее подробные описания избрания в НПЛ копируют установления «Кормчей» – назначение трех кандидатур, три жребия и т. п.³⁶³

Как правило, «народное» избрание противопоставляют митрополичьему поставлению и княжескому назначению³⁶⁴. Однако замещение вакантной кафедры включает четыре последовательных этапа: избрание (наречение), искус, поставление (хиротония) и восприятие церковной общиной³⁶⁵. Кроме того, наречение князем и «людьми» в ряде случаев, по-видимому, не разграничивалось и их вовсе не обязательно противопоставлять³⁶⁶.

Нет сомнений и в том, что появление известий об избрании «людей» прямо зависело от нарративных стратегий летописцев. Прежде всего об этом свидетельствует НПЛ. Известия о вечевом избрании владыки встречаются здесь часто, но не являются обязательными³⁶⁷. Первая запись такого рода сделана в весьма неоднозначной ситуации 1156 г. Тогда при князе Мстиславе Юрьевиче «всем градом» и «всем народом» избрали епископа Аркадия, а уже в 1157 г. Мстислава изгнали из Новгорода. Аркадий ходил «ставиться» к Киеву только в 1159 г. и оставался епископом до 1163 г.³⁶⁸ В таком контексте особая торжественность записи, акцентирование «всенародного избрания», вероятно, должны были

³⁶³ Что отмечалось в: *Соколов Пл.* Русский архиерей. С. 1, 7–8 и др.; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1901. Т. 1. Ч. 1. С. 361. В частности, полностью соответствует предписаниям Кормчей описание избрания новгородского владыки 1229 г.

³⁶⁴ Княжеские назначения см.: 354Л, 355–357Л, 740И.

³⁶⁵ *Мусин А. Е.* Христианская община средневекового города. С. 140. В то же время автор предполагает, что в летописях могли фиксироваться разные этапы (Там же. С. 141). Как например, под 1126 г., когда в Переяславль поставили епископа Марка и в одной фразе сочетается информация и о митрополичьем, и о княжеском поставлении; 296Л. Аналогично, в случае с избранием епископа Ильи в Новгород, в НПЛ – «поставлен от митрополита», в Ипат – «постави князь Ярославль» (ошибка в И и Хл, должно быть «Ростиславль», имеется в виду Ростислав Мстиславич). В Ипат под 6674 г., счет лет ультрамартовский, в НПЛ под 6673/1165 г. ИИ, с. 31, 525И. Однако под 1126 г. в Лавр, похоже, наблюдаются все-таки следы совмещения двух известий.

³⁶⁶ На материале ранней истории иных славянских стран, в частности Чехии, сделаны следующие наблюдения: «Процедура назначения главы Пражской церкви основывалась на избрании епископа чехами, то есть, по существу, на воле и желании их князя». *Парамонова М. Ю.* Святые правители Латинской Европы и Древней Руси. М., 2003. С. 129 (со ссылкой на: *Hilsh P.* Der Bischof von Prag und das Reich in sächsischer Zeit // DA. Bd. 28. 1972. S. 1–41). Раздел идет не между народным и единоличным поставлением, а между волей церковных и светских властей.

³⁶⁷ См. «митрополичьи» поставления 1165 и 1251 г.; ИИ, с. 31, 80. О митрополичьем поставлении Ильи см. *Мусин А. Е.* Христианская община средневекового города. С. 143–145. См. также: *Мусин А. Е.* 1165 год. Архиепископ Илья-Иоанн и комплекс церковных древностей с Феодоровского раскопа // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1996. С. 147–157.

³⁶⁸ ИИ, с. 29–30. О записи 1156 г., где единственный раз в НПЛ используется слово «народъ», см. в первой главе.

легитимизировать утверждение владыки и полное соответствие каноническим предписаниям. Такое же положение сложилось и в 1186 и 1229 гг. При смоленском князе Мстиславе Давыдовиче избрали владыку Гаврила, а в 1187 г. Мстислава выгнали, Гаврило пробыл епископом до 1194 г. При Михаиле Черниговском, в 1229 г., избрали Спиридона, но уже в 1230 г. в Новгород вернулся «свой» суздальский князь Ярослав Всеволодич, Спиридон же оставался владыкой до 1249 г.³⁶⁹

Примечательно также, что участие новгородцев отмечается при избрании явно «княжеских» кандидатур, когда летописцы стараются создать впечатление незаинтересованности обеих заинтересованных сторон – и горожан, и князя. Серия поставлений, однозначно связанных с княжеской политикой, начинается с 1201 г., с епископа Митрофана, ставленника Всеволода Юрьевича³⁷⁰. В 6719/1209 г. Мстислав Мстиславич з новгородцами «вывели» Митрофана и избрали на его место Антония³⁷¹. В 6727 (1219) г. после возвращения в Новгород представителя суздальской династии Ярослава Всеволодича Антония опять поменяли на Митрофана³⁷², а позднее в 6733 (1225) г. с очередной переменой на новгородском княжеском столе Антоний снова очутился в Новгороде³⁷³. При этом в 6727 г. новгородцы якобы оставили на суд митрополита, кому занимать кафедру, тем не менее именно Митрофана поддерживали «Бог и св. София». «Князь и новгородьци рекоша Митрофану и Онтону: “Идита къ митрополиту, да кого намъ прислеть, то нашъ владыка”... (6728) Приде архиепископъ Митрофанъ, оправивъся Богомъ и святою Софиею»³⁷⁴. Под 6733 (1225) г. наблюдаем еще один любопытный ход: пишется, что новгородцы были «ради своему владыце» Антонию, вернувшемуся из Перемышля, и не отмечается, куда же подевался Арсений, избранный на место покойного Митрофана двумя годами ранее³⁷⁵.

³⁶⁹ Описание вечевых избраний в НПЛ обычно детализированы. Ср. НЛ, с. 38–40, 68, 80. О том, что подробное описание избрания Мартурия (1193 г.) в НПЛ мл. ред. (НЛ, с. 231–232) – вставка в текст протографа, см.: Гунтус А. А. К истории сложения. С. 24.

³⁷⁰ «6707... А въ Новъгородъ, съдумавъ съ посадникомъ, присла, и съ новъгородьци, и въведе въ епискупию Митрофана... и всъ Новгъгородъ, шьдыше, съ чстью посадиша и»; «6709. Новъгородьци Богомъ избранаго Митрофана въведеша въ епискупию по Мартурии, и иде въ Русь ставиться съ новгородьскими мужи и съ Всеволожими»; НЛ, с. 44–45. См.: Гунтус А. А. К характеристике новгородского владычного летописания. С. 359. О редактировании текста первой трети XIII в.: Гунтус А. А. К истории сложения. С. 15.

³⁷¹ НЛ, с. 52. Здесь в НПЛ существенные хронологические смещения. О Митрофане и Антонии см., например: Хоросев А. С. Церковь в социально-политической системе. С. 41.

³⁷² НЛ, с. 60–61, Антоний стал епископом в Перемышле именно в то время, когда Мстислав Мстиславич княжил в Галицкой земле, в 1220 г.

³⁷³ В период кратковременной замены Ярослава Всеволодича на Михаила Черниговского 1225 г.; НЛ, с. 64. Потом вернулся Ярослав, и Антонию пришлось столкнуться с Арсением, из-за чего Антоний онемел. Далее произошли волнения, Антония посадили на место Арсения, и в конечном результате в Новгороде снова сменилась правящая династия, см. выше.

³⁷⁴ НЛ, с. 60. Лишь в посмертном панегирике сказано, что Антоний пробыл 6 лет в изгнании; НЛ, с. 72.

³⁷⁵ Арсений был избран в 6731 (1223) г.; НЛ с. 61, 64.

Аналогично, в 6736 (1228) г. Антоний якобы «поиде на Хутино по своей воли», то есть без принуждения, хотя в том же году новгородская «простая чадь» обвинила Арсения в том, что он «...выпровадилъ Антония владыку на Хутино, а самъ съль, давъ мьзду князю». Согласно биографическим ремаркам, написанным после смерти Антония, владыка именно в это время онемел от переживаний³⁷⁶. Из всего сказанного вытекает, что новгородцы упоминались с целью затемнить реальное значение князей в выборе епископа; именем горожан манипулировали точно так же, как в сообщениях об изгнании-призвании князей. Сказанное касается и владимиристо-суздальских известий. Двойное изгнание епископа Леона (1159 г., 1164 г.) связано, судя по всему, с бурной деятельностью Андрея Боголюбского (правда, под 1159 г. имя Андрея не упоминается, но он был уже в то время суздальским князем). Аналогично, более поздняя статья 6693/1184 (1185) г. связана с именем Всеволода Юрьевича. Говорится о том, что епископ Лука вышел из монастыря Спаса на Берестовом, что демонстрирует «княжеские» предпочтения. В этом монастыре был захоронен Юрий Долгорукий, и Всеволод, очевидно, продолжал традиции отца. Значит, Лука представлял собой креатуру Всеволода Юрьевича, и, кстати, ни Ипат, ни Лавр в описании инцидента не скрывают того, что именно князь пекся о поставлении «угодного людям» кандидата³⁷⁷. Сказанное не означает, что участие горожан в деле наречения владыки всегда является нарративной фикцией. Существовала реальная основа — со сменой князя менялось соотношение сил в разных партиях, к примеру, в партиях новгородской или суздальской верхушки. Существовали и правила Кормчей, принятой на Руси. Однако нарративные схемы, без сомнения, влияли на появление известий об избрании епископов «людьми» в НПЛ и других древнерусских текстах.

Et cetera, et cetera... Имеются и другие сферы деятельности, где время от времени проявляется влияние горожан.

Весьма многочисленны записи об этикетных собраниях с участием «людей»: встречах и прощаниях с князьями, епископами и др. Обычно они не привлекают внимания исследователей. Компетенцию веча определяли в основном историки-юристы XIX в., а они считали, что вече решало наиболее важные дела в земле, исходя при этом из своих представлений о серьезных материях. Этикетные моменты, судя по всему, казались им несущественными, хотя в иных славянских государствах порою отмечалось участие «людей» в коронации, пиры с «народом» и др.³⁷⁸ Сегодня этикет и церемониал считаются одной весьма значимых областей общественной жизни эпохи Средневековья³⁷⁹, и подобные собрания, думается, все же заслуживают рассмотрения.

³⁷⁶ НЛ, с. 65, 67.

³⁷⁷ См.: *Соколов Пл.* Русский архиерей. С. 154–155.

³⁷⁸ См., например: *Дьячан Вл.* Участие народа. С. 135.

³⁷⁹ См., например: *Rituals of Royalty. Power and Ceremonial in Traditional Societies.* / Ed. by D. Cannadine and S. Price. Cambridge, 1987; *Dalewski Z.* Rytuał i polityka. О вече как о пространстве общественной коммуникации пишет Йонас Гранберг: *Granberg J.* Veche in the Chroniclers of Medieval Rus³.

Дело еще в том, что собрания по поводу проведения тех или иных церемоний никогда не называются в летописях «вечем», компетенция же веча определялась путем переноса прямых сообщений на аналогичные непрямые. Однако, как уже говорилось, упоминание «вѣча» не является обязательным, а наименования участников подобных сходов в летописях те же, что и в записях о вече: «все людие», «новгородци», «бояре и людье» и т. п. Один из важнейших поводов для собрания горожан – встреча князя или епископа при вступлении в город/посаждении «на столе» или занятии кафедры³⁸⁰. На Руси не знали церемонии коронации³⁸¹ и встреча нового князя была одним из важных элементов процедуры передачи княжеского стола³⁸², а во встречах епископов, надо думать, частично копировалось настолование. Известны также встречи «людьми» князей после походов и битв³⁸³, прощание с умершими князьями и их оплакивание³⁸⁴, участие в пирах³⁸⁵ и других церемониях³⁸⁶. К сожалению, особенности древнерусской терминологии не позволяют судить, какие именно группы населения принимали участие в «радостных» встречах, проходах, пирах и прочем. Вдобавок ко всему, подобные описания могли иметь своим образцом переводные сочинения, где описания этикетных моментов весьма многочисленны. К примеру, встречи неоднократно и подробно описываются в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и Хронике Малалы и некоторые из них послужили образцом для составителя Киевского свода. Рассказ о пире Ирода с народом имеется в Евангелии, и предполагалось, что автор ПВЛ ориентировался на него, составляя описание пиров Володимира Святославича с дружиной³⁸⁷. В этикетных описаниях летописцы особенно часто использовали

³⁸⁰ См., например, встреча князя: 1093 г. (209И, 218Л), 1113 г. (276И), 1138 г. (306Л), 1146 г. (321И, 313Л), 1149 г. (384И), 1150 г. (396И, 416И), 1154 г. (470И), 1155 г. (478И), 1160 г. (504И), 6677 (1169) г. (534И). Встреча епископа: 1112 г. (274И), 1156 г. (347Л), 1230 г. (453Л).

³⁸¹ См. например: *Tolochko O. Problems of the Rurikids and Sacral Legitimation // Monotheistic Kingship. The Medieval Variants / Ed. Aziz al-Azmeh, Janos M. Bak. Budapest, 2004. P. 263–266.*

³⁸² То же касается Древней Польши и др., см., например: *Dalewski Z. Rytuał i polityka, 19, 25.*

³⁸³ 1148 г., 369И; 1176–1177 гг., 597И, 373–374Л, 602И, 605И, 377Л, 378–80Л; 1206 г., 423Л, 428Л.

³⁸⁴ См., например: 1086 г. (206Л), 1093 г. (217Л, 221Л), 1113 г. (275И), 1125 г. (289И), 1132 г. (оплакивали Мстислава Володимирича, текст см.: *Яцимирский А. И. Южно-славянские списки XIV в. проложного сказания о князе Мстиславе // ИОРЯС. Пг., 1916. Т. XXI. Кн. 1. С. 201; Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. С. 15); 1175 г. (593И), 1205 г. (425Л), 1212 г. (437Л), 1289 г. (919–920И).*

³⁸⁵ В 1144 г. «Всеволодъ князь кыевскыи приде... со всеми боляры и с кыяны Переяславлю на свадьбу»; 311Л. В 1148 г. по поводу приезда Изяслава Мстиславича в Смоленск к брату Ростиславу устроили пир с раздачей даров. Ростислав и Изяслав «... пребыста у велицѣ любви и въ весельи с мужи своими (Хл доб. «и») смолняны»; 369И. См. также: 1115 г. (282И), 1148 г. (370И), 1150 г. (416И, 418И), 1207 г. (433Л).

³⁸⁶ Постриги сыновей Всеволода Юрьевича 1194 г., 1196 г. В 1206 г. постриглась княгиня, провозжали ее в монастырь «бояре вси и боярыни... и горожане»; 424Л. См. также 441–442Л.

формулы: выражения «мужи, жены и дети», «все смоляне», «от мала и до велика», «весь град», и др. обнаруживают применение соответствующей торжественности места и повода топики. Все перечисленные словосочетания могли иметь, в зависимости от обстоятельств, разные значения, поэтому элемент неопределенности неизбежен.

Как и прочие известия, записи об этикетных собраниях распределены в летописях неравномерно и, как правило, сконцентрированы в периодах княжения симпатичных летописцам князей. Особенно много их в текстах отредактированных, «многоглагольных» и книжных, особенно в рассказах об излюбленных тем или иным летописцем князьях. В том числе, в повествованиях о деятельности Изяслава и Ростислава Мстиславичей (середина XII в.), Всеволода Юрьевича (конец XII – начало XIII в.), Константина Всеволодича (первая треть XIII в.)³⁸⁷. Что неудивительно, ведь церемония встречи демонстрировала легитимность правления и «правильное» течение общественного порядка³⁸⁸. Кроме того, в древнерусских летописях многолюдные встречи и прощания выявляют, по-видимому, представления людей того времени о «чести»: продемонстрировать «достойную» встречу или прощание означало «почтить» симпатичных летописцу князей.

Тенденциозность этикетных описаний не подлежит сомнению. В этом смысле показательны параллельные тексты НПЛ и Лавр под 1255 и 6766–6767/1259 гг. Достаточно бурные собрания новгородцев, с их выступлениями против Василия Александровича или распоряжений самого Александра Невского во время проведения переписи (татарского «числа»), превращены в Лавр в «радостные» встречи князя верными подданными (см. выше). Из более ранних эпизодов можно отметить два рассказа о похоронах Мономаха. В сообщении о смерти Володимира Всеволодича 6633/1125 г., по Лавр, князя хоронили сыновья и бояре. Ипат же вместо бояр называет «всех людей и весь народ»³⁹⁰, и это изменение, вероятно, следует зачислить в счет многочисленных поздних амплификаций и переделок, столь характерных для Киевского свода XII в.³⁹¹ Иными словами, фиксация собраний в летописном тексте зависела не только от реального положения вещей, но это, в общем, не новость для веховой тематики.

³⁸⁷ *Завадская С. В.* Возможность источниковедческого изучения «праздников» – «пиров» князя Владимира в летописных записях 996 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. М., 1990. С. 54–56.

³⁸⁸ Относительно последнего князя находим необычные, учитывая степень детализированности, описания в Лавр (422Л, 423Л, 428Л). Биографические сведения о Константине, как предполагают, вошли в суздальский свод из летописца этого князя (*Приселков М. Д.* История русского летописания. (1940). С. 87–88) или были включены составителем летописи в 1377 г. (*Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии. С. 77–98).

³⁸⁹ Такие тенденции проявляются не только в древнерусских летописях. См., например: *Dalewski Z.* Rytuał i polityka; *Бойцов Ю. Г.* «Ребенок и глупец избрали короля» // Казус. М., 1996. С. 126–130.

³⁹⁰ В Ипат ультрамартовский 6634 г.; 295Л, 289И.

³⁹¹ *Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста.

Кроме этикетных собраний, имеются одиночные и, как правило, лапидарные известия о вмешательстве вечников в семейные дела князей. Собственно, таких записей три. По Лавр, в 1157 г. «новгородци ожениша» сына Юрия Долгорукого Мстислава на дочери Петра Михалковича, весьма примечательного и влиятельного новгородца³⁹². Согласно Киевскому своду, в 1173 г. галичане сожгли «Настаську» и неких Чагровичей и принудили Ярослава Володимировича вернуться к жене³⁹³. Собрание «бояр и всеи Угорской земли» в начале XIII в., по ГВЛ, намеревалось выдать дочь венгерского короля за Данила Романовича³⁹⁴. К первому из известий имеется параллельный текст: по Ипат, Мстислав Юрьевич взял жену по воле отца, о новгородцах же ничего не сказано³⁹⁵. В ГВЛ запись о проекте брака Данила Романовича с венгерской королевной явно апологетична и имеет позднее происхождение³⁹⁶. Очевидна тенденциозность таких записей, но что за ними скрывается, выяснить, к сожалению, невозможно.

В исследовании вече, взаимоотношений «людей» и князя редко удается выйти за ограничения, накладываемые нарративами. Соответственно, для всех жаждущих четко и определенно знать, чем было «на самом деле» вече в Древней Руси, выводы вполне неутешительные. Имеются свидетельства как в пользу того, что на вече собирались все жители (или, по крайней мере, все воины) города или земли, так и в пользу того, что это была верхушка общества. Как в пользу изменчивости состава, так и в пользу его стабильности. Летописцы слишком часто манипулируют сообщениями этой тематики, а сетка социальных категорий ситуативна и искусственна. Древними книжниками применяется принцип репрезентативности, позволявший в большинстве случаев замещение больших групп малыми и наоборот. Соответственно, социальный состав, количество участников, частота собраний не поддаются определению. Тем не менее, имеется и положительный результат – можно предполагать, что вече и дружина не были жестко отграниченными одна от другой общностями. По-видимому, во многих случаях, и в особенности в ситуации политической стабильности, в их состав входили одни и те же люди, составлявшие верхушку общества. Раскол местного социума случался тогда, когда шла

³⁹² Об этом выдающемся новгородце см.: *Гинпиус А. А.* О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII века // *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гинпиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. 11. С. 164–174. Необычно то, что имя Петра Михалковича не фиксируется в НПЛ.

³⁹³ 564И.

³⁹⁴ В И под 1206 г., 723И.

³⁹⁵ См. вторую главу, прим. 365.

³⁹⁶ Что отмечено Мартой Фонт: *Фонт М.* «Житие» Данила Романовича. Сюжет ГВЛ таков: Данила хотели якобы женить в Венгрии, мотивируя тем, что у венгерского короля не было наследников мужского пола. На самом деле наследник появился еще в 1202 г.

борьба между двумя лидерами (князьями). Еще одно существенное, хотя и отрицательное заключение – не подтверждается традиционное мнение об «отделенности» вечников от князя. Летописцы чаще всего описывали конфликты в рамках схемы «князь – люди»/«князь – город», хотя на самом деле речь шла о противостоянии двух князей или двух групп князей и их сторонников и противников.

Исследование компетенции «людских собраний» также подводит к взаимоисключающим выводам – как о широком объеме функций веча, куда входили практически все важнейшие дела общественной жизни и управления, так и об узком – подразумеваемом влиянии преимущественно на выбор князя. Надо сказать, несмотря на достаточно широкий спектр занятий, большинство примеров сводятся к действиям «людей» в ситуации смены князя или же к советам правителю и репрезентации земли: совместное с князем решение, этикетные собрания. Сфера компетенции веча полностью дублирует поле деятельности князя, отсутствуют функции, которые можно было бы назвать сугубо вечевыми. Князья сажали на княжеские столы других князей, мирились, собирали «воев» и ходили в походы, судили, издавали законы и управляли землей, ставили и изгоняли епископов, пировали... В каких случаях в событиях действительно принимали участие вечники – неизвестно. Существует и еще одна проблема, которая отчасти затрагивалась в начале этой главы. Почти все области деятельности «людей» могли быть скопированы из переводной литературы. К примеру, все греческие хроники пишут об избрании на царство. Подобные же сведения древнерусский читатель мог почерпнуть из Книг Царств и других библейских текстов. Библия могла предоставить и массу иных примеров, ведь военные дела, встречи, пиры, в меньшей мере суд (и почти никогда – законы) здесь часто связаны с «людьми».

Как оказалось, фиксация собраний и, так сказать, автономность действий горожан, равно как и выводимая отсюда степень влияния их на события, зависели от интенций летописцев и функционирования записей в текстах. Учитывая легкость, с какой под пером летописцев в параллельных сюжетах возникают и исчезают упоминания о вече и «людях», такие вопросы, как определение регулярности и частоты вечевых собраний, вовсе снимаются. Реальное же место веча в политической системе, к сожалению, не может быть определено даже в общих чертах.

Глава 4

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ВРЕМЕНИ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ НАРОДА И ПРАВИТЕЛЯ

Из предыдущего изложения ясно, что многие вопросы о вече, занимавшие не одно поколение исследователей, в принципе не могут быть решены. Но тогда как исследовать представления о реальности, которая сама по себе видится туманно? Не превращаются ли такие штудии в исследование фантома фантома? Автор не придерживается теории о полной «непрозрачности» текстов и недоступности реалий. Хотя в случае с вечем проблема осложняется тем, что до нас дошли почти одни только нарративы, притом нарративы, в высокой степени отклоняющиеся от реальности, поскольку тема выступлений «людей» связана с такими напряженными, а порой и прямо табуированными темами, как верность и предательство, справедливость поступков правителя, все же дело обстоит не столь печально. Если исследование нарративных схем позволяет лишь в какой-то мере приблизиться к реальности, то доступ к самим представлениям получить гораздо проще. Ведь представления определяют выбор летописцем той или иной нарративной стратегии и всегда присутствуют в нарративах. Задача лишь в том, чтобы их найти.

До сих пор ученые рассматривали отдельные аспекты проблемы представлений о вече. Собственно говоря, два таких аспекта: «законности» или «незаконности» вечевых собраний¹ и сосредоточенности летописцев на взаимоотношениях с князем². Вдобавок это были скорее попытки артикуляции болезненных для Российской империи вопросов отношения государства и общества. Феномен средневекового сознания виделся достаточно простым: обсуждая эту тему, историки XIX в. ограничивались преимущественно суждениями о «детских понятиях» людей того времени³, в советское же время утвердилось мнение о споради-

¹ См., например: *Сергеевич В. И.* Вече и князь. С. 59; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 8–9, 13; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории. С. 57, 60–61; *Самоковасов Д. Я.* Заметки по истории. С. 23; *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя. С. 127–128.

² *Сергеевич В. И.* Вече и князь. С. 73; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 79; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства. С. 258. Об аналогичных явлениях в хрониках западных соседей Руси см., например: *Grzek R.* Kronika Węgersko-polska. Poznań, 1999. S. 166, 182.

³ *Соловьев С. М.* История России. Т. 1. С. 96; *Костомаров Н. И.* Начало единодержавия. С. 14; *Милоков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1904. Ч. 1. С. 3. Только у А. Е. Преснякова находим не противопоставление по типу «простое – сложное», а тезис о кардинальном качественном несовпадении древних и современных представлений и понятий: *Пресняков А. Е.* Княжое право. С. 63–64.

ческих выступлениях-восстаниях, и отношение представителей разных общественных страт к таким восстаниям представлялось наперед заданным. Таким образом, проблема оказалась не только не решенной, но фактически и не поставленной. На неразработанности темы представлений о вече сказалась еще и нехватка источников. Кроме единственного пассажа статьи 1176 г. Лавр, интерпретируемого учеными диаметрально противоположным образом⁴, нет никаких аутентичных высказываний о вече, позволяющих судить о взглядах древнерусских книжников на сей предмет. Однако у нас имеются параллельные тексты, где представления летописцев выступают в роли нормативного фактора. Исследование параллельных нарративов не только существенно расширяет возможности изучения представлений, но и прямо вынуждает исследователя к подобному занятию, ведь осмысление содержательных смещений в текстах и их адекватное понимание взаимосвязаны.

Князь и «люде»: распределение ролей. Один из положительных ответов предыдущей главы – тот, что «людей» необходимо рассматривать в системе «люде – князь». Поэтому начать следует с вопроса о центральной роли отношений с князем. Такое освещение летописцами собраний горожан, где львиная доля информации так или иначе связана с князьями, настолько очевидно, что оно не могло не быть замечено исследователями. Эта тенденция бросала вызов всем славянофильским и народническим представлениям о решающей роли «народа» в «земле» и князе как о «земском чиновнике». Историками было предложено два объяснения того, почему летописцы сосредоточили свое внимание не на вече как таковом, а на взаимоотношениях князя и веча. Наиболее распространенное из них следующее: подобный способ подачи информации был обусловлен важностью самой проблемы, что должно предполагаться уже по самым общим логическим основаниям (от князя зависели военные успехи и т. п.⁵). Иное объяснение – незначительность влияния «людей» на политическую жизнь земли, рудиментарная роль веча в Древней Руси. Собственно, сосредоточенность летописцев на княжеской проблематике принимается за доказательство такого тезиса⁶. Анализ параллельных текстов поддерживает и несколько конкретизирует первую гипотезу.

Обычно исследователи представляют себе ситуацию таким образом, что тенденциозно настроенные книжники, входившие в клиентелу определенных князей, интересовались только изображением своих могущественных патронов, и лишь в «местных городских» летописях или фрагментах рядом с князем становились «люде». Однако многие красочные описания собраний и мятежей были сделаны все теми же «тенденциозными» летописцами. Схема оказывается куда более сложной: подобные опи-

⁴ См. первую главу, прим. 30.

⁵ См., например: *Сергеевич В. И.* Вече и князь. С. 73; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 79; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства. С. 258.

⁶ *Самоквасов Д. Я.* Заметки по истории. С. 34–45; *Свердлов М. Б.* Генезис и структура. С. 48–53.

сания имели своей настоящей целью не изобразить горожан, а спрятать за ними князя, и картины городской жизни – побочный результат такой нарративной стратегии. В двух из трех рассмотренных во второй главе нарративных моделей само появление на сцене «людей» зависело от оценки летописцем определенного князя или группы князей. Горожане действуют лишь в одном из текстов параллели, а во втором просто отсутствуют, и речь идет только о деяниях князя. В первой модели, «Оправдание/осуждение князя», если книжник намеревался оправдать какие-то сомнительные поступки правителя, он вводил коллективное действующее лицо – вечников, принуждавших князя «сотворить зло» или же действовавших без его повеления и вразрез с его замыслами⁷. Если же князь был автору антипатичен, он возлагал на него полную ответственность за злодеяние и о «людях» ничего не сообщал. В III модели, «Характеристика князя», положительная оценка героя сопровождалась его «характеристикой», демонстрировавшей отношение народа. «Люди» якобы с радостью принимали доброго князя, поддерживали его начинания и, наоборот, не принимали плохого правителя и не выполняли его приказаний. Параллельно этому существовали нейтральные известия о делах князя.

Только в одной из выявленных моделей, «Конфликты с князем», вече упоминается во всех текстах параллельных сообщений. Тем не менее, развитие событий также определяется тенденциями рассказа. В том случае, если летописец сочувственно относился к горожанам и/или князьям-соперникам изгнанного либо изгоняемого правителя, он пытался преуменьшить активность «людей», снимая с них ответственность за начало конфликта. И наоборот, симпатия к жертве инцидента была причиной осуждения горожан, и тогда подчеркивалась их злая воля, активность и склонность к предательству, а князь-изгнанник, часто на деле развертывавший бурную деятельность и стремившийся вернуть себе волость, изображался пассивным страдальцем. Чаще всего изображает горожан пассивными и послушными князю местная новгородская летопись. В то же время яркие описания восстаний дают враждебные или, по крайней мере, чуждые новгородцам Ипатьевский и Лаврентьевский своды. Все это совершенно необъяснимо с традиционной точки зрения, предполагающей детализированные описания у «внимательных к горожанам» местных летописцев, но вполне укладывается в схему сокрытия неблагоприятных поступков князя за ширмой «мятежей».

Признаки нарративного моделирования можно проследить не только в проанализированных во второй главе сюжетах, но и в иных летописных текстах, к которым не имеем параллельных известий. Разумеется, анализу поддаются те из них, где контекст повествования позволяет определить интенции авторов – и, прежде всего, их отношение к князьям. Таких насчитывается несколько. Серия записей о собраниях киевлян 1146–1147 гг.

⁷ См. вторую главу. Это наблюдается во всех сюжетах, кроме суздальских I.6 и I.5, где использован иной прием: легитимация поступка с помощью совместного решения князя и людей.

в Ипат обнаруживает признаки конструирования по типу II модели, «конфликты с князем», в варианте «b», «осуждение горожан». Сообщается о нескольких присягах Игорю Ольговичу⁸, нарушенных буквально через неделю после их принесения, что служит одним из приемов осуждения «киян»⁹. На вече возле Туровой божницы киевляне выставляют свои требования, а уступчивый князь на все соглашается, что, снова-таки, демонстрирует кротость правителя и неподобающее поведение «людей»¹⁰. Эти крестоцелования и «лесть» Игорь припоминает «киянам» как раз перед убийством, в тех сценах, где он изображен святым мучеником¹¹. Далее, в статьях Киевского свода середины XII в. и записях ГВЛ первой половины XIII в. прослеживается III модель «характеристика князя». Главный герой Ипат 1146–1154 гг. Изяслав Мстиславич пользуется всеобщей любовью народа. В 1146 г. его вступления в Киев жаждет вся земля, о чем неоднократно заявлено в речах «киян» и «черных клобуков», собравшихся «на поли». Более того, Изяславу открывают ворота города путивльцы, «люди» Святослава Ольговича, причем после отказа «отвориться» «своим», черниговским князьям-Давыдовичам. «Новгородцы-северские дружина» идут на контакт с князем после бегства своего сюзерена Святослава Ольговича¹². В 1149 г., отказывая в поддержке Изяславу Мстиславичу и его брату Ростиславу, киевляне объясняют это не нежеланием / непокорством или ссорой с князьями, а физической невозможностью продолжать войну после разгрома: «Господина наю князя, не погубита нас до конца, се ны отци наши и братья наша и сынови наши на полку они изоимани, а друзии избьени... вы вѣдаета, оже намь с Гюргемь не ужити»¹³. Даже вынужденные принять другого правителя после военного поражения, они все-таки уверяют Изяслава Мстиславича в своей неизменной преданности. То же касается его брата, Ростислава Мстиславича, основного положительного героя Ипат середины 50-х – конца 60-х гг. XII в.: описывается встреча его всей землей по приходе в Киев, акцентируется желание народа видеть его своим князем и т. п.¹⁴ Вместе с тем нет ни одной

⁸ «Они же вси цѣловаша к нему крестъ рекуче: “Ты намь князь”, и яшась по нь лъстью»; «И созва кияне вси на гору на Ярославль дворь, и цѣловаше к нему крестъ»; «Кияне же вси съсѣдше с конь и начаша молвити: “Брать твои князь и ты”, и на томь цѣловаше вси кияне крестъ и с дѣтми, оже подь Игоремь не лъстити, подь Святословомь»; 320–322И.

⁹ 324–326И. Ср. гл. 2, П.4, П.1, П.8. Исследователи иногда привлекают (прямо или не ссылаясь на источник) известия Татищева о том, что сам Игорь нарушил ряд – обещал сменить тиунов и не выполнил свое обещание. См., например: *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. С. 159. Но эти сведения не подкрепляются ни одним из аутентичных источников и прямо противоречат интенциям летописцев, и, как все «татищевские известия», они, очевидно, сконструированы Татищевым. О методах работы Татищева см.: *Толочко А.* «История Российская» Василия Татищева.

¹⁰ Ср. гл. 2, П.2 и П.4.

¹¹ Особ. 351И. О статье 1147 г.: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература. С. 363; *Вілкул Т. Л.* Літописна повість про вбивство Ігоря Ольговича 1147 р. С. 24–36.

¹² См.: 323И, 33И, 335И.

¹³ 383И.

¹⁴ При входе в Киев: «и сѣтоша вси людие и множество народа, прияша и людие с достохвалною чєстью, и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего сии благовѣрнии князь Ростиславъ»; 504И.

записи о торжественных встречах и любви «киян», например, к сопернику Ростислава, Изяславу Давыдовичу. Только из случайной обмолвки 1159 г. узнаем, что Изяслав при занятии города дал «прощение» в Софии тем киевлянам, которых «изымали». А ведь перед тем в городе сидел как раз Ростислав и, значит, симпатии горожан не распределялись так однозначно, как хотелось бы летописцу. Аналогично, в ГВЛ характеристики зависят от того, идет ли речь о Даниле и Васильке Романовичах или же об их противниках. Особенно примечательно распределение записей о «всенародной любви». Если учитывать лишь прямые сообщения о симпатиях жителей Галицкой и Волынской земель, окажется, что горожане «любили» Данила Романовича и радовались исключительно ему. Под 1204 г. берестьяне «с вѣликою радостью срѣтоша и (его. – *Т. В.*), яко великаго Романа видящи»¹⁵. Под 1226 г. «галичаномъ бо хотящимъ Данила» на княжение¹⁶. Пространная похвальная сентенция помещена под 1235 г.: «Любахуть же и (его) гражане... Они же воскликнувшѣ, рѣша, яко се естъ держатель нашъ, Богомъ данни, и пустишася, яко дѣти ко отцю, яко пчелы к матцѣ, яко жажющи воды ко источнику»¹⁷. Соответственно, иных князей не любили. «Бояромъ же не любящимъ Инъгвара»¹⁸; Мстиславу Мстиславичу говорили: «Не можешъ бо держати самъ (Галича. – *Т. В.*), а бояре не хотятъ тебе»¹⁹. Нигде такого не сказано о Даниле, хотя его изгнали из Галича или не пускали на галицкий стол не реже, а может быть, и чаще других князей²⁰. В сценах изгнания или неудач речь могла идти о «лести» либо «невѣрствию» горожан или бояр, но не об их нежелании и неприязни.

Одной из табуированных тем было перетягивание князьями на свою сторону «людей» во время междоусобной борьбы. Борьбу между двумя князьями или коалициями князей, часто захватывавшую несколько городов и земель Руси, не принято было показывать, что хорошо видно из текстов II модели. Чаще всего такие столкновения книжники сжимали до локального конфликта между одним князем и городом либо конфликта внутри города (иногда при участии князя, в таком случае, однако, уже не играющего центральную роль). Наиболее разработаны подобные приемы «локализации» в НПЛ, причем в некоторых сюжетах они приобрели специфические черты: политическая борьба с участием нескольких князей и новгородцев изображалась как конфликт между боярами и чернью или Торговой и Софийской сторонами Новгорода. Даже если князь предпринимал или собирался предпринять достаточно жесткие меры против новгородцев, он предстал безгрешным (буквально «без грѣха»), а вся вина, «все зло» ложились

¹⁵ 721И.

¹⁶ 750И.

¹⁷ 777И.

¹⁸ 721И.

¹⁹ 750И.

²⁰ 717–718И, 727–728И, 729И, 762–763И, 765–766И, 774И.

²¹ См. гл. 2, II.5 и гл. 3.

на «злыхъ челоуѣкъ»²¹. Как причину столкновения князя и горожан древнерусские книжники могли выдвигать «лесть» и предательство горожан или же, наоборот, неумелую внутреннюю политику князя и невыполнение им своих обещаний и обязательств. Разумеется, то или иное решение зависело от интенций летописцев. Стремление показать «доброе» князя сочеталось с акцентированием «лести» «людей», тогда как «плохой правитель», соответственно, не выполнял обязательств и не умел вести дела.

Сужение конфликта до масштабов одного города и автономизация вечников прослеживаются во многих сюжетах II модели и непосредственно связаны с понятием о «верности» или «неверности» «всей дружины». Ведь перетягивать «людей» на свою сторону – значило спровоцировать нарушение присяги и совершить злодеяние. Кроме того, такая стратегия позволяла не изображать взаимные претензии и не определять трудноуловимые правовые преимущества тех или иных князей. В принципе, каждый представитель княжеского рода имел право на волость²², и, соответственно, определить, кто имеет «больше прав» и кто кого «сильнее обидел», часто бывало затруднительно и, помимо всего прочего, вело летописца в мир этических норм, совершенно для него чуждых. Каждый из книжников стремился дать более-менее однозначные моральные оценки, а стремление добиться «лучшей волости», как и стремление к накоплению богатств, коренным образом расходилось со стандартным набором представлений о добре и зле. Значительную часть летописцев составляли монахи, да и на любого средневекового человека должны были оказывать влияние церковно-книжные представления о недопустимости «желания бóльшей власти» и «бóльшего имѣния». Таким образом, отводя в тень князей-соперников, избегали осуждения властолюбия и сребролюбия. Или, по крайней мере, осуждали какого-то одного представителя княжеского клана, притом что остальные оставались чистыми. Дать же отрицательную оценку всем членам княжего рода было попросту невозможным. Фигура правителя в Древней Руси, как и вообще в древних и средневековых обществах, должна была оставаться неизменно положительной²³.

Видимо, «князецентричность» летописания обусловила также характерное распределение записей о собраниях горожан относительно тематики дел, бывших предметом обсуждения. Больше всего текстов, описывающих приглашение и изгнание князей и этикетные моменты. Все остальные по сравнению с ними составляют мизерный процент и часто в конечном итоге связаны с острыми политическими ситуациями. Даже в НПЛ известия о внутренней политике и договорах с князьями маркируют напряженные моменты и фактически должны пополнить летописные упоминания «мятежей» и «призваний».

²² Толочко А. П. Князь в Древней Руси. С. 24 и след.; Tolochko O. Problems of the Rurikids. P. 267.

²³ См., например: Deptula C. Galla Anonima mit genezy Polski. S. 41.

Все это позволяет утверждать, что, говоря о «людях», древнерусские летописцы всегда держали в голове систему «князь – людье», где основной была фигура князя. Князцентристские тенденции с некоторыми вариациями отразились даже в единственной для домонгольского времени «местной» «городской» летописи, НПЛ. По-видимому, сами принципы изображения и многие приемы построения исторических нарративов вытекали из общей системы ценностей древнерусского общества, где фигура князя стояла на вершине, а «людье» были подчиненным элементом.

«Говорити», «молвити»/«въстати». Появление отдельного от князя субъекта действий. Ранее говорилось о том, что князь мог представлять «людей» («землю»). Но в каких случаях «люди» становились отдельным субъектом, при каких условиях князь уже не мог выступать от их имени?

Как уже отмечалось в первой главе, слово «въче» имеет корень «вътъ», указывающий на речевую деятельность: «отвътъ», «съвътъ», «завтъ» и пр. Чаще всего отмечают родство со словом «совет», ведь в летописи неоднократно упоминается о том, что кияне, новгородцы, владимирцы что-либо «съдумаша», и «совет» всегда предполагает коллективное решение и проговаривание. Но в летописях иногда также говорится о том, что «люди» «почаша говорити» или «молвити». Между тем здесь глаголы «молвити» и «говорити» прямо связаны с деятельностью, причем деятельностью совершенно определенного рода – скорой расправой и мятежом. То есть речь не противостоит действию, а, хоть это и звучит несколько странно для уха современного человека, действительно синонимична.

Подобных примеров не так много, но они примечательны. Так, в описании веча 1068 г.: «Начаша людье говорити на воеводу на Коснячка, идоша на гору съ вѣча и придоша на дворъ Коснячковь»²⁴. В рассказе о призвании Мономаха в Киев 1113 г. из «Сказания о чудесах св. Бориса и Глеба» «мятежь», «крамола» и «молва» – синонимы: «Многу мятежую и крамолѣ бывъши въ людьхъ и мълвѣ не малѣ»²⁵. В уже цитированной статье НПЛ 1134 г. «молва» сочетается с убийством и символическим покаранием, сбрасыванием с моста. «Почаша мълвити о суждальстѣи воинѣ новгородци и убиша мужь свои, и съвъргоша и (сбросили его. – Т. В.) съ моста»²⁶. Несколько иной случай – когда приводятся конкретные речи: «кликнуша людье на Давыда...» (1097 г.)²⁷, «людье черни-

²⁴ Так в РАИХ. Только в Л – «люди его корити», но здесь очевидная порча текста («начаша люди его корити на воеводу...»), далее текст общий с РАИХл; 171Л, 160И.

²⁵ Бугославский С. Україно-руські пам'ятки. С. 169. Вероятно, фраза построена по образцу, виденному в хронографических сочинениях. Ср. в Хронике Амартола: «многу мятежу бывшу и мнозѣ мълвѣ»; ГА 418.5.

²⁶ НІ, с. 23.

²⁷ 268Л.

говци возпиша ко Всеволоду» (1138 г.)²⁸, «почаша володимерци молвити: мы есмы волная князя прияли к собѣ» (1176 г.)²⁹, и им подобные³⁰.

Судя по всему, «молва» не исчерпывается речами к князю и не является сокращенным резюме таких речей, поскольку использовано одно из выражений переводной литературы. В памятниках старославянского языка «мльва» – это ‘шум, волнение, смятение’, что частично совпадает со значением слова «мятежь»³¹. В Хронике Георгия Амартола состояние гражданского несогласия, *στάσις*, переводится как «стояние» (ГА 163.1), «уставъ» (275.18), «въстание» (175.18), «*мльва*» (395.16), «котора» (408.1), «супротивие» (550.21)³². «Котора» и «мльва», а также «въстание» – синонимы и являются славянским эквивалентом одного и того же греческого слова. Примечательные пассажи о «молве» и «молчании» встречаются в ветхозаветных книгах: 3 Цар.22.3 «Мы молчимъ взяти ю от руки царя сурийска»; 4 Цар.11.20 «Возрадовашася вси людие земли, и градъ умолче, и Гофолию умертвиша»; 4 Цар.18.36 «...умолкоша людие и не отвѣшаша ему»³³. «История Иудейской войны»: «...прости же людие не молчаху» и устроили мятеж; «...старѣишины помолкоша, но написаша... смирити хотя высокоумие их, да быша немь»; «...вездѣ заратилися суть, не мняше (не намереваясь. – Т. В.) мльчати»³⁴.

Следует сделать оговорку. «Молва» в значении, близком к «восстанию» и «мятежу», в летописях встречается сравнительно редко. Более обычным выражением, встречающимся от ПВЛ до летописей XIII в.,

²⁸ 306Л. Ситуация, когда Всеволод Ольгович потерпел поражение от Ярополка Володимирича. Многолетние войны черниговских князей с Володимиричами закончились поражением и осадой Чернигова (впрочем, смерть Ярополка наступила в том же году, и Всеволод Ольгович все-таки вокняжился в Киеве).

²⁹ 375Л – 599И. Здесь же под 1175 г. – речи ростовцев, которые послужили якобы причиной усобицы: 374Л – 598И «зане молвяхуть «пожьжемъ и (его, то есть город Владимир. – Т. В.)»».

³⁰ Также: под 1019 г. после поражения и бегства Ярослава Володимирича: «Посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, с новгородци расѣкоша лодѣ Ярославлѣ рекуще: “Можемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ”»; 143Л. Под 1097 г. жители Владимира-Вольнского потребовали от князя Давыда Игоревича выдать тех, кто «подостривал» на ослепление Василька Тербовльсого. «Гражане же, се слышавъ, созваша вѣче. И рѣша Давыдови людье: “Выдай мужи сия, не бьемъся за сихъ, а за тя битися можем, аще ли (то есть если поступишь иначе. – Т. В.), то отворим врата граду”»; 268Л. В иных ситуациях, безотносительно к деятельности горожан: «Не дадъшь на рать по Ярославлѣ никому же молвити», 297Л; «Леону молвящо на цесаря»; 352Л; под 1127 и 1164 гг.

³¹ Старославянский словарь. С. 330; *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя. Т. 3. С. 93, 165, 181.

³² *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя. Т. 3. С. 170.

³³ Острожская библия. Л. 169об., 176об., 181. Противопоставление «молчания» и «мятежа» (уже в духовном смысле) встречается в многочисленных поучениях, ср. в «Пчеле» из Златоуста: «Луче хлѣбъ съ солю въ молчань и бес печали, нежели предложение брашномъ многоцѣномъ съ мятежемъ и съ ужасомъ». См.: *Макеева И. И., Пичадзе А. А.* Библейские цитаты в древнерусской «Пчеле», Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 74.

³⁴ *Мецкерский Н. А.* История. 174.16, 273.13–14, 26–28, 283.10–11; «История иудейской войны». Т. 1, 3486.38–39, 4026.39–40–402в.24–27, 406в.9–10.

является «встати»³⁵ и его производные, «встань», «встание», а также другие деятельностные глаголы: «творити вѣче» и т. п. Судя по хронологическому распределению упоминаний, слово «молва» в таком его значении принадлежит к архаическому пласту речи, последние отголоски слышатся во второй половине XII в.³⁶ Во всяком случае, книжники конца XII–XIII вв. его не используют, несмотря на сильное влияние хронографических текстов, в том числе перевода Флавия. Составителю Киевского свода полюбились пассажи из «Истории иудейской войны», но он не вводил подобные выражения в текст своей летописи³⁷. То же касается составителей ГВЛ, где «молва» значит только «речь».

Надо сказать, в некотором смысле «встать» и «молвить» в самом деле являются синонимами. Молчать – это значит согласиться с доминирующим мнением, а встать среди сидящих и заговорить среди молчащих – проявить свое несогласие. Не решусь утверждать это категорически, но, похоже, слово «вѣче» сочетало оба значения «говoreния» – и процесс совещания и договора перед какими-то общими действиями, и процесс отделения, вос-стания. И, возможно, этим объясняется отсутствие слова «вѣче» в описаниях мирных собраний (в частности, этикетных), в ситуации согласия «людей» с князем. А также разделение «дружины» и вечников: вече – говорит и действует – отдельно от князя, дружина – помогает – князю и действует вместе с ним.

Законность и незаконность вечевых собраний. «Верность» и «неверность» вечников. Вопрос «законности» и «незаконности» вечевых собраний – один из центральных в дореволюционных исследованиях веча. Разумеется, тому способствовали скорее проблемы XIX и начала XX вв.: острота темы выступлений «народа» против «самодержца», поиски легальных оснований участия общественности в политической жизни. Для второй половины XIX в. можно предполагать и своеобразную игру с юридическими реалиями: перенос их в как можно более древние времена и «оправдание» стариной. Интерес к юридической сфере стимулировал исследование разнообразных правовых практик, хотя порой отсутствие современных норм в древних обществах трактовалось исследователями как отсутствие закона вообще. Трудно судить наверное, но, по-видимому, историки ощущали и неравнодушные летописцев к этой теме. В дальнейшем, в XX в., легитимистские мотивы из исторических трудов исчезли, поскольку в построениях историков-мар-

³⁵ Например: 307И, 348И, 494И, 646И, 660И; 385Л – 605И; НІ, с. 30, 47.

³⁶ Как уже говорилось, «молва» в значении 'действие, восстание' связано с влиянием переводной литературы, где, в свою очередь, видимо, отразилось влияние древнееврейского. *Верещагин Е. М.* Церковно-славянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М., 2001. С. 157, след.

³⁷ Во фрагментах, зафиксированных только в Ипат и не имеющих соответствия в Лавр, – деятельная лексика, «вѣче дѣяти», «вѣче творити», «яти», «послати» и т. п. «Молвити» же – стандартный эквивалент к «речи», может быть, только с некоторым налетом торжественной, книжной речи. Исключения, где лексика, связанная с «говорением», обозначает действие, принадлежат к общему с Лавр тексту: «возпиша» – о черниговцах 1139 г., то же касается «молвити» о ростовцах и владимирцах 1175 г.

ксистов вече трактовалось как «мятеж» и «восстание трудящихся масс», и его исследование никак не было связано с законностью. (Еще одной, правда, факультативной, была трактовка веча как проявления сопротивления бояр центральной власти. Но и в последнем случае также речь шла не об оценке законности или незаконности, а о препятствующем общественному прогрессу поведении феодалов).

Законные и незаконные собрания исследователи XIX в. пытались разграничить по формальным признакам. Во-первых, место собрания – был ли это кафедральный собор/княжий двор или случайная площадь. По устоявшемуся мнению, следовало учитывать, кто собирал «людей» – князь, посадник либо первый попавшийся человек³⁸. Второй способ классификации – по характеру собраний. Придавали значение тому, были ли это мирные встречи, где вечники пребывали в согласии с князем (в Новгороде – также и с посадником), или же скопление народа с целью восстания против властей³⁹. Подобные классификации вызвали серьезные возражения уже у Сергеевича⁴⁰. Ученый подчеркивал нестабильность «мира» и «мятежа» и перетекание одного состояния в другое, когда «послушное» вече на наших глазах могло превратиться в мятежное. Самый яркий пример тому – 1147 г., убийство Игоря Ольговича в Киеве, начавшееся со вполне мирного решения присоединиться к князю в походе. И наоборот, порой «люди» могли выступать против князя и собираться отдельно, а потом решали поддержать его. Сергеевич приводил пример 1214 г., когда новгородцы «по князи не поидоша», но затем изменили свое решение. Он же обратил внимание и на то, что правомочность самых что ни на есть мятежных собраний признавалась князьями, о чем свидетельствует реакция Мономаха на слова киевлян в 1113 г. и Святослава Ольговича на решение полочан в 1151 г.⁴¹

По-видимому, говорить о законности или незаконности в абстрактном смысле в век «личных лояльностей», каким было Средневековье, едва ли целесообразно. Понятие о «законности» или «незаконности» собраний для того времени является анахронизмом. Судя по всему, люди Древней Руси мыслили скорее в категориях «верности» или «неверности» князю, о чем, кстати, многократно заявлено эксплицитно. Стандартные и наиболее многочисленные обвинения горожан – обвинения в «лести» и «неверности», и практически не встречаются пассажи, где говорилось бы о незаконности действий «людей». Исключения составляют библейские заимствования, где есть «законъ», «безаконие», «безаконници», «правда»

³⁸ См.: например: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории. С. 27, 31, 57, 60–61; *Беляев И. Д.* Судьбы земщины. С. 17–18, 36–37.

³⁹ *Самоковасов Д. Я.* Заметки по истории. С. 23, 71; *Филиппов А.* История русского права. М., Юрьев, 1905. Ч. 1. С. 158; *Довнар-Запольский М. Ф.* Политический строй. С. 26.

⁴⁰ *Сергеевич В. И.* Вече и князь. С. 59; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 2. С. 8–9, 13. См. также: *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя. С. 127–128.

⁴¹ Ср.: «Яша полотчане Рогъволода Борисовича... И прислашася полотъчане къ Святославу Олговичю с любовью, яко имѣти отцомъ собѣ и ходити в послушаньи его»; 445И.

и т. п. Однако, используя подобные выражения, летописцы имели в виду не оценку незаконности как таковую, а вообще отрицательную характеристику тех или иных персонажей с помощью соотнесения с наиболее авторитетными текстами. Для того времени «беззаконие» имело не столько юридический смысл, сколько было синонимом греха. «Беззаконнахом и зло створихом пред очима Твоима» – наиболее часто встречаемое выражение из Псалтыри. Деривативы от слов «закон» и «правда» чаще всего содержатся в церковно-книжных пассажах и ассоциируются с «правдой Божьей» и «Божьим законом»⁴².

Хотя оправдание (осуждение) одной из сторон входило в круг основных задач летописцев, древнерусские книжники не решали вопрос принципиально, исходя из каких-то абстрактных норм – например, допустимость или недопустимость «отдельного собрания, куда князь не приглашался». В каждом конкретном случае старались составить впечатление о достойном или, наоборот, недостойном поведении сторон конфликта – князя или горожан. Своеобразное перетягивание каната, то есть подбор деталей, свидетельствовавших о вине горожан или сомнительных поступках князя, – видно по параллельным текстам II модели. Основная игра идет формантами активности/пассивности, притом «плохие персонажи» всегда начинают конфликт. Например, в сюжете 1167 (Ипат под 6677 (1169)) г., согласно НПЛ, ссору начал Святослав Ростиславич. Он сам ушел из Новгорода «на Луку» и прислал к новгородцам оскорбительное послание, отрекаясь от них: «Не хоцю у васъ княжити». По Ипат, наоборот, новгородцы начали тайно собираться, замышляя нечто недоброе против своего князя, и эта угроза заставила его бежать. В описании конфликта с киевским князем Всеволодом Ольговичем и его братом Святославом 1141–1142 гг. НПЛ вновь настаивает на том, что все началось из-за приказа Всеволода поменять брата на сына, а новгородцы только выполняли его волю. Может быть, горожане лишь слегка поосторожничали, не дав Святославу Ольговичу уйти до прихода Святослава Всеволодича. Лавр же пишет, что новгородцы сначала «выгнаша Святослава» (Ольговича), а после этого неприятного для киевского князя поступка послали посольство в Киев, требуя дать им взамен сына Всеволода, Святослава. Более того, зло не закончилось и на этом, по пути горожане передумали и потребовали на княжение в Новгород взамен Ольговичей «племени Володимеря» (внуков Мономаха). Лишь после этой неслышанной наглости Всеволод Ольгович приступил к ответным действиям. Подобные содержательные смещения наблюдаются в большинстве параллельных текстов, примеры можно продолжать.

⁴² Например, в описании смерти Игоря Ольговича: «законопреступници, врази всея правды, Христови отметьници» (351И) – компиляция евангельских и апостольских (в том числе ДА 13.10) текстов; Игорь Ольгович представлен мучеником. В сюжете 1176 г., где суздальцы обвиняются в попании Божьей правды, также использован Апостол. Ср. Рим.10.3: «не свѣдуше Божие правды, и свою правду имуще поставити»; Матичин Апостол. Л. 70v. Лавр: «городъ старыи Ростовъ и Суждаль и вси боляре, хотяше свою правду поставити, не хотяху створити правды Божья»; 377Л.

«Незаконным» является не изгнание князя как таковое или проведение «отдельного» собрания, а провокация конфликта. После того как князь «первый начал», сам нарушил лояльность, ответные действия вполне позволительны. Правда, известия о правовых процедурах имеют все же некоторое оценочное значение. Например, один из способов осуждения горожан – нагромождение упоминаний о нарушении ими присяги, как это сделано в сюжетах 6669/1160 г. и 6677/1167 г. в Ипат⁴³ и некоторых других. И наоборот, невыполнение правителем обещаний или ряда (договора), его непостоянство – «уважительный» повод к изгнанию⁴⁴. Впрочем, известия о требованиях вечников и покорном выполнении этих требований миролюбивыми и добрыми князьями в повествованиях Ипат и Лавр 6648/1141 г. – уже из иной, сугубо этической сферы. Таким образом задано неодобрение горожан, причем здесь в известном смысле проявилась противоположная оценка норм и договоров: требование формального урегулирования как таковое несет в себе нечто неэтичное, отношения правителя и «людей», как, впрочем, и отношения между князьями, должны быть добровольными⁴⁵.

Чрезвычайно показательны тексты НПЛ, где оправдание горожан – ведущая интенция. Можно было бы ожидать, что местный свод будет наиболее последовательно и агрессивно осуждать князей, стараясь выгородить новгородцев. Но картина складывается прямо противоположная. В НПЛ, как правило, подчеркивается лишь инициативность князя и послушание горожан, обвинения же в адрес правителя звучат гораздо реже, чем в «княжеских» сводах, и чаще заданы в виде намека. На фоне Ипат и Лавр с их жесткими и определенными дефинициями типа «выгнаша», «послаша» и пр., новгородцы в НПЛ предстают исключительно покорными и пассивными созданиями, воплощением добродетели. Это означает, что самым сильным нарративным приемом, применяемым с целью оправдания, была демонстрация неагрессивности. Вообще, во II модели в варианте «Оправдание горожан» осуждение князя отмечается реже, чем подчеркивание послушания горожан и их пассивности. Пассивность можно отметить в 12 из 14 параллельных сюжетов II модели, в то время как отрицательная оценка князя-жертвы городского «мятежа» наблюдается в 8 сюжетах, а что касается НПЛ – только в четырех. Местная летопись реже показывала «справедливое

⁴³ См. гл. 2, П.4, П.1.

⁴⁴ Речь не идет о нарушении правовых процедур в строгом смысле слова, так как формальный «ряд» уравниен с неформальным обещанием. См. НПЛ под 1132 г. и 1136 г., Ипат и Лавр под 1154 г., Лавр под 1175 г. (см. гл. 2, I.8, I.1 и гл. 3). Ср. также речи новгородцев к черниговскому княжичу Ростиславу Михайловичу в НПЛ под 1230 г.: «Како отецъ твои рекль бытьъ въѣсти на коне на воину съ Въздвигения и крестъ цѣловаль, а се уже Микулинь день – съ нас крестное челование (снимается. – Т. В.), а ты поиди прочь, а мы собе князя промыслимъ»; НЛ, с. 70.

⁴⁵ Впрочем, право в Средние века вообще воспринималось как синоним справедливости (Рогачевский А. Л. Меч Роланда. С. 130), поэтому противопоставление формальных и неформальных процедур не является жестким.

сопротивление» плохому властителю⁴⁶, предполагавшее описание порочащих его поступков. Иногда летописцы, как кажется, намекают на это, но не говорят прямо. Например, к сюжету НПЛ 1140 г., видимо, не случайно примыкает сообщение предыдущего года о том, что новгородцев «поточиша к Киеву», однако читатель сам должен сделать выводы, летописец подает «голые факты» и уклоняется от квалификации поступков. Более открытвенны составители «княжеских» летописей, хотя, разумеется, безвозбранно осуждаются лишь князья из враждебных по отношению к патрону летописца династий⁴⁷. В то же время в параллельных НПЛ фрагментах Ипат и Лавр, в том числе даже сконструированных по версии «осуждение горожан», часто признается существование причин, оправдывающих попытку людей избавиться от своего князя. Так, в статье 6648/1141 г. в Ипат отмечается, что новгородцы изгнали Святослава Ольговича «про его злобу», «про его насилье», хотя здесь новгородцы отнюдь не выступают в роли однозначно положительных персонажей. То есть в принципе понятие об «уважительных причинах» восстания и вине правителя существовало, но перевешивали все же представления о необходимости покорности и верности своему князю.

Выше я попыталась выяснить причины того явления, когда конфликт, в котором участвуют двое князей или две коалиции, каждая со своей группой сторонников среди горожан, летописцами изображается как конфликт одного князя и города. Уже говорилось о том, что «локализация» конфликта связана с пониманием верности. Действительно, в летописях переход «дружины», горожан или отдельных «мужей» к другому правителю никогда не описывается бесстрастно. Чаще всего подобные рассказы сопровождаются ремарками о «лести» и предательстве или, наоборот, какими-нибудь оправдывающими пассажами. В самом деле, смена лояльности во время конфликта неизбежно связана с предательством. Вдобавок «люди» приносили присягу, скрепленную крестоцелованием или целованием иконы. И хотя нарушение присяги практико-

⁴⁶ См. гл. 2, табл. 2. Об идее справедливого сопротивления правителю на ином материале см.: *Тарнопольская И. О.* «Божественное право королей» и «контрактная теория»: монархическая идея на западе и востоке Европы в XVI–XVII веках // *Царь и царство в русском общественном сознании (Мировосприятие и самосознание русского общества)*. М., 1999. Вып. 2. С. 49–58.

⁴⁷ Осуждение соперников совершенно явственно просматривается в сюжете 1160 г. по Лавр и Ипат. Как уже говорилось, в описании конфликта новгородцев и князя Святослава Ростиславича по Лавр, отец Святослава, киевский князь Ростислав Мстиславич, «изморил их братью» в погребке, и после этого новгородцы выгнали Святослава и попросили Андрея Боголюбского дать им князя. Последовательность событий в Ипат – обратная: сначала новгородцы изгнали Святослава, а после Ростислав «изморил». Компрометация Ростислава в Лавр была нужна не столько новгородцам, сколько конкуренту Ростислава, суздальскому князю. И наоборот, с киевской стороны выгодно было очернить Андрея Боголюбского и выгородить Ростислава. Примечательно, что в НПЛ повествование бесстрастное (см. гл. 2, II.4). Сказанное касается и статьи 6716/1211 (1208) г. в Ипат, сюжета о повешении князей Игоревичей (см. гл. 2, I.3). Рассказ о том, что Игоревичи «избили» галицких бояр и галичане имели право на месть, встречается в апологетической по отношению к Данилу Романовичу версии.

валось достаточно часто, а вероятность нарушения сразу учитывалась князьями⁴⁸, соблюдение все же было нормативным. Надо думать, нарушение крестоцелования особенно остро воспринималось летописцами, большую часть которых составляли люди церковные.

Итак, «законность» и «незаконность» в категориях того времени мерилась мерой «верности» и «неверности». Притом «верность» являлась ценностью безусловной. Поэтому существовал определенный перекося сторону осуждения горожан, а наиболее приемлемым приемом оправдания было объявить виновником разрыва лояльности самого князя.

Тревожность вечевой тематики. Сфокусированность на отношениях с князем и оценка верности неразрывно связаны с общей тревожностью вечевой тематики. С этим явлением довольно часто сталкиваются, но, как правило, ищут в нем отражение исторических реалий.

Тревожность проявляется прежде всего в специфическом расположении сообщений. Эмоционально окрашено само слово «вѣче». В ПВЛ оно встречается 9 раз: под 997, 1015, 1068, 1069 и 1097 гг. Во всех случаях речь идет о крайне напряженных ситуациях⁴⁹: изгнании князя, осаде, гибели князя в осажденном городе. Следует обратить внимание на такую любопытную черту: ни разу не заходит речь о «вѣче» в городах, подвластных Всеволоду Ярославичу и его сыну Володимиру Мономаху, при котором редактировалась ПВЛ. То же самое наблюдается и в позднейших летописях. В местных сводах, сложившихся после окончания ПВЛ в XII–XIII вв., прямые сообщения о вече также касаются весьма острых ситуаций. Как и в ПВЛ, «вѣче» «не собирается» во время правления заказчиков сводов. Так, сравнительно велико число прямых известий о вече в Киевском своде XII в. Летописец охотно пишет о новгородских собраниях (шесть сообщений из одиннадцати). Это имеет свои основания – Новгородская земля была для киевлянина чужой, но пребывала в сфере интересов киевского князя. Смены на одном столе так или иначе отзывались на втором, что вызывало интерес и эмоциональную оценку событий. Кроме новгородских, в Киевском своде названы еще звенигородское, полоцкое и смоленское вече. Собственно киевских прямых упоминаний всего два, и касаются они одного из наиболее скандальных для XII в. событий – убийства князя Игоря Ольговича⁵⁰. Большинство сообщений приходится на первые две трети XII в., то есть на отдаленные от времени составления свода годы. За эти рамки выходит только вече смольнян 1185 г., введенное с целью оправдать одного из смолен-

⁴⁸ Один из составителей Лавр под 1139 г. отметил, что новгородцы отсылали в Киев «дѣти своѣ в талии», то есть в заложники, гарантия давалась так, как это было при заключении международных союзов и союзов между князьями. Прямо об этом сообщается лишь единожды (именно в этом известии 1139 г.), но существуют косвенные свидетельства того, что при нарушении договоров страдали горожане, находившиеся в пределах досягаемости князя.

⁴⁹ Что отмечалось, см.: *Соловьев К. А.* Властители и судьи. С. 83–84.

⁵⁰ Имеет значение то, что в статьях Ипат 1146–1147 гг. имеются следы переделок, а в Лавр, во многом совпадающей с текстом Ипат, обозначение «вѣче» отсутствует, хотя ее текст, по всей видимости, ближе к первоначальной версии: *Вилкул Т. Л.* Літописна повість про вбивство Ігоря Ольговича. С. 29–33.

ских князей, но оно также не касается прямо заказчика свода, Рюрика Ростиславича⁵¹. В Лавр и ГВЛ прямые сообщения о вече чрезвычайно редки, и по ним сложно вычислить какие-либо тенденции. И все же. В Лавр слово «вѣче» появляется дважды: под 1176 г. и 1262 г. Первый раз оно используется в контексте обширного повествования о борьбе за княжение 1175–1177 гг., закончившейся ослеплением двух князей, в полемическом книжном пассаже, обосновывающем «правду володимерцев». В это время Всеволод Юрьевич (Большое Гнездо), при котором, судя по всему, составлялись суздальские своды, еще не княжил во Владимире, а был в подчинении у своего брата Михалка. Притом о собрании владимирцев, за которых «болел» летописец, не сказано прямо, говорится лишь о старинной традиции собраний киевлян, новгородцев, смолян и пр.⁵² Второе известие касается восстания против татар при Александре Ярославиче (Невском), хотя сложно сказать, кто был заказчиком составления летописи в это время. «Восстание», видимо, не случайно совпало со внутренней борьбой в Монгольской империи⁵³. В ГВЛ слово «вѣче» также встречается дважды (в Ипат списке под 1229 и 1231 гг.), притом в одном случае (1229 г.) речь идет о польском городе. Нет сообщений о собраниях, близких ко времени составления свода, то есть к концу XIII в. В НПЛ в статьях за XII в. «вѣче» отсутствует, что весьма показательно. В XIII в. большинство прямых упоминаний (в первой трети столетия 11 из 16, всего же – 11 из 21) приходятся на периоды утверждения, княжения и изгнания представителей не доминирующей суздальской династии, а иных княжеских ветвей⁵⁴. Распределение сообщений крайне неравномерное: 6717/1207, затем 1214–1218 гг. (9 примеров), 1228–1230 гг. (6 примеров), 1255, 1270, 1290 и 1291 гг. Для периода 1207–1218 и 1228–1230 гг. можно предполагать редакторское вмешательство в текст. Начало использования этого слова после молчания XII в. связано, судя по всему, с переработкой текста и, соответственно, с несколько более легким и свободным отношением к данной теме у редактора⁵⁵. В целом можно говорить о стремлении летописцев избежать слова «вѣче» в опи-

⁵¹ Киевский свод, как традиционно считается, составлен в конце XII в. В последнее время высказано предположение о составлении в начале XIII в. лояльным к Рюрику Ростиславичу книжником. *Толочко А. П.* О времени создания Киевского свода «1200 г.».

⁵² Кстати, известия нет в параллельном тексте Ипат (где много общих с Лавр фрагментов), поэтому затруднительно установить, имелось ли оно в первоначальной версии или вписано позднее.

⁵³ См. третью главу, прим. 348. О сообщении 1262 г. и дополнениях в поздних летописях см.: *Лурье Я. С.* К изучению летописной традиции об Александре Невском. С. 398. В Ростовском своде вече упоминается еще раз под 1289 г., в контексте междоусобной борьбы Константина и Дмитрия Борисовичей за ростовский стол; 526Л.

⁵⁴ Мстислава Мстиславича и Михаила Черниговского с сыном Ростиславом.

⁵⁵ Эта переработка, видимо, связана с завершением какого-то этапа длительного противоборства. Возможно, проведена после смерти архиепископа Антония, 1232 г. (Антоний был креатурой Мстислава Мстиславича). Предполагают, что Синодальный список был переписан около 1234 г., а в нем уже имеются все упоминания о вече первой трети XIII в. *Гимон Т. В., Гитиус А. А.* Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 18–47.

сании местных событий, особенно в близкое ко времени составления записей время. Более свободно с этим словом обращались в повествовании об иных землях и «не своих» князьях.

Итак, «вѣче» предстает как слово сильное и в какой-то мере опасное. Во всяком случае – как слово, имеющее отчетливые негативные коннотации. Оно появляется в описаниях критических ситуаций и отсутствует в те моменты, когда «люди» пребывали в согласии со своим князем⁵⁶. Нежелательным, судя по всему, было использование его в местном контексте в рассказе о близких ко времени рассказчика событиях. Даже в записях НПЛ за XIII в. семиотическая напряженность слова «вѣче» оставалась заметной.

Сказанное позволяет иначе взглянуть на особенности распределения всех, как прямых, так и непрямых, известий о вече. Нетрудно заметить непериодические скопления и провалы информации о действиях «людей» в летописях. Полосы сообщений о собраниях горожан приходятся на 1015–1018 (борьба Ярослава Мудрого со Святополком), 1068–1069 (Ярославичи и Всеслав Полоцкий), 1095–1097 гг. (войны с Олегом Святославичем и ослепление Василька Тербовольского), 1146–1151 гг. (первая половина киевского княжения Изяслава Мстиславича), 1175–1177 гг. во Владимиро-Суздальской земле (борьба за княжение после смерти Андрея Боголюбского); 1206–1231 гг. в Галиче (первая половина княжения Данила Галицкого); 1207–1218 гг. в Новгороде (появление и княжение Мстислава Мстиславича). Обычно исследователи пытаются найти тенденции развития вече, каковыми считают повышение вечевого активности в период феодальной раздробленности (М. Н. Тихомиров, В. Л. Черепнин и др.) или, наоборот, ее угасание в тот же период (С. В. Юшков, М. Б. Свердлов и др.). Но если взять всего лишь один показатель, крамольные вече-«мятежи», окажется, что число упоминаний никак не связано с постулируемыми закономерностями. Например, киевское вече, судя по Киевскому своду, расцветает в первой половине XII в., что объясняли развитием города, ростом числа претендентов на киевский стол и т. п. В то же время в последней трети XII в. оно практически исчезает со страниц летописи, хотя развитие города не прекратилось⁵⁷, не уменьшилось и число претендентов на Киев. Аналогично, мятежи «галичан» объясняли могуществом феодальной знати, сопротивлявшейся централизаторской политике правителей Галицко-Волынской земли. Однако во второй половине XIII в. в ГВЛ известий о сопротивлении практически нет, хотя бояре никуда не исчезали. Точно так же после вспышки бурной деятельности горожан Владимиро-Суздальской земли 1175–1177 гг. собрания и совещания как бы прекращаются. В конце XII и первой половине

⁵⁶ Описания Ипат 1146 г. и 6669/1160 г. (крестоцелования князьям перед убийством или изгнанием князя) не являются исключением. Они подчеркивали «лесть» горожан.

⁵⁷ Феномен связывали с разгромом Киева 1169 г. См., например: *Линиченко И. А.* Вече в Киевской области. С. 54; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 199 и др. Однако археологические исследования показали, что масштабы разграбления существенно преувеличены. См., например: *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля.

XIII в. известия о владимирцах и ростовцах спорадические, преимущественно этикетные, и это несмотря на дробление княжества, развитие городов и столкновения между наследниками Всеволода Юрьевича. Даже напряженность борьбы не является решающим фактором. Политическая ситуация в южных землях при смоленских Ростиславичах и Святославе Всеволодиче (1170–1190 гг.) была не менее сложной, чем во время борьбы за Киев Изяслава Мстиславича и Юрия Долгорукого. А во Владимиро-Суздальской земле у сыновей Всеволода Юрьевича в 1210-х гг. существовали не менее острые разногласия, чем у Михалка и Всеволода Юрьевичей со своими племянниками суздальскими Ростиславичами в 1170-х. Однако действия киевлян в поддержку тех или иных князей 1140-х – начала 1150-х гг. описаны, то же самое касается владимирцев и суздальцев 1175–1177 гг., а вот о вечевой активности в Киеве конца 70–90-х гг. XII в., как и собраниях во Владимире и Суздале начала XIII в., почти ничего не известно. Так случилось, судя по всему, из-за того, что в последнем случае киевская и суздальская ситуации описывались «изнутри» в близких к современным событиям записях.

То есть данный феномен не связан ни с прогрессом, ни с регрессом веча, и даже с выведенной закономерностью, что «при сильном князе этот узоклассовый орган (вече) был послушным придатком верховной власти, при слабом – зависимость могла быть и обратной»⁵⁸. Вряд ли, например, Рюрик Ростиславич, бывший, видимо, заказчиком Киевского свода, был сильнее своего дяди Изяслава Мстиславича – скорее наоборот. Между тем относительно веча при Рюрике практически не имеем информации, а при Изяславе можно насчитать с десятков довольно детальных описаний. Точно так же едва ли Данило Галицкий был слабее своего брата Василька, но о деятельности «людей» последнего почти нет известий, а о мятежах и советах при Даниле летописец сообщает весьма охотно. По-видимому, проблема распределения сообщений о собраниях горожан – концентрации их в определенных периодах и полном отсутствии в других – и не может быть решена, если искать основу этого феномена в исторических реалиях. Как представляется, особенности размещения летописных записей обусловлены историей составления сводов. Один пример. В Киевском своде «вечевой» является полоса второй половины 40-х – начала 50-х гг. XII в. При этом считается, что свод составлен на рубеже XII–XIII вв. или в начале XIII в., лояльным к Рюрику Ростиславичу летописцем. В тексте заметна рука сторонника Ростислава Мстиславича и его детей. Соответственно, в статьях Ипат 1140–1150 гг. достаточно много свидетельств правки и переделок: несогласования, выпячивание роли Ростислава Мстиславича, хотя он в то время вовсе не был основной действующей фигурой. В Лавр,

⁵⁸ Толочко П. П. Киев и Киевская земля. С. 110–111. Подобным образом объясняли особенности функционирования веча уже в первой половине XIX в., и эта схема, как кажется, соотносится с теорией о «сильном правителе – слабой знати». О том, что эта старая теория не объясняет механизмы осуществления власти, см., например: *Petrauskas R. Lithuanian nobility in late 14th and 15th centuries // Lithuanian historical studies. Vilnius, 2002. VII. S. 4.*

имеющей обширные блоки общего с Ипат текста, но обнаруживающей гораздо меньше следов редактирования, ощутимо слабее присутствие Ростислава. Одновременно, не увидим здесь и скопления известий о вече. То же касается НПЛ 1140–1150-х гг., записи которой отличаются от обоих сводов.

Разумеется, во многих, если не в большинстве, случаев параллельные тексты не столь обширны и картина не восстанавливается с полной ясностью. Тем не менее. В повестях 1175–1177 гг. о борьбе между Ростиславичами и их дядьями Михалком и Всеволодом Юрьевичем во Владимиро-Суздальской земле четко расставлены оценки, читателя сразу ставят в известность, кто положительный герой, а кто отрицательный. Такая линия могла быть последовательно проведена только после того, как борьба завершилась и победитель стал известен. Однако здесь же вписаны и известия однозначно современные событиям⁵⁹. Это значит, что повести составлялись или редактировались на основе каких-то более ранних записей. Аналогично, история противоборства князей в Новгороде первой трети XIII в. и вызванной этим череды поставлений и свержений архиепископов (при активном участии новгородцев) также, по-видимому, выстроена уже после ее завершения. Примечательно, что в статьях этих годов НПЛ сохранились следы редакторской правки в пользу князя Мстислава Мстиславича. Далее, подробное повествование о событиях 1095–1097 гг. в ПВЛ, включающее большую часть рассказов о собраниях горожан XI в., относится уже к периоду киевского княжения Володимира Мономаха⁶⁰. Явные признаки позднего редактирования имеют описания бесконечных мятежей против Данила Галицкого в ГВЛ первой трети XIII в. В том числе, отмечены правки уже того времени, когда Данило стал «королем»⁶¹. ГВЛ составлена и окончательно отредактирована в конце XIII в., и «мятежи» и «встани» отделяет от редактора значительный период времени⁶². Все это приводит нас к следующему наблюдению. Похоже, для концентрации упоминаний о горожанах должен был существовать некий барьер отчужденности. Летописцы наиболее свободно писали о вечевых собраниях в давние времена и в других землях. Интересы «своих» князей и «людей» могли затрагивать, но не в записях об актуальных событиях, а в подробных повестях, написанных после завершения какой-нибудь бурной истории. Расположение сообще-

⁵⁹ Например, о свадьбе одного из Ростиславичей, с точной дневной датой; 374Л.

⁶⁰ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. С. XXX.

⁶¹ О следах поздних переделок в ГВЛ см.: Пауцто В. Т. Очерки истории. С. 30, 32–34, 37, 71, 73, 75–76 и др.; Котляр М. Ф. Галицко-Волинский літопис XIII ст. К., 1993. С. 34, 36, 38, 53–54, 61, 68 и др.

⁶² Окончание, посвященное Володимиру Васильковичу и Мстиславу Даниловичу, написано одной рукой, вероятно, у ГВЛ был один редактор. См.: Котляр М. Ф. Галицко-Волинський літопис. С. 146–148. На основании анализа лексики и некоторых других особенностей можно предположить, что было два основных составителя ГВЛ: галицкий (холмский) и волинский. Галицкий работал в период не ранее конца 1250-х гг., а основная доля известий о вече приходится на первую треть XIII в., то есть между окончанием первой части свода и вечевыми записями – не меньше 20 лет.

ний обусловлено тревожностью вечеровой тематики и непосредственно связано с князцентристской позицией летописцев, от которой не свободна даже НПЛ, не говоря уже о других сводах.

Жестокость и хаотичность действий «людей». Некоторые существенные характеристики вечников заданы в текстах I модели. «Люди» затеяют недостойные деяния князей, в чем, кроме всего прочего, проявилось следующее представление: народу позволено такое, на что правитель не имеет права. Так, в 1177 г. владимирцы требуют ослепления или казни своих врагов, в отличие от «милостивого» и «богобоязливового» Всеволода Юрьевича. У князя также были весьма веские основания гневаться на вышеозначенных врагов, но ему мотивы мести не приписаны. В 1147 г. Изяслав Мстиславич, узнав о жестоком убийстве киянами Игоря Ольговича, «прослезився» и «жалова на кыяны». А сами киевляне заявили: «Не мы его убили, но Олгович...» – да и дружина Изяслава, сопровождавшая его в походе на Чернигов, полностью оправдала такой неслыханный поступок: «Без лѣпа о немъ печаль имѣши»⁶³. Подобно этому, в статье 6716/1211 (1208) г. галичане жаждали мести, повешения Игоревичей, что было в глазах летописца вполне оправданно. Но князя Данила он вывел из-под подозрения, отметив его малолетство. В 1113 г. «кияне» действовали не слишком рационально: угрожали пограбить жену Святополка, раздававшую им бесчисленные богатства. То есть именно «люди» предлагают жесткие меры, тогда как положительно оцененные князья в летописи не прибегают к репрессиям⁶⁴. Вместе с тем речь может идти не только о жестокости и убийствах, но и о «неблагочинном», «неблагородном» поведении. Например, под 1185 г. записано, что смоляне аргументировали свой отказ продолжать поход тем, что они «изнемоглися». В уста их князя, Давыда Ростиславича, такие слова не вкладываются, ведь князь, как считалось, должен быть неутомимым в походах.

Во всех случаях имеем дело с противопоставлением князя и людей, или, как сказали бы романтики, героя и толпы. На нормативы описания князей большое влияние оказала церковно-книжная литература: князь должен быть милостивым, не помнить «зlob»⁶⁵; трудиться, «не щадя

⁶³ 353–355И.

⁶⁴ В то же время известия о покарании своих людей князем чаще встречаются, так сказать, в «чужих», отстраненных источниках. К примеру, повествующие о Мономахе – в НПЛ (1118 г.), а не в лояльной к князю ПВЛ; в НПЛ же о Давыде Ростиславиче (1186 г.); о Ростиславе Мстиславиче – в Лавр (1160 г.); о Романе Мстиславиче – в польских хрониках. См.: НЛ, с. 21, 38; о Лавр 1160 г. см. гл. 2, П.4; *Щавелева Н. И.* Тенденциозность средневековой историографии (на примере хроники Винченца Кадлубка) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 163–164.

⁶⁵ См., например, в «Поучении» Мономаха: «Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити кого». Панегирик Роману Ростиславичу в Киевском своде: «Многия досады прия от смолянъ, и не видѣ ты, господине, николи же противу ихъ злу никотораго зла въздающа». ГВЛ о Даниле Романовиче: «И ти смерти не прияша, но милость получиша, и некогда ему в пиру веселящуся, одинъ от тѣхъ безбожныхъ боярь лице зали ему чашею, и то ему стерпѣвшу». 245Л, 617И, 763И.

живота», «не давая очам сна, ни веждам дремания»⁶⁶. Разумеется, убеждения, что властитель должен быть храбрым, щедрым и справедливым, не обязательно должны были иметь под собой какие-то литературные источники, но подкреплялись описанием положительных персонажей в книгах Ветхого Завета, хронографической литературе и др. Идеалом поведения горожан была «верность», восторженно принято мер, предложение положительного образа князя в какой-либо сомнительной и тревожной ситуации, летописец не задумываясь противопоставлял ему «людей», и тогда вечники якобы шли против желаний милостивого и справедливого правителя. Причем жестокость и античеловечность не были, так сказать, антиидеалом, напротив, такие черты можно заметить в текстах с положительной оценкой горожан. «Людие» как бы освобождались от ограничений христианской морали, и жестокость становилась нормативной чертой описаний.

Можно выдвинуть следующий тезис. Несколько упрощая, вече представлялось летописцам в виде хаотической стихии, в противовес порядку, идущему от правителя. Имеет значение, что в НПЛ, где по понятным причинам оценки новгородцев несколько смещены, акценты расставлены иначе. Жестокость горожан часто упорядочена и ограничена определенными рамками. Например, говорится о штрафах взамен смертной казни⁶⁷, отсутствуют сообщения о множественных крестоцелованиях князьям, нарушаемых буквально через несколько дней. Имеются, конечно, известия об убийствах, грабежах и пр., но в целом от деятельности «людей» в Новгороде не создается впечатления хаотичности. Обычно это считают особенностью устройства «Великого Новгорода», но не меньшую, а возможно, большую роль (особенно в ранний период XI–XIII вв.) здесь сыграла специфика летописей – «местного» новгородского свода и остальных «княжеских».

Единение веча/разделение вечников. В отличие от предыдущих этот параграф касается в основном внутренних аспектов отношений между горожанами, хотя неизбежно затрагивает и понятия, вписанные в систему «князь–люде». Основные параметры связаны с пониманием коллективности, характерным для того времени. Пониманием единения и разделения, присутствия «всех» или «части» на вече. Здесь, насколько можно судить, проявились несколько тенденций.

Обозначения участников собраний демонстрируют, что их представляли себе (переводя на современные термины) как собрания всего народа, всех полноправных граждан. Собrania должны были отличаться «единением»: «людие» выступают как одно лицо, приводится только одно решение: «кияне же рекоша», «новгородци же послаша». Даже за-

⁶⁶ Стремление представить князя как идеального христианского властителя – обще-европейская тенденция. См., например: *Grzeziak R. Kronika Węgiersko-polska*. S. 173, 207–208; *Michałowski Roman*, *Otto III w obliczu ideowego wyzwania: monarcha jako wizerunek Chrystusa // Człowiek w społeczeństwie średniowiecznym*. Warszawa, 1997. S. 57–72.

⁶⁷ НЛ, с. 26, 30.

писи НПЛ, в целом более внимательной к внутренним разногласиям, подтверждают действенность принципа конструирования коллективного целого. Абсолютное большинство сообщений о вечевых собраниях заданы в такой форме: «даша посадничьтво», «выгониша», «сдумаша», «рекоша», «послаша». Единство, целостность коллектива были нормальными и необходимыми чертами.

В работах дореволюционных историков утверждается, что на вече вопросы решали единогласно или абсолютным большинством голосов. Таким большинством, которое заставляло несогласных замолчать. В особенностях процедуры историки-юристы усматривали кардинальное отличие вечевых решений от современных (исходя из того, что летописные картины точно отражали древнерусскую действительность⁶⁸). Писали о том, что голосов в то время не считали, не определяли необходимый минимум и не учитывали мнение меньшинства. В какой-то мере это верно. В самом деле, нет никаких известий о подсчете голосов, защите мнения меньшинства и вообще о том, что такое мнение когонибудь волновало. Неверное «волеизъявление» в случае проигрыша (например, ставки не на того князя) каралось, а разговор с противниками был короткий. Понятно, что заявлять о своем несогласии можно было лишь, имея за собой силу. Вместе с тем исследователи отмечали и некоторые странности описаний. Например, такую, что от принятого решения горожане могли вскоре отказаться или тут же «перерешить» его, что заставляло подозревать, что каждый раз под словом «новгородцы», «кияне» и под. подразумевались разные группы, с иным доминирующим мнением. Именно эти странности позволяют предполагать, что нарисованные летописцами картины городской жизни зависели от представлений о нормах поведения людей и, в том числе, ориентировались на такой норматив, как «единение братьи».

Могут возразить, что единение – черта не столько вечевых собраний, сколько вечевых решений. Ведь в летописных записях, особенно кратких, чаще всего фиксируется не процесс, а именно окончательное решение горожан. Отчасти это справедливо. Тем не менее, единение отнюдь не прямо соотносится с реалиями. Прежде всего, «единодушие» в летописях могло подчеркиваться, если горожане совершали нечто благое – единодушно выступали в поход, поддерживали своего князя, не поддерживали репрессии против «добрého» князя – соперника действующего правителя. Одно из наиболее ярких в этой серии – известие под 1215 г., где торжественно сообщается о единении части новгородцев. Тогда горожане разделились – иные были за князя Мстислава Мстиславича, другие поддерживали Ярослава Всеволодича. В НПЛ здесь находим

⁶⁸ Необходимо добавить, историки-юристы ставили цель определить процедуру вечевых собраний, безотносительно к проблеме представлений о вече. *Сергеевич В. И.* Вече и князь. С. 52–53; *Он же.* Древности русского права. Т. 2. С. 62–64, 67; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории. С. 63; *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя. С. 125. См. также: *Грушевский М. С.* Очерк истории. С. 312; *Довнар-Запольский М. Ф.* Политический строй. С. 19.

такую запись: «Ярослав... въ Новгородъ въсла 100 муж новгородьцъ Мьстислава проваживать из Новагорода, и не яшася по то, нъ вси быша одинодушно, и то 100 муж»⁶⁹. Ради показа единства горожан летописцы порой даже жертвовали правдивостью. В ситуации раскола внутри города традиционный прием подчинения изложения идее целостности (единения) горожан – исключение несогласных из общности. Так, в 1140 г. в Ипат сказано: «Въсташа новгородци въ вѣчи и избиваютъ приятель Святославль», – новгородцы как целое противопоставлены «приятелям», которые таким образом «отчислены» из состава «новгородцев». И это не единственный пример такого рода. Под 1188 г. в описании конфликта с галицким князем Володимиром Ярославичем, опять-таки: «галичане... бояху бо ся приятелевъ Володимеревых»⁷⁰. Порой неполные собрания рисуются как полные. Например, под 1230 г. по НПЛ, на двух вечеах, произошедших одно за другим, собрался «весь городъ» и были приняты диаметрально противоположные решения. Реально речь шла о временной победе двух враждующих партий. Сначала собирались сторонники Степана Твердиславича, а после – враждующего с ним посадника Водовика⁷¹. Применение выражения «весь городъ» в обоих случаях показывает, что несогласные не включались в общность. Следовательно, речь должна идти все же об устойчивых представлениях⁷² и соответствующих особенностях летописного изображения.

Тенденция выдавать часть за целое, «вынимать» неугодных из общности не раз приводила к появлению невнятных для современного читателя мест. Например, в сообщениях о том, что горожане позвали князя, а когда он пришел, не отворили ворота, прогнали его и т. п.⁷³ Сравнительно редко поясняется, что звали только «приятели» или что правящий князь послал в город свою «засаду» и это помешало замыслам горожан. Как общая тенденция, летописцы оперируют цельными понятиями, что указывает на решающее влияние представлений о вече и о «людях» как о некоем коллективном целом.

Иногда наблюдается инверсия. О разделении «гражан» летописцы более охотно сообщают в случае конфликта с князем. В такой ситуации отсутствие единства расценивалось, по-видимому, положительно: не все послушались «злого совета». Например, в 1157 г. новгородский

⁶⁹ НЛ, с. 54. Ср. также: 370И; ПСРЛ. Т. 38. С. 164.

⁷⁰ 307И, 660И. В некоторых записях Ипат о галицких событиях 1188–1189 гг., правда, признается, что «мужи же галичкыи... не вси бяхуть в думе тои», 660И; «не бяхуть вси во одной мысли», 664И. Но далее снова читаем о галичанах и «приятелях», а также о том, что против королевича (сына венгерского короля) пошел князь «по свѣту галичких мужъ» («мужи» как некая цельная общность); 664И.

⁷¹ После грабежа двора посадника, устроенного Степаном Твердиславичем, говорится: «Посадник же опять възвари (в НПЛ мл. ред.: «възвади») городъ весь»; НЛ, с. 69, 276.

⁷² По-видимому, весьма архаических. Отмечалось, что аналогичные представления о коллективном целом, выражавшиеся, например, в ответственности каждого горожанина за действия других горожан и города в целом, наблюдаются в немецких городах до XIV в. *Рогачевский А. Л.* Меч Роланда. С. 96.

⁷³ Например, переяславцы в 1148 г., галичане в 1159 г.; 359–360И, 488–489И.

летописец, стараясь смягчить впечатление от изгнания Мстислава Юрьевича, среди прочих деталей отмечает то, что один «поль» (сторона) стал за князя⁷⁴. Под 1196 г. новгородцы «показали путь» князю Ярославу Володимировичу, и «жяляху по немь Новѣгородѣ добрии, а злии радовахуся»⁷⁵. В статье 1259 г. разделение на «вятших» и «менших» скрывает конфликт с Александром Невским. Кроме того, именно разделение горожан, а не исключение их из круга доминантного большинства, фиксируется в том случае, если побежденная партия симпатична летописцу. Так, в 1240 г. при разладе в Пскове – одни псковичи договорились с немцами и князем Ярославом Володимиричем, а другие бежали в Новгород – побежденная партия, симпатичная новгородцам, в НПЛ названа «инии плъсковичи»⁷⁶. В ГВЛ такой пример, когда мнения разделились, приведен под 1234 г. при неудачной попытке утверждения Данила Романовича в Галиче. Сказано, что «галичани же думаху яти галичани, же выѣхаша по Данилѣ»⁷⁷.

Одним из частных случаев разделения горожан, как я попыталась показать, было описание собраний «черных людей» и «бояр». Здесь демонстрация раскола обуславливалась интенциями летописцев: основная задача таких сюжетов – затенить недостойное или сомнительное поведение князя. Судя по всему, реально разделение шло по группам сторонников и противников определенных князей, объединениям, часто ситуативным, разных людей, а не представителей определенных социальных страт. Эти ситуативные «партии» назывались «вятшими» и «меншими», одна из сторон осуждалась, и таким образом затемнялся конфликт с самим князем.

В целом же представление о «единстве братии» оказало значительное влияние на описания собраний «людей». Разделенность в норме имела отрицательную оценку, хотя возможна была и инверсия понятий и сюжетных ходов, если того требовал сюжет о конфликте с князем. Как можно заметить, разделение горожан чрезвычайно редко показывается в самом раннем дошедшем до нас летописном своде, ПВЛ, большинство рассказов о разделении – уже XII и XIII вв. По-видимому, идея единения расшатывалась постепенно и никогда не исчезала совсем, но служила

⁷⁴ Возможно, тот же прием – разделение горожан для смягчения факта предательства Изяслава Ярославича – применен в известном рассказе о киевском вече 1068 г. В ПВЛ пишется о том, что люди «раздѣлишася надвое: половина ихъ иде к погребу, а половина ихъ иде по мосту», 171Л. Эта вторая половина якобы «начаша прѣтися со княземъ» (спорить, снова подчеркивается, что решение было спонтанным и действия «киян» были вызваны нежеланием князя прислушаться к их мнению). И только после того, как не удалось уладить конфликт путем переговоров, люди пошли освобождать Всеслава. В описании движения обеих частей вече наблюдаются несогласования. Вроде бы люди уже «отвориша погреб», а дружина только еще уговаривает Изяслава убить Всеслава. После этого те, которые было «начаша прѣтися» с князем, снова идут к «погребу».

⁷⁵ НЛ, с. 43.

⁷⁶ НЛ, с. 77–78.

⁷⁷ 771И. И снова речь идет о симпатичной для составителя свода партии. См. также полоцкий сюжет 1159 г.: «...мнози бо хотяху Рогьволода»; 494И.

той идеальной матрицей, которой следовали и от которой отталкивались древнерусские книжники.

Личность на вече. В абсолютном большинстве летописных записей вечники выступают как некая целостная масса. В тех редких случаях, когда рисуется деятельность отдельных лиц⁷⁸, схемы повествования построены по типу описаний советов с дружиной и боярами, весьма разработанных в летописи. Роли советников в летописи функциональны: их можно подразделить на «добрых» и «злых». Чаще всего сюжет довольно прост: совет только один, оправданный или не оправданный дальнейшим развитием событий, и князь может принять его либо отвергнуть. Реже встречается вариант, когда совет в общем неплох и его можно считать полезным и в этом смысле «добрым», но касается он щепетильных ситуаций. Таких, где для самого князя проявить инициативу (например, уклониться от боя, бежать) было бы позором, поэтому ответственность принятия позорного решения возлагается на советчиков. Усложненная схема включает «два совета» и две группы советников. В этом случае речь идет о том, что голоса приближенных князя разделились: те (тот) говорили делать одно, другие – другое, князь отклонил один из предлагаемых вариантов и принял второй. В какой-то мере разбивают тему совета и жалобы летописцев на то, что князья не советуется со своей дружиной или советуется не с теми, с кем должны бы⁷⁹. От того, какое решение, доброе или дурное, в виду последующих успехов или неудач, выбрал князь, послушал ли он совета или отверг его, зависит описание в целом. В каждом своде сюжеты о злых и добрых советах имеют свою специфику. Например, в ПВЛ больше добрых советчиков-бояр и злых советов представителей дружины, а в Киевском своде, наоборот, бояре, как правило, злые «свѣтники», а дружина чаще дает подходящие советы⁸⁰. Но схемы наррации исчерпываются перечисленными выше.

В описаниях веча применяется простая схема («один совет»), и советники преимущественно «злые». Притом, как и следовало ожидать, фигура советника на вече появляется в текстах, наиболее литератур-

⁷⁸ Вообще, упоминания в летописи имен отдельных персон, кроме княжеских, – слабо разработанная тема. Мне известно лишь одно специальное исследование, посвященное упоминаниям новгородцев в НПЛ: *Гилмон Т. В.* В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII–XIII вв.)? // ДГ 2004. С. 291–333.

⁷⁹ Например, о Всеволоде Ярославиче, предпочитавшем под конец жизни советы с «уными», а не со старшей дружиной (218Л); о Володимире Мстиславиче, «сдумавшем» только со своими отроками и не посоветовавшемся с боярами (536И); о Володимире Ярославиче Галицком, не желавшем советоваться со своими «мужами» (660И); о Святославе Всеволодиче: князь не посоветовался с дружиной, а «сдумал» только с княгиней и милостником, что привело к печальным последствиям (615И).

⁸⁰ Советы в ПВЛ с дружиной, добрый совет: 45–46Л, 71–72Л, 108Л, 126Л, 227Л, 274Л. Дружина берет на себя такие решения, которые для князя были бы позорными (например, не ввязываться в бой): 45–46Л, 71–72Л, 227Л. С дружиной, плохой совет: 54Л, 132Л, 171Л, 277Л, 265И. Князь отклонил этот плохой совет: 132Л, 171Л, 277Л, 265И. С дружиной, два совета: 218Л. С боярами, бояре как добрые советники или без оценки: 31Л, 33Л, 46Л, 67Л, 70–71Л, 106–108Л. Злые советники: 82Л, 132Л. Два совета – сюжет в ПВЛ не представлен.

но обработанных. В частности, в ГВЛ, испытавшей сильное влияние Хронографа; в Киевском своде в обработанной в житийном духе повести об убийстве Игоря Ольговича со вставками из Александрии Хронографической; в пространных статьях НПЛ 1207–1218 гг., по-видимому, сильно отредактированных позднейшим сводчиком (возможно, в 1230-х гг.). Это весьма примечательные и запоминающиеся рассказы.

«Киян» на киевском вече 1147 г., результатом которого было убийство князя-монаха Игоря Ольговича, спровоцировал «единь человекъ». В Ипат приводится его речь, обличающая ученых разыскания летописца, знавшего текст ПВЛ. Припоминаются бедствия почти 70-летней давности, времен Всеслава Полоцкого и Ярославичей: «И рече единь человекъ: по князи своем (Изяславе Мстиславиче. – Т. В.) ради идемъ, но первое о семь промыслимы, акоже и преже створиша при Изяславѣ Ярославичѣ – высѣкше Всеслава ис поруба злии они и поставиша князя собѣ, и много зла бысть про то граду нашему». Ученые неоднократно пытались выяснить, кто бы мог быть этой личностью⁸¹. Думается, прежде всего следует обратить внимание на функцию этой речи. «Един человек» выступает на сцену тогда, когда киевляне уже согласились идти в поход с Изяславом Мстиславичем и история имела шанс закончиться мирно. Возможность мирного разрешения подчеркивает трагичность всего того, что случилось после, то есть выполняет обычную для летописных повестей контрастную функцию: идилической мирной картины и последующих ослеплений, убийств и погромов. Но одновременно также снимает часть вины с «киян» – они ведь не задумывали зло, а поддались на провокацию какого-то умника. Кстати, по Лавр и НПЛ, где нет литературного нагнетания страстей, решение «киян» было стандартным коллективным решением⁸². Аналогичную роль злых советников играют в ГВЛ некие Мстибог, Микифор и Мончук в статье 6710/1202 (1206) г. Жители Владимира-Волынского якобы хотели схватить и убить попа–посланца Игоревичей и защищать до последнего своих князей, детей Романа Мстиславича. Верные «люди» были настроены весьма решительно, но Мстибог с компанией уговорили владимир-

Советы в Киевском своде с боярами, злой совет: 291И, 330И, 394И, 598И. Добрый: 487И, 638И. Два совета: 380–381И (здесь же упоминается дружина). С дружиной, злой совет: 265И, 354И, 358И, 389И, 401И, 507И, 619И. В том числе князь не принял этот совет, и правильно поступил – 265И, 354И, 389И, 619И. С дружиной, добрый совет: 305И, 334И, 355И, 357И, 409И, 412И, 413И, 424И, 426И, 428И, 515И, 522–523И, 527И, 537И, 542И, 544И, 555И, 562И, 633И, 637И, 638И, 664–665И. При этом дружина берет на себя инициативу, если предстоит не делающее чести князю решение: 334И, 409И, 412И, 426И, 515И, 527И, 537И, 544И, 562И, 637И. Князь отказывается от доброго совета: 473–474И (советуют «мужи»); 638И, 664–665И (в последнем случае отказ ведет к смерти).

⁸¹ См., например: *Толочко П. П.* Историчні портрети. С. 120–121; *Франчук В. Ю.* Тема Игоря Ольговича Чернігівського в давньоруському літописанні // Любецький з'їзд князів 1097 р. в історичній долі Київської Русі. Чернігів, 1997. С. 42.

⁸² 349И; 317Л; НІ, с. 28. Рассказ Лавр достаточно подробный.

цев не убивать попа, настроение поменялось, из-за чего Романовичи лишились Владимира⁸³. И здесь горожане изначально «добрые», но их спровоцировали злодеи.

Несколько иную функцию имеет сюжет ГВЛ 1231 г. Данило Галицкий созвал вече, «оставшуся в 18 отрок вѣрных», и спросил, сохранят ли они ему верность. После утвердительного ответа «сотьскыи Микула» якобы добавил: «Господине, не погнетши пчел, меду не едать»⁸⁴, призывая князя в такой метафорической форме к репрессиям против «неверных» подданных. Слова традиционно интерпретируют как продолжение радостного возгласа сторонников Данила: «Вѣрни есмы Богу и тобѣ, господину нашему...»⁸⁵ Однако в апологетических версиях обычно не фиксируются карательные меры князей и, наоборот, часты упоминания милостивости и «непамятания зла». А если правду некуда девать и наказания приходится фиксировать, они должны иметь обоснование и оправдание⁸⁶. Здесь в ГВЛ видим именно такое оправдание: сотский Микула первым высказывает идею «поморить пчел», неверных бояр, подталкивая князя к поступку целесообразному, но такому, какой доброму правителю совершать не пристало.

Только в НПЛ применяется схема «добрый совет», оба раза в описании одного персонажа, посадника Твердислава. Под 1214 г. он призывает новгородцев поддержать князя Мстислава Мстиславича, положительного героя НПЛ, обосновывая необходимость участия в походе защитой «Русьской земли»⁸⁷. Далее, в статье 1218 г., посадник изрекает «последнее слово», когда князь Мстислав Романович лишает его посадничества. Твердислав провозглашает лозунги новгородских вольностей,

⁸³ «Вьлодимерцеъм же хотящимъ убити посла. Мьстьбогъ и Мончюкъ и Микифорь и рѣша: не подобаетъ намъ убити посла. Имѣяху бо леть вь сердцѣ своемъ, яко предати хотяху господу свою и градъ. Спасень же ими бысть попь»; 718И. Абстрактно бояре сделали доброе дело: спасли посла–духовное лицо от гнева владимирцев. Реально же они спровоцировали горожан на предательство.

⁸⁴ 763И.

⁸⁵ Пауто В. Т. Очерки истории. С. 213; Котляр М. Ф. Галицко-Волинский літопис. С. 50.

⁸⁶ Уже отмечалась статья 6669 (1161) г. По Ипат, где Ростислав Мстиславич является положительным персонажем, новгородцы вначале изгнали его сына Святослава, а уже потом князь схватил новгородскую братию и изморил в погребѣ, имея для гнева веские основания. В ГВЛ сюжет об «изоимани» Даниилом Григория Васильевича и Доброслава предваряет яркое описание недостойного поведения обоих «нечестивых» бояр, а также упоминание их ссоры, – «сами свадшася»; 790–791И. В зависимости от обстоятельств может встретиться и теоретическое обоснование покараний. Например, в паримейном чтении на 24 июля, (ср. ПВЛ 1015-1016 гг.). «Князь бо не туне носить меч, слуга Божии бо есть». В Лавр и Ипат под 1175 г., возможно, под влиянием Паримейника введено соответствующее место из Рим.13.1,3-4 (вместе со ссылкой на ап. Павла и «Златоустыця»). Начало заговору против Андрея Боголюбского положило покарание Андреем одного из его милостников, и в оправдание князя вставлена цитата из Паримейника; см. 592–593И – 370Л.

⁸⁷ НІ, с. 53: «Яко, братие, страдали дѣди наши и отчи за Русьскую землю, тако братье, и мы поидимъ по своемъ князю».

тогда как правящий в Новгороде в это время князь обнаруживает намерения их нарушить⁸⁸.

Судя по всему, индивид на вече – некая символическая фигура. Такой вывод можно сделать с некоторой осторожностью, с оглядкой на то, что материала для исследования совсем немного. Введение отдельной личности в сюжет оставалось достаточно редким приемом, случаи применения его летописцами можно пересчитать по пальцам. Причины сугубой факультативности этой темы кроются, вероятно, в том, что она противоречила представлениям о коллективности решения и шаблонам описания народных собраний.

Подводя итоги этой заключительной главы, можно сказать, что представления о «людях» подчинены в большинстве своем представлениям о князе. Сосредоточенность на взаимоотношениях с князьями обусловила практически все черты нормативного портрета вечников – тревожное восприятие вечевого тематики, осмысление всех действий «людей» с точки зрения их «верности» или, наоборот, «лести», акцент на жестокости и хаотичности действий. С князем прямо не связана лишь тенденция представлять участников собраний как некое целое, как весь народ. Но и здесь схемы разделения горожан, возникшие как инверсия модели «цельности» и «единения» и сформировавшиеся к XII–XIII вв., подчинены потребностям изображения поведения князей.

⁸⁸ «Тому радъ, оже вины моеи нѣту, а вы братъе, въ посадничествѣ и въ князѣхъ (НПЛ мл. ред. доб.: «вольнѣ есте»); Н1, с. 59, 260. Ранее Твердислав призывает в свидетели Бога: «Твердиславъ же, позря на святую Софию и рече: “Да же буду виновать, да буду ту мертвъ, буду ли правъ, а ты мя оправи, Господи”»; Н1, с. 58.

Вместо эпилога

Несмотря на название, книга эта посвящена главным образом исследованию взаимоотношений народа и правителя и, тем более, не древнерусскому вечу. В первую очередь, мне хотелось понять и показать читателю, как создавался летописный рассказ, а описания взаимоотношений «людей» и князя предоставили необходимый материал для анализа исторического повествования – материал, по-видимому, наиболее благодатный, если учесть то, насколько часто речь идет об описаниях тревожных ситуаций, где нарративное моделирование проявляется наиболее «зримо». Язык летописи предстал перед нами как некая сконструированная книжниками искусственная система. Впрочем, «естественность» языка в любых его проявлениях весьма проблематична, о чем свидетельствуют современные работы по лингвистике и теории нарратива, но здесь имеются в виду несколько более простые явления. В данном случае подразумевается не система языка вообще, а конструирование одного из книжных жанров – летописи, происходившее на нескольких уровнях. Во-первых, «терминологическом»: разные книжники с разной скоростью осваивали разнообразные источники, подбирая наиболее адекватные и впечатляющие, по их мнению, обозначения, – и «формульном»: в процессе создания летописей достаточно быстро были выработаны несколько более или менее устойчивых рядов формул, следование которым или, наоборот, отклонение от которых имело собственное значение. Во-вторых, на уровне нарративном, хотя в последнем случае мною допущено неизбежное упрощение. Разумеется, нарративное моделирование имеет место не только в произведениях исторических жанров, и вообще не только в литературе, но и в процессе создания любых нарративов, в том числе устных, то есть само по себе является «многоступенчатым» (например, достаточно сильно огрубляя, для редактированного рассказа: устный нарратив, созданный информантом летописца, трансформированный в компактное летописное сообщение и переработанный позднейшим книжником в соответствии с книжными моделями и топикой). К сожалению, при изучении летописных сводов доступна только реконструкция нарративной модели в общем и лишь иногда проступают детали, связанные с последней «ступенью» конструирования, заимствованием литературных образцов. Что касается извечной антитезы нарратива – реальности – в книге представлена попытка выявить и, соответственно, хотя бы отчасти преодолеть условности нарративизации, попытка, как подозреваю, не всегда могущая удовлетворить читателя.

В соответствии с канонами написания научных работ оправдания новых методик (в данном случае объяснение необходимости и пользы

нарративизма) должно помещать в начале, в описании методов. Что и сделано в своем месте и возвращаться к чему, очевидно, не стоит. Да и реклама нарративизма, по-видимому, бесполезна, как бесполезна или почти бесполезна реклама любых новых техник написания истории. Историки, работающие в новых техниках, иногда пишут о том, что не надеются обратить в свою веру многих и могут ожидать лишь обращения уже обращенных. В моем случае положение еще сложнее, ведь речь идет почти что о «сознательном уклонении» от анализа реальности. И хотя порой вспоминается шутка бессмертного Остапа Вишни: «Реалісти – це, як ви й самі догадуєтесь, письменники, що скінчили реальну школу і не склали конкурсу до Політехніки, так реалістами і залишились»¹, – реализм, как мы знаем, в реальности победил, и автор этой книги тоже не надеется на многое. Ведь не только ухо историка настроено так, чтобы улавливать «отражения реальности». Любители и почитатели истории, может быть, даже в большей степени рассчитывают на непосредственное схватывание историком реалий, на правдивое или даже истинное описание событий. Кроме того, читателей сотни лет воспитывали в том убеждении, что история является учительницей жизни. Соответственно, человека, сталкивающегося с теорией или практическим исследованием нарративизма, на персональном уровне тревожит (или даже возмущает и обижает) то, что смысл каждого события и смысл истории в целом оказывается привнесенным и изменчивым, а не присутствующим изначально. Как сказали бы философы, изучение нарративов затрагивает экзистенциальные основы бытия, смыслополагание, а при серьезном отношении – и жизненные установки.

Тем не менее, нарративизация существовала всегда, вне зависимости от того, подозревали ли о ее существовании историки и филологи. И, коль уже все равно так много сказано о сложности текстов, затемненности или полной непроницаемости источников, практическое исследование приемов «затемнения», как кажется, может быть бесполезно. Тем более что в реальном приложении и первом приближении понимание летописного рассказа получается достаточно простым, вплоть до схематичности.

Так повелось, что в окончании книги должны содержаться если не банальные «выводы», то размышления о беспокоящих автора темах. Как легко догадаться, автора этой книги беспокоит нарративное конструирование и восприятие его учеными и всеми, сколько-нибудь причастными к истории. Однако нарративистика – чрезвычайно популярное направление, по всему миру каждый год пишутся сотни, если не тысячи работ, и сказать свое слово практически невозможно. Поэтому размышления следует, по всей видимости, ограничить прикладными

¹ «Реалісти – это, как вы сами догадываетесь, те писатели, которые окончили реальное училище, но не смогли поступить в Политехнический институт, так и остались реалистами». *Вишня О. Письменники // Твори у 4 т. К., 1998. Т. 1. С. 369.*

соображениями. Не знаю, насколько удалась эта попытка практического исследования нарративного конструирования на частном примере одного типа сюжетов – описаний взаимоотношений народа и правителя. Об удаче или неудаче судить читателям.

Итак, оставим наконец в покое людей и вече: надолго, или, быть может, навсегда. Князя же такой объект исследования, без какого историка Древней Руси вряд ли удастся обойтись.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамович Д. И.* 28, 131, 146, 179, 252, 303
Авимелех 48
Авраам, библ. 98
Авраамий св. 59, 66, 71, 75
Авраамий Смоленский св. 67, 71, 109
Авраамка 105, 122, 196
Агапий 50
Агнеллус 235
Агриппа 245, 247
Александр Македонский 220, 221
Александр Ярославич / Александр Невский 28, 45, 50, 55, 77–78, 91, 95, 108, 180–183, 250–251, 253–257, 262–264, 267–270, 304, 322, 339, 347
Александр, «цесарь иерусалимский» 244
Александр, боярин Василия Александровича 78, 84
Александр, Парид 244
Алексеев Л. В. 307
Алексеев Ю. Г. 103, 181, 250–251, 253, 257
Алексей III Ангел / «Олекса» 261, 265, 267
Алексей IV Ангел / «Исакович» 261–262, 266
Алешковский М. Х. 12, 34, 36, 103, 131, 156, 250
Амартол – см. Георгий Амартол
Амос прор. 21
Анастасий I «Дуряхянин» 243
Ангелы, династия 261
Андреев В. Ф. 230, 250, 256
Андреевич, сын Андрея Боголюбского 168
Андрей Володимирич 49, 110, 125, 288, 290, 294, 303
Андрей Критский 25, 59, 75, 108
Андрей Юрьевич / Андрей Боголюбский 49, 54–55, 64–65, 68, 73, 80–81, 85, 87–88, 109, 119, 123–124, 144–149, 166, 175–180, 202, 209, 215, 224, 231, 233, 236, 258, 279, 297, 310, 320, 337, 340, 350
Андрей Ярославич 95, 262
Андрей, воевода Данила Романовича 76
Андрей, сын венгерского короля Андрея II 314
Анриан, епископ болгарский 145
Анкерсмит Ф. Р. 15
Анна княгиня – см. Романова, жена Романа Мстиславича
Антигоновичи 98, 246, 248, 277
Антоний, епископ новгородский 132, 174–175, 251, 267, 319–320, 339
Антоний, римский военачальник 244–245
Аристотель 147

Аркадий, епископ новгородский 54, 57, 318
Арсений, епископ новгородский 175, 251–253, 267–268, 270, 319
Арсений, епископ рязанский 110, 137, 190
Артемий мученик 25
Артемий, епископ галицкий 260
Архелай 245
Асадук 87
Афанасий Александрийский 59, 62
Афина 78
Ахав 241
Багалий Д. И. 12
Баранкова Г. С. 25
Бахрушин С. В. 12
Беляев И. Д. 8, 312, 334
Бергер Е. Е. 306
Бережков Н. Г. 24, 33–35, 49, 57, 125, 132, 136, 144, 151, 156, 166, 168,
172, 174–175, 185, 189, 191, 195, 200, 203, 212, 217, 232, 286, 290,
292, 296
Берке 315
Бибиков М. В. 146
Бикерман Э. Дж. 246, 283
Билоус Н. А. 18, 109
Благова Емилие 47
Бойцов Ю. Г. 322
Болеслав I Храбрый 304
Болеслав II Самовитович 94
Болеслав II Смелый 229
Болеслав III Кривоустый 142
Болеслав IV Кудрявый 94
Болеслава Святославна 135
Боняк 158
Борис (Роман) св. / Борис Володимирич 28, 51, 54, 56, 60, 75, 79, 107,
126, 131, 148, 161–162, 210, 252, 271, 302, 331
Борис Васильевич 64, 262
Борис Вячеславич 68, 134
Борис Захариич 275
Борис Мирошкинич 33–34
Борис Негочевич 275
Борис Романович 300
Борис, слуга Александра Ярославича 181, 254
Борислав 91
Борисова чадь 275
Бусославский С.А. 51, 60, 75, 79, 83, 100, 128, 131, 161, 302, 331
Буров В. А. 103
Варава 61

Варнава, библия 240
Василий Александрович 84, 180–181, 264, 269, 322
Василий Мстиславич 274
Василий царь (Василий Македонянин) 243
Василий Ярославич 55, 110
Василько Володаревич 46
Василько Константинович 55
Василько Романович 24, 44, 164, 195–197, 202, 329, 341
Василько Ростиславич / Василько Теремовский 32, 36, 79, 99, 134,
140, 159, 178, 212, 315, 332, 340
Василько Юрьевич 145–146, 203
Василько Ярополчич 86
Ведюшкина И. В. 125, 219, 291
Верещагин Е. М. 333
Верхуслава Всеволодовна 94
Веспасиан / Еуспасиан 238, 246, 247
Вилкул Т. Л. 17, 28, 31–33, 46, 59, 68, 83, 98–99, 108, 110–111, 128, 153,
158, 160, 169–170, 185, 189, 209, 221, 279, 286, 302, 322, 328, 338
Винцентий Кадлубек 113, 230, 278, 343
Вит мученик 59, 66
Владимирский–Буданов М. Ф. 8–9, 20, 25, 154, 227, 250, 259, 306–307,
325, 334, 345
Внезд, боярин смоленский 238
Водов В. 286
Водовик 275, 346
Володимир Василькович 64, 69, 99, 342
Володимир Володаревич / Володимирко Галицкий 83, 209, 274, 277
Володимир Всеволодич / Мономах 32, 46, 49, 55, 79, 85, 87, 93, 99, 110,
126, 125, 128–132, 156–161, 169, 179, 189, 215–216, 218, 220–222,
236, 250, 280, 284–286, 292, 295, 297, 306–307, 314–315, 322, 331,
334, 338, 342–343
Володимир Глебович 136
Володимир Давыдович 194
Володимир Игоревич 97, 197–199, 201
Володимир Мстиславич (Мачушич), сын Мстислава Володимирича 32,
86, 94, 109–110, 189, 213–214, 280, 310, 348
Володимир Мстиславич, сын Мстислава Ростиславича 34–35, 188, 274
Володимир Святославич / Владимир св. 49, 51, 54–55, 67, 71, 75, 79,
84–85, 91–92, 95, 100–102, 204, 239, 271, 322
Володимир Юрьевич 77
Володимир Ярославич 135, 198, 346, 348
Володимиричи / Мономашичи 46, 110, 170, 286, 290–292, 297, 332
Володимирковичи 110
Володислав Завидич 260
Володислав Кормилчич 47, 235

Володислав Лях 279
Воронин Н. Н. 120
Всеволод Глебович 136
Всеволод Мстиславич, сын Мстислава Володимирича 31, 80, 279, 286,
291–297, 309–310, 313
Всеволод Мстиславич, сын Мстислава Романовича 184
Всеволод Ольгович 27, 29, 31, 102, 110, 125, 168–173, 179, 273, 275,
279, 286–294, 297, 303, 314, 321, 332, 335
Всеволод Святославич / Всеволод Чермный 35, 133–135, 137, 141, 198,
201, 303
Всеволод Юрьевич (Большое Гнездо), сын Юрия Володимирича
34–35, 45–46, 54, 56, 69, 77, 80–81, 93–94, 103, 105, 110, 119–127,
135–142, 146, 149–151, 179, 185–192, 223, 227, 233, 258–259, 264–
265, 268–269, 273, 284, 300, 304, 310–311, 315, 317, 319–321, 339,
341, 343
Всеволод Юрьевич, сын Юрия Всеволодича 49, 55, 77, 183–184
Всеволод Ярославич 64, 68, 85, 134, 157, 163, 306–307, 338, 348
Всеволожая, жена Всеволода Юрьевича 49, 54
Всеслав Васильевич 47
Всеслав Полоцкий / Всеслав Брячиславич 27, 80, 235, 252, 340, 347, 349
Всеславичи 85
Вячеслав Володимирич 53, 62, 83, 102, 148, 152–154, 209–211, 273
Вячеслав Володимирский, боярин 97
Гаврила Игоревич 260
Гаврила Щитник 252
Гаврилец Милятинич 260
Гаврило, епископ новгородский 319
Гай, император 246
Галл Аноним – см. Gall Anonim
Галл, римский военачальник 245
Гедеон 158
Генрих герм. император 163
Генсерский А. И. 25, 45, 52, 196, 198
Георгий Амартол / Амартол 5, 21, 39, 51, 53, 58, 62, 66, 70, 74, 91–93,
98, 100–101, 106, 239, 242, 244–245, 261, 271, 332
Георгий мученик 220
Георгий Ростиславич 136
Георгий Симонович (Шимонович) 276
Георгий Синкелл 21
Гердень 78
Геремеи поп 307
Герман, патриарх 71
Гимон Т. В. 17, 30, 33, 115, 127, 139, 158, 177, 339, 348
Гиппиус А. А. 18, 29–30, 36, 43, 60, 65, 71, 91, 96, 132, 158, 160, 252,
254, 275, 319, 323, 339

Глеб Володимирич, сын Володимира Глебовича 136–141, 191
Глеб Зеремеевич 279
Глеб Ольгович 296
Глеб Рязанский / Глеб Ростиславич 77, 103, 120, 122–126, 136, 260, 273
Глеб св. (Давыд) / Глеб Володимирич, сын Володимира Святославича
28, 50, 54, 56, 60, 84, 107, 126, 131, 148, 161–162, 210, 252, 302, 331
Глеб Святославич 63, 156, 179, 298
Глеб Юрьевич 81, 314
Глебова чадь 87
Глебовичи (полоцкие) 233
Голубинский Е. Е. 318
Голубовский П. В. 307
Гольшенико В. С. 70
Горский А. А. 11, 20, 25, 38, 40, 72–73, 76, 80, 88, 198, 276, 315
Горюнова В. М. 14
Гофолия 332
Градовский А. 9
Гранберг Йонас 5, 14, 22, 24–28, 119, 228, 320
Греков Б. Д. 12–13, 202, 294
Григорий Васильевич, галицкий боярин 260, 350
Григорий Великий 50
Григорий, игумен св. Андрея 107
Гринева Н. Н. 260
Грушевский М. С. 11, 24, 39, 130, 132, 134, 144, 147, 154, 166, 169, 175,
196, 198, 200, 202, 205, 209–211, 215, 218, 221, 287, 291, 293, 299,
316, 345
Гюрги Жирославич (Юрий Жирославич) 313
Гюрги Олексинич 261
Давыд Игоревич 37, 79, 158, 315, 331
Давыд Муромский / Давыд Георгиевич 136, 139, 140, 191
Давыд Ростиславич 46–47, 176, 213–214, 305, 343
Давыд св. – см. Глеб св.
Давыд Святославич 49, 156–160, 222, 293
Давыд, библ. 137, 241
Давыдко, софийский стольник 270
Давыдовичи, дети Давыда Святославича 28, 46, 74, 86, 293, 328
Далмат, епископ новгородский 71, 96, 181
Даниил прор. 58–59, 96, 272
Данилевский И. Н. 14, 25, 39, 113, 147, 239, 256, 248
Данило Романович / Данило Галицкий 24, 76, 97, 99, 103, 132–133,
135, 164, 198, 200, 202, 232, 249, 260, 270, 274, 281, 300, 305, 323,
329, 337, 340–343, 347, 350
Данило, епископ юрьевский 107
Даньслав 313
Даньслав Лазутинич 77, 84

Дарий 75, 220
Дворниченко А. Ю. 14, 25, 128, 154, 192, 250, 307, 325–326
Демьян тысяцкий 24, 76
Демьянов В. Г. 22
Дидди К. 50
Диоклитиан 242
Длугош 163
Дмитр Якунич 186, 275
Дмитрий Александрович 76, 263, 311
Дмитрий Борисович 64, 339
Дмитрий Святославич 181
Дмитро Мирошкинич 34–35, 304, 308, 311
Доброслав, галицкий боярин 281, 350
Довнар-Запольский М. Ф. 10, 306, 334, 345
Долгов В. 257
Домбровский Дариуш 163
Дубонис Артурас 17–18
Дубровина В. Ф. 70
Дымник Мартин – см. Dimnik Martin
Дьяконов М. А. 215, 305–306, 325, 334, 345
Дьячан Вл. 21, 320
Евсевий Александрийский 59
Евсеев И. 272
Евфимий, епископ переяславский 193
Евфимий, патриарх 243
Егисф 244
Ездра 50
Елеазар 246
Епифаний Кипрский 50, 59, 61, 66
Еразм мученик 58, 65
Еуспасиан – см. Веспасиан
Ефрем блж. 59, 66, 71, 75
Ефрем, ученик Авраамия Смоленского 71
Ефросинья Полоцкая 60, 67, 75, 100, 107
Живов В. М. 78
Жирослав Михайлович 77
Жирослав, галицкий боярин 305
Жирята 80, 296
Жуковская Л. П. 50, 57
Забелин И. Е. 8, 22
Завадская С. В. 20, 40, 89, 91, 101, 322
Завид, боярин Володимира Мстиславича 109–110
Зайцев А. К. 132, 293
Зализняк А. А. 49, 59, 87, 323
Захария прор. 150

Захария, посадник новгородский 87, 275
Зевс 78
Зема В. Е. 18
Зигеберт из Жамблу 163
Зименс Г. 288
Зимин А. А. 307
Зосима 315
Иаков ап. 240
Иаков Мних 60, 67, 75, 92, 100
Ивакин И. М. 158
Иван Войтишич 275, 280
Иван Глебович 69
Иван Ростиславич / Иван Берладник 89, 125, 274
Иванко Захариинич 275
Иванко Чудинович 307
Иванко Дмитрович, посадник новгородский 183
Игоревичи, дети Игоря Святославича 97, 132–135, 195–202, 278, 298,
314–315, 337, 343, 349
Игорь Глебович 136
Игорь Ольгович 29, 53, 61, 68, 106, 108, 126, 194, 229, 233–234, 273,
275, 277, 280, 301, 309, 314–315, 328, 334–335, 338, 343, 349
Игорь Рюрикович 79, 85
Игорь Святославич 46, 68, 83, 93, 104, 132, 135, 172, 195, 238, 278
Иезекииль прор. 258
Иеремия прор. 51, 100
Измаил 84
Изяслав Володимирич, сын Володимира Глебовича 137–139, 191
Изяслав Володимирич, сын Володимира Мономаха 158, 222
Изяслав Давыдович 56, 125, 152–156, 176, 178, 180, 193–194, 202–206,
280–281, 296–297, 329
Изяслав Мстиславич 28, 31–32, 53–54, 56, 62, 68, 73–74, 80, 82–83, 102,
126, 129, 134, 152, 155, 167, 170–172, 192–195, 209–211, 216–221,
228, 239, 273–275, 278–279, 282, 292, 294, 297, 301, 309, 314–315,
321, 328, 340–341, 343, 349
Изяслав Ярославич 27, 64, 68, 80, 134, 157–158, 163, 229, 233, 252–253,
306–307, 347, 349
Изяслав, князь в Галицкой земле 274
Иисус Навин 39, 47
Иисус Христос 60, 66, 70, 106, 108, 133, 143, 147, 240–241, 255–256,
263
Иконников В. С. 301
Иларион, митрополит киевский 70
Илькина чадь / «И Книна» 313
Илья прор. 125
Илья, епископ новгородский 56, 318

Илья, суздальский посол 145
Ингварь Игоревич, сын Игоря Глебовича 136
Ингварь Игоревич, сын Игоря Святославича 329
Иоанн / Анан 246–248
Иоанн Златоуст 50, 59, 71, 252–253
Иоанн Киннам 146
Иоанн Малала / Малала 21–22, 39, 51, 58–59, 62, 66, 70, 75, 92–93, 98,
101, 105, 107, 134, 236, 239, 243–244, 321
Иоанн Экзарх Болгарский 59, 253
Иоанн, епископ новгородский 317
Иоанн, епископ ростовский 49, 54, 105, 142–143
Иосиф Флавий / Флавий 25, 39, 49–51, 58, 68, 70, 75, 78, 98, 101, 104,
111, 130, 220, 237–239, 244–245, 247, 276–277, 302, 305, 321, 333
Ипатий 242
Ипполит 272
Ираклий, император 101, 242
Ираклон, император 242
Ириния св. 50, 58, 92
Иркан (Гиркан) 98
Ирод 100, 245–246, 248, 277, 321
Иродовичи 98, 246, 248, 277
Исаак Ангел 261, 265–266
Исаевич Д. Я. 18
Исайя прор. 242
Истрин В. М. 21–22, 39, 51, 53, 59, 62, 66, 71–72, 75, 96, 98, 101, 105,
107, 220, 236, 241, 243–244, 257, 260, 332
Итларь 79, 81, 126
Иуда, библ. 241
Карамзин Н. М. 7
Карачорова Ивона 57
Карл Великий 111
Карлов В. В. 20
Карский Е. Ф. 52
Кизеветтер А. А. 10
Киликий, римский военачальник 246
Кир Михаил Всеволодич / Кюр Михаил 77, 136, 138–139, 141, 191
Кирик новгородец 312
Кирилл Александрийский 92
Кирилл Туровский 70, 3017
Кирилл, епископ ростовский 49, 69, 108
Кириллин В. М. 108
Клавдий, император 246
Клим, тысяцкий новгородский 181
Климент Смолятич 57, 107, 195, 220
Клюг Эккехард 253

Ключевский В. О. 10–12, 109, 250, 258
Князевская О. А. 22
Кобрин В. Б. 89
Ковачевич Радмила 47
Колесов В. В. 53, 62, 72, 78, 89
Колчин Б. А. 103, 230, 250
Кондрат, тысяцкий новгородский 307
Конрад, князь мазовецкий 24
Константин Борисович 64, 339
Константин Брадатый, император 92
Константин Великий, император 101, 242–243
Константин Всеволодич 34, 36, 49–50, 54, 64–65, 69, 138–139, 141, 186, 200, 303, 322
Константин Манассия 252
Константин посадник, сын Добрыни 332
Константин, брат Глеба Володимирича, князя рязанского 141
Константин, митрополит киевский 54, 56–57, 61
Константин, сын Ираклия 242
Константин, тысяцкий новгородский / Коснятин 80, 296, 313
Коринный Н. Н. 192, 215
Кормилчичи 133, 199, 278
Кормильчья Нездилова 278
Коснятин Микульчич 171
Коснячко, тысяцкий киевский 306, 314, 331
Коста, император 242
Костомаров Н. И. 7–8, 36, 166, 196, 218, 250, 258, 287, 290, 325
Косьма Индикоплов 70
Котляр Н. Ф. 25, 78, 89, 132, 134, 152, 154, 196, 199, 286–287, 289, 292, 294, 307, 342, 350
Кочин Г. Е. 29, 53, 72, 88, 96
Красова А. А. 120–121, 125, 149
Кривошеев Ю. В. 20, 120, 250, 256, 258
Крипьякевич И. П. 25, 89, 132, 196
Крисп 243
Куза А. В. 103, 218, 220
Кузьмин А. Г. 138, 221
Кун Томас 21
Кунтувдый 280
Купчинский Олег 308
Кусков В. В. 60
Кучера М. П. 192
Кучкин В. А. 11, 20, 103, 125, 218–219
Лазарь, библ. 25
Лазарь, Всеволож муж 34
Лазарь, епископ переяславский 107

Лев Данилович 69, 103
Лемешкин Илья 22
Леон, епископ суздальский 144–149, 314–315, 317, 320, 332
Лешко Черный 69
Лимонов Ю. А. 120–121, 144, 166, 175, 202, 250, 258
Линниченко И. А. 10, 25, 154, 215, 340
Литвина А. Ф. 67, 188, 217
Лихачев Д. С. 32, 158, 210
Лосева О. В. 317
Лука Хрисоверг 144, 146–147
Лука, библ 51
Лука, епископ ростовский 320
Лука, патриарх 107
Лукин П. В. 14, 20, 22, 24, 46, 119, 128, 255
Лурье Я. С. 23, 32, 45, 126, 257, 339
Львов А. С. 20–21, 30, 40, 52, 91, 105, 155
Ляпон В. М. 22
Маврикий, император 66, 242
Мавродин В. В. 12, 228
Майоров А. В. 105, 196, 200
Макеева И. И. 25, 332
Максимиан, император /Максимьян 243
Малала – см. Иоанн Малала
Малий стратег / Манлий 242, 244
Мануил, епископ смоленский 238
Мануил, император 145
Марк, епископ переяславский 318
Мартурий, епископ новгородский / Мантурий 33, 319
Матей Душильевич 313
Матфей, митрополит киевский 143
Мельникова Е. А. 78, 113
Мефодий Патарский 91, 96–97, 257–258
Мефодий св. Моравский 59
Мецкерский Н. А. 22, 71, 130, 237–239, 244–248, 265, 265, 332
Микифор Щитник 251–252
Микифор, владимирский боярин 349–350
Микифор, митрополит киевский 107, 130
Микула, сотский галицкий 350
Милтенова Анисава 96, 257
Мильков В. В. 257
Милюков П. Н. 325
Милютенко Н. И. 55, 122
Миндог / Миндовг 44
Миронова Т. Л. 57
Мирослав, боярин Мономаха 307

Мирослав, посадник новгородский / Мирошка 293, 295, 307
Мирошкинichi 34, 63
Митрофан, епископ новгородский 54–55, 69, 132, 175, 183, 253, 268, 319
Михаил I, император 101
Михаил III, император 243
Михаил Борисович, боярин Всеволода Юрьевича 136
Михаил Глебович 55
Михаил Черниговский / Михаил Всеволодич 91, 251, 268, 274–275, 319, 339
Михаил, митрополит киевский 293
Михаил, посадник новгородский 307
Михайло Пинещинич 263
Михалко Степанович 182, 254, 264, 269
Михалко Юрьевич 56, 81, 85, 93, 109, 119, 123, 223, 232–233, 258–259, 264–265, 339, 342
Михаль, боярин Володимира Мстиславича 109
Миша новгородец 77, 279, 303
Моисеичь, бирич 313
Молдован А. М. 70
Мономах – см. Володимир Всеволодич
Мончюк 349
Моця А. П. 281
Мстибог 349
Мстислав Романович 184, 350
Мстислав Володимирич / Мстислав Великий 31, 46, 50, 57, 61–62, 66, 74, 77, 84, 88, 91, 100–101, 106–108, 133, 137, 147, 156–161, 169–170, 179, 215–217, 235, 291, 294, 309, 313, 321
Мстислав Давыдович 46–47, 307, 319
Мстислав Данилович 69, 97, 99, 103, 302, 342
Мстислав Изяславич 77, 83, 86, 94, 110, 133, 152–153, 165, 167–168, 203, 212–215, 239, 278, 280, 298, 309–310, 314
Мстислав Мстиславич / Мстислав Удатный 28, 34–36, 132–135, 139, 141, 174–175, 184–189, 192, 260, 268, 270, 273–275, 296, 303–304, 319, 329, 339–340, 342, 345, 350
Мстислав Ростиславич (Безокий), сын Ростислава Юрьевича 73, 77, 81, 119–123, 126–127, 150–151, 176–177, 179, 259, 297
Мстислав Ростиславич, сын Ростислава Мстиславича 83, 102, 120, 125, 133, 179, 238, 275, 279
Мстислав Святополчич 36
Мстислав Юрьевич, сын Юрия Всеволодича 50, 55, 77
Мстислав Юрьевич, сын Юрия Долгорукого 57, 145, 177, 205, 224, 235, 279, 318, 323, 347
Мстиславичи, внуки Мономаха 46, 110, 169–174, 209, 216–217, 290, 292, 294, 297, 303, 313

Мстиславля (последняя жена Мстислава Великого) 86, 214
Мурцуфл Дука / Мюрчюфл 261–262, 266–267, 270
Мусин А. Е. 220, 317–318
Навуходоносор / Навходоносор 262
Нажир 307
Назаренко А. В. 130, 156, 163, 221
Назаров В. Д. 103
Насонов А. Н. 12, 17, 38, 53, 125, 147, 209, 315
Настаська 314, 323
Нежата Твердятич 177, 279, 313
Нездила Пьхцинич 77
Нерон 245
Нестор Бориславич 278
Нестор св. Печерский 60, 75, 161–162
Нестор, епископ суздальский 145, 220
Никита Затворник 146
Никита Хониат 261–262, 265–267, 300
Никита, епископ белгородский 107
Никифор – см. Микифор, митрополит
Никифор I, император 243
Никифор, боярин Ярославичей 307
Никола св. 63
Николай Канавос / «Никола воин» 261, 265, 270
Никольский Н. К. 317
Никольский С. Л. 78, 307
Никон Великий 298
Нимчук В. В. 57
Нифонт, епископ новгородский 65, 107, 195, 219–220, 293, 295, 316–317
Новиков Н. И. 12
Ноздрьча 313
Носов Е. Н. 14, 96
Овстрат 108
Одрин А. В. 17
Олег Володимирич 136–141, 191
Олег Святославич, сын Святослава Ольговича 88, 285
Олег Святославич, сын Святослава Ярославича 49, 68, 99, 131, 134, 148, 156–160, 221–222, 250, 287, 307, 315, 340
Олег, князь русский 78
Олекса Сбыславич 33–34
Олоферн 239
Ольга св. 41, 67, 71, 75, 79, 85, 92
Ольга Юрьевна, жена Ярослава Володимирича 314
Ольговичи 46, 138, 141, 169, 173, 196–198, 201–202, 211, 216, 228, 286–289, 291–294, 297, 308, 313, 335, 343

Онанья, посадник новгородский 181–182, 254, 264, 269–270
Ордерик Виталий 130
Орлов А. С. 32, 39, 93, 158, 238
Остап Вишня 353
Отгон III 344
Оустиниан – см. Юстиниан
Павел ап. 47, 70, 240, 258
Павлова Румяна 101, 252
Павлов-Сильванский Н. П. 12
Пантелей сотский 307
Парамонова М. Ю. 318
Пахомий св. 59
Пахомий, епископ ростовский 143
Пашин С. С. 20, 196
Пашута В. Т. 12, 19, 45, 89, 100, 105, 108, 132, 154, 196, 199–200, 231, 250, 305, 342, 350
Перенег 306
Перетц В. Н. 39, 71
Перфурий (Порфирий), епископ черниговский 124
Петр ап. 137, 258
Петр Бориславич 278
Петр Кловский 107
Петр Михалкович 323
Петр стратиг 242
Петр, воевода Юрия Всеволодича 77
Петрило осменник 204
Петров А. В. 166, 289, 290–291, 294
Петровна Михалковича 224
Петрухин В. Я. 105, 259, 295, 328
Петрухин П. В. 5, 110
Печников М. В. 67
Пилат 61, 106
Писаренко Ю. Г. 140, 156
Пичхадзе А. А. 16, 25, 332
Платон 53, 147
Плахонин Андрей 315
Плигузов А. И. 105
Плотин 53
Плохов А. В. 14
Погодин М. П. 20, 25, 283
Повдигина Н. Л. 12, 30, 250, 256, 294, 317
Подскальски Герхард – см. Podskalsky Gerhard
Покровский М. Н. 11–12, 308
Полевой Н. А. 19
Полибий / Поливий 50, 66

Поппэ Анджей В. 146, 296, 307
Потапий св. 150
Предслава Володимировна 304
Пресняков А. Е. 5, 10–11, 14–15, 19–20, 74, 100, 105, 128–129, 209, 218,
220, 250, 258, 283, 287, 291, 299, 308, 325
Приам 244
Приселков М. Д. 18, 23, 44–45, 50, 54–55, 64, 77, 90, 102, 120–122, 128,
130, 143–144, 146, 196, 200, 202, 204, 220, 322
Прокопий, брат Якуна посадника новгородского 171
Прокопий, тысяцкий белгородский 307
Прохазка Е. А. 68
Прохор, игумен печерский 107
Прохоров Г. М. 54, 65, 122, 124, 200, 322
Пузанов В. В. 257
Рагуило Добрынич 109–110
Радило, тысяцкий Давыда Ростиславича 214
Радищев А. Н. 12
Рапов О. М. 120
Расовский Д. 82
Рассмусен К. 230
Ратибор 307
Ратишка 181
Рем 239
Рибарова Зденка 60
Рогачевский А. Л. 284, 306, 336, 346
Рогволод Борисович 233, 334, 347
Рождественская Т. В. 307
Рожков Н. А. 10
Роланд 284, 346
Роман I, император 101
Роман Глебович 125, 136–137
Роман Игоревич, сын Игоря Святославича 133, 199
Роман Игоревич, сын Игоря Глебовича 136–137
Роман Мстиславич 76, 97, 135, 165–168, 196–199, 201–202, 230, 279,
298, 329, 343, 349
Роман Ростиславич 150–151, 205, 238, 343
Роман св. – см. Борис св.
Романов Б. А. 299, 312
Романова О. В. 24
Романовая, жена Романа Мстиславича 198–199, 201–202
Романовичи, дети Романа Мстиславича 97, 134–135, 164, 196–197,
199–202, 298, 314, 350
Ромул / Ром 239, 242
Ростислав Володимирич 238, 298, 314, 316
Ростислав Глебович 233
Ростислав Игоревич 133

Ростислав Михайлович 232, 249, 260, 270, 274–275, 336, 339
Ростислав Мстиславич 32, 38, 55, 57, 61–62, 64–65, 68, 74, 82, 126,
133–135, 145–146, 148–149, 152–156, 165, 174, 175–180, 193, 205–
206, 209–211, 213, 216, 218–219, 221, 238, 273, 275, 292, 297–298,
307, 309–310, 317–318, 321–322, 328–329, 337, 342–343, 350
Ростислав Рюрикович 94
Ростислав Юрьевич 80, 169–171, 173, 193, 287–291, 303
Ростиславичи смоленские, дети Ростислава Мстиславича 81, 109, 139,
141, 151, 167–168, 174, 188–189, 206, 215, 275, 341
Ростиславичи суздальские, дети Ростислава Юрьевича 73, 93, 109,
119–120, 123–127, 145, 151, 231–232, 258–259, 264–265, 269–270,
273, 281, 300, 310, 315, 341–342
Ростиславовы внуки, внуки Ростислава Мстиславича 35, 133–135
Рубинштейн Н. Л. 11
Рыбаков Б. А. 82, 120, 132, 146–147, 166, 169, 196, 308
Рюрик Ростиславич 32, 45–46, 68, 135, 137, 141, 146, 167, 195–201,
212–214, 280, 298, 339, 341
Рюрик, князь русский 78
Рюриковичи 9
Сава (из берестяной грамоты) 87
Сава, игумен св. Спаса 107
Савин епископ 66
Савицкий Евгений 130
Самоквасов Д. Я. 9–10, 13, 15, 20, 25–26, 215, 218, 283, 325–326, 334
Саук 87
Саул, библ. 241
Свердлов М. Б. 6, 8, 11–15, 20, 24–26, 72–73, 127–130, 159, 163, 228,
231, 250, 326, 340
Святополк (Михаил) Изяславич 36, 46, 80, 99, 128–131, 148, 157–160,
179, 221, 236, 239, 250, 252, 280, 284, 295, 307, 314–315, 343
Святополк Мстиславич 62, 169–171, 173, 219–220, 279, 287
Святополк Юрьевич 80
Святополк Ярополчич / Святополк Окаянный 28, 83, 91, 130, 161–163,
210, 224, 302, 304–305, 332, 340
Святослав Всеволодич, сын Всеволода Ольговича 31, 74, 124–125, 153,
170, 280, 285, 308, 310, 335, 341, 348
Святослав Всеволодич, сын Всеволода Юрьевича Большое Гнездо 34,
77, 186–187, 189, 192
Святослав Глебович 136
Святослав Игоревич 79, 85, 133
Святослав Ольгович 27, 31, 73–74, 82, 111, 145, 149, 169–174, 193–194,
229, 234, 277, 279–281, 285–292, 295–296, 303, 312, 328, 334–335,
337, 346
Святослав Ростиславич 32, 38, 54, 61, 77, 86, 153, 165–168, 175–180,
189, 275, 279, 297, 335, 337, 350
Святослав Юрьевич 65

Святослав Ярославич 60, 128, 157, 160, 163, 293, 298, 306–307
Святослав, липовицкий князь 77
Святославиичи, дети Святослава Ярославича 130, 157, 159–160, 221, 284
Северьянов С. Н. 21, 58
Селевк VI 283
Селевкиды 246, 283
Сергеевич В. И. 8–10, 14, 20–21, 24–25, 89, 103, 109, 154, 166, 192, 211, 215, 218, 227, 231, 235, 250, 258, 282–283, 285, 305–306, 308, 312, 325–326, 334, 345
Сергий, патриарх 243
Серебрянский Н. 120, 321
Сила 241
Сильвестр, игумен св. Михаила 107
Сильвестр, император 242
Сильвестр, св. 243
Симон, вождь сикариев 247–248
Симон, епископ владимирский 143
Смирнов И. И. 128
содомские князья 242
Соколов Пл. 144, 148, 318, 320
Соловьев К. А. 14, 154, 304, 338
Соловьев С. М. 7, 121, 124, 258, 287, 291, 293, 325
Соломон 47, 58, 241, 249, 316
Солон 47
Софроненко К. А. 25
Спиридон, епископ новгородский 71, 96, 319
Срезневский И. И. 21–23, 29, 50, 52–53, 72, 88, 105, 108, 134, 177, 253
Станислав Дернович 274
Станислав, переяславский тысяцкий 307
Станиславиичи 314
Станков Ростислав 39, 252
Старченко Н. П. 18, 299
Степан Твердиславич 346
Стефановић Димитрие 47
Страхов А. Б. 18
Судило Иванкович 279
Судислав, боярин галицкий 238, 314, 316
Тарнопольская И. О. 337
Татищев В. Н. 7, 19, 120, 128, 267, 328
Твердислав, посадник новгородский 188, 231, 234, 275, 313, 338
Творогов О. В. 22, 39, 41, 52, 75, 241, 272
Темчин С. Ю. 18, 106
Тит, сын Веспасиана 238
Титмар Мерзебургский 163
Тихомиров М. Н. 12, 20, 100, 103, 120–121, 127–128, 154, 211, 228, 250–251, 253, 256, 258, 263, 291, 294, 307, 317, 340

Толочко А. П. 17, 24, 39, 45, 56, 61, 65, 79, 99, 113, 129–131, 134, 147, 229, 250, 267, 280–281, 286–287, 305, 307–308, 321, 328, 330, 339
Толочко П. П. 12–13, 25, 39, 79, 113, 128–129, 131, 202, 205, 228, 230–231, 250, 286–287, 289, 291–293, 307, 340–341, 349
Торконяк Роман (др. Рафаил) 51
Тот Имре 57
Тъпкова-Заимова Василка 96, 257
Улеб 275, 280
Успенский Ф. Б. 67, 188, 217
Уткин А. А. 25
Фасаил 244
Феврония св. 59, 66, 92
Федор Ярославич 251, 267
Федорец 144, 146
Феннел Дж. 196
Феодор владыка 145–146
Феодорит Кирский 21
Феодосий II, император 111, 242
Феодосий св. / Феодосий Печерский 51, 60, 67, 71, 74, 92, 100, 107, 167, 252, 298
Феокист, епископ черниговский 107
Филин Ф. П. 72, 74
Филиппов А. 334
Филюшкин А. И. 175
Флавий – см. Иосиф Флавий
Флоря Б. Н. 253
Фока, воевода 242–243
Фока, император 243
Фонт Марта 99, 323
Фотий, патриарх 243
Франчук В. Ю. 32, 349
Фроянов И. Я. 13–14, 20, 25, 34, 103, 117, 120–121, 124, 126, 128, 154, 192, 226, 230, 251, 258, 278, 286–287, 289, 292, 295, 307, 325–326
Хауптова Зоя 47, 60
Хорошев А. С. 264, 317, 319
Хорошкевич А. Л. 105, 250, 253, 255–257, 311
Христофор мч. 50, 59, 92
Хубилай хан / Кутлубий 315
Цейтлин Р. М. 52
Цыб С. В. 156
Чаргова чадь 314
Чагровичи 323
Чебанова Е. И. 230
Черепнин Л. В. 12, 25, 73, 127, 218, 250–251, 258–259, 286, 340
Чернышева М. И. 243
Шахматов А. А. 17, 33, 39, 44–45, 64, 93, 121–122, 128, 257

Шварн 80
Шибает М. А. 74
Щавелева Н. И. 229, 343
Щапов Я. Н. 146, 317
Щигел Р. 99
Юдифь 51, 239
Юрий Андреевич 81
Юрий Володимирч / Юрий Долгорукий 28, 32, 55–57, 73, 80, 119,
123, 129, 134, 146, 148, 152–153, 155–156, 169–171, 178–179, 192–
195, 202–206, 209–211, 218–221, 224, 233, 272, 276, 279–280, 287,
290, 292, 294, 296, 301–305, 314, 320, 323, 341
Юрий Всеволодич 36, 64–65, 77, 105, 110, 136, 142, 183–185
Юрий Игоревич 136
Юрий Львович 97, 302
Юрьева княгиня 55
Юрьевичи, дети Юрия Долгорукого 270, 281
Юстиниан / Оустиниан 242
Юшков С. В. 11–13, 228, 340
Яков, тысяцкий новгородский 296
Яковец (из берестяной грамоты) 85
Якун Мирославич 171, 275, 279
Якун Моисеевич 251–252
Якун, боярин Ростислава Мстиславича 275
Якун, посланец Онаньи посадника 254
Янин В. Л. 12–13, 34, 87, 103, 126, 156, 158, 169, 181, 228, 230, 250–
251, 253–257, 260, 275, 277–278, 286–287, 289–291, 294, 296, 307,
309, 311–312, 317, 323
Ярополк Володимирч 80, 146, 215–217, 286–289, 292–294, 296–297,
303, 305, 332
Ярополк Изяславич 85, 214
Ярополк Ростиславич 73, 81, 119–120, 122, 124, 126–127, 150–151, 308,
310
Ярополк Святославич 49, 79
Ярослав Володимирч, сын Володимира Мстиславича 69, 77, 189, 303,
307, 347
Ярослав Володимирч, сын Володимира Святославича / Ярослав
Мудрый 28, 38, 77, 83–84, 91, 157–159, 162–163, 204, 210, 213, 224,
298, 302–303, 304–307, 332, 340, 350
Ярослав Володимирч, сын Володимирка Володаревича 89, 103, 108,
110, 135, 239, 305, 314, 323
Ярослав Всеволодич, сын Всеволода Юрьевича 35–36, 50, 77, 136,
138–139, 142, 174–175, 183–185, 186, 188, 190–192, 198, 200, 202,
223, 251, 253, 260–261, 267–268, 270, 284, 304, 306, 319, 345–346
Ярослав Всеволодич, сын Всеволода Ольговича 46
Ярослав Изяславич 62, 195, 220, 308, 310
Ярослав Мстиславич 82, 123, 150–151

Ярослав Святополчич 95, 130, 236
Ярослав Святославич 107, 332
Ярослав Ярославич 68–69, 95, 180–183, 227, 263–264, 269–270, 307,
309, 311–312
Ярославичи 68, 163, 302, 306, 340, 349
Яцимирский А. И. 321

Altbauer Moshe 58
Banaszkiewicz Jacek 113
Bech H–G. 22
Berkhofer Robert F. 113
Brown T. S. 235
Brown Warren 112, 114
Dalewski Zbigniew 142, 147, 320–321
Deptuła Czesław 39, 330
Dimnik Martin 160, 221, 287, 293, 308
Gall Anonim 39, 142, 229, 330
Grafton Anthony 6
Granberg Jonas – см. Гранберг Йонас
Grzezik Ryshard 325, 344
Halsall Gay 16, 28, 112, 229, 235
Hansack Ernst 50, 59, 71, 75, 253
Hicks Michael 271, 277
Hilsh P. 318
Kambylis A. 22
Keydell R. 22
Ludat Herbert 100
Lunt Horace G. 58
Michalowski Roman 344
Mink Luis O. 114
Nelson Janet L. 112
Olabari Ignacio 7, 15
Ostrowski Donald 41
Petrauskas Rimvydas 341
Podskalsky Gerhard 61, 68, 108, 143–144, 146, 161, 328
Reuter T. 112
Reynolds Susan 21
Schmidt Knud Rahbek 40, 80, 90
Spigel Gabrielle M. 113
Timberlake Alan 36, 78, 265
Trakowski Stanislaw 278
Waldman Marilyn R. 297
White Haden 6, 113–116, 297
Zernack Klaus 7, 13, 29, 74

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Андреевский монастырь в Киеве 107
Антиохия 22, 71, 238–240, 252
антиохияне 236, 238, 247, 253
Аполонова церковь 245
Аравия 246
афиняне 47, 240
бежичане 312
Белгород 13, 48, 210, 239, 299
белгородцы 48–49, 109, 210–211
берендеи / берендичи 79, 81, 110, 193, 212, 214
Берестово / Берестовое 128, 204, 307, 320
Беретье / Берестии 69, 170
беретьяне 43, 329
Благовещения церковь в Новгороде на Городище 33
Боголюбиво 51, 143, 236
боголюбцы (жители Боголюбова) 49
Богородицы монастырь в Новгороде 54
Богородицы церковь в Галиче 97
Богородицы церковь в Киеве / Десятинная 209
Богородицы церковь в Рязани 124
Богородицы церковь в Смоленске 317
Богородицы церковь в Суздале 219
Богородицы церковь во Владимире-Волынском 230
Богородицы церковь во Владимире-на-Клязьме 55, 123, 143–144, 308, 310
Болгария 16, 60, 96
болоховские князья 274
Бориса и Глеба церковь на Смядыни 126
Брягинь 86
Брячиславль двор в Киеве 230
Варвары монастырь в Новгороде 86
варяги 266, 271, 302, 305, 308
Василев 209
василевцы 211
Великая церковь – см. София Константинопольская
Венгрия / Угры / Угорская земля 82, 95, 199, 323
венгры / угры 82, 86, 99, 133–134, 158, 200, 237, 306
Византия 96, 144, 157, 257, 307, 317
Владимир (на-Клязьме) / Володимирь 34, 47, 49, 55–56, 64, 68, 71, 73, 77, 82, 99, 102, 105, 109, 119, 121, 123, 124, 137–140, 143–145, 150, 164–165, 183, 186, 190–191, 227, 230–232, 249–250, 259, 262, 264, 299, 308, 317, 332, 339, 341

Владимир-Волынский / Володимирь 36, 44, 49, 51, 86, 95, 197–199, 201, 219, 230, 294, 299, 314, 332, 349–350

Владими́ро-Суздальская земля / Влади́миро-Суздальское княжество / Влади́миро-Суздальская Русь 12, 35–36, 45, 68, 81, 109, 120–121, 123–125, 142–145, 148–149, 166, 175, 202, 219, 232, 250, 258–259, 262, 264, 280–281, 308, 317, 340–342

влади́мирцы / володи́мирцы (жители Владимира-Волынского) 36, 42–43, 49, 69, 97, 99, 199, 314, 349–350

влади́мирцы / володи́мирцы (жители Владимира-на-Клязьме) 37, 42, 44, 47, 56, 73, 81, 87, 93, 109–110, 119–121, 124–125, 127, 142–143, 231–234, 250, 258–259, 261, 264, 273, 281, 308, 310, 315, 332–333, 339, 341, 343

Влахернский дворец 240, 261, 265–267

вожане 70

Вознесения монастырь во Владимире 124

Волга 32, 166, 193–194, 218–219

Волок / Волок Ламский 77, 82, 150, 176

Волхов 270

Волынь 109, 199, 294

воляняне / волянцы 41, 281

Всеволож монастырь в Киеве 214

Вышгород 29, 214, 296

Вятка 8

Галилея 245

Галицкая земля 102, 108, 132, 189, 201, 329

Галицко-Волы́нское княжество / Галицко-Волы́нская Русь / Галицко-Волы́нская земля 12, 25, 89, 105, 132, 196, 199–200, 308, 340

Галич 12, 47, 76, 89, 97, 103, 105, 132–133, 135, 164, 195–201, 208, 230, 232, 234–235, 237, 249, 260, 268, 274, 280–281, 298–299, 314, 316, 329, 340, 347

галичане 25, 42–45, 47, 50, 89, 97, 99, 132–134, 164, 196–199, 201–202, 230, 232, 234–235, 238, 274, 282, 298, 314, 316, 323, 329, 337, 343, 346–347

галлы 242

германцы 7, 306, 311

Голгофа 61

Голино 70

гоморрские люди 242

Городище 14, 63, 166, 181, 255–256, 313

Городок 214

Готский берег / Готланд 306–307, 312

греки 78–79, 90–91, 101, 104, 147, 240, 298, 307

дмитровцы 77

Днепр 203, 214

Дорогичин 69, 71

Дорогобуж 214
древляне / древляны 41, 79, 85
дреговичи 41
Друцк / Дреютьск 46, 233
дрючане 47
Европа 16–17, 21, 30, 33, 78, 89, 91, 103, 111, 113, 130, 139, 146, 160,
231, 275–276, 286, 291, 301, 318, 322, 337
Египет 59, 106
Ждана Гора 292, 294, 296
Желянь 212, 214
жиды 129–131, 243
Звенигород 199, 299
зимегола 85
Иерусалим 108, 237, 239–240, 244–248
ижера 70
Израиль / Израильское царство 47, 83–84, 106, 241–242
Ильи церковь в Новгороде 181, 229, 255
иудеи 242, 244–246
Иудейское царство / Иудея 130, 245
Ишня 77
Калиш 24
Каменец 274
Киев / Кыев 12–13, 17, 25–26, 28, 30, 32, 35, 54–57, 62, 64, 68–70, 77,
80, 83, 85, 88, 93, 99, 109, 128–131, 136–137, 141, 143, 145–146,
148, 152–155, 157–158, 160, 164–169, 171, 173–174, 176, 178–180,
192–196, 201–206, 208, 210–216, 218, 221–222, 228, 230–231, 252,
273–274, 278–279, 281, 284, 286, 288–294, 296–299, 303–304, 308,
310, 313, 315, 318, 328, 331–332, 334–335, 337–338, 340–341
киевляне / кьяне / кияне 25, 27–30, 37–38, 40–42, 44–47, 49, 51–56, 61,
68, 74, 80–83, 87, 99, 102, 106, 108, 111, 118, 126, 128–131, 152–156,
194, 202–206, 209–211, 213, 215–217, 221, 226–231, 233–237, 239,
252, 273–275, 280, 282, 284–285, 293, 295, 298, 301–302, 308–310,
314–315, 321, 327–329, 331, 334, 338–339, 341, 343–345, 347, 349
Киевская земля / Киевская область 10, 12–13, 25, 81, 83, 130, 154, 189,
202, 205, 211–212, 214–215, 218, 228, 230–231, 292–293, 299, 305,
340–341
Колокша 120–121, 123–127, 156
Коломна 124, 137, 139
Константинополь – см. Царьград
константинопольцы 265
Копорья 304
корела 69
курсунцы 49, 314
Корсунь 239
Красный двор Юрия Долгорукого 203

Курск 293, 299, 302
куряне 43
Ладога 8, 86, 95, 176–177, 179–180
ладожане 69, 87, 95, 293
лагиняне 266
лехиты 230
Липица 35–36, 260, 303
Листвен 84
литва 34–35, 69, 188, 232, 251, 260, 306
логожане 47
Ложск 46
лужане 50
Луки / Луки / Великие Луки 77, 166, 186–187, 233, 335
Луцк 94
Любеч 158–159
Люблин 163
Людин конец в Новгороде 313
Лядская земля – см. Польша
ляхи – см. поляки
македоняне 283
Медвежа Голова 273
Микулин 214
Минск / Мѣнск 233
Михаила собор в Переяславле 211
Михайловский Златоверхий монастырь в Киеве 48, 107
Монголия 236, 315
монголы 250, 255–257, 315
Мопсуеста 283
Моравия 60
Московское царство / Московская Русь 5, 11
Муром 138, 157, 160, 191, 221–222
Муромская земля 157
муромцы 49, 168
На Золотых вратах церковь во Владимире 144
немцы 103, 307–308, 347
Неревский конец 313
Нередицкий холм в Новгороде 220
Низ / Низовская земля 78, 256, 262–263, 269
Николы собор в Новгороде / Николо-Дворищенский собор 181, 220,
230, 240, 253–255, 313
Новгород 6–8, 12–14, 24, 28–34, 36, 38, 45, 47, 52, 54, 57, 62–63 65,
68–69, 80, 91, 95–96, 100, 103, 108, 119–120, 123, 127, 132, 139, 141,
149, 151, 156–160, 165–171, 174–176, 178–180, 182–185, 187–189,
192, 205, 208, 215, 217–221, 225, 227, 229–234, 249–257, 259–264,
267–270, 273–275, 277–279, 281, 285–294, 296–299, 304, 306–313,
316–319, 329, 334–335, 340, 342, 344, 346–347, 351

Новгород-Сиверский 49, 51, 88
Новгородская земля / Новгородская волость 24, 30, 35–36, 69, 81, 86,
102–103, 167, 180, 187, 218, 220, 318, 338
новгородцы 24–25, 27–32, 34–38, 40–47, 57, 61–62, 65, 68–69, 73, 77,
80–81, 83, 86–87, 109–110, 118, 123, 126–128, 133, 138–141, 147,
149–151, 155–157, 159, 162, 164–189, 195, 207, 210, 217–221, 224,
226–235, 249–256, 260–264, 267, 269–270, 273–275, 277, 286–297,
299, 301–307, 308–314, 319–323, 327, 329, 331–332, 334–339, 342,
344–348, 350
новгородцы-сиверские 73–74, 88, 328
новоторжцы 149, 151, 181, 189, 219, 260, 263, 306
обонижане 312
Ока 190
ониполовицы (жители Оной стороны Новгорода) 229, 313
Орда 45, 77
Париж 63
Пантелеймонов монастырь в Новгороде 309
Переворск 69, 71
Перемышль 268, 274, 319
Перепетовы 209
Пересечен 176
Переяславль-Новый / Переяславль-Суздальский / Переяславль-
Залесский 25, 36, 43, 73, 77, 183–184, 188, 223, 249, 299
Переяславль-Южный / Переяславль-Русский 43, 49, 87, 102, 125, 129,
152, 193–194, 198, 208, 211, 273, 293–294, 299, 314, 318, 321
Переяславская земля / Переяславское княжество 192, 215, 288
переяславцы (жители Переяславля-Суздальского) 42–45, 68, 81, 87,
120, 223, 249, 258–259, 270
переяславцы (жители Переяславля-Южного) 41, 43, 49, 192–195, 239,
303, 305, 346
Петра монастырь в Ростове 143
печенеги 48–49, 75, 80, 214
пиняне 43
Плоская 186
Подвиные 308
Поднепровье 308
Половецкая земля 216
половцы 68, 79–80, 82, 84, 86, 123, 126, 152–153, 157–158, 160, 191,
193, 196–197, 213, 216, 222, 280, 288–290, 305
Полоцк / Полтеск 12, 46, 49, 51
Полоцкая земля 307
полочане 25, 37, 46–47, 109, 166, 168, 226, 233–235, 299, 334
Польша 73, 93, 163, 297
поляки 69, 76, 103, 199
поляне 41

Поросье 211
поршане 193, 211
Посульское 289
Преображения Господня церковь в Новгороде 220
Приильменье 14
Прилук 288
Пронск 136–140, 191–192, 299
проняне 136–140, 300
Пруская улица в Новгороде 313
Псков / Плесков / Пльсков 8, 35, 65, 68, 78, 80, 103, 127, 181, 227, 251,
257, 274, 296, 303, 306–307, 312–313, 316–317, 347
псковичи / пльсковичи 32, 35, 69, 80, 87, 191, 218, 228, 230, 273–274,
287, 293, 296, 303–304, 347
путивльцы 328
Равенна 235
Раи, двор Юрия Долгорукого 203
Рига 303, 305, 307
Рим 242, 244–245
римляне 220, 237, 239, 242, 244–246
Римов 49, 51
Рождества Богородицы монастырь во Владимире-на-Клязьме 143
Рождества Христова церковь в Новгороде 181, 229, 255
Россия 7, 9–10, 13–14, 20, 29, 89, 124, 158, 166, 175, 230, 250, 258, 287,
291, 308, 312
Ростов 55, 64, 77, 143, 145, 148, 156, 158, 160, 218, 233, 249–250, 259,
264, 273, 292, 296, 335
Ростовская земля 143, 220, 273
ростовцы 42–45, 47, 68–69, 73, 77, 81, 87, 93, 102, 109, 119, 121,
123–124, 127, 146, 148, 224, 233, 258–260, 264, 270, 273, 281, 317,
332–333, 341
Рось 193
Руса 275
Руская земля / Руськая земля 12, 35, 38, 62, 83, 99, 101, 125, 131,
133–135, 146, 155, 159, 193, 198, 205, 212, 215, 218–219, 222, 250,
282, 291, 306, 315, 350
Русь 6, 8–18, 19–22, 25–26, 28, 32–33, 35–36, 39–40, 46, 50–51, 53–54,
67–68, 72–74, 78–79, 81–82, 86, 91–92, 101, 103–105, 108, 111–113,
120–136, 141, 144, 146–147, 149, 154, 156–159, 163–166, 169, 171,
174–175, 189, 196, 198–200, 202, 205, 207, 209–211, 215, 218–219,
221, 228, 231, 237–238, 240, 244, 250–251, 253, 256, 258–259, 268,
272–273, 275–277, 280–281, 283, 286–287, 289–295, 299, 307–309,
312, 315–321, 325–326, 328–330, 333–334, 349, 354
Рязанская земля 34, 110, 136, 189, 300
рязанцы 44, 110, 119–120, 124, 126, 136–142, 168, 190–192, 227, 231,
284, 300, 311

Рязань 34, 77, 81, 110, 124–125, 136–142, 164–165, 190–191, 208, 221–
222, 227, 234, 262, 285, 299–300
Самария 241
Санок 198
Святых 40 мучеников церковь в Новгороде 313
северяны 41
Сейм 293
Сить 77
славяне 7, 306, 311
Словенская страна 242
Смоленск 12, 47, 64–65, 122, 156–160, 164–165, 218–219, 221, 306–307,
317, 321
Смоленская земля 188, 292
смольняне 25, 30, 40, 46–47, 62, 64–65, 74, 87–88, 119, 161, 166, 168,
222, 232, 238, 274, 281, 287–289, 300, 304–305, 307, 309, 321–322,
338–339, 343
Смядынь 126
солуняне / селуняне 243
Софии собор в Киеве 53, 68, 205, 230, 329
Софии собор в Новгороде 54, 70, 149–150, 181–182, 186, 188, 230,
253–254, 256–258, 263–264, 319
Софийская сторона в Новгороде 235, 254–256, 329
София Константинопольская / Великая церковь 107, 195, 240, 243, 261,
265
Спаса монастырь в Киеве на Берестовом 107, 204, 320
Спаса собор в Переяславле-Суздальском 223
Стародуб 49, 51, 157, 160, 221–222, 315
Судомир 69, 71
Суздаль 12, 30, 34, 69, 71, 119, 143, 145, 148, 164–165, 170, 173, 179–
180, 184–185, 187, 193, 198, 202, 219, 225, 233, 258, 262, 264, 279,
287, 290, 292, 299, 303, 314, 335, 341
Суздальская земля / Суздальская область 27, 145, 157, 217, 260, 262–
263, 273, 292
суздальцы / суждалци 42–45, 69, 73, 81, 87–88, 119, 123–124, 127, 146,
148, 186–188, 195, 203–204, 206, 224, 233, 259, 264, 280, 292, 317,
335, 341
Сула 288
Супой 293, 295
США 236
Сюурлий 68
татары 255–257, 262–263, 315
Тверское княжество 253
Тферь / Тверь 186
Тивериада 245
Тмутаракань 298

Торговая сторона в Новгороде / «Торговьи пол» 229, 235, 254, 256, 329
Торговище в Киеве 230, 241
Торжок / Новый Торг 35–36, 127, 149–151, 164–166, 176, 179, 181,
186–189, 249, 260, 290
торки 80, 82, 193, 214, 239
Торопец 166, 186–188
Торческ / Торцкий 239
Треполь 214
Турова божница 29, 229–231, 328
туровцы 43
турпеи 80
Углич поле 218
Угорское 230
Угры – см. Венгрия, венгры
Украина 10, 18–19, 25, 132, 134, 144, 146–147, 154, 166, 169, 175, 196,
198, 200, 202, 205, 209–211, 218, 221, 287, 291, 293, 307
Феодоров монастырь в Киеве 194
Фрайбург 306
фряги 91, 103, 249, 261, 265–267, 272, 300
Ходыничичи 188
Холм 164, 232
Хутино 251, 268, 320
Царьград / Константинополь / Константин град 57, 91, 103, 141, 146,
149, 239, 245, 249, 253, 261, 265–267, 272, 300
Церковь Бориса и Глеба в Вышгороде 131
Чернигов 12, 28, 68, 74, 133–134, 136, 138, 145, 152–153, 155, 157, 169,
203, 205, 228, 268, 275, 282, 285, 287–290, 292, 295, 299, 301, 303,
315, 332, 343
Черниговская земля / Черниговское княжество 124, 132, 157, 281, 293
черниговцы 28, 41, 45–46, 87–88, 139, 217, 237, 281, 293, 295, 300,
331–333
черные клобуки 81–83, 211–214, 274, 280, 328
Чудская земля 127
чудь / чюдь 228, 273–274
Юрьев / Георгиев монастырь в Новгороде 254
Юрьев г. 123
Ярославль г. 218, 315
Ярославль двор в Киеве 28–29, 54, 229–230, 328
Ярославль двор в Новгороде / Ярославово дворище 34, 174, 218, 229–
230, 251, 253, 255, 303

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамович Д. И.* Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. СПб., 1916.
- Абрамович Д.* Киево–Печерський Патерик. К., 1991 (репринт: Абрамович Д. Киево–Печерський Патерик. К., 1931).
- Алексеев Л. В.* Полоцкая земля в IX–XIII вв. (Очерки истории Северной Белоруссии). М., 1966.
- Алексеев Ю. Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова // Исторические записки. М., 1979. Т. 103. С. 242–274.
- Алешковский М. Х.* Новгородский летописный свод конца 1220-х годов // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 104–111.
- Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.
- Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XIV вв. // Советская археология. 1974. № 3. С. 100–112.
- Алешковский М. Х.* «Повість временних літ» та її редакції // УІЖ. 1967. № 3. С. 37–47.
- Андреев В. Ф.* Александр Невский и Новгород // Средневековая и Новая Россия. СПб., 1996. С. 244–253.
- Андреев В. Ф.* О социальном составе новгородского веча // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1989. Вып. 11. С. 70–80.
- Анкерсмит Ф. Р.* Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 142–163.
- Апракос Мстислава Великого / Под ред. Л. П. Жуковской. М., 1983.
- Архангельское Евангелие 1092 года. Исследование. Древнерусский текст. Словоуказатели / Изд. подг. Л. П. Жуковская, Т. Л. Миронова. М., 1997.
- Багалій Д. І.* Нарис історії України на соціально-економічному ґрунті. Харків, 1928. Т. 1.
- Беляев И. Д.* Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 1906.
- Бережков Н. Г.* Хронология русских летописей. М., 1963.
- Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы: Тексты, перевод, комментарий. М., 1997.
- Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985.
- Билоус Н. О.* «Вірність» і «зрада» у світосприйнятті міщанства Київщини та Волині в XVI – першій половині XVII ст. // Соціум. К., 2006. Вып. VI. С. 141–160.
- Бойцов Ю. Г.* «Ребенок и глупец избрали короля» // Казус. М., 1996. С. 111–135.
- Бугославський С.* Україно-руські пам'ятки XI–XVIII ст. про князів Бориса та Гліба. К., 1928.
- Буров В. А.* Сотенная структура древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1989. Вып. 2. С. 56–58.

Ведюшкина И. В. «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в. // ДГ 1992–1993. М., 1995. С. 101–116.

Ведюшкина И. В. Термин «таль» в контексте дискуссии об «узком» и «широком» понимании Русской земли // Восточная Европа в древности и средневековье. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. XVIII. М., 2006. С. 18–21.

Верецагин Е. М. Церковно-славянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М., 2001.

Вилкул Т. Л. Давньоруське «чадь»: соціальна інтерпретація терміна і поняття // УІЖ. 1997. № 4. С. 68–76.

Вилкул Т. Л. До портрета Мономаха. Тексти і версії // УІЖ. 2004. № 1. С. 53–72.

Вилкул Т. Л. «И седе... Кыеве»: (к характеристике одного из источников Новгородской первой летописи старшей редакции) // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его текст. XV. М., 2003. С. 36–40.

Вилкул Т. Л. Краткий Троицкий хронограф конца XIV – начала XV в. // Ruthenica. К., 2007. VI (в печати).

Вилкул Т. Л. Летописные «бояре» и «чернь» на вече (XII–XIII вв.) // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 59–85.

Вилкул Т. Летописные вставки из Повести временных лет и Сильвестровско-Минейной редакции Сказания о св. Борисе и Глебе // Ruthenica. К., 2006. V. С. 37–72.

Вилкул Т. Л. Літописна повість про вбивство Ігоря Ольговича 1147 р. // Київська старовина. 1999. № 6. С. 24–36.

Вилкул Т. Л. «Литредакция» летописи (о вставках из Александрии Хронографической в Киевском своде XII в.) // Герменевтика древнерусской литературы (в печати).

Вилкул Т. Л. Новгородская первая летопись и Начальный свод // Palaeoslavica. XI. Cambridge, Massachusetts, 2003. P. 5–35.

Вилкул Т. Л. Новгородцы и русские князья в летописании XII в. // Russia Mediaevalis. München, 2002. T. X, 1. S. 34–54.

Вилкул Т. Л. О некоторых источниках литовских известий Галицко-Волынской летописи // Lietuvos didžiosios kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2006. S. 17–30.

Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки) // Palaeoslavica. Cambridge, Massachusetts, 2005. XIII, no. 1. P. 21–80.

Вилкул Т. Л. Повесть временных лет и Хронограф // Palaeoslavica. XV. (в печати)

Вилкул Т. Л. Хронологические сбои в Новгородской первой летописи (текст за первую треть XIII в.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Время источника и время в источнике. XVI. М., 2004. С. 19–24.

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. К.; СПб., 1888.

Водов В. К истории оформления докончаний Новгорода с князьями в XIII в (наблюдения над политической лексикой) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 53–58.

Воронин Н. Н. К характеристике владимирского летописания 1158–1177 гг. // Летописи и хроники, 1976 г.: М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976. С. 27–52.

Галицько-Волинський літопис / За ред. М. Ф. Котляра. К., 2002.

Генсьорський А. І. Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). К., 1961.

Генсьорський А. І. Галицько-Волинський літопис (процес складання; редакції і редактори). К., 1958.

Гимон Т. В. В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII–XIII вв.)? // ДГ 2004. С. 291–333.

Гимон Т. В. Как велась Новгородская погодная летопись в XII веке? // ДГ 2003. М., 2005. С. 316–352.

Гимон Т. В. К характеристике летописного перечня новгородских посадников // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Проблемы культуры и культурного наследия: Докл. третьей науч. конф. (Муром, 17–20 мая 2000 г.). М., 2003. С. 128–136.

Гимон Т. В. Новгородское летописание первой четверти XIII в.: хронология и процесс пополнения летописи // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 80–118.

Гимон Т. В. Новгородское летописание XII–XIII вв.: проблема отображения событий для фиксации // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 334–348.

Гимон Т. В. Статья 1049 г. Англо-Саксонской Хроники: опыт «микротекстологии» // Номо Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного. М., 2003. Кн. 1. С. 385–395.

Гимон Т. В., Гиппиус А. А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 18–47.

Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.

Гиппиус А. А. К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 345–363.

Гиппиус А. А. Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи. Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1996.

Гиппиус А. А. О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII века // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. 11. С. 164–182.

Гиппиус А. А. Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции. Ч. 1–2 // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). (2); 2004. № 2 (8).

Гиппиус А. А. «Суть людие новгородци от рода варяжьска...» (Опыт генеалогической реконструкции) // Восточная Европа в древности и в средневековье. XIII. М., 2001. С. 59–62.

Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1901. Т. 1. Ч. 1.

Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. К., 1895.

Городское право Фрайбурга // Западное средневековье в письменных памятниках. [Приложение к ежегоднику «Средние века». Вып. 1. Средневековый город / Под ред. А. А. Сванидзе, сост. Е. Е. Бергер, перевод и комм. А. Л. Рогачевского.] М., 2006. С. 15–42.

Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...» Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001.

Горский А. А. Город и дружина в Киевской Руси // Феодалы в городе: Запад и Русь. М., 1996. С. 10–18.

Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989.

Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV вв. Пути политического развития. М., 1996.

Горский А. А. Русь от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

Градовский А. Государственный строй древней России. Исторические очерки В. И. Сергеевича // Сборник статей по русской истории. М., 1869. Вып. 20. С. 101–110.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: функции и терминология // ДГ. М., 2004. С. 3–163.

Гранберг Ю. Совет господ Новгорода в немецких источниках // ДГ 1998. М., 2000. С. 78–87.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М.; Л., 1953.

Григоровичев Паримејник / Сост. Рибарова Зденка, Хауптова Зое. Скопје, 1998.

Гринев Н. Н. Краткая редакция «Русской Правды» как источник по истории Новгорода XI в. // НИС. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 20–42.

Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава Мудрого до конца XIV в. К., 1891 (репр.: Грушевський М. С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV ст. К., 1991).

Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. II: XI–XIII віки. Львів, 1898 (К., 1992).

Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. III: До року 1340. Львів, 1900 (К., 1993).

Грушевський М. С. Історія української літератури. Т. II. К., 1993.

Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // ЗНТШ. Львів, 1901. Т. 41. С. 1–72.

Данилевский И. Н. А был ли казус? Некоторые размышления об одной перебранке, которой, вероятно, никогда не было... // Казус. 2003. С. 337–364.

Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М., 1999.

Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2000.

Данилевский И. Н. Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.

Дворниченко А. Ю. О характере социальной борьбы в городских общинах Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. Вып. 6. С. 82–92.

Дворниченко А. Ю. Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1988. № 1. С. 58–73.

Довнар-Запольский М. Ф. Политический строй Древней Руси. Вече и князь. М., 1906.

Древнерусские княжеские жития / Подг. текстов, перевод и комментарий В. В. Кукова. М., 2001.

Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1908.

Дьячан Вл. Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменений их государственного устройства в XIV и XV вв. Варшава, 1882.

Евсеев И. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. Введение и тексты. М., 1905.

Євсєвієве Євангеліє / Відп. ред. В. В. Німчук. [Пам'ятки української мови XIII ст., Серія канонічної літератури.] К., 2001.

Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Ч. 1.

Завадская С. В. «Болярин»–«боярин» в древнерусских письменных источниках // ДГ 1985. М., 1985. С. 89–94.

Завадская С. В. Возможность источниковедческого изучения «праздников» – «пиров» князя Владимира в летописных записях 996 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. М., 1990. С. 54–56.

Завадская С. В. К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках XI–XIII вв. // ДГ 1987. М., 1989. С. 36–43.

Завадская С. В. О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 101–103.

Завадская С. В. Социальные группы господствующего класса Древней Руси (исследование терминологии). Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1987.

Завадская С. В. Термин «болярин» в Изборниках 1073 и 1076 годов // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 79–83.

Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 57–117.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зименс Г. Вычисление Пасхи в Новгороде в XII в. // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 121–129.

Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. М., 1901. Ч. 1.

Иванова Н. П. Месяцесловные показания Синодального списка Новгородской Первой летописи // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1. С. 41–49.

Иконников В. С. Опыт русской историографии. К., 1908. Т. 2. Кн. 1.

Истрин В. М. Из области древнерусской литературы. I // ЖМНП. 1903. Август. С. 385–415.

Истрин В. М. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893.

Идейно-философское наследие Илариона Киевского. М., 1986. Ч. 1.

«История иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Изд. подг. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. М., 2004. Т. 1–2.

Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1: Текст. Пг., 1920; Т. 2: Греческий текст «Продолжения Амартола». Исследование. Пг., 1922; Т. 3: Словарь. Л., 1930.

Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М. 1897.

Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994.

Карамзин Н. М. История Государства Российского. СПб., 1818. Т. 1.

Карачорова И. Към въпроса за кирило-методиевия старобългарски превод на Псалтира // Кирило-Методиевски студии. София, 1989. Кн. 6. С. 130–245.

Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья // Русский город. М., 1976. С. 32–69.

Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России. IX–XIX ст. Пг., 1917.

Кириллин В. М. «Великий покаянный канон святителя Андрея, архиепископа Критского», в древнерусской переработке // Древняя Русь (вопросы медиевистики). 2003. № 3 (13). С. 79–94.

Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994.

Ключевский В. О. Боярская дума. М., 1883.

Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. М., 1987. Т. 1.

Книга нарицаема Косьма Индикоплов / Изд. подг. В. С. Гольщенко, В. Ф. Дубровина. М., 1997.

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985.

Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.

Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 62–120.

Коринный Н. Н. Переяславская земля. X – первая половина XIII века. К., 1992.

Костомаров Н. И. Начало единой державы в Древней Руси [Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Т. 12]. СПб., 1872. С. 3–152.

Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (Новгород, Псков, Вятка) [Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Т. 1]. СПб., 1863. С. 170–419.

Костомаров Н. И. Черты народной южнорусской истории // [Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Т. 1]. СПб., 1863. С. 3–168.

Котляр М. Ф. Галицько-Волинська Русь. К., 1998.

Котляр М. Ф. Галицько-Волинський літопис XIII ст. К., 1993.

Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998.

Котляр М. Ф. Політичні взаємини Києва і Новгороду в XII ст. // УІЖ. 1986. № 9. С. 19–29.

Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. К., 1985.

Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря Древней России. М.; Л., 1937.

Красова А. А. Борьба за Владимиро-Суздальскую Русь 70-х гг. XII в. Заключительный этап: Опыт реконструкции // *Ruthenica*. К., 2004. III. С. 103–123.

Кривошеев Ю. В. Князь, бояре и городская община Северо-Восточной Руси в XII – начале XIII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1982. Вып. 11. С. 110–123.

Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999.

Кривошеев Ю. В. Социальная борьба и проблемы генезиса феодальных отношений // Вопросы истории. 1988. № 6. С. 49–63.

Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. К., 1984.

Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 144–201.

Кузнецов А. А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII века. Нижний Новгород, 2006.

Кузьмин А. Г. Начальные этапы русского летописания. М., 1977.

Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до сер. XVI в. М., 1965.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

- Купчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти. Львів, 2004.
- Кучера М. П.* Переяславское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 118–143.
- Кучкин В. А.* Десятские средневековой Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 171–251.
- Кучкин В. А.* Ранние свидетельства о сотских и сотнях // Древняя Русь (вопросы медиевистики). М., 2006. № 1 (23). С. 10–23.
- Кучкин В. А.* «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // ДГ 1992–1993. М., 1995. С. 74–100.
- Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Латиноязычные источники по истории Древней Руси. М., 1989.
- Лемешкин И.* Пространная редакция Хроники Иоанна Малалы по рукописи И. Е. Забелина № 436 // “Rýžoviště zlata a doly drahokamů...” Sborník pro Václava Huňáčka. Praha, 2006. S. 513–542.
- Летописец Еллинский и Римский. Т. 1: Текст. СПб., 1999; Т. 2: Комментарий и исследование О. В. Творогова. СПб., 2001.
- Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987.
- Линниченко И. А.* Вече в Киевской области. К., 1881.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Агиография и выбор имени в Древней Руси // Славяноведение. 2005. № 4. С. 25–42.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006.
- Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986.
- Лосева О. В.* Две стадии формирования второй редакции Пролога (предварительные наблюдения) // Древняя Русь (вопросы медиевистики). М., 2006. № 1 (23). С. 59–63.
- Лукин П. В.* Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 70–130.
- Лукин П. В.* Древнерусские «вои». IX – начало XII в. // Средневековая Русь. М., 2005. Вып. 5. С. 5–58.
- Лукин П. В.* К вопросу о так называемом совете в домонгольской Руси // ДГ 2003. М., 2005. С. 132–142.
- Лукин П. В.* О так называемой многозначности понятия «вече» в русских летописях. Домонгольское время // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В.А. Кучкина. М., 2005. С. 36–83.

Лукин П. В. Ранние нелетописные упоминания веча // Древняя Русь (вопросы медиевистики). 2005. Сентябрь. №3(21). 2005. М., 2005. С. 58–60.

Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.

Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. XL. С. 190–205.

Лурье Я. С. К изучению летописной традиции об Александре Невском // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. L. С. 387–399.

Лурье Я. С. Критика источника и вероятность известия // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 121–127.

Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

Лучицкая С. И. Четвертый крестовый поход глазами русского современника // Византийский временник. М., 2006. Т. 65 (90). С. 107–125.

Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975.

Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.

Мавродин В. В. Народные восстания в древней Руси XI–XIII вв. М., 1961.

Мавродин В. В. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949.

Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001.

Макеева И. И., Пичхадзе А. А. Библиейские цитаты в древнерусской «Пчеле» // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 71–89.

Матвеев В., Щеголева Л. Книги временные и образные Георгия Монаха. М., 2006. Т. 1. Ч. 1–2.

Матичин Апостол (XIII век) / Приредили Радмила Ковачевић, Димитрије Стефановић. Београд, 1979.

Мельникова Е. А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // ДГ 2001. М., 2003. С. 48–92.

Мельникова Е. А. К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе // Становление Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. С. 38–41.

Мецкерский Н. А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. // ТОДРЛ. Л., 1954. Т. X. С. 120–135.

Мецкерский Н. А. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958.

Мецкерский Н. А. Источники и состав древнейшей славяно-русской переводной письменности IX–XIV вв. Л., 1978.

Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1904. Ч. 1.

Милютенко Н. И. Владимирский великокняжеский свод 1205 г. (Радзивиловская летопись) // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. XLII. С. 36–58.

Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. [Памятники древнерусской мысли. Исследования и тексты. Вып. 1.] СПб., 1999.

Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. К., 1984.

Моця А. П. «Дві імперії – два етноси?» По матеріалам круглого стола «Етнічні процеси у середньовічному слов'янському світі» // УІЖ. 2001. № 3. С. 21–25.

Мусин А. Е. 1165 год. Архиепископ Илья-Иоанн и комплекс церковных древностей с Феодоровского раскопа // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1996. С. 147–157.

Мусин А. Е. О некоторых особенностях древнерусского богослужения XI–XIII вв. (Церковь Преображения Господня на Нередицком холме в литургическом контексте эпохи) // НИС. СПб., 2000. Вып. 8 (18). С. 215–239.

Мусин А. Е. Христианская община средневекового города Северной Руси XI–XV вв. по историко-археологическим материалам Новгорода и Пскова. Дисс. д-ра ист. наук. СПб., 2002.

Назаренко А. В. Владимир Мономах и киевское столонаследие: традиция и попытка реформы // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004. М., 2006. С. 279–290.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.

Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 259–407.

Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 104–123.

Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969.

Насонов А. Н. Малоисследованные вопросы суздальского летописания XII в. // Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. X. С. 365–381.

Насонов А. Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). СПб., 2002.

Насонов А. Н. Об отношении летописания Переяславля-Русского к киевскому (XII век) // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 8. С. 467–494.

Насонов А. Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 2 (1186–1206). Рязань, 2003.

Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. Т. 1.

Никольский С. Л. Византийские чиновники и субъекты права русско-византийского договора 944 г. // Норна у источника Судьбы. Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М., 2001. С. 289–296.

Никольский С. Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 5–48.

Новгородская Первая Летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Носов Е. Н. Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволховья // В: Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя. СПб., 2005. С. 8–32.

Носов Е. Н. Огнищане и проблема формирования новгородского боярства // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 44–52.

Орлов А. С. Владимир Мономах. М.; Л., 1947.

Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. 1926. Л., 1926. XXXI. С. 93–126.

Орлов А. С. О галицко-волынском летописании // ТОДРЛ. Л., 1947. Т. V. С. 15–35.

Острожская Библия. Библия, сиречь книги Ветхаго и Новаго завета по языку словенску. Фототипическое переиздание текста с издания 1581 года. М.; Л., 1988.

Острожька Біблія / Підг. до вид. ермн. архимандрита др. Рафаїла (Роман Торконяк). Львів, 2003–2004.

Остромирово Евангелие. Факсимильное издание. М., 1988.

Остромирово Евангелие. М., 1843.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. Пг., 1924.

Павлова Р. Культ св. великого князя Мстислава у южных славян (материалы) // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. М., 2004. С. 76–94.

Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.

Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв.; Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. М., 1952.

Парамонова М. Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси. М., 2003.

Паримейник последней четверти XV в. из собрания Златоверхого Михайловского монастыря. НБУ, Михайл-Золотоверх. Ф. 307, 433п/1639.

Патерик Римский. Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе / Изд. подг. К. Дидди. М., 2001.

Пашин С. С. Галицкое боярство XII–XIII вв. // Вестник ЛГУ. Сер. 2. Л., 1985. Вып. 4 (23). С. 15–21.

Пауцто В. Т. Очерки истории Галицко-Волинской Руси. М.; Л., 1950.

Пауто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 11–127.

Петец В. Н. До питання про літературні джерела давньоукраїнського літопису // Збірник Історично-філологічного відділу УАН. Ювілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського. К., 1928. № 76. Ч. II. С. 213–219.

Петров А. В. От язычества к святой Руси. Новгородские усобицы. К изучению древнерусского вечаго уклада. СПб., 2003.

Петров А. В. Социально-политическая борьба в Новгороде в середине и второй половине XII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1988. Вып. 11. С. 25–41.

Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000.

Петрухин П. В. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // Russian Linguistics. 2004. 28. С. 73–107.

Печников М. В. Дело Авраамия Смоленского: за что был гоним праведник? // ДГ 2000. М., 2003. С. 346–359.

Писаренко Ю. Слепление Василька Тербовльського (1097). Мифологический подтекст // Соціум. К., 2003. Вып. III. С. 179–196.

Писаренко Ю. Г. Смоленський князівський стил за часів Володимира Мономаха // Археологія. 1989. № 4. С. 59–69.

Пичхадзе А. А. Корпус древнерусских переводов XI–XII вв. и изучение переводной книжности Древней Руси // Национальный корпус русского языка. 2003–2005 гг. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 251–262.

Пичхадзе А. А. Литературно-языковые и переводческие традиции в словоупотреблении церковнославянских памятников и русских летописей XI–XIII вв. // Русский язык в научном освещении. М., 2002. №2 (4). С. 147–171.

Плахонін А. «Сего не бывало в Русьской земли»: вплив візантійського права та пережитки кровної помсти в князівському середовищі // Соціум. К., 2003. Вып. III. С. 197–208.

Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 7: Период удельный. СПб., 1856.

Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. М., 1976.

Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996.

Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М., 1915. Ч. 1.

Полевой Н. История русского народа. М., 1829. Т. 1.

Поппэ А. В. Митрополиты киевские и всея Руси (988–1305 гг.) [Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв.] М., 1989. С. 191–206.

- Поппэ А. В.* Учредительная грамота смоленской епископии // Археографический ежегодник за 1965 г. 1966. С. 59–71.
- Правда Русская. Т. I: Тексты. М.; Л., 1940.
- Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909.
- Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Ч. 1. М., 1938; Ч. 2. М., 1939.
- Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940 (переизд. СПб., 1996).
- Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913.
- Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002.
- Прохазка Е. А.* О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. XLII. С. 228–241.
- Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXVIII. С. 77–98.
- Прохоров Г. М.* Радзивилловский список Владимирской летописи по 1206 год и этапы владимирского летописания // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. XLII. С. 53–76.
- ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1962 (1997); Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1962 (1998); Т. 3: Новгородская первая летопись. М., 2001; Т. 4: Новгородская четвертая летопись. М., 2000; Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись. М., 2000; Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001; Т. 16: Летопись Авраамки. СПб., 1889; Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М., 1949; Т. 30: Владимирский летописец. М., 1965; Т. 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989; Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.
- Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси X – первой половины XIII в. М., 1977.
- Расмуссен К.* «300 золотых поясов» древнего Новгорода // Skando-Slavica. 25. Copenhagen, 1979. S. 93–103.
- Расовский Д.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. М., 2002. С. 82–142.
- Рогачевский А. Л.* Меч Роланда. Правовые взгляды немецких горожан XIII–XVII вв. СПб., 1996.
- Рождественская Т. В.* К вопросу о лингвистическом изучении договоров Руси с греками X в. // «А се его серебро». Збірник праць на пошану члена-кореспондента НАН України Миколи Феодоровича Котляра з нагоди його 70-річчя. К., 2002. С. 33–40.
- Рожков Н. А.* Обзор русской истории с социологической точки зрения. СПб., 1903. Ч. 1.
- Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947.
- Романов Б. А.* Смердий конь и смерд (в летописи и «Русской Правде») // ИОРЯС. 1908. Т. XIII. Кн. 3. С. 18–35.

Романова О. В. О хронологии Галицко-Волынской летописи XIII в. по Ипатьевскому списку // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1997. С. 66–70.

Рубініштейн Н. До історії соціальних відносин Київської Русі XI–XII ст. // Наукові Записки наук.-досл. катедри історії української культури. Харків, 1927. IV–X.

Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. VI.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

Рыбаков Б. А. Политические идеи русских летописцев XII в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974. С. 18–22.

Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

Савицкий Е. Почему пишется история? Отрицание прошлого в «Церковной истории» Ордерика Виталия // Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного. М., 2003. Кн. 1. С. 416–437.

Самоковасов Д. Я. Древние города России. СПб., 1873.

Самоковасов Д. Я. Заметки по истории Русского государственного устройства и управления. СПб., 1870.

Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003.

Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996.

Сергеевич В. И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867.

Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2: Вече и князь. Советники князя. СПб., 1908.

Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М., 1915. Ч. 3.

Синайская Псалтырь. Глаголический памятник XI века / Подг. Сергей Северьянов [Памятники старославянского языка. Т. IV.] Пг., 1922.

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. в 10 т. Т. II (възалкати – добродѣтельникъ). М., 1989; Т. III (добродѣтельно – изжечися). М., 1990; Т. IV (изживати – моление). М., 1991; Т. VII (поклепанъ – пращоурь). М., 2004.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987; Вып. 2. Ч. 1–2. Л., 1989.

Словарь русского языка XI–XVIII вв. Вып. 2. М., 1975.

Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII вв. М.; Л., 1963.

Соколов Пл. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. К., 1913.

Соловьев К. А. Властители и судьи. Легитимация государственной власти в древней и средневековой Руси. IX – первая половина XV в. М., 1999.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1. СПб., 1851; Т. 2. СПб., 1852.

Соловьев С. М. Об отношении Новгорода к великим князьям. М., 1846.

Софроненко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI–XIII вв. М., 1955.

Средневековая и новая Россия. СПб., 1996.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М.; Л., 1958. Т. 1–3.

Станков Р. Из наблюдений над лексикой древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола // *Slavia Orthodoxa*. Език и култура. Сборник в честь на проф. Румяна Павлова. София, 2003. С. 380–389.

Станков Р. К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола // *Преславска книжовна школа*. Изследвания в памет на професор Иван Гълъбовъ. Шумен, 2004. Т. 7. С. 57–72.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1999.

Старченко Н. П. Конфлікт у Володимирі 1566 р.: варіант мікроісторичного прочитання // *Соціум*. К., 2004. Вып. III. С. 65–98.

Струмички (македонски) Апостол. Кирилски споменик од XIII век / Подг. Блахова Емилије и Хауптова Зое. Скопје, 1990.

Супрасльская рукопись / Подг. к изд. С. Н. Северьянов. СПб., 1904.

Тарнопольская И. О. «Божественное право королей» и «контрактная теория»: монархическая идея на западе и востоке Европы в XVI–XVII веках // *Царь и царство в русском общественном сознании (Мировосприятие и самосознание русского общества)*. М., 1999. Вып. 2. С. 49–58.

Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962; Т. 2. 1963; Т. 4. 1964.

Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.

Творогов О. В. Летописец Еллинский и Римский. Текстологические и источниковедческие проблемы // *Летописец Еллинский и Римский*. Т. 2. СПб., 2001.

Темчин С. Ю. Текстологическая семья Мстиславова евангелия: новые данные о группировке древнерусских списков полного апракоса // XII Международный съезд славистов. Краков, 27.08–2.09.1998. Доклады литовской делегации. Вильнюс, 1998. С. 133–231.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1946 (2-е изд., расшир., М., 1956).

Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания в Древней Руси. М., 1955.

Толочко А. «История Российская» Василия Татищева. М.; К., 2005.

Толочко А. П. «Воображенная народность» // *Ruthenica*. К., 2002. I. С. 112–117.

Толочко А. П. Известен ли год рождения Данила Романовича Галицкого? // *Средневековая Русь*. М., 2007. Вып. 7. С. 221–236.

Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. К., 1992.

Толочко А. П. О времени создания Киевского свода «1200 г.» // *Ruthenica*. К., 2006. V. С. 73–87.

Толочко А. П. О галицком боярине Жирославе, его венце и убожестве // *Ruthenica*. К., 2006. V. С. 252–256.

Толочко А. П. Одна заимствованная формула в Галицко-Волынской летописи // *Ruthenica*. К., 2006. V. С. 256–257.

Толочко А. П. О хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи // *Palaeoslavica*. Cambridge, Massachusetts, 2005. Vol. XIII, no. 1. P. 81–108.

Толочко А. П. Похвала или Житие? (Между текстологией и идеологией княжеских панегириков в древнерусском летописании) // *Palaeoslavica*. Cambridge, Massachusetts, 1999. Vol. VII. P. 26–38.

Толочко О. «Образ чужинця» в картині світу домонгольської Русі // *Mediaevalia Ucrainica*. Ментальність та історія ідей. К., 1992. Т. I. С. 26–46.

Толочко О. Смерть митрополита Константина (До розуміння давньоруської моделі святості) // *Mediaevalia Ucrainica*. Ментальність та історія ідей. К., 1993. Т. II. С. 30–48.

Толочко О. П. Замітки з історичної топографії домонгольського Києва // *Київська Старовина*. 2000. № 5. С. 144–163.

Толочко О. П., Толочко П. П. Київська Русь. К., 1998.

Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. К., 1989.

Толочко П. П. Историчні портрети. К., 1990.

Толочко П. П. Киев и Киевская земля в период феодальной раздробленности XII–XIII вв. К., 1980.

Толочко П. П. Киев и Новгород в XII – начале XIII вв. в новгородском летописании // *Великий Новгород в истории средневековой Европы*. М., 1999. С. 171–179.

Толочко П. П. Киевская земля // *Древнерусские княжества X–XIII вв.* М., 1975. С. 5–56.

Толочко П. П. О социально-топографической структуре древнего Киева и древнерусских городов // *Археологические исследования Киева 1978–1983 гг.* К., 1985. С. 5–19.

Тот И. Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI – начале XII вв. София, 1985.

Троицкий хронограф. РГБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры. Ф. 304. I. № 728.

Тълкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996.

Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. М., 1989.

Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) // Ученые записки ЛГПИ. Л., 1949. Т. 80.

Филитов А. История русского права. М.; Юрьев, 1905. Ч. 1.

Филюшкин А. И. Понятие «измены городу» в средневековой Руси // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее Новое время (XI–XVIII вв.). М., 2001. С. 197–205.

Флоря Б. Н. «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII–XIII вв. // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 66–79.

Фонт М. «Житие» Даниила Романовича // Тезисы Международной конференции, посвященной 750-летию коронации князя Даниила Романовича и 700-летию создания Галицкой митрополии. Львов, 8–9 ноября 2003 г. (в печати).

Франчук В. Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. К., 1986.

Франчук В. Ю. Тема Ігоря Ольговича Чернігівського в давньоруському літописанні, Любецький з'їзд князів 1097 р. в історичній долі Київської Русі. Чернігів, 1997. С. 42–47.

Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.

Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Фроянов И. Я. Мятельный Новгород. СПб., 1992.

Фроянов И. Я. Об отношениях Новгорода с князем Всеволодом и народных волнениях 1209 г. // Генезис и развитие феодализма. Л., 1988. Вып. 11. С. 41–70.

Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 198–311.

Хорошев А. Новгородская Святая София и псковская Святая Троица по летописным данным (из истории местных патрональных культов) // *Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей.* К., 1998. Т. V. С. 5–15.

Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.

Хорошкевич А. Л. Городские движения на Руси 2 пол. XIII –к. XVI в. // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 38–47.

Хорошкевич А. Л. Монголы и Новгород в 50 гг. XIII в. (по данным берестяных грамот № 215 и 218) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 69–73.

Хорошкевич А. Л. О происхождении текста древнейших новгородско-готландско-немецких договоров конца XII и середины XIII в. // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 128–134.

- Хорошкевич А. Л., Плигузов А. И.* Русь XIII ст. в книге Дж. Феннела // Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. М., 1989. С. 3–21.
- Хронограф Виленский. Библиотека АН Литвы. F19–109/1.
- Цейтлин Р. М.* Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв. София, 1986.
- Цыб С. В.* Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». Барнаул, 1995.
- Чебанова Е. И.* «300 золотых поясов»: проблемы интерпретации термина // Проблемы социального и гуманитарного знания. СПб., 1999. С. 166–182.
- Черепнин Л. В.* К вопросу о характере и форме древнерусского государства X – нач. XIII в. // Исторические записки. 1972. Т. 89. С. 389–401.
- Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в древней Руси и «Русская Правда» // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 128–278.
- Черепнин Л. В.* Пути и формы политического развития русских земель XII – начала XIII в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразие в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974. С. 23–50.
- Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.
- Шахматов А. А.* Повесть временных лет. СПб., 1916. Т. 1.
- Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Л., 1940. Т. IV. С. 11–150.
- Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Шибяев М. А.* Летописные источники Еллинского летописца второго вида // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2004. С. 187–204.
- Шибяев М. А.* Редакторские приемы составителя Софийской I летописи // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. СПб., 2000. Вып. 3. С. 368–394.
- Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990.
- Щавелева Н. И.* Тенденциозность средневековой историографии (на примере хроники Винченца Кадлубка) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 158–167.
- Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
- Щапов Я. Н.* Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXVIII. С. 47–59.
- Щигел Р.* Проблеми урбанізації Центральної Європи у XII–XVI ст. // Проблеми слов'язнознавства. Львів, 1990. Вып. 42. С. 16–24.

Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.

Янин В. Л. Грамота Святослава Ольговича 1137 г. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 243–251.

Янин В. Л. Заметки о комплексе документов смоленской епархии XII в. // Отечественная история. 1996, № 4. С. 104–120.

Янин В. Л. Из истории высших государственных должностей в Новгороде // Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 136–149.

Янин В. Л. Из истории землевладения в Новгороде XII в. // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 313–324.

Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники 1980. М., 1981. С. 153–181.

Янин В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // ТОДРЛ. Л., 1960. Т. XVI. С. 112–131.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962 (2-е изд. М., 2003).

Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР. 1970. № 1. С. 44–54.

Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. Л., 1982. Вып. 1. С. 79–95.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Т. X. М., 2000.

Яцимирский А. И. Южно-славянские списки XIV в. Проложного сказания о князе Мстиславе // ИОРЯС. Пг., 1916. Т. XXI. Кн. 1. С. 192–261.

- An Early Slavonic Psalter from Rus' / Ed. Moshé Altbauer and Horace G. Lunt. Cambridge, Massachusetts, 1971. Vol. 1.
- Banaszkiewicz J.* Polskie dzieje bajeczne mistra Wincentego Kadłubka. Wrocław, 1998.
- Berkhofer R. F.* Beyond the Great Story. History as Text and Discourse. Cambridge and London, 1995.
- Brown T. S.* Urban Violence in Early Medieval Italy: the Cases of Rome and Ravenna // Violence and Society in the Early Medieval West, ed. Guy Halsall. Woodbridge, 1998. P. 73–86.
- Brown W.* Unjust Seizure. Conflict, Interest and Authority in an Early Medieval Society. Ithaca and London, 2001.
- Dąbrowski D.* Czy Jan Długosz pisząc siódmą księgę “Annalium” korzystał z Kroniki Halicko – Wołyńskiej lub źródła jej pokrewnego? // Ruthenica. K., 2004. III. C. 150–185.
- Dalewski Z.* Rytuał i polityka. Opowieść Galla Anonima o konflikcie Bolesława Krzywoustego ze Zbigniewem. Warszawa, 2005.
- Deptuła C.* Galla Anonima mit genezy Polski. Studium z historiozofii i hermeneutyki symboli dziejopisarstwa średniowiecznego. Lublin, 2000.
- Dimnik M.* The Dynasty of Chernigov. 1054–1146. Toronto, 1994.
- Grafton A.* The Footnote. A Curious History. Cambridge (Massachusetts), 1998.
- Granberg J.* Veche in the Chroniclers of Medieval Rus': A Study of Functions and Terminology. Göteborg, 2004.
- Grzeziak R.* Kronika Węgiersko-polska. Poznań, 1999.
- Halsall G.* Warfare and Society in the Barbarian West, 400–900. London and New York, 2003.
- Hansack E.* Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien in kirchenslavischer Übersetzung. Bd. 2. Sofia, 1980 [Monumenta linguae slavicae dialecti veteris fontes et dissertationes. T. XIII (X, 2)].
- Hicks M.* Bastard Feudalism. London and New York, 1995.
- Ioannis M.* Chronographia. [Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. XXXV. Ed. H.-G. Bech, A. Kambylis, R. Keydell. Berolini, Novi Eboraci, 2000.]
- Ludat H.* Pojęcie “miasto” v Europie Wschodniej. Przyczynek do dyskusji // In: Ludat Herbert, Słowanie – Niemcy – Europa. Wybór prac. Marburg–Poznań, 2000. S. 154–168.
- Michałowski R.* Otto III w obliczu ideowego wyzwania: monarcha jako wizerunek Chrystusa // Człowiek w społeczeństwie średniowiecznym. Warszawa, 1997. S. 57–72.
- Mink L. O.* Narrative Form as Cognitive Instrument // The Writing of History: Literary Form and Historical Understanding / Ed. Robert H. Canary and Henry Cozicki. Medison (Wis.), 1978. P. 129–151.
- Nelson J. L.* Violence in Carolingian World and the Ritualization of Ninth-Century Warfare // Violence and Society in the Early Medieval West. Woodbridge, 1998. P. 91–103.

Nicetae Choniatae. Historia, recensuit Ioannes Aloysius van Dieten. Berolini et Novi Eboraci, 1975. [Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. XI/1. Series Berolinensis. Ed. H.-G. Beck, A. Kambylis, R. Keydell.]

Olabari I. "New" New History: a Long Duree Structure // History and Theory. 1995. Vol. 34, no. 1. P. 2–18.

Petrauskas R. Lithuanian nobility in late 14th and 15th centuries // Lithuanian historical studies. Vilnius, 2002. VII. S. 1–22.

Podskalsky G. Principal Aspects and Problems of Theology in Kievan Rus' // Harvard Ukrainian Studies. 1987. Vol. XI, no. 3/4. P. 270–286.

Reuter T. The End of Carolingian Military Expansion // Charlemagne's Heir. New Perspectives on the Reign of Louis the Pious / Ed. Godman T., Collins R. J. H. Oxford, 1990. P. 391–405.

Reynolds S. Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford and New York, 1996.

Rituals of Royalty. Power and Ceremonial in Traditional Societies / Ed. D. Cannadine and S. Price. Cambridge, 1987.

Schmidt K. R. Soziale terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Kopenhagen, 1964.

Spigel G. M. The Past as Text. The Theory and Practice of Medieval Historiography. Baltimore and London, 1998.

The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis. Ed. Donald Ostrowski. [Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Vol. X. P. 1–3 (Cambridge, Massachusetts, 2003).]

Timberlake A. Older and Younger Recensions of the First Novgorod Chronicle // Oxford Slavonic Papers. New series. Vol. XXXIII. Oxford, 2000. P. 1–35.

Timberlake A. Redactions of the Primary Chronicle // Русский язык в научном освещении. М., 2001. № 1. С. 196–218.

Timberlake A. «Не преступати предѣла братня»: The Entries of 1054 and 1073 in the Kiev Chronicle // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 97–112.

Tolochko O. Problems of the Rurikids and Sacral Legitimization, Monotheistic Kingship. The Medieval Variants, ed. Aziz al-Azmeh, Janos M. Bak. Budapest, 2004. S. 249–268.

Trakowski S. Monarcha wobec ludu w świetle Kroniki mistrza Wincentego // Człowiek w społeczeństwie średniowiecznym. Warszawa, 1997. S. 364–378.

Waldman M. R. "The Otherwise Unnoteworthy Year 711": a Reply to Hayden White // On Narrative, ed. W. J. T. Mitchell. Chicago and London, 1981. P. 240–254.

White H. Droysen's Historic: Historical Writing as a Bourgeois Science // White H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, 1987. P. 83–103.

White H. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth Century Europe. Baltimore and London, 1973.

White H. The Value of Narrativity in the Representation of Reality //
White H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical
Representation. Baltimore, 1987. P. 4–25.

Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und
Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče.
Wiesbaden, 1967.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А	Московско-Академический список
ГА	Хроника Георгия Амартола; Истрин В. М. <i>Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе</i> . Т. 1. Текст. Пг., 1920.
ДГ	Древнейшие государства на территории СССР; Древнейшие государства Восточной Европы
И	Ипатьевский список
ИОРЯС	Известия отделения русского языка и словесности
Ипат	Ипатьевская летопись
Л	Лаврентьевский список
Лавр	Лаврентьевская летопись
ЛПС	Летописец Переяславля-Суздальского
МЛС	Московский летописный свод конца XV в.
НІ	<i>Новгородская летопись старшего и младшего изводов</i> . М.; Л., 1950.
НІV	Новгородская четвертая летопись
НБУ	Национальная библиотека Украины
НИС	Новгородский исторический сборник
НПЛ	Новгородская первая летопись
НПЛ мл. ред.	Новгородская первая летопись младшей редакции
НПЛ старш. ред.	Новгородская первая летопись старшей редакции
ПВЛ	Повесть временных лет
ПП	<i>Памятники русского права</i> . М., 1952.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
Р	Радзивилловский список
СДРЯ	<i>Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. в 10 т.</i>
Сим-Тр	Симеоновско-Троицкая группа летописей
ТОДРЛ	Труды отдела древнерусской литературы (Пушкинский Дом)
Тр	Троицкая летопись
УІЖ	Український історичний журнал
Хл	Хлебниковский список

‘LUDIE’ (PEOPLE) AND PRINCE IN CONSTRUCTIONS OF 11th–13th CENTURY CHRONICLERS

The book explores the relationships between people and prince in Rus', studying the phenomenon of popular assemblies (“veche”). The author focuses on defining the descriptive principles used by the sources when depicting interactions between “people” and prince, and examines these through the prism of the chroniclers’ attitudes and narrative constructions. Attempts at recovering the historical reality behind the texts are also made, with a discussion of the social composition and competence of popular assemblies.

The first chapter surveys aspects of “social” terminology inherent in descriptions of popular unrest in the pre-Mongol narrative sources. The term “veche” and its range of meanings are examined, as are the correlations between the direct accounts of “veche” and indirect allusions to comparable situations. Specific usage of terms in the early chronicle compilations (*Laurentian*, *Hypatian*, and the *Novgorod first* chronicles) is scrutinized, including such terms as “liudie”, “narod”, “ves grad”, “druzhina”, “sbor”, boyare”, and “ot mala i do velika”, and this usage is analyzed against the background of similar terminology present in the Slavonic translations of Scripture, Byzantine chronographic literature, and hagiography. The author stresses that “social” terminology is fluid and lacks fixed meaning in accounts of popular assemblies.

The second chapter (“Narrative modeling in the parallel chronicle accounts”) treats the parallel accounts of conflict situations (i. e. accounts of the same conflict in two or more chronicles) and demonstrates that chronicles do not mirror the historical facts of political and social life. A sample consisting of several dozen parallel accounts enables the identification of three narrative models that guide the chronicles’ presentation: “exoneration or disapproval of a prince”, “conflicts with a prince” and “profile of a prince”. Variations in narration found in the parallel accounts are not random: a series of accounts reveals stable complexes of basic narrative elements (formants). The first two models (“exoneration or disapproval of a prince” and “conflicts with a prince”) exist in two basic versions: one that justifies and one that disapproves of a ruler. At times, these are complemented by the “neutral” version. These two versions mirror each other: formants with positive attributes are being substituted for the formants with negative attributes. For instance, the passivity of a character in one account corresponds to his active role in another; a positive profile is contrasted with a negative one. In two of the models, the chroniclers note disturbances of the “people” only if the exoneration of a prince and his conduct is intended. The general behavior of the town dwellers thus depends on the “pluses” and “minuses” set by the narrative.

The third chapter (“Composition and competence of the ‘veche’”) attempts to outline the competence resulting from the social composition of popular assemblies. Given the limitations imposed by surviving records and the narrative nature of the sources – the nomenclature of social categories is situational and artificial, and the chroniclers are often inclined to manipulate accounts of unrest – the author discusses potential ways of solving the issue of the composition of the “veche” and its competence. Unfortunately, the social composition, the number of participants, and the frequency of the assemblies are all but impossible to establish with any precision. Nevertheless, this bleak outlook is balanced by some positive inferences: one may assume that “veche” (participants in the assembly) and “druzhyna” (the princely retinue) were not isolated groups. It would appear that in times of social stability, these groups included the same individuals, embodying the society’s social elite. The groups only split when two leaders (princes) challenge each other and compete for the popular mandate. Furthermore, designations of large groups are used in the sources as substitutes for minor ones and vice versa. As a result, a prince or several high-ranking lords may represent “the whole realm”. On the other hand, when the chronicler was tasked with concealing the prince’s reprehensible conduct, “people” may stand for a few individuals of high rank.

The last chapter summarizes the chroniclers’ notions of interaction between the ruler and his people. Among the principal findings: in virtually all descriptions of “popular” activity, the chronicler nevertheless focuses on a prince as the central element of the narration; the notions of just and unjust popular assemblies depend on judgments concerning the “loyalty” and “disloyalty” shown by “people” to a ruler; the “veche” theme in the chronicles is marked by anxiety – for these are the moments of discontent that break the bond between the ruler and the people. The surviving records lack authentic statements about “veche” that would enable the recovery of the chroniclers’ attitudes toward popular assemblies. Only the parallel texts, in which the chroniclers’ notions make up the structural core of the narration, enable the retrieval of the ancient authors’ attitudes.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. «Социальная» терминология летописей	19
ГЛАВА 2. Нарративное конструирование в параллельных сюжетах летописных сводов	113
ГЛАВА 3. Состав и функции веча	226
ГЛАВА 4. Представления древнерусского времени о взаимоотношениях народа и правителя	325
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	352
Именной и географический указатель	355
Библиография	382
Список сокращений	404
Summary	405

Татьяна Леонидовна Вилкул

ЛЮДИ И КНЯЗЬ
в древнерусских летописях
середины XI–XIII вв.

Художественный редактор *А. Ю. Никулин*
Корректоры *Л. С. Барышникова*
Верстка *Н. А. Шакиров*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 25,5. Тираж 1000

Издательство «Квадрига»
Издатель С. Т. Корнеев

ISBN 978-5-91791-018-5